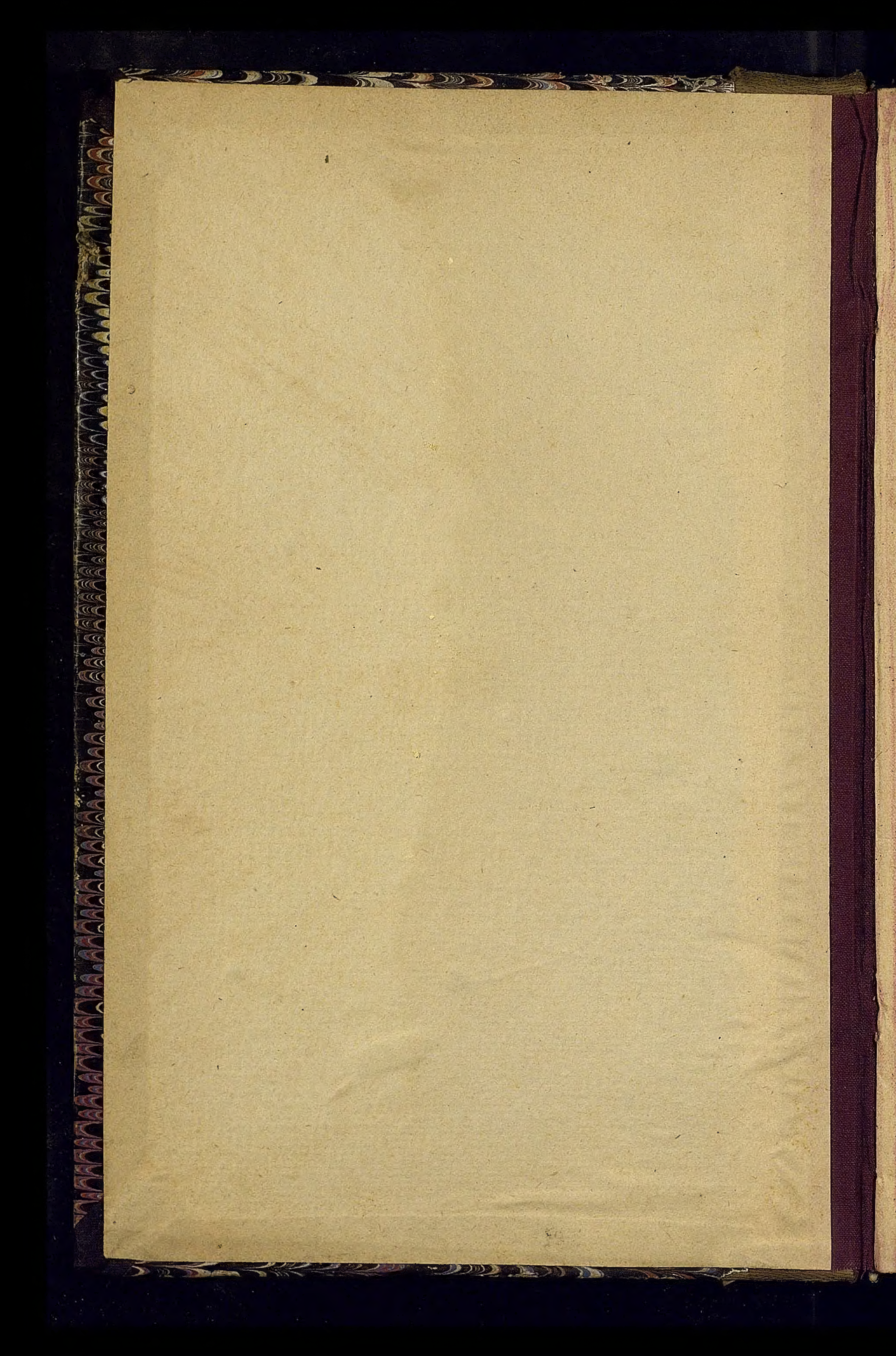




ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLIX. — ТОМЪ CCLXXXIX. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1885.

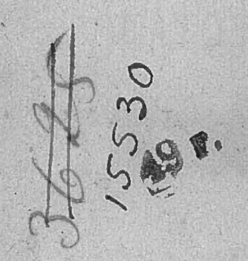
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ



ТОМЪ V

Сентябрь

РЕДАКЦІЯ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1885



(1060)



РЕФОРМАЦІЯ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦЯ ВЪ ПОЛЬШѢ

III*).

Внутренняя политика въ Польшѣ и реформація въ другихъ странахъ.

Политическая сторона польской реформаціи. — Борьба шляхты съ духовенствомъ. — Сеймы между 1552 и 1565 годами. — Протестантскіе послы на этихъ сеймахъ. — Политическія партіи въ Польшѣ по представленію Шуйскаго. — „Направа Рѣчи Посполитой“ и „Экзекуція правъ“. — Заключеніе отъ причинъ къ слѣдствіямъ. — Сравненіе польской реформаціи съ нѣмецкой и французской. — Королевскія реформаціи въ скандинавскихъ государствахъ. — Дорога Генриха VIII. — Католическая реакція въ Польшѣ и въ Испаніи.

Отрицая за внѣшнимъ положеніемъ польской націи и государства по отношенію къ католической церкви и римской куріи особое вліяніе на возникновеніе и развитіе протестантизма въ Рѣчи Посполитой, не обнаруживая ни малѣйшаго признака религіознаго броженія въ народныхъ массахъ, не видя никакихъ особенныхъ поводовъ къ тому, чтобы королевская власть могла серьезно столкнуться съ апостольскимъ престоломъ, мы, кромѣ причинъ реформаціи, лежавшихъ въ степени и характерѣ умственнаго развитія польской шляхты, главное вниманіе должны обратить на борьбу между „рыцарствомъ“ и клиромъ за преобладаніе

---

[1]) См. выше: августъ, стр. 523.

въ государствѣ. Борьба эта замѣчательна по своей продолжительности и по своей напряженности. Начало ея нужно отнести къ концу XIV вѣка; наибольшей силы достигла она во второй половинѣ XVI столѣтія. Въ исторіи мы постоянно имѣемъ дѣло съ воздѣйствіемъ слѣдствій на причины, взаимодѣйствіемъ общественныхъ движеній, имѣвшихъ вначалѣ разные источники. Такъ было и здѣсь: ненависть шляхты къ духовенству, о которой говоритъ въ серединѣ XV в. Янъ Остророгъ, способствовала подчиненію шляхты анти-клерикальнымъ вліяніямъ гуситства, гуманизма, протестантизма, и въ свою очередь новыя идеи, которыя приносило съ собою каждое изъ этихъ движеній, только подливали масла въ огонь, обостряли борьбу, давали ей руководящіе принципы и привлекали къ старымъ предметамъ спора новые и новые. Но во всякомъ случаѣ самая борьба шляхты противъ духовенства — въ польской исторіи явленіе болѣе старое, нежели гуситскія, гуманистическія, а тѣмъ болѣе протестантскія вліянія. Если однако не реформація вызвала эту борьбу и скорѣе сама была отчасти и въ весьма значительной мѣрѣ ею вызвана, то съ другой стороны едва ли произошло бы такое обостреніе во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ сословій, какое мы видимъ на сеймахъ середины XVI в., именно безъ особаго вліянія протестантизма. А это очень важно: во внутренней политикѣ Польши были другіе вопросы, которые стали бы, конечно, иначе рѣшаться, не будь этого взаимнаго ожесточенія между епископами, засѣдавшими въ сенатѣ, и „послами“ шляхты, собиравшимися на сеймы; и такого ожесточенія не было бы, не произойди въ обществѣ религіознаго раскола, какъ бы равнодушно ни относились епископы къ „ереси“ и какъ ни мало было настоящаго религіознаго одушевленія въ протестантской шляхтѣ. Во внутренней исторіи Польши борьба эта имѣла громадное значеніе: она была одной изъ причинъ реформаціи со всѣми ея слѣдствіями, она осложняла рѣшеніе вопроса о „направѣ Рѣчи Посполитой“, она съуживала постановку религіознаго вопроса, имѣвшаго и другіе raisons d'être, она заслоняла болѣе важные для всего бытія государства интересы. Сословный характеръ польскаго протестантизма, объясняющійся изъ того направленія, которое приняла вся дѣятельность шляхты, и столкновеніе двухъ сословій, отодвигавшее на задній планъ рѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ съ обще-политическимъ значеніемъ, стоятъ въ связи между собою и опредѣляютъ направленіе внутренней политики Рѣчи Посполитой. Мы видѣли, что въ реформаціонномъ движеніи XVI в., кромѣ элементовъ религіознаго протеста противъ католицизма и причинъ оппозиціи

противъ куріи и клира изъ-за чисто мірскихъ побужденій, была и чисто политическая или соціальная сторона. То же было и въ Польшѣ, такъ какъ реформаціонное движеніе совпало здѣсь съ эпохой разложенія средневѣковаго строя Польши, когда она должна была выработать себѣ новую политическую организацію: должны были опредѣлиться взаимныя отношенія королевской власти, „можновладства“ и шляхетскихъ сеймовъ, и это могло бы произойти при помощи реформаціи, но вышло такъ, что реформація, принявъ характеръ сословной борьбы между шляхтой и духовенствомъ, скорѣе только мѣшала, чѣмъ помогала. Католическіе историки вольны видѣть въ этомъ печать проклятія, лежащую на протестантизмѣ вообще, но на самомъ дѣлѣ реформація для политической жизни народовъ имѣла самыя разнообразныя слѣдствія, смотря по своему характеру и по обстоятельствамъ, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Съ другой стороны, сочувствіе безпристрастнаго, но не безстрастнаго историка къ прогрессивнымъ сторонамъ европейской реформаціи XVI вѣка, которую протестантскіе писатели не въ мѣру восхваляютъ, приписывая ей всякое добро въ жизни народовъ, не должно отуманивать взгляда историка передъ тѣми явленіями, въ коихъ реформація, принявъ извѣстный характеръ и попавъ въ извѣстныя условія, въ одномъ какомъ-либо отношеніи или во многихъ мѣшала націи и государству идти по правильному историческому пути.

Польская реформація не вытекала изъ причинъ національно-политическихъ и прошла безслѣдно для „направы Рѣчи Посполитой“: она возникала въ антагонизмѣ двухъ привилегированныхъ сословій и способствовала только установленію между ними дальнѣйшаго modus vivendi. Въ исторіи связь ея съ „направой Рѣчи Посполитой“, вопросъ о которой былъ давно уже поставленъ и былъ предметомъ извѣстнаго намъ трактата Яна Остророга изъ середины XV в., была болѣе внѣшняя; во внутренней связи реформаціонное движеніе находилось съ борьбою между шляхтой и духовенствомъ, которая, какъ мы сказали, началась въ концѣ XIV в. и тянулась потомъ черезъ весь XV и XVI вѣка [1]). Первый серьезный споръ возникъ изъ-за десятины, которая и въ другихъ странахъ служила поводомъ къ недоразумѣніямъ между землевладѣльцами и духовными лицами, собиравшими этотъ на-

[1]) Изъ общихъ историковъ польской реформаціи на эту борьбу обратили особое вниманіе Закржевскій (для XVI в.) и особенно Любовичъ (и для болѣе ранней эпохи, стр. 25—42). См. также Romanowski: Otia Cornicensia, и мою статью „Борьба шляхты съ духовенствомъ на польскихъ сеймахъ середины XVI в.“, написанную на основаніи сеймовыхъ дневниковъ, или діаріевъ („Юридич. Вѣстн.“ 1881).

логъ въ пользу церкви. Кромѣ того, и по поводу компетенціи церковнаго суда происходили недоразумѣнія. Въ серединѣ XIV в. все это было улажено, по крайней мѣрѣ, въ Малой Польшѣ полюбовнымъ соглашеніемъ между шляхтой и духовенствомъ, но оно не вошло въ жизненную практику, и недоразумѣнія постоянно возобновлялись. Въ началѣ XV в. шляхта дѣлаетъ первую попытку провести принципъ вольности и въ свои отношенія къ клиру: піотрковскій съѣздъ 1406 г. постановляетъ о „вольной десятинѣ“ (decima libera), т.-е. о правѣ шляхтича отдавать десятину такому духовному лицу, какому заблагоразсудитъ, и о подчиненіи тяжбъ изъ-за десятины „земскому“, а не церковному суду; далѣе, по тому же рѣшенію шляхты, духовное лицо, добившееся отлученія неплательщика отъ церкви, должно было судиться въ „земскомъ“ судѣ и приговариваться къ возмѣщенію проторей и убытковъ, опредѣлялась компетенція церковнаго суда, запрещалось переносить процессы къ папской куріи. Мы обращаемъ вниманіе читателя на эти вопросы, поднятые въ началѣ XV в., на сеймахъ середины слѣдующаго столѣтія, т.-е. черезъ полтора вѣка, опять рѣчь идетъ о десятинахъ, объ отлученіи отъ церкви, о духовномъ судѣ, объ апелляціяхъ въ Римъ. Піотрковскія постановленія 1406 г. имѣли характеръ частнаго соглашенія шляхты, законной силы они не имѣли, раздоры не прекращались, шляхта дѣлалась все притязательнѣе и не хотѣла вообще уплачивать десятинъ; и происходятъ въ первой половинѣ XV в. съѣзды представителей обоихъ сословій для обоюднаго соглашенія по спорнымъ пунктамъ, да и Казиміръ Ягеллончикъ дѣлаетъ попытки какъ-нибудь прекратить вражду двухъ сословій, перешедшую, по свидѣтельству Яна Остророга, въ настоящую ненависть. Съ середины этого столѣтія съѣзды враждующихъ сторонъ прекратились. Шляхта раздѣляетъ взглядъ на десятину, высказанный Яномъ Остророгомъ, не платитъ десятины, обходится грубо и дерзко съ лицами, привозящими ей вызовы въ духовный судъ, не является по этимъ вызовамъ и не обращаетъ вниманія на отлученія отъ церкви. По эдикту Ягеллы отъ 1433 г. отлученный отъ церкви и не примирившійся съ нею въ теченіе года, лишался своего имѣнія, но королевскіе старосты не исполняли этого эдикта, стремясь постоянно переизслѣдовать чуть не каждое дѣло, по которому къ нимъ обращалась духовная власть. Получивъ привилегію судиться только королемъ и панами его „рады“ по всѣмъ дѣламъ, касающимся чести и имѣнія, имѣя эдикты королевскіе, ограждавшіе отъ произвольныхъ ареста и конфискаціи имуществъ каждаго шляхтича, шляхта не сносила существованія суда объ ереси,

имѣвшаго право, по королевскимъ же эдиктамъ, изданнымъ противъ гуситства, приговаривать къ безчестію и конфискаціи. Другая причина раздоровъ была та, что духовенство за свои земли не несло воинской повинности и только уплачивало въ случаѣ войны имъ же самимъ опредѣленный „donum charitativum“: до середины XV в. шляхта довольствовалась этимъ, но теперь она дѣлаетъ попытку сложить съ себя на духовенство часть бремени военныхъ расходовъ и на неуступчивость клира отвѣчаетъ грабежомъ церковныхъ имѣній, дозволяя такія опустошенія производить и наемнымъ войскамъ. Такъ какъ все это сильно раздражало шляхту, явившуюся къ началу XVI вѣка во всеоружіи своихъ правъ и привилегій, то среди нея рождалась и зрѣла мысль совсѣмъ сломить могущество клира. Не-шляхтичъ не имѣлъ владѣнія землей на „земскомъ правѣ“: у духовенства тоже можно было отобрать его имѣнія и обратить ихъ на государственныя нужды. На сеймахъ не было иныхъ сословій, кромѣ шляхты, но почему не устранить и изъ королевской „рады“ засѣдавшихъ тамъ духовныхъ сенаторовъ? Это, дѣйствительно, было послѣдовательно: зачѣмъ еще эта преграда для вольнолюбивыхъ и властолюбивыхъ стремленій шляхты? Ненависть ея къ клиру, упоминаемая въ серединѣ XV в. Яномъ Остророгомъ, въ началѣ XVI в. выразилась во „всеобщемъ крикѣ“ (clamor communis), раздавшемся, по выраженію короля Александра, на сеймѣ 1505 г. противъ привлеченія духовенствомъ къ своему суду свѣтскихъ людей по свѣтскимъ же дѣламъ; а лѣтъ черезъ пятьдесятъ католическая іерархія въ Польшѣ совершенно основательно объясняла явившемуся къ ней на выручку папскому послу, что одна изъ причинъ успѣховъ ереси—въ „постоянной и давнишней враждѣ свѣтскихъ къ клиру, которой конца не будетъ, будь даже духовенство самаго безупречнаго поведенія“. Съ своей стороны, и іерархія дѣлала захваты. Лэнчицкій синодъ 1542 г., опредѣляя компетенцію духовной юрисдикціи, подчинилъ ей много дѣлъ, выходившихъ раньше изъ ея области, и сеймъ 1543 г. принялъ синодальное постановленіе въ число своихъ „конституцій“ только на годъ или вообще до слѣдующаго сейма.

Реформаціонное движеніе въ Польшѣ началось, какъ увидимъ, съ конца сороковыхъ годовъ XVI в., и вопросъ о церковномъ судѣ „de haeresi“ съ его важными гражданскими послѣдствіями получаетъ новое значеніе; но не слѣдуетъ думать, что только реформація вызвала оппозицію противъ духовной юрисдикціи. Въ 1550 г. протестантовъ было мало, а между тѣмъ сеймъ этого года въ Піотрковѣ просилъ короля, чтобы дѣла по ереси судилъ

„сеймъ вольный“, такъ какъ подъ однимъ государемъ не должно быть двухъ разныхъ правъ, а на сеймикахъ слѣдующаго года выбраннымъ посламъ давали наказъ добиваться полнаго снесенія духовной юрисдикціи, и въ томъ же году цесарскій посланникъ Герберштейнъ писалъ о стремленіи шляхты къ религіознымъ новшествамъ „не столько изъ-за заботъ о христіанскомъ благочестіи, сколько изъ желанія досадить духовному сословію“. Это извѣстіе подтверждается одной иностранной реляціей отъ 1565 г.: когда говорятъ о необходимости избѣгать религіозныхъ новшествъ, многіе католики охотно слушаютъ эти рѣчи; число католиковъ уменьшается, когда заговорятъ о необходимости сохранить привилегіи и юрисдикцію духовенства,—такъ ненавидятъ духовенство за его продажные, корыстолюбивые и злобные суды,—а зайди рѣчь о свободѣ клира отъ налоговъ, о десятинахъ и т. п., и никто почти не будетъ католикомъ. Вотъ почему съ 1552 г. на сеймахъ появляется масса протестантскихъ пословъ: ихъ посылаетъ и католическая ихъ братія, какъ главныхъ борцовъ за шляхетскую вольность противъ клира, а когда борьбѣ въ ея острой формѣ пришелъ конецъ, и протестантская шляхта теряетъ свою силу въ „посольской избѣ“.—Разсмотримъ вкратцѣ ходъ дѣла на сеймахъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ XVI в., въ эпоху развитія польскаго протестантизма, выдѣляя вопросъ религіозный.

Піотрковскій сеймъ 1552 г. заявляетъ королю, что займется дѣлами государства только по устраненіи обидъ, чинимыхъ шляхтѣ духовенствомъ, и главный ораторъ (католикъ) доказывалъ тутъ, что церковный судъ противорѣчитъ привилегіи шляхты судиться въ уголовныхъ дѣлахъ только по польскому праву судомъ короля и сената. Послы и епископы пришли къ компромиссу: дѣйствіе духовной юрисдикціи пріостанавливалось на годъ, а шляхта должна была аккуратно выплачивать десятину. Сначала епископы предлагали, впрочемъ, изъять одну шляхту, но послѣдняя не хотѣла, чтобы и ея „подданные“ были въ чужой власти. Для Рѣчи Посполитой,—говоритъ Герберштейнъ,—ничего здѣсь предпринято не было, „ибо свѣтское сословіе дворянства препиралось только съ церковнымъ сословіемъ духовныхъ“.

На сеймѣ 1553 г. послы жалуются, что „духовное сословіе укоротило всю Рѣчь Посполитую“, не платитъ налоговъ и т. п., —и возобновляютъ просьбу объ единомъ судѣ, указывая на то, что одна привилегія, данная королемъ духовенству, есть „прелюдія“ къ упадку шляхетскихъ вольностей, „ибо ни одно великое зданіе сразу не падаетъ, а должно быть сначала разрушаемо по кускамъ“.

Піотрковскій сеймъ 1555 г. состоялъ изъ протестантовъ, которымъ шляхта дала наказъ ничѣмъ не заниматься до рѣшенія спора. Опять взаимныя пререканія духовенства и пословъ. Послѣдніе жалуются на то, что духовные „утѣсняютъ всѣ сословія и свободно бросаются на шляхетскую честь“, отнимаютъ дѣвокъ у своихъ „подданныхъ“ и т. п.; ксендзы присуждаютъ къ лишенію жизни, чести и имущества своимъ „чужеземнымъ обычаемъ“ и не уважая „короннаго права“, отдающаго такія дѣла королю, да и то „на вольномъ сеймѣ съ ихъ милостями радами“,—они, значитъ, забираютъ то, что̀ принадлежитъ его королевской милости. Епископы видѣли признакъ подчиненности шляхты въ томъ, что, являясь къ королю, земскіе послы становились у дверей, а шляхта отвѣчала, что она чрезъ эти двери попадаетъ и на мѣста въ королевской „радѣ“, и что епископы лучше бы совѣтовали, если бы входили въ сенатъ чрезъ эти двери, а не какъ-нибудь иначе. Сеймъ окончился самовольнымъ разъѣздомъ пословъ по домамъ, такъ какъ они видѣли, что король хлопочетъ только о податяхъ.

На варшавскомъ сеймѣ 1556 г. раздаются старыя жалобы. „Духовенство,—говорила шляхта королю,—нападаетъ по законамъ не нашимъ, которыхъ мы не знаемъ, на шляхетскую честь и на вольности наши, равняясь своею властью, которой мы не признаемъ, величеству вашей королевской милости... Удивительная вещь, и кто же когда-либо такъ дѣлалъ? Приказывать: молчи и терпи все, что̀ я хочу, да еще похваливай то, что̀ я дѣлаю! Неслыханное это дѣло между хорошими и честными людьми. Тиранамъ это только прилично, которые soluti legibus говорятъ: sit pro ratione voluntas“. Свою „неволю“ шляхта считала хуже неволи египетской. Дѣло было отложено до слѣдующаго сейма.

Въ программу піотрковскаго сейма 1558—9 г. вошло разсмотрѣть привилегіи духовенства, насколько онѣ противорѣчили общему праву. Здѣсь, между прочимъ, однимъ изъ протестантовъ сказана была замѣчательная рѣчь, подводившая итоги подъ всѣми жалобами на клиръ: 1) спеціальная присяга епископовъ папѣ опасна, дозволяя ему вмѣшиваться черезъ нихъ въ дѣла государства, что̀ особенно важно въ случаѣ избранія короля; 2) привилегіи духовенства опасны для общественной свободы, ибо противъ первой статьи шляхетской вольности о личной неприкосновенности шляхтича безъ законнаго суда ксендзы сочинили свою о выдачѣ епископу всякаго, совершившаго надъ клирикомъ насиліе; противъ второй статьи, ограждающей имѣніе шляхтича отъ произвольной конфискаціи, сочинили другую, по которой имѣніе отлученнаго отъ церкви хотя бы за похищеніе десятины,

какого бы чина онъ ни былъ, движимое и недвижимое, какое у него будетъ, забирается старостою, а противъ третьей,—обѣщанія короля ничего не постановлять безъ совѣта сената и согласія земскихъ пословъ,—выставили запрещеніе отлученному отъ церкви быть даже свидѣтелемъ на судѣ (собственно говоря, третьему „артикулу" нужно было противопоставить нѣкоторые эдикты и грамоты, выхлопотанные клиромъ у короля безъ согласія сейма; ораторъ такъ и сдѣлалъ, повторяя свои аргументы на сеймѣ 1562—3 г., но тутъ онъ видимо не хотѣлъ задѣвать короля); 3) духовные не признаютъ апелляціи къ королю, а сами апеллируютъ къ папѣ; законы страны запрещаютъ королю судъ внѣ Польши, а каждый ксендзъ можетъ перенести дѣло въ Римъ, такъ что клиръ хочетъ „пановать" надъ шляхтой auctoritate regia. Выводъ изъ всего былъ такой. То, что епископамъ пріятно, папѣ выгодно: поэтому епископы дѣлаютъ постановленія, противныя „сеймовымъ конституціямъ", не присягая Рѣчи Посполитой, а давая присягу папѣ, которая была бы противорѣчіемъ присягѣ государству, ибо „панъ римскій скорѣе согласится, чтобы Корона (т.-е. Польша) въ ничто обратилась, чѣмъ чтобы изъ его власти и вліянія что-нибудь убыло". Рѣчь кончалась, между прочимъ, требованіемъ не допускать епископовъ къ избранію королей, пока они повинуются чужеземному государю, и выраженіемъ сомнѣнія въ ихъ правѣ занимать мѣста въ королевской „радѣ". Ораторъ (нужно назвать его: это былъ Іеронимъ Оссолинскій, одинъ изъ видныхъ дѣятелей польскаго протестантизма), ораторъ въ этой рѣчи поставилъ вопросъ на государственную точку зрѣнія: шляхта разсчитывала привлечь короля на свою сторону, и потому Оссолинскій такъ осторожно, съ нарушеніемъ даже логики антитезъ, коснулся „третьяго артикула шляхетскихъ вольностей". Угроза удалить епископовъ изъ сената произвела среди нихъ цѣлую бурю, а земскіе послы вели далѣе свою линію, толкуя старые законы въ смыслѣ независимости шляхты отъ церковнаго суда и господства въ странѣ одного „земскаго права", и перечисляя всѣ обиды, чинимыя шляхтѣ духовенствомъ по отдѣльнымъ воеводствамъ, а также представляя всѣ опасности отъ духовныхъ судовъ: они могутъ и „отъ наслѣдства отсудить", „имъ вольно изъ бастарда, изъ мошенника учинить равнаго почтенному шляхтичу" (то и другое потому, что церковная юрисдикція вѣдала дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и вопросы о законности рожденія); епископы для лучшаго исполненія своихъ приговоровъ дѣлятъ добычу со свѣтскими лицами, дозволяя имъ забирать движимое и недвижимое иму-

щество того, кого они назовутъ еретикомъ. Опять начинались взаимныя пререканія между обоими сословіями, а одинъ епископъ похвалялся тѣмъ, что духовенство „еще не такъ строго пользовалось своей юрисдикціей“, а вотъ теперь начнетъ дѣйствовать на всей своей волѣ. Изъ-за этихъ споровъ, соединенныхъ съ чисто личными перебранками, всѣ „коронныя“ дѣла и на этомъ сеймѣ остановились; послы были этимъ страшно недовольны, жаловались на пустую трату времени, а дѣло между тѣмъ откладывалось для разсмотрѣнія его въ „радѣ“ до продолженія сейма, имѣвшаго состояться въ Краковѣ; но церковная юрисдикція, по крайней мѣрѣ, пріостанавливалась на это время. Сеймъ окончился ничѣмъ, не давъ даже податей, а продолженіе его въ Краковѣ не состоялось.

Не было болѣе шумнаго сейма въ Польшѣ,—сказано въ дневникѣ сейма піотрковскаго 1562—3 г. Сначала шло все довольно гладко, но едва дѣло коснулось правъ духовенства, начались старые споры. Оссолинскій повторилъ свои прежніе аргументы о „трехъ артикулахъ вольностей польскихъ“; примасъ Уханскій защищалъ каноническое право средневѣковыми аргументами теоріи двухъ властей; Оссолинскій обѣщалъ „доказать, что въ церкви римской есть явная идолатрія“, и хотя эти слова вызвали, какъ говорится въ дневникѣ сейма, нѣкоторый „disturbium“ въ посольской избѣ, въ которой были католики, но всѣ—и католики, и протестанты—послали сказать королю, что до тѣхъ поръ они не будутъ „конклюдовать“ о податяхъ, пока, между прочимъ, со шляхты не снимутъ церковной юрисдикціи. Тутъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ къ рѣшенію вопроса: шляхта отказывалась вести дальнѣйшіе споры и выслушивать новыя возраженія епископовъ и просила у короля одного, — пусть вопросъ принципіально остается неразрѣшеннымъ, лишь бы старосты не приводили въ исполненіе приговоровъ, постановленныхъ не по польскому праву. Такая постановка вопроса страшно испугала епископовъ, и когда король обѣщалъ посольской избѣ дать ей согласіе „на письмѣ“, епископы быстро покинули сенатъ и разошлись по домамъ, а потомъ долго воздерживались отъ посѣщенія королевской „рады“, и только боязнь, какъ бы шляхта не воспользовались этимъ для ихъ окончательнаго изгнанія изъ королевскаго совѣта, заставила ихъ (да и то не всѣхъ) черезъ нѣсколько времени снова появиться въ сенатѣ. Рѣзкая форма епископскаго протеста понятна: полученіе десятинъ обезпечивалось тѣмъ, что старосты приводили въ исполненіе рѣшенія духовныхъ судовъ, а послѣднимъ стоило только проклинать, и черезъ годъ у непримирившихся съ цер-

ковью старосты отбирали имѣнія, теперь же всѣ церковныя „клятвы“ должны были остаться безъ всякой юридической силы. Польскіе епископы 1563 г. отнеслись равнодушно къ обвиненію римской церкви въ идолатріи, а какъ дѣло коснулось кармана, не выдержали и демонстративно покинули „раду“. И папскій нунцій понялъ дѣло такимъ образомъ: постановленіе о судебныхъ приговорахъ онъ назвалъ постановленіемъ о десятинахъ.

Въ 1563—4 г. былъ сеймъ въ Варшавѣ. Борьба продолжалась. Земскіе послы все еще требовали пересмотра всѣхъ вообще привилегій духовенства; епископы отвѣчали, что, „будучи первою частью сената и имѣя свое право, какъ духовное сословіе они не подлежатъ ничьему верховенству, въ которомъ у нихъ есть свой старшій, ихъ глава“, а посему они „судимыми о вольностяхъ своихъ никѣмъ быть не могутъ, а тѣмъ болѣе низшими сословіями“. Безконечные раздоры продолжались, повторялись старыя тэмы, развивались новыя положенія, и требовали, напр., чтобы духовные отбывали за „земскую осѣдлость“ военную службу, хотя и не лично, такъ какъ они владѣли не послѣднею частью земскихъ грунтовъ, говорились о военномъ налогѣ и пр. и пр. Епископы не уступали и хлопотали у короля о новомъ утвержденіи ихъ правъ.

Раздоръ обоихъ сословій продолжался и на піотрковскомъ сеймѣ 1565 г., отвлекая вниманіе всѣхъ отъ важнѣйшихъ дѣлъ государства, которыя, какъ жаловалась шляхта, все откладывались отъ одного сейма до другого. Поднимались безпрестанно старые споры о значеніи десятины, о военной службѣ, о своемъ и „чужомъ“ правѣ и т. п.; главнѣйшіе вопросы опять откладывались „до другого раза“, и только одинъ результатъ сейма имѣлъ значеніе: тяжбы о десятинахъ отдавались навсегда въ свѣтскіе суды. На люблинскомъ сеймѣ 1566 г. шляхта задумала-было забрать монастырскія имущества на уплату жалованья солдатамъ, но послѣ сейма 1565 г., на которомъ дѣло доходило до бурныхъ и неприличныхъ сценъ, борьба стала затихать: она возобновлялась впослѣдствіи, но съ фактическимъ уничтоженіемъ церковной юрисдикціи имѣла уже совсѣмъ иной характеръ. Хотя на знаменитомъ люблинскомъ сеймѣ 1569 г. было немало протестантовъ, на немъ не происходило ничего, что̀ напоминало бы прежнія ссоры шляхты съ духовенствомъ, папскій нунцій имѣлъ полное право отписать въ Римъ, что здѣсь не было предпринято ничего вреднаго для религіи.

Забудемъ, что на сеймахъ пятидесятыхъ и первой половины шестидесятыхъ годовъ поднимался и вопросъ религіозный, что

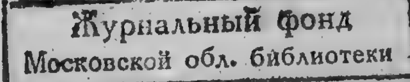
энергія, которую проявляла шляхта въ борьбѣ съ церковнымъ судомъ, объясняется нѣкоторыми привилегіями, данными тогдашнимъ королемъ духовенству, и начавшимися съ возникновеніемъ реформаціоннаго движенія процессами „de haeresi“, что въ посольской избѣ было множество протестантовъ на сеймахъ между 1552 и 1565 годами,—забудемъ все это и посмотримъ, въ чемъ заключается смыслъ этой борьбы и каковы были ея результаты. Смыслъ борьбы тотъ, что шляхта не хочетъ быть въ „неволѣ“ у духовенства, не желаетъ, чтобы и ея „подданные“ были подъ „чужою“ властью, хотя главнымъ образомъ заботится о себѣ. Тутъ мы видимъ, съ одной стороны, защиту правъ шляхетской личности, съ другой, защиту интересовъ „рыцарскаго“ сословія. Откуда беретъ свои аргументы посольская изба? Изъ священнаго писанія? Нѣтъ. Для красоты слога и по протестантскому обычаю ораторы ссылаются на „слово Божіе“, но вся аргументація строится на „артикулахъ шляхетской вольности“; на законоположеніяхъ „земскаго права“, на чисто политическихъ соображеніяхъ. Отстаивая свое сословіе, земскіе послы 1552—65 годовъ защищали права личности противъ произвольнаго суда безъ всякихъ гарантій, и права государства на свободу отъ куріи и на то, чтобы ему служили всѣ сословія. Оссолинскій въ своей рѣчи на сеймѣ 1558 — 9 г. несомнѣнно преувеличивалъ опасность отъ епископской присяги Риму: ультрамонтанскаго духа не было въ польскомъ клирѣ, но важно то, что вопросъ переводился съ сословной почвы на политическую. Причина такого перевода та, во-первыхъ, что шляхта думала найти въ королѣ союзника и пугала его опасностью со стороны епископовъ и папы; во-вторыхъ, та, что идея о секуляризаціи средневѣковаго государства давнымъ-давно пустила корни въ сознаніи польской шляхты, и въ-третьихъ, та, что, поставивъ себѣ задачей реорганизировать государство, сеймовые послы должны были затронуть многія привилегіи духовенства, наносившія ущербъ финансамъ и военному дѣлу. Но центръ тяжести былъ все-таки въ интересахъ сословія, и едва эти интересы выиграли отъ рѣшенія вопросовъ о десятинѣ и о церковныхъ судахъ въ пользу шляхты, какъ борьба стихаетъ. Вопросы, близко касавшіеся сословія, шляхта выдвигаетъ на первый планъ, не хочетъ ничего предпринимать до рѣшенія этихъ вопросовъ, какъ къ концу этого періода, когда фактически она добилась уже многаго, она соглашается отложить разсмотрѣніе вопроса религіознаго, чтобы заняться „экзекуціей правъ“, подъ именемъ которой проводилась чисто политическая программа шляхты. Такимъ образомъ въ общемъ сословная борьба сильнѣе

интересовала шляхту, чѣмъ „направа Рѣчи Посполитой“, а религіозный вопросъ, осложнявшій эту борьбу, далеко не игралъ первой роли на сеймахъ. Если подъ-конецъ шляхта съумѣла отдѣлить вопросъ религіозный отъ политическаго (мы это увидимъ впослѣдствіи), то „направу Рѣчи Посполитой“ ставила въ зависимость отъ удовлетворенія своихъ сословныхъ жалобъ, тѣмъ болѣе, что и сама „направа“ эта не могла совершиться, не затронувъ привилегій клира. Къ чести тогдашнихъ пословъ нужно сказать, что они нерѣдко выказывали уступчивость и сговорчивость и связывали свое дѣло съ свободой личности и интересами государства, что они проявили бо́льшую терпимость и болѣе широкое пониманіе государственныхъ задачъ того времени, чѣмъ ихъ сословные соперники; но въ общемъ борьба эта страшно мѣшала „направѣ Рѣчи Посполитой“, хотя упрямство епископата, дрожавшаго за свои десятины, и нерѣшительность Сигизмунда Августа,—всѣ эти сеймы были въ его царствованіе,—снимаютъ со шляхты значительную долю вины въ томъ, что требовавшаяся обстоятельствами времени политическая реформа не была проведена въ жизнь. Эта борьба шляхты съ духовенствомъ объясняетъ намъ, почему протестанты, которые, какъ мы увидимъ, не составляли большинства въ шляхетскомъ обществѣ и были очень плохо организованы, играютъ первую роль на сеймахъ между 1552 и 1565 годами: ихъ отправляли на сеймы послами какъ лучшихъ борцовъ противъ клира, а когда борьба стала приводить къ желаннымъ результатамъ, то и роль протестантства въ польскомъ парламентаризмѣ XVI в. окончилась, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ въ это время повѣяло реакціей, имѣвшей свои особыя причины. Дневники, или „діаріи“ сеймовъ XVI в. свидѣтельствуютъ намъ о силѣ протестантовъ въ польской избѣ между 1552 и 1565 гг. Сеймъ открывался мессой Св. Духу: въ 1552 г. во время этого богослуженія староста радзѣёвскій Рафаилъ Лещинскій не снялъ шапки, и его выбрали тѣмъ не менѣе въ представители посольской избы; передъ сеймомъ 1558—59 г. на эту мессу явилось очень мало пословъ; передъ засѣданіями посольской избы 1562—63 гг. на ней было мало свѣтскихъ сенаторовъ, а изъ пословъ никого; передъ открытіемъ сейма 1563 г., кромѣ епископовъ, король, пять сенаторовъ и изъ пословъ опять никого. Посольская изба выбирала себѣ „маршалка“: такими маршалками являются протестанты и главнымъ образомъ Николай Сѣницкій, протестантъ, а впослѣдствіи даже аріанинъ (на сеймахъ 1553, 1555, 1558—59, 1563 и 1565 гг.). Главные представители „разновѣрства“ то-и-дѣло попадаютъ въ послы,

называютъ духовныхъ волками въ овечьей шкурѣ (1552), привѣтствуютъ папскаго нунція словами: „добро пожаловать, змѣиное отродье“ (1556), обѣщаютъ доказать явную идолатрію римской церкви (1562—63), требуютъ религіозной свободы, „вольнаго христіанскаго собора“, реформы церкви по примѣру св. царя Осіи (послѣднее на сеймахъ 1562—63 и 1565 г.). На сеймѣ 1555 г., на обвиненія шляхты духовенствомъ въ насиліяхъ послы отвѣчаютъ приблизительно такъ: что же приводятъ противъ насъ? Ничего, кромѣ оскорбленія таинствъ, отобранія костеловъ, присвоенія церковныхъ доходовъ, но неправда, что это дѣлается насильно. Въ 1564 г. въ Люблинѣ Эразмъ Отвиновскій, аріанинъ, вырвалъ изъ рукъ ксендза св. дары и растопталъ ихъ ногами, его судили на сеймѣ, но онъ былъ оправданъ послѣ защитительной рѣчи Рея, доказывавшаго, что оскорбленіе Бога Богу нужно и предоставить. На сеймѣ 1565 г. протестанты все еще составляютъ большинство, но діарій отмѣчаетъ, что тутъ католическихъ пословъ „немало было изъ Великой Польши, изъ Малой никого, изъ Мазовша больше, однако изъ Великой Польши были самые главные,... qui papismo adhaerebant“. Однако, когда одинъ католикъ заявилъ отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей, „которыхъ не мало“, что нѣтъ ихъ согласія на уменьшеніе правъ духовенства, то слова эти вызвали цѣлую бурю въ посольской избѣ, и никто не поддержалъ правовѣрнаго шляхтича.

Мѣшая политической реформѣ, борьба шляхты съ духовенствомъ выдвигала въ сеймахъ протестантовъ, и самую реформу эту такимъ образомъ пришлось проводить нововѣрамъ. Шуйскій говоритъ, что политической ихъ идеей была парламентарная монархія съ церковью, безусловно подчиненной государству, тогда какъ католики стремились къ такой же парламентарной монархіи съ свободною церковью, сохраняющею всѣ свои привилегіи [1]. Это обобщеніе, являющееся съ введеніемъ въ него современныхъ понятій и основанное на краткомъ анализѣ книжекъ двухъ польскихъ публицистовъ середины XVI в. Андрея Фрича Модржевскаго и Станислава Оржеховскаго, немного поспѣшно: по идеѣ могло такъ быть, на дѣлѣ не было. Самъ Шуйскій указываетъ на то, что дѣло не дошло до открытой борьбы между партіями, и на то, что разновѣрцы не образовали одного сплоченнаго лагеря. Католическій историкъ чуть не сводитъ весь вопросъ къ „теократической мысли“ реформаторовъ, желавшихъ толкнуть польскаго короля на дорогу Генриха VIII англійскаго и думаетъ,

[1]) Для дальнѣйшаго Szujski, Historyi polskiej ksiąg dwanaście, стр. 197 и д.



что мысль эта разбилась о великій политическій умъ и твердость Сигизмунда-Августа [1]), и мы еще увидимъ, насколько польскіе „разновѣрцы“ способны были подчиниться реформаціи на манеръ англиканской, и насколько названный король обладалъ качествами, которыми надѣляетъ его историкъ. Такихъ партій, какія воображаетъ Шуйскій, въ строгомъ смыслѣ не существовало. Протестантскихъ пословъ на сеймѣ высылала и на сеймахъ поддерживала и католическая шляхта, и послы эти, добившись уничтоженія церковной юрисдикціи, утратили свое значеніе, тѣмъ болѣе, что не оправдали надеждъ относительно всѣмъ желательной „направы Рѣчи Посполитой“. Вопросъ о политическихъ реформахъ существовалъ въ Польшѣ не со вчерашняго дня [2]), и Бобржинскій въ своей Исторіи Польши съ особымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ въ реформаціонную эпоху „шляхта пала въ своей борьбѣ за направу Рѣчи Посполитой“ [3]). „Если,—говоритъ онъ,—народъ польскій не долженъ былъ окончательно пасть, нужно было какое-нибудь новое историческое движеніе, которое потрясло бы его до глубины, вырвало бы изъ бездѣятельности, поставило бы ему великую и трудную задачу и воспламенило бы, толкнуло бы его къ достиженію ею обозначенной цѣли. Въ тогдашней Польшѣ (прибавляетъ онъ) эту роль съиграла реформація“. О политическомъ значеніи реформаціи онъ разсуждаетъ такъ: протестантизмъ усиливалъ королевскую власть, и католицизмъ въ видахъ самозащиты хватался за то же средство, а кромѣ того главы враждующихъ религіозныхъ партій послѣ побѣды дѣлались господами положенія. Такая, а не иная задача предстояла и польской реформаціи, ибо въ Польшѣ помышляли сначала о легальной реформѣ чрезъ правительство и духовенство съ соизволенія папы. Изъ протестантизма, сдѣлавшагося знаменемъ лучшей части шляхты, вышла единственная партія съ политической программой, но Сигизмундъ-Августъ не съумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и этой программой для укрѣпленія монархической власти. Его отказъ отъ „національнаго собора“ толкнулъ шляхту въ самовольную перемѣну вѣры, а сектантство отвратило отъ себя другую часть націи, склонную къ реформѣ, укрѣпило ее въ католицизмѣ и создало почву, благопріятную для іезуитовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ царствованія Сигизмунда Стараго многіе требовали переустройства государства, а при его

---

[1]) Szujski, Odrodzenie i reformacyja, 94—98, 105—106.

[2]) Hofmann. Historya reform potitycznych w Polsce. Познань, 1869.

[3]) Bobrzynski. Dzieje Polski w zarysie, II, 60—118. Онъ разсматриваетъ здѣсь время между 1548 и 1574 годами.

преемникѣ между земскими послами и магнатами происходитъ борьба изъ-за этого вопроса. Посольская изба на сеймахъ, о которыхъ мы уже говорили, настойчиво указывала на то, что множество законовъ, весьма полезныхъ государству, не исполняются вслѣдствіе оппозиціи магнатовъ, — и требуетъ пересмотра этихъ законовъ: пусть король рѣшитъ, что законъ, что нѣтъ,—рѣшитъ разъ на всегда для твердаго приведенія ихъ въ исполненіе на будущія времена. На языкѣ времени это называлось попросту „экзекуціей правъ", но въ сущности въ ней заключалась цѣлая политическая программа „направы Рѣчи Посполитой". Исторической судьбѣ было угодно, чтобы въ эпоху, когда чувствовалась потребность въ общей реформѣ государства, въ Польшѣ произошло религіозное движеніе, и чтобы въ посольской избѣ на сеймахъ, занявшихся „экзекуціей правъ", нѣкоторое время господствовали протестанты. Сами обстоятельства такимъ образомъ возлагали на польскую реформацію проведеніе чисто политической реформы, но этого не случилось. Найти причину успѣшности какого-либо движенія гораздо труднѣе, чѣмъ хорошо объяснить неудачу: отрицательныя причины вообще мудренѣе формулировать, чѣмъ положительныя. Кто виноватъ въ неудачѣ польской реформаціи вообще и по ея отношенію къ „направѣ Рѣчи Посполитой?" Король Сигизмундъ-Августъ, говоритъ Бобржинскій. Нѣтъ, возражаетъ Шуйскій, протестантизмъ былъ способенъ только все замутить. А изслѣдовали ли, спрашиваетъ проф. Любовичъ, насколько мы имѣемъ право говорить о внутренней силѣ самого протестантизма? До сихъ поръ мы говорили о причинахъ возникновенія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Зная заранѣе его исходъ, т.-е. его паденіе подъ ударами католической реакціи и его безплодность по отношенію къ политическому развитію Рѣчи Посполитой, мы должны при изложеніи „дѣяній" протестантизма въ Польшѣ обратить наше вниманіе преимущественно на ту ихъ сторону, которая объясняетъ намъ неудачу и незадачу этого движенія. Съ другой стороны, познакомившись съ причинами польской реформаціи, мы имѣемъ право уже въ нихъ самихъ искать общаго объясненія дальнѣйшихъ судебъ движенія.

Силенъ ли былъ религіозный протестъ? Нѣтъ.

Существовала ли національная оппозиція Риму, которая объединила бы всѣ классы общества? На этотъ вопросъ тоже приходится отвѣтить отрицательно.

Была ли у государственной власти особая побудительная причина стать въ рѣзкія отношенія къ куріи? Равнымъ образомъ нѣтъ.

Центръ тяжести польской реформаціи—въ сословной борьбѣ шляхты съ духовенствомъ. Эта борьба кидаетъ шляхту въ протестантизмъ, выводитъ протестантовъ на политическую арену, мѣшаетъ „направѣ Рѣчи Посполитой“, дискредитируетъ вслѣдствіе неудачи этой „направы“ людей, ею занявшихся, заставляетъ духовенство въ концѣ концовъ искать союза съ Римомъ. Пока этого достаточно, чтобы предвидѣть исходъ движенія, но всѣ эти причины неуспѣха могли быть парализованы другими. Реформы церкви все-таки хотѣли и свѣтскія, и духовныя лица; народъ былъ пассивенъ и подчинился бы реформѣ, если бы только новшества для него были мало замѣтны; планъ націонализаціи церкви существовалъ даже среди высшаго духовенства; у королевской власти, помимо тѣхъ или другихъ отношеній къ центру католицизма, могли быть побужденія схватиться за реформацію, и та же королевская власть могла бы энергичнѣе содѣйствовать установленію мира между враждующими сословіями, вмѣсто того, чтобы, какъ было на дѣлѣ, сѣять раздоръ своею безтактностью,—и сама взять въ руки „направу Рѣчи Посполитой“. Ничего этого однако не было.

Чтó могло бы быть въ Польшѣ и чего въ ней ни въ какомъ случаѣ быть не могло, узнать это удобнѣе всего изъ сравненія польской реформаціи съ реформаціей въ другихъ странахъ. Это сравненіе выяснитъ намъ, надѣюсь, характеръ польской реформаціи еще лучше, а также послужитъ для установленія точки зрѣнія, съ которой будетъ въ дальнѣйшемъ разсматриваться исторія этого съ виду блестящаго, но, въ основѣ дѣла, неудачнаго движенія въ Рѣчи Посполитой, носившаго въ себѣ множество плодотворныхъ задатковъ вмѣстѣ съ зародышами собственной гибели.

Прежде всего, чтó называть успѣхомъ реформаціоннаго движенія? Если стоять на точкѣ зрѣнія церковной, то отпаденіе отъ католицизма цѣлой страны нужно назвать успѣхомъ реформаціи; но если перейти на точку зрѣнія политическихъ и культурныхъ результатовъ, то мѣрка будетъ уже иная. Съ этой стороны, сравнивая польскую реформацію съ нѣмецкой, мы увидимъ, что, въ смыслѣ силы движенія въ обществѣ, Рѣчь Посполитая не можетъ идти въ сравненіе съ Германіей, гдѣ реформація сразу сдѣлалась, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ, всенародной, національной, государственной, общесословной. Въ Польшѣ государственная власть и народныя массы остаются чуждыми движенію, которое и не принимаетъ характера ни оффиціальнаго лютеранства, ни революціонно-демократическаго сектантства. Внутренняя политика

Германіи въ началѣ XVI в. отличается неустойчивымъ равновѣсіемъ: старые счеты элементовъ нѣмецкаго общества и государства не были окончены, взаимныя отношенія императорской власти, князей, имперскаго рыцарства, городовъ и крестьянства не были опредѣлены прочнымъ образомъ, и нѣкоторые изъ этихъ элементовъ хватаются за реформацію, какъ за средство завершить политико-соціальный процессъ въ свою пользу или вообще направить его къ своимъ выгодамъ. Извѣстны неудачи рыцарскаго и крестьянскаго возстаній, соціально-сектантскаго движенія въ городахъ: изъ борьбы вышла побѣдительницею княжеская власть, подчинившая нѣмецкую реформацію бюрократизму и формализму своихъ канцелярій и консисторій. Послѣдняя перестала быть здѣсь живымъ дѣломъ народа, и это облегчило задачу католической реакціи въ Германіи. При своемъ шляхетскомъ характерѣ польская реформація и не была съ самаго начала народнымъ дѣломъ, что и въ Рѣчи Посполитой создавало условіе благопріятное для іезуитской реакціи. Такимъ образомъ, если полный неуспѣхъ польскаго протестантизма дѣлается намъ понятнѣе при сравненіи его происхожденія съ происхожденіемъ протестантизма въ Германіи, то для объясненія неполнаго успѣха нѣмецкой реформаціи и относительной удачи католической реакціи въ германскихъ земляхъ Польша представляетъ примѣръ страны, на которой съ особымъ удобствомъ можно изслѣдовать причины паденія реформаціоннаго движенія, не бывшаго или переставшаго быть живымъ народнымъ дѣломъ. Польскій шляхтичъ въ своемъ помѣстьѣ желалъ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣмецкій фюрстъ въ своемъ княжествѣ, т.-е. забрать реформацію исключительно въ свои руки и только за собою обезпечить религіозную свободу: мы увидимъ, что аналогію аугсбургской формулѣ 1555 г. „cujus regio, ejus religio“, обезпечивавшей не свободу совѣсти, а свободу отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ выбирать для себя и для своихъ областей то или другое вѣроисповѣданіе, представляетъ изъ себя стремленіе польской протестантской шляхты дать законную санкцію правилу, которое заставляло бы „подданныхъ“, т.-е. крестьянъ, слѣдовать вѣрѣ пана. И это понятно: въ Германіи реформація совпала съ эпохой усиленнаго роста княжеской власти на счетъ авторитета императора и независимости другихъ элементовъ общества, въ Польшѣ — съ эпохой развитія шляхетскихъ вольностей на счетъ королевской власти и путемъ пригнетенія горожанъ и крестьянъ. Но разница та, что нѣмецкій фюрстъ былъ все-таки государемъ, а польскій шляхтичъ только помѣщикомъ, и если реформація содѣйствовала въ Германіи

развитію самостоятельности отдѣльныхъ княжествъ, усиливая власть фюрстовъ, то въ Польшѣ, отвергнутая королемъ, она прошла безслѣдно для усиленія государственной власти. Стремленія шляхты скорѣе нужно сравнивать съ планами нѣмецкаго имперскаго рыцарства, думавшаго переустроить государство подъ знаменемъ реформаціи, но и тутъ у шляхты мы не замѣчаемъ ни строго опредѣленнаго плана, ни стремленія привлечь на свою сторону другія сословія, ни энергіи, съ какими мы встрѣчаемся въ движеніи, руководившемся Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ. Общіе интересы, во имя которыхъ все-таки дѣйствовали князья и на которые думали опереться имперскіе рыцари, въ польской сословной реформаціи заслонялись себялюбивыми стремленіями шляхты: она не ставила вопроса такъ широко, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, думавшій привлечь на сторону рыцарскаго движенія и императора, и горожанъ, и крестьянъ противъ усиливавшейся власти фюрстовъ,—и въ то же время не обладала средствами княжеской власти для обезпеченія реформаціи въ своихъ имѣніяхъ.

Гораздо болѣе польская реформація представляетъ аналогій съ французскою. Въ самомъ дѣлѣ, и въ Польшѣ, и во Франціи правительства и народныя массы остаются католическими, протестантизмъ поддерживается преимущественно дворянскимъ сословіемъ, на время устанавливается религіозная свобода съ оттѣнкомъ дворянской привилегіи, и побѣждаетъ католическая реакція, поставившая протестантовъ какъ бы внѣ закона. Польскій король давнымъ-давно, французскій по конкордату 1516 г., пользовались правомъ инвеституры, т.-е. назначенія на церковныя должности, что ставило мѣстный клиръ въ подчиненіе государственной власти. Это очень важно: такимъ средствомъ папы впослѣдствіи удержали за собою Баварію, въ которой начиналось реформаціонное движеніе и герцоги которой могли пойти по стопамъ протестантскихъ фюрстовъ, реформировавшихъ церковь въ своихъ княжествахъ. Франциска I подбивали къ разрыву съ Римомъ, какъ подбивали и Сигизмунда-Августа, но оба на это не пошли: были тутъ, конечно, причины чисто личнаго свойства, но и отношенія государства къ куріи во Франціи и въ Польшѣ остались здѣсь не безъ вліянія на то, что правительства обѣихъ странъ остались католическими Народныя массы въ обѣихъ странахъ не были серьезно затронуты протестантизмомъ. Не напоминаетъ ли польскую реформацію то, что говоритъ, напр., Гейсеръ о французской, которая, приводя его слова, „не имѣла гнѣзда и опоры въ массахъ, откуда бы распространялась въ высшіе слои общества.

но считала главныхъ своихъ послѣдователей въ этихъ среднихъ и высшихъ слояхъ, распространяя свои корни болѣе среди дворянства, нежели въ городахъ, болѣе среди ученыхъ и между извѣстными фамиліями, нежели въ народѣ" [1])? Нельзя развѣ приложить и къ польской шляхтѣ того, что говоритъ Луи Бланъ о французскомъ кальвинистскомъ дворянствѣ, а именно, что „одушевленное одинаковымъ жаромъ къ сопротивленію относительно трона и къ угнетенію относительно народа, оно напрасно стало бы искать другого ученія, болѣе сообразнаго съ его тенденціями, чѣмъ кальвинизмъ, способный экзальтировать и ту гордость, которая производитъ возмутителей, и ту, которая производитъ тирановъ" [2]). Но и тутъ первенство на сторонѣ Франціи: Польша не выставила такихъ сильныхъ характеровъ строгаго, серьезнаго, почти мрачнаго характера, какими полна французская исторія второй половины XVI вѣка. Во Франціи подъ знаменемъ протестантизма собирались главнымъ образомъ остатки падавшаго феодализма, въ Польшѣ—представители возвышавшагося сословія шляхты и антимонархическая оппозиція французскаго дворянина не находитъ аналогіи въ Рѣчи Посполитой, гдѣ политическая оппозиція приняла главнымъ образомъ характеръ анти-клерикальный: и во французской аристократіи проявлялось враждебное отношеніе къ клиру, но оно не было такое напряженное и отходило на задній планъ передъ оппозиціей усиливавшейся королевской власти. Съ чисто политической точки зрѣнія польская реформація была какъ бы продолженіемъ начавшейся еще съ конца XIV в. борьбы шляхты противъ духовенства, а французская—моментомъ феодальной (отчасти и муниципальной) реакціи противъ усиливавшагося монархизма. Въ обѣихъ странахъ протестантизмъ такимъ образомъ связалъ свое дѣло съ вожделѣніями дворянства, сдѣлался политическимъ факторомъ въ реформѣ государства съ точки зрѣнія аристократическихъ интересовъ. Это соединеніе религіознаго движенія съ политическими программами высшихъ свѣтскихъ сословій дозволило протестантскимъ партіямъ въ обоихъ государствахъ играть болѣе видную политическую роль, нежели та, къ которой онѣ были способны по общему своею значенію въ той и другой странѣ. Во Франціи однако дѣло дошло до религіозныхъ войнъ: и вѣроисповѣдный фанатизмъ былъ сильнѣе, и политическое движеніе проявило болѣе силы. Вообще французскій протестантизмъ былъ крѣпче польскаго и по своей власти надъ убѣжденіемъ, и по своей спло-

[1]) Гейсеръ, 356.
[2]) Луи Бланъ, Исторія французской революціи (рус. пер.), I, 83.

ченности, и по большей распространенности въ городахъ: польскій былъ слишкомъ мало религіозенъ, слишкомъ раздѣленъ внутренними несогласіями (въ Польшѣ были и лютеране, и братья чешскіе, и кальвинисты, и антитринитаріи разныхъ толковъ), а протестантское мѣщанство въ Рѣчи Посполитой, большею частью нѣмецкое и лютеранское, не могло идти рука объ руку съ шляхтой, которая какъ-разъ принижала городъ своими законодательными постановленіями на сеймахъ эпохи. Понятно, что протестантизмъ не утвердился во Франціи, а тѣмъ болѣе въ Польшѣ, а потомъ, и тамъ, и здѣсь пересталъ играть политическую роль. Въ обѣихъ странахъ, однако, временно существовала религіозная свобода, и въ Польшѣ бóльшая, чѣмъ во Франціи: гугеноты добились меньшаго, хотя и съ оружіемъ въ рукахъ, но получивъ извѣстныя законныя гарантіи, тогда какъ въ Рѣчи Посполитой религіозная свобода установилась какъ-то сама собою и не получила никакихъ прочныхъ гарантій. Въ обоихъ случаяхъ свобода получаетъ характеръ аристократической привилегіи: въ Польшѣ она включается въ число шляхетскихъ вольностей, во Франціи нантскій эдиктъ признаетъ за дворянствомъ нѣкоторыя привилегіи въ отправленіи кальвинскаго богослуженія, которыхъ были лишены прочіе смертные. Въ концѣ концовъ реакція побѣдила въ обѣихъ странахъ, и протестантизмъ подвергся законодательной проскрипціи. Когда въ Германіи только-что вспыхнуло возстаніе противъ церкви, во Франціи царствовалъ Францискъ I, въ Польшѣ Сигизмундъ Старый: оба вооружились противъ „ереси“ грозными эдиктами, видя, что „всѣ эти секты (какъ выразился французскій король) стремятся болѣе къ разрушенію государствъ, чѣмъ къ назиданію душъ“. Правительственное противодѣйствіе протестантизму въ обѣихъ странахъ оказывалось первоначально болѣе всего по политическимъ соображеніямъ: государи первой половины XVI в. были вообще слишкомъ „политики“, чтобы дѣйствовать иначе. Францискъ I, карая у себя дома религіозныхъ новаторовъ, любезничалъ съ нѣмецкими протестантскими князьями, а Генрихъ II и далѣе пошелъ въ такой политикѣ; и Сигизмундъ I, преслѣдуя ересь въ Польшѣ, санкціонировалъ вѣроотступничество и клятвопреступленіе секуляризованнаго герцога прусскаго, бывшаго гросмейстеромъ монашеско-рыцарскаго ордена. Даже въ случайностяхъ есть сходство, которое, впрочемъ, ничего не объясняетъ по поводу прекращенія династіи Валуа во Франціи и династіи Ягеллоновъ въ Польшѣ; въ обоихъ государствахъ столкнулись религіозно-политическія партіи, и если Генрихъ Бурбонъ, возведенный на французскій престолъ, нашелъ, что „Парижъ стоитъ мессы“,

то и въ жизни польскаго короля Стефана Баторія, заступившаго недолговѣчнаго на польскомъ тронѣ Генриха Анжуйскаго, былъ одинъ моментъ, когда и ему пришлось подумать то же самое, что̀ сказалъ Генрихъ IV. Наконецъ, Франція видѣла уничтоженіе нантскаго эдикта державною рукою короля, объявившаго знаменитое: „государство, это—я“; „государство, это—мы“, могла бы сказать польская шляхта XVII в., издававшая на сеймахъ законы противъ „разновѣрцевъ“. Въ монархической Франціи католицизмъ былъ признанъ за лучшую опору трона, іезуиты съумѣли нашептать польской шляхтѣ, что лучшее обезпеченіе ея „золотой вольности“ въ католицизмѣ. Mutatis mutandis, это сравненіе двухъ реформацій, во многомъ сходныхъ, приводитъ насъ къ той мысли, что польская реформація, менѣе экзальтированная, хуже организованная, не столь энергичная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, болѣе сословная, нежели французская, и задатковъ для развитія имѣла меньше. Но вмѣстѣ съ этимъ приведенное сравненіе выдвигаетъ на первый планъ нѣкоторыя черты, общія реформаціонному движенію, и именно въ Польшѣ онѣ являются еще менѣе осложненными, а потому болѣе рельефными, нежели во Франціи.

Основная особенность польской и французской реформаціи та, что государственная власть и народныя массы въ обѣихъ странахъ остались католическими. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ, что случилось бы во Франціи при попыткѣ реформаціи сверху, но относительно Польши это вопросъ не праздный. Мы имѣемъ примѣръ двухъ „королевскихъ реформацій“—въ Даніи и Швеціи. Въ обоихъ государствахъ сидѣли на престолѣ государи, возведенные политической революціей; обоимъ королямъ пришлось имѣть противъ себя могущественную духовную аристократію; одинъ сверхъ того, датскій король Фридрихъ I, былъ лютераниндъ, и въ его шлезвигъ-голштинскомъ княжествѣ реформація уже утверждалась, а другой, Густавъ Ваза шведскій, дѣйствовалъ по чисто политическому разсчету. Здѣсь важно не то, какими мотивами руководились Фридрихъ I и Густавъ Ваза, но то, что инпціатива принадлежала власти, и власть провела реформацію въ народъ, опираясь на возбужденіе мірянъ противъ клира, причемъ въ массахъ религіозныя новшества не встрѣтили серьезной оппозиціи. Въ Швеціи еще рельефнѣе, чѣмъ въ Даніи, выступаетъ политическая сторона реформаціи. Густавъ Ваза былъ прежде всего политикъ. Ему хотѣлось уничтожить зависимость короны отъ Рима и сломить могущественный клиръ, составлявшій какъ бы государство въ государствѣ и владѣвшій двумя третями земли. Онъ сталъ дѣйствовать, опираясь на сеймъ, въ которомъ участвовали пред-

ставители четырехъ сословій (а не одного, какъ въ Польшѣ, гдѣ сеймъ тоже поговаривалъ, впрочемъ, о реформаціи): монастырскія и церковныя имущества отдавались въ распоряженіе королевской власти и разрѣшалась свободная проповѣдь лютеранскаго ученія, которое только впослѣдствіи измѣнило религіозное настроеніе массъ. На такой шагъ польскій сеймъ тоже рѣшился бы; онъ даже требовалъ этого, а народная масса въ Польшѣ была такъ пассивна, что при извѣстной умѣлости провести и реформу въ обрядъ не представляло затрудненія. Дворянство въ Швеціи стояло въ оппозиціи къ духовенству, но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь къ этой оппозиціи присоединялись и виды короны, и враждебное настроеніе другихъ сословій по отношенію къ клиру, и проповѣдь въ народѣ. Примѣръ скандинавскихъ государствъ указываетъ на то, какую важную роль въ реформаціи игралъ починъ государственной власти при чисто внѣшней привязанности народа къ старой вѣрѣ, не проявившаго ни бурнаго сектантскаго энтузіазма, ни страстнаго католическаго фанатизма. И въ Польшѣ масса не возставала ни противъ церкви, ни на ея защиту, а королевская реформація нашла бы поддержку и въ шляхтѣ, и въ духовенствѣ съ его весьма индифферентнымъ отношеніемъ къ куріи. Бобржинскій думаетъ, что въ Рѣчи Посполитой могла произойти реформація съ сохраненіемъ епископата и „поэтическаго обряда“, съ польскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ короля, съ бракомъ священниковъ, причащеніемъ подъ обоими видами и народнымъ языкомъ въ богослуженіи, такъ какъ сначала въ польскомъ реформаціонномъ движеніи не было „разрушительныхъ, анархичныхъ элементовъ“: „никто не думалъ о свободѣ вѣроисповѣданія, о терпимости, желали одной, безусловно господствующей церкви, опирающейся на государство, которое карало бы отступниковъ средствами свѣтской власти“ [1]). Только неудача мысли о такой реформаціи, по мнѣнію историка, заставила шляхту броситься въ разновѣрство. Едва ли это вѣрно, и если бы польскій король пошелъ по дорогѣ реформаціи сверху, то дѣло окончилось бы не такъ, какъ въ Даніи и Швеціи, а какъ въ Англіи, гдѣ противъ королевской реформаціи пошла реформація народная. Положимъ, въ Польшѣ послѣдняя осталась бы чисто шляхетской, но дѣло въ томъ, что польская шляхта по всему своему воспитанію и образованію, по своимъ инстинктамъ и стремленіямъ была не такова, чтобы дѣйствительно принять такую церковь, какую изображаетъ Бобржинскій.

---

[1]) Bobrzynski, 66.

Странная вещь: въ Англіи Генрихъ VIII, получившій отъ папы титулъ „защитника вѣры", отторгается отъ церкви, въ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ, въ вѣрѣ не совсѣмъ твердый, остается въ лонѣ церкви, когда у него былъ такой же поводъ, какъ у англійскаго короля, порвать съ Римомъ, къ чему его и подбивали. Здѣсь выразилось различіе въ индивидуальныхъ характерахъ, и сравненіе англійской реформаціи съ польской показываетъ ясно, какъ много значитъ просто личный характеръ историческаго дѣятеля въ критическія минуты народной жизни. Почему польскій король не пошелъ по дорогѣ Генриха VIII, мы еще увидимъ; но Шуйскій, говоря о такой перспективѣ, основательно замѣчаетъ, что въ Польшѣ было слишкомъ много индивидуальной свободы, чтобы подчиниться королевской реформаціи [1]. Но и Англія не подчинилась ей, какъ скандинавскія государства: въ ней была реформація и снизу, съ сектантствомъ, и вся ея сила уже въ томъ періодѣ англійской исторіи, когда легальная реформація совсѣмъ консолидировалась, что́ говоритъ противъ гипотезы Бобржинскаго. Отмѣтимъ однако существенную черту различія: англійское движеніе снизу имѣло болѣе разнообразныя причины и шире охватило всѣ классы общества, чѣмъ польское, и въ немъ выработались политическіе принципы, шедшіе въ разрѣзъ съ политическими принципами оффиціальной церкви и католицизма. Не то въ Польшѣ: католическая и протестантская шляхта дѣлали одно дѣло въ серединѣ XVI в., и для обезпеченія „золотой вольности" поляки хватаются сначала за протестантизмъ, а потомъ съ тою же вольностью мирятъ іезуитскій католицизмъ. Съ борьбою двухъ реформацій въ Англіи соединилась въ XVII в. борьба короля и парламента, такъ что побѣда „одной" религіи была и побѣдой одной „политики"; но польская государственная исторія идетъ своимъ чередомъ, и ея линія одна и та же и въ эпоху наибольшаго развитія протестантизма, и въ эпоху католической реакціи,—постепенный переходъ Рѣчи Посполитой въ руки шляхты. Наконецъ, въ крайнихъ проявленіяхъ протестантизма Польша не выставила ни строгихъ пресвитеріанъ, ни восторженныхъ индепендентовъ, и съ самаго начала въ ея сектантствѣ проявился тотъ раціонализмъ, который мы видимъ въ англійскомъ деизмѣ, вышедшемъ изъ сектантства, когда остылъ его религіозный пылъ.

Вотъ нѣсколько сравненій польской реформаціи съ нѣмецкой, французской, скандинавской и англійской. Ихъ необходимо было

---

[1]) Szujski, Odrodzenie i reformacyja, тамъ-же.

сдѣлать, чтобы показать относительную слабость польскаго протестантизма даже въ сравненіи съ французскимъ. И во Франціи, и въ Польшѣ побѣдила реакція, но въ Польшѣ побѣда ея была болѣе полной, и Рѣчь Посполитая въ этомъ отношеніи стала довольно близко къ Испаніи. Но въ Испаніи и не трудно было достигнуть извѣстныхъ результатовъ, въ этой странѣ, католической по преимуществу: въ Польшѣ іезуитамъ пришлось бороться съ религіозной свободой, съ протестантизмомъ, съ вольномысліемъ, съ индифферентизмомъ, съ результатами гуманистическаго образованія, со стремленіемъ высшаго духовенства обособиться отъ Рима, перевоспитать все общество, не имѣя притомъ такого пособія, какимъ въ Испаніи была инквизиція, это орудіе фанатизма и деспотизма. Польша—одно изъ самыхъ громадныхъ завоеваній въ лѣтописяхъ „Общества Іисуса", и это сообщаетъ особый интересъ исторіи католической реакціи въ Польшѣ, къ сожалѣнію, еще очень мало научно разработанной.

Теперь мы можемъ перейти къ самому изложенію фактовъ.

IV.

Возникновеніе реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и отношеніе къ нему государственной власти.

Слабое вліяніе нѣмецкой реформаціи на Польшу. — Первое отношеніе поляковъ къ реформаціи.—Продолженіе оппозиціи духовенству безъ религіознаго протеста. — Политика Сигизмунда Стараго и его эдикты противъ „ереси", а также мѣры духовенства. — Движеніе сороковыхъ годовъ XVI в. — Первые польскіе протестанты. — Рей, Модржевскій и Оржеховскій.—Смерть Сигизмунда Стараго.—Первые годы Сигизмунда-Августа. — Новыя пріобрѣтенія протестантизма. — Какъ происходило реформированіе костеловъ?—Характеръ и поведеніе Сигизмунда-Августа.—Его отношеніе къ нововѣрію.

Первою формою, въ которой протестантизмъ явился въ польскомъ государствѣ, было лютеранство, и первыми его послѣдователями были не поляки, а нѣмецкое населеніе такъ называемой „королевской" Пруссіи. Какъ на первый случай увлеченія нѣмецкой реформаціей въ земляхъ, находившихся подъ властью польскаго короля, указываютъ на выходъ изъ монастыря, женитьбу и выступленіе съ анти-католическою проповѣдью данцигскаго монаха Якова Кнаде. Это было уже въ 1518 г., т.-е. черезъ годъ послѣ „тезисовъ" Лютера. Характерно въ этой исторіи вотъ что: епископъ куявскій посадилъ сначала этого вѣроотступника въ тюрьму, но потомъ по чьему-то ходатайству выпускаетъ, и тотъ, изгнанный изъ Данцига, находитъ пріютъ у нѣкоего Крокова,

шляхтича изъ-подъ Торна: духовное лицо оказываетъ „еретику" послабленіе, а шляхтичъ — прямое пособіе. Это, собственно говоря, было началомъ реформаціоннаго движенія въ королевской Пруссіи, но настоящая Польша не была затронута имъ до болѣе поздняго времени. Въ 1520 г. въ Данцигѣ явились новые проповѣдники и послѣдователи протестантизма и скоро сдѣлали такіе успѣхи, что Сигизмундъ I въ 1523 г. вооружился противъ нихъ грознымъ эдиктомъ на имя городскихъ властей; дѣло дошло въ Данцигѣ до возстанія, которое королю пришлось подавлять силой (1526). Это не помѣшало, однако, распространенію реформаціи въ другихъ городахъ польской Пруссіи и среди нѣмецкаго населенія городовъ Великой и Малой Польши и Литвы. Поляковъ лютеранская реформація, повторяю, почти не коснулась въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка: съ одной стороны, ея апостолы не давали себѣ труда выучиться по-польски, обращаясь главнымъ образомъ къ мѣщанству изъ нѣмцевъ; съ другой, сами поляки не особенно сочувственно относились ко всему нѣмецкому, да и монархическій характеръ, который принимало лютеранство, не могъ прійтись по вкусу полякамъ. Это, конечно, не случайность, что реформа Лютера осталась главнымъ образомъ нѣмецкой, тогда какъ болѣе поздній кальвинизмъ получилъ широкое распространеніе и во Франціи, и въ Англіи, и въ Шотландіи, и въ Нидерландахъ, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ: въ лютеранствѣ былъ силенъ нѣмецкій національный элементъ. Тѣмъ не менѣе простое знакомство съ новымъ религіознымъ ученіемъ, которое проповѣдовалось въ Германіи, не могло не проникнуть въ Польшу, благодаря тому, что польская молодежь посѣщала нѣмецкіе университеты и, между прочимъ, виттенбергскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненія Лютера завозились въ страну и находили читателей среди образованной шляхты. О вліяніи этого чтенія на умы мы можемъ судить по интересному признанію, оставленному намъ польскимъ политическимъ писателемъ XVI в.. Андреемъ Фричемъ Модржевскимъ [1]). Передъ 1520 г. онъ слушалъ лекціи въ краковскомъ университетѣ. Впослѣдствіи онъ припоминалъ эти времена, когда онъ и его товарищи „обучались всему, только не теологіи".— „Изъ глубины Германіи,—писалъ онъ тогда,—приносились къ намъ книги, которыя продавались въ самой академіи. Очень многіе изъ насъ, любившіе все то, что̀ ново, читали эти сочиненія, соглашаясь съ выраженными въ нихъ мнѣніями и воздавая имъ похвалы... Мы не въ силахъ были удержаться отъ чтенія книгъ,

---

[1]) См. его біографію, написанную г. Э. Дылевскимъ. Варшава, 1884.

которыя со всѣхъ сторонъ накоплялись къ намъ, тѣмъ болѣе, что авторами этихъ сочиненій являлись авторы, одаренные необыкновеннымъ умомъ и краснорѣчіемъ. Правду сказать, папскій интердиктъ безпокоилъ нашу совѣсть, но такъ какъ въ это время мы сомнѣвались во всемъ, и намъ положительно не было извѣстно, имѣетъ ли какое-либо значеніе изреченное папой запрещеніе, то мы читали все, что ни попадалось въ руки. На первыхъ порахъ мы и не думали одобрять новое ученіе и новыя идеи... но съ теченіемъ времени, какъ тѣ, которые, ходя подъ палящими лучами солнца, загораютъ, хотя они совсѣмъ не съ тою цѣлью ходятъ по солнцу, такъ и я, усердно читая сочиненія виттенбергскихъ ученыхъ лишь съ тою цѣлью, чтобы познакомиться съ новымъ ученіемъ, сталъ сомнѣваться во всемъ". И вообще полями руководило на первыхъ порахъ простое любопытство, которое возбуждалось отчасти и появленіемъ въ Польшѣ анти-лютеранскихъ сочиненій [1]), а въ результатѣ оказывалось только сильно поколебленное правовѣріе отдѣльныхъ лицъ. Канцлеръ Христофоръ Шидловецкій прямо писалъ къ папѣ Клименту VII, что Польша не тронута заразой; посланный къ папѣ въ 1525 г. польскими епископами, Юрій Мышковскій жаловался на притѣсненія, чинившіяся свѣтскими людьми духовенству, но не видно, чтобы это происходило по поводу религіозныхъ несогласій; самъ Сигизмундъ I говорилъ, что „лютеранская пагуба" оказываетъ вліяніе преимущественно на его нѣмецкихъ подданныхъ. Проф. Любовичъ внесъ важныя поправки въ исторію этого ранняго періода, въ которомъ иные историки готовы были видѣть болѣе сильное вліяніе реформаціи на поляковъ [2]): были только отдѣльные, да и то сравнительно рѣдкіе случаи увлеченія лютеранствомъ, вотъ и все. „Медленно, — говоритъ онъ еще, — идетъ распространеніе реформаціонныхъ идей въ Польшѣ и въ слѣдующихъ, тридцатыхъ годахъ, но, — прибавляетъ онъ, — успѣхъ въ этомъ отношеніи, хотя и слабый, уже примѣтенъ" [3]). Однако, и здѣсь все дѣло ограничивалось тѣмъ, что больше распродавалось лютеранскихъ книжекъ, такъ что кое-кого изъ книгопродавцевъ привлекали къ суду, да чаще стали молодые люди ѣздить учиться въ виттенбергскій университетъ къ Меланхтону, не считая болѣе частыхъ извѣстій о сочувствіи къ движенію отдѣльныхъ лицъ. До открытой проповѣди лютеранства дѣло едва ли доходило. Правда,

[1]) Lukaszewicz, Dzieje wyzn. helweck. w M. Polsce, 2 (nº 1), 5 (nº 3). O kościołach braci czeskich, 22.

[2]) Любовичъ, 51—53, особенно прим. 2 на стр. 52.

[3]) Тамъ-же, 53.

первую такую попытку приписываютъ бромбергскому нѣмцу въ Познани, Секлуціану (1525), но скорѣе онъ просто получилъ приказаніе прекратить проповѣдь, будучи заподозрѣнъ въ неправовѣріи; правда, въ той же Познани въ тридцатыхъ годахъ учитель въ школѣ Любранскаго, Христофоръ Эндорфинъ, имѣлъ протестантскихъ послѣдователей среди своихъ учениковъ [1]), но и эта пропаганда велась крайне осторожно. На сеймахъ этой эпохи, между тѣмъ, происходила борьба шляхты съ духовенствомъ, но къ ней еще не примѣшивается вопросъ религіозный, и борьба ведется исключительно на почвѣ уже извѣстныхъ намъ интересовъ. Эти сеймы принимаютъ разныя рѣшенія, которымъ, однако, враждующія стороны не подчиняются: духовенство не выплачивало военнаго налога, шляхта не платила десятинъ и при каждомъ удобномъ случаѣ опустошала церковныя имѣнія. Самыя выдающіяся явленія этой борьбы не обнаруживаютъ никакого религіознаго протеста. Въ первой четверти XVI в. у свѣтскихъ людей былъ планъ обратить церковныя имѣнія на удовлетвореніе потребностей государства, и въ 1534 г. Сигизмундъ I писалъ папѣ Павлу III, что нѣтъ недостатка въ свѣтскихъ людяхъ, qui bonis ecclesiasticis inhiant. Четыре года спустя послѣ этого письма Мартинъ Зборовскій составилъ заговоръ не допускать, по смерти короля, его сына къ занятію трона, пока онъ не подтвердитъ правъ шляхты и не дастъ обязательства отобрать третью часть церковныхъ земель на государственныя нужды,—и увлекъ въ этотъ заговоръ до семисотъ человѣкъ. Закржевскій изъ такихъ фактовъ дѣлаетъ выводъ о сильной распространенности тайнаго протестантизма среди шляхты въ тридцатыхъ годахъ; но мысль о секуляризаціи церковныхъ имѣній не была въ Польшѣ новостью, и если она особенно сильно проявилась въ это именно время, то возможное тутъ увлеченіе нѣмецкимъ примѣромъ еще не доказываетъ, чтобы и религіозное ученіе Лютера имѣло многочисленныхъ, но пока еще тайныхъ послѣдователей въ Польшѣ, хотя бы тотъ же Мартинъ Зборовскій и былъ позднѣе однимъ изъ видныхъ представителей протестантизма. Этого мало: въ 1534 г. сенатъ усиленно просилъ короля неуклонно исполнять изданныя распоряженія противъ нововѣрія, которое, какъ сказано въ просьбѣ, „если его не предупредить благоразумными и строгими мѣрами, несомнѣнно внесетъ въ королевство какую-либо великую пертурбацію“ [2]), а въ 1537 г. шляхта, излагая пункты своего недо-

---

[1]) О Познани Łukaszewicz, Wiadomość historyczna.

[2]) Такъ сказано въ рукописи, найденной Закржевскимъ, 234.

вольства клиромъ, ни единымъ словомъ не протестовала противъ стѣсненія религіозной свободы, хотя многія распоряженія королевскія противъ „ереси“ задѣвали нѣкоторыя стороны шляхетскихъ вольностей. Такимъ образомъ оппозиція шляхты духовенству въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, даже въ сороковыхъ, все еще имѣетъ прежній характеръ. Одного мы не отрицаемъ: протестантскія идеи, но не чисто религіознаго характера, получили бо́льшую силу надъ умами и знакомство съ новой вѣрой путемъ чтенія „еретическихъ“ книжекъ еще болѣе поколебало католическое правовѣріе шляхты. Однако, въ періодъ времени почти въ четверть вѣка, отъ 1517 г. до начала сороковыхъ годовъ, польская шляхта болѣе интересовалась новыми идеями, чѣмъ ими увлекалась, и болѣе сочувствовала имъ платонически, чѣмъ рѣшалась открыто имъ слѣдовать. Нужно было, чтобы выросло новое поколѣніе, учившееся въ протестантскихъ университетахъ, чтобы явилось болѣе энергичное и болѣе сочувственное шляхтѣ ученіе Кальвина, чтобы отъ новыхъ притязаній духовенства обострилась борьба противъ него со стороны шляхты, чтобы произошла, наконецъ, перемѣна царствованія,—и тогда только реформаціонное движеніе получило въ Польшѣ силу.

Какъ бы тамъ ни было, новое ученіе проникало въ Польшу. Мазовецкій князь Янушъ (Мазовія до 1526 г. была отдѣльнымъ княжествомъ) на варшавскомъ сеймѣ 1525 г. издалъ указъ, запрещавшій подъ страхомъ смерти и конфискаціи чтеніе сочиненій Лютера. Сигизмундъ Старый также встревожился. У короля, впрочемъ, не было ни фанатизма Филиппа II испанскаго, ни теологическаго дилеттантизма Генриха VIII англійскаго: на дѣло онъ смотрѣлъ, какъ политикъ, и, по его словамъ, полемика должна была быть дѣломъ епископовъ, которымъ онъ и желалъ всякаго успѣха, предпочитая самъ быть королемъ и овецъ, и козлищъ. Во внѣшней политикѣ онъ строго держался свѣтскаго принципа, ставя хорошо ли, дурно ли понятые интересы государства выше интересовъ куріи и католицизма. По сосѣдству съ „королевской Пруссіей“, гдѣ онъ въ 1526 г. подавлялъ данцигское возстаніе, была Пруссія, принадлежавшая нѣмецкимъ крестоносцамъ. Лютеранство проникло и сюда, и гросмейстеръ ордена Альбрехтъ Бранденбургскій задумалъ, оставивъ духовное званіе, превратить страну въ свѣтское наслѣдственное герцогство въ ленной зависимости отъ Польши. Уничтожить орденъ могъ только папа, его владѣнія находились подъ властью церкви; Альбрехтъ былъ клятвопреступникомъ и вѣроотступникомъ, но польскій король не обратилъ на это вниманія и торжественнымъ актомъ принятія

присяги отъ новаго герцога, пріѣхавшаго въ Краковъ, санкціонировалъ превращеніе ордена въ Прусское герцогство (1525). Позднѣе „герцогская“ Пруссія съ своимъ кёнигсбергскимъ университетомъ, куда стекалась масса польской молодежи, сдѣлалась проводникомъ реформаціонныхъ идей въ Рѣчь Посполитую. Черезъ двадцать лѣтъ папа Павелъ III склонялъ Сигизмунда I къ вмѣшательству въ религіозную войну, вспыхнувшую въ Германіи, но король своимъ приказомъ на имя старостъ (1546) запретилъ подданнымъ принимать участіе въ нѣмецкой усобицѣ въ чью бы то ни было защиту, ибо онъ, король, связанъ одинаковыми узами съ обоими враждующими лагерями. Внутренняя политика Сигизмунда опредѣлялась желаніемъ полнаго спокойствія, и одинъ разъ королю пришлось даже воздерживать духовныхъ отъ рѣзкости въ полемикѣ съ новыми идеями, такъ какъ она могла вызвать раздраженіе умовъ и оскорбить сосѣднія націи и ихъ государей [1]). На нововѣріе онъ смотрѣлъ глазами правителя, опасавшагося смутъ въ странѣ и оберегающаго принципъ власти: перестанутъ, говорилъ онъ въ 1528 г., платить десятину духовенству, чего добраго откажутся платить и налоги государству. Данцигскій бунтъ и волненія въ Германіи укрѣпляли короля на этой точкѣ зрѣнія, и его эдикты противъ „ереси“ полны соображеній такого рода [2]). Въ 1520 и 1522 г. онъ запретилъ подъ страхомъ изгнанія и конфискаціи ввозъ Лютеровыхъ книгъ, указывая на ихъ опасность для существующаго порядка вещей и спокойствія государства (contra mores et instituta patrum...ac in perturbationem communis status): „что останется въ жизни твердаго и прочнаго, коль скоро каждому будетъ дозволено по собственному разумѣнію и произволу судить и рядить о вещахъ божественныхъ и даже человѣческихъ“ (tam de divinis, quam etiam humanis rebus)? Эдиктъ 1523 г. грозитъ уже, кромѣ конфискаціи имуществъ, костромъ за ввозъ, чтеніе и распространеніе книгъ Лютера и другихъ реформаторовъ: все это ведетъ только къ смутѣ людей и происходитъ отъ неповиновенія власти, которая „должна охранять единство и спокойствіе у подданныхъ ей народовъ, а это возможно лишь при томъ условіи, если божескія и человѣческія учрежденія, утвержденныя долговременнымъ обычаемъ и всеобщимъ одобреніемъ, будутъ охраняться и поддерживаться; мятежные же люди, желающіе быть умнѣе, чѣмъ нужно,—наказываться“. Дру-

[1]) См. документъ 1521 г., напечатанный у Закржевскаго, 226—227.

[2]) Самое вѣрное и полное изданіе эдиктовъ въ приложеніи къ книгѣ Закржевскаго.

гой эдиктъ 1523 г. вводитъ сыщиковъ еретическихъ книгъ и установляетъ книжную цензуру ректора краковскаго университета и опять грозитъ казнью: послѣ нападенія на религію захотятъ „все мутить, а это, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многіе примѣры, приводитъ къ бунтамъ (ac in perniciem rerum publicarum)“. Все это законодательство дополняется спеціальнымъ распоряженіемъ для города Косцяна (1525), въ которомъ лютеранская секта названа вредной для святой вѣры и для спокойствія государства, а общая мысль всѣхъ эдиктовъ Сигизмунда Стараго — политическая опасность отъ разсужденія въ народѣ о томъ, что не его дѣло, quae muneris eorum non sunt, какъ сказано въ эдиктѣ 1522. — Духовенство не проявило такой энергіи, какъ король: піотрковскій и лэнчицкій синоды 1520 и 1522 гг. ничего не предприняли, а лэнчицкій 1523 въ сущности ограничился подтвержденіемъ королевскихъ распоряженій. Слѣдующіе за тѣмъ синоды въ Лэнчицѣ (1527 и 1532 гг.) и Піотрковѣ (1530) приняли только предохранительныя мѣры на случай, да и тѣ рекомендовались главнымъ образомъ епископамъ бреславльскому и куявскому, какъ ближайшимъ къ „еретическимъ“ странамъ. Клиръ не былъ особенно ревностнымъ, да и опасности большой еще не существовало, такъ что ограничились введеніемъ сыщиковъ (inquisitores) ереси, запрещеніемъ распространять лютеранскія книжки, недозволеніемъ духовнымъ лицамъ держать еретиковъ на своихъ земляхъ и у себя на службѣ, и т. п. [1]). Въ 1534 г. Сигизмундъ по просьбѣ сената издалъ эдиктъ, запрещавшій посѣщать мѣста, гдѣ жили Лютеръ и другіе видные реформаторы, но исполнять его оказалось трудно: нельзя было конфисковать имѣнія юношей, продолжавшихъ учиться въ Виттенбергѣ, такъ какъ имѣнія принадлежали ихъ родителямъ, а родители говорили, что и не думали посылать сыновей въ Виттенбергъ, что это дѣлалось ими самовольно.

Такъ стояло дѣло въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Съ сороковыхъ начинается поворотъ. Синодальное постановленіе 1542 года о церковномъ судѣ, расширявшее его компетенцію [2]), сильно раздражило шляхту, и безъ того уже враждебную духовенству, и стѣсненія ея свободы въ посылкѣ дѣтей за границу и въ чтеніи книжекъ начинали очень не нравиться. На сеймахъ начала сороковыхъ годовъ земскіе послы и сенаторы уже требовали запрещенія ѣздить, куда кому угодно, и даже запрещенія читать, что̀

[1]) См. Constitutiones synodales, изд. Венжика (1860).

[2]) См. выше, гл. III.

кто пожелаетъ. Требованія простой индивидуальной свободы встрѣтились съ королевскими эдиктами, изданными, главнымъ образомъ, по политическимъ соображеніямъ и плохо исполнявшимися въ обществѣ, которое имъ не сочувствовало. Тутъ еще нѣтъ религіознаго протеста, защиты именно протестантскихъ университетовъ и книгъ, а защищается принципъ свободы передвиженія и образованія. Король въ 1543 г. долженъ былъ взять назадъ свои ограниченія относительно заграничныхъ поѣздокъ, хоть и подъ условіемъ не распространять новыхъ ученій въ Польшѣ и не ввозить еретическихъ книгъ. Однако, и тутъ запрещалось публичное распространеніе „новыхъ догматовъ, не принятыхъ св. римскою церковью", но противъ простой принадлежности къ „ереси", которую должны были разыскивать „инквизиторы", ничего не говорилось. Послѣднее распоряженіе Сигизмунда Стараго противъ нововѣрія относится къ 1544 г., и хотя около этого времени начинаютъ переходить въ протестантизмъ даже ксендзы, король не принимаетъ противъ нихъ суровыхъ мѣръ [1]). Энергія его слабѣла, его эдикты не пользовались сочувствіемъ общества, въ которомъ развивается сознаніе индивидуальной свободы. Притомъ „на многихъ въ государствѣ, по словамъ Любенецкаго [2]), нагнало страхъ сожженіе въ 1539 г. старухи Екатерины Заляшовской, жены краковскаго городского совѣтника Мельхіора Вейгля, которая подъ вліяніемъ евреевъ поносила таинство причащенія, и, быть можетъ, боязнь суровости стараго короля многихъ удерживала отъ открытаго перехода въ протестантизмъ, какъ думаетъ Лукашевичъ [3]), но въ сущности и торжественное краковское Auto da fe, и всѣ стѣсненія индивидуальной свободы были противны духу тогдашней шляхты, не говоря уже о томъ, что реформація посѣяла въ ней свои сѣмена. Боязнь передъ королевскими эдиктами не была такъ велика, и краковское auto da fe не нагнало такого страху, чтобы люди, которые не были уже правовѣрными католиками, не выступали открыто съ своими мнѣніями. Въ этомъ отношеніи существенной разницы между послѣдними годами Сигизмунда Стараго, умершаго въ 1548 г. и первыми царствованія его сына Сигизмунда-Августа не замѣчается, и только въ 1552 г. протестантизмъ выступаетъ, какъ политическая сила, на сеймахъ. Движеніе, начавшееся до смерти стараго короля, только продолжалось и усиливалось при новомъ,

1) Szujski, Hist. Polski. II, 224.
2) Lubieniecius, 17.
3) Łukaszewicz, Wiadomość historyczna, 15.

такъ что современники и потомство готовы были приписать все перемѣнѣ царствованія, но въ сущности эта перемѣна не была исключительной причиной начала настоящаго реформаціоннаго движенія. Уже „въ началѣ сороковыхъ годовъ, говоритъ проф. Любовичъ, реформаціонное движеніе стало глубже пускать корни въ польскомъ обществѣ... Сороковые годы,—говоритъ онъ,—еще могутъ быть смѣло названы временемъ возникновенія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ“ [1]). Тутъ дѣйствовало все,—и ослабленіе строгостей правительства и выступленіе на сцену новаго поколѣнія, и вліяніе возникшаго около этого времени кальвинизма, и противодѣйствіе шляхты мѣрамъ, стѣснявшимъ индивидуальную свободу, и обостреніе отношеній между шляхтой и духовенствомъ по поводу синодальной конституціи 1542 г., и броженіе, вызванное началомъ Тридентскаго собора (1545), и пр., и пр. Подъ 1543 г. Любенецкій отмѣчаетъ успѣхъ тайной протестантской проповѣди въ Краковѣ [2]). Около этого времени два придворныхъ проповѣдника молодого королевича—Янъ Козминчикъ и Лаврентій Пражницкій стали поговаривать о заблужденіяхъ и порчѣ церкви. Въ Краковѣ же въ домѣ пана Тржецескаго сталъ собираться кружокъ изъ образованныхъ вольнодумцевъ, въ числѣ коихъ были даже каноники, какимъ былъ Яковъ Уханскій [3]), будущій примасъ Польши и сторонникъ національной церкви, и такіе люди, какъ Андрей Фричъ Модржевскій, выступившій на поприще публицистики, и вольномысліе здѣсь проявлялось такъ свободно, что одно лицо въ 1546 г. даже предъявило сомнѣнія о тайнѣ св. Троицы [4]). Былъ здѣсь и итальянецъ Франческо Лисманини, духовникъ королевы Боны, начитавшійся сочиненій Бернарда Олино, подаренныхъ ему самой королевой. Духовныя лица, бывшія подъ вліяніемъ этого кружка, начинали проповѣдовать не совсѣмъ въ старомъ духѣ, и кой-какіе монахи покинули монастырь. „За четыре года передъ кончиной Сигизмунда I,—говоритъ Лукашевичъ,—реформація уже насчитывала въ этой провинціи (въ Малой Польшѣ) множество сторонниковъ въ разныхъ сословіяхъ“ [5]). Онъ даетъ уже цѣлый ихъ списокъ, но мы въ немъ встрѣчаемъ и Уханскаго, и Морджевскаго, бывшихъ только сторонниками реформаціи, но не протестантами, да и опредѣлен-

---

[1]) Любовичъ, 59.

[2]) Lubieniecius, 16.

[3]) См. изданные о немъ матеріалы проф. Вержбовскаго подъ заглавіемъ „Uchansciana“.

[4]) Lubieniecius, 19.

[5]) Dzieje kościołow wyzn. helw. w M. Polsce, 7.

ной доктрины еще не существовало, хотя замѣчалась склонность именно къ кальвинизму. Начались отпаденія отъ церкви, уже открытыя, которыя продолжаются и усиливаются при Сигизмундѣ-Августѣ: въ 1544 г. въ кальвинизмъ переходитъ конинскій пробощъ Станиславъ Лютомірскій; его примѣру, черезъ два-три года, слѣдуютъ два плебана: недзвѣдскій Феликсъ Кржижакъ изъ Щебржешина и хрженцицкій Яковъ Сильвій, увлекая своихъ помѣщиковъ Стадницкаго и Филиповскаго; около времени смерти Сигизмунда Стараго перемышльскій панъ Христофоръ Пилецкій открыто вводитъ лютеранство въ своемъ имѣніи Ланцутѣ, и его примѣру слѣдуютъ еще два-три шляхтича, а нѣкто Хржонстовскій вліяетъ на пана Язловецкаго, который выгоняетъ доминиканцевъ изъ Червонограда (въ Подоліи) и „профанируетъ" костелъ, въ которомъ упомянутый Хржонстовскій „запѣлъ съ амвона постыдныя кантилены". Правда, это только мы и знаемъ до 1548 г., но и другіе факты указываютъ на броженіе. Краковскіе студенты отказываются слушать старыхъ профессоровъ, предпочитая имъ молодыхъ магистровъ, изъ которыхъ иные потомъ встрѣчаются въ числѣ нововѣровъ. Само духовенство жалуется, что „нельзя изобрѣсти столь нечестиваго заблужденія, которое не нашло бы послѣдователей" среди поляковъ, что среди канониковъ краковскихъ были „зараженные лютерскою ересью", что въ монастыряхъ „религія была низвергнута", а вмѣсто нея господствовала „какая-то новая вѣра", такъ что для монаховъ не было ничего „ненавистнѣе вѣры католической". Все это преувеличенія, но дѣйствительно общество заинтересовалось церковными вопросами, и его правовѣріе было сильно поколеблено. Гнѣзненскій архіеп. Петръ Гамратъ писалъ папѣ Павлу III, что вѣсть о созваніи собора была принята въ Польшѣ съ удовольствіемъ, но когда въ Польшу въ 1547 г. пришла новость о томъ, что соборъ, состоявшійся въ Тридентѣ (1545), былъ распущенъ, общество было этимъ очень недовольно. На послѣднемъ сеймѣ Сигизмунда I (въ Піотрковѣ 1547—48 г.) земскіе послы выступили даже съ предложеніемъ, чтобы слово Божіе проповѣдовалось въ чистомъ видѣ (pure).

Три писателя выступили въ Польшѣ сороковыхъ годовъ съ анти-католическими и реформаціонными сочиненіями. Первый былъ поэтъ Николай Рей изъ Нагловицъ [1]), одинъ изъ дѣятелей протестантизма впослѣдствіи, переводчикъ псалмовъ на польскій языкъ. Въ 1543 г. онъ далъ сатирическое выраженіе ходячимъ

[1]) Zawadzki, Mikołaj Rej z Nagłowic.

жалобамъ на духовенство въ своемъ произведеніи „Krótka rozprawa między trzemi osobami: panem, woytem a plebanem“, гдѣ между прочимъ, говорится, напр., о томъ, какъ ксендзы на алтарѣ считаютъ яйца. Другой писатель былъ Андрей Фричъ Модржевскій, учившійся сначала, какъ мы видѣли, въ Краковѣ, а въ тридцатыхъ годахъ въ нѣмецкихъ университетахъ, и хорошо знакомый лично съ Меланхтономъ. На поприще публицистики онъ выступилъ въ 1543 г., издавъ двѣ брошюры, одну противъ разнаго наказанія за убійство шляхтича или хлопа, требуя смертной казни вмѣсто „глувщизны“, т.-е. денежной пени, другую противъ постановленія, запрещавшаго не-шляхтичу владѣть землею на „земскомъ правѣ“. Въ Краковѣ онъ примкнулъ къ кружку Тржецескаго и въ 1546 г. издалъ брошюру „О высылкѣ пословъ на христіанскій соборъ“, т.-е. Тридентскій, собравшійся въ 1545 г. Реформа нужна, но посредствомъ собора, на который вышлетъ пословъ національный синодъ, а ему должны предшествовать синоды епархіальные съ участіемъ всѣхъ взрослыхъ членовъ епархіи, ибо „религія есть дѣло общее, всѣхъ касается забота о ней, и нельзя никому частнымъ образомъ постановлять что-либо въ общемъ для всѣхъ дѣлѣ“. Запрещеніе читать книги „противниковъ“ нужно отмѣнить и предоставить свободу слова всѣмъ членамъ синодовъ для критики церкви, которая (церковь) „есть союзъ людей, вѣрующихъ во Христа, а они могутъ ошибаться“. Изданію этой брошюры помогъ деньгами каноникъ Леонардъ Слончевскій, позднѣе епископъ Каменецкій. У Модржевскаго не было никакой опредѣленной религіозной доктрины: онъ требовалъ только реформы вообще, терпимости въ дѣлахъ вѣры, свободы слова, участія голоса мірянъ въ дѣлахъ религіи; онъ допускалъ, что церковь можетъ погрѣшать и что нѣкоторые ея догматы утратили силу для образованныхъ людей XVI вѣка, какъ установленные безъ достаточнаго обсужденія. Позднѣе, однако, Модржевскій выступалъ съ брошюрами (1549) въ защиту причащенія подъ обоими видами и противъ безбрачія духовенства, заявляя, что поднимаетъ эти вопросы не ради того, чтобы что-либо утверждать sed disputandi et discendi causa. Это-то желаніе свободно диспутировать о дѣлахъ вѣры всѣмъ и каждому и овладѣло польскимъ обществомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ: тутъ нѣтъ еще открытаго перехода въ протестантизмъ, но нѣтъ уже и слѣпой вѣры въ непогрѣшимую римскую церковь, нѣтъ индифферентизма къ религіи, но нѣтъ и мистическаго энтузіазма. Модржевскій былъ сынъ своего народа и своего вѣка, хотя его политическіе взгляды, выраженные особенно въ позднѣйшемъ сочиненіи „Объ исправ-

леніи Рѣчи Посполитой", рѣзко противорѣчили стремленіямъ шляхты. Особаго вниманія во всемъ его реформаціонномъ планѣ заслуживаетъ предложенное имъ участіе свѣтскихъ людей во всемъ дѣлѣ: это было принципомъ и позднѣйшей протестантской шляхты. Третій публицистъ, перемышльскій каноникъ, Станиславъ Оржеховскій [1]), внукъ (по матери) православнаго священника, учился въ Виттенбергѣ у Карльштадта, потомъ отдѣлался отъ „нѣмецкой заразы" двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Италіи и въ 1543 г. вернулся на родину, гдѣ скоро издалъ брошюру: „Крещеніе русскихъ". Это—своеобразная защита восточнаго исповѣданія: оно, по его мнѣнію, вовсе недалеко отъ римской церкви, а потому перекрещивать русскихъ, переходящихъ въ католицизмъ, не надо. Оржеховскій—не былъ протестантомъ, но эта его брошюра и новый трактатъ противъ безбрачія духовенства, изданный стараніями краковскаго кружка Тржецескаго, произвели шумъ въ обществѣ. Какими бы мотивами ни руководился Оржеховскій, издавая вторую брошюру, она была принята сочувственно и среди духовенства. Церковный судъ приговорилъ его, однако, къ покаянію, а книжку сжечь. Это было въ 1547 г. „Вся страна,—говоритъ самъ Оржеховскій,—изъявила мнѣ расположеніе и сочувствіе. На мое дѣло было обращено всеобщее вниманіе: объ немъ одномъ только и говорили". Дѣйствительно, за перемышльскаго каноника многіе готовы были заступиться, а за его малодушное смиреніе передъ церковнымъ судомъ ему пришлось выдержать не мало нападокъ. Когда вскорѣ послѣ этого женился кржчоновскій священникъ Валентинъ и былъ за это вызванъ къ суду, съ нимъ явились въ Краковъ многіе знатные паны, пришедшіе его защищать (1549). Самъ Оржеховскій пріободрился и черезъ два года женился: на судъ съ нимъ явилось до трехсотъ человѣкъ, готовыхъ его защищать, и епископъ, не пустивъ ихъ къ себѣ, долженъ былъ заочно постановить приговоръ—объявленіе Оржеховскаго еретикомъ, отлученіе отъ церкви и изгнаніе изъ перемышльской епархіи. Около этого времени онъ написалъ письмо папѣ Павлу III, письмо, въ которомъ звучитъ нота оскорбленнаго шляхетскаго гонора: „Ты меня осудишь, но король не приведетъ въ исполненіе приговора, ибо это запрещаютъ ему законы. Шляхта стала за меня на сеймѣ піотрковскомъ, она и теперь меня защититъ. Не думай, что ты имѣешь дѣло съ итальянцемъ, твоимъ подданнымъ: я—русскій, шляхтичъ польскій". Онъ

---

[1]) Kubala, Stan. Orzechowski i wpływ jego na Rzeczpospolitę w obec reformacyi XVI w. Lwów, 1870.

грозилъ еписк. Дзядусскому, запрещавшему ему жениться, а потомъ и папскому нунцію Буонджіованни переходомъ въ восточную церковь [1]). Вообще въ это время среди поляковъ существовало примирительное направленіе по отношенію къ восточному исповѣданію, и Модржевскій въ своихъ дальнѣйшихъ соображеніяхъ на счетъ собора совѣтовалъ пригласить на него представителей и восточной церкви, а нѣкоторыхъ польскихъ духовныхъ прямо подозрѣвали въ сочувствіи къ „схизмѣ".

Исторія Оржеховскаго разыгралась уже въ царствованіе Сигизмунда-Августа. Старый король умеръ въ 1548 г., и уже во время его похоронъ чувствовалось приближеніе рѣшительнаго момента.

На похороны съѣхались иностранцы, среди которыхъ были и протестанты, между которыми обращали на себя вниманіе герцогъ прусскій и маркграфъ бранденбургскій. Пріѣхалъ и старый членъ краковскаго кружка Леонардъ, епископъ каменецкій, получившій епархію, несмотря на тяготѣвшее на немъ подозрѣніе въ склонности къ нововѣрію. Этотъ епископъ, между прочимъ, произнесъ проповѣдь, въ которой сравнивалъ вообще своихъ товарищей по сану съ фарисеями и называлъ порожденіемъ ехидны; пусть лучше, — говорилъ онъ еще, — ксендзы женятся, чѣмъ развратничаютъ. Краковскому епископу Самуилу Моцѣевскому пришлось упрашивать своего расходившагося коллегу болѣе не затрогивать щекотливыхъ вопросовъ, но въ обществѣ Леонардъ стяжалъ большую популярность, а выступившій противъ него баккалавръ теологіи Лука, какъ писала одна духовная особа своему пріятелю, „всѣми сдѣлался ненавидимъ". Нѣкто Генрихъ Фалькенбергеръ, бывшій также на похоронахъ польскаго короля, такъ писалъ Боку, канцлеру княжества Бригъ: „я самъ слышалъ отъ важнѣйшихъ пановъ Польши, также и отъ простой шляхты по гостинницамъ, что если бы только это было въ ихъ власти, то въ теченіе одного года осталось бы мало папистовъ". Черезъ три года послѣ начала новаго царствованія, Герберштейнъ, цесарскій посолъ, уже могъ писать слѣдующее: „столько въ Польшѣ сдѣлали нововведеній (novatum est) въ религіи, что просто удивительно и чудовищно (mirum monstrosumque), какъ столь быстро могла произойти столь великая перемѣна въ дѣлахъ вѣры. Уже многіе священники по смерти епископа Самуила (Мацѣёвскаго, краковскаго) женились и брали себѣ дѣвушекъ изъ благородныхъ фамилій". За четыре первые годы новаго царствованія столько лицъ уже покинуло

[1]) См. также его „Repudium Romae".

католическую церковь, что, начиная съ сейма 1552 г., въ посольской избѣ начинають играть роль протестанты. Въ концѣ XVII в. время это казалось началомъ реформаціи: Любенецкій писалъ, что если „приступить къ дѣлу, что называется, ab ovo", то именно при Сигизмундѣ II, „и по имени и на самомъ дѣлѣ Августѣ", Христосъ, „родившійся въ Іудеѣ при Августѣ, при Августѣ же возродился въ Польшѣ": „въ его времена Богъ соизволилъ, чтобы началась реформація въ государствѣ", прибавилъ еще Любенецкій [1]).

Въ 1549 г. уже многіе факты предвѣщали скорое наступленіе полнаго разгара реформаціи [2]): вездѣ не стѣсняются говорить противъ папы, осмѣивають обрядность католической церкви въ маскарадныхъ процессіяхъ (въ Краковѣ въ 1549 или 1550 г.), начинаются процессы изъ-за неплатежа десятины, происходятъ наѣзды шляхты на имѣнія духовенства. Историки польской реформаціи перечисляютъ много костеловъ, перешедшихъ въ руки протестантовъ передъ 1550 г. и въ первые годы слѣдующаго десятилѣтія. Въ 1548 г. въ большомъ количествѣ пріѣхали въ Великую Польшу братья чешскіе, проповѣдують, находятъ послѣдователей среди пановъ и шляхты, отдающихъ въ ихъ руки костелы въ своихъ имѣніяхъ или строящихъ имъ церкви: такъ поступилъ Яковъ Остророгъ въ 1553 г. А когда въ самой Познани духовенство притягиваетъ „еретиковъ къ суду, его усилія разбиваются о сопротивленіе шляхты, силою иногда освобождающей обвиненныхъ въ „ереси" узниковъ. Около 1549 г. въ куявской землѣ начинается открытая проповѣдь кальвинизма подъ покровительствомъ старосты радзѣевскаго, Рафаила Лещинскаго [3]). Въ Малой Польшѣ происходитъ то же самое [4]). Бракъ кржчоновскаго священника далъ протестантамъ возможность сосчитать свои силы: вызваннаго на судъ преступника противъ каноническаго права сопровождала многочисленная толпа, ставшая на его защиту. Извѣстный Оржеховскій на одномъ изъ сеймиковъ 1550 г. проповѣдуетъ противъ безбрачія; вызванный на судъ епископа, онъ жалуется сейму; шляхта становится на его сторону и грозитъ его защищать, если съ нимъ случится что-либо дурное. Другой случай: Николай Олесницкій повыкидалъ образа изъ церкви и разогналъ монаховъ изъ пинчовскаго монастыря, а когда его

---

1) Lubieniecius, 14 и 16.

2) Szujski, Odrodzenie i reformacyja, 78 sq., 176 sq.,

3) См. особенно Łukaszewicz, Wiadomość historyczna и O kościołach braci czeskich.

4) См. особенно у Любовича, стр. 85 sq.

вызвалъ церковный судъ, и онъ явился въ сопровожденіи громадной толпы, въ которой, кромѣ шляхты, были даже придворные короля, епископъ попробовалъ-было удалить эту толпу, но она не расходилась, и суду оставалось только, не постановивъ никакого приговора, разойтись самому. Эти вызовы въ судъ, сравнительно немногочисленные и большею частью случайные, и данная королемъ въ 1550 г. привилегія духовенству, подкрѣпившая его права, страшно раздражали шляхту, которая съ этого времени и ведетъ свою энергическую аттаку на церковную юрисдикцію, высылая въ сеймы пословъ, извѣстныхъ преимущественно какъ враговъ клира. Шляхта не пропускаетъ случая надѣлать шума по поводу всякаго скандала въ церкви: такъ, бракъ Оржеховскаго (1551) послужилъ поводомъ для множества демонстрацій враждебныхъ духовенству, такъ что епископъ Дзядускій вынужденъ былъ заочно постановить свой приговоръ, опасаясь шляхты, явившейся съ нимъ на судъ, и, несмотря на приказъ короля староста перемышльскій, Петръ Кмита, не рѣшился, въ угоду общественному мнѣнію, привести приговоръ въ исполненіе, „лишить Оржеховскаго чести" и изгнать его изъ предѣловъ перемышльской епархіи. Были и другіе случаи въ подобномъ родѣ. Вмѣстѣ съ этимъ начинаютъ устраиваться протестантскіе съѣзды для рѣшенія вопроса, какъ производить реформацію: первый такой съѣздъ былъ уже въ 1550 г. въ Пинчовѣ у Олесницкаго, а потомъ съѣзды въ Сломникахъ (1554), Хренчицахъ, Голуховѣ, Козминкѣ (1555) и т. д.

Какъ же происходило реформированіе или „профанированіе", какъ выражалось духовенство, всѣхъ этихъ костеловъ, перешедшихъ въ руки протестантовъ? Мы имѣемъ довольно подробный разсказъ о томъ, какъ возникла реформированная церковь въ г. Ксенжѣ [1]). Умерла здѣсь сандомірская воеводша, пани Тенчинская, правовѣрная католичка, но пріѣхавшіе на ея погребеніе ея братъ и зять Янъ Бонаръ, каштелянъ бецкій, и Янъ Ласкій задумали похоронить ее „по новому и необычному способу". Потомъ каштелянъ держалъ рѣчь передъ первѣйшими гражданами о необходимости бѣжать отъ „римскихъ суевѣрій" и предложилъ ксендзамъ бросить мессу, за что обѣщалъ имъ оставить ихъ въ городѣ. Послѣдніе на это не согласились, „покинули городъ съ печалью и слезами, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ", и были замѣнены новыми проповѣдниками, а что касается до народа, то

[1]) Alb. Ninincii, De violato atque everso in ecclesia ksyąznensi antiquo religionis kultu. 1558.

онъ, что называется, безмолвствовалъ, страха ради передъ важнымъ паномъ. Такъ бывало и въ другихъ случаяхъ и всегда такъ было, и нечего говорить, что въ деревняхъ, по своимъ помѣстьямъ шляхтичи такъ именно и реформировали костелы. Равнымъ образомъ, и въ городахъ, бывшихъ въ частномъ владѣніи шляхтичей, протестантскій культъ вводился насильственнымъ образомъ. У Лукашевича мы читаемъ, напр., длинные списки костеловъ, превращенныхъ въ протестантскіе „сборы“ въ Малой Польшѣ (числомъ 230) и въ Великой Польшѣ (числомъ 79) съ краткими историческимм о нихъ замѣчаніями, которыя всѣ сводятся къ одному [1]). Вотъ примѣры изъ Малой Польши: Барановъ, имѣніе кальвинской семьи Лещинскихъ, которые отдали здѣсь католическій костелъ своимъ единовѣрцамъ; Белжицы, имѣніе кальвинской семьи Оржеховскихъ, отнявшихъ у католиковъ костелъ и отдавшихъ его кальвинистамъ; Берестечко,—Ал. Прунскій отдалъ костелъ своимъ новымъ единовѣрцамъ; Бесицы, имѣніе кальвинской семьи Фирлеевъ, которые, отнявши костелъ у католиковъ, отдали его своимъ единовѣрцамъ; Бобинъ, — деревня была въ рукахъ Николая Рея изъ Нагловицъ, который отдалъ здѣшній костелъ кальвинистамъ; Бржежаны,—Николай Сѣнявскій отнялъ здѣсь костелъ у католиковъ и отдалъ его своимъ единовѣрцамъ - кальвинистамъ; Бучачъ, гнѣздо фамиліи Бучацкихъ, изъ которой Николай, подкоморій подольскій, обратился въ кальвинизмъ, и т. д. То же и въ Великой Польшѣ: напр., Хочъ,—Войцѣхъ Маршевскій, получивъ отъ предковъ большія имѣнія, въ однихъ изъ нихъ поотдавалъ католическіе костелы своимъ единовѣрцамъ, а въ другихъ настроилъ имъ новыхъ; въ Хочѣ, отнявши у католиковъ церковь, онъ ввелъ въ ней богослуженіе братьевъ чешскихъ; Цѣнинъ,—деревня принадлежала фамиліи Пржіемскихъ, изъ которой Рафаилъ отдалъ въ 1568 г. здѣшній католическій костелъ своимъ единовѣрцамъ, братьямъ чешскимъ, и т. д. въ такомъ же родѣ. Въ городахъ королевскихъ на насильственное введеніе протестантскаго богослуженія шляхта не рѣшалась, но попытки иногда дѣлались, какъ это произошло въ Освѣцимѣ въ 1554 или 1555 г., по желанію Николая Мѣшковскаго, каштеляна войницкаго, старосты заторскаго и освѣцимскаго. Реформируя церкви въ своихъ помѣстьяхъ, шляхта прежде всего собирала въ свою пользу земли и утварь, принадлежавшую костеламъ, а также и десятины, а на содержаніе пасторовъ удѣляла очень мало средствъ; но случалось и такъ, что если

[1]) O kościołach braci czeskich, rozdział XI. Dzieje kościołow wyznania helweckiego w M. Polsce, rozdział VI.

въ имѣніи шляхтича-кальвиниста умиралъ католическій ксендзъ или владѣлецъ просто его изгонялъ, не всегда на его мѣсто приглашался пасторъ для реформированія церкви, сообразно съ требованіями протестантскаго богослуженія, и самый „сборъ“ матеріально не обезпечивался. На это прямо жаловались протестантскіе проповѣдники на владзиславскомъ синодѣ нововѣровъ въ 1559 г. [1]). Тамъ, гдѣ дѣйствительно вводилось новое богослуженіе, не было сначала никакого единообразія: каждый проповѣдникъ дѣйствовалъ по своему личному усмотрѣнію, хотя уже въ 1550 г. была сдѣлана попытка организовать это дѣло на общихъ для всѣхъ малопольскихъ протестантовъ началахъ. На пинчовскомъ съѣздѣ, выселившійся въ Польшу итальянецъ Францискъ Станкаръ, посидѣвшій въ тюрьмѣ по приказанію краковскаго епископа, но освобожденный оттуда тремя протестантскими шляхтичами, предлагалъ ввести „кольнскую реформацію“, еще очень несмѣлую, сохранявшую много слѣдовъ католицизма, но многихъ шляхтичей это не удовлетворяло, и, какъ мы видѣли, Олесницкій началъ выбрасывать иконы. Мѣсто Станкара въ Пинчовѣ занялъ скоро Мартинъ Кровицкій, бывшій католическій священникъ, когда-то учившійся у Меланхтона, а въ 1550 г. женившійся, причемъ обрядъ совершенъ былъ монахами-бернардинами, вызванный за это въ церковный судъ, но не явившійся на вызовъ по совѣту друзей. Кровицкій сталъ здѣсь склоняться къ цвингліанской реформаціи. Были и такіе проповѣдники, которые сочиняли собственное богослуженіе, какъ, напр., нѣкій Альбертъ въ имѣніи Станислава Стадницкаго. Братья чешскіе, распространявшіе свое ученіе въ Великой Польшѣ, старались сдѣлать переходъ къ новой литургіи менѣе замѣтнымъ, но такой образъ дѣйствій мы замѣчаемъ и въ Малой Польшѣ. Особенно въ самомъ началѣ реформированіе церквей происходило несмѣло, и поступокъ Олесницкаго съ иконами не всегда и не вездѣ находилъ подражателей. Вотъ что говоритъ о себѣ упомянутый Кровицкій: „видя, что нѣтъ никого изъ народа (pospólstwa), кто исповѣдывалъ бы истинную вѣру, я служилъ долгое время въ комжѣ и иконы терпѣлъ болѣе, чѣмъ полгода, и только когда стали познавать правду божію, я снялъ комжу и удалилъ иконы безъ всякаго соблазна“. Въ общемъ народъ, посполъство не принимало этихъ новшевствъ, его сердце не лежало къ сухой и отвлеченной религіи, которая притомъ не проповѣдовала ему облегченія въ этой земной жизни, и крестьяне тайкомъ бѣгали къ сосѣднимъ ксендзамъ, отправлявшимъ католическую мессу. Общее

[1]) Любовичъ, 263—265.

поведеніе шляхты, съ другой стороны, не обнаруживало особой ея ревности къ новой вѣрѣ, но за то проявляло большую склонность судить и рядить по своему усмотрѣнію въ дѣлахъ религіи.

Что же дѣлалъ новый король? Какъ отнесся онъ къ нововѣрію?

При его вступленіи на престолъ все, что желало въ Польшѣ реформы церкви, возлагало на него большія надежды, а протестанты такъ до самаго конца его жизни и не теряли этихъ надеждъ. Всѣмъ было извѣстно, что еще въ началѣ сороковыхъ годовъ Сигизмундъ-Августъ держалъ при своемъ дворѣ двухъ проповѣдниковъ, сильно заподозрѣнныхъ въ неправовѣріи, и обѣлялъ ихъ передъ краковскимъ епископомъ Самуиломъ Мацѣёвскимъ. Кальвинъ посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій, а Альбрехтъ прусскій написалъ къ нему письмо, какъ къ своему единомышленнику, убѣждая его содѣйствовать распространенію слова Божія. Къ тому же самый дворъ короля не очень строго соблюдалъ обряды и установленія церкви. Но Сигизмундъ-Августъ остался католикомъ. У него не было твердыхъ, опредѣленныхъ убѣжденій, онъ не способенъ былъ принимать важныхъ рѣшеній, у него не всегда было достаточно энергіи, чтобы приводить въ исполненіе тѣ планы, которые, не смотря на все это, все-таки созрѣвали въ его головѣ. Отъ природы незлобивый, мягкій, терпимый, получивъ изнѣженное воспитаніе, онъ хотѣлъ бы всѣмъ угодить, и когда ему приходилось попадать между двухъ огней, онъ всегда былъ бы радъ устроить дѣло такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Такимъ людямъ по душѣ средніе пути, половинчатыя рѣшенія, компромиссы, а болѣе всего откладывать рѣшеніе, отдалять минуту, когда нужно ясно и опредѣленно высказаться: отсюда вся непослѣдовательность его поведенія, всѣ его попытки откладывать дѣло до завтра, давшія ему прозвище dojutrka. Онъ рѣшалъ и отмѣнялъ свои рѣшенія: въ 1556 г. онъ издалъ приказъ, грозившій безчестіемъ каждому шляхтичу, который сталъ бы помогать отъѣзду его матери Боны, но потомъ самъ же хлопоталъ объ отмѣнѣ этого эдикта, изданнаго по совѣту сенаторовъ. При такомъ характерѣ, оставалось одно—ничѣмъ напередъ себя не связывать или обѣщать безъ твердаго намѣренія исполнять, да и обѣщать-то только, чтобъ отвязаться отъ приставаній, сохраняя для себя какую-либо лазейку. Немудрено, что Сигизмунда-Августа трудно было понять и современникамъ, и потомству: одни ошибались относительно его намѣреній, другіе — относительно сущности его характера. Польскіе протестанты до самой его смерти считали его своимъ тайнымъ сторонникомъ: вотъ-вотъ онъ откроется. Польскіе исто-

рики раздѣлились въ своихъ взглядахъ на этого короля. „Не легко,—говоритъ Закржевскій,—составить себѣ ясное сужденіе о Сигизмундѣ-Августѣ“ [1]). Шуйскій приписываетъ ему особую твердость, „которая позволила ему не отходить никогда отъ разъ намѣченной цѣли“ [2]): ему совѣтовали учинить нѣчто въ родѣ англиканской церкви, но онъ отказался отъ роли „теократа“ и выдержалъ до конца [3]). Для Шуйскаго это—какой-то герой католицизма, политикъ, ловко державшійся выжидательнаго образа дѣйствій въ интересахъ самого дѣла. У него было положительное отвращеніе къ роли теократа, онъ понималъ положеніе Польши: новая церковь имѣла бы оппонентовъ съ точками опоры въ Римѣ, или въ Москвѣ; Рѣчь Посполитая была страной слишкомъ мало варварской и слишкомъ любившей индивидуальную свободу, чтобы превратиться въ „теократію восточнаго царата“; для него подчиненіе церкви государству было возвращеніемъ къ язычеству, и католицизмъ былъ для него средствомъ въ борьбѣ съ Востокомъ за принципы религіи и западной цивилизаціи, а потому онъ не согласился на „ретрогрессію“, на возвращеніе къ Руси, на отказъ отъ высшихъ аспирацій Запада, какимъ были бы утраквизмъ, бракъ священниковъ, народный языкъ въ богослуженіи. О политическую идею и сознательную твердость короля, по Шуйскому, разбились всѣ планы нововѣровъ. Иначе судитъ Бобржинскій: Сигизмундъ-Августъ былъ талантливъ, зналъ свѣтъ, умѣлъ пользоваться людьми для своихъ цѣлей, не останавливался передъ средствами, но вся его политика была низменнаго сорта, слишкома мелко плавала при великихъ задачахъ времени; у Сигизмунда-Августа не было широты взгляда, высшаго честолюбія, энергіи, моральной силы; онъ видѣлъ, въ чемъ нуждалась Польша, предсказывалъ паденіе и не умѣлъ поступить рѣшительно [4]). Въ началѣ своего царствованія онъ могъ бы, по Бобржинскому, сдѣлаться господиномъ положенія, но онъ не уловилъ момента [5]): его нерѣшительность въ дѣлѣ національнаго собора и паденіе надеждъ на „костёлъ народовый“ толкнули всѣ горячія головы на самовольную перемѣну вѣры, стали твориться секты, и реформація сдѣлалась источникомъ смуты и анархіи [6]). Таковы сужденія о Сигизмундѣ-Августѣ. Ошибались и нововѣры, считавшіе его совсѣмъ своимъ; ошибается и Шуйскій, изображая его по-

[1]) Zakrzewski, Powstanie reformacyi, 55.
[2]) Szujski, Dzieje Polski. II, 251,
[3]) Szujski, Odrodzenie i reformacyja, 94—98, 105—106.
[4]) Bobrzynski, II, 76—77.
[5]) Тамъ-же, 65 и д.
[6]) Тамъ-же, 97, 105.

литикомъ съ ясной опредѣленной цѣлью впереди, ради которой онъ шелъ на временныя и только кажущіяся уступки, на самомъ дѣлѣ не теряя ее изъ виду и преслѣдуя ее съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Бобржинскій вѣрнѣе понялъ характеръ Сигизмуда-Августа, но едва ли „костелъ народовый“ не далъ возникнуть сектамъ. Къ переходу въ протестантизмъ по убѣжденію онъ не былъ способенъ, потому что индифферентно относился къ вопросамъ, раздѣлявшимъ тогдашнее западное христіанство, да и вообще такой переходъ потребовалъ бы отъ него слишкомъ рѣшительнаго шага, а оставить политику постояннаго лавированія онъ не былъ способенъ по самой сущности своего характера, тѣмъ болѣе, что всякій слишкомъ рѣшительный шагъ создалъ бы массу затрудненій, которыя вообще онъ старался обходить: вся забота его была въ томъ, чтобы въ данную минуту не было никакихъ замѣшательствъ, что̀ бы тамъ въ концѣ-концовъ ни вышло. Старикъ-отецъ держалъ страну въ покоѣ, никому не потворствуя, сынъ хотѣлъ достигнуть той же цѣли, на сегодняшній день по крайней мѣрѣ, всѣмъ обѣщая и всѣмъ стараясь угодить, хоть на самое-самое короткое время. Отсюда его непослѣдовательность, неопредѣленность его поведенія въ религіозномъ вопросѣ. Онъ точно хотѣлъ, чтобы все уладилось само собою безъ его вмѣшательства и участія, и въ то же время препятствовалъ этому, создавая своей нерѣшительностью, своей непослѣдовательностью, своей безтактностью, противрѣчіями своей политики всевозможныя помѣхи тому, чтобы дѣло двигалось, а не толклось на одномъ мѣстѣ: его „дозавтрашничество“ было выраженіемъ безсильнаго желанія либо остановить исторію, либо устранить себя изъ нея. Это не былъ человѣкъ твердаго рѣшенія и неукоснительнаго исполненія: ему не годились роли ни Генриха VIII, ни Филиппа II, а между тѣмъ, все-таки это былъ человѣкъ желанія, человѣкъ страсти, доходившей до маніи, человѣкъ извѣстнаго упрямства въ вопросахъ, касавшихся лично его самого. Въ политикѣ онъ былъ упрямъ лишь тогда, когда къ нему очень приставали за рѣшительнымъ поступкомъ, да и тутъ упрямство выражалось не въ упорномъ отказѣ, а обѣщаніяхъ сдѣлать со временемъ, въ умѣніи отдѣлываться словами, лишь бы только поставить на своемъ и не рѣшаться.

У Сигизмунда-Августа духовенство выхлопатывало безсильныя мѣры противъ „еретиковъ“, не приводившіяся въ исполненіе и отмѣнявшіяся. Разныя обѣщанія епископамъ и папскимъ нунціямъ не мѣшали ему, однако, дружить съ завѣдомыми „еретиками“, оправдываясь (онъ такъ оправдывался передъ Коммендоне), что

трудно знать, кто еретикъ, кто католикъ. Радзивиллъ Чорный одинъ изъ видныхъ нововѣровъ на Литвѣ, былъ очень близкимъ ему человѣкомъ, также и другіе нововѣры. На сенаторскія мѣста онъ назначалъ людей, „ересь“ которыхъ ему была хорошо извѣстна, а давъ папѣ обѣщаніе сдѣлать генералъ-старостой великопольскимъ непремѣнно католика, онъ назначилъ на это мѣсто протестанта Якова Остророга. Уже на смертномъ одрѣ, онъ сдѣлалъ воеводою и старостою краковскимъ кальвиниста Яна Фирлея, бывшаго уже великимъ короннымъ маршаломъ, и это дѣлалъ король, который между двумя названными назначеніями послалъ наказъ познанскому магистрату, чтобы на городскія должности выбирались самые достовѣрные католики. Чисто личныя отношенія и совершенно минутныя обстоятельства часто играли роль въ политикѣ Сигизмунда-Августа: люди оказывали на него бо̀льшее вліяніе, чѣмъ идеи, и впечатлѣнія, вызванныя событіями дня, скрывали отъ глазъ короля общее положеніе дѣлъ въ государствѣ.

Для реформаціи въ Польшѣ было небезразлично, въ какое отношеніе станетъ къ ней король. Нѣкоторые историки объясняютъ первоначальный успѣхъ реформаціи тѣмъ, что король въ Польшѣ былъ монархъ ограниченный [1]), но въ сущности у короля было все-таки много власти, особенно въ назначеніи на должности епископовъ, воеводъ, каштеляновъ, старостъ. Такое право одно кое-что значило, и впослѣдствіи католическая реакція пользовалась имъ для поддержки правовѣрія, систематически назначая на важныя должности только самыхъ испытанныхъ католиковъ, а, между тѣмъ, въ царствованіе Сигизмунда-Августа всѣ главнѣйшія, напр., дигнитарства великопольскія были въ рукахъ протестантовъ.

Итакъ, въ самомъ началѣ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, относя это начало къ сороковымъ годамъ XVI вѣка, вступилъ на престолъ новый король, неспособный ни овладѣть этимъ движеніемъ, насколько это было возможно, ни оказать ему сильное противодѣйствіе, насколько оно тоже было возможно. Послѣднее обстоятельство благопріятствовало почти безпрепятственному распространенію реформаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вынуждало протестантовъ подумать серьезнѣе о томъ, чтобы сплотить свои силы, организоваться въ политическую партію. Только одинъ клиръ встрѣтилъ единодушную оппозицію, но она скорѣе была обще-шляхетскимъ, чѣмъ исключительно протестантскимъ дѣломъ.

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Zawadzki, Mikołaj Rej, стр. 10. Сравн. 19 и слѣд.

ВЪ НЕПОЧАТОМЪ УГЛУ

Замѣтки обывателя.

XI *).

Семейные Лапкина, измученные прежнею жизнью, поспѣшили довѣрчиво принять то, что давало имъ настоящее. Никольскіе вполнѣ раздѣляли ихъ радость, о Большаковыхъ и говорить нечего — это было ихъ личное дѣло. Задумывался только Иванъ Яковлевичъ. Какъ человѣкъ опытный, онъ не увлекался излишними надеждами и говорилъ, что успокоится не прежде какъ получитъ отъ Лапкина формальное согласіе, т.-е., когда Петръ Иванычъ будетъ объявленъ женихомъ Александры Васильевны предъ всѣми знакомыми; до тѣхъ же поръ считалъ онъ дѣло не конченнымъ.

И Авдотья Семеновна, и Никольскіе посмѣивались надъ мнительностію старика. „Чего еще больше,—говорили они, — даже шампанское пили"! Но Иванъ Яковлевичъ не убѣждался и оставался при своемъ.

Наступила пора уборки хлѣбовъ; рожь начали жать, пшеница ранняго посѣва тоже просила серпа. Глушковскій базаръ продолжалъ наполняться по праздничнымъ днямъ огромными толпами пришлыхъ жнецовъ, для найма которыхъ съѣзжались посѣвщики изъ окрестныхъ селъ, деревень и хуторовъ. Наемка сопровождается иногда характерными явленіями; не обошлось безъ того и на этотъ разъ. Еще за долго до покосовъ былъ пущенъ слухъ, что въ степяхъ ожидается необычайный урожай и травъ, и хлѣбовъ,

---

*) См. выше: августъ, 666 стр.

что рабочихъ потребуется много и что цѣны на работы будутъ очень высоки. Нуждающійся и потому легковѣрный народъ принималъ такіе слухи за правду и шелъ на нихъ массами. Жнитво —не то, что покосъ, теперь Глушковская площадь еще наканунѣ „наемки“ покрывалась тысячами пришлыхъ рабочихъ, съ котомками на спинѣ, въ рукахъ съ серпомъ, обернутымъ тряпицей. Больше чѣмъ на половину было бабъ, какъ извѣстно, менѣе устойчивыхъ и терпѣливыхъ; не мало насчитывалось и подростковъ.

Едва пробилась утренняя зорька, весь этотъ людъ, спавшій тутъ же на площади, былъ на ногахъ. Въ твердой увѣренности, что цѣна на жнитво установится, какъ говорили слухи, около 20 руб. за хозяйственную десятину, народъ сначала спокойно и терпѣливо ожидалъ нанимателей; но время летѣло, а „настоящихъ“ нанимателей еще не было. Ходили, правда, какія-то личности съ рысьими глазками, съ маленькими клинообразными бородками, въ пуховыхъ картузахъ и длиннополыхъ кафтанахъ, обнюхивали—чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ и прислушивались къ народному говору; многозначительно покашливали они въ руку, при встрѣчахъ шептались между собою и тайкомъ улыбались, тогда какъ по глазамъ ихъ было видно, что они каждую минуту готовы проглотить другъ друга живьемъ.

Господа эти были приказчики-развѣдчики, „арендательскіе молодцы“. Въ числѣ ихъ находились и приказчики Лапкина. Походятъ, походятъ они по базару, а потомъ незамѣтно скроются, переговорятъ съ своими хозяевами и опять появятся въ толпѣ и продолжаютъ принюхиваться и прислушиваться. Они высланы только для соглядатайства, „примѣчаютъ“ и за народомъ, и за товарищами по ремеслу. Приказчикъ Обмѣркина „примѣчаетъ“ за приказчикомъ Обвѣскина, приказчикъ Обвѣскина „примѣчаетъ“ за приказчикомъ Лапкина, тотъ за обоими первыми и т. д.

Соскучившійся долгимъ ожиданіемъ народъ начинаетъ понемногу волноваться и въ это время распространяется слухъ, что урожай у насъ далеко не важный, а развѣ что средній и то еще неизвѣстно, какъ выйдетъ зерномъ — можетъ, и ниже средняго, что рабочаго народа на всѣхъ наемныхъ пунктахъ видимо-невидимо и съ каждымъ днемъ прибываетъ, и т. п.

На площади начинается громкій говоръ, похожій на отдаленный шумъ волнъ, по мѣстамъ проявляются довольно рѣзкія выходки нетерпѣнія со стороны рабочихъ.

Опытные соглядатаи ждали этой минуты.

Въ разныхъ пунктахъ площади останавливаются они противъ

жнецовъ и съ любознательностью людей, никогда не видѣвшихъ серпа, ощупываютъ это орудіе заскорузлыми пальцами.

— Жать, вишь, собрались? — спрашиваютъ невинные развѣдчики.

— Ништо, — отвѣчаютъ мужики.

— Изъ какихъ мѣстовъ Господь принесъ?

— Тамбовски... Ты нанимаешь что ли? Такъ мы бы, пожалуй, насъ вотъ артель 60 человѣкъ.

— Нѣтъ, мы такъ, значитъ, для-ради любопытствія одного спросили. Куда намъ такую прорву 60 человѣкъ, намъ и двухъ десятковъ за глаза! Подождемъ, посмотримъ, какъ другіе нанимать станутъ, время терпитъ, у насъ и хлѣбъ-то еще не дошелъ.

— А ты нечего зубы-то заговаривать, — слышится изъ толпы: — ты напрямки сказывай: какую даешь цѣну?

— Я и сказываю, что намъ еще не надо...

Приказчикъ отходитъ на нѣсколько шаговъ.

— А ваша цѣна какая будетъ? — оборачивается онъ.

— Двадцать рублевъ! — голосятъ изъ толпы.

Приказчикъ отодвигается еще на нѣсколько шаговъ и опять оборачивается.

— Это примѣрно на ассигнаціи? — спрашиваетъ онъ и, не ожидая отвѣта, моментально скрывается изъ вида.

Толпа посылаетъ вслѣдъ приказчика народное напутствіе.

Толпа, и въ особенности женщины, волнуется больше и больше, въ загорѣлыхъ и истомленныхъ лицахъ замѣтно сильное возбужденіе. Вдругъ, съ одного конца площади точно грозный девятый валъ несется гулъ:

— Семь рублевъ даютъ, семь рублевъ только!

— Держи его длиннополаго! Бей его, колугура [1])!

Въ другомъ углу площади маленькая партія жнецовъ, не желая тратить время въ безполезныхъ ожиданіяхъ, согласилась наняться сжать небольшой загонъ по 7 руб. за десятину. Но здѣсь уже всѣ вступились.

— Бей ихъ, отродчиковъ! — бей ихъ, чтобы не роняли цѣны!..

Но это уже послѣдняя вспышка народной досады. Солнце подвигается къ полудню, отощавшій и утомленный народъ затихаетъ, развѣдчики, попрятавшіеся — было по закоулкамъ и задворкамъ, вылѣзаютъ изъ засады и осторожно пробираются на площадь; немного погодя выступаютъ и сами Обмѣркины, Обвѣскины, Лапкины и т. п. Преисполненные сокрушеніемъ о грѣхахъ всего

[1]) Народное прозвище раскольника.

рода человѣческаго, кромѣ своихъ, конечно, они смиренно разсуждаютъ:

— Гм... Семь рублевъ. Какъ это можно! Народъ — тоже вѣдь вонъ откуда шелъ, обижать его понапрасну грѣшно, Господу Богу отвѣтишь. По нынѣшнимъ хлѣбамъ не грѣхъ полтинку накинуть, а по мѣстамъ — и всѣ восемь можно дать.

Но и эти семь съ полтинкой и восемь — не больше какъ пробный шаръ, пущенный предъ народомъ съ цѣлію вызнать, какъ онъ взглянетъ на него. Ясно, что утомившіеся жнецы готовы вступить въ сдѣлку и изъ ожидавшихся 20 спустили значительно, поприбавили и землехозяева, торгъ вертится около 10 руб., дѣло почти „на мази", вотъ-вотъ ударитъ кто-нибудь порукамъ, „започнетъ", и не больше какъ черезъ часъ площадь опустѣетъ. Всѣ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ ожидаютъ рѣшительной минуты, что на площади возстановляются относительныя тишина и порядокъ. Но чу... колокольчикъ! Въ продольной съ площади улицѣ видѣнъ столбъ пыли; онъ быстро подвигается впередъ, влетаетъ на базаръ, и глазамъ народа открывается взмыленная пара неукротимыхъ башкирокъ, плетенка на елабугскомъ ходу и въ ней сѣрый нанковый кафтанъ, сѣрое же отъ пыли лицо съ козлиною бородкою и пуховый картузъ на головѣ.

Пріѣзжаго узнаютъ тотчасъ же и въ народѣ слышатся слова:

— Приказчикъ Гольцова!.. Быть дѣлу!

— Все дѣло теперь изгажено,—ропщутъ арендаторы:—ахъ, пострѣли его наразно! Малость такъ не успѣли закончить...

Гольцовъ, по количеству собственныхъ и арендуемыхъ земель, представляетъ собою нѣчто въ родѣ степного короля, уставщика и заправилы, по камертону котораго поетъ вся палестина.

Между тѣмъ, пріѣхавшій круто осаживаетъ лошадей и, не выходя изъ телѣжки, зычнымъ голосомъ кричитъ:

— Эй, народъ! Азія! Почемъ цѣна?!

Обмѣркины и Обвѣскины—мелюзга въ сравненіи съ Гольцовымъ—только искоса посматриваютъ на пріѣзжаго, а онъ, не обращая на нихъ вниманія, продолжаетъ вызывать:

— Эй, вы! Пенза—толста нога! Сколько васъ тутъ, подходите! Какая, молъ, цѣна?

Телѣжку окружаетъ толпа, изъ которой слышатся голоса:

— Десять монетъ хозяйственну ладятъ!

Пріѣзжій поднимается въ телѣжкѣ на ноги и кричитъ еще громче:

— Кто хочетъ на наши участки?! Двѣнадцать за десятину даю!..

— Мы, мы желаемъ! — реветъ толпа; телѣжку тѣснятъ со всѣхъ сторонъ.

— Кто согласенъ на 12-ть, давай сюда паспорты! — кричитъ приказчикъ.

Начинается невообразимая возня и давка. Народъ присѣдаетъ на корточки, торопливо снимаетъ котомки, достаетъ изъ нихъ гербовые полулисточки и сотни рукъ, въ перебой, протягиваются къ телѣжкѣ.

— Вали въ плетенку! — командуетъ приказчикъ: — вали-валомъ, после разберемъ!

Телѣжка наполняется паспортами. Приказчикъ достаетъ изъ-подъ козелъ плетеную кошелку и начинаетъ складывать въ нее „письменные виды“.

— Разъ, два, три, — считаетъ онъ: — двадцать-девять, двадцать-десять, тридцать... тридцать-девять, тридцать-десять, сорокъ... Ровно 300! Слышите? — спрашиваетъ онъ у 324 человѣкъ, отдавшихъ ему виды.

— Слышимъ! Ровно 300.

— Ну, орда, я теперь поѣду, а вы идите слѣдомъ за мной. Вотъ, по малиновской дорогѣ идите. Тамъ въ Малиновкѣ встрѣтите другого приказчика; онъ укажетъ вамъ, куда идти.

— Можетъ, далеко? — спрашиваетъ толпа.

— Вплоть! — коротко отвѣчаетъ приказчикъ и трогаетъ съ мѣста. — Не запаздывайте, — приказываетъ онъ народу: — ждать васъ не станемъ!

Гольцовскіе жнецы торжествуютъ. Но соглядатаи надъ ними подшучиваютъ.

— Идите, идите, — говорятъ они имъ, съ двусмысленной улыбочкой.

— А что? — не безъ сомнѣнія спрашиваютъ они.

— Да ничего; идите... Не запоздайте, смотрите.

Наемка установилась по 12 руб., толпа начала рѣдѣть, по разнымъ улицамъ разсыпались отдѣльныя партіи жнецовъ отъ 10 и до 100 человѣкъ и въ сопровожденіи нанимателей или приказчиковъ ихъ пошли по своимъ мѣстамъ.

Гольцовскіе жнецы закусили, соснули часокъ и двинулись въ путь. Въ Малиновку пришли они еще до солнечнаго заката, тамъ ихъ дѣйствительно ожидалъ другой приказчикъ, но того, чѣмъ онъ встрѣтилъ ихъ, жнецы никакъ не ожидали.

— Вы съ глушковской наемки? — спросилъ приказчикъ, гарцуя верхомъ на конѣ и поигрывая нагайкой.

— Да.

— Васъ Иванъ Терентьичъ нанималъ?

— Не знаемъ мы имя-отечества его, видали только, что онъ въ казинетовомъ кафтанѣ.

— Картузъ суконный.

— Бородка клинушкомъ, будто какъ у козы.

— Онъ самый, — подтверждаетъ приказчикъ: — почемъ онъ васъ нанялъ?

— По двѣнадцати за хозяйственну.

— Вотъ что,—говоритъ приказчикъ:—часа два тому назадъ проѣхалъ здѣсь Иванъ Терентьичъ и велѣлъ сказать вамъ, что въ Дубровкѣ онъ нанялъ артель въ 500 человѣкъ по 10 руб. за десятину. Если хотите работать за эту цѣну — идите, я провожу васъ, куда слѣдуетъ, а ежели нѣтъ, такъ какъ знаете. Неволить не будемъ, у насъ этого не водится, чтобы силкомъ или обманомъ, у насъ, по Божьи.

Начинается невообразимый шумъ, жалобы неизвѣстно кому, угрозы, упреки, потомъ оханье и аханье, потомъ просьбы—возвратить паспорты.

— Паспортовъ вашихъ у меня никогда не было, братцы, и сейчасъ нѣтъ. Сами знаете—я отъ васъ ихъ не получалъ.

— Да мы этому самому, какъ его... Иванъ Терентьичъ что ли?—ему препоручили.

— У него, смотри, они и будутъ.

— Да гдѣ онъ самъ-отъ? Давай его сюда на глаза!

— Самъ онъ, милые, далече теперь, пожалуй, не догоните... На участокъ онъ уѣхалъ, Ковыловскій этотъ участокъ по нашему будетъ, 30 верстъ отсюда.

— Зачѣмъ онъ съ собой-то увезъ?

— А запамятовалъ, видно; дѣловъ-то у насъ съ нимъ не съ ваше. Такъ-тось.

— Какъ же быть?!—чуть не съ отчаяніемъ восклицаютъ рабочіе и разводятъ руками.

— Право ужъ и не знаю, голуби мои; дѣло это ваше, думайте, какъ лучше для васъ. А ежели на мой разсудокъ полагаетесь, такъ я скажу вамъ вотъ что: пошелъ народъ, изъ вашинскихъ же, по 10 рублевъ и вы идите, только и всего! Попусту вѣдь недѣлю-то проболтаетесь и послѣдніе гроши исхарчите... Впрочемъ, счастливо оставаться! мнѣ тоже калякать-то съ вами некогда.

И прежде, чѣмъ жнецы успѣли что-нибудь сказать, степной скакунъ несъ прикащика уже далеко.

Впереди у жнецовъ оставалась цѣлая ночь; было когда обсудить—что предпринять и дѣлать.

Сонъ укрѣпилъ и успокоилъ ихъ, а съ утренней зарей они длинною вереницею шагали по глухой дорожкѣ, пробираясь на ковыловскій участокъ.

„Утро мудренѣе вечера", и точно—сколько ни разсуждали съ вечера, а проснувшись утромъ, увидѣли, что прежде всего необходимо выручить „по ошибкѣ" увезенные паспорты.

Прослѣдимъ ужъ и мы за ними до конца.

Пришли рабочіе на ковыловскій участокъ и никакой другой партіи въ 500 человѣкъ, разумѣется, не встрѣтили и не видали: на другой-де участокъ отправлена она, сказали имъ. Началсябыло опять шумъ, но никакого прока изъ этого не вышло, а когда дѣло дошло до угрозъ и очень не шуточныхъ, то у Ивана Терентьича въ запасѣ оказался великій укротитель несговорчивыхъ людей, въ видѣ боченка съ водкой. Выпили по чарочкѣ, по другой и сдѣлались поуступчивѣе. У рабочихъ словно повязка съ глазъ спала и они только сейчасъ одумались, что забравшись въ даль отъ наемныхъ пунктовъ, имъ выбирать не изъ чего, пришлось остаться и жать по 10 руб. за десятину.

Отработали что слѣдовало, пришли получать плату и, вмѣсто 10 руб., получили меньше 8-ми за десятину.

Опытный по хозяйственной части Иванъ Терентьичъ объяснилъ все дѣло простымъ недоразумѣніемъ со стороны рабочихъ. Оказалось, опять при помощи того же боченка, что пензенскіе жнецы ведутъ совсѣмъ не такой счетъ хозяйственный десятинѣ, какой введенъ въ употребленіе Гольцовымъ; его-то десятина нѣсколько побольше.

— Да,—назидалъ на прощаньѣ жнецовъ Иванъ Терентьичъ:—у насъ здѣсь своя мѣра—степная. Напредки—знайте объ этомъ.

И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: „суди его Богъ"!..

XII.

Почти всегда такъ бываетъ, что наемъ рабочихъ косцовъ или жнецовъ сопровождается выпивкою, иногда на счетъ нанимателя, если онъ изъ щедрыхъ, или когда наниматель скупенекъ и „баловать" рабочихъ не любитъ, они выпиваютъ за свой счетъ, складывая, въ чаяніи великихъ заработковъ, послѣдніе гривны и пятаки. Гривенъ и пятаковъ набирается, должно быть, очень не

мало, потому что виноторговцы страдную пору называютъ „покосомъ“ для себя, а сколько пропивается при возвращеніи съ работы, можно судить по тому, что многіе рабочіе возвращаются домой безъ копѣйки.

Въ „питейныхъ“ Лапкина торговля шла бойко. То-и-дѣло останавливались передъ ними бочки съ привезенною изъ его же склада водкою, разливъ которой производилъ онъ всегда подъ личнымъ наблюденіемъ, изъ опасенія, чтобы служащіе — чего добраго — „не переложили“ какого-нибудь зелья. „Разсыропливалъ“ Лапкинъ вино на нѣсколько сортовъ, отмѣчая каждый изъ нихъ своеобразнымъ названіемъ. Такъ, напримѣръ, водка самой высокой крѣпости называлась у него „королевской“, за нею въ нисходящемъ порядкѣ шли: „барская“, „поповская“, „обыкновенная“ и наконецъ „мужицкая“. Послѣдняя, съ цѣлію возбудить жажду къ вину, разбавлялась водою до невозможности; но за то Василій Никандровичъ подкладывалъ въ нее такую дозу поташу и, какъ выражался онъ — „сибирлету“, что ядовитости вина не выдерживало никакое „нутро“ и мужикъ, выпивъ такой водки, начиналъ кашлять и смигивать проступавшіе на глазахъ слезы. Впрочемъ — нужно отдать справедливость — Лапкинъ не возбранялъ мужикамъ пріобрѣтать и привилегированные сорта, разумѣется, за соотвѣтствующую цѣну.

Въ описываемый нами день, Василій Никандрычъ былъ въ Глушковѣ и съ ранняго утра находился въ винномъ складѣ, приготовляя къ завтрешнему базару „свѣжій товаръ“. Только къ полудню, убѣдившись личнымъ опытомъ, что все „въ надлежащихъ градусахъ“, онъ явился къ Большаковымъ, съ лицомъ цвѣта спѣлой малины и съ помутившимися уже глазами.

Петра Иваныча не было дома. Надя занималась у Никольскихъ рукодѣльемъ, а мы втроемъ домосѣдничали.

— Однако же уходился я въ этой „винной атмосферѣ“, — сказалъ Лапкинъ, разсмотрѣвъ отраженіе своей физіономіи въ зеркалѣ, передъ которымъ поправлялъ прическу и попросилъ чаю.

Чай съ неизбѣжною при этомъ закускою были поданы, и радушіе Большаковыхъ, выказанное при угощеніи Лапкина, равнялось ихъ нетерпѣнію услышать обѣщанный отвѣтъ на предложеніе; но гость держалъ въ умѣ свое дѣло и, послѣ двухъ-трехъ фразъ о новостяхъ, перешелъ къ нему весьма круто.

— Ну, Иванъ Яковлевичъ, выручай деньгами—жнитво наступило.

Большаковъ тихо засмѣялся.

— Вы все о деньгахъ хлопочете, Василій Никандрычъ, а

мы ждали васъ съ другими вѣстями. Надѣялись услышать отвѣтъ на счетъ Петра. Надумали что, или нѣтъ?

— Надумалъ, Иванъ Яковлевичъ, надумалъ. Какъ же, помилуй! Я объ этомъ дѣлѣ думаю ежеминутно и—надумалъ.

— Что же надумали-то? — спросила Авдотья Семеновна, передавая ему стаканъ чаю;—объявите ужъ и намъ. А то время идетъ, Петя—ни въ тѣхъ—ни въ сѣхъ, да и мы тоже сердцемъ болѣемъ.

— Нн-ну, это вы, достопочтеннѣйшая Авдотья Семеновна, совсѣмъ ужъ напрасно; совсѣмъ напрасно! Никогда и ничего не принимайте близко къ вашему чувствительному сердцу,—это вамъ мой совѣтъ. Излишняя чувствительность можетъ вредно отозваться на вашемъ нѣжномъ организмѣ. Вотъ вамъ примѣръ — моя Аннета. Она отъ того только и больна, что все къ сердцу принимаетъ. И вотъ—не здорова! А для меня развѣ легко это, а?

Лапкинъ, вѣроятно, и самъ понималъ, что лгалъ непозволительно; но такова ужъ была его страсть рисоваться и болтать; въ настоящемъ же случаѣ болталъ онъ не безъ задней мысли, желая уклониться отъ прямого отвѣта. Не малое время продолжалось это переливанье изъ пустого въ порожнее; Большаковъ еще разъ повторилъ вопросъ; но Лапкинъ, какъ бы и не слыхалъ о чемъ его спрашивали и продолжалъ прерванную рѣчь:

— Прекрасный молодой человѣкъ вашъ Петръ Иванычъ! Оно, впрочемъ, и понятно:—у такихъ благочестивыхъ и строгихъ родителей, какъ вы, плохого дѣтища быть не можетъ. Нно... къ обоюдному нашему прискорбію, долженъ сказать откровенно, что практическаго развитія ему недостаетъ — вотъ что! Я намѣреваюсь заняться имъ серьезно... Даю вамъ слово сдѣлать изъ него человѣка!

— Это вы, Василій Никандрычъ, — горячо возразилъ Большаковъ:—совсѣмъ напрасно будете утруждать себя. Я Петра знаю, онъ не изъ податливыхъ; свое дѣло ведетъ хорошо—большаго и не требуется.

— Э-э, нѣтъ-съ, Иванъ Яковлевичъ, нѣтъ!—позвольте ужъ не согласиться съ вами. Таланта зарывать въ землю не слѣдуетъ, необходимо пускать его въ оборотъ и пріумножать... Нда-съ!.. Берите примѣръ съ меня...—но языкъ его, вѣроятно, отъ близкаго сосѣдства съ закуской, костенѣлъ и не успѣвалъ за мыслью; Лапкинъ начиналъ путаться и, чтобы замять это, сказалъ:

— Водка у васъ, доложу вамъ, превосходная; отъ Пѣночкина?

— Отъ него.

— Вишь, дочь сватаетъ, а водку въ городѣ покупаетъ!.. А какой я нынче ассортиментъ приготовилъ—прелесть... Такъ какъ же сватъ: на счетъ денегъ-то?

— О деньгахъ чтоже толковать много, за деньгами дѣло не станетъ: вы прежде отвѣтъ скажите.

— Скажу, другъ, скажу. Не сокрушайся старикъ... И вы, любезнѣйшая Авдотья Семеновна, и вы тоже, Андрей Николаичъ... Обождите немного! Сами видите, сколько у меня дѣла; у любого исправника нѣтъ столько, сколько у меня!.. Ты вотъ, старче праведный, давай мнѣ денегъ и начнемъ убирать хлѣбъ, а молодые люди пусть видятся по немножку.

— Не водится такъ у насъ, въ крестьянствѣ, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ, — чтобы по долгу шло сватовство... Разговоры могутъ выйти.—Но Лапкинъ пьянѣлъ все больше и больше. Отъ него такъ и не добились отвѣта. Въ концѣ концовъ онъ началъ уже бушевать и ругаться, и его нужно было уложить спать.

Визитъ Лапкина произвелъ на Большаковыхъ удручающее впечатлѣніе. Въ теченіе двадцатилѣтняго знакомства имъ хотя и не разъ приходилось встрѣчать Василія Никандрыча „во всяческихъ видахъ“; но теперь-то, послѣ двухъ недѣль ожиданія, они никакъ не думали увидѣть и услышать то, чему были свидѣтелями.

Обѣдать въ этотъ день мы не садились. Къ вечеру пришли Никольскіе всѣмъ семействомъ, въ саду устроили чай и по немногу успокоились. Иванъ Яковлевичъ къ этому времени тоже „передумался“. Проснулся и Лапкинъ; но, узнавъ, что у насъ гости, не вышелъ, а спросивъ у кухарки поѣсть, закусилъ и вновь легъ спать.

Утромъ слѣдующаго дня, Лапкинъ, какъ только проснулся, пошелъ въ рѣку и долго купался въ холодной водѣ, „выгоняя изъ себя вчерашнюю дурь“. Столкнувшись съ нимъ въ саду послѣ купанья, я никакихъ признаковъ хмѣля въ немъ не замѣтилъ; онъ былъ свѣжъ, бодръ и крѣпокъ.

Василій Никандрычъ взялъ меня подъ руку и спросилъ:

— А что, вчера я, кажется, немножко... того?

— Нѣтъ ужъ не немножко, а какъ нельзя быть хуже, — отвѣтилъ я.

— Гм... скверно... Поправлять надо какъ-нибудь.

За чаемъ онъ, съ видомъ глубочайшаго смиренія и раскаянія, долго извинялся передъ Большаковыми и когда они смяг-

чились, упросилъ ихъ не тревожить его на счетъ свадьбы до окончанія уборки хлѣбовъ, а затѣмъ получивъ и на это согласіе, занялъ-таки у Ивана Яковлевича денегъ и отправился на базаръ нанимать жнецовъ.

— Ну, Яковличъ, — сказала Авдотья Семеновна по уходѣ гостя:—и правда твоя, будетъ намъ съ нимъ хлопотъ!

— Что дѣлать-то, для сына вѣдь; можно и стерпѣть. Не то еще увидимъ, погоди вотъ.

— Хорошо еще, что Пети нѣтъ дома; пожалуй, онъ и не уважилъ бы ему.

— Ты, старуха, вотъ что:—Петѣ всего не разсказывай... не смущай парня, и безъ того ему трудно.

Петръ Иванычъ возвратился изъ города только къ обѣду. Узнавъ о результатахъ посѣщенія Лапкина, онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Дѣлать нечего, подождемъ...

XIII.

Захвативъ съ собою только-что полученную почту, я ушелъ въ садъ и, уединившись тамъ, занялся ею на свободѣ.

Изъ бесѣдки, въ которой сидѣлъ я, все зарѣчье и половина села виднѣлись какъ на ладони.

Не хотѣлось идти въ душную комнату. Взглядъ приковывала широкая степь, залитая ослѣпительнымъ блескомъ полуденнаго солнца и, въ ожиданіи вечерней прохлады, проникшая подъ жгучими его лучами. Въ воздухѣ струилось марево, синѣющая даль тонула въ туманной мглѣ и незамѣтно сливалась съ небосклономъ. По временамъ показывались свѣтлыя облачка пыли и, вслѣдъ за путникомъ, бѣжали по дорогѣ, вытягиваясь въ прозрачную ленту, пронизанную солнечнымъ лучемъ. Студенецъ, то прячась въ узкихъ берегахъ, то разливаясь по низинамъ въ широкіе плесы, ясно отражалъ чистую лазурь безоблачнаго неба и прибрежные камыши. Въ зарѣчныхъ лугахъ зеленѣли еще стога недавно скошеннаго сѣна, а дальше за ними золотились полосы несжатаго хлѣба. Пахнулъ легкій вѣтерокъ и все пришло въ движеніе; и марево, и облака пыли, и хлѣба—все заволновалось. Но вѣтерокъ будто хотѣлъ пошутить только, пронесся—и нѣтъ его, и опять все успокоилось и замерло въ прежней неподвижности.

На улицѣ было безлюдно; всѣ въ поляхъ на жнитвѣ; дома

только малыя дѣти да немощные старики, хранители домашняго очага отъ лихого человѣка, а больше всего отъ „краснаго пѣтуха“, такъ часто навѣщающаго наши села въ страдную пору.

Отживающіе трудовой вѣкъ старцы сидѣли на завалинахъ, на солнечномъ припекѣ, грѣли износившееся тѣло и ноющія, изломанныя тяжкимъ трудомъ кости. Пока до могилы насталъ и для нихъ небольшой отдыхъ. Хороводятся они теперь со своими внучатами-младенцами и утѣшаются, глядя на ихъ веселыя забавы.

Часамъ къ пяти дня собрались у насъ дѣвицы Лапкины, семейство Никольскихъ и школьный учитель съ женой.

Въ ожиданіи обѣщаннаго посѣщенія невѣсты, Петръ Иванычъ вернулся изъ поля къ этому же времени; Иванъ Яковлевичъ, оставшись наблюдать за работами самъ, отпустилъ его домой ранѣе обыкновеннаго. Чай, который пили опять въ саду, прошелъ весело и беззаботно. Собрались Лапкины домой и мы всѣмъ обществомъ отправились провожать ихъ.

Опускался вечеръ. Солнце уже закатилось и отблескъ послѣднихъ лучей вечерней зари игралъ на блѣдной лазури неба золотисто-розовымъ сіяніемъ; въ потемнѣвшей котловинѣ Студенца, берегомъ котораго шли мы, начиналъ клубиться легкій паръ. Порою навѣвалъ живительный вѣтерокъ.

По дорогѣ къ хутору, надъ обрывомъ берега, вѣковалъ высокій курганъ, обросшій у основанія кустами бобовника. По народному преданію, въ нѣдрахъ кургана хранился кладъ, зарытый еще первыми насельниками степи. Многимъ благочестивымъ старцамъ и старицамъ, соблюдавшимъ во всей чистотѣ и неприкосновенности „старую, отческую вѣру“, слышались въ сновидѣніяхъ гласы объ этомъ кладѣ, многіе изъ нихъ „усподобились“ даже видѣть „въ полунощный часъ“ теплившіяся на курганѣ свѣчи воску яраго, и вслѣдствіе этого многіе, и не одинъ разъ, сдѣлали попытки подкопаться подъ курганъ со стороны рѣки; но кладъ „не давался“... по неизвѣстности заговора, съ которымъ зарытъ. Споры, происходившіе по этому поводу, не выяснили сущности дѣла; такъ, въ теченіе, можетъ быть, столѣтія, и оставалась она въ прежней темнотѣ. Одни утверждали, что кладъ зарытъ „на сто головъ“, другіе—что „на сто кольевъ“... Колья, разумѣется, не Богъ вѣсть что такое, но штука въ томъ, что колья должны быть непремѣнно изъ того древа, которое произрастаетъ „на морѣ на кіянѣ, на островѣ буянѣ“, а какъ дойти до этого острова—никто не зналъ; не знали даже старцы бывалые, хо-

дившіе въ Соловки и въ Іерусалимъ, плававшіе по морямъ, видѣвшіе пупъ средиземный и слышавшіе, какъ грѣшники стонутъ въ аду. За этимъ незнаніемъ и останавливалось все дѣло!

Для насъ, ходившихъ по новой никоновой ереси, курганъ представлялся древнимъ сторожевымъ пунктомъ и, въ самомъ дѣлѣ, съ него открывался широкій кругозоръ. Любили мы взбираться на этотъ курганъ и теперь тоже не прошли мимо, но, поднявшись на его вершину, въ нѣмомъ удивленіи созерцали безграничную даль, съ одной стороны блѣднѣвшую въ слабомъ мерцаніи угасавшей зари, съ другой — сливавшуюся съ наступающею темнотою. Въ вышинѣ мигали уже первыя звѣзды, а внизу по мѣстамъ теплились огни, на которыхъ жнецы варили ужинъ. Откуда-то доносились звуки, неясные и загадочные, какъ и сама степь въ эту минуту; раздастся такой звукъ, пронесется гулкимъ эхомъ, встревожитъ дремлющую природу и — замретъ неизвѣстно гдѣ...

Петръ Иванычъ стоялъ, съ наслажденіемъ всматриваясь въ растилавшуюся предъ нами панораму. Александра Васильевна довѣрчиво оперлась на его руку и безъ боязни глядѣла впередъ...

У Лапкиныхъ мы застали цѣлый съѣздъ. Слѣдователь съ становымъ и уѣзднымъ лекаремъ, возвращаясь „съ мертваго тѣла“, „мимоѣздомъ“ завернули къ Василію Никандрычу; исправникъ съ акцизнымъ чиновникомъ и двое сосѣднихъ помѣщиковъ средней руки ѣхали со „скотской ярмарки“ и тоже очутились здѣсь; всѣ — съ одинаковою цѣлью „убить ночку“.

Гости расположились на терассѣ, выходившей въ садъ. Полусумракъ, тишина, въ которой замерла окрестность, и, вѣроятно, сознаніе исполненныхъ обязанностей располагали къ благодушію; между гостями шелъ оживленный разговоръ.

Въ залѣ, на большомъ столѣ ожидала гостей „холодная“ закуска и тутъ былъ цѣлый погребъ винъ и цѣлый гастрономическій магазинъ!

Исправникъ, изъ отставныхъ военныхъ, казался человѣкомъ среднихъ лѣтъ, красивой и представительной наружности; онъ небрежно развалился въ креслѣ, наслаждаясь ароматомъ сигары, заботливо предложенной ему внимательнымъ хозяиномъ. Китель представителя исполнительной власти блисталъ бѣлизною даже въ темнотѣ, „игра носкомъ“ заставляла позванивать шпоры и звонъ этотъ производилъ нѣкоторый эффектъ, а въ комъ слѣдуетъ — даже и нѣкоторый трепетъ. Становой приставъ, пожилой уже человѣкъ, давно занимавшій эту должность, присѣвъ, какъ и подобало передъ начальствомъ, бочкомъ на кончикъ стула и на-

клонясь корпусомъ впередъ, „докладывалъ“ исправнику подробности только-что оконченнаго слѣдствія, стараясь выяснить предъ нимъ то, что ему, какъ новому человѣку, годъ назадъ занявшему настоящее мѣсто, казалось темнымъ и непонятнымъ. Исправникъ, слушая его, изрѣдка дѣлалъ вопросы, и, въ минуты недоумѣнія, по старой привычкѣ, поднималъ къ верху плечи. Но—увы—на нихъ были уже не эполеты, а только жгуты!

Акцизный чиновникъ разсказывалъ помѣщикамъ о достоинствахъ новаго контрольнаго снаряда, со введеніемъ котораго акцизное дѣло, по его увѣреніямъ, должно было несомнѣнно процвѣсти, а казна разбогатѣть.

Уѣздный лекарь развивалъ передъ слѣдователемъ какой-то трактатъ изъ области судебной медицины; но тотъ, повидимому, его не слушалъ и молча прихлебывалъ чай.

Василій Никандрычъ, какъ опытный политиканъ, держался въ границахъ скромнаго обывателя, осчастливленнаго посѣщеніемъ такихъ дорогихъ гостей. Онъ съ легкостью юноши леталъ по параднымъ комнатамъ, тщательно осматривая, все ли въ надлежащеймъ порядкѣ, а въ промежутки этихъ осмотровъ подскакивалъ къ гостямъ, надоѣдая имъ вопросами: сладко ли сдѣлали вамъ чай? или: не прикажете ли печенья?

Обильная обстановка чайнаго и закусочнаго столовъ, которую встрѣчали мы въ домѣ Лапкина только въ торжественныхъ случаяхъ, могла объясняться развѣ тѣмъ, что сегодня въ первый разъ посѣтилъ его слѣдователь, на которомъ и было сосредоточено исключительное вниманіе хозяина. Онъ безпрестанно подскакивалъ къ нему съ какою-нибудь любезностью и, поправляя значекъ на лѣвой сторонѣ своей груди, улыбался самою простодушнѣйшею улыбкою.

Слѣдователь этотъ, по фамиліи фонъ-Шульцъ, былъ совсѣмъ новичкомъ въ нашихъ краяхъ. Румяный, полный, бѣлокурый юноша, съ женскимъ проборомъ на головѣ и съ завитушками на лбу, съ едва замѣтнымъ пушкомъ вмѣсто усовъ и бороды, онъ, тѣмъ не менѣе, считался должно быть опытнымъ юристомъ, потому что едва успѣвъ показаться на судебномъ горизонтѣ въ качествѣ кандидата, былъ уже назначенъ слѣдователемъ. Сосредоточенная молчаливость, и мычанье сквозь зубы вмѣсто словъ плохо мирились съ его женоподобною наружностью и представлялись напускнымъ, непосильнымъ бременемъ, добровольно подъятымъ на юношескія рамена.

На порогѣ гостиной показалась Александра Васильевна. Лап-

кинъ стремительно подлетѣлъ къ ней, взялъ за руку, вывелъ на терассу и остановился предъ слѣдователемъ.

— Позвольте, многоуважаемый Эдуардъ Карловичъ,—говорилъ счастливый отецъ: — позвольте познакомить: это старшая дочь моя, Александра Васильевна... Прошу...

Лапкинъ не договорилъ, о чемъ намѣревался просить, и стоялъ, изогнувшись въ ожидающей позѣ.

Юристъ не спѣша поднялся со стула и, нисколько не стѣсняясь, обвелъ Александру Васильевну внимательнымъ взглядомъ съ головы до полу и затѣмъ уже, наклонивъ голову на бокъ и опустя руки, процѣдилъ:

— Я очень счастливъ...

И опустился на стулъ.

— Это старшая дочка-съ...—продолжалъ Лапкинъ,—музыкантша и пѣвица-съ, и по-французски говоритъ.

— Да?—переспросилъ слѣдователь.

Александра Васильевна, сконфуженная и оскорбленная, высвободила свою руку изъ руки отца и пошла здороваться съ другими гостями.

Я отошелъ на конецъ терассы. Въ полутьмѣ показалась фигура: это былъ Иванъ Яковлевичъ. Онъ возвращался съ поля мимо хутора и, узнавъ отъ бывшей за воротами прислуги, что семейство его здѣсь, вздумалъ зайти и самъ.

— Вонъ и Иванъ Яковлевичъ идетъ,—проговорилъ я.

Лапкинъ, услышавъ это, однимъ прыжкомъ соскочилъ съ терассы, выбѣжалъ въ калитку, которая вела изъ сада во дворъ и загородилъ Большакову дорогу.

— Ради Бога! — умолялъ Лапкинъ Ивана Яковлевича: — власти у меня теперь... Понимаешь?.. И слѣдователь тоже здѣсь... Пройди, пожалуста, къ Аннѣ Александровнѣ... дворомъ.

Не отвѣтивъ Лапкину ни однимъ словомъ, Большаковъ пошелъ по указанному направленію, а Василій Никандрычъ, отъ испуга, тяжело отдуваясь, говорилъ:

— Фу, батюшки!.. Спасибо вамъ, что во-время предупредили. Что еслибы онъ, въ этакомъ нарядѣ, да къ гостямъ пожаловалъ? Одолжилъ бы, нечего сказать!

Я оставилъ Лапкина отдыхать отъ душевнаго потрясенія, и отправился тоже на половину къ Аннѣ Александровнѣ, съ которой еще не видался. Тамъ, въ этой половинѣ, сидѣло все наше невзыскательное общество и съ увлеченіемъ обсуждало различныя приготовленія къ свадьбѣ, такъ какъ срокъ, назначенный Лапкинымъ, уже оканчивался.

Разговоры эти не представляли для меня интереса, а на другой половинѣ почетные гости сидѣли уже за двумя столами и играли въ карты.

Но вотъ „первую пульку" кончили, пошла въ ходъ бухгалтерія; въ качествѣ опытныхъ счетоводовъ этимъ занялись на одномъ столѣ акцизникъ, на другомъ Василій Никандрычъ. Разсчетъ, хотя и не безъ споровъ о какомъ-то замѣшавшемся въ балансѣ гривенникѣ, котораго никто не желалъ принять за свой коштъ, кончился все-таки благополучно; всѣ встали, расправляя усталыя спины, и направились къ закускѣ. Нападеніе на нее было сдѣлано такъ дружно, что содержимое графиновъ, бутылокъ, тарелокъ и блюдъ сразу исчезло въ глубинѣ утробъ. Поразвеселились, языки развязались, и какъ бы вознаграждая себя за долгое молчаніе, заговорили теперь безъ всякихъ предостереженій; разсказывались анекдоты, отъ которыхъ собесѣдники много смѣялись. Послѣ закуски, обратились опять къ прежнему занятію.

Фонъ-Шульцъ проигрывалъ.

— Несчастливы въ картахъ—счастливы въ любви-съ,—утѣшалъ его Лапкинъ и тотчасъ же вызывалъ изъ другой половины Александру Васильевну.

— Саша! Саничка! — кричалъ онъ: — иди сюда къ намъ!.. Сядь вотъ рядомъ съ Эдуардъ Карлычемъ, можетъ быть, ты имъ счастье принесешь.

Дочь исполняла волю отца.

— Саничка!—не отставалъ лебезить Лапкинъ:—что жъ ты, дружечикъ, не поговоришь съ ними по-французски, а? Поговори, милочка, поговори!

Въ одиннадцать часовъ вечера мы собрались домой. На дворѣ насъ обдало запахомъ гари: въ кухнѣ у Лапкиныхъ пылала плита, слышался стукъ поварскихъ ножей и перебранка повара съ прислугой.

Приготовляли ужинъ.

XIV.

Вскорѣ послѣ того мы узнали новость, весьма важную по мѣстному интересу,—новость, сильно взволновавшую Ивана Яковлевича.

Разъ возвращались мы съ нимъ изъ поля и только-что выѣхали на большую городскую дорогу, смотримъ—на встрѣчу намъ несется телѣга. Пара немилосердно нахлестанныхъ и усталыхъ

лошаденокъ, со сбившимися на бокъ шлеями, шла уже вскачь; но сѣдоки, повидимому, не замѣчали этого и продолжали погонять лошадей. Избитыя клячи, совсѣмъ непривыкшія къ такой поспѣшности, метались по дорогѣ то въ одну, то въ другую сторону, телѣга гремѣла и подпрыгивала, а изъ нея слышался отчаянный крикъ:—выноси, грра-абятъ!

Чтобы не столкнуться, мы свернули въ сторону, на „цѣлину“ и увидѣли въ телѣгѣ троихъ пьянѣйшихъ мужиковъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ въ передкѣ, правилъ лошадьми и осыпалъ ихъ ударами и ругательствами, а двое другихъ лежали и дикими голосами выкрикивали какую-то пѣсню.

Не безъ удивленія посмотрѣли мы на нихъ: престольныхъ праздниковъ нигдѣ не было, свадьбъ и ярмарокъ тоже. Обыкновенно „страдная“ рабочая пора считается трезвымъ періодомъ времени и вдругъ такое явленіе! Однако, недоумѣніе наше въ ту же минуту разрѣшилось. Крестьяне замѣтили насъ и, узнавъ Ивана Яковлевича, не останавливаясь, крикнули изъ телѣги:

— Гуляемъ, Большакъ!.. Водянку свою пропили!..

Услыхавъ это, Иванъ Яковлевичъ даже въ лицѣ измѣнился.

— Слышалъ?—спросилъ онъ у меня:—вѣдь это Двориковскіе мужики-то.

— Такъ что же?—спросилъ въ свою очередь я, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да слышишь ты—мельницу пропили!.. Не ладно что-то у нихъ творится. Надо разузнать, чтó тамъ случилось?..

Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ успокоиться и сокрушался о судьбѣ Двориковскихъ крестьянъ, недоумѣвая, какъ могъ произойти такой казусъ? Онъ и охалъ, и головой качалъ, а разобрать все-таки ничего не могъ, потому что ничего не зналъ.

Вдали показался маленькій, щегольски отдѣланный, тарантасъ. Тройка прекрасно подобранныхъ небольшихъ лошадокъ гнѣдой масти, въ русскихъ хомутахъ съ крупнымъ и блестящимъ наборомъ, шла бойко и ровно, позванивая колокольчикомъ „малиноваго“ звона и погромыхивая бубенцами и глухарями. Кучеръ на козлахъ—въ пунцовой рубахѣ, въ плисовой безрукавкѣ и въ низенькой шляпѣ съ павлинымъ перышкомъ, напереди ловко правилъ возжами, выпятивъ локти какъ-то на особый манеръ, усвоенный только кучерами. Видно было по всѣмъ признакамъ, что ѣхалъ не простой смертный, а будущій землевладѣлецъ и земскій дѣятель, Василій Никандрычъ Лапкинъ. И точно: это былъ нашъ сосѣдъ съ неизмѣнными своими спутниками—великимъ по-

хмѣльемъ и сигарою, которою заглушалъ онъ разящій отъ него „винный духъ".

Лапкинъ сдѣлалъ знакъ рукою, мы остановились; Иванъ Яковлевичъ подошелъ къ тарантасу, а я остался на дрожкахъ держать возжи.

— Какъ уборка?—спросилъ Василій Никандрычъ.

— Ничего, подвигается по маненьку,—отвѣтилъ Большаковъ.

— Не слыхалъ, какъ управляются мои?

— Не слыхалъ, самому не доводилось видѣться, Петръ тоже не былъ у васъ три дня. Да сами-то вы, въ отлучкѣ что-ли были?

— Въ городъ ѣздилъ,—коротко отвѣтилъ Лапкинъ.

— А у насъ здѣсь новость,—не выдержалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Какая?

— Да вотъ съ четверть часа назадъ Двориковскіе проѣхали, сказывали, что мельницу пропили. Кому это и по какому случаю?

— Что-жъ тебя это такъ занимаетъ?

— Да васъ, я думаю, еще больше должно занять; мельница-то чуть не на вашемъ дворѣ стоитъ. Они крикнули, что пропили мельницу, я понимаю это такъ, что они сдали ее кому-нибудь?

— Если и сдали, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго: владѣлецъ можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ по личному усмотрѣнію.

— Я не о правахъ говорю, а о томъ, что въ этой мельницѣ вся жизнь ихъ; они безъ нея пропадутъ.

— Ты все преувеличиваешь, старикъ.

— Ничего не преувеличиваю, — горячился Большаковъ, — развѣ я не знаю, въ какомъ они положеніи?.. И кто это поддѣлъ ихъ на такую удочку?!

Лапкинъ захохоталъ.

— На такую удочку поддѣлъ ихъ я!—не безъ достоинства сказалъ онъ.

Иванъ Яковлевичъ отступилъ даже отъ тарантаса.

— Вы!—проговорилъ онъ наконецъ;—не можетъ быть!

Василій Никандрычъ понялъ это восклицаніе по своему, спокойно досталъ изъ кармана пачку сложенныхъ вчетверо листовъ и, выбравъ одинъ изъ нихъ, подалъ Большакову.

— На, читай! Нотаріальное условіе; сегодня утромъ совершили.

Иванъ Яковлевичъ развернулъ листъ и внимательно прочиталъ его.

— Для чего вамъ эта мельница?—спросилъ онъ, возвращая условіе.

— Хлѣбъ молоть!—засмѣялся Лапкинъ.

— Это я понимаю; но мельница существуетъ столько лѣтъ и вы не обращали на нее вниманія, а теперь вдругъ сняли и такъ дешево!

— Потому и снялъ, что дешево. А тебѣ—или завидно?

— Завидовать тутъ нечему; досадно за ошибку крестьянъ.

— Ну, до свиданья, господа, — торопливо сказалъ Василій Никандрычъ, дѣлая подъ козырекъ:—я спѣшу... Пошелъ, Антошка!

Тройка съ трезвономъ покатила къ хутору.

Иванъ Яковлевичъ наконецъ заговорилъ:

— Ахъ, разоритель! Какую штуку выдумалъ, совсѣмъ обошелъ мужиковъ-то! Теперь прощай Дворики, пропащее ваше дѣло!.. Головы что-ли они тамъ потеряли, на что рѣшились—мельницу сдать въ аренду!.. А все вино проклятое! Эхъ, горе наше великое!

Дѣло состояло вотъ въ чемъ.

У Дворико̀вскихъ крестьянъ была водяная мельница, единственная во всей окрестности. Мельница строилась по мысли и указаніямъ Ивана Яковлевича и почти на его средства. Работала она въ прежнее время очень исправно, приносила значительный доходъ и давала возможность платить изъ него всѣ крестьянскія повинности и даже аренду за снимаемый крестьянами участокъ. Словомъ, мельница и кормила, и поила деревню. Но такое благополучіе продолжалось только до распаденія крестьянской общины; нѣкоторые изъ вліятельныхъ крестьянъ, поддерживавшихъ общественный союзъ, перемерли, другіе перечислились въ городъ; къ этому времени Василій Никандрычъ надумалъ торговать виномъ и открылъ въ Дворикахъ „заведеніе“. Въ міру пошелъ полный разладъ и неустройство, мельница оставалась безъ ремонта и начала падать. Иванъ Яковлевичъ не разъ указывалъ это Дворико̀вскимъ крестьянамъ и даже предлагалъ денегъ на капитальное исправленіе мельницы; но мірское шатанье помѣшало воспользоваться этимъ, одни соглашались, другіе нѣтъ. „Живетъ и такъ!—кричали они на сходахъ:—Ты слушай его, Большакато, онъ тѣ наскажетъ!.. Изъ ученыхъ, что̀ и говорить! А разбери, такъ може съ его стороны и подвохъ какой“!

Такъ дѣло о поправкѣ мельницы и затягивалось на неопредѣленное время, а, между тѣмъ, „добрые люди“ воспользовались этимъ какъ нельзя лучше.

Василій Никандрычъ, которому Двориковская мельница представлялась бѣльмомъ на глазу, прибралъ ее, разумѣется, съ помощію вина, къ своимъ рукамъ и снялъ въ аренду за ничтожную плату, но съ обязательствомъ привести ее въ лучшее устройство и страховать на свой счетъ. Расходы по совершенію нотаріальнаго акта Лапкинъ великодушно принялъ тоже на себя. Капитальныхъ поправокъ дѣлать онъ, однако, не разсудилъ: „будущимъ лѣтомъ успѣю, теперь и безъ того деньги необходимы“; кое-что, впрочемъ, слегка починилъ и застраховалъ мельницу въ весьма солидной суммѣ.

Само собою слѣдуетъ, что Двориковскіе крестьяне поняли свою ошибку послѣ времени, а что касается Ивана Яковлевича, то онъ положительно не могъ примириться съ совершившимся фактомъ и смотрѣлъ на него какъ на новый ходъ въ той размашистой игрѣ, которую въ послѣднее время велъ Василій Никандрычъ.

— Не спроста это снялъ онъ мельницу,—не разъ говорилъ намъ Иванъ Яковлевичъ:—руку даю на отсѣченье — тутъ какая нибудь затѣя.

XV.

Уборка хлѣбовъ кончилась. Степь казалась теперь какою-то обстриженною. Все, что только могла взять съ нея рука человѣка — до послѣдней соломенки, было взято. Голо кругомъ. Оставались пока засыхающій бастыльникъ, пригорѣлая колюка и бурьянъ, но ихъ жгли на золу. Бѣловатый дымокъ стлался низко по землѣ, ровною пеленою прикрывая наготу полей и луговъ.

Рѣзкій контрастъ съ такою выжженною пустынею представляло цѣлое поле, на которомъ, благодаря упавшему во время дождику, бойко выбѣжали молодые зеленя. Надъ ними большими стаями кружились стрепета, собиравшіеся покинуть взростившую ихъ степь и улетѣть „въ теплый край за сине море“. Тяжелыя дрофы выступали осторожно, зорко осматривая обнаженную равнину; вокругъ ометовъ соломы начали показываться куропатки, а въ вышинѣ слышались уже гортанные выкрики журавлей и гусей, тоже прощавшихся съ кормилицею-степью до слѣдующей весны. Темносиній цвѣтъ неба измѣнился въ зеленоватый; воздухъ получилъ какую-то необыкновенную прозрачность, такъ что среди дня, при полномъ солнечномъ блескѣ, можно было любоваться бѣловатымъ дискомъ луны.

Все это были признаки, показывавшіе наступленіе осени съ

ея пасмурными днями и ненастьемъ. Но погода держалась пока ясная, ведренная и, пользуясь ею, въ поляхъ кипѣла труженическая жизнь. Крестьяне усиленно и спѣшно молотили хлѣбъ, продолжая работать во всю ночь при свѣтѣ зажженныхъ костровъ. Длинные языки красноватаго пламени, пробиваясь сквозь черный дымъ, освѣщали окрестность на далекое пространство; высоко стояло зарево, то ослабѣвая, то разгораясь сильнѣе; серебристый свѣтъ луны принималъ особенную окраску и словно переливался въ разноцвѣтные огни; звѣзды тускнѣли.

Въ праздничный день въ степи можно было увидѣть охоту на стрепета, или на дудака (дрофа). Охота совершалась такимъ образомъ. Простой рыдванъ подвигается по цѣлинѣ медленно шагъ-за-шагомъ. На днѣ его, за рѣшетчатыми боками, помѣщается мальчикъ-возница и легонько, чуть-чуть, пошевеливаетъ возжами, направляя старую и смирную лошадь. Рядомъ съ мальчикомъ сидитъ взрослый крестьянинъ. Послѣдній — заправскій охотникъ. Въ рукахъ у него тульская „стволина" необычайной длины и толщины, — прочная стволина, и называетъ онъ ее непремѣнно турецкой. По мнѣнію крестьянъ, лучше и совершеннѣе турецкаго ружья не существуетъ и вотъ, пріобрѣтя такую стволину гдѣ-нибудь „по счастливому случаю", онъ оправляетъ ее въ ложе и очень гордится такимъ самопаломъ. У меня была довольно порядочная двустволка, но крестьяне не придавали ей никакой цѣны—не увѣсиста и не бухаетъ такъ, какъ стволина. Заряжаетъ крестьянинъ свой самопалъ тоже особеннымъ способомъ, всыпая порохъ въ ружье „мѣроглазно", съ ладони. Замѣтивъ дичь, охотникъ начинаетъ объѣзжать вокругъ нея, уменьшая постепенно круги. Птица, не подозрѣвая опасности, понемногу скучивается и подпускаетъ стрѣлка на довольно близкое разстояніе. Тогда охотникъ спускается на землю и, подъ прикрытіемъ рыдвана, ползетъ, выбирая удобнѣйшій моментъ для прицѣла; проходитъ нѣсколько секундъ, и, наконецъ, раздается оглушительный выстрѣлъ. Въ первое мгновенье за тучей бѣлаго дыма ничего не видно, но дымъ разсѣевается и охотникъ, быстро вскочившій на ноги, видитъ, что на мѣстѣ лежитъ нѣсколько окровавленныхъ стрепетовъ; одни изъ нихъ убиты на-повалъ, другіе еще бьются въ предсмертныхъ судорогахъ. Послѣднихъ стрѣлокъ прикалываетъ выдернутымъ изъ крыла перышкомъ, втыкая его въ затылокъ птицы, отчего она тутъ же умираетъ.

При удачѣ, терпѣливый и опытный охотникъ набиваетъ въ день паръ 15—20; могъ бы набить и больше, еслибы не расходовалъ такъ много времени на „сгонъ" птицы и на ползанье, а

въ одиночку стрѣлять онъ не станетъ, разсчитывая зарядъ. Порохъ и дробь требуютъ денегъ, а стрепетъ—ничего не стоющая тварь и расходовать на нее лишній зарядъ не приходится.

Такъ же, какъ на стрепетовъ, охотятся и на дрофъ, но зарядъ кладется несравненно сильнѣе, такой, который „отдаетъ" и дробь замѣняется картечью или „жеребейками", нарубленными изъ свинца.

Эти временные охотники въ-летъ стрѣлять не умѣютъ и бьютъ только сидячую птицу; охотничьихъ собакъ не держатъ вовсе, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ охота на водяную птицу, нѣкоторые крестьяне, любители пройтись съ ружьемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, чтобы избѣгнуть необходимости лазить въ воду самимъ, приспособляютъ къ тому простыхъ собаченокъ-дворняшекъ. Но у степныхъ чувашъ, охотниковъ по природѣ, водится очень много собакъ, по виду похожихъ на борзыхъ, пріученныхъ ловить зайцевъ и другихъ звѣрковъ.

Отъ Лапкина по прежнему не было слышно ничего опредѣленнаго. Онъ, видимо, затягивалъ дѣло, подъ разными предлогами. Иванъ Яковлевичъ былъ въ постоянномъ безпокойствѣ за участь молодыхъ людей и не разъ напоминалъ Василію Никандрычу, что назначенный имъ срокъ прошелъ, что всѣ ожидаютъ его отвѣта.

Каково же было его удивленіе, когда въ одинъ изъ такихъ разговоровъ онъ узналъ, что дѣло остановилось собственно за нимъ!

— Какъ за мной?—воскликнулъ оторопѣвшій старикъ.

— Такъ, за тобой,—спокойно подтвердилъ Василій Никандрычъ:—ты, разумѣется, понимаешь—продолжалъ онъ,—что многое въ этомъ случаѣ зависитъ и отъ тебя... Не скупись, старичекъ божій, вотъ въ чемъ суть...

— Если рѣчь идетъ не о дѣтяхъ, а о деньгахъ—объявите ваши условія.

— Именно о деньгахъ... У тебя нынче хлѣба-то вонъ сколько уродилось, тысячъ на шесть продашь, а то и больше.

— Все это дѣтямъ пойдетъ,—отвѣтилъ Большаковъ.

— То-то и есть, что дѣтямъ; а дѣтей у тебя—красная пара. Ты вотъ какъ выдашь свою дочку за какого-нибудь толстосума пшеничника, да наградишь его всѣми своими капиталами, сынъ-отъ и останется не при чемъ.

Я сидѣлъ за работой въ своей комнатѣ и не могъ видѣть выраженія лицъ говорившихъ; но мнѣ слышно было, какъ дрожалъ голосъ Ивана Яковлевича, когда онъ отвѣтилъ:

— Дочь моя молода еще, чтобы ее замужъ собирать, а что касается капиталовъ, то никого не обижу, всѣхъ поровну одѣлю.

— Ну, нѣтъ, пріятель, такъ нельзя. Дѣли по закону. Я тогда и буду знать, на что могу разсчитывать.

— Вамъ разсчитывать вовсе не на что,—говорилъ Большаковъ:—дѣло касается дѣтей.

— Ихъ-то интересы я и отстаиваю, дорогой другъ мой, а потому и совѣтую тебѣ держаться на легальной почвѣ. Ты взгляни на меня: я всегда соблюдаю всевозможныя законныя формальности, оттого и совѣсть моя чиста и я ничего не страшусь! Разсказывай тамъ про меня что угодно—я глухъ ко всему! А спроси ты: почему?—Потому, что у меня на всякую бездѣлицу документецъ имѣется, нда!

— Какъ же, по вашему, я долженъ поступить?—изъ любопытства только спросилъ Большаковъ.

— Извѣстно какъ! Главный наслѣдникъ—сынъ, ему все и предоставь. Для дочери успѣешь нажить еще; самъ же говоришь, что она молода еще; а о женѣ и толковать нечего, она ужъ старушка, обойдется какъ-нибудь, дѣти помогутъ, да ты и самъ-то не умеръ еще пока,—работай!

— Теперь я понимаю, о чемъ вы говорите,—отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ:—и вижу, какъ неправильно глядите вы на законъ. Кромѣ того вы забыли, что я—крестьянинъ, а у крестьянъ, на случай раздѣла есть свои обычаи.

— Какъ знаешь; но если ты не отказываешься отъ своего предложенія, то, въ отношеніи дѣлежа, долженъ поступить по моимъ указаніямъ.

Помолчавъ немного, Лапкинъ продолжалъ:

— Сдѣлай вотъ какъ: перечислись въ купцы и всѣ капиталы передай сыну, такъ какъ онъ долженъ будетъ жить при мнѣ. Дѣла мои—ты знаешь—разростаются и если на предстоящихъ выборахъ я не откажусь отъ избранія въ члены управы, то одному мнѣ никакъ не управиться со всѣми дѣлами, подручный человѣкъ необходимъ. Петръ Иванычъ обязанъ помогать мнѣ и, повѣрь, я выработаю изъ него настоящаго коммерсанта. На случай, чтобы онъ не избаловался, ты капиталъ его отдай въ руки мнѣ. Я полагаю, что это можно сдѣлать даже и теперь, до свадьбы.

— Такія ваши требованія?

— Такія.

Слышу, Большаковъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Это не подойдетъ!—отвѣтилъ онъ довольно рѣзко.

— Жаль. Но почему же?—насмѣшливо спросилъ Лапкинъ.

— Потому, что мы смотримъ съ вами разно и на дѣло, и на жизнь.

— Такъ что же?

— То, что мы идемъ разными дорогами.

— Ты, напримѣръ, какими?

— Не стоитъ разсказывать, для васъ это непонятно.

— Ха-ха-ха!—разразился вдругъ Лапкинъ:—удружилъ, признаюсь!.. Ха-ха-ха! Непонятно!.. Какой мудреный человѣкъ!.. Ха-ха-ха!..

Лапкинъ долго откашливался и охалъ; но, проглотивъ водочки, успокоился и не безъ ехидства спросилъ:

— А что, Иванъ Яковлевичъ, ты здоровъ?

— Слава Богу, не опасайтесь.

— А на мой взглядъ—ты какъ-будто немножко завираться начинаешь.

— И пусть кажется.

— Нѣтъ, дружокъ; я вѣдь серьезно, жалѣя тебя, говорю. Случилось это съ тобой, я знаю, отчего,—отъ книженокъ!.. Вѣрить каждому печатному вздору о какихъ-то тамъ особенныхъ путяхъ и возвышенныхъ цѣляхъ—нельзя, душа моя, не подъ лѣта тебѣ совсѣмъ. Твое дѣло какое? Лежи на печи и тверди: „День прешедъ, благодарю тя, Спасе мой!“ А ты...

Иванъ Яковлевичъ потерялъ терпѣніе и крикнулъ:

— Что за вздоръ вы говорите! Я васъ не понимаю!

Лапкинъ увидѣлъ, должно-быть, что хватилъ черезъ край. Тонъ Большакова былъ очень грозенъ и Василій Никандрычъ мгновенно перемѣнилъ фронтъ.

— Что же,—началъ онъ:—если я и сказалъ тебѣ это, такъ вовсе не для того, чтобы огорчить тебя, а по дружбѣ, изъ желанія добра. Развѣ я не чувствую, Иванъ Яковлевичъ, какъ много обязанъ тебѣ? Напротивъ: очень чувствую; тѣмъ болѣе, что и сейчасъ вотъ тоже нуждаюсь въ твоей помощи.

Молчаніе.

— Перечислиться въ купцы,—продолжалъ Лапкинъ:—совѣтую я для твоей же пользы; ты самъ, я думаю, видишь, что нынче нѣтъ общественнаго положенія независимѣе купеческаго.

Большаковъ молчалъ.

— Такъ какъ же?

— Что такое?

— Да я, Иванъ Яковлевичъ, на счетъ деньженокъ было къ тебѣ.

— Сейчасъ у меня нѣтъ.

— Неужто не дашь?

— Не дамъ, потому что нечего.

— А ты не сердись, старичекъ милый, полно! Я вѣдь говорилъ съ тобою, право же, по-дружески, а ты разсердился.— Такъ не дашь?—еще разъ спросилъ Лапкинъ, поднимаясь съ мѣста.

— Нѣтъ у меня теперь,—сухо повторилъ Большаковъ.

— Ну, дѣлать нечего, подожду, когда будутъ... Прощай пока!.. Да смотри же у меня: чуръ, не сердиться!

Лапкинъ ушелъ. Иванъ Яковлевичъ долго ходилъ по комнатѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ, заглянулъ ко мнѣ и спросилъ:

— Слыхалъ?

— Да.

— Какъ это тебѣ покажется: ограбить семью, перечислиться въ купцы—съ пустыми карманами-то,—и отдать въ кабалу сына!

Большаковъ плюнулъ отъ досады и опять началъ ходить по комнатѣ.

Къ обѣду вернулся съ молотьбы Петръ Иванычъ. Отецъ далъ ему подробный отчетъ о посѣщеніи Лапкина и съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта.

Агрономъ поблѣднѣлъ, губы его нервно задрожали.

— Онъ съума сошелъ!—воскликнулъ Петръ Иванычъ:—я уже сказалъ, что въ домъ къ нему не пойду!

И ушелъ изъ комнаты. Отецъ не пошелъ за нимъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что сынъ не поддался искушенію. Съ той поры Иванъ Яковлевичъ окончательно охладѣлъ къ Лапкину, но это нисколько не мѣшало семейной дружбѣ и какъ бы даже усилило ее. Сдѣланное Большаковыми предложеніе сохраняло пока прежнее положеніе.

XVI.

Крестьяне еще не управились съ молотьбой, а наступило уже осеннее ненастье.

Осень для деревни—огневое время. Не успѣетъ пахарь проглотить куска хлѣба изъ новой муки, какъ съ него со всѣхъ сторонъ требуютъ денегъ и денегъ! Кто взыскиваетъ подушные, кто волостные и мірскіе, кто выкупные, продовольственные и ссудные, кто частные долги по исполнительнымъ листамъ и роспискамъ, кто всевозможныя неустойки, кто земскіе сборы. Во-

лостной старшина—смирный человѣкъ въ „меженное“ время—ходитъ теперь какъ звѣрь и „нудитъ“ старосту и сборщика, потому что самого его нудятъ неукоснительно; староста и сборщикъ нудятъ міръ, десятскіе околотили подожки, постукивая ими въ ворота и калитки недоимщиковъ. Міръ заметался во всѣ стороны и не зналъ: кого слушать, кого прежде другихъ ублажать? Всѣ требовали одинаково настойчиво и каждый тянулъ въ свою сторону.

Одинъ Василій Никандрычъ не принималъ участія въ этой суматохѣ. Дѣйствуя всегда „на законныхъ основаніяхъ“, онъ не дожидался молотьбы, а по существу условій, заключенныхъ съ посѣвщиками, прямо задерживалъ ихъ хлѣбъ на корню и не допускалъ къ уборкѣ до полной уплаты за землю денегъ. Снявъ такимъ образомъ пѣночки, Лапкинъ започилъ на лаврахъ, наслаждаясь спокойствіемъ гражданина, честно исполнившаго свои обязанности.

По большой дорогѣ къ городу тянулись безконечные обозы съ хлѣбомъ; сморенныя на работѣ клячи тяжело ступали по разрыхленной дождями землѣ и вязли въ грязи; колеса съ насѣвшими между спицами комьями чернозема безпрестанно застрѣвали въ глубокихъ колеяхъ и лошади съ трудомъ вытягивали грузные воза. Около ихъ плелись крестьяне, хозяева хлѣба, тоже утопая въ грязи и изрѣдка покрикивая на обезсилѣвшихъ лошадей. Когда какой-нибудь возъ попадалъ въ глубокую водомоину или окончательно увязалъ въ узкихъ колеяхъ, такъ что лошадь отказывалась сдвинуть его съ мѣста и въ недоумѣніи посматривала по сторонамъ, крестьяне сбѣгались на помощь, дружно брались за гужи и, поощряя себя и клячу ободряющими окриками, въ разъ: —ну-ну, у-у, еще разикъ—ррразъ!—вытягивали возъ, а кляченка, едва переводившая духъ отъ напряженія, надувала костлявые бока, наклоняла голову чуть не до земли и, дрожа всѣмъ тѣломъ, собирала послѣднія силы, чтобы помочь хозяевамъ. Нерѣдко приходилось и такъ, что измучившаяся лошадь, тяжело храпя, падала отъ изнуренія. Тогда останавливался весь обозъ, упавшую лошадь поспѣшно выпрягали, поднимали на ноги и отводили въ сторону, потомъ начинали вытаскивать возъ и, вытянувъ его на ровное мѣсто, опять впрягали несчастную клячу на дальнѣйшую работу. До города было съ небольшимъ 50 верстъ. Сдѣлаютъ эту путину въ двое сутокъ и говорятъ: слава Тебѣ, Господи!

Мучительное это дѣло—доставка хлѣба въ ненастную осень по степнымъ дорогамъ. На сколько хороши онѣ въ сухое время,

на столько же убійственны въ дождливое. Бываетъ, что помощница крестьянина—лошадь, послѣ такой путины дѣлается окончательно безсильной; а сколько рвется сбруи, сколько ломается телегъ? Лучше было бы отложить возку до первопутья, да нельзя, нужда гонитъ!

А какую глубокую думу передумаютъ продавцы хлѣба, шагая около своихъ возовъ! У всѣхъ въ головѣ засѣла одна мысль: какъ ихъ „облапошатъ" на базарѣ; на сколько, примѣрно, обвѣсятъ при ссыпкѣ, на сколько обочтутъ при разсчетѣ?..

И вотъ, пока плетутся они съ обозомъ въ городъ, вспоминая всѣхъ святыхъ.

На хлѣбной площади города, при ссыпкѣ или разсчетѣ, слышатся уже иные крики. „Караулъ! грабятъ!"—отчаяннымъ голосомъ взываетъ крестьянинъ. Но кровавый вопль этотъ замираетъ какъ въ пустынѣ, вызывая смѣхъ и шутки въ средѣ купеческихъ прикащиковъ... Бываетъ и такъ, что крестьянину, горячо отстаивающему свои интересы, еще и тычковъ накладутъ, а то и того хуже... „Не шуми-де; помни, что въ городу!"

Бѣдовый народъ на нашихъ базарахъ и пристаняхъ!..

Иванъ Яковлевичъ тоже отправилъ небольшой транспортъ съ хлѣбомъ, въ сопровожденіи Петра Иваныча. Имѣя надобность быть въ городѣ, поѣхалъ съ нимъ и я.

Притащились мы въ городъ уже вечеромъ, усталыми и избитыми переѣздомъ по дурной дорогѣ. Городъ смотрѣлъ непривѣтливо. Мрачное небо, грязныя улицы, грязные дома. Закопченые керосиновые фонари какъ бы стыдились освѣтить по ярче такую неряшливость и едва мерцали. Наслѣдіе татарщины, безчисленное множество собакъ и на улицахъ, и на дворахъ, и на подъѣздахъ большихъ домовъ, дѣлали не безопаснымъ даже переѣздъ въ экипажѣ. Цѣлыми стаями бросались онѣ и на лошадей и на тарантасъ, неистово визжали и лаяли. А на оглушительный ревъ ихъ отвѣчали тѣмъ же изъ домовъ „комнатные" псы, лай которыхъ былъ слышенъ даже сквозь затворенныя окна. Собачій городъ—однимъ словомъ, превосходнѣе любой татарской деревни!

Ренсковые погребки встрѣчались буквально на каждомъ перекресткѣ, въ перемежку съ трактирами и кабаками. Окна ихъ, хотя и задернутыя кисейными занавѣсками („отъ призора очесъ" полицейскихъ), блистали яркимъ свѣтомъ, помогавшимъ злополучнымъ пѣшеходамъ разсматривать и счастливо обходить баррикады и волчьи ямы мостовой. Надъ подъѣздами „заведеній" висѣли фонари, на стеклахъ которыхъ красными буквами изображалось названіе прибѣжища. Въ одномъ трактирчикѣ окна стояли

открытыми, паръ изъ нихъ валилъ клубомъ, а хоръ пьяныхъ дѣвицъ-арфянокъ хриплыми голосами пѣлъ современную дребедень русскаго города:

„Милка-душка, мой зазноба,
Ты довелъ меня до гроба!
Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свою милку!
Милка-душка, мой секретъ,
Пойдемъ съ тобой въ лазаретъ!..“

Дальше... Но что же можетъ быть дальше? Дальше пожалуй можно упомянуть, что въ городѣ, какъ водится, есть соборъ, присутственныя мѣста, полицейскія части съ каланчами, городской садъ, пустопорожнія мѣста, немощенныя улицы, поросшія крапивой и т. п.

На слѣдующее утро Петръ Иванычъ поднялся чуть свѣтъ и отправился хлопотать на счетъ продажи и ссыпки хлѣба.

Въ свое время вышелъ и я изъ дому, прежде всего въ лавки запастись кое-чѣмъ для деревни. Въ одномъ изъ магазиновъ встрѣтилъ жену исправника съ ея сестрою, дѣвицею уже въ годахъ, и получилъ приглашеніе обѣдать у нихъ.

— Мужъ въ уѣздѣ, мы скучаемъ.

Я отправился въ назначенный часъ къ нимъ и послѣ обѣда, когда „въ угловой“ пили кофе, хозяйка сдѣлала мнѣ такой вопросъ:

— У васъ, говорятъ, свадьба затѣвается?

Я думалъ, что вопросъ сдѣланъ о свадьбѣ Петра Иваныча; но какъ окончательнаго слова отъ Лапкина еще не было, я счелъ за лучшее уклониться отъ прямого отвѣта и спросилъ:

— Какая?

— Ахъ, такъ вы еще не знаете? А я, какая неосторожная, проговорилась.

— Но въ чемъ же вы проговорились? Я полагаю, что свадьба обойдется безъ похищенія невѣсты; въ чемъ же секретъ?

— Положимъ такъ, — согласилась хозяйка, — а все-таки это пока тайна и вы, пожалуста, ужъ никому не передавайте; мнѣ Марья Васильевна сообщила объ этомъ, на условіи никому не сказывать, но вы живете тамъ, для васъ во всякомъ случаѣ интересно...

— Если вы намѣрены разсказать о свадьбѣ, которая предполагается въ домѣ Лапкиныхъ, то не трудитесь: я о ней знаю. Только, дѣло это далеко еще не кончено.

— Не только не кончено, но можно сказать, еще и не на-

чиналось, — отвѣтила исправница: — Лапкинъ, видите ли, очень, очень просилъ Марью Васильевну переговорить съ Шульцомъ, но она еще не говорила; Шульца нѣтъ въ городѣ, онъ въ уѣздѣ... Странно, однако, какъ же вы-то знаете объ этомъ, а Марья Васильевна увѣряла меня, что никто еще не знаетъ, что она только мнѣ одной передала... Ахъ, какая!

Но мнѣ было не до сѣтованій исправницы. Новость просто ошеломила меня, и я едва сдержался, чтобы не обнаружить кипѣвшаго во мнѣ негодованія на поступокъ Лапкина. Между тѣмъ, любезная хозяйка продолжала:

— Лапкинъ обѣщаетъ за дочерью 10 тысячъ и покупаетъ землю...

— Что же,—сказалъ я:—имѣніе, которое арендуетъ теперь Лапкинъ, скоро будетъ продаваться и покупка его дѣло рѣшеное.

— Да,—отвѣтила хозяйка:—Лапкинъ и спитъ, и видитъ попасть въ земство. А говорятъ, что онъ прежде лакеемъ былъ.

— Правда; а теперь мечтаетъ о предсѣдательствѣ въ земской управѣ.

— О, Боже!—воскликнула исправница.

Послѣдовала пауза; воспользовавшись ею, я простился. Меня тревожила мысль—не узналъ ли объ этой „тайнѣ" Петръ Ивановичъ; оказалось, по счастью, что онъ ничего не знаетъ, собирается въ театръ и взялъ билетъ. Опасаясь, что онъ можетъ встрѣтиться тамъ съ знакомыми и узнать печальную для себя новость, я уговорилъ его ѣхать домой. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ согласился и черезъ часъ мы катили уже по большой дорогѣ.

Морозило. Скованный черноземъ глухо гудѣлъ подъ колесами тарантаса. Отдохнувшія лошади бѣжали бойко. Въ глубокомъ небѣ ярко горѣли звѣзды; луна разливала матовый свѣтъ. Тянувшіеся вдоль дороги телеграфные столбы выступали впереди внезапно, точно изъ земли выростали и потомъ скрывались за тарантасомъ.

Поѣздка очень оживила моего спутника: онъ, ничего не подозрѣвая, всю дорогу говорилъ о свѣтломъ будущемъ.

XVII.

Однообразно и скучно протянулось дня четыре. Разыгравшееся ненастье заставляло сидѣть дома; только агрономъ сѣдлалъ по вечерамъ коня, надѣвалъ кожанъ и, несмотря на вѣтеръ и дождь, отправлялся на хуторъ. Василій Никандрычъ почти не жилъ дома;

передъ поѣздкой на торги, онъ заканчивалъ дѣла, сводилъ счеты и находился въ безпрерывныхъ разъѣздахъ.

Единственною отрадою во время такого невольнаго заключенія служили журналы и газеты. Почтовый день ожидался какъ большой праздникъ; получивъ почту, мы освѣжались нравственно и чувствовали себя членами общаго цѣлаго... Понять значеніе печатнаго слова и душевную потребность въ немъ можно только въ деревнѣ, когда живешь въ ней года!

На четвертый день погода стала проясняться; въ сумерки семейные Большакова и Никольскіе поѣхали на хуторъ провести тамъ вечеръ, а мы съ Иваномъ Яковлевичемъ остались дома, въ ожиданіи почты. Черезъ какой-нибудь часъ изъ волостного правленія принесли намъ газеты и письма. Обложившись ими, мы пріютились у чайнаго стола, не торопясь пили чашку за чашкой и не замѣчали, что самоваръ, прежде бурно шумѣвшій, а потомъ пищавшій на разные голоса, давно погасъ.

— Прочитай-ка—сказалъ Иванъ Яковлевичъ, передавая мнѣ полученное имъ изъ города письмо.

Я прочелъ. Въ немъ сообщалось объ извѣстномъ уже мнѣ предложеніи Лапкина; прочитавъ, я сказалъ Большакову, что слышалъ объ этомъ въ городѣ и не зналъ, какъ предупредить его.

— Спасибо. Дѣло вовсе не во мнѣ, а надо постараться, чтобы не знали пока ни Петя, ни семейные Лапкина.

Едва кончили этотъ разговоръ, слышимъ, къ подъѣзду подкатилъ экипажъ, кто-то прошелъ по корридору и постучался въ дверь. Иванъ Яковлевичъ отперъ и увидѣлъ передъ собой Василія Никандрыча.

— Ты что же это, старичекъ божій, не удостоилъ посѣщеніемъ, — любезно говорилъ онъ, входя въ комнату: — вотъ и вы тоже,—обратился онъ ко мнѣ, пожимая руку:—ваши всѣ у насъ. Я только послѣ обѣда возвратился изъ странствія; пріятно было бы провести вечерокъ вмѣстѣ, съ недѣлю ужъ никакъ не видались, а я завтра, послѣ-завтра, отправляюсь въ столицу на торги.

„Непремѣнно будетъ денегъ просить, —подумалъ я: — очень ужъ любезенъ что-то“.

Иванъ Яковлевичъ подвинулъ гостю стулъ поближе къ столу.

— Почитываете?—спросилъ Лапкинъ, усаживаясь на мѣсто. —А мнѣ такъ и въ газету заглянуть некогда; такая куча дѣла, хлопотъ, разъѣздовъ, на части разорваться—такъ въ-пору!.. Вотъ и сейчасъ; вмѣсто того, чтобы душою отдохнуть среди искреннихъ и преданныхъ мнѣ друзей, долженъ буду отвлечь васъ отъ благонравнаго препровожденія времени и говорить о дѣлахъ, — не о чемъ больше!..

Я хотѣлъ уйти въ свою комнату.

— Нѣтъ, нѣтъ,—удержалъ меня Лапкинъ:—отъ васъ какіе-же секреты; вы — общій нашъ другъ. Оставайтесь, прошу васъ; я даже разсчитываю на вашу помощь, а то вѣдь старичекъ нашъ иногда и упрямиться умѣетъ... Хе, хе, хе!—добродушно засмѣялся Лапкинъ и ласково похлопалъ Ивана Яковлевича по колѣну.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ тотъ.

Лапкинъ началъ просить позволенія перевести на имя Ивана Яковлевича винную торговлю.

— Хозяиномъ по прежнему останусь я, — пояснилъ онъ: — понимаешь? А мнѣ только вывѣску перемѣнить нужно.

Большаковъ отказался.

— Никогда я въ такія дѣла не путался и начинать не желаю,—сказалъ онъ:—да и когда же передавать, если вы уѣзжаете?

— Это часовое дѣло. Завтра поѣхали бы въ городъ и кончили въ одно утро.

— Нѣтъ ужъ, поищите другихъ.

— Дѣлать нечего, отложу до пріѣзда, тогда въ самомъ дѣлѣ подыщу кого-нибудь... Ну, теперь второе: ты не забылъ, что обѣщалъ денегъ на приданое дочери?

— Нѣтъ, не забылъ.

— Прекрасно. Я думаю, Иванъ Яковлевичъ, удобнѣе было бы купить приданое въ Москвѣ.

— На что лучше.

— Очень радъ, что ты одинаковаго со мной мнѣнія. Я и реестръ составилъ покупкамъ, вотъ...—Лапкинъ началъ искать въ карманахъ.—Что за странность, ужли забылъ?.. Такъ и есть — забылъ! А вѣдь вынулъ изъ ящика и положилъ на столъ. Впрочемъ, все равно, ты повѣришь и такъ. Три съ половиною тысячи тамъ по итогу; я твердо помню.

— Ничего,—замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Какъ быть, старче праведный; знаю, что много, но хочется, чтобы все получше вышло. Я бы и не напомнилъ о твоемъ обѣщаніи, да ты и самъ понять можешь—на торги ѣду, деньги нужны по горло, расходовать на приданое своихъ—не могу.

— Все это я понимаю,—началъ Иванъ Яковлевичъ, видимо сдерживая въ себѣ негодованіе:—но припомните же и вы, Василій Никандрычъ; я обѣщалъ сдѣлать приданое для Александры Васильевны, когда сваталъ ее за своего сына, а не за Шульца.

Лапкинъ какъ-то весь съежился. Онъ никакъ не ожидалъ, что мы знаемъ о его планахъ и трусливо спросилъ:

— Откуда вы объ этомъ знаете?

— Откуда люди, оттуда и мы,—отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Да, подите вотъ! — заговорилъ Лапкинъ: — какіе у насъ язычки; ни съ того, ни съ сего распустили слухъ—и правы...

— Да, но тутъ замѣшано имя вашей дочери, а вступиться за честь ея кому бы кажется, какъ не отцу!

— Но развѣ можно что сдѣлать со сплетней?

— Въ настоящемъ случаѣ не только можно, но должно.

— Научи: какъ и чѣмъ?

— Стоитъ только объявить, что Александра Васильевна еще въ іюлѣ мѣсяцѣ помолвлена за моего сына, и—только! Если это для васъ, по случаю отъѣзда, неудобно — уполномочьте насъ, мы исполнимъ сами.

Лапкинъ завертѣлся на стулѣ.

— То-есть, оно, видите ли что, — заговорилъ онъ, избѣгая нашихъ взглядовъ: — если говорить откровенно, то... было нѣчто похожее; но я, считая это не больше какъ однимъ разговоромъ, не счелъ нужнымъ сообщать о немъ ни своимъ семейнымъ, ни вамъ.

— Можетъ быть, это и хорошо, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ:—оглашать подобные поступки не совсѣмъ удобно...

— Какіе поступки, какіе? Укажи ты мнѣ ихъ?

— Ахъ, что вы!—нетерпѣливо воскликнулъ Большаковъ:—очныя ставки что ли производите? — Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Иванъ Яковлевичъ! — залепеталъ Лапкинъ:—ей-же-ей! клянусь тебѣ, какъ честный и благородный человѣкъ!—чтобы мнѣ ни какой радости не видѣть!..

— Нѣтъ ужъ оставьте,—оборвалъ Иванъ Яковлевичъ свою рѣчь и, махнувъ рукой, зашагалъ опять по комнатѣ.

— Вотъ и извольте толковать съ подробнымъ субъектомъ,—обратился ко мнѣ Лапкинъ, разводя руками.—Ну, послушай же, Иванъ Яковлевичъ!.. А ты сядь, этакъ лучше будетъ для тебя; право, скорѣе успокоишься... Послушай, я полагаю, ты все-таки можешь разсудить, что если бы у насъ съ фонъ-Шульцомъ было что-нибудь серьезное, то я и не обратился бы къ тебѣ за деньгами на приданое?

— Охотно вамъ вѣрю и за деньгами не постою; но съ условіемъ.

— Съ какимъ это?

— Сдѣлаемте обрученіе формальное, по церковному чину.

— Что ты, Иванъ Яковлевичъ, помилуй! Я въ ночь уѣзжаю.

— Ничего не значитъ. О. Іосифъ теперь у васъ, женихъ и

невѣста на лицо, поѣдемте сейчасъ къ вамъ и обручимъ ихъ. А затѣмъ я съ вами же поѣду въ городъ, возьму изъ банка деньги и съ рукъ на руки передамъ вамъ.

— Но къ чему же эти обрученія?—упирался Лапкинъ:— достаточно, я думаю, одного слова, къ обрученію мы вовсе не готовы.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ сдѣлаемте иначе: пригласимте сейчасъ же Андрея Николаича, учителя съ супругой, о. діакона съ семействомъ, поѣдемъ всѣ къ вамъ, помолимся, по христіанскому обычаю, и въ присутствіи всѣхъ гостей объявимъ Петра женихомъ Александры Васильевны, а ее—его невѣстою.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, не настаивай, пожалуйста, нельзя! Сегодня во-первыхъ и некогда, мнѣ еще уложиться въ дорогу нужно, а во-вторыхъ—не могу я такъ просто покончить такое дѣло... безъ торжества...

— Значитъ, на нынѣшній разъ и разговаривать больше не о чемъ,—обрѣзалъ Большаковъ.

Лапкину оставалось одно—проститься и уйти. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Заперевъ за нимъ дверь, Иванъ Яковлевичъ сѣлъ на прежнее мѣсто и тяжело задумался.

— Хорошо еще, что Лапкинъ скрылъ это отъ семейныхъ,— сказалъ я.

— До сихъ поръ для него былъ въ этомъ прямой разсчетъ. Я теперь тоже понимаю, почему онъ не отказалъ намъ съ перваго раза. Не говоря о другомъ, онъ одныхъ денегъ повытянулъ у меня больше двухъ тысячъ, да видишь—хотѣлъ сорвать и еще три съ половиной.

— А вѣдь не нынче, завтра узнаютъ и они о его продѣлкахъ. Но скажи, пожалуйста, съ какими капиталами ѣдетъ онъ на торги покупать землю? Хлѣба онъ продалъ не больше какъ тысячи на три, съ этимъ ѣхать нельзя.

— И не знаю, право. Одно можетъ быть: въ городѣ у когонибудь занялъ. И то наврядъ кто дастъ...

XVIII.

Послѣдовавшія за тѣмъ событія совершались такъ быстро одно за другимъ, что участвовавшія въ нихъ лица не успѣвали оправиться отъ впечатлѣній одного, какъ наступало другое. Но разскажу по порядку.

Семейные Большакова пріѣхали съ хутора часовъ въ десять вечера и мы не мало удивились, услыхавъ отъ нихъ, что Лапкинъ домой еще не возвратился. Поговорили кое-о-чемъ, поужинали и разошлись по своимъ угламъ. Было уже за-полночь, когда поднялся какой-то непонятный шумъ и движеніе на улицѣ; не успѣлъ я разобрать ни одного звука, какъ на колокольнѣ ударили набатъ. Моментально всѣ всполошились и выбѣжали на улицу.

— Дворики горятъ!—кричали намъ пробѣгавшіе мимо.

Чрезъ десять минутъ мы уже скакали туда и по пріѣздѣ на мѣсто увидѣли, что горѣла не деревня, а мельница, стоявшая не въ далекѣ отъ Двориковъ, та самая „водянка", которую недавно снялъ въ аренду Лапкинъ.

Василій Никандрычъ, съ видомъ человѣка, несправедливо наказаннаго судьбою, находился тутъ же и съ воздѣтыми руками къ освѣщеннымъ заревомъ небесамъ посылалъ по направленію ихъ жалобы и стенанія. Крестьяне охали, кричали, бранились и безъ толку суетились, а мельница продолжала горѣть и—сгорѣла до основанія.

На хуторѣ всѣ были въ ужасной тревогѣ. Съ Анной Александровной сдѣлался такой ужасный припадокъ, что извѣстныя и находившіяся подъ руками средства оказались безсильными; пришлось командировать агронома въ сосѣднее село Поляну за земскимъ врачемъ.

Поляна отстояла на 20 верстъ и врачъ пріѣхалъ только къ пяти часамъ утра. Когда все немного успокоилось и больной стало лучше, мы на-свѣту уже отправились домой, а Василій Никандрычъ—въ городъ за агентомъ страхового общества, въ которомъ была застрахована мельница.

Свидѣтельствовать агенту было нечего:—отъ мельницы осталось только то, что̀ находилось въ водѣ, или около воды — вешнякъ, каузъ, колеса, сваи. Тѣмъ не менѣе, агентъ исполнилъ всѣ формальности и въ ту-же ночь возвратился въ городъ. Въ одно время съ нимъ поѣхалъ и Василій Никандрычъ, съ тѣмъ, чтобы изъ города продолжать путь въ столицу на торги.

Въ слѣдующій за этою ночью день, около обѣда, прискакалъ съ хутора верховой за о. Іосифомъ — исповѣдать и пріобщить Анну Александровну. Къ этому требованію верховой добавилъ только, что второй нарочный посланъ опять за докторомъ. Ничего больше отъ гонца мы не узнали.—„Помирать видно на-

думала" — отвѣтилъ онъ на наши разспросы. Поспѣшили на хуторъ сами и черезъ полчаса были тамъ. Больную нашли въ безпомощномъ положеніи, съ едва замѣтными признаками дыханія. Александра Васильевна была въ обморокѣ; растерявшаяся Оля не знала, чтó дѣлать и, вся въ слезахъ, металась по комнатѣ, перебѣгая отъ сестры къ матери и обратно.

Здѣсь же находилась какая-то женщина, которую видѣлъ я въ первый разъ. Коротенькая и жирная, одѣтая по-мѣщански, съ шелковою „модочкою" на головѣ, она держала въ рукахъ желѣзный ковшъ съ водой, въ которой плавали угольки и читала надъ нимъ: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его и матерь его Ульянію! Яко ты, Господи, сотворилъ и утвердилъ небо и землю, такъ утверди и укрѣпи въ добромъ здоровьѣ отъ лихого глазу рабынь божіихъ Анну и Александру". И затѣмъ, наговоренною водою она спрыскивала больныхъ. Души эти устроены были, должно быть, ужъ не первый разъ, потому что обѣ больныя были порядочно облиты водой.

Женщина эта, какъ узналъ я, служила цѣловальничихой въ одномъ изъ Двориковскихъ кабаковъ Лапкина и, въ качествѣ довѣренной принципала, явилась въ домъ по его порученію. Порученіе состояло въ томъ, чтобы „внушить" Александрѣ Васильевнѣ безполезность ея мечтаній о замужествѣ за Петра Иваныча.— „Найдутся женихи почище, съ званіемъ", такъ какъ и самъ Василій Никандрычъ поѣхалъ уже „происходить въ помѣщики".

Такимъ путемъ, извѣстилъ Василій Никандрычъ и свое семейство и Большаковыхъ о нежеланіи выдать Александру Васильевну за Петра Ивановича.

Понятно, какъ всѣ были и поражены и оскорблены такимъ поступкомъ.

А дальше опять новая неожиданность.

Владѣльцы арендуемаго Лапкинымъ имѣнія поручили свои дѣла довѣренному лицу. Уполномоченный началъ съ того, что внесъ въ земельный банкъ проценты и такимъ образомъ имѣніе освободилось отъ продажи съ молотка.

Во всякомъ случаѣ это обстоятельство, о которомъ не зналъ и никакъ не ожидалъ Лапкинъ, должно было разстроить его планы. Система возмездія Лапкина ни въ чемъ неповиннымъ наслѣдникамъ владѣльца въ томъ именно и состояла, чтобы поразить ихъ покупкою имѣнія на публичныхъ торгахъ. Но когда это не удалось, неминуемо должно было послѣдовать новое усложненіе,

такъ какъ срокъ аренды имѣнія оканчивался, а Лапкинъ о желаніи или нежеланіи продолжить контрактъ — владѣльцевъ не увѣдомлялъ. Онъ захлебывался отъ удовольствія, разсчитывая прежде всего купить имѣніе, а потомъ ужъ, въ видѣ сюрприза, поднести владѣльцамъ извѣстіе объ этомъ. Но вышло иначе.

Молчаніе Лапкина понудило довѣреннаго пріѣхать въ Глушково и пріѣхалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Василія Никандрыча. Довѣренный уполномочивался — или сдать участокъ вновь въ аренду, или даже продать его, если будутъ желающіе.

Такимъ образомъ, Лапкинъ поѣхалъ въ Москву напрасно; возвращенія его слѣдовало ожидать каждый день, но онъ не возвращался.

Хотѣли послать ему телеграмму и не знали куда — адресъ его не былъ извѣстенъ. Съ семейными онъ не имѣлъ обыкновенія переписываться, городскіе знакомые, у которыхъ мы справлялись знали не больше нашего. Узнали только, что закадычный пріятель и руководитель Лапкина, изгнанный изъ службы старинный подъячій и закоренѣлый крючкодѣй, поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ.

Между тѣмъ, пріѣздъ уполномоченнаго поселилъ въ семейныхъ Лапкина новое безпокойство: какъ ни печально было насиженное гнѣздо, но неопредѣленность будущаго пугала еще больше. Отъ Василія Никандрыча извѣстій не было. Уполномоченный не могъ ждать дольше и объявилъ крестьянамъ Глушкова и окрестныхъ селъ о цѣли своего пріѣзда.

Въ крестьянской средѣ объявленіе это произвело страшное волненіе, благо, время теперь было совсѣмъ свободное отъ работъ. Нѣсколько дней кряду собирались сходы, въ которыхъ принимали горячее участіе не только всѣ мужики, но и бабы, и даже ребятишки; азартно кричали на этихъ сходахъ отъ утренней до вечерней зори до совершенной потери голоса, по нѣскольку разъ въ день ссорились, чуть не до драки, по стольку же разъ мирились и на мировой шли въ ближайшіе кабаки. Причиною шума и гама было разногласіе крестьянъ: одни желали купить землю въ вѣчное владѣніе, другіе, менѣе домовитые крестьяне, „раззоренные“, какъ называютъ ихъ, настаивали на съемѣ въ аренду, утверждая безполезность покупки, такъ какъ въ скоромъ времени, о чемъ имъ доподлинно извѣстно, должна произойти „прирѣзка“ земли отъ казны.

Иванъ Яковлевичъ въ эти дни почти не пилъ, не ѣлъ, убѣждая крестьянъ согласиться на покупку участка и, наконецъ, об-

щества двухъ селеній Глушкова и Лопухова и деревни Двориковъ рѣшили купить участокъ „сообча“. Вслѣдствіе такого выдающагося рѣшенія, начался-было запой смертный, но угроза уполномоченнаго, что онъ не станетъ больше ждать и уѣдетъ — пріостановила разгулъ, главными запѣвалами въ которомъ были чающіе прирѣзки земли „раззоренные“. Тогда начался торгъ съ уполномоченнымъ, продолжавшійся три дня. Чѣмъ болѣе уступалъ уполномоченный, тѣмъ неограниченнѣе были требованія крестьянъ, усматривавшихъ въ этой уступчивости какой-то „подвохъ“. Дѣло едва не разошлось изъ-за пустяковъ, но заступничество Ивана Яковлевича опять спасло міръ, или правильнѣе міры. Сошлись на самыхъ выгодныхъ для покупателей условіяхъ, выбрали отъ обществъ уполномоченныхъ и отправились въ городъ для завершенія покупки законнымъ порядкомъ.

При раздѣлѣ участка, на пай Ивана Яковлевича достался по жребію особый, очень удобный, по мѣстнымъ условіямъ, уголъ въ 300 десятинъ, за который уплатилъ онъ наличныя деньги, израсходовавъ на то всѣ бывшія у него средства, оказавшіяся, впрочемъ, очень небольшими.

Переговоры по пріобрѣтенію участка отвлекли Двориковскихъ крестьянъ отъ поѣздки въ городъ для полученія страховой преміи за сгорѣвшую мельницу. Теперь, когда выборные отправились въ городъ, имъ же поручили получить и страховыя деньги; но по пріѣздѣ ихъ въ городъ оказалось, что премія выдана уже Лапкину, въ рукахъ у котораго оставался и полисъ, невзятый отъ него крестьянами по опрометчивости. Обстоятельство это послужило поводомъ къ иску, а потомъ обнаружились данныя, на основаніи которыхъ и самый пожаръ мельницы представлялся столь загадочнымъ, что разслѣдованіе ихъ потребовало вызова Лапкина.

Отвѣта на это требованіе получено пока не было.

XIX.

Переживались тяжелые дни, полные какого-то гнетущаго томленія и страха за будущее. Встревоженные событіями послѣдняго времени, мы ждали еще чего-то, болѣе грознаго. Что разразится надъ нашими головами, никто не зналъ, но ясно было для всѣхъ, что послѣдняго слова судьба еще не сказала. Ждать пришлось недолго.

Однажды, когда мы всѣ были въ сборѣ дома, мимо нашихъ

оконъ промчался верховой и, едва осадивъ коня у крыльца, спѣшно вбѣжалъ въ комнаты.

Верховой былъ съ хутора и мы замерли въ ожиданіи его слова.

— Барыня померла!—крикнулъ онъ, едва переводя духъ.

Всѣ растерялись. Кто искалъ шапку, лежавшую передъ глазами на столѣ и не могъ найти, кто не находилъ калошъ, неподвижно стоявшихъ на обычномъ мѣстѣ, кто плакалъ на-взрыдъ, кто былъ уже на дворѣ и приказывалъ скорѣе запрягать лошадей. Никольскіе, потрясенные скорбнымъ извѣстіемъ, не меньше насъ, прибѣжали къ намъ же, и суматоха увеличилась еще болѣе. Наконецъ, къ крыльцу было поданы двое пошевней, и мы помчались. Дорогою спохватились, что Петра Иваныча не было съ нами. Когда и куда онъ исчезъ, никто не зналъ. Прискакавъ на хуторъ, мы нашли его ужъ тамъ.

Анна Александровна, скончавшаяся отъ разрыва сердца, лежала на своемъ диванчикѣ. Оленька, оцѣпенѣвшая отъ ужаса и горя стояла подлѣ нея и глазами, полными отчаянія, всматривалась въ дорогія черты. Въ рукахъ своихъ сжимала она руку матери, какъ бы ожидая, что эти тонкіе и безжизненные пальцы съ обычною лаской поиграютъ шелковистыми ея локонами... Съ Александрой Васильевной повторились прежніе припадки, отъ которыхъ она едва начала оправляться. За ней ухаживала Лукерья Степановна, блѣдная и смирившаяся съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла, что потеряла прежнее довѣріе хозяина и что „время ея прошло“.

На разспросы наши никто не могъ сказать, какъ послѣдовала смерть. Послѣ ужъ, когда Оленька нѣсколько оправилась, она объяснила, что въ минуту смерти матери была при ней. — „Получили почту—говорила она—и мама читала какое-то письмо. Вдругъ вскрикнула и—умерла“!

— Какое письмо? Гдѣ оно?

Письма не оказывалось. Бѣдныя женщины были такъ поражены внезапнымъ ударомъ, что имъ и на мысль не пришло взглянуть, о чемъ говорилось въ письмѣ. Послѣ долгихъ поисковъ скомканное и затоптанное письмо нашлось подъ диваномъ. Путешествовавшій вмѣстѣ съ Лапкинымъ въ Москву пріятель и руководитель его подъячій увѣдомлялъ, что Василій Никандрычъ, потерпѣвъ неудачу на торгахъ, страшно закутилъ, попалъ будто-бы въ руки шулеровъ, обыгравшихъ его до копѣйки, и кончилъ тѣмъ, что скоропостижно умеръ отъ удара.

Извѣстіе это поразило насъ до такой степени, что я никакъ

не могу возстановить въ памяти подробностей и ничего не могу разсказать о томъ, какъ пережили первыя минуты дочери Лапкина, оставшіяся теперь круглыми сиротами, нищими и безпріютными.

Анну Александровну похоронили на Глушковскомъ кладбищѣ. Бросая горсть земли на гробъ, въ которомъ успокоилась она на вѣки, мы вмѣстѣ съ нею хоронили мысленно и Василія Никандрыча, погибшаго такъ печально вдали отъ насъ, на чужбинѣ. Жизнь его, полная переворотовъ, была продуктомъ добраго стараго времени. Порываясь отъ стараго рабства къ барскимъ затѣямъ, онъ погибъ на скользкомъ пути, на который вступилъ. Обманывать себя дольше оказалось невозможнымъ и развязка пришла сама собою!..

Н. И.

ПЕССИМИЗМЪ И ПРОГРЕССЪ

IV *).

Чтобы разобраться въ міросозерцаніи пессимистовъ, всего важнѣе понять, во имя чего они отрицаютъ возможность примириться съ жизнью—во имя какихъ идеаловъ и во имя какихъ требованій отъ жизни. Обращаясь за этимъ къ самымъ выдающимся изъ нихъ, Шопенгауеру и Гартману, нельзя не замѣтить, что они осуждаютъ жизнь съ двухъ сторонъ. Ихъ безусловно отрицательное отношеніе къ жизни исходитъ не изъ одного неизмѣннаго идеала, а изъ ясно различимыхъ двухъ. Систематически осуждая всевозможныя проявленія жизни, они выставляютъ то одинъ, то другой изъ нихъ, а иногда даже случается, что и оба вмѣстѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что такая двойственность въ способѣ отношенія къ обсуждаемымъ явленіямъ должна послужить источникомъ явныхъ противорѣчій; но на самомъ дѣлѣ оба идеала, вообще говоря, очень мирно уживаются другъ около друга, хотя, правда, одинъ изъ нихъ значительно преобладаетъ. Дѣло въ томъ, что одинъ идеалъ они почерпаютъ въ лежащемъ позади насъ безвозвратномъ прошедшемъ, другой же направленъ на то, что остается человѣчеству впереди, въ будущемъ. Шопенгауеръ именно учитъ, что чѣмъ выше стоитъ человѣкъ въ своемъ развитіи, тѣмъ меньше въ немъ сохраняется первобытной, безсознательной привязанности къ жизни, тѣмъ меньше его привлекаетъ суета и движеніе жизни, тѣмъ равнодушнѣе онъ къ ея интересамъ, и наоборотъ—чѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ упорнѣе ищетъ окончательнаго, безповоротнаго успокоенія отъ напряженной жиз-

*) См. выше: августъ, 708 стр.

пенной дѣятельности и тѣмъ выше цѣнитъ блаженство абсолютнаго покоя, не возмущаемаго не только страданіемъ, но ровно ничѣмъ — ни желаніемъ, ни воспоминаніемъ, ни надеждой, ни мыслью даже [1]). Счастье по этому ученію доступно одному изъ двухъ—либо первобытному существу, либо аскету: первый, благодаря безсознательной, тупой непосредственности, бодро и дѣятельно наслаждается радостями жизни, а второй, цѣною страданій и просвѣтленнаго сознанія, дошелъ до высокаго блаженства абсолютнаго бездѣйствія, которое приближаетъ его къ полному „небытію" (такъ называемая у буддистовъ „нирвана"). Эти-то два рода счастья, ограничивающіе жизнь съ двухъ противоположныхъ концовъ, и представляютъ собою тѣ два идеала, которые руководятъ Шопенгауеромъ, а вслѣдъ за нимъ и Гартманомъ, въ ихъ безпощадной критикѣ существующаго. И все, что располагается на безчисленныхъ ступеняхъ между живымъ, непосредственнымъ счастьемъ тупого, ограниченнаго существа и безжизненнымъ блаженствомъ высокоразвитого аскета,—все это безжалостно развѣнчивается и топчется во славу двухъ крайнихъ состояній. Во имя ихъ категорически отрицается возможность счастья въ какомъ-нибудь изъ промежуточныхъ положеній, т. е. отрицается самая возможность для человѣка, вышедшаго изъ первобытнаго состоянія, сохранить свѣжую бодрость жизненнаго настроенія и связанную съ этимъ привязанность къ жизни.

Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, каждый шагъ на пути развитія получаетъ двойное значеніе: во-первыхъ, онъ обязательно сокращаетъ способность наслаждаться жизнью, а слѣдовательно и возможность счастья, и во-вторыхъ, возбуждаетъ стремленіе къ блаженству аскетическаго бездѣйствія.

Какія же, спрашивается, обстоятельства придаютъ въ глазахъ пессимистовъ такой роковой характеръ процессу развитія жизни?— Отвѣтомъ на это могутъ служить соображенія и факты, теоріи и метафизическія положенія всякаго рода, разбросанные по всѣмъ частямъ ученій Шопенгауера и Гартмана, такъ что тутъ скорѣе можетъ затруднить обиліе матеріала, чѣмъ недостатокъ въ немъ.

Если искать краткаго, яркаго и возможно полнаго отвѣта, хотя бы и не точнаго, то всего лучше обратиться къ тому, что Шопенгауеръ высказываетъ о геніяхъ [2]).

---

[1]) Arthur Schopenhauer, Welt als Wille und Vorstellung, I, 365—7 и вообще четвертая книга. „Der Mensch ist befriedigt je nachdem Grade seiner Stumpfheit, говоритъ Шопенгауеръ въ Parerga und Paralipomena, II, 317. Замѣтимъ, что наши указанія относятся ко 2-му изданію сочиненій Шопенгауера.

[2]) Welt, II, § 31; Parerga, II. стр. 72—88.

По его убѣжденію, люди геніальные представляютъ собой самое полное торжество разрушающаго вліянія развитія на привязанность къ жизни. Съ удовольствіемъ ссылается онъ на Аристотеля, сказавшаго, что всѣ геніи меланхоличны, и въ подтвержденіе этой мысли указываетъ на цѣлый рядъ великихъ людей, дѣйствительно страдавшихъ меланхоліей и вообще недовольныхъ жизнью. А великіе люди, вѣдь это цвѣтъ развитія человѣчества; геній,—утверждаетъ Шопенгауеръ,—находится на самой высокой ступени развитія изо всѣхъ, доступныхъ человѣку.

Въ чемъ же состоитъ развитіе генія и почему всякій геній обязательно долженъ быть „меланхоличнымъ"?

Главная особенность генія,—утверждаетъ Шопенгауеръ,—заключается въ необыкновенномъ развитіи ума. И что при этомъ всего важнѣе, развитіе это совсѣмъ особенное, не только по размѣрамъ, но и по своему характеру. Просто талантливый человѣкъ можетъ имѣть какой угодно крупный умъ, но въ глазахъ Шопенгауера это нисколько еще не приблизитъ его къ генію, ибо у генія умъ не только самъ по себѣ высоко развитъ, но и *преобладаетъ* надъ чувствомъ. У просто талантливаго человѣка при какомъ бы то ни было развитіи его ума, вся работа мысли ограничивается дѣятельностью на *пользу* человѣка: у одного она направлена на личную пользу, у другого—на пользу общественную, одинъ работаетъ въ области техники, другой въ области науки, но во всякомъ случаѣ у каждаго изъ нихъ умъ *служитъ* чувству и вообще жизненнымъ интересамъ человѣка, то-есть такъ или иначе стремится улучшить жизнь и помочь человѣку. Всякую подобную дѣятельность Шопенгауеръ обнимаетъ однимъ общимъ названіемъ „практической", хотя сюда у него цѣликомъ входитъ и вся теоретическая область науки. Дѣлаетъ онъ это на томъ основаніи, что наука изучаетъ явленія, ихъ связь и отношеніе между собой, то-есть исключительно то, что имѣетъ жизненное, реальное значеніе для человѣка, не заботясь о томъ, каковы вещи помимо человѣческаго представленія. Это Шопенгауеръ и называетъ практической дѣятельностью ума, тутъ, какъ онъ выражается, умъ *подчиненъ* и служитъ чувству, побужденіямъ и вообще живымъ интересамъ человѣка (кратко онъ это любитъ формулировать въ такомъ видѣ: „умъ служитъ волѣ"; но мы предпочитаемъ воздерживаться здѣсь отъ термина „воля", такъ какъ для незнакомыхъ ближе съ Шопенгауеромъ онъ очень сбивчивъ). Такое, по его словамъ, естественное назначеніе ума имѣетъ мѣсто у всѣхъ нормальныхъ людей, такъ какъ у нихъ дѣятельность ума соотвѣтствуетъ ихъ живымъ потребностямъ; умъ талант-

ливаго человѣка въ этомъ отношеніи отличается только бо́льшимъ искусствомъ,—онъ видитъ яснѣе, онъ быстрѣе и мѣтче соображаетъ, но никогда не выходитъ за предѣлы того, что интересуетъ человѣка. У генія же умъ, вслѣдствіе „ненормальнаго“ (abnormes) преобладанія надъ чувствомъ, „эманципируется“ отъ служенія чувствамъ и проникаетъ „въ совсѣмъ другой міръ“,—высшій міръ искусства и философіи, которому, по убѣжденію Шопенгауера, абсолютно чужды какіе бы то ни было живые интересы человѣка. Въ этомъ свѣтломъ мірѣ геній отрѣшается отъ всѣхъ чувствъ, привязанностей и интересовъ людскихъ, сбрасываетъ съ себя „тяжелое иго жизни“ и наслаждается высокимъ блаженствомъ безстрастнаго созерцанія. По словамъ самого Шопенгауера, умъ тутъ получаетъ „чуждое своей природѣ“, „неестественное“, даже „сверхъ-естественное“ назначеніе, и въ этомъ, на его взглядъ, заключается все величіе генія; но въ этомъ же и источникъ его равнодушнаго отношенія ко всѣмъ жизненнымъ интересамъ. Умъ генія, рѣшительно преобладая надъ чувствомъ, заставляетъ чувство молчать и тѣмъ самымъ вытравляетъ все, что держится на чувствахъ,—всѣ интересы, страсти и влеченія, которые привязываютъ человѣка къ жизни и ея радостямъ. Поэтому онъ смотритъ на жизнь „со стороны“, какъ на театральное зрѣлище, ни малѣйше его не трогающее; онъ не можетъ раздѣлить съ людьми ни одной изъ ихъ горестей или радостей; онъ имъ совсѣмъ чужой, конечно, въ той степени, въ какой онъ остается геніемъ и самъ не погруженъ „въ заботы суетнаго свѣта“. Сверхъ того положеніе генія осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что геніальный человѣкъ не можетъ быть флегматикомъ; у него, напротивъ, непремѣнно страстный темпераментъ и онъ обладаетъ особенной чувствительностью. Но абсолютный перевѣсъ холоднаго ума не даетъ хода этимъ душевнымъ силамъ, не согласующимся съ индифферентнымъ отношеніемъ къ жизни,—по крайней мѣрѣ, изъ нихъ вытравляется все бодрое и жизнерадостное и они оставляютъ отъ себя только горькій осадокъ раздражительности. Такимъ образомъ равнодушное отношеніе къ интересамъ жизни весьма легко переходитъ въ совсѣмъ враждебное, подъ вліяніемъ котораго все въ жизни представляется пошлымъ, мелочнымъ, ничтожнымъ и, такъ сказать, ненужнымъ.

Подводя итогъ соображеніямъ Шопенгауера о геніи, мы можемъ сказать, что источникъ неизбѣжной „меланхоліи“ генія заключается въ несоотвѣтственномъ сравнительно съ чувствомъ развитіи ума и въ происходящей отсюда „оторванности“ (подлинное выраженіе) одного отъ другого. Легко видѣть, что мы

здѣсь имѣемъ предъ собой крайнее нарушеніе здоровой цѣльности личности и въ этомъ смыслѣ представленіе Шопенгауера о геніи по своей рѣзкости врядъ ли уступаетъ самымъ исключительнымъ примѣрамъ изъ тѣхъ, которые мы нашли у Рибо.

Но оставимъ вопросъ о геніяхъ и перейдемъ къ менѣе исключительному и болѣе понятному кругу явленій. Если мы привели мысли Шопенгауера о геніи, то только въ виду того, что въ нихъ, благодаря ихъ рѣзкости, съ особенной опредѣленностью выступаетъ его руководящій взглядъ на источникъ непривлекательности жизни. Несравненно яснѣе и при томъ реальнѣе та же точка зрѣнія обнаруживается въ его воззрѣніяхъ на счастье.

Надо сказать, что всѣ пессимисты считаютъ внѣшнія блага жизни и вообще внѣшнія обстоятельства не имѣющими никакого существеннаго значенія для счастья [1]). Подвергая разбору богатство, славу, общественное положеніе, они упираютъ на то, что все это нисколько не обезпечиваетъ самого счастья. Напротивъ, на каждомъ шагу видимъ мы людей, осыпанныхъ внѣшнимъ благополучіемъ и въ то же время скучающихъ, не знающихъ, что́ съ собой сдѣлать, какъ убить время и чѣмъ разсѣять безпричинную тоску. Такъ же, повидимому, безпричинна веселость иныхъ людей, которые всюду вносятъ съ собой оживленіе и довольство, наперекоръ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Одна и та же внѣшняя обстановка,—говоритъ Шопенгауеръ,—производитъ на каждаго человѣка свое особое впечатлѣніе. Видъ самой красивой мѣстности можетъ быть совершенно испорченъ дурной погодой или отраженіемъ въ плохой камеръ-обскурѣ; точно также для иного человѣка самыя лучшія радости жизни—все равно, что драгоцѣннѣйшія вина во рту, покрытомъ желчью. Самая богатая роскошь, отраженная въ блѣдномъ сознаніи ограниченнаго человѣка, бѣдна и жалка въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ чувствовалъ Сервантесъ, когда въ тѣсной тюрьмѣ писалъ своего Донъ-Кихота. Упуская это изъ виду, иной читатель Байрона или Гёте, наталкиваясь въ ихъ произведеніяхъ на вещи, явно взятыя изъ дѣйствительной жизни, пожалуй, вздумаетъ завидовать, что имъ посчастливилось на интересныя встрѣчи и событія; а между тѣмъ, тотъ же читатель, можетъ быть, самымъ равнодушнымъ образомъ прошелъ бы мимо того, что̀ въ душѣ художника породило произведеніе, полное интереса,—ему бы показалось малозначущимъ и неинтереснымъ то самое, что̀, освѣщенное душевнымъ міромъ генія, приводитъ его въ восторгъ и доставляетъ самое возвышенное наслажденіе.

---

[1]) Parerga I, Aphorismen zur Lebensweisheit, стр. 334—42, 351. Welt I, 373.

Поэтому, что дѣйствительно заслуживаетъ зависти, такъ это способность быть счастливымъ, исходящая изъ насъ самихъ. Каждый изъ насъ, когда ему нездоровится, на своемъ личномъ опытѣ знаетъ, какъ много въ этомъ отношеніи значитъ наше собственное состояніе, въ сравненіи съ тѣмъ, что находится внѣ нашей личности. Болѣе широкое подтвержденіе этого даетъ намъ сравненіе между собой различныхъ возрастовъ и людей,—каждый возрастъ и каждый характеръ по своему окрашиваетъ всѣ радости жизни и придаетъ имъ такой или иной оттѣнокъ. Никого поэтому не удивляетъ, что старецъ смотритъ равнодушно на предметъ страсти юноши, или что одно и то же обстоятельство кажется сангвинику крайне интереснымъ, а меланхолику совершенно не стоющимъ вниманія. Повидимому, говоритъ Шопенгауеръ, намъ не чуждо инстинктивное сознаніе, что счастье больше всего зависитъ отъ нашей собственной личности; это видно изъ того, что мы гораздо спокойнѣе переносимъ бѣдствія, приходящія извнѣ, чѣмъ исходящія отъ насъ,—мы при этомъ какъ будто смутно чувствуемъ, что отъ внѣшнихъ обстоятельствъ легко избавиться, а свою собственную личность приходится всюду приносить съ собой.

Съ своей стороны, Шопенгауеръ полагаетъ [1]), что изъ всѣхъ свойствъ личности самое важное для счастья—хорошее, свѣтлое настроеніе. Какъ голодъ—лучшій поваръ, такъ можно сказать, что у кого веселый нравъ и кто радостно настроенъ, у того найдется поводъ порадоваться. Свѣтлое настроеніе, говоритъ Шопенгауеръ, есть единственная настоящая монета счастья; все остальное—только кредитныя бумажки. Что же касается того, чѣмъ такое настроеніе обусловливается, то, по убѣжденію Шопенгауера, все сводится къ согласію съ самимъ собою, то-есть къ внутренней уравновѣшенности.

Вотъ эта мысль лежитъ въ основаніи всѣхъ разсужденій Шопенгауера о счастьѣ. Въ ней онъ, а за нимъ и Гартманъ, черпаютъ силу для своей рѣзко отрицательной критики дѣйствительности и въ ней же,—худо ли, хорошо ли,—находятъ и разрѣшеніе своему недовольству жизнью. Всѣ ихъ нападки на жизнь неизмѣнно клонятся къ тому, что она не даетъ человѣку согласія съ самимъ собой—этого единственнаго дѣйствительнаго блага, и нѣтъ такой жертвы, которую бы они сочли слишкомъ крупной для достиженія этого блага.

Обращаясь къ подробностямъ, замѣтимъ, что въ дальнѣйшемъ

---

[1]) Parerga, I, стр. 379, 445, 448.

мы пока не будемъ упоминать о мелкихъ отличіяхъ Гартмана отъ Шопенгауера, такъ какъ эти малозначущія частности только напрасно отвлекали бы насъ отъ главнаго.

V.

Слѣдя за самыми разнообразными обвиненіями Шопенгауера противъ жизни, мы каждый разъ въ концѣ концовъ неизмѣнно приходимъ къ тому, что корень всѣхъ золъ заключается во внутреннемъ мірѣ человѣка, а именно, во внутренней невозможности найти счастье въ жизни.

Отчего же зависитъ эта невозможность?

Вотъ какъ представляется дѣло Шопенгауеру.

Жизнь людей,—говоритъ онъ [1],—состоитъ въ вѣчномъ метаніи, какъ между Сциллой и Харибдой, между двумя бѣдами—нуждой и скукой. Пока мы стремимся къ чему-либо, чувствуемъ въ чемъ-нибудь потребность и эта потребность еще не удовлетворена, мы страдаемъ отъ чувства неудовлетворенія, испытываемъ нужду. Когда же удовлетвореніе наступило, такое удовлетвореніе, что нечего больше желать, — тогда является чувство пустоты, т.-е. скуки. Чтобы избѣжать этой новой бѣды, дѣлаются самыя упорныя усилія, принимаются разнообразнѣйшія мѣры, и въ результатѣ опять непріятное чувство, но уже перваго рода, т.-е. въ видѣ неудовлетворенныхъ потребностей. И такъ далѣе, безъ конца. Вслѣдствіе этого дѣйствительность представляетъ очень странную картину. Съ одной стороны, масса людская,—бо́льшая по размѣрамъ,—всю жизнь проводитъ въ ожесточенной борьбѣ съ нуждой, въ борьбѣ за возможность удовлетворить самыя насущныя и притомъ въ высшей степени ограниченныя свои потребности; а съ другой, передъ нами цѣлые классы людей, всѣ заботы которыхъ сосредоточены на прiисканiи новыхъ и новыхъ источниковъ интереса: придумываютъ всевозможныя игры, увеселенія, развлеченія, играютъ въ карты, шахматы, рулетку, танцуютъ, сплетничаютъ, читаютъ пустѣйшіе романы, съ жадностью накидываются на пикантныя уголовныя преступленія,—словомъ, дѣлаютъ все возможное, лишь бы не остаться безъ всякихъ желаній. Выходитъ,—говоритъ Шопенгауеръ,—что, съ одной стороны, люди стремятся обезпечить свое существованіе, а затѣмъ добившись этого, не знаютъ, что́ со своимъ существованіемъ подѣлать, и только о томъ

[1]) Welt, § 57, и Parerga II, § 147 и 154.

и заботятся, какъ бы „убить“ постылое время. Оттого мы на каждомъ шагу видимъ, что пока человѣкъ находится только на пути къ цѣли, она его еще соблазняетъ; а разъ желанная цѣль достигнута, —конецъ увлеченію, наступаетъ равнодушіе и, если не привлекаютъ новыя цѣли,—тоскливая душевная пустота. Оттого часто человѣкъ, всю жизнь потратившій на преслѣдованіе дорогой цѣли, въ концѣ самъ не радуется своему успѣху.

Гдѣ же, спрашивается, источникъ этой роковой дилеммы? Коренится ли онъ въ неустранимой природѣ вещей или же въ немъ нѣтъ ничего неизбѣжнаго?

На этотъ вопросъ Шопенгауеръ отвѣчаетъ двояко. Одинъ отвѣтъ цѣликомъ держится на отвлеченномъ разсужденіи, а другой ближе касается конкретныхъ явленій.

Первый безнадежно пессимистиченъ; онъ утверждаетъ, что такой порядокъ вещей неизбѣженъ. И это на томъ основаніи, что всякое удовольствіе есть не что иное, какъ удовлетвореніе потребности. Поэтому пока потребность не удовлетворена, удовольствія нѣтъ. Когда же она удовлетворена, то самой потребности больше нѣтъ, то-есть больше нечего удовлетворять и, значитъ, опять не можетъ быть удовольствія. Первый случай даетъ страданіе, второй—скуку. Изъ этого выходитъ, что удовольствіе существуетъ только въ самый моментъ перехода отъ страданія къ скукѣ, то-есть въ тотъ моментъ, когда страданіе уже кончается, а скука еще не наступила. Эти чрезвычайно маленькіе промежутки времени и составляютъ все, что даетъ большинству людей передышку между страданіемъ и скукой.

Изъ разсужденія этого слѣдуетъ, что этотъ порядокъ вещей есть явленіе неизбѣжное,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока счастье человѣка состоитъ въ удовлетвореніи его потребностей. Но, съ другой стороны, Шопенгауеръ приводитъ соображенія, которыя освѣщаютъ тотъ же вопросъ совсѣмъ не такъ безотрадно [1]).

Говоря о бѣшеной погонѣ массы людской за богатствомъ, славой, почестями, общественнымъ положеніемъ и тому подобными жизненными цѣлями, Шопенгауеръ обращаетъ особенное вниманіе на то, какъ мало страстность этихъ стремленій соотвѣтствуетъ цѣнѣ того, чего достигаетъ человѣкъ даже при полномъ успѣхѣ въ этомъ направленіи. Дѣло въ томъ, что все это—только внѣшнія блага: внѣшнее богатство, внѣшнія почести, внѣшнія положенія. И тѣ, кто видитъ въ нихъ цѣль жизни, упускаютъ изъ виду, что истинное, глубокое удовлетвореніе цѣликомъ держится

[1]) Особенно см. Parerga, I, Aphorismen zur Lebensweisheit.

не на нихъ, а на внутреннемъ душевномъ содержаніи человѣка. Внѣшнимъ блескомъ, внѣшнимъ разнообразіемъ и внѣшнимъ богатствомъ впечатлѣній они стремятся вознаградить себя за томительную пустоту, блѣдность, однообразную безсодержательность и вообще ничтожность внутренней жизни. Честолюбецъ, нисколько самъ себя не уважающій, гоняется за титулами, орденами, общественнымъ положеніемъ и всевозможными внѣшними почестями. Человѣкъ, не находящій никакихъ интересовъ въ самомъ себѣ, не можетъ, если онъ не работаетъ, просидѣть четверть часа безъ общества, безъ разговоровъ и развлеченій. Но невозможность замѣнить внутреннее богатство внѣшнимъ безжалостно даетъ себя чувствовать всюду. Внѣшняя суета общественныхъ времяпрепровожденій не въ силахъ восполнить недостатокъ внутренняго оживленія. Оттого такъ трудно найти въ обществѣ дѣйствительное оживленіе и настоящее, искреннее веселье. Не смотря на торжественность и эффектность обстановки, не смотря на блескъ, шумъ и суету, на лицахъ людей написано холодное равнодушіе и скука. Не больше удовлетворенія даетъ и честолюбіе, направленное на внѣшнія почести; чувство чести, чѣмъ больше оно держится не на внутреннихъ достоинствахъ самой личности, а на внѣшнихъ условностяхъ, тѣмъ меньше приноситъ спокойнаго удовлетворенія, —извѣстно, что всякая корпоративная честь тревожна до болѣзненности. И черта эта повторяется во всѣхъ случаяхъ, когда стараются замѣнить внутреннее богатство внѣшнимъ. Непремѣнно является безпокойство, тревожное настроеніе, раздражительность, неспособность чѣмъ-нибудь удовлетвориться, и въ результатѣ— лихорадочная погоня за новыми и новыми источниками удовлетворенія.

Все это,—утверждаетъ Шопенгауеръ,—показываетъ, что если, не смотря на внѣшній успѣхъ и на полное достиженіе внѣшнихъ цѣлей, человѣкъ не испытываетъ настоящаго удовлетворенія, то причиной тому *ничтожность внутренняго содержанія*. И поэтому тѣ, которые видятъ въ обладаніи внѣшними орудіями счастья самое счастье, похожи на скупца, который принимаетъ деньги за самую цѣль. Всѣ силы истрачиваются на то, чтобы овладѣть внѣшними богатствами, всѣ заботы направлены на нихъ, а тамъ оказывается, что не въ нихъ дѣло.

Такимъ образомъ, нисколько не отступая отъ Шопенгауера, а только подходя вмѣстѣ съ нимъ къ явленіямъ реальной дѣйствительности, мы получаемъ совсѣмъ новое освѣщеніе всего дѣла. Отвлеченное разсужденіе привело насъ къ заключенію, что скука, равнодушіе и ощущеніе пустоты представляютъ просто естествен-

ное слѣдствіе удовлетворенныхъ потребностей. А здѣсь предъ нами категорическое заявленіе Шопенгауера, что „истинный источникъ скуки есть внутренняя безсодержательность“.

Но въ чемъ же состоитъ „внутренняя безсодержательность“ и отъ чего зависитъ?

Шопенгауеръ подъ вліяніемъ своихъ личныхъ вкусовъ, вообще говоря, былъ совсѣмъ не склоненъ признавать въ жизни человѣка какое бы то ни было серьезное содержаніе, кромѣ интереса и любви къ философіи и искусству. Въ его устахъ на каждомъ шагу все, что не посвящено философіи и искусству, съ плеча клеймится эпитетомъ безсодержательнаго. Но такъ какъ Шопенгауеръ никогда не позволитъ себѣ выражать свое личное презрѣніе, не подкрѣпивши его общими соображеніями, то они и должны отвѣтить намъ на вопросъ нашъ.

Философія и искусство, объясняетъ Шопенгауеръ [1]), представляютъ собой совершенно исключительную область, тѣмъ особенно замѣчательную, что она допускаетъ наслажденія удовольствія и счастье безъ всякой примѣси скуки. Зависитъ это отъ того, что тутъ удовольствіе не есть „удовлетворенія потребностей“. Дѣло въ томъ, что когда человѣкъ вступаетъ въ эту область, то, согласно Шопенгауеру, у него больше нѣтъ потребностей, онъ отрѣшается отъ всякихъ страстей, побужденій и чувствъ, его не привлекаютъ никакія цѣли и онъ рѣшительно ни къ чему не стремится. Вотъ почему тутъ не можетъ быть рѣчи объ удовлетвореніи какихъ-нибудь потребностей; самихъ потребностей нѣтъ. Высокое же наслажденіе, при этомъ испытываемое, цѣликомъ основано на совершенно безстрастномъ, чисто умственномъ созерцаніи дѣйствительности.

Такъ какъ при этомъ художникъ и философъ въ каждомъ явленіи живой дѣйствительности умѣютъ найти и содержаніе, и интересъ, и наслажденіе, то можетъ показаться, что подъ „внутреннимъ содержаніемъ“ Шопенгауеръ разумѣетъ способность находить во всемъ пищу для ума и воображенія. Однако ни за умомъ, ни за воображеніемъ онъ не признаетъ подобнаго исключительнаго значенія, коль скоро они преслѣдуютъ какія-нибудь цѣли. Правда, и у философа и у художника тоже есть цѣль — обладаніе истиной; но Шопенгауеръ горячо настаиваетъ на томъ, во-первыхъ, что преднамѣренное, то-есть сознательное стремленіе къ этой цѣли не обезпечиваетъ ни малѣйшаго успѣха въ этой особенной области, иначе всякій могъ бы по желанію, просто задавшись та-

[1]) Welt I, § 38; Parerga II, § 447—8.

кой цѣлью, сдѣлаться философомъ или художникомъ; а во-вторыхъ, если въ дѣятельности философа или художника все-таки преслѣдуются цѣли, то однѣ только безсознательныя, съ такой же органической необходимостью вытекающія изъ этой дѣятельности, какъ цѣли безсознательной природы. Побуждаетъ ихъ къ работѣ непосредственный инстинктъ, вдохновеніе, а привлекаетъ то непосредственное удовольствіе, которое доставляетъ самый процессъ дѣятельности. Подобный образъ занятій, говоритъ Шопенгауеръ, въ сравненіи съ другими все равно, что танцы по отношенію къ простому хожденію: человѣкъ идетъ, чтобы прійти куда-нибудь, а танцуетъ ради самихъ танцевъ; тоже самое въ философіи и искусствѣ,—тутъ дѣятельность, будучи сама себѣ цѣлью не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ приманкахъ или наградахъ. Она удовлетворяетъ сама по себѣ и источникъ этого удовлетворенія, — говоритъ Шопенгауеръ, — заключается въ свободной игрѣ душевныхъ силъ, въ возможности безпрепятственнаго ихъ приложенія, то-есть вообще въ живой дѣятельности. Этимъ и объясняется, почему такого рода удовольствія не зависятъ отъ достиженія какой-нибудь цѣли и продолжаются непрерывно; почему въ нихъ нѣтъ ни тревожности, ни неувѣренности, ни лихорадочнаго стремленія впередъ; почему, наконецъ, оно сопровождается такимъ высоко блаженнымъ чувствомъ „спокойнаго“ самоудовлетворенія. Становится также понятнымъ, почему Шопенгауеръ не хочетъ признать никакихъ обязанностей философіи и художественнаго творчества по отношенію къ практическимъ задачамъ и интересамъ человѣка: сознательное преслѣдованіе какой бы то ни было цѣли выходитъ за предѣлы непосредственнаго наслажденія самой дѣятельностью; а это нарушаетъ уже весь характеръ удовольствія или, вѣрнѣе, совсѣмъ уничтожаетъ удовольствіе, ибо всякое удовольствіе какъ говорилъ еще Аристотель, состоитъ въ какой-нибудь дѣятельности. Этимъ же объясняется, почему Шопенгауеръ не допускалъ возможности счастья въ практической дѣйствительности; въ ней, утверждаетъ онъ, человѣка привлекаютъ цѣли, лежащія внѣ самой дѣятельности. Тутъ дѣятельность сама по себѣ не доставляетъ никакого удовлетворенія; она не освѣжаетъ, не сообщаетъ ни бодрости, ни свѣтлаго настроенія, и привлекаетъ только въ силу соображеній пользы, мечтами о богатствѣ, надеждами на славу и тому подобными внѣшними приманками. Такъ какъ при этомъ все основывается на успѣхѣ или неуспѣхѣ въ осуществленіи предположенныхъ цѣлей, то весь строй жизни получаетъ характеръ неувѣренности и тревожности. Постепенно черты эти пу-

скаютъ въ душѣ человѣка такіе глубокіе корни, что даже при самомъ полномъ успѣхѣ не даютъ душевнаго успокоенія и такимъ образомъ всегда мѣшаютъ полному удовлетворенію.

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ эти разсужденія, не должно забывать, что, по совершенно личнымъ особенностямъ своего воспитанія и характера, Шопенгауеръ не любилъ, да и не уважалъ никакого другого дѣла, кромѣ умственнаго. Всякую работу и всякій трудъ, кромѣ умственнаго, онъ всегда безъ разсужденій относитъ къ самому тягостному и непріятному въ жизни. Точно забывая объ умственной работѣ, онъ называетъ вообще всякую работу наказаніемъ и какъ будто совсѣмъ не допускаетъ возможности находить наслажденіе въ работѣ; на основаніи этого, высшимъ идеаломъ личнаго счастья онъ выставляетъ возможно обезпеченный отъ труда, свободный досугъ. Но въ томъ и дѣло, что въ то же время самымъ привлекательнымъ употребленіемъ этого досуга онъ считалъ умственную *дѣятельность*, а не бездѣлье. И это объясняется очень просто. Въ той сферѣ, гдѣ жизнь имѣла лично для него свою прелесть, въ той единственной области, въ которой ему, мизантропу и меланхолику, было доступно чувство непосредственнаго удовольствія, тутъ онъ находилъ, что дѣятельность (или, что тоже самое, „игра силъ“ или „свободное ихъ приложеніе“) есть коренной источникъ удовольствія, притомъ самаго глубокаго и самаго полнаго. Что же касается другихъ областей жизни и дѣятельности, то ни одна изъ нихъ не представляла для него ни малѣйшаго самостоятельнаго интереса. Въ нихъ ему было не по себѣ и онъ испытывалъ просто болѣзненное чувство безпокойства, когда приходилось имѣть дѣло съ какими-нибудь практическими задачами. Достаточно сказать, что одно появленіе почтальона съ письмомъ повергало его въ страшное безпокойство, и его сейчасъ же мучило подозрѣніе, что случилось какое-нибудь несчастье, что онъ разоренъ и лишенъ возможности заниматься дольше любимымъ дѣломъ; если ничего худого въ письмѣ не оказывалось, онъ и это принималъ за дурной знакъ. Не мудрено, что находя спокойное удовлетвореніе исключительно въ одной спеціальной сферѣ умственной дѣятельности, онъ не могъ придавать самостоятельную цѣну другимъ родамъ дѣятельности. Однако, не смотря на это пристрастіе, и въ его общихъ соображеніяхъ, и въ фактическихъ примѣрахъ въ этомъ отношеніи довольно легко пропадаетъ граница между умственной сферой и остальными областями жизни. Въ его общихъ положеніяхъ мы между прочимъ находимъ такое: по настоящему,—говоритъ онъ,—всякое удовольствіе состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ ощу-

щеніи своихъ силъ и возможности найти имъ приложеніе; а съ другой—самое сильное страданіе происходитъ отъ ощущенія недостатка въ нужныхъ силахъ [1]). Такъ неужели же это не имѣетъ полнаго примѣненія ко всѣмъ областямъ жизни? И вотъ, дѣйствительно, какія указанія находимъ мы у него въ пользу этого. Физическое здоровье,—говоритъ онъ,—основано на безпрепятственной дѣятельности различныхъ органовъ; точно также и свѣтлое настроеніе, довольство самимъ собою и жизнью, даются человѣку только свободной дѣятельностью его силъ и способностей. Поэтому, когда обстоятельства избавляютъ насъ отъ необходимости работать ради практическихъ цѣлей, мы придумываемъ себѣ всякія занятія, забавы, игры,—вообще, какъ выражается Шопенгауеръ, предаемся „безцѣльной тратѣ силъ". Выходитъ, стало быть, что непосредственное наслажденіе отъ самаго процесса дѣятельности возможно не въ одной умственной сферѣ, а и всюду въ жизни. Этому отвѣчаетъ также мнѣніе Шопенгауера, что жизнь вообще представляетъ собой не что иное, какъ движеніе, что самая сущность ея есть дѣятельность [2]). Исходя изъ этого, можно сказать, что любить жизнь и любить дѣятельность одно и то же, и естественный выводъ отсюда, что кому процессъ дѣятельности, или, что тоже самое, процессъ жизни доставляетъ непосредственное наслажденіе, тотъ и способенъ находить прелесть въ жизни и радоваться ея радостями. И наоборотъ. Кто на это не способенъ, тому не найти удовлетворенія въ жизни, тому даже не понять, что можетъ быть въ жизни привлекательнаго.

Почти излишне говорить, что найденный нами подъ руководствомъ Шопенгауера источникъ непривлекательности жизни сводится къ внутреннему раздвоенію, къ „несогласію съ самимъ собой". Въ самомъ дѣлѣ, если человѣка не удовлетворяетъ то самое, къ чему его же влечетъ, если удовлетвореніе его же собственныхъ побужденій не доставляетъ ему удовольствія, то несомнѣнно онъ страдаетъ внутреннимъ разладомъ. А таковы, какъ мы видѣли, послѣдствія недостатка „внутренняго содержанія". Очень любопытны въ этомъ отношеніи у Шопенгауера слѣдующія замѣтки [3]). Человѣкъ съ ничтожнымъ душевнымъ содержаніемъ,—говоритъ онъ,—все равно, что музыкальный инструментъ, издающій одну только ноту; монотонность, то-есть однообразіе, его существованія невыносимо безъ дополненія другими, и оно

---

[1]) Wilt, I, 360 Parerga, I, 353.
[2]) Parerga. I, 343.
[3]) Parerga, I, стр. 450.

нуждается въ этомъ дополненіи для того, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться къ „цѣлому человѣческому существованію“. Тотъ же, у кого есть внутреннее содержаніе, тотъ представляетъ цѣлое, „единицу, а не дробь“,—тотъ подобенъ цѣлому оркестру и поэтому способенъ самъ себя удовлетворять (hat an sich selbst genug), не нуждаясь ни въ какомъ дополненіи извнѣ. Не нуждается онъ также ни въ какомъ возбужденіи внѣшними средствами для того, чтобы испытывать удовлетвореніе въ жизни.

Къ этимъ мыслямъ мы дальше еще вернемся.

VI.

Не меньшимъ препятствіемъ къ счастью, чѣмъ „ничтожность внутренняго содержанія“, служитъ по ученію Шопенгауера, другая особенность въ жизни людей, а именно неумѣніе жить и наслаждаться настоящей минутой [1]). Мы,—говоритъ Шопенгауеръ,—постоянно живемъ въ ожиданіи лучшаго или предаемся сожалѣнію о прошедшемъ; настоящее же примѣняется нами только такъ себѣ, между прочимъ: оно для насъ только путь къ чему-то, лежащему впереди, а само по себѣ цѣны не имѣетъ. Благодаря этому, большинство людей, приходя къ концу жизни и оглядываясь, чувствуютъ, что вся жизнь прожита точно въ ожиданіи чего-то (ad interim) и съ удивленьемъ замѣчаютъ, что то, чему они дали пройти незамѣченнымъ и, такъ сказать, невкушеннымъ —оно и было жизнью, то-есть тѣмъ самымъ, въ ожиданіи чего они все время жили. Теченіе времени,—говоритъ поэтому Шопенгауеръ,—играетъ роль бича, неустанно преслѣдующаго человѣка, не дающаго ему ни минуты передышки и лишающаго его возможности испытать чувство спокойнаго удовлетворенія.

Въ объясненіе дѣла у Шопенгауера и тутъ имѣется отвлеченная теорія, сводящаяся къ убѣжденію, что такова уже неизбѣжная участь всего, что живетъ во времени; самая сущность времени есть текучесть, перемѣна, стремленіе впередъ; поэтому все, что происходитъ во времени, по самой природѣ вещей не можетъ остановиться и успокоиться, осуждено быть въ вѣчномъ движеніи и въ вѣчной тревогѣ. Отсюда Шопенгауеръ выводитъ, что полное душевное удовлетвореніе возможно только „внѣ времени“. Но мы не послѣдуемъ за Шопенгауеромъ въ этомъ фан-

---

[1]) Parerga II, стр. 304, 5, 6, 313—4, 317 и 318; также Parerga I, Aphorismen zur Lebensweisheit.

тастическомъ направленіи и не станемъ вмѣстѣ съ нимъ углубляться въ метафизическія хитросплетенія, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ приводитъ очень вѣскія соображенія въ пользу того, что зло имѣетъ совсѣмъ иное значеніе.

Не смотря на то, что животныя, какъ и все вообще, что намъ извѣстно, живутъ „во времени", тѣмъ не менѣе Шопенгауеръ называетъ ихъ „олицетвореніемъ настоящаго". Именно этой особенности животнаго, именно способности отдаваться цѣликомъ данному моменту, мы въ значительной мѣрѣ обязаны тому чувству радости, которое вызываетъ въ насъ наши домашнія животныя; они нѣкоторымъ образомъ даютъ намъ почувствовать непосредственную цѣну настоящаго, не обезпокоеннаго ни прошедшимъ, ни будущимъ. И животное само испытываетъ гораздо больше удовлетворенія отъ всего существованія, чѣмъ мы. Оно не знаетъ озабоченности и опасеній за будущее,—оно поэтому избавлено отъ столь тягостнаго для человѣка предвидѣнія смерти; точно также ему незнакомы муки раскаянія.

Правда, животное вмѣстѣ съ тѣмъ лишено наслажденій, доставляемыхъ воспоминаніями о счастливомъ прошедшемъ и, что еще дороже, радостей надежды. Но замѣчательно, что даже сами эти недостатки имѣютъ свои свѣтлыя стороны. Человѣкъ, обладая способностью преждевременно предвкушать будущія радости, по словамъ Шопенгауера, тѣмъ самымъ уменьшаетъ свое удовольствіе при его дѣйствительномъ наступленіи; такъ что непосредственное удовольствіе сокращается для него съ одной стороны преждевременнымъ его предвкушеніямъ, а съ другой—опасеніемъ потерять его, то-есть заботами о будущемъ. Другими словами, у человѣка удовольствіе не можетъ дѣйствовать сосредоточенно, не можетъ безраздѣльно завладѣть имъ, а непремѣнно разрознено, измельчено на массу мелкихъ частей и поэтому всегда является съ преобладающей примѣсью страданія. При такихъ условіяхъ не мудрено и самой надеждѣ на будущія радости притупиться. Точно также и пріятныя воспоминанія о прошедшемъ не овладѣваютъ человѣкомъ цѣликомъ; къ нимъ то-и-дѣло примѣшивается непріятное чувство, вслѣдствіе сравненія счастливаго прошлаго съ менѣе удачнымъ настоящимъ.

Отъ всего этого избавлено животное. Вообще, если животное наслаждается, то безраздѣльно, безъ ограниченій. Когда же оно страдаетъ, то тоже только непосредственнымъ страданіемъ настоящей минуты, не осложненнымъ ни тягостнымъ сравненіемъ съ прошедшимъ счастьемъ, ни мучительнымъ ожиданіемъ дальнѣйшихъ несчастій. Относительно страданій послѣдняго рода, то-есть

чисто душевныхъ, Шопенгауеръ того убѣжденія, что они несравненно несноснѣе непосредственныхъ, физическихъ: не даромъ, говоритъ онъ, мы совершенно забываемъ о физической боли, когда насъ терзаютъ муки душевныя. Другими словами, даже самыя страданія животнаго, благодаря тому, что они прикованы къ настоящей минутѣ, легче выносимы, чѣмъ человѣческія страданія.

Изъ всего этого мы однако видимъ, что если человѣкъ не умѣетъ безраздѣльно отдаваться настоящему, то виною этому вовсе не его неспособность жить „внѣ времени", — тутъ ужъ нельзя было бы ничѣмъ помочь, — а совсѣмъ другое, и именно не что иное, какъ рефлексія, то-есть стремленіе отвлекаться отъ непосредственной дѣйствительности. И самъ Шопенгауеръ, помимо своихъ метафизическихъ объясненій на счетъ „сущности времени", именно на это и указываетъ здѣсь, какъ на главное.

Въ большинствѣ случаевъ, — говоритъ онъ, — человѣкъ и страдаетъ, и радуется не подъ непосредственными впечатлѣніями живой дѣйствительности, а подъ вліяніемъ отвлеченныхъ данныхъ. Реальное удовольствіе настоящей минуты легко уступаетъ въ немъ сознанію, что испытываемое имъ удовольствіе вредно, что оно повлечетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, что оно куплено нехорошей цѣной. И наоборотъ, реальное страданіе данной минуты охотно переносится нами ради будущей пользы, ради того, что подумаютъ о насъ другіе, и изъ тому подобныхъ разсчетовъ отвлеченнаго сознанія. Вообще, въ то время какъ на животное дѣйствуетъ только наглядное, образное, чувственное, — словомъ, только то, что оно испытываетъ непосредственно, у человѣка къ непосредственнымъ ощущеніямъ примѣшивается головная работа разсудка, памяти, воображенія, вслѣдствіе чего непосредственныя чувства страдаютъ: они расшатываются, лишаются силы, свѣжести и полноты. Этимъ въ глазахъ Шопенгауера объясняется, почему человѣкъ не знаетъ ни той безпечности, ни того душевнаго спокойствія, которыя свойственны животнымъ. И этимъ же объясняется его неумѣнье жить и пользоваться настоящимъ.

Замѣчательно, что разъ только Шопенгауеръ сталъ на эту почву, то-есть на почву реальныхъ объясненій, онъ ужъ перестаетъ видѣть единственное спасеніе отъ зла въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ условій времени, что, по его же словамъ, для нормальнаго человѣка немыслимо. При этомъ даже самая способность къ рефлексіи, которая тутъ всему причиной, пріобрѣтаетъ въ его глазахъ не малую положительную цѣну, какъ несомнѣнно благотворная во многихъ отношеніяхъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, способность предвидѣть будущее, вспоминать опытъ прошлаго и

сравнивать это прошлое съ настоящимъ, не служитъ великую службу человѣку? Развѣ мало хорошаго, свѣтлаго успокоенія даетъ воспоминаніе о прошедшихъ счастливыхъ дняхъ? Развѣ, наконецъ, мало живой, бодрой энергіи даетъ надежда на будущее? И вотъ, ставши на эту точку зрѣнія, Шопенгауеръ приходитъ къ убѣжденію, что истинная мудрость состоитъ въ умѣньѣ находить нормальную пропорцію между непосредственными чувствами и рефлексіей, а въ частности—между сосредоточенностью на настоящемъ и способностью отрѣшаться отъ него [1]). Только это и можетъ дать счастье человѣку, говоритъ онъ. Плохо тому, кого рефлексія лишила возможности полностью переживать живое содержаніе настоящаго и у кого она подорвала свѣжесть непосредственнаго чувства, но не менѣе плохо тому, кто такъ легкомысленъ, что ничего не знаетъ, кромѣ настоящей минуты и того, что̀ ему представляется непосредственно. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ препятствіемъ къ наслажденію жизнью оказывается опять внутренняя неуравновѣшенность личности, — отсутствіе соотвѣтствія между душевными силами. И въ данномъ случаѣ источникомъ этого разлада оказывается преобладаніе рефлексіи надъ непосредственными чувствами.

Къ предъидущему можно прибавить еще только одно обстоятельство, которому Шопенгауеръ придаетъ первостепенное значеніе для счастья человѣка, это—темпераментъ. И источникомъ темперамента меланхолическаго, закрашивающаго всѣ впечатлѣнія въ мрачный колоритъ и дѣлающаго невозможнымъ наслажденіе радостями жизни, онъ называетъ „ненормальный перевѣсъ высшихъ способностей и силъ (то-есть умственныхъ) надъ низшими" (т.-е. чувственными). Опять, стало быть, дѣло сводится къ внутреннему несоотвѣтствію въ жизненномъ строѣ личности.

Во всякомъ случаѣ, эта третья причина, отнимающая у жизни ея прелесть, будучи самой безъисходной,—потому что темпераментъ дается отъ родителя,—вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ всего меньше общаго интереса и значенія. Поэтому мы на ней останавливаться подробнѣе не станемъ.

Что же касается другихъ двухъ причинъ,—недостатка „внутренняго содержанія" и рефлексіи, то, сопоставляя эти явленія другъ съ другомъ, не трудно замѣтить, какъ близко они между собой соприкасаются. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи того, что̀ Шопенгауеръ называетъ „внутреннимъ содержаніемъ", человѣкъ ничѣмъ не способенъ непосредственно удовлетвориться и въ

---

[1]) Parerga, I, стр. 441.

связи съ этимъ испытываетъ глубокое внутреннее раздвоеніе. А рефлексія съ своей стороны тоже нарушаетъ цѣльность всѣхъ ощущеній, чувствъ и впечатлѣній, и подкашиваетъ ихъ живую непосредственность. Такимъ образомъ, оба рода обстоятельствъ, которыя въ глазахъ Шопенгауера лишаютъ жизнь всякой цѣны, имѣютъ совершенно одинаковый характеръ и значеніе. Какъ то, такъ и другое представляетъ собой отсутствіе непосредственности, въ тѣсной связи съ недостаткомъ цѣльности, то-есть согласія съ самимъ собой.

Выводъ этотъ очень вѣренъ; въ немъ нашло себѣ выраженіе коренное убѣжденіе Шопенгауера, а именно, что дѣйствительное согласіе съ самимъ собой, глубокое и прочное, возможно только при полнѣйшей непосредственности, а гдѣ нѣтъ непосредственности, тамъ не можетъ быть внутренняго согласія и, стало быть, не можетъ быть счастья.

Около этого пункта вертятся всѣ соображенія Шопенгауера о шансахъ счастья въ жизни. И самыя сильныя обвиненія его противъ жизни сводятся къ тому, что прогрессивный жизненный процессъ роковымъ образомъ разрушаетъ все непосредственное и тѣмъ самымъ неизбѣжно уничтожаетъ стройное, гармоническое согласіе жизни съ самой собой.

Къ этому общему его ученію мы теперь и перейдемъ.

VII.

Въ первой нашей статьѣ мы видѣли, что въ основаніи ученія Майнлендера лежитъ такая мысль: въ началѣ было „единство“; расколовшись, оно создало міръ; отсюда вытекаетъ и неизбѣжность страданій въ жизни и неизбѣжная потеря „жизненной энергіи“.

Въ основаніи же міровоззрѣнія Шопенгауера мы находимъ слѣдующее. Все существующее есть ничто иное, какъ проявленіе „воли къ жизни“; эта воля къ жизни, проявляясь въ массѣ единичныхъ, обособленныхъ явленій, тѣмъ самымъ вступаетъ въ борьбу сама съ собой, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего оказывается страданіе и внутреннее разслабленіе, которое Шопенгауеръ называетъ „потерей воли къ жизни“.

Гартманъ утверждаетъ почти дословно то же самое, только у него вмѣсто „воли“ фигурируетъ такъ-называемое „безсознательное“.

И чѣмъ больше знакомишься съ каждымъ изъ этихъ трехъ

мыслителей, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ полной тождественности этого основного положенія ихъ.

То, что Шопенгауеръ [1]) называетъ „волей", есть, по его объясненію, внутренняя сила, все одушевляющая, всѣмъ движущая, всему дающая жизнь, движеніе, стремительность, а человѣку—чувство и страсть. Словомъ, она есть источникъ всякой „энергіи", во всякомъ случаѣ, „жизненной", потому что, по объясненію Шопенгауера, сказать „воля"—значитъ сказать „воля къ жизни". Вмѣстѣ съ тѣмъ „воля" совершенно безсознательна; это—слѣпая, безразсудная, стихійная сила. Совершенно тѣ же свойства приписываетъ Гартманъ своему „безсознательному". И оба они считаютъ сознаніе той силой, которой суждено въ корень разрушить живую энергію безсознательной „воли".

Чтобы не оставаться безъ свѣта въ фантастической сферѣ туманныхъ понятій и неясныхъ терминовъ, необходимо замѣтить, что въ примѣненіи къ человѣку „воля" означаетъ у Шопенгауера непосредственное побужденіе, не зависящее ни отъ какой работы сознанія. И Шопенгауеръ, будучи убѣжденъ, что жизненную силу и значеніе въ жизни можетъ имѣть только что бы то ни было непосредственное, утверждаетъ, что чѣмъ выше стоитъ существо на лѣстницѣ развитія, тѣмъ больше въ немъ сознанія и, именно вслѣдствіе этого, тѣмъ меньше непосредственности.

Въ наиболѣе чистомъ и, такъ сказать, наименѣе тронутомъ своемъ видѣ „воля" проявляется у животныхъ и человѣка въ видѣ инстинктовъ. И Шопенгауеръ, и Гартманъ съ восхищеніемъ указываютъ на дѣйствительно чудесныя проявленія инстинкта,—больше всего, разумѣется, у животныхъ. Подъ вліяніемъ инстинкта, животныя, безъ какого бы то ни было сознательнаго разсчета, совершаютъ самыя сложныя дѣйствія, съ такимъ искусствомъ и въ то же время съ такой увѣренностью, съ такимъ спокойствіемъ, которымъ можетъ позавидовать самая высоко-развитая сознательная дѣятельность. Разсматривая инстинктивныя побужденія, подъ дѣйствіемъ которыхъ животныя выбираютъ себѣ пищу, умѣютъ избѣгать ядовитыхъ веществъ, находятъ себѣ лечебныя средства, организуютъ семью, строятъ жилища, ухаживаютъ за дѣтенышами и т. д., мы ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ ни колебанія, ни неувѣренности, ни внутренняго несогласія съ самимъ собой,—такъ часто примѣшивающихся къ сознательнымъ побужденіямъ. Такъ вотъ эта же самая внутренняя сила, чудесныя свойства которой обнаруживаются въ инстинктѣ, по ученію Шопенгауера,

[1]) Welt, I, Zweites Buch; II, Ergänzungen zum zweiten Buch.

представляетъ собою организующее живое начало во всемъ міро-зданіи. Она все организуетъ, всему даетъ жизнь и всюду вноситъ тѣ же качества свои,—отсутствіе колебаній, увѣренность, согласіе съ самой собою, вообще, отсутствіе какого-либо внутренняго раздвоенія. Въ этомъ смыслѣ Гартманъ называетъ волю „носителемъ единства". Отсюда и Шопенгауеръ, и Гартманъ объясняютъ тѣсную связь между всѣми явленіями и законами природы и строгую послѣдовательность во всемъ происходящемъ. Разсматривая міръ съ этой стороны, оба они утверждаютъ, что въ немъ господствуетъ самая совершенная гармонія, а Гартманъ даже находитъ, что данный міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ. Съ этой точки зрѣнія, даже и болѣе суровый Шопенгауеръ восхищается тѣмъ, что въ природѣ нѣтъ никакихъ ошибокъ, никакихъ противорѣчій, никакой фальши [1]). И поэтому, говоритъ онъ, природа своей ясной правдивостью, мало того—своей высокой справедливостью страшно пристыжаетъ насъ, исполненныхъ лжи, лицемѣрія, фальши и несправедливости.

Но въ томъ-то и вся бѣда, что это „мы" существуетъ: въ этомъ и заключается роковая причина всѣхъ золъ и бѣдъ жизни, что существуютъ люди, животныя и вообще сознательныя индивидуализированныя существа. Пока ихъ нѣтъ, то-есть пока нѣтъ сознанія, ничто не нарушаетъ торжественнаго гармоническаго согласія міра „воли". Но вотъ „воля", поднимаясь со ступеньки на ступеньку, создаетъ себѣ на службу сознаніе; тогда-то къ міру „воли" присоединяется міръ „представленій", и онъ-то всюду вноситъ раздоръ, раздвоеніе, взаимную борьбу, всюду отражается ложью, фальшью, страданіемъ и несправедливостью. При этомъ-то новомъ поворотѣ дѣлъ, неотъемлемымъ свойствомъ „воли" является раздвоенность (Entzweiung), которая и господствуетъ во всемъ, въ чемъ только участвуетъ сознаніе, то-есть во всемъ доступномъ человѣку мірѣ. Главное, въ чемъ она обнаруживается, это — въ томъ, что, хотя воля и продолжаетъ преслѣдовать единую нераздѣльную цѣль, но осуществляетъ ее въ массѣ единичныхъ, обособленныхъ другъ отъ друга явленій, которыя конкуррируютъ и борятся между собой, оспаривая одно у другого возможность личнаго существованія. Воля все еще продолжаетъ проводить свои безсознательныя цѣли, и съ этой стороны въ ней нельзя замѣтить ни малѣйшаго колебанія, ни малѣйшей неувѣренности. Господствуя, напримѣръ, въ области любовныхъ отно-

---

1) „Die Natur irrt nicht"—Welt I, 331. Das Unbewusste irrt nich, говоритъ Гартманъ, Philosophie des Unbewussten, II, 7.

шеній, она своей колоссальной силой безусловно превозмогаетъ всѣ сознательныя стремленія личности, рѣшительно игнорируя ея интересы. И то же самое во всемъ инстинктивно-безсознательномъ. Но въ той мѣрѣ, въ какой безсознательная „воля“ осуществляется въ личности, то-есть смѣшивается съ сознаніемъ, въ ней является разладъ и всевозможныя его разновидности—страданіе, ложь и несправедливость. Съ этой стороны Шопенгауеру все представляется не только мучительнымъ, но фальшивымъ, ненужнымъ и ничтожнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ ужъ онъ не видитъ ни той безошибочности, ни той увѣренности, ни того согласія съ самимъ собой, которое характеризуетъ все непосредственное. И во всемъ тутъ виновато существованіе личное, и именно то обстоятельство, что личное сознаніе вноситъ раздѣленіе въ гармоническое цѣлое стихійнаго процесса жизни. Личность, хотя она и есть проявленіе обще-міровой воли, тѣмъ не менѣе не чувствуетъ ничего утѣшительнаго въ томъ, что этой „волѣ“ удается такъ или иначе осуществлять свои цѣли. У нея свои собственныя, личныя цѣли, свои собственные сознательные интересы. И она неизбѣжно страдаетъ отъ того, что эти интересы топчутся стихійной міровой „волей“. Такимъ образомъ, умозаключаетъ Шопенгауеръ, страданія личности проистекаютъ отъ того, что ея интересы не тождественны съ интересами міровой безсознательной „воли“, отъ того, что она сознаетъ себя отдѣльной личностью, единицей среди другихъ единицъ, съ своими особенными, самостоятельными интересами, а не безраздѣльно утонувшей въ безсознательномъ.

А такъ какъ все существующее представляется человѣку исключительно преломленнымъ сквозь призму личнаго сознанія, то съ этой стороны даже и въ безсознательной природѣ всюду является разъединенность, несогласіе и борьба. Такова участь всего, куда только ни проникаетъ разъединяющая сила личнаго сознанія. Поэтому-то, разъ къ стихійной міровой „волѣ“ присоединился сознательный „міръ представленія“, жизнь естественно и неизбѣжно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, склоняется къ совершенному разрушенію. При этомъ, страданіе, возникши вмѣстѣ съ возникновеніемъ сознанія, растетъ вмѣстѣ съ его ростомъ: чѣмъ выше существо по своему развитію, тѣмъ больше, въ немъ сознанія, тѣмъ мучительнѣе чувствуетъ оно разладъ, господствующій во всемъ мірѣ и тѣмъ мучительнѣе оно страдаетъ.

На этомъ не останавливается естественный ходъ развитія жизни. Совокупный ростъ сознанія и страданія естественно и неизбѣжно вызываетъ въ личности возмущеніе противъ того, что

господствуетъ въ жизни и давитъ личность: ей становится немилъ этотъ міръ борьбы, обособленности и всяческаго разъединенія, а что всего хуже—несогласія съ самимъ собой. И постепенно зрѣетъ въ ней упорное стремленіе предаться „вѣчному покою“—внѣ какихъ бы то ни было перемѣнъ, „внѣ времени, внѣ множественности и внѣ разнообразія“ [1]).

Послѣднее выраженіе очень характерно. „Внѣ времени, внѣ множественности и внѣ разнообразія“, какъ мы видѣли, на языкѣ Шопенгауера, это значитъ—внѣ того, что сознаетъ человѣкъ. По-просту говоря, „вѣчный покой“ сводится къ полному несуществованію, къ возможно совершенному устраненію всѣхъ слѣдовъ жизни, а практически онъ осуществляется аскетизмомъ. Но замѣчательно, въ какомъ видѣ идеалъ этотъ выраженъ въ своей отвлеченной формѣ: „внѣ времени, внѣ множественности и внѣ разнообразія“. Другими словами, это значитъ, что зло зависитъ отъ невозможности отстоять счастье тамъ, гдѣ жизнь сложна, разностороння, многообразна и гдѣ, вслѣдствіе этого, является возможность столкновенія и раздора между отдѣльными элементами. А такова жизнь, согласно Шопенгауеру, всюду, гдѣ есть личное сознаніе.

Источникомъ зла, такимъ образомъ, является сложность жизненнаго строя, расслабляющая „волю къ жизни“, то-есть разрушающая тѣ силы, на которыхъ держится доброе, дѣятельное и свѣтлое настроеніе въ жизни. Какъ видимъ, объясненіе зла цѣликомъ держится на томъ же положеніи, которое выставлено Майнлендеромъ въ качествѣ главнаго основанія пессимизма.

Но у Шопенгауера ничѣмъ не доказано, что это положеніе всюду и всегда примѣнимо: ничѣмъ онъ не доказываетъ, что *всякое усложненіе* жизненнаго строя, *всякое* увеличеніе разнообразія непремѣнно ведетъ къ коллизіи, расслабляющей жизненныя силы. Напротивъ того, у него же самого мы видѣли указанія прямо противоположнаго характера. Такъ, въ талантливомъ человѣкѣ онъ признаетъ бо́льшую сложность ума, чѣмъ у обыкновеннаго человѣка, но вовсе не считаетъ этого обстоятельства источникомъ какихъ-нибудь коллизій или расслабляющимъ жизненную энергію. Мало того, человѣка съ внутреннимъ содержаніемъ, стало быть, умѣющаго найти удовлетвореніе въ жизни, онъ, какъ мы видѣли, сравниваетъ съ оркестромъ, въ которомъ множество разнообразныхъ тоновъ сливается въ одно стройное цѣлое и который, именно благодаря своей многосторонности, не

---

[1]) Parerga. II, 305.

нуждается ни въ какомъ дополненіи извнѣ и именно поэтому имѣетъ возможность быть счастливымъ. Существованіе же человѣка съ бѣднымъ внутреннимъ содержаніемъ, и потому неспособнаго найти что-нибудь привлекательнаго въ жизни, онъ прямо называетъ монотоннымъ, т.-е. однообразнымъ.

Непослѣдовательность эту можно только поставить въ заслугу безпристрастію Шопенгауера. Преувеличенная оцѣнка размѣровъ зла не заставила его отвернуться отъ явленій, противорѣчащихъ такой оцѣнкѣ. Но всего при этомъ достойнѣе вниманія, что, съ точки зрѣнія самого Шопенгауера, противорѣчія тутъ собственно нѣтъ,—по той же причинѣ, почему съ его точки зрѣнія нѣтъ противорѣчія въ преклоненіи одновременно предъ идеаломъ первобытнаго жизненнаго строя и предъ идеаломъ аскетизма.

Дѣло въ томъ, что стремленіе къ аскетизму (отвлеченно: къ устраненію множественности и прочаго) истекаетъ у Шопенгауера изъ общаго убѣжденія, что лучше совсѣмъ обходиться безъ какого бы то ни было блага, чѣмъ напрягаться, тратить силы и энергію, чтобы удержать его за собой. Съ этой точки зрѣнія, сколько бы ни было привлекательнаго въ радостяхъ жизни, счастья, молодости, любви,—лучше отказаться и отъ одного, и отъ другого, и отъ третьяго, и отъ четвертаго, отъ чего угодно, только бы не нарушать блаженнаго покоя абсолютной бездѣятельности, только бы не напрягаться, не бороться, не дѣйствовать. Надо устранять даже самые поводы къ дѣятельности, всѣ порывы къ счастью и къ жизни, самое чувство, возбуждающее наши силы къ дѣйствію и борьбѣ съ враждебными обстоятельствами.

Здѣсь, какъ видимъ, Шопенгауера пугаетъ не столько само зло, сколько необходимость бороться съ нимъ, вообще, необходимость активной дѣятельности. Тутъ пессимистъ является не холоднымъ бичевателемъ разложенія жизни, а послѣдней жертвой этого разложенія: онъ уже не трезвый судья процесса разслабленія жизненной энергіи, а больше всѣхъ потерпѣвшій — въ немъ разбита энергія, подорваны душевныя силы. Потому-то лицомъ къ лицу съ процессомъ жизни, распространяющимъ область вліянія человѣка, усложняющимъ его душевный міръ, расширяющимъ сферу его дѣятельности и вслѣдствіе этого требующимъ увеличенія силъ личности, пессимистъ чувствуетъ особенный упадокъ душевной энергіи. Чѣмъ развитѣе и сложнѣе жизнь, тѣмъ запутаннѣе отношенія, тѣмъ больше надо энергіи, предпріимчивости и активности, чтобы предупреждать и устранять столкновенія и раздоры,—и тѣмъ большее отчаяніе находитъ на пессимиста, тѣмъ

ниже падаетъ его душевная энергія, тѣмъ упорнѣе онъ сторонится всѣхъ проявленій жизни.

Среди этого могильнаго настроенія, единственнымъ просвѣтомъ, какимъ-то слабымъ отголоскомъ жизни, невытравленнымъ еще слѣдомъ ея, является сочувствіе и уваженіе къ первобытности и непосредственности. Спрашивается: откуда это? почему первобытное и непосредственное избѣгли участи всего живого? почему они не отвергаются съ такой же безпощадностью, какъ и все остальное?

Это очень просто. Все непосредственное дѣлается, такъ сказать, само собой, безъ всякихъ усилій, по крайней мѣрѣ, сознательныхъ усилій. Человѣкъ или животное, непосредственно наслаждающіеся движеніемъ, художникъ, непосредственно восхищающійся красотой природы, философъ, увлекаемый мыслью, — всѣмъ имъ дѣятельность ихъ не стоитъ никакихъ сознательныхъ усилій, у всѣхъ у нихъ она возбуждается не приливомъ сознанія, что надо дѣйствовать, а само по себѣ, легко, свободно, безъ усилій, словомъ, пассивно. И чѣмъ первобытнѣе, чѣмъ элементарнѣе всякое такое непосредственное побужденіе, тѣмъ съ большей легкостью оно дается, тѣмъ оно пассивнѣе. Этимъ-то оно и дорого Шопенгауеру.

Тѣмъ же самымъ объясняется, почему въ его глазахъ единственная возможность для личности примириться съ жизнью и разрѣшить всѣ коллизіи жизни, заключается въ томъ, чтобы безраздѣльно утонуть въ стихійномъ, безсознательномъ процессѣ жизни, не чувствуя никакихъ перегородокъ между собой и всѣмъ остальнымъ, или же, если не доходить до такихъ крайностей, по меньшей мѣрѣ, покорно отдаваться однимъ первобытнымъ, непосредственнымъ побужденіямъ, не осложненнымъ ничѣмъ, что бы требовало отъ личности сознательной активной роли въ жизни. Разсужденіе его такое: стихійныя безсознательныя силы игнорируютъ интересы личности; поэтому, чтобы примириться съ существованіемъ, ей остается не сопротивляться ихъ напору, отдаться ему цѣликомъ, сокративши себя до послѣдней возможности.

Лучшей иллюстраціей этой точки зрѣнія служитъ то, что Шопенгауеръ высказываетъ относительно половой любви. Согласно его „метафизикѣ любви“ [1]), въ любовной страсти все объясняется и все направляется стихійной, безсознательной „волей“, которая преслѣдуетъ въ соединеніи мужчины съ женщиной свои собственныя цѣли, а именно продолженіе рода человѣческаго, то-есть

¹) Welt, II, гл. 44.

нѣчто безсознательное. Сознательные же интересы живой личности при этомъ безпощадно игнорируются; личность, увлекаясь любовной страстью, привязанностью къ дѣтямъ, убѣждена, что любовь и семья служатъ источникомъ личнаго счастья, а на самомъ дѣлѣ и та, и другая служатъ только къ успѣшному продолженію рода. Мужчина увлекается красотой женщины, женщина энергіей мужчины все это—вліяніе безсознательныхъ интересовъ рода; для рода это полезно; а сознательные интересы личности тутъ ни при чемъ,—они являются здѣсь простымъ орудіемъ безсознательныхъ интересовъ стихійной „воли". Понятно, что при такомъ ходѣ дѣлъ положеніе личности не можетъ быть завиднымъ. Замѣтимъ, что, хотя у Шопенгауера на первомъ планѣ является здѣсь метафизическая „воля", но сущность дѣла совершенно реальная. Вѣдь, выраженія: „рабъ своихъ страстей", „жертва физическихъ похотей", „жертва темперамента"—самыя обычныя и отмѣчающія самыя реальныя явленія жизни; явленія этой категоріи мы видѣли также въ примѣрахъ болѣзни воли.

Но теперь спрашивается, въ чемъ же надо искать источника зла? Въ томъ ли, что личность недостаточно рѣшительно и энергично становится на почву чисто человѣческихъ интересовъ, или же въ томъ, что напрасно она о нихъ даже заикается?

Не надо думать, что первая точка зрѣнія ставитъ человѣку фантастическую и неосуществимую задачу—уничтожить въ себѣ проявленіе стихійныхъ безсознательныхъ силъ или подавить ихъ силой сознанія,—нисколько! Вся задача, съ этой точки зрѣнія, сводится къ тому, чтобы найти стихійнымъ силамъ подходящее мѣсто среди общаго строя человѣческой жизни, такое мѣсто, чтобы онѣ не только не мѣшали интересамъ человѣческой личности, а даже служили имъ здоровой основой. Шекспировскій Гамлетъ, по словамъ Тургенева [1]), „не знаетъ, чего хочетъ и зачѣмъ живетъ—и привязанъ къ жизни". Въ этомъ-то и бѣда его; еслибы онъ „зналъ, чего хотѣть", тогда его стихійная „привязанность" къ жизни не только не причиняла бы ему никакихъ страданій, но, напротивъ, служила бы естественной почвой для его человѣческихъ задачъ, ибо безъ этой реальной почвы высшіе порывы духа теряютъ всякій жизненный сокъ. Въ примѣненіи къ частной сферѣ любви Тургеневъ замѣчаетъ, что Гамлетъ чувственъ, сластолюбивъ и проникнутъ глубокимъ сознаніемъ въ себѣ „болѣзненнаго безсилія полюбить" [2]). Это значитъ, что

---

[1]) Собраніе сочиненій, I, 398.

[2]) Тамъ же, I, 405—6.

у Гамлета стихійное чувственное побужденіе не находитъ себѣ достойнаго мѣста въ общемъ строѣ его жизни. Другими словами, сознательныя, человѣческія побужденія его не служатъ русломъ, дающимъ облагораживающій и очеловѣчивающій исходъ стихійнымъ инстинктамъ; вслѣдствіе этого, стихійные безсознательные элементы (то, что Спенсеръ называетъ „заднимъ фономъ сознанія") остаются во всей своей грубости, низменности и наготѣ, а съ другой стороны высшія идеальныя побужденія лишены здоровой, естественной почвы. Иллюстраціей къ тому же самому могутъ служить романтики, у которыхъ чувственность (какъ напр. у Фридриха Шлегеля въ его „Люциндѣ") принимала самыя дикія формы.

Между тѣмъ, у древнихъ грековъ естественныя потребности тѣла тѣсно сплетались и гармонировали съ идеальными требованіями духа. И это у нихъ было во всѣхъ сферахъ жизни. Но Шопенгауеръ даже какъ будто не подозрѣваетъ возможности такого способа примиренія между безсознательно-стихійными элементами и сознательными человѣческими. По его убѣжденію, единственный способъ примирить ихъ—это сокративши послѣдніе.

Повторяемъ, мы тутъ имѣемъ предъ собой уже не указаніе на зло, а типичное его проявленіе, конечный пунктъ разложенія, выражающійся въ упадкѣ душевной энергіи, въ совершенно пассивномъ отношеніи ко всему. Поэтому, если съ этой позиціи всякое осложненіе жизненнаго строя представляется безусловно-враждебнымъ жизни, то совсѣмъ не таково положеніе дѣлъ по отношенію къ тѣмъ, въ комъ процессъ разложенія оставилъ хоть какіе-нибудь слѣды активности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже тѣ нерѣшительныя и слабыя отклоненія въ пользу жизни, какія намъ удалось найти у Шопенгауера.

То же самое можно замѣтить и у Гартмана, о которомъ намъ остается прибавить немногое. Интересъ его заключается главнымъ образомъ въ томъ, что у него ярче выступаетъ кое-что изъ того, что у Шопенгауера имѣется только въ намекѣ.

VIII.

Необходимо, говоритъ Гартманъ, привыкнуть къ мысли, что прогрессъ жизни совершается вовсе не въ пользу человѣческаго счастья; даже прямо наоборотъ, — мы видимъ, что народы, находящіеся въ грубомъ естественномъ состояніи, гораздо счастливѣе культурныхъ націй, и низшіе, необразованные классы болѣе при-

вязаны къ жизни, чѣмъ высоко развитые [1]). И это, утверждаетъ онъ, не случайный фактъ, а совершенно неизбѣжное явленіе.

Всякій прогрессъ, согласно Гартману, заключается въ расширеніи области дѣйствія сознанія. При этомъ характеристическая черта первыхъ же шаговъ на пути развитія заключается въ томъ, что, вслѣдствіе возникновенія сознанія, „нарушается внутреннее согласіе безсознательнаго съ самимъ собой". И Гартманъ доказываетъ (при помощи крайне отвлеченныхъ соображеній), что сознаніе не иначе можетъ возникнуть, какъ при условіи коллизіи безсознательныхъ силъ, на которыхъ держится жизнь. Только послѣднимъ онъ приписываетъ способность сообщать увѣренность и полное согласіе всѣмъ дѣйствіямъ, не оставляя никакого мѣста колебаніямъ и нерѣшительности. Лунатики, будучи въ безсознательномъ состояніи, спокойно и увѣренно совершаютъ самыя рискованныя вещи; движенія наши отличаются легкостью, быстротою, увѣренностью и граціей тогда, когда они совершаются безсознательно; заикающіеся всего плавнѣе говорятъ, когда не обращаютъ вниманія на свою рѣчь. Вмѣшательство же сознанія вноситъ во всѣ эти дѣйствія чувство сомнѣнія, колебанія, и дѣлаетъ ихъ медленными, неуклюжими и неувѣренными. Особенное вниманіе обращаетъ Гартманъ на то, что сознаніе вноситъ расколъ между представленіемъ о дѣйствіи и самимъ дѣйствіемъ, между намѣреніемъ и исполненіемъ, между головнымъ желаніемъ и реальнымъ побужденіемъ. Безсознательныя стремленія къ какой-нибудь цѣли всегда неразрывно связаны съ настоящими реальными усиліями въ соотвѣтственномъ направленіи; такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, а ужъ они непремѣнно переходятъ въ дѣйствіе. А сознаніе открываетъ возможность полной розни между побужденіемъ и исполненіемъ; яркіе примѣры тому мы видѣли на случаяхъ болѣзни воли. И такое раздвоеніе вноситъ сознаніе во всѣ виды обнаруженія чувства и мысли; безсознательные жесты, интонаціи, гримасы всегда естественно правдивы, то-есть въ точности соотвѣтствуютъ тому, что́ выражаютъ; сознательныя же соображенія дѣлаютъ возможными ложь, лицемѣріе и фальшь всякаго рода.

Словомъ, сознаніе всюду обладаетъ способностью разстроивать единство жизненныхъ процессовъ. А между тѣмъ, процессъ развитія жизни состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ расширеніи области вліянія сознанія [2]).

---

[1]) Hartmann, Philosophie des Unbewussten, II, 352—3, 376, 387.

[2]) Тамъ же, II, гл. 3.

Соотвѣтственно этому, Гартманъ называетъ процессъ развитія процессомъ раскола между сознаніемъ и „безсознательнымъ“. При этомъ надо имѣть въ виду, что, по его ученію, „безсознательное“ есть „источникъ жизни“, и всякое удаленіе отъ него обязательно сопровождается изсушеніемъ всякаго живого чувства и холоднымъ равнодушіемъ ко всему въ жизни.

Мы не станемъ приводить тѣхъ отвлеченныхъ и проникнутыхъ крайне метафизическимъ характеромъ соображеній, которыми Гартманъ облекаетъ эту мысль въ теоретической части своего ученія; они представляютъ слишкомъ мало общаго интереса. Гораздо интереснѣе посмотрѣть, какъ та же мысль обставлена въ его воззрѣніяхъ на процессъ исторической жизни человѣчества.

По его словамъ [1]), приходится обратиться ко времени, далеко предшествующему началу человѣческаго рода, чтобы найти соотвѣтствіе между непосредственной основой личности, характеромъ, и сознаніемъ (Charakter und Intelligenz). Собственно оно замѣчается только у низшихъ животныхъ; у высшихъ мы уже находимъ проявленія сознанія, не соотвѣтствующія „непосредственному содержанію чувствъ“. А у человѣка подобное несоотвѣтствіе представляетъ уже сплошное явленіе.

Такимъ образомъ, внутреннее несоотвѣтствіе въ личности оказывается заложеннымъ раньше начала какой бы то ни было исторической жизни.

Обращаясь къ историческимъ судьбамъ человѣчества, Гартманъ утверждаетъ [2]), что жизнь человѣческая прогрессируетъ только въ формальномъ отношеніи: измѣняются внѣшніе пріемы, но не сущность дѣла, не содержаніе. Тутъ рѣчь идетъ не о какой-нибудь метафизической „сущности“, а о внутренней природѣ человѣка. Она-то, говоритъ Гартманъ, нисколько не выигрываетъ отъ того, что суровые и грубые нравы съ теченіемъ времени смѣняются утонченными; эгоизмъ и злоба нисколько не становятся лучше отъ того, что законы и гражданское общество искусственно ихъ сдерживаютъ; взамѣнъ открытыхъ путей, они находятъ себѣ тысячи тайныхъ обходовъ. Низменный уровень нравственныхъ побужденій нисколько не становится лучше отъ того, что они облекаются въ хитрыя культурныя формы. Вообще, внѣшній прогрессъ нисколько не поднимаетъ самого человѣка, не возвышаетъ строя его жизни, не дѣлаетъ его ни лучше, ни довольнѣе. А

[1]) Тамъ же, II, 270.
[2]) Тамъ же, II, гл. 13.

таковъ, по убѣжденію Гартмана, всегдашній характеръ всякаго общественнаго прогресса въ дѣйствительности.

Но мало того, что теченіе прогресса нисколько не улучшаетъ положенія личности,—оно его ухудшаетъ. Какъ на причины ухудшенія, Гартманъ указываетъ на два обстоятельства.

Значеніе одного изъ нихъ всего лучше выяснено у него въ примѣненіи къ наслажденіямъ, доставляемымъ науками и искусствами. Въ прежнее время, говоритъ онъ, наслажденія эти были значительно крупнѣе, чѣмъ теперь. Прежде въ этихъ областяхъ дѣйствовали геніи съ колоссальными творческими силами, а въ настоящее время всеобщей нивеллировки, когда геніевъ замѣнилъ союзъ людей съ очень ограниченными силами, каждый принимаетъ въ дѣлѣ меньше активнаго участія, и наслажденіе получило по преимуществу характеръ пассивнаго воспріятія [1]). А при этихъ условіяхъ оно не можетъ быть глубокимъ: только тотъ дѣйствительно наслаждается истиной и красотой, кому онѣ достаются цѣною живой, энергичной дѣятельности. Не мудрено поэтому, что господствующее въ наше время дилеттантски-поверхностное занятіе искусствомъ не даетъ тѣхъ крупныхъ удовольствій, которыя оно способно дать. Изъ источника возвышающаго, неземного наслажденія искусство обращается въ средство разсѣяться и провести какъ-нибудь время, доставляя самое ограченное наслажденіе.

На основаніи общихъ положеній ученія Гартмана, совершенно то же самое должно имѣть мѣсто во всѣхъ областяхъ жизни. Прогрессивный ходъ мірового процесса состоитъ, согласно ему, въ увеличеніи вліянія сознанія; а сознаніе, утверждаетъ онъ, неизбѣжно увеличиваетъ пассивность и сокращаетъ активность; слѣдствіемъ этого во всѣхъ сферахъ жизни должно явиться, и дѣйствительно является равнодушіе ко всѣмъ радостямъ жизни.

Какъ видимъ, здѣсь повторяется мысль Шопенгауера, что сознаніе враждебно счастью, ибо подрываетъ привязанность къ жизни и ея радостямъ; притомъ у Шопенгауера дѣло объясняется тѣмъ же самымъ: „воля" есть представитель всякой активности, а дѣйствіе на нее сознательнаго „міра представленія" заключается въ томъ, что онъ шагъ за шагомъ вноситъ пассивное индифферентное отношеніе ко всему въ жизни.

Но, не смотря на то, что по общему убѣжденію какъ Шопенгауера, такъ и Гартмана, зло это—роковое, однако приведенное указаніе Гартмана на время, когда искусство и наука были

[1]) Тамъ же, II, 380.

источникомъ глубочайшихъ наслажденій, свидѣтельствуетъ, что не всегда люди страдали отъ недостатка активности. И самый характеръ наслажденій, о которыхъ идетъ рѣчь у Гартмана, указываетъ на далеко подвинувшійся историческій періодъ жизни человѣчества.

Открывающаяся такимъ образомъ возможность перенести источникъ зла на историческую почву — въ высокой степени важна. Шопенгауеръ совершенно отвергалъ всякое значеніе исторіи и поэтому всякое зло неизбѣжно сводилось у него къ кореннымъ законамъ природы. Гартманъ же, не столь рѣшительный въ этомъ отношеніи, какъ видимъ, долженъ былъ дать мѣсто въ исторіи тому самому злу, которое онъ самъ вслѣдъ за Шопенгауеромъ склоненъ ставить въ счетъ роковой природѣ вещей. И это не по отношенію къ частному злу, а къ тому, которое оба они считаютъ центральнымъ пунктомъ въ процессѣ разложенія жизни. Правда, Гартманъ не выясняетъ, какія именно условія исторической жизни разрушаютъ активность; но это уже частности.

Обращаемся теперь къ другой причинѣ, по которой прогрессъ исторической жизни ухудшаетъ положеніе личности. Заключается она въ томъ, что прогрессъ устраняетъ внѣшніе источники недовольства жизнью, а вслѣдствіе этого тѣмъ рѣзче выступаетъ внутренняя невозможность удовлетворенія. Пока человѣкъ борется съ внѣшнимъ зломъ, онъ вѣритъ, что стоитъ побѣдить внѣшнія препятствія и счастье будетъ достигнуто. Но когда уже не остается никакого повода взваливать вину на внѣшнія невзгоды, а счастья между тѣмъ все-таки нѣтъ, тогда въ душу проникаетъ сомнѣніе, возможно ли въ самомъ дѣлѣ счастье, и положеніе становится крайне безотраднымъ. Къ этому-то, говоритъ Гартманъ, въ дѣйствительности и ведетъ прогрессъ исторіи. Успѣхи промышленности, торговли, техники, соціальной жизни, все это почти исключительно приноситъ только одну отрицательную пользу, т.-е. только устраняетъ существующее зло. Соціальныя задачи всѣ даже формулируются отрицательно — „страхованіе" противъ одного, „устраненіе" другого, „защита" отъ третьяго, „обезпеченіе" отъ четвертаго и т. п. Ну, а когда прогрессъ наконецъ обезпечитъ отъ всѣхъ золъ, тогда предъявится самая трудная задача: какимъ содержаніемъ, какими положительными благами заполнить существованіе?

Такой результатъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ на улучшеніе жизни, составляетъ любимую мысль всѣхъ пессимистовъ. Самое широкое развитіе она получила у Шопенгауера [1]), въ видѣ

---

[1]) Welt, II, 376—7, 365.

того общаго положенія, что удовольствія бываютъ только отрицательныя, т.-е. что всякое удовольствіе есть только избавленіе отъ какого-нибудь страданія. Мысль эту онъ подкрѣпляетъ многими примѣрами того, какъ мы относимся ко всевозможнымъ благамъ жизни. Пока мы здоровы, сыты, одѣты, защищены отъ непогоды, не терпимъ ни отъ кого несправедливостей, живемъ со всѣми въ мирѣ,—мы не замѣчаемъ ни одного изъ этихъ благъ, то-есть относимся къ нимъ совершенно равнодушно, не чувствуемъ отъ нихъ ни удовольствія, ни неудовольствія. Дорогими же они становятся для насъ только тогда, когда мы ихъ лишаемся и когда, слѣдовательно, наступаетъ уже страданіе. Намъ очень трудно отвлечь вниманіе отъ узкаго сапога, жмущаго ногу; но если сапогъ сидитъ хорошо, мы его не замѣчаемъ, и только тогда, когда мы снимаемъ узкій сапогъ и такимъ образомъ избавляемъ себя отъ имѣющагося на лицо страданія, является удовольствіе. То же самое, утверждаетъ Шопенгауеръ, повторяется всегда и всюду, такъ что единственный видъ удовольствій, доступный человѣку, это—избавленіе отъ страданій. Понятно, что съ этой точки зрѣнія дальше устраненія страданій идти некуда. Такимъ образомъ, въ глазахъ Шопенгауера, зло, указываемое Гартманомъ, опять-таки сводится къ природѣ вещей.

Гартманъ далеко не такъ рѣшителенъ въ своихъ воззрѣніяхъ на природу удовольствій. Онъ даже совершенно не соглашается съ Шопенгауеромъ, что удовольствія могутъ быть только отрицательными. Возможны, говоритъ онъ, и такія удовольствія, которыя являются не какъ слѣдствія избавленія отъ страданія, а сами по себѣ. Когда человѣкъ не чувствуетъ ни страданія, ни удовольствія, то онъ находится въ состояніи безразличія; поэтому одно устраненіе страданія приводитъ его именно къ такому состоянію,—такъ сказать, къ нулю (Indifferenzpunkt, Null der Empfindung). Но возможны удовольствія, которыя поднимаютъ чувство выше этого состоянія; таковы, говоритъ Гартманъ, наслажденія искусствомъ, наукой и чувственныя. Всѣ они могутъ являться безъ всякаго предшествовавшаго страданія. Шопенгауеръ, какъ мы видѣли, считаетъ это потому невозможнымъ, что, удовольствіе есть удовлетвореніе потребности и поэтому ему всегда должно предшествовать ощущеніе неудовлетворенной потребности, то-есть страданіе. Гартманъ на это возражаетъ, что разсматривая какое-нибудь удовольствіе чувственное или художественное, мы не замѣчаемъ никакой потребности, прежде чѣмъ удовольствіе наступило. Объяснять это такъ, какъ объясняетъ Шопенгауеръ наслажденія художественныя и философскія, Гартманъ не считаетъ возможнымъ; такого удовольствія, говоритъ онъ, которое бы

не было удовлетворенiемъ потребности, не можетъ быть; не даромъ, Шопенгауеръ самъ приводитъ слова Вольтера: il n'est de vrais plaisirs qu'avec de vrais besoins. Разрѣшаетъ же Гартманъ дѣло такимъ образомъ, что въ удовольствiяхъ этого рода одновременно, въ одинъ и тотъ же моментъ, потребность и возбуждается, и удовлетворяется, притомъ одной и той же причиной [1]).

Такъ почему же, спрашивается, прогрессъ все-таки играетъ только отрицательную роль, только устраняетъ различные виды зла, а не даетъ ничего положительнаго?

Послѣ приведенныхъ сейчасъ воззрѣнiй Гартмана на природу положительныхъ удовольствiй, слѣдовало бы ожидать, что онъ покажетъ, какiя обстоятельства въ историческомъ прогрессѣ мѣшаютъ увеличенiю положительныхъ удовольствiй. Но ничего такого мы у него не находимъ. Вообще, свои возраженiя противъ теорiи удовольствiй Шопенгауера онъ считаетъ имѣющими только принципiальное значенiе; практическая же дѣйствительность такова, что въ приложенiи къ ней, какъ онъ старается показать, положенiе Шопенгауера можно считать совершенно вѣрнымъ.

Но мы на подробностяхъ этого останавливаться не будетъ. Для насъ весь интересъ сосредочивается на самомъ основанiи дѣла, именно на вопросѣ, — почему уничтоженiе цѣлаго ряда крупнѣйшихъ источниковъ зла непремѣнно должно дѣлать жизнь менѣе привлекательной? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены самыя типичныя особенности пессимизма и съ особенной яркостью обнаруживается, какое центральное положенiе въ пессимизмѣ занимаетъ ученiе о прогрессѣ.

Итакъ, почему устраненiе положительныхъ золъ должно окончательно разрушить всякую привлекательность жизни? Крупнѣйшiя изъ благъ жизни, говоритъ Гартманъ [2]), молодость, здоровье, свобода и матерiальная обезпеченность не даютъ никакого прiятнаго ощущенiя, которое бы поднималось выше нулевой точки безразличiя; они представляютъ только уровень основанiя (Bauhorizont), на которомъ еще должны быть построены какiя-нибудь радости жизни. Когда человѣкъ молодъ и здоровъ, свободно располагаетъ всѣми своими силами, какъ физическими, такъ и духовными, когда къ тому же онъ матерiально обезпеченъ, тогда, можно сказать, онъ обладаетъ полною способностью наслаждаться жизнью. Но это только одна способность къ наслажденiю, а не самое наслажденiе, только возможность счастья, а не дѣйствительное счастье: это все равно, что хорошiе зубы,—безъ примѣ-

---

[1]) Philosophie des Unbewussten. II, 298.

[2]) Тамъ же, II, гл. 13.

ненія они ни къ чему не служатъ. Необходимо еще чѣмъ-нибудь заполнить эту возможность, какимъ нибудь реальнымъ содержаніемъ. Будь молодость, здоровье, свобода положительными благами, то-есть имѣй они положительную цѣну, говоритъ Гартманъ, они бы сами по себѣ удовлетворяли, и въ такомъ случаѣ одинъ голый фактъ существованія, одинъ процессъ жизни доставлялъ бы намъ полное удовлетвореніе, вполнѣ заполнялъ бы насъ. Но на самомъ дѣлѣ ни здоровье, ни молодость, ни богатство, не доставляютъ никакого чувства удовольствія. Оно замѣчается только тогда, когда, напр. здоровье является вслѣдъ за болѣзнью, богатство вслѣдъ за лишеніями, или же, когда молодой человѣкъ представитъ себѣ старость или свободный подумаетъ о возможности лишиться свободы. Другими словами, всѣ эти блага дѣйствительно доставляютъ удовольствіе только тогда, когда человѣкъ сознаетъ контрастъ между ихъ присутствіемъ и отсутствіемъ. Поэтому-то, когда общественный прогрессъ уничтожаетъ шансы бѣдности, болѣзней, общественныхъ насилій, тогда сила этого контраста слабѣетъ и чувство удовольствія, получаемое отъ здоровья, богатства, свободы, приводится къ нулю.

А такъ какъ, по убѣжденію Гартмана (также и Шопенгауера), это есть все-таки высшее, что доступно человѣку въ жизни, то чего же, спрашиваетъ онъ, стоитъ жизнь въ цѣломъ? неужели послѣ этого она можетъ представлять что-нибудь привлекательнаго? И къ этому-то безотрадному заключенію должны прійти всѣ, когда будутъ устранены источники зла.

Какъ видимъ, все здѣсь построено на томъ, что къ нулю приравнивается всякое благо, если оно, такъ сказать, не подчеркнуто сознаніемъ; молодость, здоровье, свобода, обезпеченное матеріальное положеніе—все это есть нуль, потому что не даетъ никакого сознательнаго удовольствія, потому что оно только предоставляетъ въ распоряженіе человѣка рядъ силъ, въ томъ числѣ способность наслаждаться, но ничего больше.

Такъ почему же, спрашивается, этотъ нуль не можетъ быть ничѣмъ увеличенъ? почему нельзя прибавить къ нему ничего положительнаго? А именно, почему способность наслаждаться не можетъ найти себѣ положительнаго примѣненія? Другими словами, почему внутреннее, несознаваемое благо не можетъ найти себѣ хода къ сознанію?

Собственно говоря, какъ мы видѣли, Гартманъ допускаетъ возможность положительныхъ удовольствій, стало быть, возможность поднятія выше нуля, и идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Шопенгауера, вводя въ кругъ привилегированныхъ удовольствій не только художественныя и философско-научныя, но

еще и всѣ чувственныя. Но все это можно назвать только обмолвкой въ прямой ущербъ пессимизму. Въ данномъ же вопросѣ уступка эта ровно ничѣмъ не отражается и Гартманъ даже не дѣлаетъ попытки примѣнить здѣсь свою остроумную теорію положительныхъ удовольствій. Разсуждаетъ же онъ такъ.

Обыкновенный способъ, которымъ волей-неволей люди заполняютъ свое существованіе и даютъ примѣненіе своимъ силамъ, это работа. Но работа, говоритъ онъ, есть зло, которое человѣкъ выбираетъ только для того, чтобы избѣжать худшихъ золъ нужды и скуки. Всякое же заполненіе существованія какими-нибудь дѣйствительно положительными благами сопряжено съ рискомъ потерять ихъ; оно, стало быть, порождаетъ опасность испытать страданіе, т.-е. спуститься уже ниже нулевой точки безразличія, и при этихъ условіяхъ довольство немыслимо.

Въ двухъ соображеніяхъ этихъ, какъ солнце въ каплѣ воды, отразилось все, что есть самаго типичнаго въ пессимизмѣ. Оказывается, что, во-первыхъ, къ „нулю" потому нельзя прибавить ничего положительнаго, что работа есть зло. Замѣтимъ, что то же самое онъ выражаетъ еще рѣшительнѣе въ такомъ видѣ: „активное движеніе, дѣятельность, напряженіе и трудъ—неудобны, пассивное же движеніе и покой, напротивъ того, удобны".

А во-вторыхъ, со всякимъ положительнымъ, т.-е. сознаваемымъ, благомъ оказывается неизбѣжно связаннымъ тревожное сознаніе, что это благо можетъ быть потеряно. Другими словами, всякое сколько-нибудь замѣтное благо непремѣнно сознательно, а гдѣ есть сознаніе, тамъ обязательны рефлексія, неувѣренность и тревожность. И это подрываетъ всякую цѣну всѣхъ положительныхъ благъ, вслѣдствіе чего высшей мудростью является воздержаніе отъ зла.

А на чемъ же, какъ не на томъ же самомъ, построены всѣ и самыя частныя, и самыя общія теоріи пессимистовъ, разсмотрѣнныя нами? Всѣ они въ различныхъ видахъ твердятъ одно и то же,—что всякое осложненіе безсознательнаго міра сознаніемъ и пассивнаго состоянія проявленіями активности нарушаетъ внутреннее согласіе жизни, вызывая неувѣренность и тревожность.

Какъ мы видѣли до сихъ поръ, они утверждаютъ, что при всякомъ такомъ осложненіи жизнь мучительна, а какъ теперь оказывается, безъ такого осложненія она, по ихъ убѣжденію, равна нулю. (У Шопенгауера этому „нулю" соотвѣтствуетъ тоскливое ощущеніе „пустоты").

Оглядываясь назадъ на тотъ рядъ соображеній, помощью которыхъ пессимисты отстаиваютъ это ученіе, мы, рядомъ съ метафизикой, встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ совершенно реальныхъ

обвиненій противъ жизни. Они указываютъ на то, какъ ничтожны блага, создаваемыя прогрессомъ внѣшней обстановки и внѣшнихъ формъ, вслѣдствіе того, что внутренній міръ личности отстаетъ. Они предостерегаютъ отъ той серьезной опасности, которая лежитъ на пути движенія впередъ внутренняго міра, опасности раздвоенія и обезсиленія человѣка. Но раздавленные тяжестью зла, они даже не останавливаются серьезно на возможности развитія жизни въ положительномъ направленіи, даже не допускаютъ возможности сохранить цѣльность при развитомъ сознаніи и внутреннюю энергію при богатствѣ внѣшней жизни.

Если бы они были правы въ этомъ отношеніи, то оказались бы правыми и во всѣхъ отношеніяхъ; потому что въ самомъ дѣлѣ, полубезсознательная, абсолютно-бездѣятельная жизнь въ состояніи „безразличія" мало чѣмъ выше совершеннаго отсутствія жизни, или, другими словами, „нуля". Къ счастью, не только отвлеченныя данныя психологіи, не только данныя біологическія, на которыя мы сослались въ первой нашей статьѣ, но и подлинные факты исторіи свидѣтельствуютъ противъ этого основного положенія пессимистовъ. Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на слѣдующія слова Перикла объ аѳинянахъ: „мы развиваемъ свои умственныя силы,—говоритъ онъ,—не истощаясь; мы соединяемъ удивительнымъ образомъ смѣлость въ дѣйствіи въ рѣшительную минуту съ охотой къ диспутамъ и разногласіямъ о томъ, что̀ нужно предпринять; между тѣмъ, какъ у другихъ только изъ незнанія почерпается смѣлость, а диспутъ ведетъ къ нерѣшительности и колебанію".

Но если зло, указываемое пессимистами, не представляетъ ничего неизбѣжнаго, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что ученіе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякую цѣну: оно только получаетъ иную цѣну, чѣмъ та, которую они сами ему приписываютъ. За пессимизмомъ остается крупная заслуга — указаніе на то, что жизнь не можетъ имѣть положительной цѣны, если внѣшній прогрессъ обезсиливаетъ личность, вмѣсто того, чтобы возбуждать въ ней живыя силы, и если возникновеніе и развитіе сознательности не находитъ себѣ прочной опоры въ безсознательной основѣ личности, въ томъ, что̀ Спенсеръ называетъ „заднимъ фономъ сознанія".

А. Красносельскій.

РОБЕРТЪ ШУМАНЪ

Біографическій очеркъ

Окончаніе.

III *).

Послѣ женитьбы, Шуманъ, и прежде весьма склонный къ одиночеству въ тиши своего кабинета, еще болѣе началъ избѣгать общественной жизни, находя полнѣйшее довольство въ семейномъ быту, который какъ нельзя болѣе удовлетворялъ всѣмъ его стремленіямъ, давая ему возможность всецѣло отдаваться любимому труду. Съ ранняго утра садился онъ за работу; работалъ очень много и велъ жизнь въ высшей степени регулярную. Нарушенія этой регулярности были рѣдкимъ исключеніемъ. Приглашеній на вечера Шуманъ не любилъ и не отказывался отъ нихъ только въ крайнихъ случаяхъ, но у себя любилъ иногда принимать близкихъ знакомыхъ и, при хорошемъ настроеніи духа, умѣлъ бывать гостепріимнымъ и даже веселымъ хозяиномъ, выходя иногда изъ своей обычной замкнутости и молчаливости. Онъ вообще говорилъ очень мало или вовсе молчалъ, даже на вопросы отвѣчалъ отрывочными фразами. Его манера разговора была такова, что всегда казалось, будто онъ разговариваетъ съ самимъ собою, про себя, тѣмъ болѣе, что у него была привычка говорить очень слабымъ тихимъ голосомъ. Разговаривать о вещахъ обыкновенныхъ и событіяхъ повседневныхъ онъ рѣшительно не умѣлъ и вообще подобныхъ разговоровъ не выносилъ: въ раз-

*) См. выше: августъ, 782 стр.

сужденія же о предметахъ и вопросахъ его интересующихъ онъ вступалъ неохотно и вообще весьма рѣдко. Для этого нужно было выжидать благопріятный моментъ; но разъ удавалось уловить подобный моментъ, тогда Шуманъ могъ быть по своему весьма разговорчивымъ и положительно изумлялъ серьезными въ высшей степени остроумными замѣчаніями. Только немногимъ, очень близкимъ къ нему лицамъ, доводилось случайно вступать съ нимъ въ подобные разговоры, потому что даже съ ними онъ могъ проводить долгое время въ молчаніи. Молчаливость его отнюдь не выражала апатіи, которой въ Шуманѣ не было; это было особенное свойство характера, развившееся еще съ юныхъ лѣтъ. Такую свою особенность онъ самъ хорошо сознавалъ; и нужно было знать Шумана хорошо и близко, чтобы не толковать въ дурную сторону его несловоохотливость, которая между тѣмъ не разъ въ его жизни служила поводомъ ко многимъ суровымъ и несправедливымъ о немъ сужденіямъ.

Первые четыре года послѣ женитьбы протекли въ совершенной тишинѣ и спокойствіи, нарушаемыхъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поѣздками для сопровожденія Клары Шуманъ во время ея концертовъ. Такъ въ началѣ 1842 г. Шуманъ провожалъ ее въ Гамбургъ, гдѣ между прочимъ была исполнена его 1-я симфонія; лѣтомъ того же года они ѣздили въ Богемію, гдѣ были представлены князю Меттерниху, пригласившему ихъ пріѣхать въ Вѣну. Но вообще Шуманъ неохотно соглашался на подобныя поѣздки, измѣнявшія порядокъ его работъ и занятій. Съ большимъ трудомъ уговорила его жена сопровождать ее въ Россію, куда она уже давно намѣревалась поѣхать; долго откладывалось это далекое путешествіе и только послѣ категорическаго заявленія Клары, что она поѣдетъ одна, Шуманъ наконецъ рѣшился и въ концѣ января 1844 г. они выѣхали изъ Лейпцига въ Петербургъ.—На пути Клара дала нѣсколько концертовъ: въ Кенигсбергѣ, въ Митавѣ и въ Ригѣ. Въ Петербургѣ было устроено четыре концерта; Клара плѣнила петербургскую публику своей прекрасной игрой, а вмѣстѣ съ тѣмъ понравились и исполняемыя ею произведенія ея мужа. О пребываніи артистической четы въ нашей столицѣ даетъ понятіе слѣдующее письмо Шумана изъ Петербурга отъ 1 апрѣля 1844 г. къ своему тестю Фр. Вику: „Любезный батюшка! На ваше дружеское письмо мы отвѣчаемъ только сегодня, такъ какъ намъ очень хотѣлось сообщить вамъ объ успѣхѣ нашего здѣшняго пребыванія. Мы здѣсь только четыре недѣли. Клара дала четыре концерта и играла у Императрицы; здѣсь мы сдѣлали замѣчательныя знакомства, видѣли много интереснаго,

каждый день приноситъ что-нибудь новое—незамѣтно наступилъ послѣдній день передъ нашимъ дальнѣйшимъ путешествіемъ въ Москву, и если взглянуть на прошлое, то мы можемъ быть вполнѣ довольными тѣмъ, чего достигли.—Мы сдѣлали большую ошибку; мы пріѣхали слишкомъ поздно. Въ такомъ большомъ городѣ нужно много приготовленій; все зависитъ здѣсь отъ двора и отъ haute volée, пресса и газеты оказываютъ мало вліянія. Къ тому же всѣ какъ бы помѣшаны на итальянской оперѣ, Гарсіа (Віардо) произвела неслыханный фуроръ. Поэтому два первыхъ нашихъ концерта были не полны, но третій очень и четвертый (въ Михайловскомъ театрѣ) блистательнѣйшій. Въ то время какъ сочувствіе къ другимъ артистамъ, даже къ самому Листу, постоянно уменьшалось, сочувствіе къ Кларѣ постоянно возрастало и она могла бы дать еще четыре концерта, еслибы не наступила страстная недѣля и мы не должны были уже думать о поѣздкѣ въ Москву. Нашими лучшими друзьями были конечно друзья Гензельта, а затѣмъ, и прежде всѣхъ, оба Віельгорскіе, два отличныхъ человѣка, изъ нихъ Михаилъ настоящая артистическая натура, геніальнѣйшій изъ дилеттантовъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать. Клара, кажется, питаетъ тихую страсть къ Михаилу, который, однако же мимоходомъ сказать, имѣетъ уже внуковъ, т.-е. человѣкъ за 50, но свѣжій и молодой тѣломъ и душою. Въ принцѣ Ольденбургскомъ мы также нашли дружескаго покровителя, какъ и въ его женѣ, которая есть олицетворенная кротость и доброта. Они сами водили насъ по своему дворцу. Также Віельгорскіе выказали намъ величайшее вниманіе, устроивъ вечеръ съ оркестромъ, съ которымъ я разучилъ и исполнилъ мою симфонію. О Гензельтѣ можно сказать, что онъ тотъ же, что и прежде, но изнуряетъ себя на урокахъ. Играть публично его болѣе нельзя заставить, его можно слышать только у принца Ольденбургскаго, гдѣ онъ однажды на вечерѣ игралъ съ Кларой мои варіаціи для двухъ фортепіано — Государь и Государыня отнеслись къ Кларѣ очень ласково; 8 дней назадъ она играла у нихъ въ семейномъ кругу цѣлыхъ два часа. „Frühlingslied" Мендельсона повсюду сдѣлалась любимой вещью публики. Клара должна была ее повторять нѣсколько разъ во всѣхъ концертахъ; у Государыни даже три раза. О великолѣпіи Зимняго Дворца Клара разскажетъ на словахъ. Г-нъ Рибопьеръ (бывшій посланникъ въ Константинополѣ) водилъ насъ на дняхъ по дворцу; это какъ бы сказка изъ „Тысячи одной ночи".—Мы совсѣмъ здоровы; также о дѣтяхъ имѣемъ лучшія свѣденія.—Подумайте о

моей радости; мой старый дядя [1]) еще живъ; въ первые же дни нашего пріѣзда сюда я познакомился съ тверскимъ губернаторомъ, который его знаетъ. Я тотчасъ же написалъ и вскорѣ получилъ отъ него и его сына, состоящаго командиромъ полка въ Твери, сердечнѣйшій отвѣтъ. Въ слѣдующую субботу онъ празднуетъ 70-лѣтній день своего рожденія и я думаю, что мы какъ-разъ будемъ тогда въ Твери. Какая радость для меня, а также для старика, который никогда не видѣлъ у себя ни одного родственника.—Насъ пугаютъ дорогой въ Москву; впрочемъ, повѣрьте, въ Россіи путешествуютъ не хуже, а даже лучше чѣмъ гдѣ-либо, и я долженъ теперь смѣяться надъ тѣми страшными картинами, которыя рисовало мнѣ мое воображеніе въ Лейпцигѣ. Только все очень дорого (здѣсь въ Петербургѣ особенно, напримѣръ помѣщеніе ежедневно 1 луидоръ, кофе 1 талеръ, обѣдъ 1 дукатъ и т. д.).—Мы думаемъ, возвращаясь опять черезъ Петербургъ, проѣхать въ Ревель, оттуда на пароходѣ въ Гельсингфорсъ и черезъ Або въ Стокгольмъ, затѣмъ вѣроятно по каналамъ въ Копенгагенъ и въ нашу дорогую Германію. Въ началѣ іюня надѣюсь свидѣться съ вами, любезный батюшка, а до того пишите намъ чаще, всегда въ Петербургъ, по адресу Гензельта. Онъ перешлетъ намъ письма.—Здѣшніе музыканты отнеслись къ намъ очень дружески, особенно Генрихъ Ромбергъ. За свое участіе въ послѣднемъ концертѣ они не взяли никакого вознагражденія; они просили только прислать за ними общую карету, что мы и сдѣлали съ большимъ удовольствіемъ. Очень много, такъ много имѣлъ бы я еще вамъ написать; но намъ нужно сегодня еще многое приготовить для поѣздки въ Москву, то примите любезно и это малое. Сердечно поклонитесь вашей женѣ и дѣтямъ отъ Клары и отъ меня и любите меня.—Р. Ш.“

Въ Москвѣ Клара Шуманъ дала три концерта; къ нашей первопрестольной столицѣ Шуманъ питалъ, кажется, особенное пристрастіе. Еще за восемь лѣтъ до того (въ 1836 г.) въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ, что „имя Москва звучитъ для уха всегда какъ чистый тонъ большого колокола“. Въ бытность же свою въ Москвѣ подъ впечатлѣніемъ Кремля написалъ стихотвореніе, о которомъ упоминаетъ Василевскій [2]), но самаго стихотворенія, къ сожалѣнію, онъ не приводитъ.—Предположенная поѣздка въ Финляндію и Швецію не состоялась; супруги Шуманъ въ іюнѣ 1844 г. возвратились въ Лейпцигъ прямымъ путемъ.

---

[1]) Старшій братъ матери Шумана, Карлъ Шнабель, состоявшій на службѣ въ Россіи военнымъ врачемъ.

[2]) Wasielewski, стр. 197.

Путешествіе въ Россію оставило въ Шуманѣ настолько хорошее воспоминаніе, что у него составился планъ поѣздки въ слѣдующемъ году въ Англію, гдѣ онъ думалъ исполнить свою кантату „Рай и Пери“, разсчитывая на хорошій успѣхъ для нея среди англичанъ, такъ какъ музыка этой кантаты написана, какъ упомянуто выше, на поэму Т. Мура, которая, по выраженію Шумана, „произрасла на англійской почвѣ и была однимъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ англійской поэзіи“. Но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе главнымъ образомъ потому, что музыкальный издатель Buxton не хотѣлъ согласиться на изданіе кантаты „Рай и Пери“ съ англійскимъ текстомъ. Вмѣсто того зимою 1846—47 г. состоялась поѣздка въ Вѣну, гдѣ была исполнена 1-я симфонія Шумана, и Клара играла его фортепіанный концертъ съ оркестромъ. Эти произведенія, исполнявшіяся тогда въ Вѣнѣ впервые, не имѣли никакого успѣха; публика отнеслась къ нимъ холодно и подтвердила прежнее мнѣніе о ней Шумана: „вѣнцы — несвѣдущій народъ“. Не больше успѣха имѣлъ Шуманъ и въ Берлинѣ, куда онъ проѣхалъ изъ Вѣны, для исполненія „Рай и Пери“; но за то, концертируя въ Прагѣ, Шуманы нашли тамъ самый горячій пріемъ.

Въ концѣ 1844 г. Лейпцигъ пересталъ быть постояннымъ мѣстомъ жительства Шумана; въ октябрѣ того года онъ переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Дрезденъ. Причиной этого переселенія было болѣзненное состояніе Шумана. Усиленная напряженная композиторская дѣятельность за предъидущіе четыре года отразилась на немъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ и доктора предписали ему непремѣнно оставить всѣ свои работы и даже перемѣнить всю обстановку. Занятія по редакціи „Neue Zeitschrift für Musik“ Шуманъ оставилъ охотно; въ послѣднее время всѣ мелкія хлопоты, сопряженныя съ еженедѣльнымъ изданіемъ, становились для него тягостными и непріятными, и уже съ 1 іюля онъ передалъ редакцію своей газеты Освальду Лоренцу.— Кромѣ того, Шуманъ состоялъ профессоромъ композиціи, фортепіанной игры и чтенія партитуръ въ основанной (2 апрѣля 1843 г.) Мендельсономъ Лейпцигской консерваторіи. Но для этихъ занятій онъ менѣе всего былъ способенъ; его біографъ Василевскій, бывшій въ то время ученикомъ лейпцигской консерваторіи, пишетъ, что Шуману недоставало прежде всего качества, безъ котораго преподаватель немыслимъ, именно у него не было дара слова, способности въ каждую минуту высказать опредѣленно, ясно и съ увѣренностью то, что слѣдовало. Шуманъ сознавалъ это и безъ колебаній отказался отъ мѣста профессора консерваторіи, которое

занималъ, если исключить время путешествія въ Россію, всего нѣсколько мѣсяцевъ.—Доктора рѣшительно запретили Шуману не только заниматься музыкальными работами какого бы то ни было рода, но, находя, что въ его нервной возбужденности сказывалось какъ бы пресыщеніе музыкой,—даже слушать музыку. Это и было главнымъ основаніемъ переѣзда его изъ Лейпцига, изобилующаго музыкой. Дрезденъ въ этомъ отношеніи болѣе благопріятствовалъ Шуману при его болѣзненномъ состояніи. „Здѣсь можно опять обрѣсть утраченную страсть къ музыкѣ,—писалъ онъ изъ Дрездена въ ноябрѣ 1844 г. — Такъ мало здѣсь того, что можно слушать! А это подходитъ къ моему положенію, потому что я еще сильно страдаю нервами и меня все тотчасъ волнуетъ и раздражаетъ". Первое время онъ жилъ въ Дрезденѣ совершенно уединенно и его состояніе внушало серьезныя опасенія. Поѣздки на морскія купанья приносили нѣкоторую пользу, но въ общемъ здоровье улучшалось медленно и притомъ періодически; ему было то лучше, то хуже. При ухудшеніи здоровья замѣчалось ослабленіе памяти до такой степени, что онъ не могъ запомнить своихъ собственныхъ мелодій. Тѣмъ не менѣе, какъ только чувствовалъ онъ себя въ силахъ, — немедленно принимался за композицію, причемъ въ то время писалъ преимущественно въ строгомъ стилѣ и въ 1845 г. изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый рядъ произведеній въ контрапунктическихъ формахъ [1]). Объ этой своей склонности къ контрапунктамъ онъ говорилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мнѣ самому казалось чѣмъ-то особеннымъ и удивительнымъ, что почти каждый мотивъ, создавшійся въ моемъ воображеніи, являлся со всѣми качествами для разнообразныхъ контрапунктическихъ комбинацій, хотя я былъ далекъ отъ того, чтобы непремѣнно придумывать такія тэмы, которыя допускали бы примѣненіе строгаго стиля. Это давалось само-собой, безъ рефлексіи, какъ бы совершенно естественно".—Въ томъ же году былъ оконченъ фортепіанный концертъ (начатый еще въ 1841 г.) и набросана „вторая симфонія" [2]), которая была окончательно инструментована въ слѣдующемъ 1846 г. и тогда же (5-го ноября) въ первый разъ исполнена въ Лейпцигѣ подъ управленіемъ Мендельсона. Высокія достоинства какъ концерта, такъ и симфоніи доказываютъ, что, не смотря на болѣзненное состояніе Шумана, его творческая геніальность была въ полной силѣ

[1]) „Studien" und „Skizzen für den Pedalflügel" (op. 56 und 58), „Sechs Fugen über den Namen Bach für Orgel" (op. 60), „Vier Fugen für das Pianoforte" (op. 72), „Canon" aus op. 124.

[2]) C-dur op. 61.

своего развитія.—Въ Дрезденѣ Шуманъ сошелся съ нѣкоторыми выдающимися лицами, между прочимъ, съ вдовой К. М. Вебера, съ Фердинандомъ Гиллеромъ; но съ Р. Вагнеромъ, въ то время капельмейстеромъ дрезденской оперы, онъ не могъ сблизиться,—ихъ натуры и принципы были слишкомъ различны.

Въ концѣ изданія собранныхъ статей Шумана о музыкѣ и музыкантахъ находится „театральная книжечка“ (Theaterbüchlein) 1847 — 1850 г., [1]), въ которой сдѣланы Шуманомъ краткія замѣтки подъ впечатлѣніемъ исполненія нѣкоторыхъ оперъ. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что Шуманъ въ 1847 г. сравнительно довольно часто посѣщалъ оперный театръ, вслѣдствіе того, что онъ самъ въ то время писалъ оперу. Идею объ оперѣ лелѣялъ онъ уже давно; были сдѣланы Шуманомъ даже и опыты; извѣстно, что въ 1844 г. онъ написалъ хоръ и арію къ задуманной имъ оперѣ „Корсаръ“ по Байрону; но далѣе эта работа не пошла и оба написанные отрывка остались неизданными.—По возвращеніи изъ Россіи, Шуманъ серьезно занялся вопросомъ объ оперѣ; онъ намѣтилъ болѣе двадцати сюжетовъ для оперъ различнаго рода, разныхъ эпохъ и національностей, но не остановился тогда ни на одномъ. Наконецъ, въ 1847 г. онъ выбралъ сказаніе о св. Геновевѣ и по двумъ нѣмецкимъ драмамъ на этотъ сюжетъ, Фридриха Геббеля и Людвига Тика, самъ написалъ либретто и энергически принялся за музыку своей оперы [2]). Въ августѣ 1848 г. когда композиція оперы приближалась уже къ окончанію, Шуманъ началъ хлопоты о постановкѣ „Геновевы“ на сценѣ въ Лейпцигѣ; но прошло около двухъ лѣтъ прежде, чѣмъ удалось преодолѣть всѣ препятствія. Первое исполненіе оперы состоялось въ Лейпцигѣ 25 (13) іюня 1850 г. подъ управленіемъ самого Шумана. Время было самое неблагопріятное, тѣмъ не менѣе въ театрѣ собралось достаточное число любителей музыки; но опера имѣла только такъ-называемый „succès d'estime, публика приняла ее не особенно горячо и уже послѣ третьяго представленія была на время снята со сцены [3]). Шуманъ былъ совсѣмъ разочарованъ такимъ результатомъ своихъ трудовъ; еще болѣе его

[1]) Schumann's Ges. Schr. т. II, стр. 362—365.

[2]) Однако, эта большая работа не помѣшала ему въ томъ же 1847 г. написать нѣсколько вещей для хора, въ томъ числѣ заключительный мистическій хоръ для „Фауста“ и два тріо D-moll (ор. 63) и F-dur (ор. 80) для фортепіано, скрипки и віолончеля.

[3]) Дальнѣйшія попытки исполненія „Геновевы“ на сценѣ также не давали лучшихъ результатовъ. Опера никогда не имѣла особеннаго успѣха и въ Германіи, а внѣ Германіи она, кажется, нигдѣ не исполнялась.

раздражали газетныя рецензіи, съ самыми разнообразными сужденіями объ его оперѣ. Большинство музыкантовъ высказывало довольно единодушный приговоръ, именно, что у Шумана не было настоящаго дарованія опернаго композитора [1]).

Періодъ времени 1848—1849 г. былъ самый производительный въ композиторской дѣятельности Шумана. Состояніе его здоровья было значительно лучше прежняго и это тотчасъ отразилось на его творчествѣ. Въ теченіе этихъ двухъ годовъ онъ написалъ массу самыхъ разнообразныхъ произведеній (до 70-ти различныхъ нумеровъ), изъ которыхъ многія весьма значительнаго объема. Шуманъ говорилъ, что никогда не удавалось ему такъ легко овладѣвать своими идеями и облекать ихъ въ художественную форму, какъ въ то время [2]). Онъ работалъ надъ своими композиціями, лежа, стоя, даже на ходу; ему не мѣшало даже самое неудобное положеніе. Работа шла и дома при шумѣ окружающихъ его дѣтей, и въ ресторанѣ за кружкой пива—однимъ словомъ, вездѣ; никогда и ничто не мѣшало ему сосредоточиваться и обдумывать самыя сложныя музыкальныя комбинаціи. Склонности къ какому-нибудь одному роду музыки теперь не замѣчалось. Онъ писалъ и симфоническую музыку и вокальную, пѣсни, романсы и баллады, піесы для фортепіано, хоры съ оркестромъ и à capella, произведенія для скрипки или віолончеля, для кларнета, гобоя или волторны съ оркестромъ или съ фортепіано; все это чередовалось въ его фантазіи и немедленно выходило изъ-подъ его пера въ законченной художественной формѣ. Изъ крупныхъ произведеній Шумана, относящихся къ этому періоду, достойны особеннаго вниманія: „Музыка къ Манфреду“ (Байрона) и „Сцены изъ Фауста“.

„Сцены изъ Фауста“ были задуманы уже давно; начало написано еще въ 1844 г., но за болѣзнью Шумана работа эта была на время прервана. Въ 1849 г. всѣ сцены, согласно первоначальному плану, были окончены и исполнены въ небольшомъ кружкѣ слушателей. Новое произведеніе произвело глубокое впечатлѣніе; самые строгіе цѣнители признали, что композиторъ

---

[1]) Одинъ только старикъ Шпоръ, присутствовавшій на многихъ репетиціяхъ „Геновевы“, отзывался о ней одобрительно, съ удовольствіемъ находя, что пріемы Шумана близко подходятъ къ пріемамъ, употребленныхъ имъ самимъ въ его послѣдней оперѣ „Die Kreuzfahrer“.

[2]) Какъ могучи были тогда его творческія силы, доказываетъ то, что въ 1848 г. когда онъ писалъ свою оперу, въ тоже время написаны: музыка къ „Манфреду“ Байрона, одно изъ капитальнѣйшихъ его произведеній, нѣкоторыя сцены „Фауста“, „Bilder aus Osten“ (шесть пьесъ для фортепіано въ 4 руки), „Adventlied“ для соло, хора и оркестра и нѣсколько мелкихъ вещей.

вполнѣ проникся духомъ геніальнаго германскаго поэта и что посредствомъ музыки Шумана, лучше познаются многія мѣста глубокой гётевской поэзіи. Приближалось празднованіе столѣтней годовщины дня рожденія Гёте 16/28 августа 1849 г. и рѣшено было исполнить музыку къ „Фаусту“ Шумана въ устраиваемыхъ по этому случаю торжественныхъ концертахъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Веймарѣ. Шуманъ былъ очень доволенъ лестнымъ выборомъ его произведенія для такого особеннаго выдающагося торжества; „я бы желалъ имѣть плащъ Фауста,—писалъ онъ по этому поводу Гертелю,—чтобы имѣть возможность вездѣ присутствовать при исполненіи моей музыки“. — Въ Дрезденѣ успѣхъ новаго произведенія Шумана былъ очень хорошій, въ Лейпцигѣ же меньшій. Шуманъ принималъ это спокойно: „Относительно впечатлѣнія, производимаго моими сценами изъ Фауста, я слышу разнообразные отзывы, — писалъ онъ, — на однихъ онѣ кажется, дѣйствуютъ, на другихъ производятъ не достаточно ясное впечатлѣніе. Я предвидѣлъ это заранѣе. Быть можетъ, зимой представится случай къ повторенію исполненія моего произведенія, въ которое я, вѣроятно, включу нѣкоторыя новыя сцены“. Второго исполненія сценъ изъ „Фауста“ Шуманъ при жизни не дождался; но планъ—дополнить свое произведеніе—привелъ въ исполненіе: въ 1850 г. написалъ двѣ новыя сцены [1]), а въ 1853 г. —увертюру. Все это большое капитальное произведеніе въ трехъ частяхъ было напечатано спустя два года послѣ смерти Шумана.

Въ Дрезденѣ Шуманъ жилъ до 1850 г., дѣлая иногда недалекія поѣздки съ женой, концертировавшей по временамъ то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Одно время его дѣятельность разнообразилась занятіями въ качествѣ дирижера общества любителей хорового пѣнія [2]). Сначала Шуманъ занимался въ этомъ обществѣ съ интересомъ и написалъ нѣсколько хоровъ и квартетовъ для мужскихъ голосовъ. Но въ атмосферѣ нѣмецкаго лидертафеля, человѣкъ, подобный Шуману, не могъ ужиться; его натура была слишкомъ богатая и выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы мириться съ отчасти буржуазнымъ, отчасти сентиментальнымъ характеромъ, обыкновенно господствующимъ въ подобныхъ нѣмецкихъ кружкахъ любителей. Шуманъ оставилъ хоровое общество весной 1849 г.; „я нахожу въ нихъ слишкомъ мало дѣйствительно музыкальнаго стремленія и чувствую, что не подхожу къ нимъ, какими бы прекрасными людьми они ни были“,—пи-

[1]) Сцену „die vier grauen Weiber“ и сцену смерти Фауста.

[2]) Эту обязанность Шуманъ принялъ отъ Ф. Гиллера, приглашеннаго въ 1847 г. директоромъ музыки въ Дюссельдорфѣ.

салъ онъ Ф. Гиллеру 10 апрѣля 1849 г. [1]). Однако, въ этомъ же письмѣ находимъ такое выраженіе: „Именно лидертафель возвратилъ мнѣ сознаніе моихъ дирижерскихъ силъ, которыя, какъ я полагалъ, совсѣмъ пропали во время моей нервозной ипохондріи; въ дирижерствѣ я чувствую себя какъ дома“. Часто, дирижируя въ концертахъ общества любителей исполненіемъ довольно серьезныхъ произведеній, Шуманъ освоился съ дирижерскою техникою и на этихъ опытахъ капельмейстерской дѣятельности основывалъ болѣе широкіе планы. Спитта утвердительно говоритъ [2]), что Шуманъ въ 1849 г. весьма серьезно разсчитывалъ получить мѣсто директора концертовъ Гевандгауза въ Лейпцигѣ, даже прилагалъ къ тому старанія. Однако же это не осуществилось; но вмѣсто столь почетнаго положенія въ Лейпцигѣ онъ вскорѣ занялъ болѣе скромное капельмейстерское мѣсто въ Дюссельдорфѣ. Бывшій тамъ городскимъ директоромъ музыки Ф. Гиллеръ, переходя въ Кёльнъ, предложилъ Шуману занять его мѣсто. Шуманъ согласился и лѣтомъ 1850 г. переселился въ Дюссельдорфъ.

Въ кругъ новыхъ обязанностей Шумана входило управленіе оркестромъ и обществомъ хорового пѣнія, исполненіе церковной музыки въ торжественные дни и устройство въ теченіе зимняго сезона нѣсколькихъ симфоническихъ концертовъ.—Первый концертъ въ Дюссельдорфѣ подъ управленіемъ Шумана состоялся 24 октября 1850 г.; но еще раньше былъ устроенъ концертъ исключительно изъ шумановскихъ произведеній подъ управленіемъ Юліуса Тауша. Дюссельдорфская публика горячо приняла какъ самого Шумана, такъ и его жену и оказывала имъ много вниманія. Сезонъ 1850—51 г. былъ столь оживленный, что пришлось тогда же значительно увеличить число сезонныхъ концертовъ.—Письма Шумана изъ Дюссельдорфа свидѣтельствуютъ, что онъ былъ очень доволенъ своимъ тогдашнимъ положеніемъ. Онъ пользовался полнѣйшею самостоятельностью, его обязательныя занятія оставляли ему значительный досугъ для композиторскихъ работъ, а главное преимущество его положенія составляло то, что имѣя въ своемъ распоряженіи хорошія музыкальныя силы, прекрасно составленный оркестръ и недурной хоръ въ 60—70 голосовъ, — онъ могъ немедленно исполнять всѣ свои новыя произведенія. Къ сожалѣнію, въ натурѣ Шумана не было тѣхъ данныхъ, въ силу которыхъ онъ могъ бы быть хорошимъ капельмейстеромъ. Его біографъ, Василевскій, со-

---

[1]) Wasielewski, стр. 414.

[2]) Ein Lebensbild, стр. 46.

стоявшій концертмейстеромъ Дюссельдорфскаго оркестра при Шуманѣ и самъ бывшій впослѣдствіи капельмейстеромъ, прямо говоритъ [1]), что Шуманъ имѣлъ также мало таланта для дирижированія, какъ и для музыкальнаго преподаванія. Для того и другого у него недоставало существенныхъ качествъ, именно, способности быстро входить съ другими въ тѣсныя отношенія и ясно, наглядно передавать имъ свои намѣренія, такъ какъ онъ или молчалъ, или говорилъ столь тихо, что его рѣчь рѣдко кто-нибудь вполнѣ понималъ. Къ тому же у него недоставало физическихъ силъ и энергіи для капельмейстера; онъ всегда скоро уставалъ и долженъ былъ нѣсколько разъ отдыхать во время репетиціи съ оркестромъ или хоромъ. Наконецъ, у него не было достаточнаго самообладанія и предусмотрительности, необходимыхъ для того, чтобы успѣшно руководить оркестровыми и хоровыми массами. Съ другой стороны, въ пользу Шумана были его достоинства, какъ очень даровитаго музыканта, внушавшія къ нему глубокое уваженіе. Благодаря этому послѣднему, а также тому обстоятельству, что оркестръ и хоръ были приведены его предшественниками въ очень хорошее состояніе, капельмейстерство Шумана въ Дюссельдорфѣ вначалѣ сопровождалось весьма хорошими успѣхами. Но при исключительности его натуры, какъ бы инстинктивно избѣгавшей соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, всѣ обязанности дирижера, съ которыми связаны многія мелкія неизбѣжныя непріятности, были для него весьма тяжелы. Онѣ становились еще тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ появившіеся опять болѣзненные симптомы все болѣе и болѣе разстраивали его здоровье. Осенью 1853 г. болѣзнь приняла уже такіе размѣры, что послѣ перваго сезоннаго концерта подъ его управленіемъ онъ совсѣмъ отказался отъ капельмейстерскихъ обязанностей.

Первымъ большимъ произведеніемъ Шумана въ теченіе дюссельдорфскаго періода была его 3-ая симфонія [2]), которая была исполнена въ первый разъ въ Дюссельдорфѣ 6 февраля 1851 г. и затѣмъ въ Кёльнѣ 25 февраля того же года, оба раза подъ личнымъ управленіемъ Шумана и въ обоихъ мѣстахъ была принята публикой холодно, не смотря на то, что это наиболѣе глубокая по содержанію и наиболѣе грандіозная изъ всѣхъ шумановскихъ симфоній. Въ то время Шуманъ замышлялъ было писать новую оперу. Онъ остановился на нѣсколькихъ сюжетахъ; для него

[1]) Wasielewski, стр. 267.

[2]) Es-dur (op. 97); эту большую симфонію въ пяти частяхъ Шуманъ написалъ съ небольшимъ въ мѣсяцъ (съ 2 ноября по 9 декабря 1850 г.). Онъ назвалъ ее „третьею“, хотя называемая четвертою симфонія D-moll (op. 120) написана раньше.

было сдѣлано либретто „Мессинской Невѣсты“ по Шиллеру, кромѣ того онъ разсчитывалъ взять сюжетъ „Германа и Доротеи“ Гёте, наконецъ, обратилъ вниманіе на „Деревенскіе разсказы“ Ауэрбаха, однако, ни къ какому рѣшенію не пришелъ и намѣреніе объ оперѣ осталось невыполненнымъ [1]). Удовлетворяя своему тогдашнему стремленію къ вокальной музыкѣ, Шуманъ написалъ рядъ балладъ для соло, хора и оркестра, мессу и реквіемъ для хора и оркестра, и нѣсколько романсовъ. Къ этому же періоду (1850—1853 гг.) принадлежатъ еще слѣдующія произведенія: три увертюры—„Мессинская Невѣста“, „Германъ и Доротея“ и „Юлій Цезарь“ (написанныя въ 1851 г.); концертъ для віолончеля съ оркестромъ, тріо (G-moll) для фортепіано, скрипки и віолончеля, двѣ сонаты для фортепіано и скрипки, и нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ. Къ числу самыхъ позднѣйшихъ произведеній Шумана принадлежатъ „Торжественная увертюра“, увертюра „Фаустъ“, концертное аллегро для фортепіано съ оркестромъ и „Фантазія“ для скрипки съ акомпаниментомъ оркестра. Всѣ они написаны въ 1853 г., которымъ и заключается композиторская дѣятельность Шумана.

Осенью 1853 г. Шуманъ познакомился съ молодымъ музыкантомъ, тогда еще никому неизвѣстнымъ, а въ настоящее время пользующимся въ Германіи большимъ уваженіемъ, І. Брамсомъ, явившимся къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Іоахима. Шуманъ до такой степени заинтересовался двадцатилѣтнимъ даровитымъ юношей, что еще разъ взялся за перо литератора, оставленное имъ еще въ 1844 г., и написалъ небольшую статью о Брамсѣ, напечатанную въ Neue Zeitschrift für Musik, подъ заглавіемъ „Neue Bahnen“ [2]), гдѣ обращалъ вниманіе музыкальнаго міра на юнаго композитора и предсказывалъ ему великую будущность. — Тогда же Шуманъ имѣлъ близкія сношенія съ другимъ молодымъ музыкантомъ, Альбертомъ Дитрихомъ, на котораго также возлагалъ большія надежды. Существуетъ манускриптъ сонаты для фортепіано и скрипки, написанный Шума-

[1]) Точно также въ то время Шуманъ проектировалъ, вмѣстѣ съ Рих. Полемъ, большую ораторію на библейскій сюжетъ (Св. Дѣва Марія) или историческій (Лютеръ или Жижка); избравъ Лютера, Шуманъ хотѣлъ, чтобы его ораторія удовлетворяла одновременно требованіямъ исполненія какъ въ церкви, такъ и въ концертной залѣ, и намѣревался писать преимущественно для хора, безъ сложныхъ контрапунктическихъ разработокъ, но просто и доступно пониманію каждаго. Но Рих. Поль проектировалъ эту ораторію въ формѣ большой трилогіи, тогда какъ Шуманъ хотѣлъ ограничиться произведеніемъ, удобоисполнимымъ въ одинъ концертный вечеръ; изъ-за этого несогласія планъ ораторіи и не былъ приведенъ въ исполненіе.

[2]) См. Ges. Schriften, т. II, стр. 374.

номъ вмѣстѣ съ Брамсомъ и Дитрихомъ. Соната эта была написана для Іоахима, по случаю его пріѣзда въ Дюссельдорфъ въ октябрѣ 1853 г. [1]).

Изъ Дюссельдорфа Шуманъ неоднократно дѣлалъ разныя поѣздки. Такъ, лѣтомъ 1851 г. онъ ѣздилъ со всей семьей въ Швейцарію; въ томъ же году былъ въ Антверпенѣ, присутствуя, въ качествѣ члена жюри, на бывшемъ тамъ состязаніи бельгійскихъ хоровыхъ обществъ. Въ мартѣ 1852 г. онъ былъ съ женою въ Лейпцигѣ, гдѣ въ теченіе одной недѣли былъ исполненъ цѣлый рядъ его позднѣйшихъ произведеній. На эту „шумановскую недѣлю“ съѣхались многіе музыканты изъ разныхъ городовъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, Листъ и Іоахимъ; однако, и при этомъ Шуманъ не былъ польщенъ особымъ успѣхомъ, публика относилась къ нему съ уваженіемъ, но сдержанно и довольно равнодушно, что, впрочемъ, для него было уже не новостью. „Я привыкъ видѣть, — писалъ онъ въ 1851 г. Р. Полю, — что мои произведенія, особенно лучшія и наиболѣе глубокія, остаются непонятыми бо́льшею частью публики, когда она слушаетъ ихъ въ первый разъ“.—Гораздо болѣе удовлетворенія вынесъ Шуманъ изъ концертнаго путешествія по Голландіи, куда ѣздилъ въ ноябрѣ 1853 г. Музыкальная газета „Signale“ сообщала о большихъ тріумфахъ Роберта и Клары Шуманъ въ Амстердамѣ, Утрехтѣ, Роттердамѣ, Гаагѣ; всюду концерты были уже подготовлены заранѣе и произведенія разъучены, такъ что Шуману оставалось только встать за пультъ и дирижировать. „Во всѣхъ городахъ, —сообщалъ Шуманъ одному пріятелю объ этой поѣздкѣ, — насъ принимали съ радостью и съ большимъ почетомъ. Къ моему удивленію, я узналъ, что моя музыка въ Голландіи пустила корни едвали не прочнѣе, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Всюду были большія исполненія моихъ симфоній, именно труднѣйшихъ, 2-й и 3-й; въ Гаагѣ приготовили для меня также „Странствованіе Розы“. Послѣдняя поѣздка Шумана была въ Ганноверъ, въ началѣ 1854 г., куда его приглашали для исполненія его большого произведенія „Рай и Пери“.

Первые два мѣсяца 1854 г. Шуманъ жилъ въ Дюссельдорфѣ, занимаясь литературными работами. Одновременно съ редактированіемъ собранія своихъ статей о музыкѣ, подготовляемыхъ къ печати, онъ трудился надъ большимъ сочиненіемъ, названнымъ

[1]) Заглавіе этого произведенія Шуманъ сдѣлалъ такое: „Въ ожиданіи пріѣзда уважаемаго и любимаго друга, Іосифа Іоахима, написали эту сонату Робертъ Шуманъ, Альбертъ Дитрихъ и Іоганнесъ Брамсъ“. Первую часть сонаты написалъ Дитрихъ, 3-ю часть Брамсъ, а интермеццо и финалъ—Шуманъ.

имъ „Dichtergarten“, въ которомъ онъ хотѣлъ собрать, изъ произведеній лучшихъ поэтовъ стараго и новѣйшаго времени, все, что̀ касалось музыки. Съ этою цѣлью онъ еще раньше дѣлалъ извлеченія изъ сочиненій Шекспира и Жанъ-Поля; теперь онъ разсчитывалъ расширить свою задачу и предпринялъ такой же компилятивный трудъ относительно библіи, а также греческихъ и латинскихъ классиковъ. Ему однако не суждено было окончить эту работу; его болѣзнь начала усиливаться такъ быстро, что серьезныя занятія были болѣе немыслимы. Физически Шуманъ былъ вполнѣ здоровый человѣкъ, крѣпкаго тѣлосложенія, роста выше средняго, съ изрядною полнотою; но ужасная психическая болѣзнь, признаки которой проявлялись и прежде, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала имъ и, гибельно вліяя на воспріимчивую отъ природы нервную систему, разрушала его здоровый организмъ. Первые болѣзненные симптомы или, вѣрнѣе сказать, признаки склонности къ психической болѣзни обнаружились весьма рано, именно въ 1833 г., когда Шуманъ, подъ вліяніемъ извѣстія о смерти одной изъ своихъ невѣстокъ, находился продолжительное время въ крайне тяжеломъ угнетенномъ состояніи. Многіе изъ хорошо знавшихъ Шумана утверждали, что онъ тогда въ припадкѣ меланхоліи покушался даже выброситься изъ окна и съ той поры всегда питалъ страхъ къ квартирамъ въ верхнихъ этажахъ. Вообще всякія душевныя потрясенія дѣйствовали на него очень сильно и приводили его въ состояніе „смертельной сердечной тоски“, какого-то безотчетнаго страха и мучительной безпомощности. Кромѣ того, у Шумана была склонность предаваться мрачнымъ идеямъ и терзать самого себя, что отравляло лучшіе часы его жизни и длилось обыкновенно весьма долго. Нерѣдко являлось у него предчувствіе ранней смерти: „часто мнѣ кажется, что я не проживу долго,—говоритъ онъ въ письмѣ къ пріятелю 1837 г.,—а я хотѣлъ бы еще кое-что сдѣлать“. Но молодыя силы преодолѣвали ложныя мрачныя представленія и освобождали его отъ душевныхъ страданій. Первые годы послѣ женитьбы онъ провелъ въ счастливомъ спокойствіи; однако въ 1844 г., послѣ усиленной творческой дѣятельности, опять проявилось опасное нервное разстройство, какъ послѣдствіе чрезмѣрнаго умственнаго напряженія. Выздоровленіе шло медленно и только почти черезъ пять лѣтъ вполнѣ возвратились прежнія силы и прежняя способность къ труду и къ творчеству, которую Шуманъ, къ сожалѣнію, опять началъ расточать въ усиленныхъ работахъ, что̀, конечно, не замедлило отразиться на его здоровьѣ еще гибельнѣе. Въ 1852 г. какъ всѣ окружающіе Шумана, такъ и онъ самъ не могли не видѣть, что его состояніе внушаетъ

самыя серьезныя опасенія. Попытки найти исцѣленіе въ врачебныхъ средствахъ были напрасны; ужасная болѣзнь все болѣе и болѣе вступала въ свои права. Шуманъ, прежде человѣкъ здравомыслящій, всегда далекій отъ какого бы то ни было мистицизма или суевѣрія, началъ заниматься столоверченіемъ, и безусловно вѣрилъ, что „столы все знаютъ", въ чемъ увѣрялъ и своихъ пріятелей. Начали проявляться также ложныя ощущенія, именно звуковыя; ему слышались голоса, шептавшіе угрозы или укоры; иногда ему казалось, что онъ постоянно слышитъ одинъ опредѣленный звукъ, или же цѣлыя мелодіи и гармоніи. Однажды ночью онъ вообразилъ, что къ нему явились тѣни Шуберта и Мендельсона, чтобы сообщить музыкальную тэму; онъ всталъ съ постели — записалъ эту тэму призраковъ. Вмѣстѣ съ этимъ его все чаще и чаще терзала та „смертельная сердечная тоска", на которую онъ жаловался въ прежніе годы. Однако, всѣ эти симптомы были преходящіе и въ промежуткахъ между ними Шуманъ былъ человѣкомъ нормальнымъ, вполнѣ владѣющимъ своими умственными способностями. Онъ по прежнему читалъ и работалъ; на ту тэму, которая по его предположенію, была доставлена Шубертомъ и Мендельсономъ, онъ началъ писать варіаціи, оставшіяся неоконченными [1]), —это были послѣдніе проблески потухающаго генія. Скоро наступило начало конца. 27 февраля 1854 г. около полудня, Шуманъ подъ вліяніемъ охватившаго его мучительнаго тоскливаго состоянія, незамѣтно ушелъ изъ дому и съ моста бросился въ Рейнъ; во-время подоспѣвшіе лодочники вытащили его изъ воды; его жизнь была спасена, но послѣ этой катастрофы ясные признаки сумасшествія не оставляли никакого сомнѣнія, что состояніе больного безнадежно. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ увезенъ изъ Дюссельдорфа и помѣщенъ въ частной лечебницѣ доктора Рихарца въ Энденихѣ, близъ Бонна, гдѣ оставался безвыходно болѣе двухъ лѣтъ до самой своей смерти. Психическая болѣзнь Шумана выразилась въ глубокой меланхоліи. По временамъ его болѣзненное состояніе какъ бы улучшалось; тогда онъ опять становился дѣятельнымъ, велъ переписку, принималъ посѣтителей и тогда же написалъ фортепіанный акомпаниментъ къ скрипичнымъ капричіямъ Паганини. Но эти сравнительно счастливые часы скоро проходили; больной снова впадалъ въ угнетенное состояніе, въ глубокую мучительную грусть; тогда посѣщеніе по-

---

[1]) Брамсъ впослѣдствіи на ту же тэму написалъ фортепіанныя въ четыре руки варьяціи, составляющія одно изъ лучшихъ его произведеній (ор. 23), и посвятилъ ихъ одной изъ дочерей Шумана.

стороннихъ приводило его въ такое возбужденное состояніе, что докторъ вынужденъ былъ запретить свиданія съ близкими ему людьми, даже съ женою, которая вела съ больнымъ мужемъ переписку и только передъ самой его кончиной ей разрѣшено было остаться у постели умирающаго, чтобы принять его послѣдній вздохъ. — Робертъ Шуманъ умеръ 29 (17) іюля 1856 г., имѣя отъ роду всего 46 лѣтъ. Послѣ него осталось семеро дѣтей, большею частью еще малолѣтнихъ: три дочери и четыре сына. Онъ похороненъ въ Боннѣ на городскомъ кладбищѣ. На могилѣ его воздвигнутъ красивый монументъ, работы Дорндорфа, съ надписью: „Dem grossen Tondichter von seinen Freunden und Verehrern errichtet am 2 mai 1880“ (Великому композитору, воздвигнуто его друзьями и почитателями 2 мая 1880 г.). Памятникъ этотъ сооруженъ на средства, собранныя съ спеціально для этой цѣли устроенныхъ въ Боннѣ (17, 18 и 19 августа 1873 г.) концертовъ, на которыхъ исполнялись исключительно его произведенія, при участіи Клары Шуманъ. Открытіе памятника также сопровождалось музыкальнымъ празднествомъ съ исполненіемъ произведеній Шумана, которыя въ то время были уже лучше оцѣнены и болѣе распространены въ Германіи, чѣмъ при его жизни.

IV.

Композиторская дѣятельность Шумана—если ограничиться его изданными произведеніями, не считая раннихъ дѣтскихъ и юношескихъ творческихъ попытокъ—обнимаетъ періодъ времени въ двадцать четыре года, съ 1830 по 1853 г.; изъ этого періода первыя десять лѣтъ были посвящены исключительно фортепіанной музыкѣ, съ которой и начнемъ общій разборъ шумановскихъ музыкальныхъ произведеній.—Мало кто изъ композиторовъ начиналъ такъ самостоятельно, какъ Шуманъ; въ первой его фортепіанной пьесѣ „Variationen über den Namen Abegg“ (op. 1), написанной въ 1830 г., еще видна школа Гуммеля, Мошелеса, но во всѣхъ другихъ, даже самыхъ раннихъ его произведеніяхъ, какъ напр. „Papillons“, „Intermezzi“ и др., уже явно обнаруживается опредѣленный своеобразный шумановскій стиль, разработанный имъ вполнѣ, конечно, только въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Въ развитіи новаго стиля фортепіанной музыки Шуманъ оказалъ много существенныхъ заслугъ; съ замѣчательною талантливостью и искусствомъ онъ вводилъ въ свои фортепіанныя пьесы новыя гармоніи и новые ритмы, примѣнялъ къ нимъ полифонію

съ частыми контрапунктическими разработками, и посредствомъ широкаго расположенія аккордовъ, примѣненія педалей, употребленія новыхъ смѣлыхъ пассажей и т. п., достигалъ многихъ весьма разнообразныхъ эффектовъ, прежде никогда не встрѣчаемыхъ въ фортепіанной музыкѣ. Весьма возможно, что для этихъ нововведеній онъ видѣлъ примѣры въ произведеніяхъ своихъ современниковъ – Шопена и Листа, но во всякомъ случаѣ стиль его музыки столь существенно отличается отъ стиля, какъ Шопена, такъ и Листа, что Шуману нельзя отказать въ совершенно самостоятельномъ развитіи новой фортепіанной техники и въ этомъ отношеніи его заслуги нисколько не меньше названныхъ сейчасъ композиторовъ [1]). Насколько ново у Шумана примѣненіе фортепіано, т.-е. техническая сторона музыки, настолько же новы его произведенія въ чисто музыкальномъ отношеніи по гармоніямъ и мелодіямъ. Какъ гармонистъ, Шуманъ необыкновенно богатъ, разнообразенъ и изобрѣтателенъ; это безспорно сильнѣйшая сторона его творчества. Въ мелодическомъ отношеніи онъ бѣднѣе, но все-таки новъ и своеобразенъ; въ его фортепіанныхъ пьесахъ мало встрѣчается мелодій широкихъ, пластическихъ, свободно выдѣляющихся; вмѣсто того, среди интересной и своеобразной полифоніи, всюду видно преобладаніе небольшихъ мелодическихъ фразокъ, такъ сказать, зародышей мелодіи, часто полныхъ глубокаго выраженія, что́ придаетъ шумановской музыкѣ особенно романтическій характеръ, усиливающійся прелестными гармоніями и тѣмъ поэтическимъ настроеніемъ, которымъ проникнуто большинство его произведеній. Наконецъ, произведенія Шумана новы и по своему содержанію и по своей формѣ. Спитта въ своемъ сочиненіи о Шуманѣ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что Шуманъ былъ музыкантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, и кто хочетъ вполнѣ понять всю прелесть его музыки, тотъ, можетъ быть, долженъ проникнуться духомъ нѣмецкихъ поэтовъ, господствовавшихъ въ Германіи во время юношества Шумана, какъ Жанъ-Поль и вся романтическая школа, т.-е. Эйхендорфъ, Гейне, Рюккертъ и др. Какъ эти поэты были велики

---

[1]) Какъ основательно изучалъ Шуманъ характеръ фортепіано, сколько прилагалъ онъ стараній къ разработкѣ и усовершенствованію новой фортепіанной техники, доказываетъ предисловіе къ его этюдамъ (d'après les caprices de Paganini), гдѣ онъ даетъ особыя упражненія и дѣлаетъ разныя указанія, необходимыя для правильнаго исполненія и достиженія задуманныхъ имъ новыхъ фортепіанныхъ эффектовъ. Уже въ этомъ одномъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Шумана, находимъ требованія фортепіанной техники весьма своеобразныя, оригинальныя для того времени и совершенно отличныя отъ прежняго стиля фортепіанной музыки.

преимущественно въ небольшихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, въ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ нерѣдко заключалось глубокое содержаніе, точно также Шуманъ умѣлъ въ мелкихъ формахъ, именно въ небольшихъ фортепіанныхъ пьесахъ, выражать многое и открывать рядъ ощущеній и чувствъ, недоступныхъ для выраженія словами. Музыка для Шумана всегда была поэтическимъ языкомъ, объясняющимъ душевныя настроенія. Еще въ дѣтствѣ онъ воспроизводилъ на фортепіано музыкальныя характеристики своихъ товарищей; точно также и позднѣе, лица, съ которыми онъ входилъ въ болѣе или менѣе близкія отношенія, собственныя его душевныя волненія, какіе-нибудь эпизоды изъ жизни, прочитанныя поэтическія произведенія и т. п., все это доставляло ему матеріалъ для музыкальнаго творчества. О своихъ раннихъ произведеніяхъ Шуманъ самъ говорилъ, что въ нихъ одновременно отражался и музыкантъ, и человѣкъ; и дѣйствительно, тотъ идеалистъ-романтикъ, какимъ былъ Шуманъ, виденъ въ его произведеніяхъ и въ раннихъ—по преимуществу. Такъ, напримѣръ, его небольшія фортепіанныя пьесы подъ названіемъ „Papillons" представляютъ милыя музыкальныя картинки, написанныя подъ впечатлѣніемъ одной изъ главъ „Flegeljahren" Ж. Поля, гдѣ изображена чета влюбленныхъ посреди веселой толпы маскарада. Въ такомъ же родѣ, и тоже въ видѣ небольшихъ маскарадныхъ сценокъ, написанъ извѣстный „Carnaval, scènes mignones sur quatre notes", одно изъ оригинальнѣйшихъ, талантливѣйшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ произведеній Шумана; здѣсь опять находимъ собраніе небольшихъ пьесокъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что почти всѣ онѣ построены на однѣхъ и тѣхъ же четырехъ нотахъ [1]). Эти пьесы озаглавлены частью маскарадными именами (пьерро, арлекинъ и проч.), частью именами разныхъ лицъ; здѣсь фигурируютъ члены „Давидова Союза": Флорестанъ, Эзебіусъ, Chiarina (Клара), Эстрелла (Эрнестина Фрикенъ), кромѣ того Шопенъ и Паганини; далѣе слѣдуетъ нѣсколько бальныхъ сценокъ: réconnaissance, aveu, proménade и два вальса (valse noble и valse allemande). Финалъ этихъ пьесъ озаглавленъ: „Marche des „Davidsbündler" contre les Philistins", гдѣ подъ именемъ филистимлянъ подразумѣвались филистеры, охарактеризованные

---

[1]) A, es, c, h или as, c, h—„Asch", небольшой городъ въ Богеміи, мѣсто рожденія одной знакомой Шумана, Эрнестины Фрикенъ, съ которой онъ, въ то время, когда написанъ „Карнавалъ" (1835 г.) находился въ дружескихъ отношеніяхъ и едва ли не считался ея женихомъ. Шуманъ въ шутку говорилъ, что городъ Asch имѣетъ музыкальное названіе, такъ какъ его составныя буквы входятъ въ музыкальную гамму и также и въ фамилію Schumann.

гэмой стариннаго неуклюжаго „Grossvatertanz'a“, контрастирующаго съ оживленной горячей музыкой этого марша. „Карнавалъ“ занимаетъ въ ряду фортепіанныхъ произведеній Шумана одно изъ первыхъ мѣстъ; по оригинальности замысла и мастерству выполненія это произведеніе можетъ быть названо геніальнымъ; музыкальныя изображенія „пьерро“ и „арлекина“, и музыкальныя характеристики мечтательной личности „Эзебіуса“ и поэтическаго Шопена—превосходны по замѣчательной правдивости и художественности. Отмѣтимъ еще, какъ лучшіе нумера, вступленіе (préambule) и финальный маршъ; впрочемъ, весь „Карнавалъ“ принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ трудно найти слабыя мѣста.

Подобно тому какъ въ „Карнавалѣ“, и въ другихъ фортепіанныхъ произведеніяхъ, состоящихъ изъ собранія небольшихъ пьесъ, Шуманъ каждой изъ нихъ любилъ давать особое названіе, характеризующее ея содержаніе [1]). Всѣ эти названія очень удачны, они прекрасно поясняютъ намѣреніе и мысль автора, дополняютъ и усиливаютъ впечатлѣніе слушателя и многія изъ пьесъ этого рода могутъ служить превосходными маленькими образцами програмной музыки. Но и тамъ, гдѣ заглавіе не указываетъ на опредѣленное содержаніе каждой отдѣльной пьесы, самый характеръ музыки часто обнаруживаетъ ея поэтическую основу. Это мы видимъ, напримѣръ, въ „Novelletten“; рапсодическій характеръ музыки этихъ восьми пьесъ прямо указываетъ, что онѣ вызваны какими-нибудь поэтическими разсказами или фантастическими образами, носившимися, вѣроятно, въ воображеніи композитора [2]). Къ тому же роду фортепіанныхъ пьесъ съ поэтическимъ содержаніемъ слѣдуетъ отнести „Kreisleriana“, имѣющія въ основѣ фантастическій разсказъ того же названія Гофмана, а также „Arabeske“, „Nachtstücke“, “Albumblätter“ и т. п.

Изъ фортепіанныхъ произведеній Шумана въ мелкихъ музыкальныхъ формахъ, заслуживаютъ вниманіе его варіаціи, такъ какъ въ этомъ, изрядно уже до него избитомъ, жанрѣ внесено имъ много оригинальнаго, отличающаго его варіаціи отъ подобныхъ произведеній другихъ композиторовъ, особенно его современни-

[1]) Такъ напримѣръ, въ его „Phantasiestücke“ (op. 12) находимъ піесы подъ слѣдующими названіями: „Des Abends“, „Aufschwung“, „Warum?“, „Grillen“, „In der Nacht“, „Fabel“, Traumes Wirren“ и „Ende vom Lied“. Подобныя же характерныя названія каждой отдѣльной пьесы встрѣчаемъ, напр., въ „Kinderscenen“, „Waldscenen“, „Album für die Jugend“.

[2]) Относительно „Novelletten“ и самъ Шуманъ говорилъ, что они были „grössere zusammenhängende abenteurliche Geschichten“.

ковъ, въ родѣ Тальберга, Черни, Герца, у которыхъ варіаціи обыкновенно состоятъ въ безсодержательныхъ фигураціяхъ тэмы, украшаемой виртуозными пассажами. У Шумана совсѣмъ иначе: онъ вводитъ въ свои варіаціи такое гармоническое богатство, такое ритмическое разнообразіе, обработываетъ тэмы съ такою талантливою изобрѣтательностью, что каждая его варіація представляетъ живѣйшій интересъ. Нерѣдко основная тэма подвергается у него слишкомъ свободной разработкѣ и принимаетъ такія видоизмѣненія, что становится неузнаваемою за роскошью изящныхъ музыкальныхъ красотъ, ее окружающихъ, какъ напр. въ „Анданте и варіаціяхъ" для двухъ фортепіано (ор. 46) одномъ изъ прелестнѣйшихъ и граціознѣйшихъ произведеній. Но гдѣ выразилась вся необыкновенная сила Шумана въ стилѣ варіацій, это—его извѣстные „Симфоническіе этюды", произведеніе, которое одно могло бы доставить автору почетное мѣсто среди первыхъ фортепіанныхъ композиторовъ всѣхъ временъ. Въ этихъ этюдахъ смѣлые бравурные пассажи, полные вкуса, соединены съ богатствомъ полифоніи и съ интереснѣйшими новыми гармоніями, при глубокомъ поэтическомъ содержаніи и замѣчательной красотѣ музыки. Эти варіаціи безусловно лучшее изъ всего, что существуетъ въ фортепіанной музыкѣ въ этомъ родѣ [1]).

Фортепіанная музыка въ широкихъ формахъ является у Шумана въ его трехъ сонатахъ. Первую изъ нихъ Fis-moll (ор. 11) довольно справедливо упрекаютъ за невыдержанность формы; дѣйствительно, въ ней нѣтъ достаточной цѣльности и хорошаго соотвѣтствія между отдѣльными частями, изъ которыхъ первая имѣетъ значительное превосходство надъ остальными. Но уже одна новизна фактуры (особенно если принять въ соображеніе, что она написана въ 1835 г.) предоставляетъ этой сонатѣ исключительное положеніе; а по богатству музыкальнаго содержанія, по той поэтичности, энергіи и страстности, которыми проникнуты вступленіе и первая часть, это одно изъ выдающихся произведеній. Болѣе удачна по формѣ соната G-moll (ор. 22); здѣсь Шуманъ сдержаннѣе въ выборѣ музыкальнаго матеріала и какъ бы старался въ старыя формы ввести новое содержаніе, что ему и удалось; по формѣ, это произведеніе можно отнести къ сонатамъ прежняго періода, по содержанію же оно вполнѣ принадлежитъ нашему времени. По музыкальнымъ достоинствамъ эта

[1]) Сравнивая „Симфоническіе этюды" Шумана съ „Danse macabre" Листа для фортепіано и оркестра, преимущество остается за парафразами Листа; но эти послѣднія не исключительно фортепіанныя, а отчасти и оркестровыя, такъ что въ чисто фортепіанной музыкѣ варіаціи Шумана сохраняютъ свое первое мѣсто.

соната слабѣе какъ первой, такъ и третьей сонаты F-moll (называемой также „concert sans orchestre), написанной опять въ болѣе свободной формѣ и содержащей прекрасныя страницы шумановскаго вдохновенія. Къ фортепіаннымъ произведеніямъ Шумана въ болѣе широкихъ формахъ принадлежатъ также „Faschingsschwank aus Wien“ (Fantasie-Bilder) — большая пьеса въ пяти частяхъ; „Humoreske“, гдѣ среди поэтической музыки очень удачно введенъ юморъ, къ которому Шуманъ любилъ иногда прибѣгать какъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, такъ и фортепіанныхъ произведеніяхъ [1]), и „Phantasie“ (op. 17); изъ нихъ послѣдняя—весьма слабая по музыкѣ пьеса, а два первыхъ, особенно „Humoreske“, могутъ быть поставлены въ ряду наиболѣе интересныхъ фортепіанныхъ произведеній.

Упомянемъ еще, какъ о заслуживающихъ вниманія, пьесахъ для фортепіано въ 4 руки: „Bilder aus Osten“, „Zwölf Clavierstüke“ и „Ballscenen“, и тѣмъ заключимъ нашъ краткій обзоръ фортепіанныхъ произведеній Шумана, въ ряду которыхъ имѣемъ капитальнѣйшія вещи, предоставляющія ихъ автору громкое имя среди композиторовъ всѣхъ временъ. Да и въ большей части остальныхъ его фортепіанныхъ произведеній достоинства такъ существенны, что заставляютъ забывать о недостаткахъ. Замѣтимъ, что фортепіанныя произведенія, написанныя въ первыя 10 лѣтъ композиторской дѣятельности Шумана, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣютъ существенныя преимущества. Позднѣе Шуманъ перешелъ отъ исключительно фортепіанной музыки въ сферу болѣе широкую, отдался задачамъ болѣе высокимъ и обогатилъ искусство прекрасными плодами своего творчества во всѣхъ родахъ, во всѣхъ отрасляхъ музыки. Но той свѣжести впечатлѣнія, той богатой изобрѣтательности, той прелестной оригинальности, которыми отличаются многія его фортепіанныя произведенія перваго періода, онъ уже никогда не могъ превзойти, и если въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, болѣе грандіозныхъ, достигалъ подобныхъ качествъ, то не часто. Въ произведеніяхъ перваго періода сильнѣе отражались всѣ его субъективныя качества какъ человѣка: мечтательность, фантастичность и искренность соединялись въ его натурѣ съ нѣкоторой долей врожденной тяжеловатости и грубоватости, — можно сказать, нѣмецкой буржуазности, но значительно смягчаемой громадною талантливостью натуры, никогда не впадавшей въ вульгарность. Эти личныя качества, отражаясь въ произведеніяхъ Шумана, обу-

---

[1]) Напримѣръ „Grillen“ и „Fabel“ въ Phantasiestücke (op. 12).

словливали ихъ достоинства и недостатки и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе, производимое ими на музыкантовъ или слушателей. Замѣтимъ еще, что музыка Шумана—по преимуществу нѣмецкая, проникнутая извѣстнымъ національнымъ, отчасти даже народнымъ, характеромъ, что также должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ его произведеній.

Отъ фортепіанныхъ произведеній Шуманъ перешелъ къ произведеніямъ вокальнымъ съ акомпаниментомъ фортепіано т.-е. къ романсамъ и пѣснямъ. Въ этомъ родѣ музыки онъ имѣлъ геніальнаго предшественника въ лицѣ Франца Шуберта, поставившаго нѣмецкую пѣсню на высокую степень художественнаго развитія; но Шуманъ пошелъ еще дальше, и въ этой области оказалъ большія заслуги. Уступая Шуберту въ богатствѣ мелодіи, Шуманъ имѣлъ передъ нимъ преимущество по новизнѣ и богатству въ гармоническомъ отношеніи и по разнообразію въ фактурѣ своихъ романсовъ. Если его мелодіи не имѣютъ той рельефности и пластичности, какъ у Шуберта, за то шумановскіе романсы въ мелодическомъ отношеніи были новы и оригинальны для своего времени и ихъ мелодіи до такой степени тѣсно связаны съ текстомъ, что какъ будто вытекаютъ изъ самаго стихотворенія. Точно также музыкальная форма его романсовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ литературной формѣ лежащихъ въ ихъ основѣ стихотвореній, которыя такимъ образомъ, пріобрѣтая въ музыкѣ бо́льшую степень выразительности, сохраняются во всей неприкосновенности со всѣми своими качествами, а это одно изъ существенныхъ достоинствъ въ вокальной музыкѣ, встрѣчаемое, къ сожалѣнію, далеко не у всѣхъ композиторовъ въ романсѣ. Оставаясь вѣренъ формѣ избраннаго стихотворенія, Шуманъ точно также сохранялъ и другія качества стиховъ, ихъ размѣръ, просодію, вѣрность декламаціи, не прибѣгая, напримѣръ, къ излюбленному другими повторенію словъ текста; если онъ когда и повторялъ какую фразу, то дѣлалъ это, преслѣдуя скорѣе поэтическую, чѣмъ исключительно музыкальную цѣль. Поэтому о Шуманѣ можно сказать съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ о комъ-либо, что онъ не перекладывалъ стихотворенія на музыку, но именно воспроизводилъ ихъ въ звукахъ и какъ бы въ самихъ стихотвореніяхъ находилъ средства для музыкальнаго выраженія текста. Весьма существенно то обстоятельство, что Шуманъ, прежде чѣмъ началъ писать романсы, въ теченіе предшествующей десятилѣтней композиторской дѣятельности, выработалъ новый своеобразный стиль фортепіанной музыки. Примѣняя этотъ стиль къ акомпаниманту своихъ романсовъ, онъ придалъ особенное зна-

ченіе фортепіанной партіи, дополняющей и усиливающей партію вокальную, что давало ему средства къ выраженію тончайшихъ музыкально-поэтическихъ оттѣнковъ. Въ шумановскихъ романсахъ акомпаниментъ или, вѣрнѣе, фортепіанная партія имѣетъ существенное значеніе и всегда находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ характеромъ текста; употребляемые Шуманомъ пріемы въ акомпаниментѣ отличаются и новизной, и замѣчательнымъ разнообразіемъ. Иногда фортепіанная партія составляетъ какъ бы самостоятельную пьесу, а голосу предоставлена только декламація [1]); въ другой разъ, наоборотъ, голосъ выступаетъ почти совершенно одинъ, а фортепіано ограничивается немногими аккордами [2]), и именно этимъ и достигается наиболѣе характеристическое впечатлѣніе. Во многихъ романсахъ задача фортепіано заключается въ выраженіи тѣхъ глубокихъ таинственныхъ ощущеній, которыя уже выходятъ за предѣлы выразительности слова; въ такихъ случаяхъ, фортепіано выступаетъ бо̀льшею частью совершенно самостоятельно и пѣніе замолкаетъ. Въ этомъ родѣ въ нѣкоторыхъ романсахъ находимъ фортепіанныя заключенія, въ которыя Шуманъ вводитъ не встрѣчавшіяся въ романсѣ, самостоятельныя, тэмы и тѣмъ придаетъ романсу новый неожиданный характеръ [3]). Иногда въ подобномъ фортепіанномъ заключеніи онъ продолжаетъ стихотвореніе, какъ напримѣръ въ окончаніи „Frauenliebe und Leben" (op. 42) онъ повторяетъ музыку перваго нумера этого собранія романсовъ, какъ бы вызывая въ фантазіи убитой горемъ вдовы воспоминаніе о минувшемъ счастьи любви.—Вокальной музыки съ фортепіанно, для одного, двухъ и нѣсколькихъ голосовъ, романсовъ, пѣсенъ, балладъ и проч., у Шумана масса. Онъ писалъ музыку на тексты Гейне, Кернера, Рюкерта, Гёте, Эйхендорфа, Шамиссо, Гейбеля, Байрона, Бёрнса и др., при чемъ всегда, за весьма немногими исключеніями, выборъ текста доказываетъ тонкій поэтическій вкусъ Шумана, рѣдко останавливающагося на стихотвореніяхъ, лишенныхъ серьезнаго интереса и художественнаго значенія. Болѣе всего онъ бралъ стихотворенія Гейне, лирическая поэзія котораго близко соотвѣтствовала собственной натурѣ Шумана и въ его музыкѣ нашла изумительно вѣрное выраженіе.

Такой громадный музыкальный талантъ, какъ Шуманъ, конечно, не могъ удовлетворяться тѣсными рамками фортепіано и романсовъ и рано или поздно долженъ былъ обратиться къ ор-

[1]) Напримѣръ „Das ist ein Flöten und Geigen", op. 48, № 9.
[2]) „Ich hab im Traum geweinet", op. 48, № 13.
[3]) Напримѣръ „Die alten bösen Lieder", op. 48, № 16.

кестру; сдѣлавъ это, онъ далъ новыя доказательства силы своего творчества въ такихъ капитальныхъ произведеніяхъ, какъ его четыре симфоніи. Въ этой области онъ не является такимъ яркимъ новаторомъ, какъ Берліозъ или Листъ; въ своихъ симфоніяхъ Шуманъ придерживался въ общемъ прежнихъ симфоническихъ формъ, дѣлая отступленія только въ частностяхъ, и если сравнивать его оркестровыя произведенія съ произведеніями другихъ композиторовъ, то онъ ближе всего къ Бетховену и по фактурѣ своихъ симфоній, и отчасти по ихъ содержанію. Что Шуманъ имѣлъ положительно призваніе къ симфонической музыкѣ, доказываетъ уже его первая симфонія (B-dur), написанная въ 1841 г. Прежнія его попытки писать для оркестра, оставшіяся ненапечатанными, были весьма немногочисленны. „Конечно, я еще мало практиковался въ оркестровыхъ вещахъ, — писалъ Шуманъ въ 1839 г. Дорну [1]), — но думаю еще достигнуть господства (Herrschaft zu erreichen)". Желаемаго онъ достигъ при первой же работѣ въ этомъ родѣ; его первая симфонія—художественное произведеніе, законченное въ своихъ формахъ, богатое хорошей, интересной музыкой и поэтическое по содержанію. Должно быть, прелестныя картины, чудесные ббразы носились въ фантазіи Шумана, когда онъ писалъ эту симфонію, полную жизни, веселья и бодрости. Въ этомъ отношеніи особенно выдается послѣдняя часть; въ ней столько оживленія, свѣжести, такое спокойно-веселое настроеніе, какого Шуманъ болѣе не достигалъ ни въ одномъ изъ своихъ оркестровыхъ произведеній. Онъ хотѣлъ назвать эту симфонію „Весеннею симфоніею (Frühlings-Symphonie) и проектировалъ дать особыя заглавія каждой части [2]), чтd, конечно, освѣтило бы намѣренія автора и придало бы музыкѣ болѣе или менѣе опредѣленный характеръ, но, при изданіи партитуры, Шуманъ по какимъ-то соображеніямъ исключилъ эти заглавія. Подобнымъ же счастливымъ, весеннимъ, но болѣе страстнымъ, настроеніемъ проникнута симфонія D-moll, написанная непосредственно вслѣдъ за первою въ томъ же 1841 г. и изданная только въ 1851 г., подъ названіемъ 4-й симфоніи (op. 120). Форма этой симфоніи нѣсколько своеобразна; всѣ ея части (вступленіе, аллегро, романсъ, скерцо и финалъ) слѣдуютъ одна за другой безъ перерывовъ, такъ что вся симфонія заключается

---

[1]) Wasielewski, стр. 367.

[2]) Первую часть симфоніи онъ предполагалъ назвать „Frühlings Erwachen", послѣднюю—„Frühlings Abschied".

какъ бы въ одной большой части [1]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого отступленія отъ традиціонной формы и явилась у Шумана, какъ извѣстно, идея назвать это произведеніе „симфоническою фантазіею". — Такъ называемая 2-я симфонія Шумана (C-dur) серьезнѣе и богаче предъидущихъ по содержанію и гораздо шире по замыслу и по выполненію; по характеру музыки и ея настроенію, въ этой симфоніи сильнѣе выдается сродство Шумана съ Бетховеномъ. Это сродство выразилось еще болѣе въ 3-й симфоніи (Es-dur), называемой „Рейнскою симфоніею", самой капитальной и грандіозной изъ всѣхъ симфоній Шумана. Въ этомъ произведеніи Шуманъ не ограничился обычными частями, но между анданте и финаломъ ввелъ самостоятельную пятую часть въ медленномъ темпѣ торжественнаго настроенія [2]) и достигъ такой силы и глубины вдохновенія, что въ этой части, которую по справедливости можно назвать геніальной, находимъ едва-ли не самое лучшее изъ всей шумановской музыки. Превосходны и остальныя четыре части и вся симфонія можетъ служить доказательствомъ большого мастерства и необыкновеннаго богатства творчества, не смотря на то, что эта партитура написана въ 1850 г., когда болѣзненное состояніе Шумана уже начинало сказываться ослабленіемъ творческой фантазіи въ бо̀льшей части его произведеній, относящихся къ тому-же періоду времени. — Вообще, всѣ четыре симфоніи Шумана занимаютъ въ музыкальномъ искусствѣ видное почетное мѣсто; но при всѣхъ ихъ прекрасныхъ достоинствахъ въ нихъ есть одинъ общій и весьма существенный недостатокъ—онѣ иструментованы далеко неудовлетворительно, что̀ сказывается особенно во 2-й и 3-й симфоніяхъ, сложная богатая фактура которыхъ требуетъ наиболѣе рельефной и колоритной инструментовки, а именно этого-то и нѣтъ въ оркестрѣ Шумана, нѣсколько отставшаго въ этомъ отношеніи отъ своего вѣка. Его оркестръ нельзя и сравнивать съ мастерской,

[1]) Независимо отъ внѣшней связи, существуетъ между всѣми частями болѣе тѣсная тэматическая связь; такъ, мотивъ вступленія является во 2-й части (въ романсѣ), тэма аллегро введена въ финалъ; тріо въ скерцо построено на видоизмѣненной партіи скрипки соло въ романсѣ и т. д. Особенность формы обнаруживается также въ первомъ аллегро, построенномъ нѣсколько иначе, чѣмъ вообще практиковалось прежде, а также въ послѣдней части, связанной съ предшествующимъ ей скерцо своеобразнымъ эпизодомъ въ медленномъ темпѣ, съ величественнымъ фантастическимъ характеромъ, контрастирующимъ съ живымъ веселымъ настроеніемъ музыки финала.

[2]) Извѣстно, что эта часть симфоніи написана подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ Шуманомъ при видѣ Кельнскаго собора и торжественнаго обряда посвященія епископа въ кардиналы.

изящной, хотя и скромной, инструментовкой Мендельсона, не говоря уже о Берліозѣ или Листѣ, которые расширили свой оркестръ и, вводя новые пріемы, новыя комбинаціи, достигали небывалой до нихъ красоты звука и эффектности въ инструментовкѣ. Шуманъ, наоборотъ, оставался при прежнихъ скромныхъ средствахъ бетховенскаго оркестра и создавалъ произведенія, которыя, по силѣ вдохновенія, по глубинѣ содержанія и по новизнѣ, были выше его инструментаторскихъ способностей. Поэтому его симфоническія произведенія, — и преимущественно лучшія изъ нихъ — при исполненіи производятъ на слушателей не такое сильное впечатлѣніе, какого можно бы было ожидать, при тѣхъ богатыхъ музыкальныхъ достоинствахъ, которыми они обладаютъ.

Есть у Шумана еще одно оркестровое произведеніе, которое также можно причислить къ симфоніямъ и которое онъ первоначально даже назвалъ „симфоньеттой“, но впослѣдствіи издалъ подъ заглавіемъ: „Увертюра, скерцо и финалъ“. Это произведеніе въ общемъ слабѣе его симфоній, но на чудесную вторую часть можно указать какъ на прекрасный типъ симфоническихъ скерцо.—Какъ въ симфоніяхъ Шуманъ примыкалъ такъ-сказать къ Бетховену, точно также примыкалъ онъ къ нему въ своихъ увертюрахъ, написанныхъ по формѣ бетховенскихъ. Бо́льшая часть увертюръ Шумана написана къ извѣстнымъ драматическимъ литературнымъ произведеніямъ; но лучшее впечатлѣніе онѣ производятъ въ концертной залѣ, если ихъ слушать, зная содержаніе тѣхъ драмъ, къ которымъ онѣ написаны и къ которымъ онѣ дѣйствительно служатъ какъ-бы введеніямъ. Лучшія изъ увертюръ Шумана: „Манфредъ“ — къ драмѣ Байрона, „Мессинская Невѣста“—къ драмѣ Шиллера, и „Геновева“—къ оперѣ Шумана; остальныя увертюры: „Фаустъ“, „Германъ и Доротея“, „Юлій Цезарь“ и „Торжественная увертюра“ (Fest-Ouv.) съ хоромъ, написанныя въ послѣдніе годы дѣятельности Шумана, слѣдуетъ причислить къ его слабымъ произведеніямъ.

Камерной музыкѣ Шуманъ посвятилъ немного времени изъ своей композиторской дѣятельности, но произведеній въ этомъ родѣ написалъ сравнительно не мало. Три квартета для струнныхъ инструментовъ, написанные имъ въ іюнѣ и въ іюлѣ 1842 г., остались единственными и онъ болѣе не возвращался къ подобному жанру. Квартеты эти—талантливыя чудесныя произведенія; не выходя изъ тѣсныхъ предѣловъ квартетныхъ партитуръ, они богаты прекрасной интересной музыкой, проникнутой тѣмъ романтическимъ поэтическимъ духомъ, той сердечностью и теплотой, которыми отличаются произведенія лучшаго періода творчества

Шумана, и много въ нихъ такой обаятельной прелести, какой онъ достигалъ вообще не часто и въ самыхъ удачнѣйшихъ своихъ вещахъ.—Между его произведеніями для фортепіано и струнныхъ инструментовъ, на первомъ планѣ стоитъ квартетъ (фортепіано скрипка, альтъ и віолончель); это, безъ сомнѣнія, лучшее въ камерной музыкѣ новѣйшаго времени произведеніе, которое еще долго будетъ вызывать удивленіе не только изумительною силою творчества, но и глубиною поэтическаго содержанія музыки, чарующей слушателя отъ начала до конца этого безподобнаго произведенія.—Немногимъ уступаетъ квартету написанный въ одномъ съ нимъ году (1842) квинтетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ, также заключающій истинно геніальныя музыкальныя красоты и, также какъ квартетъ, изумительный по новизнѣ и по совершенству фактуры.—Изъ трехъ Шумановскихъ тріо для фортепіано скрипки и віолончеля, лучшее первое тріо D-moll (op. 63), характеръ музыки котораго отличается страстностью и отчасти мрачнымъ настроеніемъ; въ этомъ тріо, какъ и въ двухъ другихъ, нѣтъ уже той жизненности и бодрости, которыя бьютъ ключемъ въ фортепіанныхъ квартетѣ и квинтетѣ, что становится понятно, если припомнить, что тріо были написаны значительно позднѣе, когда состояніе духа ихъ автора становилось все мрачнѣе. — Кромѣ названныхъ есть у Шумана еще не мало вещей для фортепіано съ различными инструментами; бо́льшая часть изъ нихъ написана въ послѣдній періодъ его композиторской дѣятельности.

Въ области концертной музыки имѣемъ высокій образецъ творчества Шумана въ его фортепіанномъ концертѣ (A-moll) съ оркестромъ. Это—одно изъ прекраснѣйшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ шумановскихъ произведеній; оригинальность фактуры предоставляетъ ему совершенно особенное, исключительное мѣсто среди концертовъ другихъ композиторовъ; рядомъ съ изящными виртуозными фортепіанными эффектами, находимъ здѣсь превосходную содержательную музыку, чѣмъ далеко не всегда отличаются произведенія, предназначаемыя для виртуозныхъ цѣлей. Уступая концертамъ Листа въ эффектности и въ блескѣ инструментовки, концертъ Шумана имѣетъ преимущество по богатству музыкальнаго содержанія и при хорошемъ исполненіи слушается съ большимъ интересомъ. Есть еще у Шумана два концертныхъ аллегро для фортепіано съ оркестромъ [1]), изъ которыхъ одно именно G-dur

---

[1]) Introduction und Allegro appass. G-dur (op. 92) и Concertallegro mit Introduction D-moll (op. 134).

по своимъ выдающимся достоинствамъ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ концертной музыки; другое D-moll, позднѣйшее, уступаетъ первому. Замѣтимъ, что концертныя вещи Шумана для фортепіано съ оркестромъ инструментованы удачнѣе, чѣмъ большинство его симфонической музыки и въ этомъ отношеніи отличаются тѣмъ, что партія фортепіано находится въ болѣе тѣсной связи съ оркестромъ, чѣмъ это практиковалось прежде. Упомянемъ еще о слѣдующихъ концертныхъ произведеніяхъ съ оркестромъ: о концертѣ для віолончеля, заслуживающаго особеннаго вниманія каждаго хорошаго віолончелиста-виртуоза и о фантазіи для скрипки, посвященной Іоахиму, у котораго находится также автографъ неизданнаго скрипичнаго концерта (въ 3-хъ частяхъ), написаннаго Шуманомъ въ 1853 г.

Въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей, объ исполненіи въ 1840 г. „Klänge aus Osten" Маршнера [1]), Шуманъ между прочимъ хвалилъ автора за идею „обогатить концертную залу новомъ родомъ музыки". Названное произведеніе Маршнера состоитъ изъ увертюры, хоровъ и вокальныхъ соло съ оркестромъ; содержаніе заключается въ похожденіяхъ любящей четы. Подобный романтическій сюжетъ, составлявшій прежде исключительно достояніе оперы, замѣняя въ концертной залѣ библейскіе сюжеты ораторій, представлялъ тогда дѣйствительно новый родъ музыки. Шуманъ воспользовался этимъ примѣромъ и въ 1843 г. написалъ большую партитуру „Рай и Пери" для оркестра, пѣнія соло и хора; это было первое его большое вокальное произведеніе съ оркестромъ. Текстъ для этой музыки заимствованъ изъ поэмы „Лалла Рукъ" Томаса Мура. Выборъ сюжета весьма удачный, какъ представляющій благодарныя задачи для музыки; сюжетъ (Пери отыскиваетъ наиболѣе пріятный для небесъ даръ, который открылъ бы ей двери рая) очень поэтиченъ и фантастическія картины востока особенно привлекательны для каждаго композитора. Шуманъ не далъ своему произведенію никакого названія, не причисляя его ни къ одной изъ существовавшихъ формъ; оно представляетъ колоссальную кантату въ 3-хъ частяхъ, въ которой находимъ и лирическія мѣста, и поэтическіе разсказы, и большіе драматическіе эпизоды, и сцены, какъ напримѣръ, сцена битвы. Въ музыкальномъ отношеніи задача выполнена Шуманомъ въ общемъ съ большою талантливостью и съ тѣми самостоятельностью и оригинальностью, которыми отличается вся его композиторская дѣятельность. Въ этой партитурѣ много хорошей музыки,

---

[1]) См. Ges. Schr. v. Schumann, т. II, стр. 237.

чарующей иногда слушателя чудеснымъ лирическимъ настроеніемъ, а мѣстами и драматизмомъ; но къ сожалѣнію встрѣчаются, притомъ не рѣдко, и весьма слабыя въ музыкальномъ отношеніи мѣста, написанныя какъ будто на скоро, безъ достаточной критической оцѣнки, что значительно ослабляетъ общее впечатлѣніе при цѣломъ исполненіи этого все же прекраснаго произведенія [1]).

Гораздо значительнѣе другое большое вокальное съ оркестромъ произведеніе Шумана „Сцены изъ Фауста“, большая партитура въ трехъ частяхъ. Въ 1-ую часть партитуры входятъ три сцены изъ первой части драмы Гёте: Фаустъ и Гретхенъ въ саду, Гретхенъ передъ образомъ Mater dolorosa и сцена въ церкви. Другія двѣ части партитуры заключаютъ сцены изъ второй части гётевскаго Фауста; именно во 2-й части партитуры находимъ музыку къ слѣдующимъ эпизодамъ: первая сцена перваго акта (хоръ духовъ, восходъ солнца и монологъ Фауста), сцена четырехъ старухъ и смерть Фауста; 3-я часть состоитъ изъ семи нумеровъ музыки къ послѣднимъ сценамъ 5-го акта. Конечно, если писать музыку къ „Фаусту“ Гёте, не искажая текста, то возможны только подобныя, отрывочныя музыкальныя сцены, и если сравнить, что есть въ музыкѣ на сюжетъ Фауста, то безспорно музыку Шумана слѣдуетъ считать наиболѣе достойною произведенія геніальнаго нѣмецкаго поэта, наиболѣе проникнутою его духомъ и характеромъ. Какъ на выдающіеся нумера въ этой большой партитурѣ укажемъ на „сцену въ церкви“ въ 1-й части, на „восходъ солнца“ и „смерть Фауста“ — во 2-й части, и на большинство нумеровъ 3-й части, заключающей сцены „Faust's Verklärung“, для которыхъ и самъ Гёте требовалъ содѣйствія музыки, какъ бы сознавая невозможность даже всею силою своего

---

[1]) Въ такомъ-же родѣ, какъ „Рай и Пери“ есть еще другое произведеніе, но гораздо слабѣйшее, именно „Der Rose Pilgerfahrt“ (странствованіе розы, превращенной въ дѣвушку—плохая сантиментальная идиллія М. Горна), написанная Шуманомъ въ 1851 г. въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ и для небольшихъ музыкальныхъ средствъ. Упомянемъ еще о вокальныхъ съ оркестромъ балладахъ: „Der Konigssohn“, „Des Sängers Fluch“, „Das Gluck von Edenhall“—всѣ три на тексты Уланда—и „Vom Pagen und der Königstochter“ на текстъ Гейбеля. Особенныхъ музыкальныхъ достоинствъ какъ „Странствованіе Розы“ такъ и баллады не представляютъ.—Къ этому же роду музыки слѣдуетъ отнести „Nachtlied“ (на текстъ Геббеля), „Neujarslied“ (текстъ Рюкерта) и „Requiem für Mignon“ (изъ Wilhelm Meister Гёте); послѣднее изъ названныхъ произведеній наиболѣе удачное. Какъ по содержанію текста, талантливо сочиненнаго самимъ Шуманомъ, такъ и по музыкѣ, написанной безъ особыхъ претензій, но съ задушевностью и теплотой, реквіемъ Миньоны очень милое произведеніе, разсчитанное не на большую концертную залу, а на маленькій кружокъ любителей музыки.

геніальнаго стиха вызвать настроеніе, необходимое для его цѣлей. Глубокое мистическое содержаніе этихъ сценъ нашло въ партитурѣ Шумана соотвѣтствующее музыкальное выраженіе, которое, усиливая впечатлѣніе, дѣлаетъ эти сцены болѣе понятными и доступными при исполненіи ихъ съ музыкой, чѣмъ при чтеніи, требующемъ особенной сосредоточенности. Въ хоровыхъ нумерахъ 3-й части внесено Шуманомъ столько своеобразной изобрѣтательности и все это выполнено съ такою необыкновенною талантливостью, что здѣсь мы находимъ положительно лучшее изъ всего написаннаго Шуманомъ для хора и оркестра.

Рядомъ съ сценами изъ Фауста можно поставить музыку къ драмѣ „Манфредъ" Байрона, которую Шуманъ писалъ (въ 1848 г.) съ особеннымъ удовольствіемъ. „Никогда еще не отдавался я работѣ съ такою любовью и съ такимъ подъемомъ силъ", —говорилъ Шуманъ относительно этого произведенія [1]). Романтическій до крайности сюжетъ драмы Байрона, съ мрачной таинственной основой, глубокій смыслъ содержанія, все это вмѣстѣ плѣняло Шумана и давало ему богатый матеріалъ для музыки. Замѣтимъ, что, рѣшившись писать музыку къ „Манфреду", Шуманъ не оставался вполнѣ вѣренъ оригиналу драмы, но допустилъ отступленія, сдѣлавъ во всѣхъ трехъ актахъ нѣкоторыя измѣненія и сокращенія. Кромѣ увертюры онъ написалъ пятнадцать нумеровъ музыки, частью вокальной, но преимущественно для одного оркестра. Все здѣсь задумано очень глубоко и выполнено въ общемъ превосходно. Увертюра заслуживаетъ особаго вниманія; согласно содержанію драмы, она проникнута сильною грустью, какъ бы отчаяніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ характеромъ, представляя прекрасное выраженіе душевныхъ страданій „Манфреда" и его мрачныхъ воспоминаній объ Астартѣ, грустный образъ которой такъ чудесно обрисованъ въ средней части увертюры. Прекрасно написанъ антрактъ (№ 5) и еще лучше „вызовъ феи Альповъ", а такія мелодраматическія сцены, какъ „заклинаніе Астарты" и „воззваніе Манфреда къ Астартѣ" принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ Шумана и при исполненіи производятъ сильное впечатлѣніе. Упомянемъ еще, какъ о выдающихся нумерахъ этой интересной партитуры, о соло для англійскаго рожка, о гимнѣ духовъ Аримана (для мужского хора) мрачнаго суроваго характера и о заключительномъ хорѣ. Этотъ хоръ, доно-

---

[1]) Василевскій разсказываетъ, что „Манфредъ" Байрона производилъ на Шумана такое впечатлѣніе, что однажды, въ Дюссельдорфѣ, читая его вслухъ, на одной сценѣ онъ былъ разстроганъ до слезъ, заставившихъ его прекратить чтеніе.

сящійся издали къ умирающему Манфреду, не входилъ въ планъ намѣреній Байрона и составляетъ одно изъ существенныхъ измѣненій, допущенныхъ Шуманомъ; но по музыкѣ хоръ этотъ такъ безгранично красивъ и послѣ мрачныхъ сценъ драмы производитъ такое смягчающее, примиряющее впечатлѣніе, что, слушая его, остается сожалѣніе о его слишкомъ небольшихъ размѣрахъ и всегда является желаніе повторенія. — Шуманъ предназначалъ свою музыку къ „Манфреду" для исполненія при сценической обстановкѣ и пытался даже устроить это въ Берлинѣ, что ему однако же не удалось; въ 1852 г. Листъ поставилъ „Манфреда" съ музыкой Шумана на сценѣ въ Веймарѣ, позднѣе этому примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе театры и въ Мюнхенѣ „Манфредъ" имѣлъ весьма хорошій успѣхъ. Однако, и самъ Байронъ не считалъ своего „Манфреда" пригоднымъ для сценическаго исполненія и врядъ ли музыка Шумана, сама по себѣ необыкновенно художественная, — можетъ превратить эту драму, назначенную лишь для чтенія, въ произведеніе вполнѣ сценичное.

Писать драматическую музыку для сцены было долгое время завѣтною мечтою Шумана; но изъ-подъ его пера вышла только одна опера „Геновева", которая до сихъ поръ еще не имѣетъ большого распространенія, хотя по многимъ своимъ достоинствамъ заслуживаетъ этого. Либретто „Геновевы" (составленное самимъ Шуманомъ по драмамъ Тика и Геббеля), если къ нему относиться съ строгими требованіями какъ къ сценическому произведенію, не лишено существенныхъ недостатковъ; въ немъ видна нѣкоторая натянутость, монотонность, мѣстами отсутствіе дѣйствія, нѣкоторыя сцены не вполнѣ мотивированы и т. п., — но въ общемъ, по своему содержанію и по выполненію, оно интереснѣе и лучше чѣмъ большая часть извѣстныхъ оперныхъ либретто. Выдающіяся достоинства оперы „Геновевы" заключаются въ музыкѣ, которая значительно отличается отъ господствующихъ въ театрахъ оперныхъ жанровъ; въ ней нѣтъ ни бравурно-виртуознаго пѣнія итальянскихъ оперъ, ни грубыхъ эффектовъ декоративной мейерберовской музыки, ни тѣхъ прославленныхъ новаторскихъ вагнеровскихъ пріемовъ, которыми и пѣніе, и самая музыка низведены до ничтожества, а музыкальное творчество обращено въ ремесленность. Врагъ внѣшнихъ эффектовъ, Шуманъ и въ оперѣ оставался серьезнымъ композиторомъ и, преслѣдуя дѣйствительно художественныя цѣли, пользовался только строго музыкальными средствами. Поэтому его опера очень высоко цѣнится музыкантами, которые находятъ въ ней массу хорошей музыки и несо-

мнѣнныя доказательства большой силы творчества; но обычная публика, воспитанная на операхъ Верди, Мейербера и т. п., конечно, не найдетъ въ „Геновевѣ“ удовлетворенія своимъ опернымъ требованіямъ; такая публика найдетъ эту музыку слишкомъ скромною, слишкомъ интимною и тонкою для сцены. Вотъ почему опера Шумана до сихъ поръ не сдѣлалась репертуарной оперой и врядъ ли скоро получитъ болѣе широкое распространеніе. А между тѣмъ эта опера скорѣе чѣмъ какая-либо другая можетъ быть названа „музыкальной драмой“, о которой такъ много и громко трактовалъ Вагнеръ. Тѣ существенныя достоинства, которыми отличаются романсы Шумана, — тѣсное сліяніе музыки съ текстомъ, и замѣчательно удачная, правдивая, музыкальная характеристика различныхъ настроеній,—находимъ и въ оперѣ, гдѣ многія драматическія положенія очерчены музыкой съ изумительнымъ искусствомъ. Одна изъ главныхъ особенностей стиля музыки „Геновевы“ заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ тѣхъ безсодержательныхъ въ музыкальномъ отношеніи речитативовъ, которые въ большинствѣ оперъ служатъ какъ-бы прозаическими антимузыкальными связками между отдѣльными пѣвучими закругленными оперными нумерами; Шуманъ замѣнилъ подобные речитативы мелодической декламаціей, сопровождаемой не отдѣльными аккордами струнныхъ инструментовъ, какъ въ прежнихъ речитативахъ, а сплошнымъ, связнымъ оркестровымъ акомпаниментомъ, всегда имѣющимъ значеніе и музыкальное содержаніе. Такой мелодической декламаціи онъ отвелъ въ своей оперѣ весьма значительное мѣсто [1], и если при этомъ не всегда достигалъ вполнѣ хорошихъ результатовъ, то уже самая идея о примѣненіи и развитіи декламаціоннаго стиля доказываетъ, какъ ново и правильно понималъ Шуманъ задачи и цѣли драматической музыки, смѣло осуществляя ихъ въ своей оперѣ.

Для заключенія общаго обзора композиторской дѣятельности Шумана, остается упомянуть о его произведеніяхъ духовной музыки, которыхъ у него написано весьма немного, хотя этотъ родъ музыки онъ считалъ лучшею задачею искусства. „Посвятить силы духовной музыкѣ, — писалъ онъ въ январѣ 1851 г. одному изъ своихъ пріятелей, — остается, конечно,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи „Геновева“ имѣетъ сродство съ операми русскихъ композиторовъ позднѣйшаго времени, которыми декламаціонный стиль драматической музыки разработанъ до весьма высокой степени совершенства; лучшій примѣръ — „Каменный Гость“ Даргомыжскаго.

высшей цѣлью художника. Но въ юности всѣ мы еще такъ сильно привержены къ землѣ съ ея радостями и печалями и только въ зрѣломъ возрастѣ начинаемъ стремиться выше. Надѣюсь, что эта пора моихъ стремленій уже недалеко". Еще ранѣе этого у него были написаны произведенія духовной музыки: „Adventlied"—для пѣнія соло, хора и оркестра (1848) и Моттетъ для мужскихъ голосовъ (1849), написанный сначала съ акомпаниментомъ органа, а впослѣдствіи съ оркестромъ. Затѣмъ, въ 1852 г. онъ написалъ для хора съ оркестромъ мессу и реквіемъ. Всѣ эти произведенія, по замыслу, доказываютъ прекрасныя намѣренія серьезнаго художника; но, по выполненію, оставляютъ желать бо̀льшаго, особенно отъ такого богато-одареннаго музыканта какъ Шуманъ. Да, кажется, и самъ онъ не придавалъ особеннаго значенія этимъ произведеніямъ; месса и реквіемъ были изданы уже послѣ его смерти.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣтъ ни одного рода музыки, въ которомъ бы Шуманъ не далъ прекрасныхъ талантливыхъ произведеній, заслуживающихъ особеннаго вниманія и составляющихъ цѣнный вкладъ въ искусство. Въ областяхъ музыки фортепіанной, вокальной и камерной имѣемъ большой рядъ его произведеній, отличающихся новизною стиля и колорита и особенностью музыкальнаго и поэтическаго содержанія; многія изъ его фортепіанныхъ пьесъ, романсовъ и пѣсенъ, его квартетъ и квинтетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ, еще долгое время будутъ служить прекрасными художественными образцами, достойными изученія и подражанія. Среди его большихъ оркестровыхъ и вокальныхъ произведеній, имѣются такія капитальныя вещи, какъ четыре симфоніи, фортепіанный концертъ „Сцены изъ Фауста", „Музыка къ Манфреду", которыя занимаютъ мѣсто рядомъ съ величайшими музыкальными произведеніями и составляютъ національную гордость музыкальной Германіи. Наконецъ, его опера „Геновева" заключаетъ такія высокія музыкальныя достоинства, которыя служатъ предметомъ особеннаго вниманія и изученія музыкантовъ. Подобная, въ высшей степени разнообразная, композиторская дѣятельность, обнимающая всѣ области музыкальнаго искусства, представляетъ особенное выдающееся явленіе. Величайшіе музыкальные геніи и тѣ, большею частью, были велики въ какомъ-нибудь одномъ, въ двухъ родахъ музыки, гдѣ дѣйствительно создавали геніальныя вещи, тогда какъ въ другихъ областяхъ ее не проявляли вовсе своего творчества и, если проявляли, то большею частью мало удачно. Шу-

манъ представляетъ исключеніе въ томъ отношеніи, что ему не былъ чуждъ ни одинъ родъ музыки; онъ творилъ въ каждомъ изъ нихъ и ни въ одномъ не стоялъ ниже уровня своей геніальности. Уступая другимъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ музыки (напр. въ симфонической музыкѣ онъ не достигалъ величія Бетховена, въ фортепіанной не можетъ быть поставленъ на одну высоту съ Шопеномъ, въ романсахъ и пѣсняхъ, пожалуй, уступаетъ Шуберту), Шуманъ имѣетъ надъ ними преимущество именно въ всесторонности своего творческаго генія и это предоставляетъ ему особенное, исключительное положеніе среди другихъ композиторовъ.

П. Трифоновъ.



ВСЕСОСЛОВНАЯ СЕМЬЯ

Разсказъ изъ лѣтописей одного благонамѣреннаго сближенія.

I.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ... Весенняя ночь застала меня въ перекладной, недалеко отъ К***. Дождь, лившій съ утра, только-что кончился; тройка измученныхъ лошадей, шлепая по размытой глинѣ, едва тащила. Въ тяжеломъ храпѣ ихъ, въ осипломъ голосѣ ямщика, въ захлебывающемся, надбитомъ звонѣ почтоваго колокольчика слышались крайнія ноты унынія. Мы ѣхали слишкомъ четыре часа, по адской дорогѣ; но двѣ послѣднихъ ея версты, уже въ виду городскихъ огней, особенно истощили мое терпѣніе. Голодный, иззябшій, мокрый, закиданный съ головы до ногъ жидкой грязью, пригоршни которой, съ какимъ-то особеннымъ постоянствомъ, летѣли мнѣ прямо въ лицо, я думалъ, что я до утра не доѣду, и лихорадочная фантазія рисовала мнѣ впереди теплую комнату, дымящійся самоваръ, сухое бѣлье и постель—какимъ-то недосягаемымъ раемъ... Но вотъ, наконецъ, изъ сѣрой мглы, по сторонамъ дороги, пошли выглядывать избы, за избами потянулись заборы и пустыри,—городъ. Грязная слобода смѣнилась мощеною улицей, лачуги въ два-три окна—домами съ нѣкоторой претензіей; — площадь, соборъ, гауптвахта, лавки, каменныя строенія... Проколесивъ еще добрымъ порядкомъ, ямщикъ остановился въ упоръ у подъѣзда довольно опрятнаго дома, въ дверяхъ и окнахъ котораго свѣтились огни... Это была гостинница. Кончена пытка! Я вылѣзъ съ тріумфомъ изъ мокраго сѣна и черезъ минуту былъ водворенъ... Просторный номеръ; въ номерѣ все какъ водится: ширмы, скрывающія неубранную

постель, два голыхъ окна съ какими-то тряпками въ должности шторъ, дверь въ корридоръ и двѣ запертыя двери въ смежные нумера; у одной изъ послѣднихъ—старый, крытый волосянымъ барканомъ диванъ, съ небольшимъ столомъ, прожженнымъ окурками папиросъ и угольками отъ самовара; другой столъ въ простенкѣ у зеркала; нѣсколько жесткихъ стульевъ, подставка для умыванья, и прочее:—картина знакомая всѣмъ, кому доводилось странствовать по Россіи, особенно въ старыя времена, когда она еще не была покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и остановки на ночь случались чаще.

Раздѣвшись и вымывшись, я отправилъ все грязное вонъ изъ комнаты, и усѣлся пить чай. Я былъ весь разбитъ и сквозь тишину, смѣнявшую топотъ прислуги по корридору, въ ушахъ у меня гремѣлъ еще стукъ телѣги, слышался конскій храпъ, звенѣлъ фантастическій колокольчикъ: то смолкнетъ, то снова зальется... Мало-по-малу, однако, эти призрачныя впечатлѣнія уступали мѣсто дѣйствительнымъ. Вниманіе мое скоро было привлечено двумя голосами, которые слышались за дверьми, въ сосѣднемъ номерѣ. Одинъ долеталъ невнятно, за то другой, проникнутый страстнымъ одушевленіемъ, возвышался по временамъ до такихъ нотъ, что его должны были слышать по всей гостинницѣ. Голоса были мужскіе. Невольно прислушиваясь, я былъ удивленъ содержаніемъ разговора, о которомъ, впрочемъ, я могъ судить только по одному голосу. Рѣчь шла о разныхъ высокихъ предметахъ, и еслибъ не быстрота, съ которой она мѣняла ихъ, ее можно бы было принять за рѣчь оратора, обращающагося къ большому собранію. Ссылки, цитаты, слова: „абсолютный“, „вѣчность“, „матерія“; обороты рѣчи въ родѣ:—„допустимъ“, „допустимъ далѣе“, и затѣмъ:—„спрашивается“, или:—„я спрашиваю“; но больше всего неудержимый паѳосъ, съ которымъ все это изливалось, приводилъ меня къ догадкѣ, что за дверьми находится голова, туго набитая міровыми задачами. Къ несчастію, въ корридорѣ, имѣвшемъ глупое свойство протягивать всякаго рода звукъ, шла бѣготня, хлопали двери, кликали половыхъ, звенѣла посуда, роняли на полъ щетки, багажъ. Уловить связь, при такомъ дикомъ аккомпаниментѣ, не было никакой возможности, и это скоро отняло у меня охоту слушать... Полночь, усталость, дремота; окончивъ четвертый стаканъ, я легъ и задулъ свѣчу. Сонъ тотчасъ меня охватилъ; но едва я успѣлъ забыться, какъ за дверьми раздались съ потрясающей силой слова:

— „Дарвинъ! Дарвинъ убилъ идеальное міровоззрѣніе!“

Я вздрогнулъ и приподнялся, съ просонковъ не вдругъ сообра-

жая, кого убили. У меня смирный нравъ, но я не могу отвѣчать за себя, если меня разбудятъ вдругъ.

— Тише вы тамъ съ міровоззрѣніями!—крикнулъ я гнѣвно.— Чортъ побери міровоззрѣнія, которыя не даютъ человѣку спать.

Голосъ замолкъ; но раздались шаги. Шлепая туфлями, кто-то приблизился торопливо къ самымъ дверямъ, и я услыхалъ весьма добродушно произнесенное: — „извините“!

Я тотчасъ узналъ второй голосъ, и это мнѣ объяснило шаги. Крикунъ сидѣлъ у дверей, а собесѣдникъ его, должно быть, въ другомъ углу комнаты, и вѣроятно лежалъ; вѣроятно туфли, надѣтыя въ торопяхъ, не охватили пятокъ, потому что задки ихъ шлепали. Догадки мои были прерваны громкимъ вмѣшательствомъ перваго голоса.

— О человѣкъ! — воскликнулъ онъ.—Жалкій пигмей! Изъ океана вѣчности на долю твою выпадаетъ всего одна капля существованія, но и та превышаетъ силы твои, и ту ты стараешься сократить, теряя лучшее время дня въ безчувствіи!

Гнѣвъ мой остылъ, и мнѣ стало даже смѣшно, но тѣмъ не менѣе я не имѣлъ охоты слушать его всю ночь.

— Эй! вы, труба іерихонская!—перебилъ я, съ трудомъ напрягая голосъ, чтобъ быть услышаннымъ.—Если у васъ безсонница, то жалѣю о васъ, но это еще не причина, чтобъ весь корридоръ держалъ вамъ компанію до утра. Уходите на улицу, если вамъ тутъ неймется.

За дверью стихло; но издали, и какъ я послѣ уже смекнулъ, изъ буфета, доносились сдержанные раскаты хохота. Глупая сцена, происходившая между нами, была, вѣроятно, ожидана и потѣшала незримый партеръ.

— Иванъ Герасимовичъ!—услышалъ я за дверями.—Да говори, голубчикъ, потише... Пожалуйста, извините,—онъ безъ намѣренія... Иванъ Герасимовичъ, я загашу свѣчу.

Я пробовалъ снова уснуть; но сонъ мой не возвращался.— „Вѣдь нужно же этакое несчастіе!“ — разсуждалъ я съ собою громко, какъ я имѣю привычку дѣлать, когда я чѣмъ-нибудь раздраженъ:— „Вчера, въ Курославлѣ, проклятый органъ съ Травіатой и Трубадуромъ — до двухъ! Сегодня этотъ крикунъ съ своими міровоззрѣніями, а въ промежуткѣ 20 часовъ безъ отдыха, подъ дождемъ, въ подлѣйшей телѣгѣ, по самой подлѣйшей изъ всѣхъ дорогъ!.. И это имѣетъ претензію называться Европой!.. Тычетъ тебѣ въ глаза своими чугунками, а свороти съ чугунки въ сторону, на десять верстъ, и вмѣсто дороги—трясина, и го-

ремыка проѣзжій не обезпеченъ въ самыхъ простыхъ, первобытныхъ потребностяхъ!..

— Кто говоритъ объ обезпеченіи?—раздалось за дверьми съ такою силою, что посуда у меня въ комнатѣ задребезжала.—Пустая мечта изнѣженныхъ поколѣній!.. Вся жизнь человѣка—одинъ непрерывный рядъ треволненій, опасностей, и единственное, дѣйствительно-обезпеченное, совершенно спокойное его положеніе—это двѣнадцать локтей подъ землею,—въ гробу.

Смѣхъ и досада меня разбирали. Сна ни въ одномъ глазу. Я всталъ съ постели и засвѣтилъ свѣчу.

— Чортъ знаетъ что!—воскликнулъ я.—Эй! вы, голосъ за сценою! Ужъ если вы поклялись не давать мнѣ спать, такъ говорите хоть что-нибудь путное, а не такую безстыжую ерунду. Ну, на что похоже? Вѣдь это какая-то философія гробовыхъ червей, читающая отходную всему живому!

За дверью послышался шумъ, словно какъ что тяжелое поднялось, и что-то другое, тяжелое, отодвигалось.

— Иванъ Герасимовичъ! Иванъ Герасимовичъ! — тревожно увѣщевала вторая партія.

— Оставь! Онъ ложно понялъ меня. Въ жизни своей я не былъ еще ни разу такъ ложно понятъ!.. Я не могу... Я долженъ...

Ключъ щелкнулъ, дверь отворилась съ гуломъ, и я увидѣлъ передъ собой высокую, бородатую, сумрачную фигуру, съ взъерошенной головой, въ очкахъ, въ халатѣ, накинутомъ епанчей поверхъ бѣлья,—съ виду лѣтъ подъ сорокъ. Это и былъ крикунъ. Онъ стоялъ съ чубукомъ въ рукахъ, важно откинувъ голову и оглядывая меня въ очки; а сзади, изъ-за его плеча, приподнимаясь на цыпочкахъ, суетливо и робко, какъ мышь, выглядывала фигурка его товарища, — тоже въ бѣльѣ. Въ глубинѣ номера видѣнъ былъ слабый свѣтъ и край отодвинутаго отъ двери дивана, двойникъ котораго, какъ сторожъ въ минуту опасности вѣрный долгу, стоялъ на моей сторонѣ, заставой... Въ комнатѣ у меня вдругъ запахло удушливымъ дымомъ стараго Жуковскаго вакштафа.

Я собирался протестовать, но главный актеръ этой сцены предупредилъ меня.

— Позвольте, милостивый государь,—сказалъ онъ облокотясь на спинку и не смущенный, повидимому, ни мало странностью этой импровизированной каѳедры:—позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что, вовсе не зная еще моей философіи, вы ужъ успѣли составить себѣ о ней совершенно фальшивое представленіе...

— Постойте!—перебилъ я.—Вы ошибаетесь, если вы думаете, что философія—какая бы ни была...

— Я не послѣдователь древне-буддійскаго міровоззрѣнія,— кричалъ онъ, не слушая.

— Оставьте меня въ покоѣ съ міровоззрѣніями!

— Ни его современнаго комментатора Шопенгауера, котораго, впрочемъ, я уважаю...

— Чортъ побери Шопенгауера! Какое мнѣ дѣло до Шопенгауера!

— Но тѣмъ не менѣе я утверждаю, что жизнь далека отъ нашихъ мѣщанскихъ, маленькихъ идеаловъ нравственности и благочинія.

Говоря это, онъ отодвинулъ диванъ, вошелъ и сѣлъ. Товарищъ его проскользнулъ за нимъ, мимоходомъ притворивъ двери, и тоже сѣлъ.

— Однако, что-жъ это, господа?—сказалъ я.—Неужли вы сами не замѣчаете, что вы ведете себя непозволительнымъ образомъ?

— Петръ Ивановичъ, извинись.

Маленькій человѣкъ вскочилъ и отвѣсилъ поклонъ.

— Извините, пожалуйста, — сказалъ онъ.—Желаніе объясниться и неудобство, чтобъ не сказать совершенная невозможность сдѣлать это изъ другой комнаты—в-в-в-вы-нуд-ди-ди... (Онъ заикался).

— Довольно,—перебилъ первый.

Меня чуть не взорвало со смѣху. Чтобы не дать имъ замѣтить это, я убѣжалъ за ширмы и легъ, закутавшись въ одѣяло, лицомъ къ стѣнѣ. Слышу—они тамъ шепчутся: — „Отодвинь“. — „Иванъ Герасимовичъ, нехорошо! ей Богу — нехорошо! — уйдемъ“. — „Нѣтъ,—надо“...

Шаги; кто-то подкрался и потихоньку отодвигаетъ ширмы. Потомъ опять шопотъ: — „Пожалуйста... тамъ, на столѣ... табакъ“... Еще шаги и послѣ короткой возни—все стихло.

Я оглянулся; смотрю: ширмы съ одной стороны открыты и наискось, противъ меня, сидятъ они... Все это начало, наконецъ, забавлять меня.

— Ну, — сказалъ я: — ужъ если пришли объясняться, такъ объясняйтесь.

Съ минуту отвѣта не было; ораторъ курилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Въ полумракѣ, сквозь клубы дыма, его хохлатая голова съ большими, круглыми, свѣтящимися очками казалась центромъ какого-то фантастическаго явленія.

— Милостивый государь!—началъ онъ вдругъ.—Вы требуете обезпеченія; а думали ли вы, какою цѣною вамъ бы пришлось купить его и чтó потеряла бы жизнь, еслибы вамъ удалось устра-

нить изъ нея все неожиданное, всякаго рода тревогу и безпокойство, опасность и рискъ?.. Милостивый государь! Она потеряетъ весь высшій свой интересъ и смыслъ. То, что̀ останется, будетъ болотный застой, плѣсень, тупая очередь физіологическихъ отправленій, лишенныхъ всякаго человѣческаго достоинства.

— Однако, — возразилъ я: — эта тупая очередь лежитъ въ основѣ всего, и ужъ по этой одной причинѣ должна быть прежде всего обезпечена. Человѣкъ долженъ быть сытъ и одѣтъ и имѣть время выспаться, прежде чѣмъ думать о высшемъ.

— Фатальное слово!—воскликнулъ онъ.—Предсмертное слово отжившаго міровоззрѣнія, которымъ оно отреклось отъ себя и пожертвовало собой... Вы, можетъ быть, думаете: жертва не велика? Нѣтъ, милостивый государь, она громадна! Она обнимаетъ однимъ приговоромъ: науку, искусство, весь высшій строй общественной жизни, все, чѣмъ гордилось когда-нибудь наше надменное просвѣщеніе, провозглашая все это преждевременнымъ, какъ избытокъ жизни, которымъ старшій братъ не въ правѣ пользоваться, покуда младшій не обезпеченъ въ необходимомъ. Высоко, не правда ли? Къ несчастію, высота — дѣло одностороннее, и тамъ, гдѣ слишкомъ высоко съ одной стороны, съ другой — должно быть въ томъ же размѣрѣ низко... И вотъ, за порогомъ великодушнѣйшей изъ жертвъ, мы видимъ такую страшную глубину паденія, передъ которой самая героическая рѣшимость блѣднѣетъ. Истинно говорю вамъ: страшнѣе и горестнѣе этой трагедіи трудно вообразить! Ибо представьте себѣ, что она съиграна. До этого не дошло, но представьте себѣ, что дошло, что жертва принесена и все это высшее чисто сошло со сцены... Что̀ остается?.. Милостивый государь,—остается б р ю х о...

— Неужли?

— Истинно такъ.

— Ну, это дѣйствительно очень низко...—Мнѣ лѣнь было спорить и я говорилъ только для поощренія. Яркіе обороты рѣчи его и фантастическій складъ идей занимали меня какъ сказка, которую нянька разсказываетъ дремлющему ребенку.

— Да, милостивый государь,—продолжалъ онъ:—далѣе некуда. Далѣе это господство б р ю х а, долгъ б р ю х у, религія б р ю х а, —религія матерьяльнаго обезпеченія во что бы ни стало; короче — апотеозъ мѣщанства!

— Ужасно!—протянулъ я, зѣвая.—Только мнѣ что-то не вѣрится. Неужли же — серьезно — такъ-таки и готовы были похерить все?

— Ну, нѣтъ,—понимаете—провозгласили принципъ, который

привелъ бы къ этому, еслибы онъ былъ реализированъ съ строгой, логическою послѣдовательностью. Но адвокаты его не разсчитывали на это и не хотѣли этого. Напротивъ, они выбивались изъ силъ, стараясь найти такую формулу жизни, которая примирила бы всѣ ея требованія, какъ высшія, такъ и низшія... И это имъ дѣлаетъ величайшую честь.

— Ммъ, вотъ какъ?

Молчаніе. За стѣною, какъ-разъ противъ моей постели, послышался жалобный вздохъ и слова: — „Господи, Боже праведный!" —голосъ былъ женскій. —Еще кто-нибудь, кому не даютъ уснуть, подумалъ я. Комната, къ этому времени, была полна дыму; но не взирая на то, онъ выколотилъ и набилъ съизнова.

— Чортъ знаетъ, что это за человѣкъ! — думалъ я, теряясь въ попыткахъ подвесть его подъ какую-нибудь знакомую категорію. —Нѣтъ! Никогда не видалъ ничего подобнаго!

Раскуривъ трубку до-красна, такъ что сухіе табачные корешки трещали и вспыхивали, онъ продолжалъ:

— Милостивый государь! Попытка переустроить жизнь по плану была заносчивая попытка и, какъ извѣстно, рухнула, на практикѣ побѣжденная силою вещей, въ теоріи—новымъ міровоззрѣніемъ.

— Какъ! Еще новое!

— Да; и на этотъ разъ—изъ другого источника. Оно еще молодо и не успѣло сложиться въ замкнутую, выработанную систему; но, тѣмъ не менѣе, черты его уже довольно ясны... Милостивый государь! Оно не находитъ въ основѣ жизни никакихъ благонамѣренныхъ плановъ или задачъ, которые жизнь обязана была бы осуществлять. —Живое, —говоритъ оно: —живетъ не такъ какъ должно, а такъ, какъ можетъ, мало того, и эта возможность доступна только для ограниченнаго числа. Жизнь расточительна и производитъ неизмѣримо больше, чѣмъ можетъ сберечь. Это—тотъ пиръ, на который много приглашено и мало допущено, то скудное, скупо отмѣренное наслѣдство отца, котораго не хватаетъ дѣтямъ и изъ-за котораго между ними, споконъ вѣковъ, идетъ озлобленная война. Горе больнымъ и слабымъ, ибо ихъ родъ осужденъ погибнуть въ этой войнѣ!..

Короткая пауза. За стѣною опять глубокій вздохъ и слова: — „Боже помилуй и сохрани насъ грѣшныхъ!"

— Гоббесъ, милостивый государь, Гоббесъ и Мальтусъ оправданы! Мечты золотого вѣка, завѣтныя упованія кроткихъ сердецъ на всеобщій миръ—развѣнчаны и разбиты! Неумолимый,

вѣчный законъ природы: эксплуатація, жизнь одного на счетъ другого, взаимная травля и истребленіе!..

— Неблаговидно,—замѣтилъ я.

— Да, милостивый государь, по мѣркѣ нашего стараго, идеальнаго міровоззрѣнія очень неблаговидно. Только благоволите сообразить, что мѣрка эта, какъ все человѣческое, условна и погрѣшима. Что-жъ дѣлать? Надо идти впередъ; надо сознаться, что старые идеалы, теперь, когда наука ихъ обошла, оказываются немного узки. Возьмемъ хоть эту благонамѣренную задачу всеобщаго обезпеченія. Что̀ говоритъ о ней новое міровоззрѣніе? Милостивый государь! Оно говоритъ, что всеобщее обезпеченіе, въ смыслѣ удовлетворенія всѣхъ нуждъ, которыя порождаетъ жизнь, не только несоразмѣрно съ объемомъ средствъ ея, но и враждебно развитію ея высшихъ формъ. Оно говоритъ, что подобное обезпеченіе равнялось бы полной побѣдѣ консервативныхъ стремленій жизни надъ прогрессивными, ибо какой прогрессъ возможенъ тамъ, гдѣ нѣтъ выбора, гдѣ жизнь, съ тупымъ безразличіемъ, стремится увѣковѣчить въ себѣ хорошее и дурное, гдѣ всѣ недуги и неспособности взлелѣяны наравнѣ съ здоровьемъ и дарованіемъ?

— Эка дался имъ этотъ несчастный Дарвинъ!—воскликнулъ я.—Ришельё правъ! По тремъ строкамъ можно взвести на человѣка все что угодно: самую изумительную нелѣпость и самое черное преступленіе!

Но едва я успѣлъ сказать это, какъ раскаялся. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, показалось ему неудобнымъ; диванъ былъ покинутъ; одинъ за однимъ — они подошли и усѣлись: ораторъ въ ногахъ у меня, на моей постели, товарищъ его поодаль. Густое облако дыма окутало насъ.

— О, нищая русская мысль! — голосилъ первый: — я узнаю тебя, это ты! Это—твое зубоскальство надъ всѣмъ, что̀ не носитъ ливреи учителя, твоя нетерпимость къ свободному слову, твое подобострастное, рабское отношеніе къ вытверженному уроку!.. Не ужасайся и не взывай къ великимъ богамъ изъ-за того, что ребяческія понятія твои о справедливости отвергнуты новымъ міровоззрѣніемъ. Пойми широкій принципъ, незримо-лежащій въ основѣ его: принципъ единства всего существующаго среди феноменальной его пестроты и дробности. Пойми безсмертіе въ непрерывномъ процессѣ жизни, связывающемъ родоначальника съ его отдаленнымъ потомствомъ. Пойми, что это одно—живетъ, одно наслаждается и страдаетъ, родится и умираетъ; и когда ты поймешь это, ты не сдѣлаешь уже ребяческаго вопроса: „какое

право имѣетъ жизнь идти впередъ цѣною такихъ несмѣтныхъ жертвъ?" Ибо тогда тебѣ станетъ ясно, что въ участи безконечнаго множества ежеминутно-рождающихся и умирающихъ, преходящихъ моментовъ своихъ, она—одна хозяйка, одна знаетъ, чего ей нужно и чѣмъ она жертвуетъ, и для чего... Кто въ правѣ требовать у тебя отчета, зачѣмъ ты жертвуешь девятью часами дня для одного, десятаго? И что, еслибы который-нибудь изъ девяти пожертвованныхъ, въ своемъ ослѣпленіи возмнилъ о себѣ, что онъ обиженъ, потребовалъ бы тебя и твоего избранника на судъ?—„Чѣмъ я виноватъ?.. За что вы меня обдѣлили?.. За что я терпѣлъ, а онъ наслаждается?"—„Безумный!" отвѣтилъ бы ты: — „да развѣ ты не узнаешь себя въ этомъ десятомъ часу? Ты и онъ развѣ не тотъ же я?"

— Ну, это знаете, крѣпко!—сказалъ я, смѣясь.

— Но допусти,—продолжалъ онъ не слушая:—допусти, что между моментами твоего существованія нѣтъ этой единоличности, что каждый самъ по себѣ, и у каждаго свой особенный интересъ, свое особое право,—чтó отвѣчалъ бы ты? Чѣмъ оправдалъ бы того, въ пользу кого ты жертвуешь, передъ тѣми, кого приносишь въ жертву?.. Ничѣмъ; ибо передъ судомъ вѣчной правды нѣтъ привилегій и самое право не мѣряется, тутъ больше — тамъ меньше. Оно—одно, и нельзя отрицать его у послѣдняго червяка, не отрицая тѣмъ самымъ у всей вселенной. Истинно говорю тебѣ, счастье всего человѣчества въ сто тысячъ лѣтъ не искупило бы и одной слезы, пролитой голодающимъ труженикомъ, еслибы все человѣчество, со всѣми его минувшими и грядущими поколѣніями, не выстрадало въ его лицѣ, само, всей мѣры его страданій... Да что говорить о труженикѣ? Собака, замученная на пользу науки, позвала бы эту науку на судъ и выиграла бы свой искъ противъ всѣхъ Лейбницовъ и Ньютоновъ, со всѣми милліонами, ими облагодѣтельствованными, какіе когда либо жили и будутъ жить!..

Онъ говорилъ еще, но я не припомню уже, чтó именно. Отъ сильнаго утомленія въ головѣ у меня стало мѣшаться. Дарвинъ, Шопенгауеръ, Гоббесъ и Мальтусъ, задача всемірнаго обезпеченія и жертва науки въ пользу страдающаго меньшого брата, и тутъ же замученная на пользу этой науки собака съ ея шейлоковскими претензіями, все спуталось. Въ облакахъ дыма мой номеръ исчезъ и мнѣ мерещился сіяющій тысячами огней, громадный амфитеатръ, а въ серединѣ амфитеатра—ораторъ, съ громадной, всклокоченной головой, съ большими, круглыми сіяющими, какъ маяки, глазами. „Горе больнымъ и слабымъ!" зву-

читъ его мощный басъ. „О Господи!—скоро ли эта мука кончится?“ —стонетъ ему въ отвѣтъ, за стѣною, жалобный женскій голосъ... Дремота... все гаснетъ и исчезаетъ... я снова въ телѣгѣ; опять сырая, темная ночь, топотъ копытъ и храпъ, и звонъ почтоваго колокольчика... Нѣсколько разъ я просыпался и видѣлъ передъ собою, съ просонковъ, все ту же хохлатую голову, слышалъ все тотъ же басъ. Мало-по-малу, однако, усталость взяла свое и я уснулъ мертвымъ сномъ.

На другой день я узналъ странныя вещи. Во-первыхъ, философомъ по профессіи оказался совсѣмъ не крикунъ, а маленькій адъютантъ и спутникъ его. Это былъ нѣкто Петръ Ивановичъ Горностаевъ, профессоръ и членъ факультета, недавно еще занимавшій каѳедру психологіи въ К***. А тотъ, въ глаза которому онъ смотрѣлъ и котораго слушалъ съ такимъ почтеніемъ, былъ просто какой-то поручикъ въ отставкѣ, существовавшій уже давно безъ дѣла и безъ своей копѣйки въ карманѣ. Звали его Неплёскинъ; онъ былъ холостой человѣкъ, а Горностаевъ женатъ; но невзирая на то, пріятели жили вмѣстѣ, въ имѣніи Горностаева, которое, какъ я тутъ же узналъ, находилось въ нашемъ уѣздѣ. Я ихъ засталъ въ бѣдѣ, на обратномъ пути изъ Москвы, куда они ѣздили получать съ кого-то какія-то деньги; но денегъ не получили, а только свои, небольшія прожили. Выѣхали въ обратный путь съ нѣсколькими рублями, въ полной увѣренности, что недостающее выслано будетъ имъ на встрѣчу въ К*** и еще разъ ошиблись. Письмо, отправленное еще изъ Москвы въ деревню, къ женѣ Горностаева, не застало ея въ имѣніи и лежало нераспечатанное, а они жили тутъ, вторую недѣлю, въ долгъ и на пищѣ св. Антонія, такъ какъ хозяинъ гостинницы, догадываясь, въ чемъ дѣло, и опасаясь убытковъ, перересталъ отпускать имъ сперва обѣдъ, потомъ даже булки и сахаръ къ чаю.

— Думали этимъ донять,—признавался мнѣ половой:—такъ нѣтъ, хитры! Уйдетъ этотъ низенькій-то, словно какъ по дѣламъ, да и добудетъ тихонько хлѣбца, а давеча даже и колбасу въ карманѣ принесъ. Послѣ ужъ по объѣдкамъ замѣтили и пристыдили... Ну будьте вы, ваше в—діе, справедливы, судите сами: дѣлаютъ ли такъ порядочные-то господа?

— Случай,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, сударь, и случая-то за ними не было. Что говорить,—бываетъ, конечно, грѣхъ,—иной, примѣрно, въ картишки спуститъ, только у этихъ и картъ-то въ рукахъ не видывали.

— Что же они тутъ дѣлаютъ?

Онъ усмѣхнулся не безъ лукавства.—А вотъ изволили слышать, какъ вечоръ, на ночь? Орутъ на весь корридоръ... Т.-е. это высокій, значитъ, орётъ; а господинъ Горностаевъ, тотъ только его заводитъ... Непріятность такая въ домѣ, ваше в—діе, — только и слышишь отъ постояльцевъ неудовольствіе!..

— А вы зачѣмъ меня помѣстили рядомъ?—Онъ сталъ божиться, что мѣста другого не было.

— Ну, а тутъ, возлѣ, съ другой руки?

— Занято-съ.

— Кто?

Онъ мялся. Оказалось, что рядомъ со мной ночевала игуменья К—в. монастыря въ Г***, мать Серафима, больная старуха, пріѣхавшая за двѣсти верстъ, тайкомъ, совѣтоваться съ какой-то кликушей, слава которой гремѣла на три губерніи... Главное я узналъ, однако, не отъ него.

Дѣла и оффиціальныя посѣщенія заняли у меня все утро. Въ третьемъ часу, возвращаясь по корридору, вижу, въ пяти шагахъ отъ моего номера, дверь полуоткрыта и изъ нея выглядываетъ маленькая фигурка, въ жилетѣ, безъ сюртука. Замѣтивъ меня, фигурка въ ту же минуту исчезла, но я узналъ ее. Это былъ Горностаевъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ сидѣлъ у меня: бѣдно-одѣтый и пожилой уже человѣкъ, съ замѣтною просѣдью въ темныхъ, по оконечностямъ мягко-вьющихся волосахъ; простыя черты и добрый, открытый взглядъ, съ выраженіемъ затаенной грусти во всемъ лицѣ. Всматриваясь въ его сухощавую, маленькую фигурку, я почему-то вспомнилъ ту бѣдную, замученную на пользу науки собаку, о которой вчера говорилъ его товарищъ.

Онъ отзывался объ этомъ послѣднемъ съ какимъ-то стыдливымъ и сдержаннымъ фанатизмомъ, какъ о бездонномъ источникѣ мудрости, неизвѣстномъ свѣту и который ему одному дано было счастье открыть.

— Мертвая буква-съ,—пояснялъ онъ, говоря о наукѣ, которую онъ преподавалъ:—и я копался въ ней какъ червякъ, засыпанный мусоромъ разрушающихся системъ, опутанный формулами, изъ-за которыхъ не проникалъ до меня ни одинъ живительный лучъ. Онъ разорвалъ тенета и выкопалъ меня изъ моей могилы. Черезъ него я первый разъ понялъ, что дальше поверхности, на которой плаваетъ патентованная наука, есть глубина, куда очень немногимъ мыслителямъ удавалось минутами заглянуть. Но они осторожно молчатъ о томъ, что они тамъ видѣли, или доволь-

ствуются намеками, зная, что говорить о такихъ вещахъ съ толпою—напрасно, что ихъ не поймутъ и сочтутъ помѣшанными, если не закидаютъ каменьями. А между тѣмъ, безъ этого, недосказаннаго, все остальное—прахъ...

— Вчера онъ былъ великъ, не правда ли?—спросилъ онъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ съ просвѣтленнымъ лицомъ.

Я отвѣчалъ, что, дѣйствительно, воззрѣнія господина Неплескина очень своеобразны; но видя, что я имѣю дѣло съ фанатикомъ и, вмѣстѣ, желая потолковать совсѣмъ о другомъ, спѣшилъ замять разговоръ.

— Что жъ дѣлаетъ вашъ товарищъ?—спросилъ я, послѣ того какъ онъ умолкъ.—Его что-то неслышно сегодня.

— Спитъ,—отвѣчалъ Горностаевъ.

Это меня удивило, но оказалось, что господа эти профилософствовали всю ночь и только къ семи часамъ уснули.—„Не даромъ сова слыветъ эмблемою мудрости“,—подумалъ я.

Послѣ двухъ-трехъ попытокъ, мнѣ удалось завести рѣчь о причинѣ ихъ долгаго пребыванія въ Х*** и онъ, краснѣя, признался мнѣ въ томъ, что́ уже было разсказано. Счетъ ихъ, однако, благодаря осторожности содержателя, оказался весьма невеликъ, прогоны до мѣста тоже немногимъ его превышали. Прикинувъ еще кое-что на непредвидѣнные расходы, все вмѣстѣ могло составить не больше 50-ти рублей, которые я предложилъ имъ безъ церемоніи, съ тѣмъ, что это доставитъ мнѣ удовольствіе, при первой возможности, увидѣть ихъ у себя, въ Мирковѣ. Дѣло уладилось безъ труда, и черезъ три часа они выѣхали.

II.

Въ началѣ мая они привозили мнѣ долгъ, но не застали дома. Не раньше, какъ мѣсяцъ спустя, мнѣ удалось отдать имъ визитъ. Проколесивъ верстъ тридцать и нѣсколько разъ при этомъ сбиваясь съ пути, я поспѣлъ въ усадьбу Петра Ивановича Горностаева уже въ сумерки. Ветхій, одноэтажный домъ съ покачнувшимся на бокъ крыльцомъ и заросшій высокой травою дворъ, въ глубинѣ котораго находилось нѣсколько разрушающихся строеній, все заставляло меня бояться, чтобъ мой пріѣздъ, въ такую позднюю пору, не причинилъ хозяевамъ слишкомъ большихъ хлопотъ; но громкіе возгласы торжества и неподдѣльная радость на лицахъ пріятелей, выбѣжавшихъ меня встрѣчать, разсѣяли мои опасенья.

— Ура!—раздалось на ступеняхъ, когда тарантасъ мой подъѣхалъ къ крыльцу.

Неплёскинъ былъ въ старомъ военномъ кителѣ на распашку и въ кумачовой желтой рубахѣ поверхъ широчайшихъ нанковыхъ шароваровъ, что́ придавало ему какой-то армейскій видъ, но въ тѣхъ же очкахъ, съ такой же всклокоченной головой, и съ тѣмъ же кривымъ, черешневымъ чубукомъ въ рукахъ; пріятель его въ порыжѣлой и выношенной до нитки триковой парѣ:—оба безъ галстуховъ и въ туфляхъ. Покуда я вылѣзалъ и здоровался, извиняясь за поздній часъ, въ отворенное окно поспѣшно выглянула головка еще не старой женщины и окинувъ меня любопытнымъ взоромъ, столь же поспѣшно скрылась. Громкій говоръ на ступеняхъ крыльца и суетливый топотъ босой прислуги въ сѣняхъ, храпъ лошадей у подъѣзда и горничная со свѣчкой въ дверяхъ, все было, какъ это обыкновенно бываетъ у насъ на Руси, въ подобныхъ случаяхъ. Домъ освѣтился; въ гостиной, гдѣ было уже на скорую руку прибрано и горѣла лампа, на встрѣчу мнѣ вышла съ привѣтливою усмѣшкой, видимо нѣсколько принаряженная хозяйка.

— Лариса Дмитріевна, нашъ х—скій избавитель,—представилъ меня Горностаевъ.

Она разсыпалась въ благодарностяхъ.

— Мнѣ такъ совѣстно,—говорила она:—что вы сами обезпокоились... Я не смѣла надѣяться... Посѣщенія между сосѣдями нынче такая рѣдкость; и близкихъ-то въ кои вѣки дождешься, а вы, какъ я слышала, далеко не изъ близкихъ... Не знаю, какъ и цѣнить такое вниманіе!..—Она вздохнула.—Опять, теперь, наше Ольхино... Еслибъ вы видѣли его въ прежнія времена, вы не узнали бы. Но вы сами изъ здѣшнихъ и мнѣ вамъ нечего объяснять, какъ теперь трудно людямъ, которые не имѣютъ, кромѣ земли, какихъ-нибудь независимыхъ средствъ... Она опять вздохнула и мы усѣлись.—Не насъ однихъ разорило новое положеніе...

— В-в-временно,—скромно замѣтилъ Петръ Иванычъ. Жена оглянула его и словно не удостоивая вниманія, остановила какой-то странный, какъ бы вызывающій взоръ на его пріятелѣ; но Неплёскинъ молчалъ. Въ Ольхинѣ очевидно существовало правительство съ строго-консервативнымъ характеромъ и либеральная оппозиція; но послѣдняя, сколько можно было судить, не пользовалась свободой слова. Я съ любопытствомъ посматривалъ на правительство. Это была невысокаго роста, но стройно сложенная и до сихъ поръ еще недурная собою, живая, проворная барыня лѣтъ тридцати-пяти. Сильный загаръ и нѣсколько грубоватый на

скороговоркѣ тонъ голоса, и увѣренный взглядъ, все обличало дѣятельную хозяйку.

— Временно?—протянула она съ язвительною усмѣшкой.— Да, вотъ ужъ тринадцать лѣтъ, какъ тянется это временное, а конца ему еще не видать. Проѣдаемъ свои пятипроцентные, а имѣніе не даетъ ничего, усадьба разваливается, дѣтей воспитывать не на что; съ наемнымъ работникомъ бьемся какъ рыба объ ледъ и въ итогѣ однѣ только непріятности... Ни на кого положиться нельзя, и ни за какія деньги ты не найдешь человѣка, который дѣлалъ бы свое дѣло по совѣсти. Проси, умоляй, ругайся, жалуйся, хорошо обращайся, дурно — все одинаково: какъ только недоглядѣлъ, такъ ужъ и знай, что либо не сдѣлано ничего, либо сдѣлана тебѣ гадость какая-нибудь. А управы нѣтъ, или тоже что нѣтъ, потому что не ѣхать же изъ-за всякаго безпорядка за 30 верстъ, добиваться, чтобы тебѣ присудили штрафу какихъ-нибудь два рубля.

— Мелкія тренія, — попробовалъ-было опять вмѣшаться мужъ.—Надо понять, разъ навсегда, что безъ этого ни въ какомъ практическомъ дѣлѣ не обойдешься, и не раздражаться... изъ пустяковъ. Надо имѣть въ виду существенное.

— Ахъ, сдѣлай милость, мой другъ,—съ досадою перебила жена:—не умничай ты свысока въ вещахъ, въ которыхъ ты ничего не смыслишь.

Но Петръ Иванычъ не унимался.—Хозяйство не можетъ идти какъ стѣнные часы.

— Да, надо, однако, чтобы оно шло; а если оно совсѣмъ нейдетъ?.. Если имѣніе, приносившее прежде, въ плохіе года, болѣе тысячи, теперь въ урожай, даетъ какихъ-нибудь пять-шесть сотъ?.. Легко говорить о существенномъ, когда забота о немъ лежитъ не на нашихъ плечахъ.

Молчаніе. Петръ Иванычъ сидѣлъ смущенный, супруга его имѣла разгнѣванный видъ.

— Вотъ, я сошлюсь на человѣка, который, какъ я слыхала, самъ у себя хозяйничаетъ. Правду ли я говорю?

— Правду, Лариса Дмитріевна,—отвѣчалъ я,—но кто жъ виноватъ, если мы, при крѣпостныхъ порядкахъ смотрѣвшіе на себя какъ на отцовъ народа, не позаботились лучше его воспитать? Каковъ ни на есть нашъ мужикъ, онъ несомнѣнно вышелъ изъ нашей школы.

Петръ Ивановичъ украдкою посмотрѣлъ на пріятеля, и они обмѣнялись взглядами затаеннаго торжества; но мадамъ Горно-

стаева очевидно не соглашалась признать за собой ни малѣйшей доли участія въ общей винѣ.

— Не знаю какъ кто,—отвѣчала она съ обиженнымъ видомъ: —а мы, въ Ольхинѣ, никого не учили бездѣльничать. У моего отца, который родился и умеръ въ своемъ имѣніи, хозяйство велось въ строжайшемъ порядкѣ, народъ былъ сытъ, его подати аккуратно уплачены, исправный работникъ, нуждающійся въ пособіи, не зналъ себѣ никогда отказа... – И она начала горячо описывать, какъ справедливъ и заботливъ къ нуждамъ крестьянъ былъ прежній владѣлецъ Ольхина, какъ не терпѣлъ онъ лѣнтяевъ и пьяницъ, какъ даже не мало народу изъ молодежи обучено было, по его старанію, разнаго рода ремесламъ и мастерствамъ, благодаря которымъ иные и до сихъ поръ имѣютъ себѣ обезпеченный заработокъ, кто въ Петербургѣ, кто въ нашемъ уѣздномъ городѣ, и т. д.

Напрасно пытался я ей объяснять, что характеръ народа не создается счастливыми исключеніями, что это продуктъ вѣковъ и множества поколѣній, въ морѣ которыхъ исторія какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, тутъ въ Ольхинѣ, составляетъ каплю; барыня была такъ озлоблена тѣмъ, что́ она называла черной несправедливостью, и такъ мало способна къ какой-нибудь широтѣ воззрѣній, что я скоро бросилъ неблагодарный трудъ оправдывать передъ ней реформу.

— Вы жили еще недавно въ К***?—сказалъ я, стараясь перемѣнить предметъ.

— Да,—отвѣчала она со вздохомъ:—и эта жизнь, въ сравненіи съ той, которую мы теперь ведемъ, была рай. Петръ Ивановичъ имѣлъ тамъ каѳедру и хорошее жалованье... Театръ, благородное общество, университетъ, гимназія,—удобства большого города и достатокъ... Но намъ надоѣло все это и мы предпочли забиться въ нашу несчастную вотчину, въ глушь, чтобъ зиму и лѣто няньчиться тутъ съ мужичьемъ, которое смотритъ на насъ, своихъ бывшихъ господъ, и на наше добро, какъ на жертву, отданную ему на расхищеніе... Это была печальная перемѣна и какъ ни обязаны мы за нее совѣтамъ доброжелателей —(гнѣвный взглядъ на Неплёскина, который молчалъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ на лицѣ)—но справедливость требуетъ согласиться, что мы и сами тутъ были не безъ грѣха.

Она посмотрѣла на мужа. Петръ Иванычъ сидѣлъ съ виноватымъ видомъ, потупя взоръ.

— Мы, вотъ изволите видѣть, послѣ семи лѣтъ преподаванія, заслужившаго намъ любовь студенческой молодежи и общее

уваженіе въ К***, вдругъ убѣдились, что мы неспособны къ дѣлу, дававшему намъ независимый кусокъ хлѣба, и сами—замѣтьте, сами—уволили себя отъ профессорской каѳедры, съ ничтожной пенсіей, которой едва хватаетъ намъ здѣсь на сахаръ и чай. Но за существенное (она насмѣшливо подчеркнула слово), которое мы рекомендуемъ имѣть въ виду, не смущаясь мелкими треніями, мы сами тутъ не взялись.... Куда намъ! Насъ всякая непріятность разстраиваетъ до такой степени, что мы готовы все бросить на произволъ судьбы и отказаться отъ самыхъ безспорныхъ правъ, чтобъ только намъ дали покой. И мы простодушны, не знаемъ людей,—насъ всякій безграмотный краснобай-прикащикъ увѣритъ, въ чемъ хочетъ.

Диверсія оказалась такъ неудачна, что я ужъ терялъ надежду найти въ этомъ домѣ какой-нибудь безобидный предметъ разговора. Къ счастію поданъ былъ самоваръ, и мы перешли въ столовую, гдѣ хозяйственныя заботы нѣсколько развлекали Ларису Дмитріевну. Было ужъ поздно и къ чаю скоро присоединились сыръ, ветчина, котлеты, вино; меня угощали по-русски всѣмъ, что возможно было подать на столъ. Хозяева, были однако такъ заняты обязанностями гостепріимства или такъ сыты, что сами едва отвѣдали кой-чего и компанію мнѣ серьезно держалъ только одинъ Неплёскинъ, да и тотъ долго сидѣлъ поодаль, съ какимъ-то тоскливо сдержаннымъ видомъ поглядывая на ветчину. Какъ оказалось потомъ, бѣдняга ждалъ приглашенія; но отъ хозяйки этого мудрено было ожидать, ибо она держала себя, словно не замѣчаетъ его присутствія.

— Иванъ Герасимовичъ, ветчинки?—сказалъ наконецъ Горностаевъ робко и не глядя на жену.

— Не откажусь, – отвѣчалъ философъ, стыдливо потупя взоръ.

Это было въ первый разъ, что я услыхалъ его голосъ въ присутствіи очевидно враждебной ему Горностаевой; но Петръ Ивановичъ, не дожидая отвѣта, уже отрѣзалъ ему кусокъ. За ветчиною, тѣмъ же порядкомъ, послѣдовали котлеты.—Иванъ Герасимовичъ, винца?—и такъ далѣе. Неплёскинъ ни отъ чего не отказывался.

Немедленно послѣ ужина, меня проводили въ комнату, для меня приготовленную.

— Петръ Ивановичъ!—позвала Горностаева, и провожавшій меня хозяинъ поспѣшно выбѣжалъ въ корридоръ. Сквозь полуоткрытыя двери слышенъ былъ ея раздраженный шопотъ. По тону отвѣтовъ не трудно было понять, что мужъ умолялъ ее го-

ворить потише. — Лариса!.. Ларинька!—слышалъ я...—Бѣдняга вернулся ко мнѣ весь красный.

— Не нужно ли вамъ чего?—допрашивалъ онъ, и получивъ въ отвѣтъ, что рѣшительно ничего, присѣлъ на постели, въ ногахъ.

— Не осудите насъ слишкомъ поспѣшно за то, что вы слышали,—произнесъ онъ съ сконфуженнымъ видомъ.—Жена—добрѣйшая женщина и, въ дѣйствительности, далеко не крѣпостница; но ежедневныя столкновенія, безъ которыхъ пока нельзя еще обойтись, раздражаютъ ее до того, что она иногда отзывается о реформѣ очень несправедливо.

Спѣша успокоить его, я отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Меня, конечно, никто уже не сочтетъ врагомъ реформы, а между тѣмъ я часто и самъ бываю въ такомъ состояніи духа, что новый порядокъ кажется мнѣ фатальнымъ недоумѣніемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, молъ, что крестьяне смотрятъ на насъ какъ на волковъ, которымъ реформа обрѣзала когти и подпилила зубы; и это большая помѣха; но что будешь дѣлать? Въ основѣ новыхъ ихъ отношеній къ намъ должно быть довѣріе, а довѣріе не дается даромъ;—его еще надобно заслужить.

Онъ мялся; ясно было, что у него есть что-то еще, къ чему онъ не знаетъ, какъ приступить. Догадываясь, что это должно касаться Неплескина, я спросилъ: отчего пріятель его такъ молчаливъ?

— Иванъ Герасимовичъ,—отвѣчалъ онъ, таинственно понижая голосъ и медленно, словно нехотя выговаривая слова:—Иванъ Герасимовичъ, къ несчастію, не въ ладахъ съ женой... Лариса приписываетъ его вліянію, что я бросилъ каѳедру въ К***, что́, между прочимъ, крайне несправедливо, такъ какъ онъ первый былъ противъ этого. Но это одна изъ тѣхъ безпричинныхъ идей, которыя зарождаются въ головѣ у женщинъ на зло разсудку. Лариса, странно сказать, недавно еще, какъ нельзя лучше къ нему расположенная и сама приглашавшая его въ Ольхино, здѣсь совершенно перемѣнилась. Теперь она положительно не выноситъ его присутствія, считаетъ каждый кусокъ, имъ съѣденный, перетолковываетъ каждое слово, имъ сказанное. Короче, это гоненіе, безсмысленное и безпощадное. Но онъ все терпитъ изъ дружбы ко мнѣ.

Петръ Иванычъ замолчалъ и задумался.

— Вы спросите, можетъ быть, зачѣмъ я вамъ это разсказываю въ такую пору, когда вы естественно предпочли бы спать;

но жена уже жаловалась вамъ на меня; пожалуется и на него; а я не хочу, чтобы вы о немъ дурно думали. Онъ, какъ дитя, безобиденъ и простъ, и самъ, по скромности своей, не способенъ обороняться.

И онъ не ошибся. Проснувшись рано поутру, въ такую пору, когда хозяинъ и другъ его покоились еще глубокимъ сномъ, я вышелъ въ садъ. Это былъ старый, раскинутый на пологомъ склонѣ и сильно запущенный садъ. Внизу сверкала и серебрилась рѣчка. День обѣщалъ стать жаркій; но въ воздухѣ было покуда еще свѣжо и росистое утро дышало благоуханіями. Бродя по аллеямъ, я неожиданно встрѣтилъ Ларису Дмитріевну. Она была въ блузѣ, съ мокрою простынею въ рукахъ, и объяснила мнѣ, что купается аккуратно каждый день поутру. Въ дневномъ свѣту или, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ слышаннаго вчера, черты лица ея показались мнѣ жестки и непріятны. — „Ксантиппа!“ —мелькнуло въ моемъ умѣ и, страннымъ образомъ, это было первое слово, которое я услыхалъ о ней отъ Неплескина. Но Ксантиппа со мною была любезна. Зная, что я усердный хозяинъ, она разспрашивала меня усердно и съ знаніемъ дѣла: какъ я распоряжаюсь въ своемъ имѣніи и, въ заключеніе, предложила взглянуть на свое хозяйство.—Наши спятъ долго,—сказала она:—мы успѣемъ еще вернуться къ чаю.

Выйдя изъ сада, мы заглянули въ озимое и яровое поля, послѣ чего она показывала мнѣ свой птичникъ и скотный дворъ. Все было въ порядкѣ, и въ результатѣ ея объясненій я убѣдился, что̀ это умная, энергическая хозяйка, что̀ я и высказалъ ей въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Барыня покраснѣла отъ удовольствія, но минуту спустя лицо ея отуманилось.

— Къ несчастію, я совсѣмъ одна, — сказала она. — Отъ мужа ни помощи, ни совѣта; онъ тутъ живетъ какъ въ чужомъ имѣніи. Хотя бы отъ скуки когда-нибудь заглянулъ на работы или прошелся въ лѣсу. Сидитъ тутъ, какъ въ городѣ, цѣлое утро дома, съ своей цацой Иваномъ Герасимовичемъ,—или въ хорошій день, послѣ обѣда, лягутъ гдѣ-нибудь въ рощѣ, на берегу и пролежатъ до вечера, разсуждая о разныхъ высокихъ матеріяхъ, отъ которыхъ никому на свѣтѣ еще не бывало ни холодно, ни тепло. Думаешь, вотъ наконецъ наговорились досыта; такъ нѣтъ, послѣ чаю еще просидятъ на балконѣ до пѣтуховъ. Но я ужъ махнула рукой на философію... Еслибы еще только одна философія! А то, вотъ изволите видѣть, пріятелю нашему мало, что онъ насъ выжилъ изъ К***, чтобъ легче прибрать къ рукамъ тутъ, въ Ольхинѣ,—мало, что онъ поселился тутъ безъ

гроша собственнаго, и ничего не дѣлая, пальцемъ не шевеля ни для кого, ѣстъ за трехъ; онъ проповѣдуетъ еще тутъ такія идеи, которыя, еслибы у Петра Ивановича хватило характера приводить ихъ въ дѣйствіе, сдѣлали бы изъ насъ скоро нищихъ. Съ подобнаго рода понятіями можно еще сидѣть сложа руки и существуя на чей-нибудь счетъ; но хлопотать и заботиться, и платить рабочимъ изъ собственнаго кармана — спасибо! Лучше уже отдать меньшой братьѣ, какъ называютъ ее теперь, и землю, и скотъ, все сразу; пусть сами хозяйничаютъ, какъ знаютъ; а мы будемъ жить ихъ подаяніемъ... Нѣтъ! это низко и возмутительно! Это идеи бездѣльниковъ или завистливыхъ эгоистовъ,— людей, которые весь свой вѣкъ живутъ у кого-нибудь на хлѣбахъ, какъ нашъ пріятель, который, не заслуживъ ничего и не трудясь, не заботясь рѣшительно ни о чемъ, садится, однако, за столъ на первое мѣсто и тянетъ себѣ самый лучшій кусокъ!..

Я пробовалъ-было взять сторону обвиненнаго, но она не хотѣла и слушать.— О! Вы его еще худо знаете,—восклицала она съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.—Это безстыдный, безсовѣстный человѣкъ, который подъ видомъ дружбы платитъ вамъ черной неблагодарностью! Въ несчастный день мы приняли къ себѣ эту язву въ домъ!

Мы были уже на балконѣ, за самоваромъ. Приходъ ея мужа съ Неплёскинымъ, въ сопровожденіи двухъ ребятишекъ, ея дѣтей, заставилъ на время умолкнуть Ларису Дмитріевну. Потомъ начались опять ядовитыя выходки и язвительные намеки, прямо направленные въ Петра Ивановича, но попадавшіе рикошетомъ въ Неплёскина.

— Ксантиппа!—произнесъ съ горькой усмѣшкою этотъ послѣдній, когда послѣ чаю, мы съ нимъ пошли прогуляться въ саду.— Но и Ксантиппа, слѣдуетъ полагать, была не всегда сварлива... За наши грѣхи медъ женственности перерождается въ уксусъ и желчь!

— Сколько могу, понять однако,—замѣтилъ я: —грѣхъ тутъ не ограниченъ тѣснымъ кругомъ супружескаго разлада. Васъ съ Петромъ Ивановичемъ обвиняютъ не менѣе какъ въ измѣнѣ сословному интересу?

— Ну да, вотъ видите, сословіе обанкрутилось, потому что дурно хозяйничало; а виноваты въ томъ Петръ съ Иваномъ...

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, догоняя насъ, Петръ Ивановичъ.

— Да въ томъ же,—отвѣчалъ другъ его. И обращаясь ко мнѣ:—Это обыкновенный взглядъ; если у насъ что-нибудь неладно, то виноваты въ томъ всѣ, весь свѣтъ, кромѣ насъ.

— А вотъ мы сейчасъ разсмотримъ это... Пойдемте въ рощу.

Роща стояла у рѣчки, дававшей здѣсь поворотъ, и мы усѣлись на берегу, подъ тѣнью старыхъ березъ. Съ другой стороны разстилались луга и видна была на опушкѣ деревня.

Неплёскинъ тѣмъ временемъ продолжалъ разсуждать.—Древній вопросъ, говорилъ онъ съ угрюмымъ видомъ:—но до сихъ поръ никто еще не рѣшилъ его. Изъ-за чего мы ссоримся и грыземся и плюемъ другъ другу въ лицо, тогда какъ, собственно говоря, всѣ одинаково жалки и только одна безпредѣльная, всепрощающая любовь могла бы уравновѣсить всемірную скорбь?

— Ммъ, компенсація? — глубокомысленно произнесъ Горностаевъ.

— Нѣтъ, другъ любезный,—отвѣчалъ тотъ:—не компенсація, а прощеніе и забвеніе. Принципъ компенсаціи, это лавочный и мѣщанскій принципъ, по которому все хорошо, если только все съ лихвой оплачено. Но есть вещи на свѣтѣ, которыя нѣтъ возможности оплатить, и есть счеты, которые, если ихъ цѣликомъ представить къ уплатѣ, сдѣлали бы весь міръ банкротомъ... Я говорю, нужна всепрощающая любовь, чтобы загладить ихъ; но такая любовь далеко не синекура. Попробуй-ка, полюби настоящимъ образомъ не весь міръ, потому что тебя не хватитъ на это, а напримѣръ, хоть вонъ эту деревню, и вѣрно тебѣ говорю, наплачешься за нее какъ никогда не плакался за себя! Воскреснутъ, въ памяти у тебя, татарское иго и распри удѣльныхъ князей, воскреснутъ пожары и голодовка, солдатчина, кровопійство приказной челяди, барщина, плети и кнутъ!.. Прими-ка все это къ сердцу, да послѣ и поищи компенсаціи!.. Нѣтъ, Петръ Иванычъ, милый, еслибы эта деревня вспомнила все, что̀ она перестрадала за тысячу лѣтъ, какъ мы съ тобой помнимъ всѣ наши маленькія невзгоды отъ школьной скамьи,—не пѣла бы она больше пѣсенъ. Горло ея дѣтей пересохло бы и глаза ихъ выскочили бы изъ головы отъ ужаса!.. Забвеніе—вотъ компенсація!..

Онъ былъ не въ духѣ и, сколько мы дальше ни подбивали его, не хотѣлъ продолжать.

На памяти многихъ, теперь состарѣвшихся или погрязшихъ въ сухія заботы людей, еще живо время, когда просвѣщенная молодежь нашего общества, не смущаясь разладомъ своихъ идеаловъ съ суровою правдою жизни, вѣрила, что все можетъ сразу пересоздаться на родинѣ, и согрѣтая этою вѣрою, съ жадностью обсуждала схемы разнаго рода высокихъ, философическихъ и соціальныхъ задачъ. Это была пора горячихъ юношескихъ бесѣдъ и споровъ, которые скоро послѣ реформы смолкли и кажутся намъ

теперь, какъ игры счастливаго дѣтства, чѣмъ-то оставленнымъ далеко позади. Бесѣды Неплёскина напоминали мнѣ именно это время, и впечатлѣніе ихъ было такимъ пріятнымъ отдыхомъ отъ хозяйственныхъ дрязгъ, что однажды заѣхавъ въ Ольхино, я невольно прожилъ въ немъ нѣсколько дней.

Вторая ночь, проведённая тамъ, была тихая звѣздная, и мы, послѣ ужина, долго сидѣли втроемъ на ступенькахъ балкона. Бесѣда шла о народѣ и человѣчествѣ,—мы восходили вспять до Арійскаго періода, отъискивая въ немъ колыбель славянства, и забѣгали въ далекое будущее, усматривая тамъ старость, упадокъ и разрушеніе государствъ; послѣ чего наступило молчаніе и Неплёскинъ, которому, кажется, тѣсно стало ужъ на землѣ, сидѣлъ, уставивъ свой взоръ въ небесную синеву. Дымъ „Жуковскаго", изъ раскаленной до-красна трубки его, возносился какъ ѳиміамъ къ обителямъ вѣчныхъ свѣтилъ.

И Петръ Ивановичъ тоже смотрѣлъ восторженно, но не на звѣздное небо, а на Неплёскина.

— Гармонія сферъ?—подсказалъ онъ, по выраженію полового въ гостинницѣ, „заводя" своего пріятеля.

— Да,—отвѣчалъ Неплёскинъ:—терминъ недурно передаетъ субъективную сторону впечатлѣнія. Въ дѣйствительности, однако, это гораздо серьезнѣе музыки; это—рѣчь, исполненная такого глубокаго смысла, что никакое конечное пониманіе неспособно его вмѣстить.

При этомъ, можетъ быть, мы остались бы, такъ какъ онъ замолчалъ, но мнѣ любопытно было узнать, что онъ думаетъ о такихъ высокихъ вещахъ и желая подбить его, я заспорилъ.

— Вашъ терминъ,—сказалъ я:—нѣсколько ближе къ истинѣ, но пожалуй и это не болѣе, какъ цвѣты краснорѣчія.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—я говорю не въ фигурномъ смыслѣ.

— Но въ такомъ случаѣ гдѣ же вы видите—рѣчь? Я вижу не болѣе, какъ простой, умирающій въ отдаленіи свѣтъ бездушныхъ вещей.

Должно быть, это попало въ цѣль, потому что Неплёскинъ, въ Ольхинѣ до сихъ поръ ни разу еще не возвышавшій голоса до тѣхъ трубныхъ нотъ, которыя разбудили меня въ гостинницѣ, вдругъ заоралъ.

— Бездушныхъ!?—воскликнулъ онъ яростно, подскочивъ и оборачиваясь ко мнѣ.—Такъ послѣ этого, значитъ, и наша земля бездушная вещь?!. Неблагодарный сынъ! Кто далъ тебѣ дерзость такъ оскорблять твою мать и кормилицу? Кто научилъ тебя вы-

дѣлять твой разумъ изъ общей связи вещей на землѣ и смотрѣть на эту послѣднюю свысока? „Я, молъ, душа и мысль, а ты какой-то, безцѣльно-вращающійся въ пространствѣ волчокъ“... Заносчивость выскочки, протискавшагося въ дворянство и отрекающагося отъ низкой въ его глазахъ родни!..

— Позвольте! Позвольте, Иванъ Герасимовичъ! — перебилъ я, смѣясь. — Оно, быть можетъ, и очень краснорѣчиво, да дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я не оспариваю ни своего земного происхожденія, ни генерическихъ правъ земли на искру разума, тлѣющую во мнѣ. Я сомнѣваюсь только, чтобы вонъ эти далекіе огоньки могли сказать намъ что-нибудь интереснѣе того, что̀ мы знаемъ о нихъ изъ астрономіи.

— Ахъ, ради Бога! — воскликнулъ онъ, вставъ и съ трагическою жестикуляціей расхаживая по небольшой террасѣ передъ балкономъ. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашею астрономіей! Наука эта, со всѣми ея пособіями, сидитъ какъ безкрылая птица на берегу морскомъ. Нѣтъ, сударь, не астрономія, а тотъ внутренній смыслъ, которымъ картина эта полна, убѣждаетъ насъ въ безпредѣльномъ избыткѣ и разнообразіи жизни, въ ней разлитой, — жизни осмысленной, съ ея безконечною лѣстницею могущества, мудрости и любви и съ ея несчетными очагами въ безднахъ. Говоритъ ли наука хоть слово объ этой лѣстницѣ? Нѣтъ; — а между тѣмъ есть люди, которые видятъ ее своими умственными глазами почти столь же явственно, какъ Іаковъ видѣлъ ее во снѣ. Вы скажете: это мечтатели? Можетъ быть, но тогда признайте уже за одно мечтаніями и всѣ идеи наши о безконечности. Нѣтъ, сударь, они не мечтатели, а небольше какъ люди, не останавливающіеся ни передъ какими выводами, необходимо слѣдующими изъ принятаго однажды за истину положенія. Съ ихъ точки зрѣнія, безконечность небеснаго сонма свѣтилъ въ пространствѣ и времени не имѣла бы смысла безъ той, другой безконечности, среди которой ихъ собственное существованіе является имъ не болѣе какъ ступенью необозримой градаціи, нисходящей, съ одной стороны, до первыхъ проблесковъ органической жизни, съ другой — достигающей до такихъ вершинъ, передъ которыми, еслибы мы въ состояніи были постичь ихъ, всѣ намъ знакомые идеалы высшаго человѣческаго достоинства и величія оказались бы столь же мелки, какъ какая-нибудь древесная вошь передъ Ньютономъ!..

Дня черезъ два, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, онъ просилъ меня подвезти его въ одно мѣсто, недалеко отъ Ольхина,

гдѣ ему нужно видѣть знакомаго и откуда онъ возвратится пѣшкомъ.

Было еще довольно рано послѣ обѣда, когда мы выѣхали, и время прошло у насъ незамѣтно въ бесѣдѣ. Онъ мнѣ разсказывалъ о своемъ воспитаніи въ П**-омъ кадетскомъ корпусѣ и о первомъ знакомствѣ своемъ съ философіей. Онъ былъ совершенно одинъ въ П-вѣ, сданъ въ заведеніе какимъ-то дальнимъ родственникомъ и брошенъ. Учитель, нѣмецъ, замѣтивъ въ немъ интересъ къ наукѣ, сталъ брать его къ себѣ на домъ и очень скоро выучилъ своему языку. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, старый университетскій доцентъ, политическими гоненіями вытѣсненный изъ родины и уже очень давно переселившійся къ намъ, въ Россію. Шкапъ у него, какъ истинный кладезь мудрости, полонъ былъ разнаго рода высокоученыхъ и большею частью философическихъ книгъ, содержаніе которыхъ страннымъ образомъ интриговало воображеніе шестнадцатилѣтняго юноши, не взирая на то, что онъ долго не понималъ въ нихъ рѣшительно ничего. Заставъ его разъ за Кантомъ, нѣмецъ расхохотался. — „Брось это,— сказалъ онъ: — это не про тебя писано. Читай-ка лучше пѣхотный уставъ, который тебѣ пригодится на службѣ". Но мальчикъ не отставалъ. Сжалившись, наконецъ, надъ нимъ, а, быть можетъ, въ тайнѣ души и сочувствуя его любопытству, старикъ сталъ объяснять ему азбуку своего чернокнижія и къ немалому удивленію нашелъ усерднаго слушателя. При выпускѣ, онъ подарилъ ему нѣсколько старыхъ изданій, и книги эти, на службѣ, стали его неразлучными спутницами, носились въ карманѣ и ночевали подъ изголовьемъ, сопровождали его въ походахъ, въ Турціи, на Кавказѣ, въ Крыму. Немалая доля его небольшого жалованья тратилась на покупку другихъ, которыя онъ, съ безконечными хлопотами, выписывалъ изъ столицъ. Это былъ совершенно особый міръ, между которымъ и тѣмъ, что́ онъ слышалъ вокругъ себя, въ провинціальномъ кругу или въ своемъ обиходѣ съ товарищами, не существовало рѣшительно никакого прикосновенія. Изрѣдка, впрочемъ, знакомства и жаркіе споры съ людьми, занесенными въ глушь изъ болѣе свѣтлыхъ сферъ, или далекіе отголоски умственнаго движенія въ критическомъ и ученомъ отдѣлѣ толстыхъ журналовъ, или какая-нибудь полемика, случайно касающаяся судьбы иныхъ, въ свое время громкихъ ученій, отраднымъ образомъ освѣжали этотъ замкнутый кругъ. Въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ, счастіе улыбнулось ему на мигъ. Онъ получилъ, совсѣмъ неожиданно, какое-то крохотное наслѣдство, заставившее его самымъ нелѣпымъ образомъ возгордиться и бросить службу.

Хлопоты по реализаціи привели въ К***, гдѣ онъ и встрѣтилъ Петра Ивановича. Но нѣсколько тысячъ, по окончаніи дѣла оставшихся у него въ рукахъ, благодаря природной его безпечности, были скоро прожиты, и бѣдняга, съ своею крохотной пенсіей, очутился въ нуждѣ...

Онъ не успѣлъ докончить, какъ кто-то, на поворотѣ дороги, окликнулъ его по имени. Я оглянулся и увидѣлъ бѣгущую на перерѣзъ намъ стройную молодую дѣвку, въ нарядномъ крестьянскомъ платьѣ. Грудь ея поднималась высоко, дышущее здоровьемъ и молодостью, покрытое пышнымъ загаромъ лицо затѣнено было низко опущеннымъ на глаза, цвѣтнымъ платочкомъ, концы котораго, на бѣгу развязавшіеся, развѣвались по вѣтру.

Недалеко отъ дороги видѣнъ былъ новый, обшитый тесомъ и заново крашеный, двухъ-этажный домъ сельской архитектуры, съ рѣзными, досчатыми украшеніями и съ пѣтухомъ на флюгаркѣ... Мой кучеръ остановилъ лошадей.—Здѣсь надо быть?—сказалъ онъ.

— Здѣсь! Здѣсь, родимый!—весело отвѣчалъ ему запыхавшійся, но невзирая на то пѣвучій голосъ.

— Иванъ Герасимовичъ! Голубчикъ! Издали увидала!

Она бѣжала со стороны, и мы нѣсколько обогнали ее, прежде чѣмъ мой тарантасъ остановился.

— Ну, до свиданія; много вамъ благодаренъ, — сказалъ Неплёскинъ, быстро спрыгнувъ на землю.

— Ступай,—шепнулъ я кучеру, и мы уѣхали; но оглянувшись изъ любопытства, я видѣлъ, какъ дѣвка, взмахнувъ руками, съ разбѣга прыгнула ему на шею.

Философу было лѣтъ подъ сорокъ, и меня, признаюсь, удивила такая удаль съ его стороны.

— „Ого!“ —подумалъ я:—„да ты видно на разныя руки мастеръ!“

III.

Два мѣсяца послѣ этого я не видѣлъ его и не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій... Въ началѣ августа, въ городѣ, мнѣ попался на встрѣчу Петръ Иванычъ. Онъ былъ одинъ и имѣлъ какой-то уныло-растерянный видъ. На вопросъ о женѣ, я услыхалъ, что она тутъ, недалеко, въ лавкѣ у Вахрамѣева.

— Пойдемте къ ней, я думаю, что она ужъ успѣла кончить... Лариса рада будетъ васъ увидать.

Дорогою я поглядывалъ на него съ участіемъ.

„Что-нибудь да не ладно“, думалось мнѣ.

— Ну, а Иванъ Герасимовичъ?—спросилъ я.

Онъ тяжело вздохнулъ.—Иванъ Герасимовичъ покинулъ меня.

— Какъ такъ покинулъ?—воскликнулъ я.—Гдѣ жъ онъ теперь?

— Да недалеко отъ Ольхина и я вижусь съ нимъ иногда. Только вы понимаете,—и лицо его какъ-то болѣзненно съежилось:—это... это уже совсѣмъ не то... Лариса добилась-таки своего, выжила... Онъ теперь у Мироновыхъ.

— Въ Вытяговской усадьбѣ?

— А вы почемъ знаете?.. Ахъ, да, я помню, вы его подвозили... Дѣло, вотъ видите, въ томъ...

Но онъ не успѣлъ разсказать мнѣ, въ чемъ дѣло. Мы были уже въ пяти шагахъ отъ Вахрамѣева, у дверей котораго стоялъ его экипажъ, и изъ лавки, навстрѣчу намъ, вышла Лариса Дмитріевна. Прикащикъ укладывалъ въ тарантасъ покупки. Она была весела и болтала съ непринужденнымъ видомъ о пустякахъ; но о Неплюскинѣ ни полъ-слова.

Немного попозже вечеромъ, я навѣстилъ ихъ у Розы Михайловны или, какъ называли ее у насъ запросто, Розы, нѣмки, державшей при нашемъ уѣздномъ клубѣ нѣчто въ родѣ гостинницы.

Петра Ивановича не было, когда я вошелъ къ нимъ въ номеръ, но Горностаева ожидала его ежеминутно. Она приняла меня самымъ любезнымъ образомъ и за самоваромъ разспрашивала подробно объ урожаѣ, посѣвахъ, жаловалась на ранніе холода,—разсказывала, что ожидаетъ изъ Риги, отъ Вагнера, вишни и яблоки для своего сада, гдѣ за послѣдніе годы все вымерзло.

— Не забывайте насъ, добрый Василій Егоровичъ!—упрашивала она, пожимая мнѣ дружески обѣ руки. Мужъ очень васъ полюбилъ и теперь, когда онъ одинъ... съ непривычки, вы понимаете.. Петръ Ивановичъ очень хандритъ.

— Да развѣ они не видятся?—спросилъ я, догадываясь, что она не пускаетъ мужа къ пріятелю—Вытягово отъ васъ такъ близко.

Черная тѣнь пробѣжала у ней по лицу.

— Видятся,—отвѣчала она:—какъ не видѣться? Только вы понимаете, Мироновы эти вѣдь мужики, хотя и богатые. Отецъ-кулакъ, нажившійся въ бытность свою волостнымъ, всякаго рода неправдами, а Дуняшка эта его, изъ-за прекрасныхъ очей которой Иванъ Герасимовичъ насъ бросилъ, просто распутная дѣвка. Сами судите: прилична ли этого рода компанія для людей, которые уважаютъ себя?

Я смотрѣлъ на нее; но она опустила глаза и опять что-то черное промелькнуло у ней на лицѣ.

— И теперь,—продолжала она:—если правда, какъ говорятъ, что онъ на ней женится...

— Какъ—женится!?

— А почему жъ бы и нѣтъ?—развѣ такихъ людей, какъ Иванъ Герасимовичъ, удержатъ какія-нибудь деликатныя соображенія?.. Ему нужно жить не трудясь, на чей-нибудь счетъ, а на чей—не все ли равно? Ну а для мужика, понимаете, выдать дочь за поручика, хоть и нищаго, все-таки лестно... Такъ вотъ, возвращаясь къ вопросу о посѣщеніяхъ, — если правда, что онъ на ней женится, то не трудно понять, какого рода сосѣдствомъ Богъ грозитъ наказать насъ за наши грѣхи. Вы только представьте себѣ какую-нибудь этакую Дуняшку, разряженную,—какъ этого рода твари въ дворянствѣ обыкновенно рядятся, — представьте ее у себя на диванѣ, въ гостиной... фу, отъ одной мысли убѣжишь изъ дому!

Все это вмѣстѣ расшевелило мое любопытство до такой степени, что позже, когда Петръ Ивановичъ, давно уже воротившійся, вышелъ меня провожать, у насъ состоялся маленькій заговоръ: навѣстить Неплёскина. Для этого, нѣсколько дней спустя, онъ пріѣхалъ въ городъ одинъ, и изъ города уже мы съ нимъ отправились вмѣстѣ, въ Ольхино, съ тѣмъ, чтобы по дорогѣ заѣхать къ Ивану Герасимовичу.

Вытягово, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, было богатой помѣщичьею усадьбою; но владѣлецъ его, глубоко-оскорбленный реформою, съ досады продалъ родное гнѣздо мужикамъ и, отряхая отъ ногъ своихъ прахъ отечества, выселился въ чужіе края. Предвидѣлъ онъ или нѣтъ послѣдствія—трудно сказать; но они были печальныя. Крестьянское общество, ставшее собственникомъ имѣнія, распорядилось съ нимъ варварски. Старыя рощи, краса его, были вырублены, каменный барскій домъ временъ Екатерины I проданъ на сломъ и руины его еще долго служили источникомъ добыванія кирпича, желѣза, и прочаго. Мало-по-малу, на мѣстѣ цвѣтущей усадьбы, остался пустырь, съ холмами мусора, подъ которыми уцѣлѣлъ только глубоко-заложенный въ грунтѣ старый фундаментъ зданія. Полевое хозяйство, однакоже, на которое только и былъ разсчетъ, не оправдало возложенныхъ на него ожиданій. Пріобрѣтатели, лѣтъ черезъ восемь, были уже по горло въ долгу и лучшая часть ихъ земли перешла во владѣніе близкихъ сосѣдей. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и бывшій ихъ волостной старшина Мироновъ, который, три года тому на-

задъ, купилъ у общества за безцѣнокъ болѣе ста отборнѣйшихъ десятинъ покосу и пахоты. Онъ же и выстроилъ, недалеко отъ стараго пепелища, тотъ новый съ иголочки домъ крестьянской архитектуры, съ рѣзными досчатыми украшеніями и съ пѣтухомъ на флюгаркѣ, у воротъ котораго встрѣтилъ насъ низкимъ поклономъ самъ хозяинъ.

Это былъ богатырскихъ размѣровъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, съ замѣтной просѣдью въ русой, окладистой бородѣ и съ спокойной важностію во взорѣ. Онъ былъ безъ шапки, въ засаленомъ старомъ жилетѣ на ситцевой, выпущенной поверхъ портокъ рубахѣ, съ серебряною цѣпочкой на брюхѣ; но не взирая на этотъ мѣщанскій костюмъ, фигура его бросалась въ глаза своею патріархальностью.

— Добро пожаловать, дорогіе гости!—сказалъ онъ ласково.— Добро пожаловать, батюшка Петръ Ивановичъ, и ваша милость— имени-отчества—не имѣю чести...

Спутникъ мой назвалъ меня и мое село.

— Ивана Герасимовича провѣдать заѣхали?.. Въ добрый часъ! Только они никакъ еще отдыхаютъ послѣ обѣда... Эй! Дуня!

Окошко въ нижнемъ этажѣ стукнуло и изъ него проворно выглянула знакомая уже мнѣ хозяйская дочь.

— Буди-тъ-ка его благородіе, скажи:—дорогіе гости пожаловали. Да самоваръ... живо!

Дѣвка, зардѣвшись, кивнула ласково головой Петру Ивановичу и скрылась.

Большая, чистая горница верхняго этажа убранствомъ своимъ напоминала средней руки заѣзжій домъ въ уѣздномъ городѣ. Горшки геранія, резеды и бальзамина на узенькихъ подоконникахъ, варварскіе обои и столь же варварски - раскрашенные портреты въ рамкахъ, стеклянный шкапъ съ посудой, передъ обитымъ продранною клеенкой диваномъ, столъ съ цвѣтной скатерткой, въ углу—стѣнные часы.

Едва успѣли мы оглядѣться тутъ и сказать нѣсколько словъ съ хозяиномъ, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты распахнулась съ шумомъ и передъ нами явился Неплёскинъ.

— Отцы благодѣтели!—гаркнулъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ.—Какими судьбами вмѣстѣ?—и не дождавшись отвѣта, кинулся насъ обнимать.

Онъ былъ въ халатѣ, съ сіяющимъ радостію лицомъ и ни тѣни того стѣсненія, которое въ Ольхинѣ дѣлало его непохожимъ на самого себя.

— Ну, благородные представители отставныхъ привилегій,— сказалъ онъ, выпрямившись и положивъ свои длани намъ на плеча:—знаете ли, куда вы пріѣхали?

— Въ Вытягово, — отвѣчалъ простодушно Петръ Иванычъ.

— Нѣтъ, другъ любезный, я не объ имени говорю, а о томъ наступающемъ, земскомъ переворотѣ, котораго этотъ хуторъ является предвозвѣстникомъ. Вытягово—это зародышъ новой формаціи на развалинахъ отживающаго порядка вещей. Это земля, отвоеванная трудомъ у привилегіи. Гдѣ бывшій владѣлецъ имѣнія? За границей, куда влекло его сердце, подкупленное наружнымъ блескомъ чужой земли. А кто на мѣстѣ его? Сей набожный патріархъ, посѣдѣвшій въ школѣ терпѣнія и труда, сей вѣрный сынъ своей родины, годами тяжелаго опыта заслужившій то, чѣмъ онъ пользуется. А пользуется онъ, какъ и тотъ, великой властію надъ людьми; только та старая власть была желѣзная цѣпь, а эта—тонкія сѣти, въ которыя сей ловецъ уловляетъ рыбку свою. ...Неправда ли, государь мой, Терентій Степановичъ?

— Шутите, ваше благородіе!—съ самодовольной усмѣшкой отвѣчалъ Мироновъ.—Надъ кѣмъ она—моя власть? Надъ батракомъ-то? Такъ стоитъ ли же о немъ говорить? Али надъ односельцемъ, что по соглашенію отрабатываетъ должокъ? Да я у него въ рукахъ не меньше, чѣмъ онъ у меня... А надо мною властей-то!.. И! Боже мой! Извольте-ка посчитать...

Онъ возражалъ Неплёскину; но отвѣтъ его видимо обращенъ былъ къ намъ.

— Вы были здѣсь старшиной?—спросилъ я, вглядываясь внимательно въ эту физіономію, на которой, изъ-подъ ея бросающейся въ глаза степенности, просвѣчивало порой что-то неуловимо юркое.

— Былъ-съ,—отвѣчалъ патріархъ:—только бытью тому уже скоро четвертый годокъ.

— При васъ, значитъ, куплена эта усадьба, что послѣ исчезла съ лица земли?

— При мнѣ.

— И вы были тоже пріобрѣтателемъ?

— Нѣтъ, сударь,—ни я и никто изъ нашихъ, благодареніе Богу, не былъ. А что довелось мнѣ, за восемь лѣтъ, быть очевидцемъ этихъ мытарствъ, такъ это правда.

Мы всѣ просили его разсказать, какъ было дѣло, и патріархъ, погладивъ бороду, разсказалъ намъ слѣдующее.

— Лѣтъ съ десять тому назадъ,—говорилъ онъ:—померъ тутъ, въ Старомъ Вытяговѣ, богатый баринъ, изволили, можетъ, слы-

хать?—генералъ Степанъ Матвѣичъ Артамоновъ,—и было у него, въ здѣшнихъ мѣстахъ, тысченокъ этакъ до двухъ десятокъ. Имѣніе опосля распродано въ разныя руки; а только допрежде всего наслѣдникъ спустилъ усадьбу. Очень ужъ былъ разобиженъ новымъ-то положеніемъ и опостыло ему родительское гнѣздо.—„А ну его, молъ, пропадай оно пропадомъ!..“ Гордый былъ господинъ, служилъ въ Петербургѣ, въ гвардіи, и держалъ себя высоко. Видѣть не могъ послѣ воли онъ мужика, и считая всякое дѣло съ нимъ униженіемъ, далъ на продажу довѣренность сродственнику, сосѣду; а самъ махнулъ рукою, да и уѣхалъ отселева навсегда. Свитицынъ, Егоръ Андреевичъ, сродственникъ-то, нашъ нынѣшній мировой судья,—тотъ за него и ворочалъ... Такъ вотъ, сударь мой, Егоръ Андреевичъ продали эту усадьбу точно что мужикамъ. Но при усадьбѣ имъ отошло не больше трехъ сотъ десятинъ, да и за тѣ не знали еще, какъ заплатить. А были тѣ мужики не здѣшніе, изъ сосѣдней ....ской губерніи, выселилось сюда ихъ четыре семьи,—съ дѣтьми и съ бабами навсего тридцать душъ. И засылали они сюда, еще допрежде того, ходока—за свѣдѣніями,—его Карнѣевымъ звали,—который потомъ и купчую имъ совершалъ:—богатый, многосемейный мужикъ и человѣкъ обходительный. Нашимъ онъ тутъ по душѣ пришелся. Ну и считалъ я его тогда за путнаго человѣка; да надо такъ полагать, что либо не былъ онъ въ настоящихъ-то передрягахъ, либо разсчеты какіе имѣлъ, закрытые,—шутъ его знаетъ. Наплелъ землякамъ про покупку-то и не вѣсть чего:—всѣмъ хороша, молъ, и люди-то тутъ—простота, и земля—золотое дно, и житье—не житье, а масляница!.. Польстились, голубчики, по восемнадцати рубликовъ дали за десятину, пять тысячъ, стало быть; но изъ нихъ только тысячу чистоганомъ, а остальное въ разсрочку, въ три года должны были все уплатить. Надѣялись на ленъ; все больше его сначала и сѣяли,—садъ подъ него даже вырубили и распахали; старинную барскую рощу липовую, въ саду, за 25 рублишекъ на лыко продали... И грѣхъ пожаловаться, первые два-три года ленъ у нихъ уродился важный. Больше двухъ берковцевъ десятина давала; а берковецъ шелъ тогда въ 70 рубляхъ. По третьему году было опять-таки хорошо, а все уже какъ-то не то; да и хлѣба о ту пору тоже не уродились. Думали-было очистить покупку, анъ вышла у нихъ недоимочка: съ малаго началось, и ничуть не тревожило это ихъ сначала. Надѣялись,—такъ-то надѣялись, что четвертымъ годомъ купили даже у этого самаго ихъ Карнѣева его часть: деньжонки у насъ занимали тогда, чтобъ съ

нимъ разсчитаться. Ждали, значитъ, что будетъ у нихъ по прежнему урожай на славу; одначе не тутъ-то было.

На этомъ мѣстѣ разсказчикъ крякнулъ съ довольнымъ видомъ, и помолчалъ съ минуту.

— Не далъ имъ Богъ ни разу болѣе урожая, послѣ трехъ первыхъ годовъ;—да и не диво, потому—олухи. Чѣмъ бы покупку-то подѣлить, чтобы каждый, значитъ, владѣлъ своимъ безсмѣнно, да и хозяйничалъ у себя спокойно, такъ нѣтъ вишь—зависть! Зачѣмъ у сосѣда лучше!.. А лучше-то можетъ статься только по той причинѣ, что онъ удобренія не жалѣлъ. Такъ нѣтъ, молъ, давай-ка по старому, по обычаю... Ну и пошло у нихъ худо, пошли недоимки со всѣхъ сторонъ;—единственный у кого водились еще деньжонки, Карнѣевъ, себѣ на умѣ, значитъ, выбылъ изъ общества. А запасовъ-то нѣтъ... Тутъ грѣшнымъ дѣломъ, ребята-то наши и поприжали голубчиковъ; купецъ Лихотинъ, помнится, дралъ съ нихъ за сѣмена на посѣвъ по пяти за пудъ, тогда какъ красная имъ цѣна—наличными—была три рубля. Да росту платили копѣекъ семнадцать, а по нуждѣ такъ и двадцать съ рубля... Съ тѣхъ поръ и поѣхало у нихъ подъ гору; землю начали продавать,—да только это плохая поправка. Ну, разорились теперича, значитъ, въ конецъ: въ деревнѣ курицы не найдешь; на двухъ лошадяхъ—три хозяина пашутъ;—одинъ даже бросилъ свое хозяйство и ходитъ теперь въ работникахъ. Да погоди, и другіе туда же пойдутъ; годика этакъ черезъ три, совсѣмъ приберетъ къ рукамъ пріятелей!.. И по дѣломъ! Не лазай Ѳедотъ въ чужой огородъ!.. Мало у насъ своей голи-то, изъ чужой губерніи вишь удостоили, пожаловали къ намъ съ капиталами: боярскую вотчину намъ подавай, потому у насъ, молъ, у всякаго по двугривенному въ карманѣ!—„Напрасно, братцы,—я говорю:—господскую-то усадьбу снесли. Жили бы тамъ, на штучныхъ полахъ, подъ потолками узорными, да сосѣднихъ господъ по праздникамъ угощали бы, такъ, пожалуй, дѣло то ваше, говорю, совсѣмъ бы иначе пошло... Выручили бы бояре своихъ-то, вотъ что!..

Онъ крякнулъ, какъ человѣкъ, вплотную поѣвшій, и потирая руки съ самодовольнымъ видомъ, умолкъ.

— Неужели вамъ не жаль ихъ?—сказалъ я, дивясь безсердечному смыслу его насмѣшекъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ спокойно.—Кабы несчастіе, али обида была отъ кого, такъ на это имъ грѣхъ пожаловаться. Единственно, можно сказать, за дурость свою поплатились.

— Однако, изъ вашего же разсказа видно, что ихъ прижи-

мали. Два рубля на три за забранное въ долгъ сѣмя, вѣдь это разбойничьи барыши!

Онъ засмѣялся.—Ну да, Лихотинъ точно что малость пересолилъ; хоша опять-таки, это у нихъ, въ купечествѣ, за обиду не почитается; потому дѣло комерческое: сегодня ты въ барышахъ, а завтра въ убыткѣ; надо, значитъ, чтобъ барыши покрывали убытокъ.

— А двадцать процентовъ за деньги, вы что-ли брали?

Петръ Иванычъ, сидѣвшій возлѣ, толкнулъ меня потихоньку локтемъ.

— Семнадцать,—поправилъ Мироновъ.—Такъ что же дѣлать-то, батюшка? Сами чать знаете, какая у нашего брата бываетъ нужда. Бываетъ, что хоть зарѣжь, а деньги, въ назначенный часъ, чтобъ были заплачены. Не то что за годъ по двадцати, а и за семь-то денъ иной разъ охотно дашь по пяти, да въ ножки еще поклонишься!...Вотъ что-съ!

За чаемъ Дуня прислуживала. Это была кровь съ молокомъ, проворная, ловкая дѣвушка лѣтъ 20-ти, съ высокой грудью и быстрымъ взоромъ. Краснѣя и усмѣхаясь, она отшучивалась отъ приглашеній сѣсть и откушать съ нами чайку, который, по мнѣнію Горностаева, былъ бы слаще, если-бъ хозяйка сама разливала его.

Петръ Иванычъ смѣялся; но только-что мы остались втроемъ, какъ вся веселость его исчезла и мѣсто ея заступило очень серьезное выраженіе.

— Какъ дѣло?—спросилъ онъ пріятеля.

— Да никакъ,—отвѣчалъ Неплёскинъ, тоже серьезно, но какъ-то нехотя, и оба остановили глаза на мнѣ.

— Василій Егорычъ знаетъ,—сказалъ Горностаевъ, и помолчавъ:—ты извини меня, другъ любезный, я буду говорить прямо... Отдумалъ что-ли?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Неплёскинъ,—и если хочешь, вѣрнѣе будетъ сказать, не думалъ... Зачѣмъ? Думай хоть сорокъ лѣтъ, а дѣйствительной жизни себѣ не выдумаешь.

Сначала они немного стѣснялись моимъ присутствіемъ, но по немногу всякія околичности были брошены.

— Не понимаю, какъ можно было на это рѣшиться!—говорилъ Петръ Ивановичъ съ горькимъ упрекомъ.

— Да я и самъ, братъ, не понимаю.

— Иванъ Герасимовичъ! Ради Христа не шути! Серьезное это дѣло,—страшно серьезное! Попомни слово мое: напляшешься ты съ своею Дуней.

— Само собой напляшусь. На то и жена. Съ самою лучшей напляшешься. Ты, напримѣръ, съ Ларисой Дмитріевной...

Я думалъ, что Горностаевъ обидится этого рода сопоставленіемъ, но онъ пропустилъ его мимо ушей какъ нѣчто не относящееся до дѣла.

— Напляшешься и съ отцомъ,—продолжалъ онъ,—даромъ, что патріархомъ выглядитъ. П-п-п-патріархи-то братъ теперь—того, вонъ слышалъ? за семь дней пять процентовъ, да и за тѣ еще въ ноги ему поклонись. И ты не думай, что жизнь у него, какъ зятю, достанется тебѣ дешево. Попомни слово мое, онъ выжметъ изъ тебя сокомъ все, во что ему обойдется мужицкое его честолюбіе.

— Боишься, чтобы не закабалилъ меня на семь лѣтъ, и не заставилъ пасти овецъ?.. Нѣтъ братъ, онъ уважаетъ чины и разсчетъ у него на меня другой. Мы съ Дуней будемъ жить въ городѣ и я буду принятъ въ извѣстномъ кругу, куда ему нужно себѣ протереть дорогу... И буду ходатаемъ по его дѣламъ.

— Поздравляю! Знатныя у тебя будутъ дѣла! да хорошъ будешь ты и ходатай.

— Э! Чортъ его побери! Ему немногаго нужно.

— А если немного нужно, такъ что жъ это будетъ твое положеніе у него?.. Подумай только, на иждивеніи у богатаго мужика, и стало быть, у него въ зависимости, и безъ средствъ когда-нибудь выбиться изъ-подъ его опеки, въ случаѣ если она окажется, какъ навѣрно окажется, нестерпимой... Въ какой грязи и какъ безвылазно ты увязнешь.

Неплёскинъ слушалъ его нетерпѣливо, но очевидно не придавая значенія этимъ рѣчамъ.—Вздоръ!—сказалъ онъ.—Не уживусь, такъ уѣду отсюда съ Дуней и поступлю во фронтъ. Меня всегда и вездѣ охотно примутъ.

Петръ Иванычъ умолкъ въ совершенномъ отчаяніи... Дорогой изъ Вытягова онъ добивался, что̀ я объ этомъ думаю. Я отвѣчалъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, патріархъ ошибется въ разсчетѣ.

— А! чортъ съ нимъ! Я спрашиваю васъ объ Иванѣ Герасимовичѣ.

— Да что же васъ такъ безпокоитъ Иванъ Герасимовичъ?

— Помилуйте! Онъ погубитъ себя!

— Э! полноте! Иванъ Герасимовичъ слишкомъ большой философъ, чтобъ затрудняться не въ мѣру какими-нибудь житейскими непріятностями. Вы слышали: не уживется съ тестемъ, такъ броситъ его и поступитъ на службу.

— А Дуня?

— Ну, Дуня—еще закрытая карта. Только, я полагаю, ему не разъ доводилось ставить на этого рода карты.

— Какъ! Вы хотите сказать, что онъ уже былъ женатъ?

— Нѣтъ,—началъ я, но вдругъ, спохватясь, оборвалъ.—Во всякомъ случаѣ,—заключилъ я:—вамъ это лучше знать.

Петръ Иванычъ махнулъ рукой.—Женолюбивъ!—сказалъ онъ.

— Давно у нихъ это?—спросилъ я, раздумывая.

— Да сколько я знаю, ужъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣвка, еще весною, бѣгала къ нему, въ Ольхино.

— И онъ не на шутку любитъ ее?

— Влюбленъ какъ котъ.

Н. Ахшарумовъ.

ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ

Замѣтки и наблюденія.

(*Окончаніе*).

XIII *).

— Петровичъ!—взываю я почти каждое воскресенье между тремя и четырьмя часами по-полудни:—сажай судей!

Это значитъ, что старостъ я отпустилъ, просителей всѣхъ удовлетворилъ и теперь намѣреваюсь приступить къ отправленію правосудія. Петровичъ—отставной солдатъ семидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, но бодрый и свѣжій, съ зычнымъ голосомъ и представительной наружностью; онъ—сторожъ при волостномъ правленіи, получаетъ шесть рублей жалованья въ мѣсяцъ, въ будни—вставляетъ свѣчи въ подсвѣчники, „соблюдаетъ" сидящихъ въ арестантской и спитъ по ночамъ на денежномъ сундукѣ правленія; по воскресеньямъ же его главная обязанность заключается въ извлеченіи по мѣрѣ надобности изъ „Центральной Бѣлой Харчевни" то старшины, то старостъ, то судей и тяжущихся... Ахъ, эта „Бѣлая Харчевня"! Сколько она мнѣ крови испортила за эти три года!.. Расположена она какъ разъ напротивъ волости, саженяхъ въ двадцати отъ нея (есть законъ, что кабаки не могутъ быть ближе 40 саж. отъ волости, а бѣлыя харчевни, т.-е. тѣ же кабаки, но съ продажей горячаго чая—это ничего), флаги надъ ней такъ весело полощутся, а въ открытыя двери несется такой заманчивый гулъ, что рѣдкій посѣтитель волости утерпитъ

---

*) См. выше: августъ, 461 стр.

не заглянуть и въ „Харчевню", считая ее какимъ-то необходимымъ дополненіемъ къ волостному правленію. Просовывается, напримѣръ, ко мнѣ въ дверь канцеляріи чья-нибудь кудластая голова и спрашиваетъ:

— Яковъ Иваныча нѣтъ тута?

— Нѣту, — отвѣчаешь съ сердцемъ, потому что приходится въ это утро въ десятый разъ отвѣчать на подобный вопросъ. Посѣтитель, ничего больше не разспрашивая, твердыми стопами направляется въ „Центральную", и пробывъ тамъ болѣе или менѣе долгое время, возвращается уже съ румянцемъ на лицѣ, предшествуемый обезпокоеннымъ старшиной, который, торопясь, открываетъ денежный сундукъ, вынимаетъ требуемую гербовую марку или паспортъ и вновь спѣшитъ въ „Центральную", гдѣ такъ внезапно была прервана его дружеская съ кѣмъ-нибудь бесѣда... И такъ ежедневно, по десяти и болѣе разъ. По воскресеньямъ же „Харчевня" рѣшительно отравляетъ мое существованіе...

— Петровичъ! гдѣ Петровичъ?—взываю я во всю глотку до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ десятскихъ не сжалится надо мной и не объяснитъ, что „Петровичъ въ трактирѣ-съ".

— Бѣги скорѣй, тащи его сюда, да и судей захвати.

Я очень боюсь, чтобы Петровичъ не напился, потому что онъ незамѣнимъ въ роли судебнаго пристава для вызыванія тяжущихся и свидѣтелей и водворенія между ними порядка. Онъ такъ зычно покрикиваетъ, такъ энергично поворачиваетъ и выпроваживаетъ изъ комнаты какого-нибудь забредшаго „на огонекъ" пьянчужку, что публика его боится гораздо больше, чѣмъ самого старшины. Вообще, Петровичъ—рѣдкій и крайне симпатичный типъ стараго служаки, всѣмъ существомъ своимъ преданнаго начальству... Миръ праху его, этого вѣрнаго слуги, нашедшаго разъ пачку съ деньгами до пяти сотъ рублей, забытую старшиною на столѣ, и возвратившаго ее безъ всякаго промедленія: за этотъ подвигъ онъ получилъ отъ старшины рубль серебра... Исполнителенъ онъ былъ замѣчательно; бывало, скажешь ему:— пришли мнѣ завтра въ $4^1/_2$ часа утра лошадей на квартиру, — и ужъ вполнѣ увѣренъ, что лошади ни на пять минутъ не опоздаютъ, ни на четверть часа ранѣе назначеннаго срока не пріѣдутъ... Былъ однажды на судѣ такой случай: тягались два мужика о запроданной лошади; свидѣтелемъ у одного изъ тяжущихся былъ священникъ изъ сосѣдняго села, который очень тянулъ руку своего кліента и даже съ азартомъ наскакивалъ на судей, покрикивая такъ: „да чего вы думаете,—тутъ и думать нечего!

Пишите прямо: отказать“ и проч. Между тѣмъ я замѣтилъ, что дѣло попова кліента неправое, да и судьи, хотя поддакивали „батюшкѣ“, но тоже что-то мялись; необходимо было имъ дать поговорить между собой, — но никакъ не въ присутствіи полуначальника ихъ, т.-е. священника. Поэтому я, по обыкновенію, предложилъ всѣмъ присутствующимъ оставить комнату, „такъ какъ судьи будутъ совѣщаться“. Всѣ вышли, кромѣ священника, преважно разсѣвшагося на диванѣ, съ видимымъ намѣреніемъ производить „давленіе“ на судей.

— Батюшка,—говорю я ему:—предложеніе мое—на время удалиться изъ этой комнаты — относилось къ вамъ въ такой же степени, какъ и ко всѣмъ прочимъ.

— А вы что-жъ не уходите?—придирчиво спрашиваетъ онъ меня.

— Моя обязанность быть здѣсь въ качествѣ секретаря суда. Постороннимъ же здѣсь нѣтъ мѣста.

— Я уйду только въ томъ случаѣ, если и вы уйдете,—настойчиво твердитъ расходившійся пастырь.

— Петровичъ, — говорю я,—попроси батюшку оставить эту комнату.

Не смотря на свою набожность и полное уваженіе къ духовенству, Петровичъ мигомъ подскочилъ къ священнику и, взявъ его легонько за рукавъ рясы, вѣжливо, но настойчиво просилъ удалиться; тотъ, во избѣжаніе пущаго скандала, покорился... Я потомъ спрашивалъ Петровича, какъ это онъ рѣшился вывести священника?—Мнѣ покойный предводитель Сафоновъ говаривалъ, —отвѣчалъ онъ:—старикъ, ты знай только старшину, да писаря, —ихъ только и слушайся; а становые тамъ, урядники и прочая шушера — для тебя не начальники. Вотъ я теперь и знаю: что́ старшина, или писарь сказалъ, такъ тому и быть. Онъ, батюшка-то, у себя въ церкви хозяйствуй, а здѣсь онъ не хозяинъ.—Такъ вотъ каковъ былъ Петровичъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Десятскій бѣжитъ въ харчевню, но судей безпокоить не рѣшается, а приглашаетъ только „дяденьку Петровича“—такъ всѣ его называютъ—„явиться къ писарю“. Этотъ послѣдній на полусловѣ обрываетъ рѣчь и мгновенно является въ дверяхъ канцеляріи, вопрошая: что прикажете?

— Ты, другъ мой, который счетомъ шкаликъ пропустилъ? Только говори по совѣсти.

— Врать не буду, А. Н., — четвертый.

— Ну это ничего; только больше до конца суда — ни-ни!.. Зови же судей.

— Слушаю-съ.

Онъ дѣлаетъ на-лѣво кругомъ и бѣглымъ шагомъ отправляется въ харчевню... Жду пять, десять минутъ, — наконецъ, появляются и судьи.

— Ужъ вы простите великодушно, А. Н., признаться чайкомъ съ морозу побаловались. Морозецъ нынѣ важный, благодаря Создателю!

— Добраго здоровьица, А. Н., съ праздникомъ-съ! Все ли по добру себѣ, по здорову?

— Слава Богу, благодарю... Садитесь, пожалуйста, пора начинать, а то поздно засидимся: ныньче восемнадцать дѣлъ.

— Господи, Создатель Милосердый! Да откуда-жъ ихъ такая пропасть?.. Нѣтъ, вы ужъ насъ не держите, А. Н., выпустите поскорѣе, нельзя ли кой-какія до будущаго воскресенья отложить?..

— Къ будущему воскресенью опять наберется десятка два дѣлъ, — ужъ сейчасъ семь жалобъ новыхъ записано. Садитесь, начнемъ поскорѣе, чего народъ зря держать...

Крестясь и покряхтывая залѣзаютъ судьи на свои мѣста позади длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ. Ихъ четыре. Но позвольте мнѣ сначала разсказать, кто сейчасъ сидитъ со мной за этимъ судейскимъ столомъ, и какимъ путемъ они достигли высокаго званія народныхъ судей.

На самомъ дальнемъ концѣ стола, противъ того мѣста, гдѣ обыкновенно стоятъ тяжущіеся, сидитъ Петръ Колесовъ, мужикъ изъ средне-состоятельнаго дома, лѣтъ около сорока, живой и юркій, ведущій обыкновенно допросы и ежеминутно перебивающій какъ свидѣтелей, такъ и тяжущихся своими восклицаніями и замѣчаніями. Колесовъ всегда съ живѣйшимъ интересомъ слушаетъ дѣло, задаетъ вопросы очень остроумные, но подчасъ къ дѣлу и не относящіеся, а имѣющіе только цѣлью уяснить лично Колесову какое-нибудь непонятное ему побочное обстоятельство, о которомъ кто-либо упомянулъ на судѣ. Когда дѣло доходитъ до постановки рѣшенія, то онъ всегда первый предлагаетъ что-нибудь, но зачастую отказывается отъ своего мнѣнія подъ вліяніемъ разсужденій сосѣда, Дениса Черныхъ. Денисъ, безспорно, мужикъ умный, разсудительный; не смотря на свои 60 лѣтъ, онъ еще крѣпокъ и не покидаетъ сохи, хотя у него трое взрослыхъ сыновей. Говоритъ Денисъ мало, слушаетъ тяжущихся, опустивъ глаза въ землю и сохраняя безстрастное выраженіе лица; онъ, несомнѣнно, предсѣдатель нашего суда, хотя такой должности, въ

дѣйствительности, и нѣтъ; но его авторитетъ настолько великъ, что при постановкѣ рѣшенія очень рѣдкіе осмѣливаются перечить ему. Колесовъ уступаетъ ему охотно, хотя и позволяетъ себѣ иногда задать нѣсколько вопросовъ или хотя бы сдѣлать нѣсколько восклицаній, долженствующихъ выразить его удивленіе и сомнѣніе. Совершенно иначе относится къ Черныхъ другой его сосѣдъ, Василій Пузанкинъ или, какъ его по просту называютъ, лишь только онъ выйдетъ изъ-за судейскаго стола,—Васька Голопузъ. Этотъ Васька—типъ деревенскаго прохвоста, на все готоваго за рубль или за полштофъ водки; въ судьи онъ попалъ благодаря поддержкѣ подобныхъ ему, которымъ онъ „стравилъ" рубля полтора на водку, — и вотъ теперь онъ старается „вернуть свое". Онъ совершенно продаженъ; съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, отстаиваетъ онъ совершенно неправаго, если этотъ неправый посулилъ ему магарычъ; онъ со злостью уступаетъ только соединеннымъ усиліямъ Дениса и Петра, подкрѣпляемымъ и моимъ писарскимъ авторитетомъ,—и часто имѣетъ еще нахальство, уступивъ, приговаривать: „смотрите, дѣло ваше; человѣка, извѣстно, не долго обидѣть... А нужно такъ, чтобы, то-есть, по правдѣ"... Въ эти минуты великолѣпенъ Черныхъ, бросающій на озлобленнаго взяточника мрачно презрительные взгляды; подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, причитанія Васьки становятся все тише и тише и наконецъ переходятъ въ невнятный шопотъ про себя. На судъ Васька является всегда нѣсколько зарумяненнымъ отъ трехъ, четырехъ выпитыхъ „въ задатокъ" стаканчиковъ; выпить сверхъ этого онъ не рѣшается до суда — съ того времени, какъ я однажды потребовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ-за судейскаго стола, такъ какъ онъ былъ окончательно пьянъ; Васька было-запротестовалъ, не желая оставлять теплаго мѣстечка, но я объявилъ, что не буду продолжать дѣла и покину судейскую комнату на все то время, покуда тамъ будетъ засѣдать пьяный Васька. Это подѣйствовало: онъ вышелъ изъ-за стола и впослѣдствіи остерегался уже „перепускать" лишній стаканчикъ, изъ боязни вновь осрамиться; за то по окончаніи судовъ, Пузанкинъ переставалъ уже стѣсняться и напивался съ тяжущимися до положенія ризъ. Любопытнѣе всего, что его угощали даже тѣ изъ судившихся, которые, не смотря на его заступничество въ судѣ, проигрывали тяжбы; дѣлалось это изъ благодарности за подмогу: все-таки, молъ, старался человѣкъ, а и такъ сказать надо, — можетъ быть, и хуже безъ него было бы... Но большею частью Васька доилъ имѣющихъ еще только судиться въ будущемъ, застращивая однихъ и суля другимъ всякую благодать, а зачастую не стѣснялся

выпить и съ противной стороны стаканчикъ, другой, причемъ склонялъ ее на мировую съ уступкою, стращая всякими ужасами... Словомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ негодяй.

Четвертый судья, Өедька ямщикъ, былъ дѣйствительно ямщикомъ и попалъ въ судьи именно потому, что онъ былъ ямщикъ. Свою судейскую обязанность онъ отправлялъ какъ натуральную повинность; во время дѣлопроизводства обыкновенно дремалъ, во всемъ соглашался съ мнѣніемъ большинства, по нѣскольку разъ мѣняя свои рѣшенія, и думалъ только объ одномъ, какъ бы скорѣе отпустили его „ко двору". Это онъ-то всегда и просилъ меня передъ началомъ засѣданія, — нельзя ли нѣсколько дѣлъ отложить до другого раза? Такимъ образомъ Өедька сидѣлъ только для счета, никакого вліянія на ходъ дѣла не оказывая.

И вотъ за однимъ столомъ сидятъ такія разнохарактерныя, прямо другъ другу противуположныя личности, каковы Петруха Колесовъ и Өедька ямщикъ, Денисъ Черныхъ и Васька Голопузъ. Какъ же они попали сюда, кто и какъ уполномочилъ ихъ отправлять функціи народнаго правосудія?

Начало января мѣсяца; большая комната сборни при волостномъ правленіи биткомъ набита выборными на волостной сходъ, явившимися для составленія смѣты волостныхъ расходовъ на начинающійся годъ и для производства выборовъ двѣнадцати волостныхъ судей, полномочія которыхъ простираются также на одинъ годъ. Смѣту уже составили, жалованье всѣмъ назначили, причемъ выторговали съ волостныхъ ямщиковъ ведро, съ сторожа и съ десятскаго (которымъ положили—первому шесть и второму —четыре рубля въ мѣсяцъ)—по четверти, да отъ старшины,—коли его милость будетъ,—ожидается полуведерка. Такимъ образомъ въ переспективѣ имѣется два ведра водки, т.-е. по полтора шкалика на человѣка, потому что собравшихся всего около ста сорока душъ. Понятно, что всѣ горятъ нетерпѣніемъ приступить къ даровому угощенію и поэтому съ явнымъ неудовольствіемъ выслушиваютъ мое предложеніе избрать изъ своей среды двѣнадцать человѣкъ на должность волостныхъ судей. Слышатся даже нѣсколько восклицаній: „да чего тамъ выбирать, назначай когонибудь, все равно отходятъ!", но восклицанія эти все-таки подавляются крикомъ большинства: „нѣтъ, такъ нельзя,—дѣлать нечего, надо по закону! Ужъ мы сами назначимъ, какъ допрежь было"!..

— Ну, такъ выбирайте, господа; кого желаете?—повторяю я.

— Да вы разложите по душамъ, много ли на каждое общество приходится судей-то?

— Это не по закону будетъ, господа; надо, чтобы весь сходъ производилъ выборы, а не каждое общество отдѣльно.

— Да изъ кого же, лѣшій ихъ возьми, будемъ выбирать-то, коли примѣромъ сказать — Никольскіе никого изъ нашихъ не знаютъ, а мы Никольскихъ впервое въ глаза видимъ? Кабы всѣ изъ одного села были, ну тамъ другъ дружку все-таки знаемъ, а тутъ за пятнадцать-то верстъ поселки наши лежатъ, — намъ никогда и бывать-то у нихъ не приходилось!..

— Все это такъ, господа, но я не могу раскладку судейской повинности по душамъ дѣлать; мнѣ законъ этого не дозволяетъ.

— Дозвольте намъ выйти, пообдуетъ насъ маленько вѣтеркомъ-то, а то дюже ужъ запотѣли... Выходи, ребята, на улицу, тамъ столкуемся!..

Толпа выходитъ „на вѣтерокъ", но нѣсколько человѣкъ, въ числѣ коихъ знакомые уже намъ Иванъ Моисѣевичъ, Парфенъ, Петръ Колесовъ и другіе, забѣгаютъ предварительно въ канцелярію, гдѣ сидитъ мой помощникъ, и просятъ его сдѣлать раскладку—по многу ли судей на каждое общество приходится соотвѣтственно числу его ревизскихъ душъ. Оказывается, что изъ Кочетова должно быть выбрано четыре человѣка, изъ Никольскаго двое, изъ Осиновки—двое, изъ Надгорнаго и Троицкаго [1]) вмѣстѣ—одинъ и т. д. Справлявшіеся выходятъ къ ожидающей ихъ у крыльца толпѣ, которой и передаютъ результатъ раскладки; тогда общая толпа распадается на кучки односельчанъ, и начинаются оживленные толки. Я прислушиваюсь къ тому, что̀ происходитъ въ самой многочисленной группѣ, состоящей изъ представителей села Кочетова.

— Такъ какъ же мы надумаемся теперь дѣлать-то, господа? —ведетъ пренія Иванъ Моисѣичъ.—Давайте двоихъ изъ нашего прихода выберемъ, а двоихъ изъ энтого, чтобы поровну было.

— Ладно, валяй...

— У насъ, я думаю, Петруху Колесова можно, да Прохора Дубоваго... Ладно, что-ли, будетъ?

— Чего лучше!.. Отходятъ!.. Валяй таперь, ребята, своихъ!

— У насъ Гаврикова Илюху, да Ваську Пузанкина!—авторитетно заявляетъ Парфенъ.

— На кой лядъ Пузанкина-то?..—восклицаетъ одинъ скептикъ.

— Какъ на кой лядъ? Да чѣмъ же онъ хуже другихъ-то?..

— Да я, то-ись, къ слову.

---

[1]) Кстати, считаю долгомъ замѣтить, что всѣ названія мѣстъ и имена лицъ, которые приведены въ этихъ очеркахъ—вымышлены. Сохранить дѣйствительныя названія и имена оказалось, по нѣкоторымъ соображеніямъ, неудобнымъ.

— Къ слову?.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чѣмъ онъ плохъ?.. Не съумѣетъ нешто разсудить, думаешь?.. Да онъ лучше твоего разсудитъ, не-бось!..

— Да я ничего, я только то-ись про себя мекаю... А ну-те къ ляду, отвяжись ты совсѣмъ!—внезапно озлобляется скептикъ.

— Ваську, Ваську Пузанкина! — поддерживаютъ Парфена человѣкъ пять сторонниковъ Пузанкина, только-что распившихъ три полштофа на его, Пузанкина, счетъ...

Иванъ Моисѣичъ безмолвствуетъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, своихъ двухъ кандидатовъ (Колесовъ ему сватъ, а Дубовый — пріятель сосѣдъ) провелъ, а до другихъ ему дѣла нѣтъ... Но тутъ мое вниманіе отвлекается другой группой избирателей.

— Конаться, вотъ что! Иначе никакъ нельзя...

— И чудакъ же ты, братецъ мой!.. Вѣдь прошлымъ годомъ нашъ надгоренскій Тимоха отходилъ, теперь вашему троицкому чередъ...

— Ладно, толкуй Захаръ съ бабой!.. А позапрошлымъ годомъ опять-таки нашъ Андрюха ходилъ?.. А душъ-то у васъ сто сорокъ, а у насъ сто пятнадцать,—вотъ и нѣтъ никакого разсчета намъ съ вами наравнѣ чередоваться—душъ-то у васъ побольше...

— Ну, шутъ съ тобой, конайся, коли такъ!..

— Живетъ! Такъ на слѣдующій годъ опять вашъ, надгоренскій будетъ, а нонѣ кому достанется?.. Такъ что ли, старички?..

— Такъ, такъ!.. Кому-жъ конаться?..

— Ну, у насъ опричь тебя, Фролушка, некому быть,—ты здѣсь одинъ отъ трехъ душъ. Конайся ты! А у васъ кто будетъ?

— Да у насъ вотъ Игнатъ Мартынычъ.

— Эхъ, сватъ, лучше бы ужъ тебѣ; старъ я сталъ, пора бы и на покой.

— Вотъ-та! Намъ стариковъ-то и надо, которые насъ бы уму-разуму по-старински учили... Такъ-то. Походишь, не-бось, не умрешь!.. А умрешь, все почетнѣе поминать будутъ! судьей былъ, скажутъ... хо, хо!..

— Охъ, не хотѣлось бы мнѣ!..—продолжаетъ упираться старикъ, но легонько подталкиваемый сзади сватомъ, придвигается къ кандидату „противной партіи“, Фролушкѣ, и берется съ нимъ за кнутовище: чья рука придется, при послѣдовательномъ перемѣщеніи ихъ къ противуположному концу кнутовища, тотъ, значитъ, и судья... Судьба оказалась милостива на этотъ разъ къ Игнату Мартынычу и опредѣлила въ судьи Фролушку, развеселаго малаго лѣтъ тридцати-трехъ, четырехъ.

А вотъ и еще одна група, привлекшая мое вниманіе.

— Ѳедя, а Ѳедя, да что те стóитъ, не упрямься, — выручи ты насъ, сдѣлай милость!..

Оказывается, что очередь выставить судью пала на селеніе Хуторки отстоящее отъ Кочетова на 30 верстъ; это выселки изъ села Гладкаго, которое во время VIII ревизіи получило прирѣзку на излишнее количество душъ въ отдѣльномъ участкѣ, потому что по близости свободныхъ казенныхъ земель уже не было. Но Хуторки, хотя и составляютъ отдѣльное, самостоятельное селеніе и даже избираютъ своего старосту, все-таки остались причисленными къ Кочетовской волости, потому что владѣнная запись на землю у нихъ общая съ своей метрополіей— селомъ Гладкимъ; отсюда крайне отяготительная обязанность для хуторянъ—ѣздить въ Кочетово на суды, сходы и проч. Они нанимаютъ особаго ямщика, Ѳедьку, платя ему 90 р. въ годъ, чтобы онъ доставлялъ по воскресеньямъ старосту въ волость и отвозилъ бы его обратно; теперь же, когда до хуторянъ дошла очередь „выставить своего судью", они и пришли въ крайнее затрудненіе, потому что никто изъ четырехъ выборныхъ не хочетъ каждое воскресенье дѣлать прогулку въ 60 верстъ. Просили они Кочетовскихъ ослобонить ихъ, взять на себя лишнюю судейскую должность, да тѣ запросили ведро водки, а они давали только четверть... Ну, насмѣялись надъ ними только: „ладно, отходите, разжирѣли тамъ, сидя въ углу-то! А вы вотъ съ наше походите-ка!"..

— Да что, ребята, думаю я,—говоритъ одинъ изъ выборныхъ:—Ѳедькѣ все равно кажинное воскресенье забиваться сюда со старостой, такъ его и выберемъ въ судьи. Онъ посидитъ, посидитъ, да и отходитъ такъ-то, Господи благослови.—Нужно сказать, что Ѳедька попалъ въ выборные на волостной сходъ на томъ же основаніи, что ему ужъ все равно забиваться въ волость съ старостой, такъ и въ выборныхъ-молъ за одно отходитъ.

Всѣ отлично понимали, что Ѳедька ни на какую общественную должность, кромѣ старостинаго ямщика, не годится, потому что Богъ его умомъ обидѣлъ, не говоря ужъ про то, что онъ до страсти жаденъ на вино, — но стремленіе съэкономить одного человѣка при отбываніи общественной повинности натолкнуло хуторской міръ сдѣлать Ѳедьку однимъ изъ своихъ представителей. Ѳедька, послѣ легкаго протеста, и получивъ полштофъ мірского вина, согласился принять на себя обязанности выборнаго на волостной сходъ, такъ какъ всѣ обязанности его могли заключаться въ томъ, чтобы при перекличкѣ на сходѣ онъ сказалъ бы „здѣсь", а потомъ до самой минуты отъѣзда онъ

могъ уже безпрепятственно хранить глубокое молчаніе и дремать, прислонившись спиной къ жарко-натопленной печкѣ. Но перспектива судейскихъ обязанностей испугала Өедьку, и онъ энергично сталъ открещиваться отъ сдѣланнаго предложенія.

— Да что вы, почтенные, помилуйте, какой же я судья! Опять мнѣ за лошадью присматривать надо, а тамъ сиди за столомъ... Нѣтъ, ужъ вы ослобоните!

— Пустое ты болтаешь! Прикажешь десятскому за лошадью посмотрѣть—на то онъ и десятскій, а ты судья... А тамъ себѣ будешь смирнехонько въ теплѣ сидѣть, отсидишь, да и поѣдешь съ Господомъ...

— Никакъ это не возможно, старички!..

— Өедька, будь другъ! Уважь міръ!.. Мы-те и въ караульные цѣлый годъ выгонять не будемъ...

— Это вѣрно,—не будемъ!—поддерживаетъ міръ и староста.

— И два полштофа сейчасъ выставимъ тебѣ!..

Өедька колеблется.

— Да что толковать!—замѣчаетъ еще одинъ выборный:—насъ пятеро—цѣлую четверть мірскую выпьемъ, во—какъ!..

— Выпьемъ!.. Это что и говорить!.. Такъ какъ же, Өедька, а?..

У Өедьки слюнки текутъ...

Сборня начинаетъ вновь наполняться; выборные столковались и спѣшатъ теперь объявить результаты своихъ совѣщаній.

— Кого же, господа старички, желаете въ судьи?—спрашиваетъ старшина.

— Петруху Колесова!—объявляетъ Иванъ Моисѣевичъ.

— Всѣ желаете?—Опять спрашиваетъ старшина.

— Всѣ... Желаемъ!..—какъ одинъ человѣкъ отвѣчаютъ сто сорокъ выборныхъ.

— Прохора Дубоваго...

— Всѣ желаете?..

— Всѣ...—и т. д. покуда не будутъ провозглашены судьями всѣ двѣнадцать кандидатовъ, въ числѣ коихъ значится и Илюха Гавриковъ, и Васька Пузанкинъ, и Фролъ Бородинъ и Өедоръ Ягодкинъ, т.-е. по обиходному—Өедька ямщикъ...

— Господа,—заканчиваю я выборы:—у насъ издавна ведется, чтобы всѣ судьи разбивались на три очереди, по четыре человѣка въ каждой, причемъ каждая очередь обязана „отходить" по четыре мѣсяца; первая очередь съ января по апрѣль включительно, вторая—съ мая по августъ, третья—съ сентября по декабрь. Дозволите вы мнѣ со старшиной распредѣлить новыхъ

судей по очередямъ, или сами будете назначать, когда кому ходить?

— Чего тамъ!.. Стоитъ толковать изъ пустяковъ!.. Сами назначайте, вамъ виднѣе!..—слышатся со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Сходъ кончается. Всѣ спѣшатъ къ „распивочному и на выносъ"—пить магарычи и разныя отступныя; волость мгновенно пустѣетъ, остаемся только мы съ старшиной, потому что даже Петровичъ съ десятскимъ убѣжали, чтобы изъ своихъ четвертей хоть по стаканчику выпить.

— Ну, какъ-же, Яковъ Ивановичъ, надо вѣдь разсортировать судей? Я многихъ еще не знаю, такъ ты ужъ помоги мнѣ.

— Что-жъ, это можно: вотъ Ваську Пузанкина надо пріобщить къ Черныху; этотъ его окорачивать будетъ, а то Васька-дюже плутъ-мужикъ...

— Какой это Васька? я что-то не припомню...

— А вотъ что намедни приходилъ жаловаться на Воробьева Ивана, будто тотъ у него сѣно на гумнѣ потравилъ...

— А, а! это что еще просилъ пять рублей за потраву, а на полтинникѣ сошелся?..

— Ну, вотъ, этотъ самый... Выжига такой, бѣда! Онъ ворочать теперь пойдетъ, посмотри-ка... Безпремѣнно къ нему Черныха приспособить надо.

— Ладно, записалъ. А вотъ Прохоръ Дубовый, этотъ каковъ изъ себя будетъ?

— Это Иванъ Моисѣича сватъ! Что-жъ, мужикъ хорошій, тверезый мужикъ! Про него дурного ничего сказать нельзя. Его хоть во вторую очередь запиши, онъ тамъ будетъ головой...

Такимъ путемъ и произошла разсортировка судей; послѣдствіемъ этого обстоятельства и было, что въ знакомой уже намъ очередной группѣ находились такія разнохарактерныя личности, каковы Пузанкинъ, Черныхъ, Колесовъ и Ягодкинъ, взаимно дополнявшіе или нейтрализовавшіе другъ-друга.

Посмотримъ, однако, что и какъ дѣлается этими судьями на этихъ судахъ.

XIV.

Итакъ, мы усаживаемся за столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; судьи сидятъ у стѣны по длинѣ стола, я—съ боку, за узкимъ концомъ его. Петровичъ мнѣ порадѣлъ, поставилъ единственное имѣющееся у насъ кресло; онъ это дѣлаетъ каждое воскресенье, не смотря на мои протесты: „вы больше ихъ рабо-

таете—пишете, а они только языкомъ болтаютъ, вамъ и отдохнуть надо, а на креслѣ и мягче, и откинуться можно“ —говоритъ онъ; судьи сидятъ на разнокалиберныхъ стульяхъ. Засѣданіе наше носитъ вначалѣ оффиціально-торжественный характеръ: судьи въ застегнутыхъ на-глухо полушубкахъ туго перепоясаны праздничными домотканными кушаками; но по мѣрѣ того, какъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ мы засѣдаемъ, становится все душнѣе,—полушубки разстегиваются, полы становятся свободнѣе, на лицахъ сказывается утомленіе, рѣчь принимаетъ болѣе домашній характеръ. Но въ началѣ, какъ я сказалъ, всѣ держатся чопорно, глубоко вздыхаютъ, шепчутся другъ съ другомъ вполголоса, какъ бы боясь нарушить торжественность обстановки; Петровичъ стоитъ у дверей на вытяжку; на диванѣ сидятъ два оффиціальныхъ свидѣтеля, при которыхъ читаются постановленія суда, что и отмѣчается въ книгѣ такимъ образомъ: „рѣшеніе это объявлено такого-то числа при свидѣтеляхъ, крестьянахъ такихъ-то“. Такъ какъ комнатка наша мала, и къ тому же случается, что публика не ведетъ себя достаточно чинно, то кромѣ этихъ двухъ свидѣтелей присутствовать при допросахъ допускается лишь избраннымъ, изрѣдка приходящимъ „скуки ради“ послушать суды: учителю, священникамъ, мѣстнымъ торговцамъ, Ивану Моисѣичу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, составляющимъ сливки Кочетовскаго общества. Для прочей, „черной“ публики двери нашей залы засѣданій растворяются только въ моментъ объявленія рѣшенія суда.

— Василій Коняхинъ! — вызываю я по жалобной книгѣ истца по первому, стоящему на очереди, дѣлу.

— Василій Коняхинъ! —гремитъ Петровичъ въ полуотворенныя двери, ведущія въ сборню.—Коняхинъ!

— Гдѣ Коняхинъ?.. Аль въ трактиръ ушелъ?

— Здѣся, чего кричишь!..

— Чего-жъ ты не отзываешься, коли тебя зовутъ? — допекаетъ его нашъ судебный приставъ.

— Для-ча мнѣ отзываться... Ты зовешь, я и иду, а отзываться мнѣ не для-ча...

— Ну-ну, не разговаривай, а становись вонъ къ печкѣ...

Вошедшій мужикъ, сутуловатый и широкоплечій, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, нѣсколько разъ истово крестится на икону, дѣлаетъ глубокій поклонъ судьямъ и, тряхнувши волосами, становится на указанное мѣсто.

— Вы—Василій Ивановъ Коняхинъ,—спрашиваю я.

— Я самый.

— Въ чемъ ваша жалоба? разсказывайте суду.

— Въ чемъ?.. Извѣстно, въ чемъ: Гришка побилъ.

— Чей это Гришка?—вмѣшивается Колесовъ.

— Волковъ.

— А, а... Волковъ? Это Матвѣя Ивановича зять? Ну такъ, такъ... Побилъ, говоришь ты, и больно?

— Лучше не надо. Глазъ во-какъ раздуло, почернѣлъ совсѣмъ; теперь зажило.

— Такъ-съ. Гдѣ же у васъ дѣло-то было?

— Да около кабака. Я домой хотѣлъ ѣхать, а онъ догналъ и давай бить...

— Такъ ни за что и побилъ?

— Ни за что... Съ праздннку мы ѣхали, отъ Гудовскихъ. Праздникъ у нихъ былъ.

— Да что-жъ у тебя языкъ-то, прости Господи, словно жерновъ ворочается! Сказывай веселѣе, какъ у васъ дѣло было?

— Сказывать-то нечего: побилъ, да и только. Безъ глазу двѣ недѣли ходилъ...

— А. Н!—обращается ко мнѣ Колесовъ, потерявъ охоту допрашивать такого неразговорчиваго субъекта:—зовите виновника, послушаемъ, что́ онъ скажетъ, а отъ этого никакого толку не добьешся.

На выкликъ Петровича въ комнату быстро входитъ очевидно ожидавшій у дверей отвѣтчикъ Григорій Волковъ, юркій вертлявый мужиченка, на видъ гораздо слабѣе коренастаго Коняхина. Онъ начинаетъ говорить, не дожидаясь вопроса.

— Не вѣрьте, господа судейскіе, ему; навретъ со злобы, ей-Богу навретъ, какъ пить дастъ...

— Ты не мели!—осаживаетъ его Денисъ Ивановичъ,—а говори дѣломъ, что́ и какъ у васъ было?

— Извольте видѣть, господа судійскіе: были мы, значитъ, у праздника, въ Гудовкѣ, значитъ... Тамъ на Введеніе завсегда престолъ бываетъ.

— Знаемъ, какъ не знать; сами не однова были! — не утерпѣлъ, чтобы не вставить своего слова Колесовъ.

— Вотъ, вотъ, это и я говорю... Хорошо-съ; ѣдемъ мы оттелева съ нимъ, я на его лошади—потому, первымъ дѣломъ, лошади у меня нѣтъ—еще около Покрова увели, може, слыхали?..

— Съ озимей?—участливо замѣчаетъ Колесовъ.

— Съ озимей, съ озимей; какъ пить дали, увели... А добрый меренокъ былъ, хоть и въ годахъ, а грѣхъ покорить... Ладно;

такъ я и говорю: кумъ (а онъ мнѣ еще и кумомъ доводится)!—поѣдемъ къ празднику вмѣстѣ? Ну, что-жъ, говоритъ, поѣдемъ...

— Вы покороче говорите,—останавливаю я словоохотливаго разсказчика, опасаясь, что мы принуждены будемъ выслушать подробное повѣствованіе о всѣхъ ихъ похожденіяхъ на праздникѣ.—Сказывайте прямо, съ чего у васъ драка вышла? Тамъ, что ли подрались?..

— Упаси Богъ, зачѣмъ тамъ!.. Мы тамъ, то-ись, во-какъ, душа въ душу были, и вмѣстѣ по гостямъ ходили; а это ужъ какъ мы назадъ ѣхали, неудовольствіе-то промежъ насъ приключилось. Чтой-то, говорю, кумъ, прозябъ я будто маленько?—И то, говоритъ, холодно что-то къ ночи.—Заѣдемъ, говорю, въ Шенталиху, она намъ по дорогѣ будетъ, по стаканчику и выпьемъ. Заѣхали. Спросилъ я у цѣловальника, Ивана Митрича, косушку, да и говорю: у меня, вѣдь, кумъ, денегъ-то нѣту, ужъ видно ты заплатишь. Въ ту пору онъ промолчалъ; только, какъ выпили по стаканчику, онъ и сталъ ко мнѣ приставать, чтобы я ему на свои поднесъ косушку. Я ему божусь, что денегъ нѣту, а онъ видно опять захмѣлѣлъ—ругаться сталъ: „такой, да сякой, на моей лошади ѣдетъ, да еще мою водку пьетъ; иди же, говоритъ, пѣшкомъ, а я не повезу“. И пошелъ садиться на телегу. Я за нимъ: кумъ,—говорю,—да что ты, очумѣлъ, родимый, что-ли? тутъ еще пять верстъ до дому, а ужъ ночь на дворѣ: куда я пойду въ этакую темь?.. А кумъ мой распрелюбезный будто меня и не слышитъ, и ухомъ не ведетъ, знай понукаетъ лошадь; ну я тутъ и схватился за вожжу—попридержать его маленько... Какъ онъ мнѣ въ тую пору дастъ леща прямо въ ухо, ажъ звонъ у меня въ головѣ пошелъ!.. Ну, въ этотъ разъ и я ужъ не стерпѣлъ, прыгъ къ нему въ телегу и пошло у насъ тутъ неудовольствіе... Да мнѣ гдѣ-жъ было съ нимъ справиться, кабы онъ пьянъ не былъ—сами извольте, господа судьи, посмотрѣть на него и на меня...

— А глазъ ты ему точно подбилъ?—допрашиваетъ Колесовъ.

— Врать не хочу, случился такой грѣхъ: маленько не ладно потрафилъ. Да теперь у него, слава Богу, зажило.

— Вотъ что, почтенный,—прерываетъ свое молчаніе Черныхъ, обращаясь къ жалобщику:—брось это дѣло, ничего не получишь; самъ виноватъ: первый зачалъ, потомъ оба подрались—о чемъ же жаловаться?..

— Это то-есть какъ же?... Ни съ чѣмъ?

— Ахъ, кумъ, кумъ!..—подхватываетъ обидчикъ, ободренный заступничествомъ судьи.—Я-жъ тебѣ еще полуштофъ на мировую

поставить хотѣлъ, а ты поди-жъ, что выдумалъ!.. Въ судъ идти, судейныхъ утруждать такимъ пустякомъ!..

— Ну вотъ это первое дѣло!—восклицаетъ Колесовъ.—Пойдите-ка, выпейте на мировую, да чтобъ ни на комъ...

— Миритеся, говорю вамъ,—заключаетъ Черныхъ,—миритесь скорѣй, не то обѣихъ въ холодную на сутки.

— Дровецъ мнѣ подможете наколоть!—подхватываетъ Петровичъ.—А то нѣтъ моей моченьки: на двѣ печки-то каждый день, сколько ихъ наготовить надо?..

— Что-жъ, кончаете дѣло мировой? — вставляю и я свое словечко.

— Кумъ, брось, пра-слово брось, а?..

— Да ну-те къ лѣшему! Пойдемъ!.. Прощенья просимъ, господа судейскіе.

— Вотъ это превосходно, на что ужъ лучше!—одобряютъ и Колесовъ, и Пузанкинъ, и даже успѣвшій уже задремать „въ теплѣ“ Ѳедька Ягодкинъ. Одинъ Денисъ Иванычъ угрюмо молчитъ.

— Сторожу-то за хлопоты не забудьте приберечь стаканчикъ!—въ догонку уходящимъ кумовьямъ кричитъ Петровичъ, тоже довольный состоявшейся мировой, хотя надежда на помощь при колкѣ дровъ и остается тщетной.

— Ладно, оставимъ. Подходи!..—отвѣчаетъ уже изъ другой комнаты Гришка.

— И съ чего это вздумалось Коняхину жаловаться на кума?—полувопросительно замѣчаю я.—Мужики оба, кажется, хорошіе; ну, подрались, такъ это не въ диво.

— Обидно очень стало Василію-то ходить съ подбитымъ глазомъ: кабы не глазъ — ничего бы и не было, а то засмѣяли его вовсе онамеднись въ трахтирѣ... Вотъ онъ съ пьяну-то и пошелъ жалобу записывать, а потомъ ужъ поопасался отступиться, какъ бы за это что не было,—объяснилъ судья Пузанкинъ, знающій почти всю подноготную житья-бытья Кочетовскихъ обывателей.

Выступаетъ на сцену истецъ по второму дѣлу, старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ жалуется, что сынъ его пересталъ слушаться, бранится, бросается съ кулаками на мачиху—его, старика, вторую жену... Старикъ проситъ судъ „постращать“ сына, всыпавъ ему десятокъ горячихъ. Зовемъ парня; входитъ малый лѣтъ двадцати пяти, самъ уже отецъ двоихъ дѣтей; за его спиной становится его жена, а съ боку старика — мачиха. Бабы эти вторглись къ намъ, не смотря на протесты Петровича; я оставляю ихъ, однако, въ покоѣ, думая, что изъ имѣющей произойти семейной сцены скорѣй выяснится, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ.

— Батюшки мои, заступитесь, родные!..—причитаетъ мачиха.—Житья мнѣ не стало, со свѣта сгоняетъ...

— Кто тебя сгоняетъ? Сама всѣхъ изъ дому выгоняешь, поѣдомъ меня ѣшь,—замѣчаетъ молодая. Отецъ съ сыномъ молчатъ, не глядя другъ на друга.

— Ты что-жъ это, молодецъ, дѣлаешь, а? Нешто годится это отца родного, да мать забижать?—спрашиваетъ Колесовъ.

— Отца я не обижаю, а она какая же мнѣ мать!—нехотя замѣчаетъ бунтовщикъ.

Судьи молчатъ; съ двухъ словъ становится для всѣхъ понятной семейная драма тяжущихся: мачиха не уживается съ молодой и натравливаетъ на нее старика, а сынъ заступается за жену свою и отстаиваетъ ее передъ стариками. „Отцы" не ладятъ съ „дѣтьми".

— Проси, чего-жъ ты не просишь?—слышу я шопотъ старухи.

— Такъ какъ же, господа судейскіе, постращайте малаго-то?.. совсѣмъ отъ рукъ отбился.

— Старикъ! ты не дарма ли просишь на него? Не твоя-ли хозяйка тебя подбиваетъ свое дѣтище тѣснить?—строго спрашиваетъ Черныхъ.

— Да разрази меня Мать Пресвятая Богородица!.. Да провались я на этомъ мѣстѣ,—начала-было причитать старуха, но быстро умолкла при грозномъ жестѣ Петровича. Старикъ ничего на вопросъ не отвѣтилъ.

— Эй, молодецъ, слухай сюда,—говоритъ Черныхъ.—Можетъ, тутъ и не вся вина твоя, а все-жъ ты супротивъ отца родного не долженъ идти, не смѣешь ругаться, это великій грѣхъ!.. Проси прощенья: онъ, може, и проститъ, а то не прогнѣвайся, отстегаемъ.

„Молодецъ" угрюмо молчитъ, не поднимая глазъ съ полу.

— Дѣдушка! А то, на первый разъ, вы бы простили его!—дѣлаю я слабую, что́ и самъ замѣчаю, попытку смягчить старика.

— Какъ же мнѣ прощать, коли онъ не проситъ?—говоритъ онъ и этимъ порываетъ всякую надежду на мирный исходъ дѣла.

По предложенію Петровича (онъ понялъ кивокъ головой, сдѣланный Денисомъ Иванычемъ) вся группа тяжущихся выходитъ изъ комнаты.

Наступаетъ моментъ рѣшенія участи малаго, почему-то пріобрѣвшаго мою симпатію. Я выжидаю, что̀ скажетъ Денисъ Иванычъ; мнѣнія прочихъ не имѣютъ такого значенія. Первымъ, по обыкновенію, начинаетъ говорить Колесовъ.

— Что жъ, господа товарищи,—всыпать ему десяточекъ, или много?

— Чего много!—поддерживаетъ Пузанкинъ, не пользовавшійся ничѣмъ отъ обвиняемаго и поэтому сохраняющій суровый ригоризмъ: — чего много, въ самый разъ! Имъ гляди въ зубы-то: они живо осѣдлаютъ.

— Такъ, такъ,—это первымъ дѣломъ!—поддакиваетъ и Ѳедька, всегда согласный съ чужимъ авторитетно-высказаннымъ мнѣніемъ. Въ эту минуту Ѳедька даже забылъ, какъ въ прошлый праздникъ, напившись въ кабакѣ, пришелъ домой и такъ саданулъ въ бокъ своего отца, начавшаго дѣлать ему выговоры, что тотъ дня два кряхтѣлъ и грозилъ идти жаловаться въ судъ на судью...

Денисъ Ивановичъ все молчитъ; я начинаю надѣяться, что онъ не согласенъ съ мнѣніями прочихъ, и стараюсь расчистить ему путь, указывая на выяснившееся на судѣ обстоятельство— злющій характеръ мачихи, притѣсняющей, по всей вѣроятности, жену обвиняемаго, что̀ и послужило поводомъ къ открытой ссорѣ между „отцами и дѣтьми". Я намекаю, что не худо бы на первый разъ все дѣло оставить безъ послѣдствій, предупредивъ отвѣтчика, что если на него еще будутъ жалобы, то онъ въ слѣдующій разъ будетъ подвергнутъ тяжелому взысканію.

— Нѣтъ, вовсе прощать ку-быть не годится, — замѣчаетъ Черныхъ. —А дать ему одинъ лозанъ —для острастки...

Но я окончательно возстаю противъ тѣлеснаго наказанія. Парень, доказываю я, кажется, хорошій и долженъ теперь пропасть изъ-за ехидной старушенки. Если пороть, то разница между однимъ и двадцатью ударами — только въ относительной боли, а послѣдствія для осужденнаго одни и тѣ-же: онъ лишается многихъ правъ, не можетъ быть выбранъ старостой, старшиной и пр. Я горячо защищаю жертву семейныхъ неурядицъ и, какъ крайнее средство, предлагаю остановиться на арестѣ, если судъ найдетъ окончательно невозможнымъ совершенно простить обвиняемаго... Прежде всѣхъ со мной соглашается Ѳедька-ямщикъ, такъ какъ онъ—изъ уваженія къ моему писарскому званію—считаетъ необходимымъ согласоваться со мной даже въ ущербъ авторитету Дениса Ивановича; но остальные молчатъ, упорно отстаивая права родительской власти. Совѣщаніе наше тянется около получаса; Колесовъ и Пузанкинъ начинаютъ, наконецъ, сдаваться и говорятъ Черныху: „а то, ну его къ лѣшему!.. давай его въ холодную сутокъ на пять посадимъ, коли закона нѣтъ пороть?" —на что Черныхъ отрывисто отвѣчаетъ: „дѣлайте, какъ знаете". Я ухватываюсь за эту полууступку съ его стороны и

пишу рѣшеніе: арестовать такого-то при вол. правленіи на пять сутокъ... Денисъ Ивановичъ устранилъ себя отъ рѣшенія вопроса, не осмѣливаясь измѣнить ветхо-завѣтнымъ традиціямъ, по которымъ въ данномъ случаѣ требовалось выдать сына головой отцу, т.-е. сдѣлать съ нимъ все, что̀ пожелаетъ отецъ; но новыя времена съ такой неудержимой силой разрушаютъ всѣ отцовскіе и дѣдовскіе обычаи, что Денисъ Ивановичъ иногда въ полномъ недоумѣніи — гдѣ ложь, и гдѣ истина, и, не умѣя разрѣшить этихъ жгучихъ вопросовъ, вовсе отстраняется отъ активнаго вмѣшательства, ограждая себя словами: „дѣлайте какъ знаете"...

Недоразумѣніямъ, возникшимъ по поводу этого дѣла, не суждено было, однако, кончиться на этомъ: когда я прочелъ постановленіе суда о „подвергнутіи Порфирія Алексѣева пятидневному аресту за неповиновеніе родительской власти", то старикъ вдругъ завопилъ.

— Батюшки, господа судейные!.. да что-жъ это вы со мной дѣлаете? Намъ съ нимъ завтра ѣхать надо къ Сысоеву дрова возить,—я договорился и задатки на три подводы взялъ,—а вы его въ холодную посадить хотите!.. Да гдѣ-жъ мнѣ одному, старику, справиться? Вѣдь онъ у меня одинъ, какъ перстъ!.. Ослобоните, родимые, не зорите!..

Я пытаюсь успокоить старика, увѣряя, что его сына арестуютъ не сейчасъ, а по истеченіи тридцати-дневнаго срока и что онъ самъ можетъ явиться, когда по-свободнѣе будетъ, — но старикъ и на этотъ компромиссъ нейдетъ.

— Завсегда работа около дома найдется: помолотиться, сѣчки скотинѣ нарѣзать; гдѣ-жъ мнѣ одному пять-то дней справляться со всѣмъ хозяйствомъ?.. Нѣтъ, господа судейные, ужъ вы его лучше постегайте, да и отпустите домой!

Черныхъ глубоко вздыхаетъ; Колесовъ ерзаетъ на стулѣ; Пузанкинъ шепчетъ: „я говорилъ—постегать"... Подсудимый все время стоитъ, потупивъ глаза, и только изрѣдка нетерпѣливо встряхиваетъ волосами, когда стоящая позади его молодуха шепчетъ ему что-то на-ухо. Я объявляю, что постановленіе суда уже сдѣлано и измѣнено быть не можетъ, недовольные же имъ имѣютъ право обратиться съ жалобой въ Уѣздное Присутсвіе.

— Коли такъ,—съ сердцемъ объявляетъ старикъ,—не надо-жъ мнѣ вашего суда!.. Ничего не хочу—помарайте, ку-быть я и не судился!.. Видно, нонѣ законъ такой есть—сыновьямъ на шеѣ отцовской ѣздить!.. Прощенья просимъ, что обезпокоили васъ.

И онъ величественно—не подберу другого слова — уходитъ, шмыгая избитыми лаптями; сынъ тоже молча поворачивается къ

выходу; одна только молодуха низко кланяется намъ и говоритъ: „Дай вамъ, Господи!.. Помоги, Царица Небесная“.. Петровичъ ласково толкаетъ ее къ двери... Мы сидимъ, словно воды въ ротъ набрали; всѣмъ тяжело, даже и Ѳедькѣ, — про Дениса Ивановича я и не говорю: онъ видимо даже въ лицѣ измѣнился... Не суду возстановлять дискредитированную власть „отцовъ“ надъ „дѣтьми“.

Слѣдующее за этимъ дѣло нѣсколько разгоняетъ мрачное настроеніе нашего духа. Тяжущіеся: мужъ, плюгавый мужиченка, горбатый, съ слезящимися глазами, и жена—по городскому одѣтая женщина, лѣтъ 32--34, все еще довольно красивая, не смотря на отпечатокъ бурной жизни на лицѣ; она держитъ себя модно, говоритъ по „благородному“ и вообще смахиваетъ на горничную средней руки. Истица проситъ судъ заставитъ отвѣтчика выдать ей паспортъ для проживанія въ городѣ.

— Я вотъ уже шесть годовъ по господамъ живу, хорошія мѣста имѣю, и вдругъ онъ требуетъ меня къ себѣ, господину старшинѣ не дозволяетъ мнѣ документъ выдать...

— Не хочу, чтобъ болталась: иди ко мнѣ жить.

— Никакъ это невозможно-съ: господа!.. Очenно прошу принять въ резонъ, что еслибъ у него хозяйство было, еслибъ онъ меня, какъ должно, соблюдать могъ, то это разговоръ иной былъ бы; а то домишко у него весь развалился, самъ онъ въ пастухахъ живетъ... Развѣ у него достатка будетъ соблюдать меня?.. А теперь я и сама не хуже людей живу и еще дочь при себѣ имѣю, — ничего отъ него не прошу, только дай онъ мнѣ документъ.

— А вотъ не дамъ! Иди ко мнѣ, ѣшь мой хлѣбъ!..

— Да есть ли онъ у васъ-то еще, надо перво-на-перво спросить?..—презрительно спрашиваетъ городская.

— Вотъ что, другъ, раскайся-ка: ты самъ ее спервоначалу отпустилъ въ городъ?—спрашиваетъ Колесовъ.

— Извѣстно самъ,—мрачно отвѣчаетъ „другъ“.

— И все время пачпорта давалъ?

— Давалъ...

— Вотъ и разбаловалъ бабу — самъ виноватъ, теперь и кайся. Что ты съ ней теперь дѣлать будешь, коли ежели теперь она къ тебѣ придетъ? Вѣдь она чаи-сахары любитъ, а ты гдѣ ей возьмешь?

— И безъ чаевъ поживетъ...

— Господа судьи!.. Сдѣлайте вы такую милость, уговорите

его! Я ему пять рублей въ годъ буду давать, чтобъ только онъ не нудилъ меня...

— Не надо мнѣ денегъ, иди жить.

— Нѣтъ, Ѳедулычъ, это не дѣло теперь бабу кругомъ обрѣзать... Куда она теперь годится?.. Никуда... Она только тебя по рукамъ, по ногамъ свяжетъ; она теперь тебѣ ужъ не жена!..

Пастухъ молчитъ. Меня все больше начинаютъ интересовать мотивы, заставившіе его вдругъ измѣнить отношенія къ своей пущенной давно на вольную жизнь дражайшей половинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ серьезно сталъ тосковать отъ своей бобыльской жизни и вздумалъ свить себѣ вновь гнѣздо, не принявъ въ разсчетъ полнаго разлада между всей своей жизнью и жизнью городской горничной.

— Ну, выдьте,—говоритъ Колесовъ разнокалиберной четѣ. Что намъ съ ними дѣлать?—обращается онъ къ Денису Черныхъ. —Отпустить ее: пусть беретъ хвостъ въ зубы и убирается, куда глаза глядятъ?..

— Тоже баловать-то не годится ихнюю сестру; онѣ такъ всѣ поразбѣгутся.

— Ну, этой дряни всегда хватитъ... На кой лядъ она ему,— вѣдь она теперь ему не жена, и не хозяйка!

— Извѣстно—городская...

— А. Н.! А можемъ мы ей пачпортъ-то дать?.. Какъ тамъ въ законахъ-то?..

— Въ законѣ—о томъ, что нельзя давать—ничего не сказано... Я думаю, что можно.

— И превосходно. А недоволенъ бери „скопію"; — пусть тамъ высшее начальство разбираетъ ихъ; намъ и того пріятнѣе. Пиши, А. Н., дать ей билетъ.

Мужъ остается этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и требуетъ „скопію", но въ назначенный день за полученіемъ ея не является: за два дня, протекшіе съ воскресенья, онъ, видно, помирился съ своей судьбой—доживать вѣкъ одинокимъ бобылемъ.

— Андрей и Егоръ Петровы!

Входятъ два брата; старшему, Андрею—30 лѣтъ, младшему, Егору—26 л. Они рѣшили подѣлиться, благодаря семейнымъ неурядицамъ: бабы, т.-е. ихъ жены, вздурили и никакъ ужиться не могутъ; ни старшаго, ни старшой въ домѣ нѣту, а молодухи другъ другу подчиняться не хотятъ—ну и не стало житья самимъ братьямъ, — лучше ужъ отъ грѣха разойтись. Но и разойтись не такъ-то легко: помѣстье у нихъ маленькое, двумъ

дворамъ не умѣститься: надобно которому-нибудь изъ нихъ удаляться съ родительскаго гнѣзда. Конечно, никому изъ нихъ нѣтъ охоты садиться на выгонѣ - пустырѣ; спорили, спорили, раза два до драки доходило—а толку нѣтъ никакого... Селенье ихъ небольшое; всѣ прочіе домохозяева родня имъ, ни на чью сторону и не тянутъ; вотъ и порѣшили они разобраться на судѣ: что̀ чужіе умственные люди скажутъ, — такъ тому и быть.

— Ну, какъ тутъ съ этимъ дѣломъ быть, Денисъ Иванычъ? —спрашиваетъ Петруха Колесовъ, и всѣ взоры обращаются на Дениса Иваныча, ибо несомнѣнно, что изъ всѣхъ засѣдающихъ судей онъ одинъ только вполнѣ компетентенъ въ области дѣдовскихъ обычаевъ, нынѣ по наслышкѣ развѣ извѣстныхъ молодому поколѣнію, возросшему подъ сѣнью писаннаго закона.

— А вотъ какъ,—говоритъ Денисъ Иванычъ послѣ минутной паузы:—идти тебѣ, Андрей, на новое мѣсто и отцовскую избу оставить Егоркѣ, а самъ возьмешь, во что старики положатъ взамѣнъ ея, клѣтку съ амбаромъ, или еще что...

— Это мы очень понимаемъ; только почему же это и помѣстье ему, и изба, а мнѣ одни клѣтки?—говоритъ Андрей.

— А потому, молодецъ, что это еще дѣдами нашими заведено такъ: всегда старшій братъ уходитъ отъ младшаго. Не будь этого, старшіе-то всегда спихивали бы молодшихъ на выгона; знамо, они посильнѣе будутъ, они въ годахъ, ну, и тяжелѣе жеребій имъ долженъ идти. Не дѣлись, а сталъ дѣлиться, начинай хозяйство съизнова; такъ-то!..

Андрей покоряется и остается доволенъ рѣшеніемъ: видно, онъ „не дошелъ“ еще до отрицанія власти стариковъ.

Истецъ по слѣдующему дѣлу предъявляетъ ко взысканію росписку въ 90 р., засвидѣтельствованную въ волостномъ правленіи; срокъ уплаты долга давно истекъ.

— Сколько же вы взыскиваете?—спрашиваю я, чтобы оформить дѣло.

— Пятьдесятъ два рубля съ полтиной,—къ удивленію моему отвѣчаетъ истецъ.

— Какъ такъ? А росписка на 90 руб.?

— Это точно-съ. Только я ужъ получилъ по ней тридцать рублей землицей, да осьмину ржи, да четверть овса, да поросенка, да пахалъ онъ на меня день... Вотъ мы сочлись какъ разъ на тридцать семь съ полтиной вышло. Остальные ищу, какъ собственно срокъ давно уже прошелъ.

— Должны вы ему?—спрашиваю отвѣтчика.

— Что зря болтать, долженъ.

— А много-ли?

— Да подсчитывались, ку-быть пятьдесятъ два рубля.

— Анъ съ полтиной!—вмѣшивается истецъ.

— Анъ, нѣтъ!

— Врешь!..

— Анъ, не вру. Перекрестись, коль съ полтиной!..

— И перекрещусь... А ты думаешь, что не перекрещусь?

— А слеги-то забылъ, что бралъ у меня десятокъ о заговѣнье? по пятачку положили?

— Такъ они за картошку пошли...

— Разуй глаза-то!.. За картошку даве пофитались, какъ за землю-то усчитывались!

— А ну-те къ Богу въ рай!..—говоритъ истецъ упавшимъ голосомъ, должно быть, смутно припоминая, что слеги точно не шли за картошку, но все-таки не желая признать своей ошибки. Пятьдесятъ два, такъ пятьдесятъ два... Не обѣдняю съ полтинника...

— Да и не разживешься...

— Ну, вотъ что, почтенные, — вступается Колесовъ, — чего браниться? Честь честью столковались, и слава Богу: зачѣмъ его, Батюшку, гнѣвить... Такъ какъ же, милушка, отчего деньги-то не отдаешь?

— Да у насъ уговоръ былъ землей расплачиваться по двѣ десятины, я ему каждый годъ отдаю; только больно ужъ обидную цѣну онъ кладетъ—десять съ полтиной; вотъ я и сталъ покупщика искать, съ четырнадцатью рублями за десятину ужъ набиваются...

— А ты денежки-то умѣлъ брать, а отдавать-то не любо?.. А что я второй годъ жду на тебѣ, это ты въ счетъ не кладешь?..

— А ты не кладешь, что поросенка-то у меня за два рубля зачелъ, а онъ на худой конецъ четыре стоитъ?..

— Да не ты ли кланялся, Христомъ Богомъ просилъ просеца на сѣмяна?.. Это-то ты забылъ?..

Долго препираются такимъ образомъ пріятели; ихъ денежныя отношенія такъ запутаны, что крайне мудрено опредѣлить, кто изъ нихъ больше пользовался услугами другого; но что должнику услуги, оказанныя кредиторомъ, обошлись не дешево, это внѣ всякаго сомнѣнія, и симпатія Черныха и Колесова, какъ я замѣчаю, лежитъ къ нему, потому что они общими усиліями стараются сбить истца на мировую, что имъ, наконецъ, и удается послѣ получасового усовѣщиванія. Тяжущіеся кончаютъ дѣло миромъ: десятина идетъ за тринадцать безъ четверти, а уплата остальнаго долга отсрочивается до будущей осени.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дѣлъ о взысканіи за землю, о недожитіи въ работникахъ и проч. Это дѣла заурядныя, составляющія самый значительный процентъ всѣхъ тяжбъ, разбираемыхъ въ волостномъ судѣ. Прослушаемъ еще двѣ финальныхъ тяжбы.

— Еще позалѣтошнимъ годомъ бралъ у меня этотъ молодецъ двѣ десятины подъ яровое по 18 руб. за десятину; рубль далъ задатку, да какъ возить время пришло и я снопы на полѣ пріостановилъ, онъ 15 руб. мнѣ далъ и въ ногахъ валялся просилъ остальные подождать на немъ. Я съ дуру и повѣрилъ, да вотъ по сію пору и жду: „нынѣ, да завтра, нынѣ, да завтра", только и слышишь. Прикажите ему, господа старички, остаточные 20 р. отдать.

Это говоритъ старикъ лѣтъ шестидесяти, хозяйствующій покулацки, снимающій землю у нуждающихся по осени и раздающій ее по веснѣ, наживая за „коммиссію" отъ 25 до 75%. Но у старика этого есть еще гоноръ нынѣ исчезающаго уже типа коренного сына деревни, ведущаго безъ всякихъ росписокъ тысячныя дѣла.

— Ты чтожъ не отдаешь Ефиму Степанычу денегъ?—спрашиваетъ, по обыкновенію, Колесовъ.

— Да я ему отдалъ,—говоритъ отвѣтчикъ, малый лѣтъ двадцати четырехъ.

— Отдалъ, да не всѣ.

— Нѣтъ, всѣ отдалъ.

— И языкъ у тебя не отсохнетъ такъ врать-то? Бога хоть побойся!..—говоритъ старикъ.

— Чего мнѣ еще бояться, я и такъ боюсь.

— Ахъ ты паскуда, паскуда!.. Да смѣешь ли ты такъ говорить-то?.. А ну перекрестись, коли отдалъ?..

Я спѣшу вмѣшаться въ дѣло, чтобы не допустить божбы, но опаздываю: отвѣтчикъ, не дрогнувъ и нахально посматривая на старика, кладетъ широкій крестъ...

— Тьфу ты, окаянный!.. —плюетъ старикъ въ негодованіи.— Пропади ты пропадомъ и съ двадцатью рублями этими!.. Чтобы такой грѣхъ на душу примать, да упаси тебя Царица Милосердая!.. Не надо мнѣ ничего, господа старички, отъ своихъ денегъ отказываюсь, не хочу объ него мараться... Ни на комъ!..

И старикъ уходитъ, дѣлая крестныя знаменья.

— А нельзя ли ему подъ портки десятка два всыпать?— говоритъ Колесовъ, со злобой глядя на небрежно стоящаго „молодца".

— Никакъ нельзя,—говорю я, и чувствую, что краснѣю,

потому что не прочь былъ бы въ данномъ случаѣ нарушить законъ и допустить подвергнуть отвѣтчика по гражданскому дѣлу уголовному взысканію.

— Петровичъ! Убери его!..—приказываетъ Колесовъ, и я увѣренъ, что онъ чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе, когда „молодецъ“ подъ мощной рукой Петровича турманомъ вылетаетъ изъ „залы засѣданія“.

А вотъ старуха-черничка на сценѣ. Вся она брыжжетъ злостью, накопившейся у ней на сердцѣ за полстолѣтіе ея невольнаго дѣвства... Она уже много лѣтъ въ ссорѣ съ своими сосѣдями, и обѣ стороны, когда только возможно, гадятъ другъ другу. Случилось черничкину цыпленку залетѣть черезъ плетень на дворъ къ сосѣдямъ; мальчишка съ того двора немедленно свернулъ цыпленку шею и трупъ его перебросилъ обратно къ черничкѣ на дворъ. Это и послужило поводомъ къ настоящему дѣлу: черничка взыскиваетъ за цыпленка рубль. Къ разбору дѣла за восемь верстъ явились: истица, отвѣтчикъ—отецъ провинившагося мальченки съ самимъ виновникомъ дѣла, и десятскій, въ качествѣ свидѣтеля, которому старуха, по всѣмъ правиламъ крючкотворства, предъявила трупъ цыпленка и, такимъ образомъ, засвидѣтельствовала свершенное преступленіе.

— Изъ своихъ обидовъ къ вамъ, господа судіи праведные... Нѣтъ моей моченьки отъ нихъ, въ гробъ меня вогнать хотятъ!..

— Ты-то насъ скоро изъ села выживешь своимъ языкомъ безстыжимъ,—говоритъ отецъ мальченки.

— Я безстыжая? Я?.. Праведные судьи! Помилосердствуйте, будьте заступниками! На старости лѣтъ такое поношеніе...

— Да вы постойте!.. Вы разскажите намъ толкомъ, о чемъ вы просите?

— Писклака [1]) у меня удушилъ его змѣнышъ... Они у меня такъ всѣхъ куръ передушатъ...

— Ври больше, рада языкъ-то чесать... А мальченка, точно, побаловался, такъ я ему за это вихры надралъ.

— Сколько-жъ вы за цыпленка вашего получить желаете?—опять прерываю я ихъ препирательства.

— Меньше рубля никакъ не могу, потому они у меня канехинскаго завода. Еще упокойная барыня, Надежда Яковлевна, когда изволила...

— Постойте, постойте!.. Такъ, рубль просите?

---

[1]) Писклакъ—мѣстное названіе цыпленка.

— Да-съ, рубликъ-съ. А что сверхъ этого положите, коли ваша милость будетъ, ваше благородіе, господинъ писарь...

— Ну, будетъ!.. прерываетъ ее Черныхъ. — Ты, Игнатичъ, сына, говоришь—поучилъ?

— Поучилъ, Денисъ Иванычъ, какъ же,—въ ту жъ пору поучилъ, чтобъ не баловался.

— А ну-ка, поучи еще!

Отцовская длань немедленно запутывается въ бѣлобрысыхъ волосенкахъ восьмилѣтняго мальчугана; раздается жалобный пискъ: „батя, не буду! Ой, ой, никогда не буду!"..

— Ладно!—останавливаетъ Денисъ Иванычъ экзекуцію.—Такъ ты не будешь больше баловаться, парнишка, а?

— Не буду, дяденька!..

— То-то-жъ, смотри!.. А то я вотъ Петровичу тебя отдамъ — онъ те такъ раздѣлаетъ... А ты, Игнатичъ, отдай ей пятиалтынный-то за писклака...

— Что-жъ, Денисъ Иванычъ,—я цѣну настоящую завсегды отдать готовъ... А то вдругъ—рупь!..

— Это какъ же, судьи праведные, сверхъ рублика пятиалтынничекъ мнѣ на убожество пожаловали?—алчнымъ тономъ спрашиваетъ черничка.

— Ну, зажирѣешь, мата: всего-на-всего пятиалтынный.

— Это что же будетъ?.. Въ надсмѣшку вы мнѣ это дѣлаете?—такъ я не молоденькая!.. Нѣтъ-съ, я этимъ судомъ недовольна: два раза по восьми верстъ проѣздила...

— А кто-жъ те сюда тянулъ? Сидѣла бы себѣ дома, акафисты читала, да душу спасала...—ехидствуетъ Колесовъ.

— Скопію мнѣ пожалуйте, господинъ писарь, я дѣла кончать не буду: я завтра-жъ къ господину становому приставу... Рази это по закону?.. Я до высокихъ особъ доходить буду!

— За копіей приходите въ среду, раньше не будетъ готова,—объясняю я.

— Это мнѣ еще разъ восемь-то верстъ переть?.. Понимаю-съ, очень даже преотлично понимаю-съ, что все это вы въ надсмѣшку мнѣ дѣлаете. Только ужъ я не позволю—нѣтъ, ужъ я не позволю!..

И черничка, при дружномъ хохотѣ всѣхъ присутствующихъ (кромѣ Черныха), бѣгомъ бѣжитъ изъ волости—жаловаться товаркамъ на причиненную ей обиду.

— Никого тамъ больше на судъ нѣту?—спрашиваю я Петровича.

— Никакъ нѣтъ-съ!..

Судьи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого отвѣта, что вполнѣ понятно, ибо уже одиннадцать часовъ вечера. Мы сидѣли, такимъ образомъ, безъ перерыва, семь часовъ и въ это время разобрали тринадцать исковъ; остальныя пять дѣлъ, назначенныя на этотъ день „къ слушанію", пришлось оставить безъ разсмотрѣнія, потому что по двумъ—не явились истцы, въ одномъ—не оказалось отвѣтчика, а по двумъ прочимъ состоялось примиреніе между тяжущимися до вызова ихъ на судъ.

— Слава тебѣ, Создатель Милосердный!..—шепчатъ судьи, дѣлая истовые поклоны передъ иконой. Однако, я увѣренъ, что всякій изъ нихъ влагаетъ въ эти слова свой особый смыслъ, кромѣ развѣ Колесова, который кладетъ кресты машинально, по привычкѣ: Черныхъ благоговѣйно благодаритъ Создателя за наставленіе его уму-разуму, Ѳедька—за то, что наконецъ-то настала минута ѣхать ко двору, а Пузанкинъ—за то, что настала возможность пропить полтинникъ, полученный имъ съ пастуховой жены—въ благодарность за содѣйствіе, оказанное ей при полученіи „разводной" отъ мужа...

XV.

Волостной судъ представляется мнѣ всегда, выражаясь низкимъ стилемъ, въ образѣ человѣка, сидящаго на двухъ стульяхъ, которые постепенно раздвигаются подъ нимъ въ разныя стороны. Стулья эти—законъ и обычай.

Не столѣтіями, а только десятилѣтіями приходится измѣрять промежутокъ времени съ того момента, когда новая струя вторглась въ тѣсно замкнутый кругъ народной жизни, гдѣ все было такъ прилажено по своимъ мѣстамъ, гдѣ всякое явленіе имѣло свое объясненіе, а на всякій случайно возникавшій вопросъ имѣлся уже готовый, дѣдами и прадѣдами выработанный во всѣхъ деталяхъ отвѣтъ,—и вотъ за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени новыя начала успѣли произвести такую ломку въ основахъ народной жизни, что отъ стройнаго зданія мірскихъ и семейныхъ обычаевъ остались лишь жалкія развалины, и только богатое воображеніе можетъ возстановить по нимъ всю картину исконнаго обычнаго права. Но, съ другой стороны, и новое, стройное зданіе писанной регламентаціи, т.-е. закона, не успѣло еще воздвигнуться на мѣстѣ катастрофы, и вотъ нынѣшній деревенскій обыватель съ тоской бродитъ между развалинами одесную и начатыми постройками ошую, тщетно разыскивая тѣ „устои", корые послужили бы ему опорной точкой въ его исполненной тре-

волненіями жизни. Правда, что слово „законъ“ получило уже въ народѣ полное право гражданства: его употребляютъ и кстати, и не кстати—въ послѣднемъ случаѣ даже чаще перваго; выраженіе—„сдѣлать по закону“ стало синонимомъ „сдѣлать ловко, хорошо, надежно“, независимо отъ того, будетъ ли это сдѣлано по совѣсти, согласно мірскимъ воззрѣніямъ о справедливости, или нѣтъ; но законъ не замѣнилъ собою народу полу-исчезнувшихъ устоевъ его жизни. Дѣйствительные законы совершенно неизвѣстны народу: онъ знаетъ только одинъ законъ—это то, что̀ говоритъ или приказываетъ начальство, какое бы оно ни было: урядникъ ли, писарь, мировой ли судья или судебный слѣдователь... Законъ сталъ аттрибутомъ власти; власть, по прежнему, внушаетъ одинъ только страхъ (признаковъ уваженія, довѣрія, любви—нѣтъ),—вотъ почему и законъ сталъ внушать безотчетный страхъ. И вотъ откуда происходитъ такое колоссальное значеніе закона въ народной жизни и такое, при этомъ, огромное непониманіе истиннаго его смысла и требованій; законъ, въ глазахъ мужика, это—нѣчто грозное, необъятное, таинственное,—то нѣчто, во имя чего начальство напускаетъ страхъ, ругается, поретъ, выколачиваетъ недоимки, ссылаетъ въ Сибирь, потрошитъ покойныхъ, сноситъ избы, убиваетъ больную скотину, брѣетъ лбы, гонитъ ребятъ въ школу, прививаетъ оспу и т. д. и т. д., до безконечности. И откуда же темному невѣжественному народу понять логическую причину всѣхъ этихъ на него воздѣйствій, если нѣкоторые исполнители закона, понимающіе ими творимое, не удостоиваютъ входить въ разъясненіе своихъ поступковъ и ограничиваются всесильной формулой: „законъ того требуетъ“,—а нѣкоторые, преимущественно низшіе исполнители, наиболѣе близко стоящіе къ народу, сами не понимаютъ истиннаго смысла и конечной цѣли выполняемыхъ ими предначертаній начальства, которыя и суть въ ихъ глазахъ законъ. Изъ этой путаницы понятій вытекаетъ путаница терминовъ, выраженій и проч., и, наоборотъ, ничего не говорящіе термины порождаютъ дикія представленія. „Сдѣлать по закону“ значитъ, съ точки зрѣнія мужика, сдѣлать такъ, чтобы начальство, съ которымъ придется имѣть дѣло, осталось довольно, не придралось бы. „Напиши мнѣ росписку, да гляди—по закону напиши“! говоритъ мужикъ писарю. Это значитъ, что онъ проситъ написать такъ, чтобы мировой судья, которому, можетъ быть, придется читать росписку, не швырнулъ бы ее обратно (что̀ не разъ бывало), а принялъ бы ее къ разсмотрѣнію. „Ямы для зарыванія павшаго отъ чумы скота надо рыть не мельче 3-хъ аршинъ“,—приказываетъ урядникъ и, для большаго убѣжденія, до-

бавляетъ: „ты пойми, вѣдь это не я говорю, а законъ!“ И мужики пунктуально выполняютъ сообщенный имъ законъ, роютъ ямы въ три аршина глубины, по валятъ въ одну яму по три трупа, такъ что верхній лежитъ почти въ уровень съ поверхностью земли. А урядникъ уходитъ довольный собою и увѣренный, что имъ въ точности исполнено требованіе закона... Да такихъ примѣровъ можно привести не десятки, не сотни, и не тысячи, а милліоны: въ любомъ № любой газеты найдется разсказъ о послѣдствіяхъ дурно или вовсе непонимаемаго закона.

Посмотримъ, что изъ всего этого слѣдуетъ. Зная, какъ народъ боится закона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не понимаетъ, что законъ и что произволъ,—всякій, кто по-развязнѣе, ужъ не говоря про начальство, старается при помощи „закона“ извлекать выгоду изъ трепещущихъ передъ этимъ сфинксомъ.

— Ты чего, тетеря, не сворачиваешь съ дороги? — кричитъ мой ямщикъ на встрѣчнаго мужика съ возомъ.

— Да постранешь: вишь, сугробъ какой!

— А не знаешь, иродъ, что „по закону“ ты должонъ начальнику дорогу давать?.. Сворачивай, иль я те кнутомъ огрѣю...

Въ данномъ случаѣ, ямщикъ, везущій хотя бы такое микроскопическое начальство, каковъ волостной писарь, тѣмъ самымъ уже выдвинулся изъ общаго уровня народной массы и считаетъ себя въ правѣ издавать встрѣчнымъ лапотникамъ выгодные для себя „законы“... И такъ всегда и вездѣ, и этого рода примѣровъ такое обиліе, что ихъ и приводить не стоитъ.

Куда мужикъ ни сунется, вездѣ ему тычутъ истинными или вымышленными законами. Хочется батюшкѣ съ мужика содрать лишнюю пятишницу за свадьбу, онъ говоритъ, что нужна метрическая выпись. „Батюшка, да нельзя ли какъ-нибудь безъ этой метривки?“—Нельзя, надо; не я, а законъ этого требуетъ.— „Батюшка, ужъ я те трюшницу дамъ, не нудь ты меня!“ И законъ попранъ, но мужикъ не знаетъ, истинный или вымышленный. Пошла баба въ казенный лѣсъ ягодъ набрать—ее поймалъ объѣздчикъ и требуетъ рубль штрафу, таща къ лѣсничему: „не я, а законъ требуетъ“—„Отпусти родименькій, я те двоегривенничекъ дамъ!..“ И законъ опять исчезаетъ со сцены. Старшина не хочетъ страховать зданія: „Нельзя, по закону тутъ четырехсаженнаго разрыва нѣтъ“; а напился чаю, да получилъ рублевку—и трехсаженный разрывъ превращается въ законный. Нужно мужику подать какое-нибудь прошеніе; онъ сунулся къ становому, а тотъ посылаетъ его въ городъ къ исправнику: „я бы помогъ тебѣ, да по закону не могу“... Мужикъ—къ исправнику, а тотъ

его въ уѣздное присутствіе, которое „по закону" должно вѣдать эти дѣла; но въ присутствіи ему именемъ того же закона приказываютъ доставить первоначально справку изъ волостного правленія,—и вотъ мужикъ опять идетъ въ село за справкой. Такимъ образомъ, мужикъ видитъ вокругъ себя сплошныя тенета закона и постоянно чувствуетъ тяжесть опеки; нѣкоторыя личности, посмѣлѣе, прибѣгаютъ къ хроническому подкупу, какъ испытанному средству ускользать изъ тенетъ закона; другія, по-проще, доходятъ даже до комизма въ опасеніяхъ своихъ проштрафиться по отношенію къ законамъ, существующимъ иногда только въ ихъ напуганномъ воображеніи.

Приходитъ ко мнѣ какъ-то разъ мужикъ, котораго я лично зналъ; мужикъ хорошій, но по нынѣшнимъ временамъ излишне смирный. Выбрали его недавно опекуномъ къ сироткѣ-мальчику, и вотъ эта опека стала истиннымъ источникомъ мученія для несчастнаго мужика, чувствовавшаго себя постоянно подъ дамокловымъ мечомъ закона.

— Ты что, Акинфьевичъ?

— Да что, А. Н., къ вашей милости. Дѣло тутъ выходитъ такое, что и ума не приложу.

— Небось, опять касательно опеки?..

— Объ ней, батюшка, объ ней, постылой. Ужъ вы, А. Н., ослободите меня, сдѣлайте такую милость, выберите другого опекуна! Совсѣмъ она меня скружила, треклятая!..

— Да что такое случилось? Сказывай, пожалуйста!

— Дѣло-то вотъ какое: остался отъ покойничка Ивана Сидорыча полушубокъ старенькій, а какъ таперича къ зимѣ дѣло подходитъ, я было и надумался перечинить полушубокъ для Мишутки,—пускай, думаю, себѣ носитъ на здоровье,—да ужъ и не знаю, какъ съ этимъ дѣломъ быть...

— Мишутка это сирота, что-ль?

— Онъ, онъ самый!.. Такъ какъ же, батюшка А. Н., по закону это какъ будетъ—ничего? Въ отвѣтѣ я не буду?

— Да что ты, другъ мой, рехнулся, что ли? За что же ты виноватъ будешь? За то, что старый отцовскій полушубокъ сыну передѣлаешь?.. Да посуди ты самъ, что ты этимъ вѣдь добро сиротѣ сдѣлаешь, такъ за что же тутъ виноватымъ быть?

— Вотъ то-то, мы народъ темный!.. Думается, ку-быть ничего плохого нѣтъ, а сосѣди говорятъ: пойди, спросись, какъ бы въ отвѣтъ за это не попасть, потому, молъ, все до совершенныхъ годовъ мишуткиныхъ въ цѣлости должно быть, какъ на руки принялъ, такъ и сдай, до нитки то-ись...

— Пустое, Акинфьевичъ, пустое! Зря тратить или на себя изводить не хорошо, а если на пользу...

— Ну, вотъ это самое и я думалъ, а все-таки, говорятъ,— поди съ писаремъ погуторь,—онъ человѣкъ ученый, всѣ законы знаетъ... А мы народъ темный, кто е знаетъ, може, и впрямь такой законъ есть...

Въ одномъ изъ селеній нашей волости рѣшительно въ каждомъ дворѣ занимаются посѣвомъ табаку-махорки на огородахъ; культура эта возникла лѣтъ около семи тому назадъ. До изданія акцизныхъ правилъ 1883 года, сбытъ табаку производился безпрепятственно, безъ всякихъ формальностей, а тутъ вдругъ пошли разныя регламентаціи относительно выправленія изъ волости ярлыковъ, укупорки табачныхъ мѣстъ и пр. Недоразумѣній по этому поводу было въ первое время масса.

— А что, А. Н., хотѣли мы поспрошать васъ объ одномъ дѣлѣ...—таинственно докладываютъ мнѣ два табаковода изъ этого селенія.

— Спрашивайте.

— Ужъ мы не знаемъ, какъ и говорить-то: такого горя напринялись. Научите ужъ насъ, какъ бы намъ въ отвѣтѣ не быть. Табачекъ-то мы отвезли свой, продали, все по формѣ, и ярлыки сдали, что̀ отъ васъ получили, а оказывается, что все-таки грѣхъ-то насъ попуталъ.

— Какой-же грѣхъ? Вы не бойтесь, говорите все, какъ есть.

— Да вотъ какое дѣло, А. Н.: трубочкой мы и сами съ сватомъ займаемся, такъ не весь табачекъ-то свезли на продажу, а оставили себѣ фунтиковъ по десятку—на баловство, значитъ— а тутъ и прослышали, быдто этого по новому закону нельзя, быдто за это въ острогъ сажаютъ!

Послѣ нѣкоторыхъ усилій съ моей стороны мужики успокоиваются относительно своей контрабанды.

— И еще ужъ хотѣли за одно обезпокоить вашу милость. Правду гуторятъ, что съ будущаго года менѣе пятидесяти пудовъ табаку нельзя и съ огорода съимать, чтобы маленькихъ, значитъ, огородовъ совсѣмъ не было? А у кого меньше полъ-ста окажется, такъ у того задаромъ будутъ табакъ въ полки отбирать на солдатъ?

А вотъ подлинный разсказъ мужика о волненіяхъ, охватившихъ населеніе при появленіи новаго въ деревнѣ начальства — урядника.

— ...Вбѣгаетъ, этто, мальченка мой, запыхался весь и говоритъ: „тятька, сичасъ мы на улицѣ съ робятами играли, вдругъ

идетъ по улицѣ новый урядникъ, что вечоръ пріѣхалъ,—важный такой, усищи—во!.. и большущая у него сабеля на боку виситъ. А тутъ тетка Матрена съ теткой Анисьей стоятъ и гуторятъ промежъ себя: вотъ его, говорятъ, царь прислалъ; и можетъ онъ по закону этой самой сабелей головы рубить ворамъ... А съ сабелей этой онъ, слышь, и спитъ, николи не съимаетъ, а какъ снялъ, сичасъ его въ Сибирь"... Что ты, говорю, щенокъ, пустое болтаешь? „Нѣтъ, гритъ, ей-Богу; не вру! Поди, самъ посмотри". И взяло меня тутъ раздумье: пожалуй, и впрямь новое такое начальство проявилось; пойду, думаю, въ трахтиръ, тамъ у людей узнаю. Пришелъ, а тамъ народу словно въ праздникъ набралось, и все объ этомъ самомъ урядникѣ толкуютъ. Кто гритъ— что точно, головы рубить будетъ, а кто — что только поджилки на ногахъ будетъ подрѣзывать... Только сидимъ это мы, толкуемъ промежъ себя—глядь, вотъ онъ и самъ тутъ: сурьезный такой, и прямо къ Ермилычу въ его горницу прошелъ. Ну, думаемъ, чтой-то будетъ... Какіе—по домамъ разбѣглись, а какіе—не почтой-то опасались, остались чай допивать: мы, говорятъ, свои деньги за чай заплатили; такого закона нѣтъ, чтобы чай пить въ трахтирѣ нельзя. Смотримъ Ермилычъ къ нему водку несетъ; а тутъ Михѣйка—у насъ есть, безшабашная головушка—и гритъ Ермилычу: „слышь, Ермилычъ, а что: для-ради перваго знакомства нельзя полу-штофчикомъ господина урядника попросить?" Тотъ смѣется: чего опасаетесь, подносите!—Мы это живымъ манеромъ соорудовали и водочку, и селедочку спросили, и кренделей фунтъ взяли пшеничныхъ, говоримъ Ермилычу: какъ бы это ихнюю милость кликнуть?.. А тотъ по-просту - извѣстно ему не боязно —и гритъ „ему"-то: тамъ, молъ, мужики съ поклономъ васъ ждутъ. „Онъ" и выходитъ къ намъ: что вы, гритъ, ребята?— Такъ и такъ, — Михѣйка-то ему, — не пожалуете ли для-ради пріѣзда стаканчикъ отъ насъ откушать? Какъ мы, т.-е., всею душою... Ну, да и ловокъ же Михѣйка зубы-то чесать, это что и говорить... Ладно; а тотъ долго ломаться не сталъ, — сичасъ, этто, сѣлъ, выпилъ стаканъ и гритъ: хороша, дескать, водка. Ну, мы тутъ духу-то набрались и стали допытываться, что̀ и какъ, а онъ все это съ форсомъ о себѣ: теперь, гритъ, я по закону старѣе всѣхъ у васъ по волости, мнѣ и старшина ни по чемъ. Одначе, про сабелю сказалъ, что она только по формѣ требуется, а что поджилокъ рѣзать онъ не будетъ: такого, вишь, закона еще не было.

Не могу тутъ же не вспомнить разсказъ старшины Якова Иваныча о томъ, какъ онъ знакомился съ машиной, т.-е. съ же-

лѣзной дорогой. Было ему лѣтъ 17, когда провели эту машину, надѣлавшую огромнаго шуму въ околодкѣ. Пронесся, между прочимъ, слухъ, что на нее глядѣть не дозволяется, а кто глядѣть будетъ, въ того съ машины изъ ружья палить будутъ. Вотъ Яковъ Иванычъ былъ какъ-то въ лѣсу недалеко отъ линіи желѣзной дороги.—„Вдругъ, слышу, гудитъ... Ну, думаю, пропалъ я: застрѣлятъ!.. Либо въ чащу бѣжать, либо на мѣстѣ остаться—посмотрѣть, что за машина такая; авось въ лѣсу-то не замѣтятъ... Легъ я на брюхо, да ползкомъ за кустъ, оттуда и посмотрѣлъ. Потомъ, какъ на деревнѣ сказывалъ, не вѣрили: врешь, говорятъ, хвастаешь"...

И вотъ тотъ же самый Михѣйка,—допытывавшійся, будетъ ли урядникъ рѣзать поджилки,—попадаетъ въ волостные судьи; его берутъ прямо изъ трактира, гдѣ рѣчь идетъ про „сабелю" и „поджилки", сажаютъ за столъ, подъ портретомъ въ золотой рамѣ, и говорятъ: суди!.. А судить надо „по закону"—это Михѣйка твердо знаетъ, потому что ежедневно слышитъ это и отъ мужиковъ, и отъ старшины съ писаремъ, и отъ всякихъ деревенскихъ грамотѣевъ и бывалыхъ людей. И тяжущіеся очень часто говорятъ ему, Михѣйкѣ, во время судопроизводства: „ты какъ насъ судишь-то?.. ты суди по закону, а не какъ-нибудь". Да и у писаря, что рядомъ сидитъ, книги лежатъ на столѣ и бумаги разныя,—значитъ, и впрямь законы есть, по которымъ судить должно, а какіе такіе законы—онъ, Михѣйка, рѣшительно не знаетъ и потому держитъ себя на судейскомъ креслѣ смирнехонько, слушаясь во всемъ писаря. Несмотря на то, что я на практикѣ старался возможно объективно относиться къ дѣйствіямъ волостныхъ судей, но и мнѣ иногда приходилось „во имя закона" становиться въ разрѣзъ съ мнѣніями судей; изъ описанія дѣлопроизводства въ крестьянскомъ судѣ читатель, я думаю, замѣтилъ, что я принужденъ былъ защищать отвѣтчика по гражданскому дѣлу отъ тягчайшаго уголовнаго наказанія — порки. Не сдѣлать этого я, по закону, не могъ, такъ какъ на писарѣ лежитъ обязанность разъяснять судьямъ законы, а поступивъ такъ, какъ поступилъ, я грубо подавилъ требованіе народнаго правосудія о наказаніи наглаго обманщика, вина котораго—ложная божба—хотя и не была юридически доказана, но очень ясно чувствовалась всею обстановкою дѣла. Сколько же давленія производится вообще писарями и старшинами на правовой обычай въ пользу химерическаго, экспромтомъ придуманнаго „закона", подъ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, скрывается пристрастіе, подогрѣтое мѣрою пшена или поросенкомъ?.. И вотъ, судья оконча-

тельно не знаетъ, чѣмъ ему руководствоваться,—слышанными ли отъ стариковъ изреченіями народной мудрости: „какъ допрежь живали дѣды и отцы и какъ намъ приказывали жить“,—или авторитетными указаніями писаря на законы?

Я не говорю, что всѣ писаря всегда толкуютъ фальшиво законы, но при нѣкоторой беззастѣнчивости самыя невѣроятныя штуки могутъ сходить съ рукъ единственному умственному во всей волостной администраціи человѣку. Хотя и не всѣ такія продѣлки съ закономъ удаются но мужикъ въ теченіе своей жизни успѣваетъ тысячу разъ убѣдиться на дѣлѣ, что начальство—въ одномъ случаѣ—примѣняетъ одинъ законъ, въ другомъ, совершенно подобномъ случаѣ — другой законъ и т. д.; отсюда происходитъ стремленіе упросить администрацію примѣнить къ данному случаю какой-нибудь законъ полегче, а всякій проситель твердо памятуетъ пословицу: „сухая ложка и ротъ деретъ“... Послѣдствія такого положенія вещей понятны.

Однако, кромѣ ближайшаго, непосредственнаго толкователя законовъ—писаря, надъ волостными судами тяготѣетъ еще другой, болѣе авторитетный и поэтому болѣе опасный для самостоятельности судовъ толкователь: это—уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Писарь въ поступкахъ своихъ руководствуется, главнымъ образомъ, матеріальнымъ разсчетомъ: дана ему мѣра пшена —попранъ обычай, торжествуетъ „законъ“; въ другомъ, однородномъ съ этимъ, случаѣ—пшено на сцену не появлялось—и писарю нѣтъ никакой цѣли, никакого разсчета производить давленіе на судей; словомъ, принципъ не играетъ въ данномъ случаѣ никакой роли, и отдѣльныя злоупотребленія писарей, не будучи, такъ сказать, систематизированы, никакъ не могутъ производить такого же эффекта, какой производитъ сознательное подчиненіе одного начала другому, осмысленный рядъ мѣропріятій, имѣющихъ одну цѣль, — словомъ, какъ дѣятельность уѣздныхъ присутствій.

Уѣздныя присутствія суть, по закону, кассаціонныя инстанціи для обжалованія рѣшеній волостного суда; апелляціонной инстанціи для той же цѣли реформа 1861 года не учредила, а возложила на кассаціонную обязанность слѣдить за ненарушеніемъ волостными судами, съ одной стороны—общихъ существующихъ законовъ, и съ другой—предѣловъ компетенціи. Отсутствіе посредствующей инстанціи между этими двумя сословными учрежденіями —волостнымъ судомъ и крестьянскимъ присутствіемъ (кому же неизвѣстно, что крестьянскія присутствія только по названію крестьянскія, а въ дѣйствительности, по составу своихъ

членовъ — чисто дворянскія?) привело къ полному подчиненію одного другимъ и къ безпрепятственному вторженію сильнѣйшаго въ область слабѣйшаго. Нужно ли говорить, которое изъ этихъ двухъ учрежденій сильнѣе и которое слабѣе, беззащитнѣе?—Здѣсь не мѣсто производить полную оцѣнку вліянія уѣздныхъ присутствій на волостные суды; такая оцѣнка уже нѣсколько разъ выполнялась лицами, располагавшими матеріаломъ несравненно обширнѣйшимъ, чѣмъ располагаю я, да и цѣль настоящихъ замѣтокъ не есть какая-либо цѣль научная, съ готовыми, законченными выводами; я предполагалъ только дать рядъ картинъ изъ народной жизни въ области ея соприкосновенія съ волостью вообще и съ волостнымъ писаремъ въ особенности. Поэтому, не рѣшая такого важнаго вопроса, каковъ вопросъ о подчиненіи сословнаго суда, основаннаго на обычномъ правѣ, административно-чуже-сословному учрежденію, и ограничусь только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями.

Совокупность мѣропріятій уѣзднаго присутствія относительно волостного суда клонится къ захвату непосредственной надъ нимъ власти черезъ низведеніе себя изъ кассаціонной инстанціи въ апелляціонную; конечная цѣль этой процедуры есть подчиненіе независимаго учрежденія писанному закону, нивеллированіе особенностей народной жизни, не гармонирующихъ съ началами, положенными въ основаніе всего строя государственнаго бюрократизма. Наилучшій практическій способъ для такого подчиненія себѣ независимыхъ крестьянскихъ судовъ уже открытъ и состоитъ въ регламентаціи дѣятельности этихъ судовъ посредствомъ различныхъ распоряженій, дѣлаемыхъ по адресу волостныхъ правленій. И вотъ, мы видимъ грустную и вмѣстѣ съ тѣмъ преуморительную картину. Волостной судъ не есть какое-либо постоянно функціонирующее учрежденіе: оно возникаетъ по воскресеньямъ, примѣрно въ 4 часа дня, и вновь распадается послѣ нѣсколькихъ часовъ существованія; никакія „бумаги“ до него не доходятъ; волостной старшина и сельскіе староста́ не имѣютъ, по закону, права даже присутствовать при разборахъ дѣлъ, не говоря уже—руководить судомъ или разъяснить ему что-либо. Слѣдовательно, единственнымъ посредникомъ между уѣзднымъ законодательнымъ учрежденіемъ и волостнымъ судомъ опять-таки является наемное лицо,—волостной писарь, не имѣющій, по закону, права вмѣшиваться въ разборъ дѣла и вся обязанность котораго, опять по закону же, должна ограничиваться записью постановленій этого „независимаго“ суда. Между тѣмъ, въ силу распоряженій присутствія, которыя даются волостнымъ

правленіямъ и которыми разрѣшаются или возбраняются волостному суду тѣ или другія отправленія, — этотъ писарь является какъ бы предсѣдателемъ независимаго суда, законо-толкователемъ, единственнымъ лицомъ, знающимъ, что̀ дозволено и что̀ недозволено суду, и поэтому накладывающимъ на то или другое рѣшеніе суда свое veto. Судъ хочетъ приговорить человѣка къ наказанію—стой, нельзя, онъ въ этомъ дѣлѣ только свидѣтелемъ, а не отвѣтчикомъ; судъ хочетъ взыскать съ вора убытки, причиненные его кражей, и, кромѣ того наказать его уголовнымъ порядкомъ—опять стой, нельзя въ одномъ дѣлѣ соединять уголовный и гражданскій иски; судъ хочетъ разобрать дѣло о принадлежности огорода тому или другому брату—опять нельзя: это дѣло сельскаго схода; судъ хочетъ наказать подравшихся пьяницъ—опять и опять нельзя: это дѣло мирового судьи, потому что драка происходила на улицѣ... И вотъ, цѣлымъ рядомъ систематизированныхъ распоряженій, уѣздное присутствіе узаконяетъ беззаконіе: даетъ просторъ дѣйствіямъ волостного писаря, т.-е. сознательно подчиняетъ судъ писарю, не выпуская этого послѣдняго изъ своихъ ежовыхъ рукавицъ и властвуя, такимъ образомъ, надъ судомъ черезъ посредство своего вполнѣ зависимаго подчиненнаго, вольно-наемнаго безправнаго лица. Вотъ въ общихъ очертаніяхъ картина настоящаго положенія вещей; позволяю себѣ, по принятому мною порядку, нѣсколько иллюстрировать все вышесказанное.

Въ одномъ сельскомъ кабакѣ поздно вечеромъ засидѣлась компанія пріятелей-кумовьевъ; кабатчикъ, истый типъ мелкаго деревенскаго кулака, закрылъ ставни и входную дверь, самъ присосѣдился къ компаніи, и попойка продолжалась такимъ образомъ, какъ бы въ домашнемъ кругу. Изрядно выпивъ, одинъ изъ гостей заспорилъ о чемъ-то съ хозяиномъ; дальше — больше, дошло и до драки; драться началъ кабатчикъ и, будучи сильнѣе своего противника, избилъ его, раскровянилъ ему губу и разорвалъ на немъ новую рубаху „французскаго ситца". Все это подтвердилось на судѣ свидѣтельскими показаніями прочихъ двухъ кумовьевъ; когда ихъ спрашивали, — почему же они не вмѣшались въ дѣло и не прекратили избіенія своего товарища, то они отвѣтили, что не посмѣли идти противъ Сергѣича, т.-е. кабатчика. Избитый подалъ жалобу въ волостной судъ. Вызванный по повѣсткѣ кабатчикъ до суда отозвалъ меня къ сторонкѣ и просилъ „похлопотать", чтобы дѣло окончилось ничѣмъ или, самое большее, какимъ-нибудь денежнымъ штрафомъ въ полтинникъ или рубль... Не смотря на то, что двое изъ четырехъ судей ви-

димо клонили дѣло къ желаемому отвѣтчикомъ исходу, въ концѣ концовъ было постановлено подвергнуть негостепріимнаго хозяина аресту на трое сутокъ и взыскать съ него въ пользу потерпѣвшаго за изорванную рубаху „французскаго“ ситца — одинъ рубль. Кабатчикъ остался рѣшеніемъ этимъ недоволенъ и подалъ жалобу въ присутствіе, которое и отмѣнило рѣшеніе на томъ основаніи, что драка происходила въ публичномъ мѣстѣ, и разборъ дѣла подлежитъ поэтому вѣденію мирового судьи. Какимъ образомъ избушка, служащая въ ночную пору квартирой хозяину, оказалась публичнымъ мѣстомъ, когда у ней были окна и двери на запорѣ—рѣшить не берусь. Послѣдствіемъ такого примѣненія закона было, что обиженный мужикъ, уже три раза ѣздившій за 10 верстъ по этому дѣлу въ волость (въ 1-й разъ—записать жалобу, во 2-й—явиться къ разбору дѣла и въ 3-й—выслушать рѣшеніе уѣзднаго присутствія), только рукой махнулъ и отъ дальнѣйшаго веденія дѣла отказался, въ виду новыхъ поѣздокъ за 25 в. къ мировому судьѣ... Сергѣичъ торжествовалъ.

Къ описываемой черноземной мѣстности, гдѣ земля съ избыткомъ окупаетъ лежащія на ней повинности, скидка и накидка тяголъ совсѣмъ не производится и общество не вмѣшивается въ порядокъ владѣнія отдѣльными домохозяевами своими душевыми надѣлами: братья дѣлятся, сыновья наслѣдуютъ отцовскія души безъ всякаго вмѣшательства со стороны общества, потому что земля, числящаяся за извѣстной семьей, считается какъ бы ея неотъемлемою собственностью отъ передѣла до передѣла, которые въ описываемой мѣстности бываютъ большею частью при ревизіяхъ. Всякіе споры, происходящіе при раздѣлѣ или при наслѣдованіи, принято здѣсь передавать на разсмотрѣніе волостного суда; изъ этого общаго правила не изъемлется и земельный надѣлъ, какъ объектъ владѣнія.—Два брата, давно уже жившіе врозь, не съумѣли мирно подѣлить земельный надѣлъ ихъ умершаго отца: одинъ требовалъ подѣлить его пополамъ, а другой хотѣлъ его вовсе присвоить себѣ на томъ основаніи, что покойный отецъ жилъ у него до самой своей смерти, требовалъ ухода и содержанія и былъ, наконецъ, похороненъ имъ на свой счетъ безъ всякой матеріальной помощи со стороны перваго брата. Волостной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, рѣшилъ, чтобы младшій братъ, у котораго жилъ отецъ, въ возмѣщеніе своихъ убытковъ отъ болѣзни и похоронъ отца, пользовался два года всѣмъ отцовскимъ надѣломъ, а по прошествіи двухъ лѣтъ — уступилъ бы половину другому брату. Этотъ послѣдній остался рѣшеніемъ суда недоволенъ и подалъ жалобу въ присутствіе; но такъ какъ тамъ не спѣшатъ

съ разборомъ дѣлъ, которыя лежатъ по году и дольше, то, подождавъ нѣкоторое время резолюціи присутствія, жалобщикъ махнулъ рукой и рѣшилъ подчиниться постановленію суда—т.-е. дозволилъ брату запахать весь надѣлъ, — какъ вдругъ приходитъ изъ присутствія ненужная уже резолюція—постановленіе суда отмѣнить, такъ какъ принятое имъ къ разсмотрѣнію дѣло подлежитъ-de вѣденію сельскаго схода на основаніи такой-то ст. Общ. Полож. И вотъ, сельскій сходъ, изъ болѣе чѣмъ ста человѣкъ, долженъ приступить къ необычному для него дѣлу, разбору семейной тяжбы; братья тратятся на угощеніе „стариковъ" виномъ,—чтобы задобрить ихъ; происходитъ трехъ-часовая брань, чуть-чуть не доходящая до всеобщаго мордобитія, и дѣло, наконецъ, кончается тѣмъ же, что и на волостномъ судѣ, вѣрнѣе сказать—утверждается состоявшееся годъ тому назадъ постановленіе суда, которое, конечно, было сходу извѣстно... Какое, подумаешь, знаніе мѣстныхъ обычаевъ, какое пониманіе духа Общ. Положенія сказалось въ резолюціи уѣзднаго законо-толковательнаго учрежденія!..

XVI.

Не менѣе 50% всѣхъ дѣлъ, разбираемыхъ въ волостномъ судѣ, составляютъ иски о землѣ и иски по поводу сдачи и найма земли. Въ описываемый мѣстности земля составляетъ почти единственный объектъ труда, такъ какъ кустарныхъ промысловъ, или фабричныхъ и другихъ какихъ-либо заработковъ почти не существуетъ; весь смыслъ крестьянской жизни составляетъ земля, все вниманіе крестьянина обращено на эту его кормилицу, и поэтому неудивительно, что и на волостномъ судѣ она играетъ первенствующую роль между всѣми прочими предметами исковъ. Съ другой стороны, слабая власть міра, обусловливаемая отсутствіемъ передѣловъ (я говорилъ уже, что въ большинствѣ обществъ передѣловъ не было или съ X-ой ревизіи — это у государственныхъ, или со времени выхода на волю—у бывшихъ крѣпостныхъ; только въ послѣдніе годы нѣкоторыя общества государственныхъ крестьянъ опять передѣлили поля), даетъ поводъ къ возникновенію частыхъ недоразумѣній изъ-за земли, недоразумѣній, разрѣшеніе коихъ не по закону, а по необходимости перешло на обязанность волостного суда. Довольно значительную долю общаго числа тяжбъ, имѣющихъ отношеніе къ землѣ, составляютъ споры при наслѣдствѣ, такъ какъ земельный надѣлъ умершаго члена семьи остается въ семьѣ покойнаго наравнѣ со всѣмъ прочимъ его имуществомъ,

какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ; общество не предъявляетъ правъ на выморочный надѣлъ и не награждаетъ имъ кого-либо изъ своихъ членовъ, а предоставляетъ наслѣдникамъ умершаго вѣдаться между собой. Въ не-черноземныхъ пространствахъ Россіи земля составляетъ для крестьянина если не совсѣмъ тягость, то ужъ во всякомъ случаѣ не слишкомъ лакомый кусокъ, благодаря лежащимъ на ней чрезмѣрнымъ повинностямъ—съ одной стороны, и необходимости большого количества удобренія—съ другой; тамъ земля безъ удобренія имѣетъ лишь цѣнность выгона, а не пахоты, и слабому домохозяину, бабѣ-вдовѣ или сиротамъ, нѣтъ никакого разсчета „тянуть душу", т.-е. имѣть надѣлъ, если у нихъ нѣтъ навоза. — Совсѣмъ не то у насъ, на аршинномъ черноземѣ. До сихъ поръ лишь очень рѣдкія общества, и то преимущественно мелкія, бывшія помѣщичьи, навозятъ землю, потому что черноземъ и въ своемъ естественномъ видѣ, безъ всякаго удобренія, даетъ урожай, и поэтому составляетъ цѣнность самъ по себѣ, а арендная его стоимость въ три или четыре раза превышаетъ лежащіе на немъ платежи и повинности. Поэтому, отъ наслѣдованія хотя бы 1/4 десятины никто изъ крестьянъ—безъ различія пола и возраста—не отказывается, такъ какъ, въ случаѣ наличности рабочаго инвентаря, доставшійся „четвертокъ" будетъ запаханъ и дастъ урожай, не требуя никакихъ затратъ, а въ случаѣ полнаго отсутствія инвентаря, „четвертокъ" можетъ быть сданъ въ аренду и опять-таки дастъ наслѣднику барышъ, каковой составится изъ разности между арендной стоимостью земли и лежащими на ней платежами; наконецъ, не трудно даже нанять кого-либо обработать полоску за деньги или изъ части урожая. Во всѣхъ случаяхъ владѣлецъ получаетъ бо́льшую или меньшую выгоду отъ земли и ни за что добровольно не отдастъ ее на міръ, что противно порядкамъ, установившимся по необходимости на сѣверѣ: тамъ зачастую умоляютъ міръ снять душу, а міръ не снимаетъ. Еще одна черта разницы: у насъ души, такъ или иначе попавшія на міръ, обыкновенно и остаются мірскими, поступая ежегодно въ арендное содержаніе къ желающимъ; въ не-черноземной же мѣстности всякую душу, попавшую на міръ, стараются немедленно навязать кому-нибудь въ пользованіе; причины всѣхъ этихъ особенностей понятны.

Такимъ образомъ, отъ передѣла до передѣла, надѣлъ составляетъ семейскую собственность и наслѣдуется на-ряду со всякимъ другимъ имуществомъ. Мнѣ, можетъ быть, удастся при другомъ случаѣ выяснить особенности формъ землевладѣнія данной мѣстности; въ настоящее же время я считаю нужнымъ указать

лишь причину сравнительно высокаго процента тяжбъ о землѣ между родственниками. Случается, что вдова, выходя замужъ въ другое селеніе, въ качествѣ приданаго приноситъ своему второму мужу земельный надѣлъ перваго; это, впрочемъ, допускается со стороны другихъ сонаслѣдователей—братьевъ умершаго—только въ томъ случаѣ, если со вдовой уходятъ жить къ вотчиму малолѣтніе сыновья ея отъ перваго брака, такъ что земля идетъ, собственно говоря, не за матерью, а за сиротами, которые и суть настоящіе ея владѣльцы; если же у вдовы остались только дѣвочки, то при выходѣ ея въ замужество обыкновенно возникаютъ споры и стремленіе „отбить“ землю—или со стороны сонаслѣдниковъ, или же, за отсутствіемъ таковыхъ, со стороны и самыхъ обществъ, которыя отбираютъ такія души на міръ. Какъ мнѣ неоднократно говорили старики, такіе случаи, когда міръ отбираетъ дѣвичье наслѣдство, стали встрѣчаться лишь въ послѣднее время, когда арендная стоимость земли стала ужъ чурезъ-чуръ значительно превышать платежи за нее, чѣмъ и стала возбуждаться корысть; прежде же, вдовѣ будто бы разрѣшалось и на дѣвочекъ сохранять душевой надѣлъ покойнаго мужа. Если вдова бездѣтна, то ей дозволяется питаться отъ надѣла мужа лишь до выхода ея въ новое замужество; въ случаѣ же вторичнаго замужества она непремѣнно лишается его. Впрочемъ, какъ мнѣ уже случилось указать при разсказѣ о Кочетовскомъ передѣлѣ земли, правило это (за исключеніемъ послѣдней оговорки) также стало въ послѣднее время нарушаться, и нѣкоторымъ престарѣлымъ бездѣтнымъ вдовамъ и вдовамъ съ одними дѣвочками было нарѣзано по полъ-души безъ платежа податей, а нѣкоторымъ и вовсе ничего не было дано. Братья, если живутъ врозь другъ отъ друга, наслѣдуютъ отцовскій надѣлъ поровну, т.-е. получаютъ изъ него по ровной части; въ случаѣ смерти кого-либо изъ такихъ братьевъ, его сыновьями дѣлится, какъ личный его душевой надѣлъ, такъ и доля дѣдовскаго надѣла; такимъ образомъ случается, что у двухъ родныхъ братьевъ бываетъ по одному собственному душевому надѣлу, да по половинѣ отцовскаго, да по четвертой или шестой части дѣдовскаго (восьмыхъ долей надѣла мнѣ не встрѣчалось). Въ случаѣ смерти старика дѣда, или дяди бездѣтнаго, или тестя безсыновнаго, дочери котораго всѣ пристроены, земля переходитъ къ его внуку, племяннику или зятьямъ—хотя они были бы изъ другого селенія, причемъ наслѣдники должны прокармливать бабку, тетку и т. п., если таковыя есть; если же онѣ пожелаютъ жить самостоятельно, не переходя къ родственнику по мужской линіи „въ домъ“, то сохра-

няютъ за собой надѣлъ по вышеизложеннымъ правовымъ обычаямъ; но въ послѣднее время всѣ вдовы вообще встрѣчаютъ большее или меньшее противодѣйствіе въ отношеніи наслѣдованій землею со стороны общества.

Однимъ словомъ, покуда существуютъ какія-либо лица мужского пола въ семьѣ (а иногда, какъ сказано, достаточно только женскихъ),—земля отъ передѣла до передѣла есть собственность семейская; я нарочно употребляю выраженіе „семейская“, такъ какъ никогда крестьянинъ не смотритъ на землю, находящуюся во владѣніи семьи, какъ на собственность главы семьи—дѣда или отца. Всякій знаетъ, что въ случаѣ отдѣленія его отъ семьи, его доля—не душа, а доля—должна пойти съ нимъ и никакъ не можетъ быть удержана старшимъ въ семьѣ и, въ случаѣ малѣйшаго отступленія отъ существующихъ обычаевъ, дѣло непремѣнно доходитъ до суда; случалось, напр., что отцы выгоняли своихъ сыновей изъ дому, не давая имъ „ни синь-пороху“ изъ движимаго имущества, но сыновней земли удержать при себѣ не могли. Впрочемъ, за послѣднее время все чаще и чаще рождаются попытки нарушать порядокъ обычнаго наслѣдованія земельнаго надѣла, вслѣдствіе чего волостной судъ и крестьянское присутствіе постоянно завалены такого рода тяжбами. Понятіе крестьянъ, что земля есть собственность семейская и всѣ земельные дѣла и иски поэтому тоже—семейскіе, очень рельефно обрисовывается въ слѣдующихъ, на первый взглядъ, почти не значущихъ мелочахъ. Если случится крестьянину, имѣющему братьевъ или взрослыхъ сыновей, засудиться при покупкѣ лошади, овцы, или изъ-за платы за личный трудъ, или вообще изъ-за чего-нибудь, не имѣющаго прямого отношенія къ землѣ, то никогда ни братья, ни сыновья тяжущагося „не станутъ за него на судъ“, т.-е. не признаютъ его интересовъ за свои. „Нашихъ дѣловъ тутъ не было, пущай онъ (братъ или отецъ) самъ отвѣтъ держитъ, какъ знаетъ“,—приходилось слышать отъ отвѣтчика, высланнаго сельскимъ старостою вмѣсто настоящаго отвѣтчика, его брата, отца или сына, въ данную минуту за отлучкой или по болѣзни лишеннаго возможности лично явиться въ судъ. Совсѣмъ не то будетъ, если дѣло той или другой стороной своей касается земли.

Истецъ записалъ жалобу на крестьянина села Борокъ Ивана Васильева о взысканіи полъ-десятины земли въ яровомъ полѣ. Къ разбору дѣла являются истецъ и отвѣтчикъ.

— Въ чемъ у васъ дѣло?

— Снялъ я у нихъ еще передъ святками осьминникъ въ яровомъ; два рубля задатку далъ. Только мясоѣдомъ приходитъ братъ

его и говоритъ: дай денегъ, нужда, говоритъ, пришла; ну, я далъ ему еще цѣлковый,—осталося за мной, значитъ, четыре. Пришло время ѣхать пахать; я и говорю: ну какъ же, Васильичъ, укажи осьминникъ-то?—А онъ и пошелъ вилять: сегодня-завтра, сегодня-завтра, да такъ по сію пору и нѣтъ мнѣ ничего... Прикажите землицу отдать.

— Ты что-жъ это, Васильичъ? — обращается къ отвѣтчику его односелецъ-судья. — Деньги брать, а землю въ другія руки сдавать?.. Это, вѣдь, не модель такъ-то!..

— Вина наша; что-жъ, я не отказываюсь. Три рубля, точно, получили. Только мы его Христомъ-Богомъ просили намъ всѣ деньги отдать, потому хлѣбушка весь изошелъ, ѣсть нечего стало, одна картошка осталась, — сами знаете, лѣтошнимъ годомъ по пяти копенъ свезли съ поля... А онъ не даетъ; что-жъ, намъ не помирать же стать; ну, и отдали Кузьмѣ Панфилычу за шесть рублевъ, онъ намъ и деньги въ ту-жъ пору отдалъ.

— А я то какъ-же? Такъ и пропали мои денежки?

— Прибавь малость, Платонъ Емельянычъ, — мы ужъ тебѣ осьминничекъ въ озимомъ отдадимъ.

Но Платона Емельяныча не скоро разжалобишь; основываясь на своемъ правѣ, онъ въ концѣ концовъ получаетъ осьминникъ озимаго вмѣсто ярового безъ всякой приплаты.

— Такъ вы, Иванъ, кончаете дѣло миромъ?—спрашиваю я.

— Онъ Семенъ, а не Иванъ,—поправляетъ меня судья-односелецъ.

— Какъ Семенъ?.. Вѣдь въ жалобной книгѣ записанъ Иванъ.

— Это точно-съ,—объясняетъ истецъ,—потому, какъ землю мнѣ сдавалъ братъ его старшій, Иванъ, и деньги онъ же у меня бралъ, такъ я его и записалъ... Да это все одно-съ...

— Да какъ же все одно? Вѣдь вы съ Иваномъ имѣли дѣло, а Семенъ отвѣчаетъ?..

— Да нѣтути Ивана-то: на степь уѣхамши,—убѣждаетъ меня судья не толковать о пустякахъ.—Еще позавчера уѣхалъ, вотъ Семенъ за него и вышелъ на отвѣтъ.

Я соображаю, въ чемъ дѣло, и, для полнаго успокоенія своего относительно нерушимости закона, спрашиваю:

— Да они вмѣстѣ, что-ль, живутъ? Не подѣлимшись?..

— Зачѣмъ подѣлимшись!.. Вмѣстѣ, вмѣстѣ.

Тогда я перемарываю и въ жалобной книгѣ и въ постановленіи суда слова „Иванъ“ и замѣняю ихъ „Семеномъ“... Для интересовъ семейской собственности земли—совершенно все равно, кто будетъ за нее „отвѣтъ давать“—Иванъ или Семенъ, потому

что хотя и хозяйствуетъ Иванъ, какъ старшій, т.-е. снимаетъ землю, сдаетъ, распредѣляетъ посѣвы, распоряжается уборкой и проч., но дѣлаетъ все это съ вѣденія и молчаливаго согласія Семена, который не хуже его знаетъ, почему это сдѣлано именно такъ, а не иначе, и въ каждый данный моментъ знакомъ со всѣмъ положеніемъ дѣла и можетъ безъ всякаго ущерба для хозяйства замѣнить Ивана; иначе сказать: въ отношеніи земли Иванъ поступаетъ не такъ, какъ ему хочется, а такъ, какъ этого требуетъ сама земля; и поэтому не важно, кто выражаетъ волю земли, Иванъ или Семенъ, ибо не они властвуютъ надъ землей, а земля распоряжается всѣми ихъ поступками, всей ихъ жизнью. Совсѣмъ не то было бы, если-бъ дѣло шло, напримѣръ, о купленной лошади; кто его знаетъ,—какими соображеніями руководствовался Иванъ при покупкѣ лошади на такихъ-то и такихъ-то условіяхъ?—Можетъ быть, онъ разсчитывалъ занять денегъ у тестя, можетъ быть, онъ надѣется самъ обернуться, — уплату податей позадержитъ, что ли, и посидитъ за это въ холодной, или же еще что-нибудь придумаетъ—ничего этого Семенъ не знаетъ, да это и не его дѣло, и Семенъ ни за что не станетъ за Ивана въ отвѣтчики по „лошадному“ дѣлу: „моихъ дѣловъ тутъ нѣтути; какъ они сходились, такъ пущай и расходятся, а я ничего не могу знать въ ихнихъ дѣлахъ“.

По земельнымъ искамъ даже сынъ замѣняетъ иногда на судѣ отца, или племянникъ — дядю, если только они живутъ вмѣстѣ; во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ всякій отвѣчаетъ самъ за себя, кромѣ развѣ случаевъ „неотжитія“ въ работникахъ сына или младшаго брата, или въ случаѣ иска за убытки, причиненные хозяину шалостью или нерадѣніемъ мальчикомъ — сыномъ или братомъ, за которыхъ отвѣчаетъ отецъ или старшій братъ, т.-е. хозяева семьи. Не-хозяйствующіе сынъ или младшій братъ ни наняться въ работники, ни оставить мѣсто безъ согласія старшаго въ семьѣ не могутъ, конечно, если они не живутъ въ отдѣлѣ, потому что въ этомъ случаѣ они являются совершенно самостоятельными домохозяевами, независимо отъ того, есть ли у нихъ отецъ или старшій братъ; при совмѣстномъ же жительствѣ старшій въ семьѣ и подряжается съ нанимателемъ, и разсчетъ ведетъ онъ же, въ исключительныхъ развѣ случаяхъ довѣряя поступившему въ работники младшему члену семьи самостоятельно производить разсчетъ съ нанимателемъ, забирать деньги и проч. Даже въ случаяхъ такого, крайне рѣдкаго, довѣрія, отданный въ работу членъ семьи можетъ употребить на себя только какой нибудь двугривенный въ мѣсяцъ „на табачишко“, а все осталь-

ное обязанъ вносить въ семью, откуда уже и получаетъ одежду и, въ случаѣ надобности, пищу. Понятно, что при такомъ положеніи вещей наниматель знаетъ въ качествѣ своего контрагента не самого работника—будь онъ хоть тридцати-лѣтній мужикъ,—а его отца или старшого брата, договорившагося при наймѣ и взявшаго на себя, нѣкоторымъ образомъ, нравственную отвѣтственность за исполненіе договора. Въ случаѣ же нарушенія этого договора, — когда, напр., работникъ уйдетъ до срока, не заживъ забранныхъ денегъ, и т. п., — наниматель вѣдается на судѣ [1]) не съ ушедшимъ отъ него работникомъ, а съ своимъ контрагентомъ, старшимъ членомъ въ семьѣ, который, какъ предполагается въ видѣ правила, санкціонировалъ своимъ согласіемъ нарушеніе младшимъ членомъ семьи заключеннаго съ хозяиномъ обязательства. Бываютъ, впрочемъ, случаи,—какъ исключенія,—когда работникъ уходитъ самовольно, безъ согласія своего старшого; тогда это обстоятельство выясняется на судѣ черезъ допросъ работника въ качествѣ свидѣтеля, что́ именно побудило его уйти до срока,—тайное ли приказаніе старшого, или постороннее какое-либо обстоятельство, напр., слишкомъ непосильная работа, или побои со стороны работодателя, и проч.? Если судъ приметъ во вниманіе объясненіе работника-свидѣтеля, уважитъ его жалобу на непосильную, напр., работу, или если окажется, что онъ ушелъ отъ хозяина съ согласія своего старшого, — то онъ совершенно устраняется отъ участія въ дѣлѣ, а начинается уже опредѣленіе размѣра и качества претензіи нанимателя къ своему контрагенту. Если же окажется, что работникъ ушелъ „по своевольству“, безъ согласія своего старшого и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, то старшой обязанъ или заставить его доработать до условленнаго срока, или вполнѣ удовлетворить всѣ претензіи нанимателя, такъ какъ онъ, старшой, является виноватымъ или въ томъ, что онъ „распустилъ“ подчиненныхъ ему членовъ семьи до своевольства, — или въ томъ, что далъ свое согласіе на ничѣмъ необусловленный уходъ работника отъ хозяина. Въ томъ случаѣ, когда младшій членъ семьи самовольно ушелъ отъ хозяина, причемъ послѣдній не былъ виною его ухода (не отягощалъ его работой, не билъ, кормилъ исправно и проч.),—старшій членъ обязанъ вознаградить обманутаго хозяина, а съ своимъ непокорнымъ подчиненнымъ, причинившимъ обще-семейскому фонду убытки, можетъ поступить по своему усмотрѣнію:

---

[1]) Все сказанное здѣсь относится до словесныхъ договоровъ и до волостного суда, а не до юридически обставленныхъ исковъ у мирового судьи.

или дома „поучить", или просить судъ заняться этой педагогической дѣятельностью черезъ посредство Петровича. Такимъ образомъ, изъ гражданскаго дѣла, предъявленнаго А къ Б, вытекаетъ уголовное дѣло Б къ сыну своему В о непослушанiи родительской власти; отъ гражданской же отвѣтственности передъ А, В избавленъ, какъ неимущее, неполноправное, не-юридическое лицо, а отвѣтствуетъ за него имущественный представитель семьи—Б. Изъ массы случаевъ подобнаго рода приведу здѣсь только одинъ, но довольно характерный.

Старуха-вдова отдала своего четырнадцати-лѣтняго сына въ работники за 15 руб. въ годъ, задатку взяла три рубля. Проживъ двѣ недѣли, мальчикъ ушелъ отъ хозяина; тотъ пожаловался въ судъ. Мать на судѣ показала: „пришла я Ванюшку провѣдать,—смотрю, а онъ плачетъ, рѣкой разливается. Ты что?—говорю. Прибилъ, говоритъ, хозяинъ: заставилъ меня солому подавать крышу крыть, а я не смогъ, онъ и побилъ. Сами посудите, господа судьи—гдѣ-жъ ему силы взять на крышу снопы подавать?.. Ну, я его и взяла къ себѣ,—не дозволила свое дитю мучить"... Судьи признаютъ, что она въ правѣ была взять мальчика, но присуждаютъ все-таки уплатить истцу незажитые мальчикомъ 2 руб. 60 коп., отсрочивъ, въ видѣ льготы, уплату до весны.

Изъ группы дѣлъ о взысканiи частныхъ долговъ рѣзко выдѣляются по своей характерности иски, предъявляемые къ членамъ раздѣлившихся семей, когда долгъ бывалъ сдѣланъ еще до раздѣла кѣмъ-либо изъ членовъ этой семьи. Если семья дѣлится по необходимости, безъ ссоры и недоразумѣнiй, то при раздѣлѣ имущества всѣ лежащiе на ней долги и обязательства распредѣляются соразмѣрно получаемой каждымъ имущественной долѣ; такъ напр., если сынъ отдѣляется отъ отца, у котораго остается еще сынъ, то отдѣляющiйся получаетъ свои душевые надѣлы земли, третью часть движимаго имущества и третью часть строенiй, причемъ беретъ на себя уплату и третьей части всѣхъ лежащихъ на семьѣ долговъ. Недоразумѣнiя при такихъ дѣлежкахъ бываютъ крайне рѣдко или, если и возникаютъ, то быстро улаживаются. Вотъ одинъ случай изъ этой категорiи дѣлъ.

Единственный сынъ отдѣлился отъ отца, вслѣдствiе несогласной жизни. Зимою 1882—83 г., когда они жили еще вмѣстѣ, отецъ взялъ подъ работу у сосѣдняго помѣщика 20 руб., изъ коихъ за лѣто отработано было только 10 руб., работалъ сынъ.

Осенью они подѣлились. Благодаря тому обстоятельству, что долгъ былъ помѣщичiй, что помѣщикъ ко времени ихъ раздѣла иска своего еще не предъявлялъ,—а мужикъ разсчитывается съ

бариномъ вообще только тогда, когда чувствуетъ себя окончательно припертымъ къ стѣнѣ, во все же остальное время втайнѣ питаетъ надежду — „авось-де до разсчета выйдетъ какая перемѣна“,—долгъ этотъ не былъ своевременно разверстанъ между отцомъ и сыномъ. Зимою 1883—84 г. помѣщикъ подалъ къ мировому судьѣ искъ къ нѣсколькимъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и къ этому старику, взыскивая какъ дѣйствительный долгъ, такъ и оговоренную по условіямъ неустойку; мировой судья рѣшилъ дѣло, конечно, въ пользу истца, но этотъ послѣдній „великодушно“ предложилъ крестьянамъ вновь отработать свои долги лѣтомъ 1884 г., обѣщая простить въ этомъ случаѣ неустойки. Отвѣтчикомъ по дѣлу явился отецъ, такъ какъ онъ былъ записанъ въ условіи; но послѣ тяжбы у мирового, онъ подалъ въ волостной судъ искъ къ своему отдѣленному уже сыну, требуя, чтобы тотъ обязался отработать половину слѣдуемой съ ихъ бывшей семьи работы. Сынъ упорно отказывался отъ выполненія стараго обязательства семейскаго, оправдываясь, во 1-хъ, тѣмъ, что онъ свою половину уже отработалъ въ прошломъ году, когда былъ въ семьѣ, и, во 2-хъ, тѣмъ, что онъ не былъ сполна выдѣленъ отцомъ, т.-е. не получилъ всей слѣдующей ему половины имущества, а только одну четверть (произошло это потому, что старикъ узналъ, что онъ „по закону“ единственный владѣлецъ всего имущества и можетъ поэтому располагать имъ по своему усмотрѣнію). Судъ, принимая во вниманіе, что сынъ отработалъ половину работы еще тогда, когда жилъ въ семьѣ, и что работа эта „шла въ семью“ и поэтому принята въ разсчетъ быть не можетъ, и что послѣ этого онъ получилъ „изъ семьи“ только половинную часть слѣдующей ему доли семейскаго имущества,—опредѣлилъ: обязать его отработать одну четвертую часть остающейся работы, т.-е. на 2 р. 50 к., а остальной долгъ оставить на отцѣ. Оба тяжущіеся остались рѣшеніемъ суда довольны.

Совсѣмъ иначе бываетъ, если раздѣлъ происходитъ не по личнымъ несогласіямъ, а вслѣдствіе сказывающейся розни въ имущественныхъ интересахъ. Вотъ два случая, лучше всякихъ разсужденій дающіе отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Егоръ Елкинъ былъ сборщикомъ податей и не съумѣлъ отдать отчета въ 70 руб.; сходъ постановилъ взыскать ихъ съ него судебнымъ порядкомъ. Тогда онъ сорокъ рублей внесъ своихъ, а недостающіе тридцать занялъ у другого мужика. Егоръ былъ младшимъ изъ двухъ братьевъ, хотя и ему насчитывалось уже не менѣе 45 лѣтъ; онъ занимался лѣсными операціями, которыя ко времени начета на него пошли все хуже и хуже; дѣла

его позапутались и онъ сталъ покучивать. Тогда старшій братъ, Николай, исключительно занимавшійся хлѣбопашествомъ, потребовалъ раздѣла, который, наконецъ, и произошелъ послѣ цѣлаго ряда препирательствъ, дракъ, брани и проч. Николай рѣшительно отказался взять на себя какую-либо часть братниныхъ долговъ, указывая на то обстоятельство, что онъ—старшій въ семьѣ, и поэтому хозяинъ, а долги сдѣланы Егоромъ за свой личный страхъ, безъ всякаго участія его, Николая. Какъ устроился Егоръ съ прочими своими дѣлами—я не знаю, но тридцати рублей, занятыхъ для пополненія растраты, онъ въ срокъ не уплатилъ и былъ вызванъ въ судъ по жалобѣ кредитора; дать, однако, единоличный отвѣтъ по этому дѣлу онъ отказался, говоря, что деньги онъ бралъ въ семью и поэтому, наравнѣ съ нимъ, долженъ быть вызванъ въ качествѣ отвѣтчика и его братъ, Николай. Къ слѣдующему засѣданію явившійся Николай отказался отъ уплаты части предъявленнаго къ нимъ, Елкинымъ, иска, на томъ основаніи, что деньги эти пошли не на семейскія нужды, а на пополненіе братниной растраты, куда же братъ затратилъ собранную подать, онъ, Николай, не знаетъ, и легко можетъ быть, что при своей пьяной жизни Егоръ просто пропилъ ихъ. Судъ не уважилъ претензіи Егора возложить уплату половины долга на Николая и постановилъ: взыскать всѣ 30 руб. полностью съ одного Егора.

Другой случай. Одинъ изъ трехъ братьевъ, Демьянъ былъ на военной службѣ въ то время, какъ двое другихъ, Иванъ и Тимоѳей занимались крахмально-паточнымъ производствомъ. Семья эта была состоятельная, имѣла двѣ избы, крахмальный заводъ небольшой, англійскую вѣтряную мельницу и порядочный оборотный капиталъ. Вздумали они заниматься еще скупкой овецъ, но промахнулись; ко времени возвращенія Демьяна со службы, дѣла братьевъ сильно пошатнулись; между ними пошли несогласія, проявилось стремленіе утаить другъ отъ друга часть выручки, стали дѣлаться долги, былъ проданъ заводъ и заложена мельница, словомъ—хозяйство поразстроилось. Между прочимъ, занято было сто тридцать рублей у одного мѣстнаго капиталиста, причемъ росписка была заключена формальная и засвидѣтельствована въ волостномъ правленіи. Въ роспискѣ значилось, что деньги взяты всѣми тремя братьями на обще-семейскія нужды, и къ ней подписались: Тимоѳей, какъ грамотный, самолично, а за неграмотныхъ Ивана и Демьяна—совершеннолѣтній сынъ Ивана, Кириллъ. Прошелъ годъ; вражда между братьями приняла такой острый характеръ, что не оставалось ничего, какъ раздѣлиться натрое. Демьянъ получилъ только клѣтку, лошадь, нѣсколько овецъ и

душевой надѣлъ земли, отказавшись отъ части своей въ убранномъ хлѣбѣ и въ прочемъ строеніи съ тѣмъ условіемъ, чтобы не быть отвѣтчикомъ по долговымъ обязательствамъ братьевъ. Иванъ же и Тимоѳей подѣлили прочее имущество поровну, причемъ было не мало перекоровъ объ утаенныхъ будто каждымъ семейскихъ деньгахъ. Еще до раздѣла они отдали своему главному кредитору въ счетъ долга корову за 40 руб., остальныхъ же 90 руб. не уплатили, за что и были всѣ привлечены, въ качествѣ отвѣтчиковъ, къ волостному суду. Вотъ что они показывали на судѣ.

Тимоѳей. Я отъ уплаты своей части долга, т.-е. 30 руб. не отказываюсь, такъ какъ деньги были взяты на обще-семейскія нужды.

Иванъ. Я денегъ этихъ не бралъ и сыну Кириллу не приказывалъ за себя расписываться. На что ихъ бралъ Тимоѳей и куда ихъ дѣвалъ, я не знаю, такъ какъ въ дѣла его не вмѣшивался, и поэтому отъ уплаты какой-либо части долга отказываюсь.

Демьянъ. Когда я уходилъ на службу, мы были втрое богаче, чѣмъ когда я вернулся. Теперь нѣтъ у насъ ничего, ни денегъ, ни мельницы, ни завода... Я ушелъ отъ нихъ почти нищимъ, они мнѣ не дали ни одной копны хлѣба, и я на все это согласился, лишь бы они не путали меня въ свои дѣла. На заключеніе новаго долга я своего согласія не давалъ, да оно и не спрашивалось ими, такъ какъ они поступали всегда по собственному своему разуму, не соображаясь съ моимъ мнѣніемъ.

Сынъ Ивана, Кириллъ. Отецъ приказывалъ мнѣ расписаться и дядя Демьянъ былъ при этомъ дѣлѣ, но спрашивали ли его согласія, я не помню.

Показаніе Ивана, будто бы онъ въ дѣлахъ брата не участвовалъ и долга не дѣлалъ, опровергалось уже тѣмъ однимъ обстоятельствомъ, что обще-семейская корова пошла на уплату долга, который, слѣдовательно, не могъ не быть обще-семейскимъ же. Не смотря на то, что въ роспискѣ значились должниками всѣ трое братьевъ въ равной степени, судъ, помимо писаннаго закона, постановилъ Демьяна отъ отвѣтственности освободить вовсе, а съ Ивана и Тимоѳея взыскать по-ровну, т.-е. по 45 руб. съ каждаго въ пользу кредитора.

Въ приведенномъ только-что рѣшеніи обычно-правового суда очень характерно, между прочимъ, игнорированіе со стороны суда „писаннаго закона“, въ данномъ случаѣ—росписки; нельзя не согласиться, что такое рѣшеніе суда было въ высшей степени согласно съ требованіями справедливости и обычая. Но вотъ почти

однородный фактъ, и какъ приходится жалѣть, что точная буква закона не восторжествовала въ этомъ случаѣ...

Дядя выдавалъ племянницу-сироту замужъ; при сведеніи съ ней счетовъ, оказалось, что онъ затратилъ нѣкоторое количество оставленныхъ ей покойною ея матерью денегъ и нѣкоторыя ея вещи, какъ-то: нѣсколько штукъ холстовъ, полушубокъ и т. п. При нѣсколькихъ свидѣтеляхъ и при старостѣ дядей была написана росписка, по которой онъ обязывался уплатить въ извѣстный срокъ вышедшей уже замужъ племянницѣ тридцать пять руб. Долга этого онъ не уплатилъ, однако, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ и довелъ, такимъ образомъ, дѣло до суда. На судѣ онъ привелъ цѣлый рядъ произведенныхъ имъ будто бы на свадьбу племянницы расходовъ, которые и опредѣлилъ въ 25 руб., и соглашался доплатить только остальные 10 рублей. Хотя въ роспискѣ было ясно сказано, что онъ обязуется уплатить 35 р. полностью, и хотя спрошенные свидѣтели подтвердили, что когда онъ просилъ племянницу отсрочить ему уплату долга, то ничего не упоминалъ о произведенныхъ имъ для свадьбы расходахъ и ихъ въ счетъ не клалъ, но судъ, руководствуясь какими-то странными соображеніями (въ этомъ засѣданіи подборъ судей былъ очень плохъ), а, вѣрнѣе всего, посуленнымъ магарычемъ, постановилъ взыскать съ дяди только 15 руб. въ пользу племянницы, а остальные 20 р. зачесть въ счетъ произведенныхъ расходовъ... Истица жаловалась на это рѣшеніе уѣздному присутствію, но оно, вопреки своему обыкновенію, это рѣшеніе суда „по обычаю“ утвердило, и жалобу истицы оставило безъ послѣдствій.

А вотъ торжество и писаннаго закона. Отецъ сталъ притѣснять сыновнюю жену, свою сноху; злые языки говорили, что онъ добивался ея благосклонности, но получилъ отказъ и въ отместку сталъ доѣзжать, какъ сына, такъ и ее въ особенности. Родители молодухи были люди довольно зажиточные и къ мужу ея относились хорошо; поэтому безъ вины виноватые молодые порѣшили уйти къ нимъ на житье, что и исполнили однажды въ отсутствіе отца, взявъ изъ дому только свое носильное платье и приданое молодухи. Разсерженный старикъ поднялъ въ волостномъ судѣ цѣлый рядъ исковъ къ сыну и снохѣ, обвиняя ихъ то въ кражѣ полушубка, то въ оскорбленіи его на словахъ, то въ самовольномъ оставленіи родительскаго дома и т. п.; сынъ же, съ своей стороны, сталъ просить сельскій сходъ выдѣлить ему часть изъ отцовскаго имущества, но просьба его не была уважена—благодаря большому значенію, которымъ пользовался старикъ въ селѣ. Тогда сынъ обратился съ жалобой въ волостной судъ, прося о

томъ же выдѣлѣ части имущества, но и тутъ получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что все имущество — отцово, и что отецъ воленъ сына имъ наградить или не наградить по своему личному усмотрѣнію. Но нужно добавить, что для сохраненія хотя бы нѣкотораго равновѣсія и отецъ на всѣ свои жалобы, поданныя въ судъ, получилъ отказъ... Обездоленному малому ничего не оставалось дѣлать, какъ окончательно войти „въ зятья“ къ своему тестю, что онъ и сдѣлалъ, хотя это въ деревенскомъ обиходѣ и считается нѣсколько зазорнымъ.

XVII.

За мое трехлѣтнее отправленіе обязанностей „секретаря“ волостного суда, мнѣ пришлось присутствовать при разборѣ около 600 дѣлъ; такъ какъ въ Кочетовской волости считается до 1800 крестьянъ-домохозяевъ, то, въ среднемъ, одна треть домохозяевъ успѣла пересудиться за это время. Правда, что нѣкоторыя личности—кулаки, маклаки землей и прочій сельскій „коммерческій“ людъ перебывалъ за это время по нѣскольку разъ въ судѣ, то въ качествѣ истцовъ, то отвѣтчиковъ; но, съ другой стороны, по одному и тому же дѣлу бывало часто по двое, по трое и болѣе отвѣтчиковъ, такъ что отношеніе судившихся къ несудившимся ни въ какомъ случаѣ не будетъ менѣе вышеуказаннаго. Такимъ образомъ, не менѣе одной трети домохозяевъ волости перебывало при мнѣ на волостномъ судѣ, и я имѣлъ полную возможность наблюдать и изучать, какъ характеръ массы предъявленныхъ исковъ, такъ и характеръ даваемыхъ на предъявленные иски отвѣтовъ. Вообще, всякій судъ есть лучшій пробный камень для нравственности населенія, и нигдѣ такъ ярко не высказывается, подчасъ, удачно маскируемыя въ обыденной жизни, отрицательныя качества личности: корыстолюбіе, подлость, алчность, бранчивость и т. п., какъ на судѣ; и по этому удобству разслѣдованія сокровенныхъ побужденій тяжущагося, волостной судъ превосходитъ всѣ другіе, благодаря отсутствію всякихъ стѣснительныхъ формальностей, какъ для судей, такъ и для тяжущихся. На волостномъ судѣ стороны держатся совершенно свободно, говорятъ и спорятъ безъ всякаго стѣсненія, часто уклоняясь отъ существа дѣла къ побочнымъ обстоятельствамъ, такъ или иначе имѣвшимъ отношеніе къ дѣлу, касаются своихъ личныхъ и семейныхъ отношеній, словомъ, не стѣсняясь, „выносятъ соръ изъ избы“, зная, что судьи—свой братъ, мужикъ; и судьи, не стѣсняясь своимъ высокимъ

званіемъ и не боясь уронить свое достоинство, входятъ въ препирательство и даже въ споры съ тяжущимися... Конечно, внѣшняя обстановка суда отъ этого много теряетъ, и городской житель, привыкшій къ торжественности обстановки мирового и окружного суда, былъ бы сильно пораженъ шумомъ и гвалтомъ, царящимъ въ волостномъ судѣ, гдѣ тяжущіеся перекрикиваютъ другъ друга, перебиваютъ судей, „чертыхаются", божатся и плюются, гдѣ сторожъ, на обязанности котораго лежитъ отворять двери, и всякій другой случайный посѣтитель свободно вмѣшиваются въ разборъ дѣла, обращаютъ вниманіе суда на какое-нибудь выяснившееся, по ихъ мнѣнію, важное обстоятельство, подаютъ совѣты, усовѣщиваютъ упорнаго отвѣтчика или черезъ-чуръ жестокосердаго истца; но все это имѣетъ ту хорошую сторону, что все, происходящее на судѣ, вполнѣ естественно, не стѣснено никакими формальностями и соотвѣтствуетъ представленію народа о судѣ, какъ объ учрежденіи, для всѣхъ доступномъ, всѣ функціи коего должны быть для всѣхъ понятны и не изъяты отъ общей гласной критики. Волостные судьи—тѣ же рядовые мужики; они не имѣютъ даже какого-нибудь внѣшняго знака, который отличалъ бы ихъ изъ массы, какъ напр., отличаетъ старосту его „мидаль", и поэтому они вполнѣ солидарны съ массой въ понятіяхъ, взглядахъ и проч. Частныя злоупотребленія со стороны судей служатъ лишь доказательствомъ низкаго уровня нравственности всего населенія; зависимость судей отъ кулаковъ-міроѣдовъ указываетъ лишь на общее порабощеніе народа кулаками; словомъ, крестьянскій судъ служитъ лучшимъ конкретнымъ представленіемъ народной жизни, какова она есть въ дѣйствительности. То, что́ посторонняго человѣка, не крестьянина, приводитъ въ недоумѣніе, волостныхъ судей даже не удивляетъ: всѣ побужденія истцовъ и тяжущихся имъ совершенно понятны; они сами мыслятъ и поступаютъ такъ, какъ мыслятъ и поступаютъ тяжущіеся; вся разница только въ томъ, что у тяжущагося взглядъ на свое дѣло затемненъ личнымъ интересомъ, разсчетомъ или страстью, а судья, стоящій внѣ сферы дѣйствія этого разсчета или страсти, можетъ сохранить свой взглядъ на дѣло безъ всякаго посторонняго давленія. Я говорю—*можетъ*, потому что въ дѣйствительности этого иногда не бываетъ: у тяжущагося есть много средствъ втянуть судью въ сферу дѣйствія своихъ личныхъ побужденій; эти средства извѣстны: дружба, взятка, экономическое давленіе и т. п.

Главнымъ стимуломъ, побуждающимъ населеніе обращаться въ судъ, есть желаніе „вернуть свое"; многіе истцы, прошатели то-жъ, такъ и заявляютъ: „мнѣ чужого не надо, я *свое* прошу".

Но бываетъ, что, пользуясь удобнымъ случаемъ, прошатель не прочь съ своимъ прихватить и чужое; серьезнымъ укоромъ для нравственности народа это обстоятельство не можетъ, впрочемъ, служить, потому что наряду съ этими явленіями бываетъ много случаевъ, когда прошатель, при полной возможности прихватить чужое, и не думаетъ воспользоваться этой возможностью. Мы уже видѣли на одномъ примѣрѣ, что истецъ просилъ о взысканіи не всей суммы, значившейся въ роспискѣ, а только части ея; изъ-за полтинника же, казавшагося ему спорнымъ, онъ поднялъ цѣлую бурю... Убѣдительнѣйшимъ же доказательствомъ тому, что въ судъ обращаются преимущественно съ справедливыми исками, служитъ масса мировыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ какъ до разбора дѣла, такъ во время самаго разбора и даже послѣ разбора. До суда доходитъ не болѣе двухъ третей заявленныхъ въ волостномъ правленіи жалобъ: одна треть кончается миромъ безъ всякой помощи правосудія—если не называть помощью посылку отвѣтчику повѣстки; эта послѣдняя какъ бы напоминаетъ ему о существованіи и на него „управы", и онъ спѣшитъ мириться, если на столько честенъ, чтобы безусловно признать свою вину или долгъ. Но еще характернѣе мировыя сдѣлки, заключаемыя послѣ постановки рѣшенія суда. Нерѣдко случается, что судъ присудитъ Ивану съ Петра, скажемъ, пять рублей за потравленное у него сѣно; черезъ полъ-часа или болѣе по объявленіи рѣшенія, когда начинается разборъ третьяго или четвертаго послѣ этого дѣла, въ „залу засѣданія" врываются Иванъ съ Петромъ.

— Вамъ что?

— Да вотъ просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому мы помирилися...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать, Господь съ нимъ!

Это говоритъ истецъ, оцѣнившій сначала потравленное у него сѣно въ десять рулей и оставшійся сильно недовольнымъ, когда судъ присудилъ ему „по таксѣ", т.-е. по закону, только пять рублей.

Особенно много мировыхъ сдѣлокъ бываетъ по уголовнымъ дѣламъ. Нужно сказать, что въ послѣднее время стали появляться въ судѣ массы жалобъ за „нанесенные побои", за оскорбленія „дѣйствіемъ" и даже „словами". Я указывалъ выше на причину этого явленія, кроющуюся въ ослабленіи власти міра и въ сознательномъ устраненіи со стороны сельскихъ старостъ отъ вмѣшательства въ такого рода „кляузныя" дѣла. Жалуются въ судъ и мужикъ на десятскаго, за то, что онъ, гоня его на сходку,

„бадигомъ“ ударилъ, и десятскій на мужика, что онъ его „сволочью“ назвалъ; жена на мужа—за побои; отецъ на сына—за непочтеніе; кумъ на кума—за драку въ пьяномъ видѣ; дѣвка на парня—за уличеніе ея въ связи съ болѣе счастливымъ соперникомъ и т. д., и т. д. Но всѣ эти уголовные, въ извѣстномъ смыслѣ, иски можно подраздѣлить на двѣ, рѣзко другъ отъ друга отличающіяся группы: одна будетъ заключать въ себѣ иски родственниковъ къ родственникамъ, живущимъ въ одной семьѣ (отецъ къ сыну, жена къ мужу, золовка къ деверю, и проч.), другая—всѣ остальные; между тѣмъ, какъ первые всегда имѣютъ цѣлью обуздать насиліе посредствомъ уголовнаго возмездія отвѣтчику арестомъ, тѣлеснымъ наказаніемъ, вторые составляютъ, въ сущности, лишь удобный случай сорвать съ обидчика болѣе или менѣе приличный кушъ за обиду. Какъ исключеніе, изъ двадцати исковъ одинъ, случается, что истецъ проситъ не родственнаго ему отвѣтчика „попужать, чтобъ умнѣе былъ“, и не требуетъ за свою „обиду“ какой-нибудь ассигнаціи; это случается преимущественно тогда, когда истцомъ является или богатый человѣкъ, не имѣющій нужды зариться на тощій гаманокъ „виновника“, или старикъ, или старуха, хоть и не богатые, но считающіе себя по своему возрасту достойными уваженія, и по ветхозавѣтнымъ понятіямъ своимъ не понимающіе, какъ можно рублемъ загладить нанесенную ихъ старческому достоинству обиду. Вообще, требованіе денегъ за нанесенную обиду есть явленіе сравнительно новѣйшее, и нѣкоторые старики, съ которыми мнѣ случалось говорить объ этомъ, съ неодобреніемъ относятся къ нонѣшнимъ временамъ, когда сталъ процвѣтать торгъ своей личностью. „Бывало, — говорятъ они, — подерутся мужики: извѣстно, пьянымъ долго ли до грѣха?.. Коли ровно подрались, протрезвятся и даже не вспомнятъ о дракѣ; ну, а ежели кто кого уже дюже изобидѣлъ, либо старика или старуху затронулъ — старикамъ пожалуются. Виновникъ и начнетъ въ ноги кланяться обиженному, ну, тотъ и проститъ, а виновникъ на-радостяхъ старикамъ за утружденіе четверочку поставитъ. Коли старшого кто обругалъ или, Боже упаси, побилъ, такъ это ужъ завсегда поучать, бывало, на сходкѣ, „горяченькихъ“ всыпятъ десятка два или три, а онъ за учобу опять стариковъ водочкой поблагодаритъ... Такъ вотъ и жили безо всякихъ кляузъ, и судовъ этихъ не знали; а теперь, Господи ты Боже мой милостивый! сколько этихъ обидовъ развелось и уму непостижимо!.. Пьяные подрались, сичасъ это въ судъ, давай пять целковыхъ; парень съ дѣвкой пошутилъ—она въ судъ: давай ей рубль... Ей бы, безстыжей, такой

судъ задать, по-старински, чтобъ она туда и дорогу забыла, а вы сидите, слушаете ее, паскуду... Нѣтъ, теперь народъ куда какъ ослабъ противу прежняго"...

Съ этимъ поборникомъ стараго порядка нельзя безусловно согласиться. Самый фактъ возникновенія жалобъ объ оскорбленіяхъ доказываетъ лишь развитіе сознанія собственнаго достоинства и проявляющееся сознаніе неприкосновенности личности, какъ таковой. Правда, что въ переживаемый нами періодъ всеобщаго господства рубля и полнаго порабощенія всякихъ другихъ принциповъ — принципомъ наживы на счетъ другого, какъ единственно доступнымъ неразвитому уму выходомъ изъ бѣдственнаго экономическаго положенія, возникшее сознаніе о неприкосновенности личности тотчасъ же подчинилось духу времени и стало лишь источникомъ наживы; но все-таки первый шагъ къ поднятію значенія личности сдѣланъ, и если со временемъ будутъ устранены нѣкоторыя пагубныя вліянія на жизненныя условія крестьянства, вліянія, придающія отвратительную окраску всѣмъ отправленіямъ народной жизни, то прогрессъ въ указанномъ отношеніи обрисуется совершенно явственно. Какъ-ни-какъ, а надо признаться, что въ настоящую минуту неприкосновенность личности вошла въ фазисъ оцѣнки ея на рубль, подобно тому, какъ оцѣнивается теперь мірская правда, человѣческая совѣсть, дѣвичья честь...

— Ты чего, красавица?

— Окажите защиту, господа судейные! Яшка Шведовъ срамилъ, опозорилъ меня кругомъ: мнѣ въ люди показаться нельзя!.. Онамеднись въ воскресенье, при всей улицѣ, зачалъ срамить меня: и потаскуха, и такая-сякая. Чѣмъ это я заслужила такую срамоту?.. А ежели онъ ко мнѣ лѣзъ, а я ему отваливать велѣла, такъ это еще не есть причина срамить меня...

— Такъ ты о чемъ же просишь?

— Вы лучше моего знаете, какъ по закону-то...

— Ахъ, глупая!.. Мы и такъ, и этакъ можемъ. А мы тебя спрашиваемъ, какъ тебѣ желательно?..

— Извѣстно, деньгами.

— Много-ль же ты хочешь?..

— Какъ угодно, господа судейскіе, а я меньше десяти рублей никакъ несогласна, потому этакій срамъ принять...

Дѣло кончается тѣмъ, что Яшку приговариваютъ къ одному рублю штрафа въ пользу мірскихъ суммъ; истицѣ же ничего не присуждаютъ, чтобы не повадить ее ходить по судамъ. Она уходитъ, возмущенная неправеднымъ судомъ и въ увѣренности, что Яшка „подпоилъ" судей...

Другая жалоба — о побояхъ. Разсказъ потерпѣвшаго кончается опять просьбой взыскать „по закону“ и судьямъ удается допытаться, что Тимохины побои оцѣниваются „прошателемъ“ въ 25 руб.

Имъ предлагаютъ помириться на рублѣ, и послѣ отказа идетъ судъ. По объявленіи постановленія суда о подвергнутіи, за обоюдную драку, аресту Тимохи на трое сутокъ, а истца на сутки, оба они съ выраженіемъ обманутой надежды выходятъ, но черезъ нѣсколько минутъ вваливаются обратно въ комнату.

— Прикажите помириться, господа судьи!.. Мы таперь согласны, чтобы онъ, то-ись, мнѣ рубль и больше ни на комъ...

Живущимъ подъ одной кровлей, имѣющимъ одинъ общій семейскій фондъ, близкимъ родственникамъ или супругамъ нѣтъ, конечно, никакого смысла просить другъ съ друга деньги за обиду, и поэтому они всегда просятъ „поучить“ виноватаго. Большая часть этихъ дѣлъ кончается миромъ: виноватый (конечно, младшій членъ семьи) кланяется въ ноги обиженному прошателю, тотъ читаетъ ему краткое правоученіе, вродѣ: „ну, смотри-же, Васька, на этотъ разъ Богъ проститъ, а коли ежели еще что, не прогнѣвайся!“ Судьи, съ своей стороны, „попужаютъ“ какими-нибудь страшными словами обидчика, тѣмъ и кончается домашняя распря въ большинствѣ случаевъ только на время... Но иногда оказывается, по мнѣнію суда, необходимымъ поучить упорнаго обидчика и на дѣлѣ... Наиболѣе же подавляющее впечатлѣніе производятъ дѣла, возникающія по жалобѣ жены на жестокое обращеніе съ ней мужа.

Вообще, представленіе о бабѣ, какъ о полной собственности мужика, сохранилось еще въ сильной степени. Крайне характерно сказалось это воззрѣніе по одному случаю, который я здѣсь приведу, такъ какъ онъ также имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ волостному суду.

Подрались двѣ бабы изъ-за холстовъ; зачинщицу, притомъ въ лоскъ побившую свою противницу, судъ приговорилъ къ аресту на трое сутокъ при волостномъ правленіи. Когда рѣшеніе это вошло въ законную силу, я, по обыкновенію, выдалъ старостѣ приказъ привести рѣшеніе суда въ исполненіе. Дня черезъ два послѣ этого приходятъ ко мнѣ старшина вмѣстѣ съ старостой.

— А. Н! Что мы васъ спросить хотѣли?.. Сами не посмѣли, думаемъ, спрошаючи все-жъ лучше... Мужикъ тутъ одинъ, Николка Рыжій, вотъ жену котораго въ холодную-то присудили — проситъ, нельзя-ли ему отсидѣть замѣсто нея?..

Я и ротъ разинулъ отъ удивленія.

— Что ты, Яковъ Иванычъ!.. Да вѣдь осуждена она, а не онъ, такъ какъ же его сажать можно?..

— То-то и я говорю, спрошаючи лучше!.. Вишь, по закону-то и нельзя... Мы было думали: какъ она—одна баба, и печку истопить, опять ребятишки, и коровъ подоить... Если ее таперича посадить, кто все это справлять будетъ?.. Такъ нельзя?.. Пойди, староста, скажи Николкѣ, что писарь не велитъ, нельзя, молъ, по закону!.. А мы было думали... Ахъ, грѣхи, грѣхи!..

Черезъ полъ-часа входитъ ко мнѣ самъ Николка съ узелкомъ въ рукѣ.

— Ужъ вы, А. Н., не тѣсните меня, сдѣлайте такую милость!.. Я вотъ и гостинчика вамъ—десяточекъ свѣженькихъ яичекъ принесъ.

— Помилуй, братецъ, да что-жъ тебѣ отъ меня надо?

— Прикажите ужъ мнѣ за бабу отсидѣть!.. Потому, ей никакъ нельзя отъ дому отлучиться... Да и то сказать,—опять кубыть моя тутъ вина, что я не соблюлъ ее, допустилъ до драки; вотъ я отсижу, а тогды ужъ съ ней самъ слажу — она у меня будетъ знать, какъ драться!.. Сдѣлайте такую божескую милость!..

Конечно, я такой божеской милости сдѣлать не могъ.

Выше я упомянулъ бѣгло, что крестьяне оттягиваютъ разсчеты съ помѣщиками до послѣдней возможности, въ чаяніи какой-либо грядущей „перемѣны". Это-то чаяніе и есть единственная причина массы неисполняемыхъ обязательствъ отработки, массы нарушаемыхъ „зимнихъ" условій подъ лѣтнюю работу. Лѣность, пьянство, нерадѣніе (оффиціальные мотивы) суть лишь второстепенныя причины этихъ неотработокъ; хозяйственный разсчетъ, присущій всякому мужику, — вотъ главная причина подобныхъ явленій. Беря зимой работу, огромное большинство, — почти всѣ подряжающіеся искренно намѣреваются исполнить взятыя на себя обязательства; но настаетъ рабочая пора—и вдругъ разносятся слухи, что „вышелъ указъ не работать на господъ", или—„работать, но не дешевле 40 р. за десятину", или—„черезъ мѣсяцъ, въ такой-то день, будетъ общее поравненье"... Ну, скажите, пожалуйста: какой-же разсчетливый хозяинъ будетъ затрачивать свой трудъ, во 1-хъ,—противно „указамъ" (надо вспомнить, что̀ говорилось выше объ уваженіи мужика ко всякаго рода законамъ и указамъ), а во 2-хъ,—съ явнымъ для себя убыткомъ, такъ сказать на вѣтеръ, потому что черезъ мѣсяцъ, все равно, выйдетъ „поравненье", и работа должника не достанется ни барину, ни ему, работавшему, а какому-нибудь „чужому дядѣ"?.. Но проходитъ назначенный для объявки „перемѣны" день, про-

носится слухъ, что „отложили ищо на годъ", —и мужикъ безропотно идетъ съ поклономъ къ барину, проситъ подождать на немъ долгъ, опять искренно надѣясь все честно отработать. Конечно, не всѣ баре хотятъ или могутъ ждать—и отсюда масса исковъ съ громадными неустойками, какъ у мирового судьи, такъ и въ волостномъ судѣ. Господа судятся, впрочемъ, съ мужичьемъ чаще у мирового судьи, считая нѣсколько унизительнымъ для себя прибѣгать къ защитѣ волостного суда, гдѣ засѣдаютъ такіе же мужики, а, частью, не довѣряя этому суду, хотя совершенно напрасно. Если у помѣщика есть формальная росписка—а у кого ихъ теперь нѣтъ! — то дѣло его въ волостномъ судѣ такъ-же вѣрно, какъ и у „своего" судьи: писарь—законникъ и чувствуетъ къ тому-же уваженіе къ сильному истцу, судьи боятся и закона, и писаря, и истца, и помѣщикъ всегда выигрываетъ формально обставленное дѣло. Лично помѣщики никогда почти не являются даже на судъ, а присылаютъ лишь довѣреннаго приказчика или старосту.

Закончу небольшой сценой съ натуры.

Дѣйствіе происходитъ не въ Кочетовскомъ судѣ, а въ одной изъ сосѣднихъ волостей. Истецъ—приказчикъ извѣстнаго въ округѣ своимъ кулачествомъ помѣщика П., отвѣтчикъ — безземельный и бездомовый бобыль, живущій по работникамъ; онъ служилъ у П., но ушелъ отъ него въ самую горячую пору, соблазнившись высокой поденной платой на степи и забывъ, что обязался передъ П. при наймѣ двухъ-рублевымъ штрафомъ за каждый прогульный день. Три рубля забрано было имъ впередъ, да сорокъ дней прогулу,—итого искъ въ 83 р., обставленный всѣми формальностями. Судьи присуждаютъ взыскать съ бобыля 83 руб. въ пользу П. По окончаніи дѣла, одинъ изъ присутствовавшихъ постороннихъ зрителей спросилъ судей:

— Къ чему вы присудили такъ много съ него? Вѣдь онъ во вѣкъ не расплатится,—съ него взять нечего...

— Хе, хе... А потому и осудили такъ: съ него, все едино, взять нечего, а барину,—какъ-ни-какъ,—почетъ!..

Н. А—ревъ

ВЪ ПАНЦЫРѢ ВЕЛИКАНА

Романъ Ф. Ансти.

Съ англійскаго.

— „Теперь онъ чувствуетъ, что царскій санъ виситъ на немъ, какъ панцырь великана, надѣтый карликомъ".

Макбетъ.

I.

Заступникъ.

Въ самомъ центрѣ Сити, но отдѣленная отъ торговаго шума и суеты кольцомъ лавокъ и подъ сѣнью закопченой классической церкви, находится—или, вѣрнѣе сказать, находилась, такъ какъ ее недавно перевели — большая школа св. Петра.

Входя въ массивныя старыя ворота, къ которымъ съ двухъ сторонъ тѣснятся лавки, вы попадали въ атмосферу схоластической тишины, царствующей въ большинствѣ училищъ во время классовъ, когда съ трудомъ вѣрится,—до того безмолвіе велико,— что внутри зданія собрано нѣсколько сотъ мальчиковъ.

Даже поднимаясь по лѣстницѣ, ведущей въ школу и проходя мимо классовъ, вы могли слышать только слабое жужжаніе, долетавшее до васъ сквозь многочисленныя двери,—пока наконецъ швейцаръ въ красной ливреѣ не выйдетъ изъ своей коморки и не позвонитъ въ большой колоколъ, возвѣщавшій, что дневной трудъ оконченъ.

Тогда нервные люди, случайно попавшіе въ длинный темный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго шли классы, испыты-

вали очень непріятное ощущеніе: имъ казалось, что какой-то разнузданный демонъ вырвался внезапно на волю. Взрыву обыкновенно предшествовалъ глухой ропотъ и шелесть, длившійся нѣсколько минутъ послѣ того, какъ замолкнетъ звукъ колокола,— затѣмъ дверь за дверью раскрывались и толпы мальчишекъ съ дикими и радостными воплями вылетали изъ классовъ и опрометью бѣжали по лѣстницѣ.

Послѣ того, въ продолженіе получаса, школа представляла собой вавилонское столпотвореніе: крики, свистки, народныя пѣсни, драки и потасовки, и непрерывный топотъ ногъ. Все это длилось не очень долго, но затихало постепенно: сначала пѣсни и свистки становились все слабѣе и слабѣе, все одиночнѣе и явственнѣе, топотъ ногъ и перекликающіеся голоса мало-по-малу замирали, суматоха прекращалась и робкое безмолвіе водворялось снова, прерываемое лишь торопливыми шагами провинившихся школьниковъ, отправлявшихся въ карцеръ, медленной поступью расходившихся учителей и щетками старыхъ служанокъ, подметавшихъ полъ.

Какъ разъ такую сцену застаемъ мы въ тотъ моментъ, какъ начинается наша исторія. Толпа мальчишекъ съ блестящими, черными ранцами высыпала изъ воротъ и смѣшалась съ большимъ людскимъ потокомъ.

Въ центрѣ главнаго корридора, о которомъ я уже упоминалъ, находилась „Терція", большая, квадратная комната съ грязными, оштукатуренными и выкрашенными свѣтлой краской стѣнами, высокими окнами и небольшимъ, закапаннымъ чернилами, письменнымъ столомъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ рядами школьныхъ столовъ и лавокъ. Вдоль стѣнъ шли черныя доски, исписанныя цифрами, и стояла большая четырехъугольная печь въ углу.

Единственное лицо, находившееся теперь въ этой комнатѣ, былъ Маркъ Ашбернъ, классный наставникъ, да и онъ готовился оставить ее, такъ какъ отъ спертаго воздуха и постояннаго напряженія, съ какимъ онъ удерживалъ весь день порядокъ въ классѣ, у него разболѣлась голова. Онъ хотѣлъ, прежде чѣмъ идти домой, просмотрѣть для развлеченія какой-нибудь журналъ или поболтать въ учительской комнатѣ.

Маркъ Ашбернъ былъ молодой человѣкъ,—моложе его, кажется, и не было среди учителей,—и рѣшительно самый изъ нихъ красивый. Онъ былъ высокъ и строенъ, съ черными волосами и краснорѣчивыми темными глазами, имѣвшими способность выражать гораздо больше того, что онъ чувствовалъ. Вотъ, напримѣръ, въ настоящую минуту сентиментальный наблюдатель не-

премѣнно прочиталъ бы во взглядѣ, какимъ онъ окинулъ опустѣвшую комнату, страстный протестъ души, сознающей свою геніальность, противъ жестокой судьбы, закинувшей его сюда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только соображалъ, чья это шляпа осталась на вѣшалкѣ у противуположной стѣны.

Но если Маркъ не былъ геніемъ, то въ его манерахъ было что-то обольстительное, какая-то пріятная самоувѣренность, тѣмъ болѣе похвальная, что до сихъ поръ его очень мало поощряли въ этомъ смыслѣ.

Онъ одѣвался хорошо, что производило извѣстное дѣйствіе на его классъ, такъ какъ школьники склонны критиковать небрежность въ костюмѣ своего начальства, хотя сами и не слишкомъ заботятся о томъ, какъ одѣты. Они считали его „страшнымъ щеголемъ", хотя онъ и не особенно щегольски одѣвался, а только любилъ, возвращаясь домой по Пикадилли, имѣть видъ человѣка, только-что разставшагося съ своимъ клубомъ и ничѣмъ особенно не занятымъ.

Онъ не былъ непопуляренъ между школьниками: ему было до нихъ столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга, но ему нравилась популярность, а благодаря своему безпечному добродушію, онъ безъ всякаго усилія достигалъ ея. Школьники уважали также его знанія и толковали о немъ между собой, какъ о человѣкѣ, „у котораго башка не сѣномъ набита", такъ какъ Маркъ умѣлъ при случаѣ щегольнуть ученостью, производившей сильное впечатлѣніе.

Въ этихъ случаяхъ онъ уклонялся отъ своего предмета и по всей вѣроятности зналъ, что его ученость не выдержитъ слишкомъ серьезной критики, но вѣдь за то и некому было серьезно критиковать его.

Любопытство, возбужденное въ немъ шляпой и пальто, висѣвшими на вѣшалкѣ въ то время, какъ онъ сидѣлъ за своимъ пюпитромъ, было удовлетворено: дверь, верхняя половина которой была стеклянная и защищена переплетомъ изъ толстой проволоки, —предосторожность, конечно, не лишняя въ данномъ случаѣ,— отворилась и показался маленькій мальчикъ, блѣдный и разстроенный, держа въ рукѣ длинную полосу синяго картона.

— Эге! Лангтонъ, — сказалъ Маркъ, завидя его: — такъ это вы не ушли домой? Въ чемъ дѣло?

— Ахъ! сэръ! — началъ жалобно мальчикъ: — я попалъ въ ужасную бѣду.

— Очень жаль,—замѣтилъ Маркъ:—въ чемъ же дѣло?

— Да я вовсе и не виноватъ,—отвѣчалъ тотъ.—Дѣло было

вотъ какъ. Я шелъ по корридору, какъ разъ противъ дверей стараго Джемми... т.-е. я хочу сказать м-ра Шельфорда, а дверь-то стояла раскрытой. А возлѣ какъ разъ стоялъ одинъ ученикъ; онъ гораздо старше и сильнѣе меня; онъ схватилъ меня за шиворотъ, втолкнулъ въ комнату и заперъ дверь на ключъ. А потомъ пришелъ м-ръ Шельфордъ, выдралъ меня за уши и сказалъ, что я это дѣлаю уже не въ первый разъ и что за это меня посадятъ въ карцеръ. И вотъ далъ мнѣ это и велѣлъ идти къ директору за подписью.

И мальчикъ протянулъ билетъ, на которомъ было написано дрожащимъ почеркомъ старика Шельфорда:

„Лангтонъ. 100 линеекъ за непростительную дерзость. Ж. Шельфордъ“.

— Если я снесу это наверхъ, сэръ,—продолжалъ мальчикъ, дрожащими губами,—то мнѣ навѣрно достанется.

— Боюсь, что да, — согласился Маркъ: — но все же вамъ лучше поторопиться, потому что иначе они запрутъ карцеръ и тогда васъ еще строже накажутъ.

Марку въ сущности было жаль мальчика, хотя, какъ мы уже сказали, онъ не очень любилъ школьниковъ; но этотъ въ частности, круглолицый, тоненькій мальчикъ, съ честнымъ взглядомъ и нѣкоторой деликатностью въ голосѣ и манерахъ, заставлявшихъ думать, что у него есть мать или сестра, благовоспитанная женщина, былъ менѣе антипатиченъ Марку, нежели его сотоварищи. Но все же онъ не настолько сочувствовалъ мальчугану, чтобы догадаться, чего тому отъ него нужно.

Юный Лангтонъ повернулся-было, чтобы уходить, съ унылымъ видомъ, затѣмъ вдругъ вернулся назадъ и сказалъ:

— Пожалуйста, сэръ, заступитесь за меня. Я бы перенесъ наказаніе, еслибы въ чемъ провинился. Но я ни въ чемъ не виноватъ, а потому мнѣ обидно.

— Что же я могу сдѣлать?—спросилъ Маркъ.

— Замолвите за меня словечко м-ру Шельфорду. Онъ васъ послушаетъ и проститъ меня.

— Онъ, вѣроятно, уже ушелъ,—возразилъ Маркъ.

— Вы еще застанете его, если поторопитесь, — настаивалъ мальчикъ.

Маркъ былъ польщенъ этимъ довѣріемъ къ его краснорѣчію: ему нравилась также мысль разыграть роль защитника своего класса, а добродушіе, присущее ему, тоже побуждало его согласиться на просьбу мальчика.

— Хорошо, Лангтонъ, я попытаюсь. Сомнѣваюсь, чтобы изъ

этого что-нибудь вышло, но... вотъ что, молчите и держитесь въ сторонѣ... предоставьте мнѣ дѣйствовать.

Они вышли въ длинный корридоръ съ оштукатуренными стѣнами, цѣлымъ рядомъ дверей по обѣимъ сторонамъ и съ темнымъ сводчатымъ потолкомъ.

Маркъ остановился передъ дверью, ведущей въ классъ м-ра Шельфорда и вошелъ. М-ръ Шельфордъ, очевидно, готовился уходить, такъ какъ на головѣ у него была надѣта большая широкополая шляпа, сдвинутая на затылокъ, а вокругъ шеи онъ завертывалъ платокъ; но онъ вѣжливо снялъ шляпу, увидя Марка. То былъ маленькій старичекъ съ большимъ горбатымъ носомъ, краснымъ какъ кирпичъ, морщинистыми щеками, большимъ ртомъ съ тонкими губами, и маленькими, острыми сѣрыми глазками, которыми онъ поглядывалъ искоса, точно разсерженный попугай.

Лангтонъ отошелъ къ одному изъ отдаленныхъ столовъ и сѣлъ, тревожно ожидая рѣшенія своей участи.

— Въ чемъ дѣло, Ашбернъ? — спросилъ достопочтенный Джемсъ Шельфордъ,—чѣмъ могу служить вамъ?

— Вотъ что,—началъ Маркъ,—я...

— Что, что такое?—перебилъ старшій учитель.—Погодите... опять тутъ вертится этотъ дерзкій мальчишка! Я думалъ, что уже раздѣлался съ нимъ. Слушайте-ка, сэръ, вѣдь я отправилъ васъ къ директору на расправу?

— Точно такъ, сэръ,—отвѣчалъ Лангтонъ необыкновенно почтительно.

— Ну, такъ какимъ же образомъ вы тутъ, сэръ, а не на расправѣ? извольте отвѣчать мнѣ, какимъ образомъ вы еще не наказаны, какъ бы слѣдовало?

— Вотъ что,—вступился Маркъ,—онъ одинъ изъ моихъ учениковъ...

— Мнѣ все-равно, чей онъ ученикъ,—сердито перебилъ тотъ:—онъ дерзкій мальчишка, сэръ!

— Не думаю.

— Знаете ли, что́ онъ сдѣлалъ? Вбѣжалъ съ крикомъ и гиканьемъ въ мою комнату, точно это его дѣтская. И онъ постоянно такъ дѣлаетъ.

— Я никогда этого не дѣлалъ раньше,—протестовалъ Лангтонъ,—и въ этотъ разъ это случилось не по моей винѣ.

— Не по вашей винѣ! Развѣ у васъ пляска св. Витта? Не слыхалъ, чтобы здѣсь водились тарантулы. Отчего вы не врываетесь въ комнату директора? вотъ онъ дастъ вамъ урокъ тан-

цевъ!—ворчалъ старый джентльменъ, усѣвшись на мѣсто и напоминая собой Понча.

— Нѣтъ, но выслушайте меня,—вмѣшался Маркъ,—увѣряю васъ, что этотъ мальчикъ...

— Знаю, что вы мнѣ скажете, что онъ образцовый ученикъ, конечно! Удивительно, какая пропасть образцовыхъ учениковъ врываются ко мнѣ по какимъ-то непреодолимымъ побужденіямъ послѣ классовъ. Я хочу положить этому конецъ, благо одинъ изъ нихъ попался. Вы ихъ не знаете такъ хорошо, какъ я, сэръ; они всѣ нахалы и лгуны, только одни умнѣе другихъ, вотъ и все.

— Боюсь, что вы правы,—замѣтилъ Маркъ, которому не хотѣлось, чтобы его считали неопытнымъ.

— Да, жестокая вещь имѣть дѣло съ мальчишками, сэръ, жестокая и неблагодарная. Если мнѣ случится когда-нибудь поощрять мальчика въ моемъ классѣ, который, по моему мнѣнію, старателенъ и прилеженъ, то, какъ вы думаете, чѣмъ онъ отблагодаритъ меня? Сейчасъ же сыграетъ со мной какую-нибудь скверную штуку, только затѣмъ, чтобы доказать другимъ, что онъ ко мнѣ не поддѣлывается. И тогда всѣ они принимаются оскорблять меня... да что, этотъ самый мальчикъ сколько разъ кричалъ мнѣ сквозь замочную скважину: „Улитка".

— Я думаю, что вы ошибаетесь,—успокоивалъ Маркъ.

— Вы думаете? Хорошо, я спрошу у него самаго. Слушайте: сколько разъ вы кричали мнѣ „Улитка", или другіе ругательные эпитеты, сквозь дверь, сэръ?

И онъ наклонилъ ухо, чтобы выслушать отвѣтъ, не спуская глазъ съ мальчика.

— Я никогда не кричалъ „Улитка", только одинъ разъ я закричалъ „Креветка". Это было ужъ очень давно.

Маркъ мысленно пожалъ плечами, не безъ презрѣнія къ такой несвоевременной откровенности.

— Ого!—произнесъ м-ръ Шельфордъ, беря мальчика потихонько за ухо.—Креветка? эге! Креветка, слышите вы это, Ашбернъ? Быть можетъ, вы будете такъ добры, объясните мнѣ, почему вы зовете меня „Креветкой"?

Для человѣка, который видѣлъ его красное лицо и вытаращенные глаза, причина была ясна, но, должно быть, Лангтонъ сообразилъ, что для откровенности есть границы и что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить, не подумавши.

— Потому что... потому что другіе васъ такъ называли,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ! а почему же другіе меня называютъ „Креветка"?

— Они мнѣ не объясняли этого, — дипломатически заявилъ мальчикъ.

М-ръ Шельфордъ выпустилъ ухо мальчика, и тотъ благоразумно удалился на прежнее мѣсто, подальше отъ учителей.

— Да, Ашбернъ, —жаловался старый Джемми, —вотъ какъ они меня величаютъ, всѣ какъ одинъ человѣкъ: „Креветка", да „Улитка". Они кричатъ мнѣ это вслѣдъ, когда я ухожу домой. И это я терплю уже тридцать лѣтъ.

— Негодяи мальчишки!—отвѣчалъ Маркъ, какъ будто бы эти прозвища были для него новостью и учителя ничего о нихъ не знали.

— Да, да; на дняхъ, когда дежурный отперъ мою каѳедру, тамъ оказался большой, нахальный котенокъ, пялившій на меня свои глаза. Должно быть, онъ самъ себя заперъ туда, чтобы досадить мнѣ.

Онъ не сказалъ, что послалъ купить молока для незваннаго гостя и держалъ его на колѣняхъ въ продолженіе всего класса, послѣ чего ласково выпустилъ на свободу! А между тѣмъ, дѣло было именно такъ, потому что не смотря на долгіе годы, проведенные среди мальчишекъ, сердце его не совсѣмъ очерствѣло, хотя этому мало кто вѣрилъ.

— Да, сэръ, эта жизнь тяжелая! тяжелая жизнь, сэръ!—продолжалъ онъ спокойнѣе.—Слушать долгіе годы сряду, какъ полчища мальчишекъ всѣ спотыкаются на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и перевираютъ однѣ и тѣ же фразы. Мнѣ уже это начинаетъ сильно надоѣдать; я вѣдь уже теперь старикъ. „Occidit miseros crambe"... вы помните какъ дальше?

— Да, да, совершенно вѣрно...—отвѣчалъ Маркъ, хотя онъ и не помнилъ откуда и что это за цитата.

— Кстати о стихахъ,—продолжалъ старикъ,—я слышалъ, что нынѣшній годъ мы будемъ имѣть удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ вашихъ произведеній на вечерѣ спичей. Вѣрно это?

— Я не слыхалъ, что это дѣло слажено, — отвѣчалъ Маркъ, краснѣя отъ удовольствія.—Я написалъ маленькую вещицу, такъ, родъ аллегорической святочной пьесы, знаете... masque... какъ ихъ называютъ, и представилъ директору и комитету спичей, но до сихъ поръ еще не получалъ опредѣленнаго отвѣта.

— О! быть можетъ, я слишкомъ поторопился, — замѣтилъ м-ръ Шельфордъ:—быть можетъ, я слишкомъ поторопился.

— Пожалуйста, сообщите мнѣ, что вы объ этомъ слышали?—спросилъ Маркъ, сильно заинтересованный.

— Я слышалъ, что объ этомъ разсуждали сегодня за зав-

тракомъ. Васъ, кажется, не было въ комнатѣ, но, полагаю, что они должны были рѣшить этотъ вопросъ сегодня послѣ полудня.

— О, тогда, быть можетъ, онъ уже рѣшенъ,—сказалъ Маркъ: —быть можетъ, я найду записку на своемъ столѣ. Извините... я... я пойду, погляжу.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, совсѣмъ позабывъ о цѣли своего прихода; его занимало въ настоящую минуту нѣчто поважнѣе вопроса, будетъ или нѣтъ наказанъ мальчикъ, вина котораго находится подъ сомнѣніемъ, и ему хотѣлось поскорѣе узнать о результатѣ.

Маркъ всегда желалъ какъ-нибудь прославиться и въ послѣдніе годы ему показалось, что литературная слава всего для него доступнѣе. Онъ уже дѣлалъ многія честолюбивыя попытки въ этомъ родѣ, но даже тѣ лавры, какіе ему могло доставить исполненіе его пьесы мальчиками-актерами на святкахъ, казались желанными. И хотя онъ написалъ и представилъ комитету свою пьесу довольно самоувѣренно и беззаботно, но по мѣрѣ того какъ рѣшительная минута приближалась, онъ дѣлался все тревожнѣе.

То были пустяки, конечно, но все же они могли возвысить его во мнѣніи учителей и директора, а Маркъ нигдѣ не любилъ быть нулемъ. Поэтому неудивительно, если просьба Лангтона улетучилась изъ его памяти, когда онъ спѣшилъ обратно въ классную комнату, оставивъ несчастнаго мальчика въ лапахъ его мучителя.

Старикъ снова надѣлъ широкополую шляпу, когда Маркъ вышелъ изъ комнаты, и уставился на своего плѣнника.

— Ну-съ, если не желаете, чтобы васъ здѣсь заперли на всю ночь, то лучше уходите,—замѣтилъ онъ.

— Въ карцеръ, сэръ?—пролепеталъ мальчикъ.

— Вы, полагаю, знаете дорогу? Если же нѣтъ, то я могу вамъ ее показать,—вѣжливо произнесъ старый джентльменъ.

— Но право же,—молилъ Лангтонъ,—я ничего не сдѣлалъ. Меня втолкнули.

— Кто втолкнулъ васъ? Ну-съ, довольно, я вижу, что вы собираетесь лгать. Кто васъ втолкнулъ?

Было довольно вѣроятно, что Лангтонъ готовился лгать,—кодексъ его понятій дозволялъ это,—но что-то ему, однако, помѣшало.

— Я знаю этого мальчика только по имени,—сказалъ онъ наконецъ.

— Прекрасно; какъ его зовутъ по имени? Я его пошлю въ карцеръ вмѣсто васъ.

— Я не могу вамъ этого сказать,—прошепталъ мальчикъ.

— А почему, нахалъ вы эдакій?—вы вѣдь только что сказали, что знаете.

— Потому что это было бы неблагородно, - смѣло отвѣтилъ Лангтонъ.

— Ага, неблагородно?—повторилъ старый Джемми.—Неблагородно, да! Такъ, такъ, я старъ становлюсь и совсѣмъ забылъ про это. Можетъ быть, вы и правы. А оскорблять старика, это благородно по вашему? Итакъ вы хотите, чтобы я васъ освободилъ отъ наказанія?

— Да, потому что я не виноватъ.

— А если я это сдѣлаю, то вы завтра влетите сюда, крича мнѣ „Улитка“... нѣтъ, я забылъ „Креветка“—это, кажется, ваше любимое прозвище?

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ладно, повѣрю вамъ на слово, хоть и не увѣренъ, что вы того стоите.

И онъ разорвалъ роковую бумажку.

— Бѣгите домой чай пить и не надоѣдайте мнѣ больше.

Лангтонъ убѣжалъ, не вѣря своему счастію, а старый м-ръ Шельфордъ заперъ столъ, взялъ большой дождевой зонтикъ съ крючковатой ручкой, который получилъ странное сходство съ своимъ хозяиномъ, и ушелъ.

— Вотъ милый мальчикъ,—бормоталъ онъ, — не лгунъ, кажется? Но, впрочемъ, кто знаетъ: онъ, можетъ быть, все время водилъ меня за носъ. Онъ способенъ, пожалуй, разсказать другимъ, какъ онъ перехитрилъ „стараго Джемми“. Но мнѣ кажется, что онъ этого не сдѣлаетъ. Мнѣ кажется, что я могу отличить лгуна, при моемъ-то опытѣ.

Тѣмъ временемъ Маркъ вернулся въ свой классъ. Одинъ изъ привратниковъ догналъ его и подалъ записку, которую онъ поспѣшно распечаталъ, но увы! разочаровался. Записка была не отъ комитета, а отъ его знакомаго Гольройда.

„Любезный Ашбернъ,—стояло въ запискѣ,—не забудьте своего обѣщанія заглянуть ко мнѣ, возвращаясь домой. Вы знаете, что это будетъ наше послѣднее свиданіе, а у меня есть до васъ просьба, которую я выскажу, прежде чѣмъ уѣхать. Я дома до пяти часовъ, такъ какъ буду укладываться“.

„Я сейчасъ отправлюсь къ нему, подумалъ Маркъ, надо проститься съ нимъ, а возвращаться для этого нарочно послѣ обѣда слишкомъ скучно“.

Пока онъ читалъ записку, мимо него пробѣжалъ юный Ланг-

тонъ, держа въ рукахъ ранецъ и съ веселымъ и благодарнымъ лицомъ.

— Извините, сэръ,—сказалъ онъ, кланяясь,—ужасно вамъ благодаренъ за то, что заступились за меня передъ м-ромъ Шельфордомъ: еслибы не вы, онъ ни за что не простилъ бы меня.

— Ага!—проговорилъ Маркъ, вдругъ вспоминая о своей милосердной миссіи:—конечно, конечно. Такъ онъ, простилъ васъ? Ну, очень радъ, очень радъ, что могъ быть вамъ полезенъ, Лангтонъ. Не легко было отдѣлаться, не такъ ли? Ну, прощайте, бѣгите домой и потверже выучите своего Непота, чтобы лучше, чѣмъ сегодня, отвѣтить мнѣ урокъ завтра.

Маркъ, какъ мы видѣли, не былъ особенно жаркимъ адвокатомъ мальчика, но такъ какъ Лангтонъ, очевидно, думалъ противное, то Маркъ былъ послѣднимъ человѣкомъ, который бы сталъ выводить его изъ заблужденія. Благодарность всегда пріятна, хотя бы была и не заслуженная.

— Клянусь Юпитеромъ,—сказалъ онъ самъ себѣ не то пристыженный, не то разсмѣшенный:—я совсѣмъ позабылъ про этого мальчишку, бросилъ его на произволъ стараго рака. Но конецъ дѣло вѣнчаетъ!

Въ то время какъ онъ стоялъ у рѣшетки подъѣзда, мимо медленно прошелъ самъ старый ракъ, съ согнутой спиной и безжизненными глазами, разсѣянно устремленными въ пространство. Быть можетъ, онъ думалъ въ эту минуту, что жизнь могла бы быть для него веселѣе, еслибы его жена Мэри была жива и у него были сынки въ родѣ Лангтона, которые встрѣчали бы его послѣ утомительнаго дня, тогда какъ теперь онъ долженъ возвращаться въ одинокій, мрачный домикъ, который онъ занималъ въ качествѣ члена капитула ветхой церкви, находившейся рядомъ.

Но каковы бы ни были его мысли, а онъ былъ слишкомъ ими поглощенъ, чтобы замѣтить Марка, проводившаго его глазами въ то время, какъ онъ медленно спускался съ каменныхъ ступенекъ, ведшихъ на мостовую.

„Неужели и я буду похожъ со временемъ на него?—подумалъ Маркъ. Если я пробуду здѣсь всю свою жизнь, то чего добраго и самъ стану такимъ же. Ахъ! вотъ идетъ Джильбертсонъ... я отъ него узнаю что-нибудь на счетъ моей пьесы“.

Джильбертсонъ былъ тоже учитель и членъ комитета, распоряжающагося святочными увеселеніями. Онъ былъ нервный, суетливый человѣкъ и поздоровался съ Маркомъ съ явнымъ смущеніемъ.

— Ну что, Джильбертсонъ,—произнесъ Маркъ какъ можно развязнѣе,—ваша программа уже готова.

— Гмъ... да, почти готова... гмъ! то есть, не совсѣмъ еще.

— А что же мое маленькое произведеніе?

— Ахъ, да! конечно, ваше маленькое произведеніе. Намъ оно всѣмъ очень понравилось, да... очень понравилось... въ особенности директоръ былъ отъ него въ восторгѣ, увѣряю васъ, мой дорогой Ашбернъ, просто въ восторгѣ.

— Очень радъ это слышать,—отвѣчалъ Маркъ съ внезапной тревогой,—такъ какъ же... вы, значитъ, рѣшили принять мою пьесу?

— Видите ли,—уставился Джильбертсонъ въ мостовую,—дѣло въ томъ, что директоръ подумалъ, и многіе изъ насъ тоже подумали, что пьеса, которую будутъ разыгрывать мальчики, должна быть болѣе... какъ бы это сказать .. не такъ, какъ бы это выразить... болѣе, какъ бы натуральна, знаете... но вы понимаете, что я хочу сказать, не правда ли?

— Несомнѣнно, что тогда это была бы капитальная пьеса,—отвѣчалъ Маркъ, стараясь подавить досаду,—но я легко могъ бы измѣнить это, Джильбертсонъ, если хотите.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ тотъ поспѣшно,—не дѣлайте этого, вы ее испортите; намъ это было бы очень непріятно и... кромѣ того, намъ не хотѣлось бы понапрасну затруднять васъ. Потому что директоръ находитъ, что ваша пьеса немного длинна и недостаточно легка, знаете, и не вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ требованіямъ, но мы всѣ очень восхищались ей.

— Но находите ее тѣмъ не менѣе негодной? вы это хотите сказать?

— Какъ вамъ сказать... пока ничто еще не рѣшено. Мы напишемъ вамъ письмо... письмо объ этомъ. Прощайте, прощайте! спѣшу къ поѣзду въ Людгетъ-Гиллъ.

И онъ торопливо убѣжалъ, радуясь, что отдѣлался отъ злополучнаго автора, такъ какъ вовсе не разсчитывалъ, что ему придется лично сообщать о томъ, что пьеса отвергнута.

Маркъ постоялъ, глядя ему вслѣдъ съ горькимъ чувствомъ. Итакъ, и тутъ неудача. Онъ написалъ такія вещи, какія, по его мнѣнію, должны были прославить его, если только будутъ обнародованы; и тѣмъ не менѣе оказывается, что его считаютъ недостойнымъ занять святочную публику ученическаго театра.

Маркъ уже нѣсколько лѣтъ сряду гонялся за литературной извѣстностью, которой многіе всю жизнь тщетно добиваются, пока не сойдутъ въ могилу. Даже въ Кембриджѣ, куда онъ перешелъ изъ этой самой школы св. Петра съ ученой степенью и надеждами на блестящую карьеру, онъ часто измѣнялъ своимъ серьезнымъ занятіямъ, чтобы участвовать въ тѣхъ эфемерныхъ студен-

ческихъ журналахъ, сатирическое направленіе которыхъ имѣетъ даръ оглушать многихъ, какъ полѣномъ.

Нѣкоторое время легкіе тріумфы въ этомъ направленіи сдѣлали изъ него второго Пенденниса среди его товарищей по коллегіи; затѣмъ звѣзда его, подобно звѣздѣ Пенденниса, закатилась и неудача послѣдовала за неудачей. Его экзамены оказались далеко не блестящими и въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ принять третьеразрядное мѣсто учителя въ той самой школѣ св. Петра, гдѣ учился.

Но эти неудачи только подстрекали его честолюбіе. Онъ покажетъ свѣту, что онъ не дюжинный человѣкъ. Время отъ времени онъ посылалъ статьи въ лондонскіе журналы, такъ что, наконецъ, его произведенія получили нѣкоторое обращеніе... въ рукописномъ видѣ, переходя изъ одной редакціи въ другую.

Время отъ времени какая-нибудь изъ его статей появлялась и въ печати, и это поддерживало въ немъ болѣзнь, которая въ другихъ проходитъ съ теченіемъ времени. Онъ писалъ себѣ и писалъ, излагая на бумагѣ рѣшительно все, что приходило ему въ голову и придавая своимъ идеямъ самую разнообразную литературную форму, отъ трагедіи, писанной бѣлыми стихами, до сонета и отъ трехтомнаго романа до небольшого газетнаго entrefilet, все съ одинаковымъ рвеніемъ и удовольствіемъ, и съ весьма малымъ успѣхомъ.

Но онъ непоколебимо вѣрилъ въ себя. Пока онъ боролся съ толстой стѣной предубѣжденія, которую приходится брать приступомъ каждому новобранцу литературной арміи, но нисколько не сомнѣвался въ томъ, что возьметъ ее.

Но разочарованіе, доставленное ему комитетомъ, больно поразило его, оно показалось ему предвозвѣстникомъ болѣе крупнаго несчастія. Однако, Маркъ былъ сангвиническаго темперамента и ему не стоило большихъ трудовъ снова забраться на свой пьедесталъ.

— Въ сущности, не велика бѣда,—подумалъ онъ.—Если мой новый романъ „Трезвонъ" будетъ напечатанъ, то объ остальномъ мнѣ горя мало. Пойду теперь къ Гольройду.

II.

Послѣдняя прогулка.

Свернувъ изъ Чансери-Ленъ подъ древнія ворота, Маркъ вошелъ въ одно изъ тѣхъ старинныхъ живописныхъ зданій изъ краснаго кирпича, завѣщанныхъ намъ восемнадцатымъ столѣтіемъ

и дни которыхъ, съ ихъ окнами въ мелкихъ пыльныхъ переплетахъ, башенками по угламъ и другими архитектурными прихотями и неудобствами, уже сочтены. Скоро, скоро рѣзкія очертанія ихъ шпицовъ и трубъ не будутъ больше вырѣзываться на фонѣ неба. Но найдутся непрактическіе люди, которые пожалѣютъ, хотя и не живутъ въ нихъ (а, можетъ быть, и потому самому) объ ихъ разрушеніи.

Газъ слѣпо мигалъ на винтовой лѣстницѣ, помѣщавшейся въ одной изъ башенъ дома. Маркъ проходилъ мимо дверей, на которыхъ прибиты были имена жильцовъ, и черныя, блестящія доски съ обозначеніемъ пути, пока не остановился передъ одной дверью второго этажа, гдѣ на грязной дощечкѣ, въ числѣ другихъ именъ стояло: „М-ръ Винцентъ Гольройдъ“.

Если Марка до сихъ поръ преслѣдовала неудача, то и Винцентъ Гольройдъ не могъ похвалиться удачей. Онъ, конечно, больше отличился въ коллегіи, но получивъ степень и поступивъ въ ряды адвокатовъ, три года провелъ въ вынужденномъ бездѣйствіи, и хотя это обстоятельство вовсе не безпримѣрно въ подобной карьерѣ, но здѣсь оно сопровождалось непріятной вѣроятностью на его продолжительность. Сухая сдержанная манера, происходившая отъ скрытой застѣнчивости, мѣшала Гольройду сближаться съ людьми, которые могли быть ему полезны, и хотя онъ сознавалъ это, но не могъ побѣдить себя. Онъ былъ одинокій человѣкъ и полюбилъ, наконецъ, одиночество. Изъ тѣхъ интересныхъ качествъ, которыя, по общему мнѣнію, считаются необходимыми для адвоката, онъ не располагалъ ни однимъ, и будучи отъ природы даровитѣе многихъ другихъ, рѣшительно не находилъ случая проявить свои дарованія. Поэтому, когда ему пришлось разстаться съ Англіей на неопредѣленное время, онъ могъ безъ сожалѣнія бросить свою карьеру, обставленную далеко не блестящимъ образомъ.

Маркъ нашелъ его укладывающимъ небольшую библіотеку и другіе пожитки въ тѣсной, меблированной комнатѣ, которую онъ нанималъ. Окна ея выходили на Чансери-Ленъ, а стѣны выкрашены свѣтло-зеленой краской, которая вмѣстѣ съ кожаной обивкой мебели считается принадлежностью адвокатской профессіи.

Лицо Гольройда смуглое и некрасивое, съ крупными чертами, пріятно оживилось, когда онъ пошелъ на встрѣчу Марку.

— Я радъ, что вы пришли,—сказалъ онъ.—Мнѣ хотѣлось прогуляться съ вами въ послѣдній разъ. Я буду готовъ черезъ минуту. Я только уложу мои юридическія книги.

— Неужели вы хотите взять ихъ съ собою на Цейлонъ?

— Нѣтъ, не теперь. Брандонъ—мой квартирный хозяинъ,

знаете—согласенъ приберечь ихъ здѣсь къ моему возвращенію. Я только-что говорилъ съ нимъ. Идемъ, я готовъ.

Они прошли черезъ мрачную, освѣщенную газомъ комнатку клерка, и Гольройдъ остановился, чтобы проститься съ клеркомъ, кроткимъ, блѣднымъ человѣкомъ, красиво переписывавшимъ рѣшеніе въ концѣ одного изъ дѣлъ.

— Прощайте, Тукеръ,—сказалъ онъ.—Мы съ вами долго не увидимся.

— Прощайте, сэръ. Очень жалѣю, что разстаюсь съ вами. Желаю вамъ пріятнаго пути, сэръ, и всего хорошаго на мѣстѣ; чтобы вамъ тамъ было лучше, чѣмъ здѣсь, сэръ.

Клеркъ говорилъ съ странной смѣсью покровительства и уваженія: уваженіе было чувство, съ какимъ онъ привыкъ относиться къ своему принципалу, ученому юристу, а покровительство вызывалось сострадательнымъ презрѣніемъ къ молодому человѣку, не съумѣвшему пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ.

— Этотъ Гольройдъ никогда не сдѣлаетъ карьеры въ адвокатурѣ,—говаривалъ онъ знакомымъ клеркамъ,—у него нѣтъ ловкости, нѣтъ пріятнаго обхожденія и нѣтъ связей. Не понимаю даже, зачѣмъ онъ сунулся въ адвокатуру!

Гольройду нужно было распорядиться на счетъ того, куда адресовать бумаги и письма, которыя могутъ придти въ его отсутствіе, и кроткій клеркъ выслушалъ ихъ съ такой серьезностью, точно и не думалъ все время про себя: — стоитъ толковать о такихъ пустякахъ.

Затѣмъ Гольройдъ покинулъ свою комнату и вмѣстѣ съ Маркомъ спустился по винтовой лѣстницѣ, прошелъ подъ колоннадой палаты вице-канцлера, гдѣ у запертыхъ дверей нѣсколько клерковъ и репортеровъ переписывали списокъ дѣлъ, назначенныхъ для разбирательства на слѣдующій день.

Они прошли черезъ площадь Линкольнъ-Инна и направились къ Пикадилли и Гайдъ-Парку. Погода стояла совсѣмъ не ноябрьская: небо было голубое, а воздухъ лишь настолько свѣжъ, чтобы пріятно напоминать, что на дворѣ глубокая осень.

— Да,—сказалъ Гольройдъ печально,—мы съ вами теперь долго не будемъ гулять вмѣстѣ.

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Маркъ съ сожалѣніемъ, звучавшимъ нѣсколько формально, такъ какъ предстоящая разлука его не особенно печалила.

Гольройдъ всегда больше любилъ Марка, чѣмъ Маркъ Гольройда; дружба послѣдняго была для Марка скорѣе дѣломъ случая, нежели личнаго выбора. Они вмѣстѣ квартировали въ Кембриджѣ

и потомъ жили на одной лѣстницѣ въ коллегіи и, благодаря этому, почти ежедневно видѣлись, а это въ свою очередь установило нѣкоторую пріязнь, которая, однако, не всегда бываетъ настолько сильна, чтобы выдержать переселеніе въ другое мѣсто.

Гольройдъ старался, чтобы она пережила ихъ учебные годы, такъ какъ страннымъ образомъ любилъ Марка, не смотря на то, что довольно ясно понималъ его характеръ. Марку удавалось возбуждать пріязнь къ себѣ въ другихъ людяхъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, и сдержанный, скрытный Гольройдъ любилъ его больше, чѣмъ даже позволялъ себѣ это высказывать.

Маркъ, съ своей стороны, начиналъ ощущать постоянно возраставшее стѣсненіе въ обществѣ пріятеля, который былъ такъ непріятно проницателенъ и подмѣчалъ всѣ его слабыя стороны и въ которомъ всегда чувствовалъ нѣкоторое передъ собой превосходство, раздражавшее его тщеславіе.

Безпечный тонъ Марка больно задѣлъ Гольройда, который надѣялся на болѣе теплый отвѣтъ, и они молча продолжали путь, пока не вошли въ Гайдъ-Паркъ и не перешли черезъ Ротенъ-Роу, когда Маркъ сказалъ:

— Кстати, Винцентъ, вы, кажется, хотѣли о чемъ-то со мною переговорить?

— Я хотѣлъ попросить васъ объ одномъ одолженіи,—отвѣчалъ Гольройдъ:—это не будетъ для васъ особенно затруднительно.

— О! въ такомъ случаѣ, если я могу это сдѣлать, то конечно... но что же это такое?

— Вотъ что, дѣло въ томъ, что хотя я никому ни слова еще не говорилъ объ этомъ... я написалъ книгу.

— Не бѣда, старина,—замѣтилъ Маркъ съ шутливымъ смѣхомъ, такъ какъ это признаніе, а вѣрнѣе, нѣкоторое замѣшательство, съ какимъ оно было сдѣлано, какъ будто приравнивало къ нему Гольройда.—Многіе до васъ писали книги, и никто отъ того хуже о нихъ не думаетъ, лишь бы только они ихъ не печатали. Это юридическое сочиненіе?

— Не совсѣмъ; это—романъ.

— Романъ!—вскричалъ Маркъ,—вы написали романъ?

— Да, я написалъ романъ. Я всегда былъ мечтатель и меня забавляло передавать свои мечты бумагѣ. Мнѣ не мѣшали.

— Однако, ваша профессія?

— Она мнѣ не давалась въ руки,—отвѣтилъ Гольройдъ, съ меланхолической гримасой.—Я приходилъ обыкновенно въ палаты въ десять часовъ утра и уходилъ въ шесть, проводя цѣлый день въ записываньѣ отчетовъ и протоколовъ, но никто изъ повѣ-

ренныхъ не замѣчалъ моего прилежанія. Тогда я сталъ ходить въ судъ и весьма старательно записывалъ всѣ рѣшенія, но мнѣ ни разу не удалось быть полезнымъ суду, въ качествѣ amicus curiae, такъ какъ оба вице-предсѣдатели, повидимому, отлично обходились безъ моей помощи. Тогда мнѣ все это надоѣло и пришло въ голову написать эту книгу и я не успокоился, пока этого не сдѣлалъ. Теперь она написана и я опять одинокъ.

— И вы желаете, чтобы я просмотрѣлъ и проредактировалъ ее.

— Не совсѣмъ такъ; пускай остается какъ есть. Я хочу попросить васъ вотъ о чемъ: кромѣ васъ, мнѣ не хотѣлось бы обращаться ни къ кому съ этой просьбой. Я желалъ бы, чтобы мою книгу напечатали. Я уѣзжаю изъ Англіи и по всей вѣроятности у меня будутъ полны руки другимъ дѣломъ. Я бы желалъ, чтобы вы попытались найти издателя. Васъ это не очень затруднитъ?

— Нисколько; весь трудъ будетъ заключаться только въ томъ, чтобы пересылать рукопись изъ одной редакціи въ другую.

— Я, конечно, не разсчитываю на то, что вамъ удастся увидѣть ее въ печати; но еслибы, паче чаянія, рукопись была принята, то я предоставляю вполнѣ на ваше усмотрѣніе всѣ условія. Вы опытны въ этихъ дѣлахъ, а я нѣтъ, и къ тому же буду далеко.

— Я сдѣлаю все, что́ могу,—отвѣчалъ Маркъ.—Что это за книга?

— Я уже сказалъ, что это романъ. Право не знаю, какъ описать вамъ подробнѣе: это...

— О, не трудитесь,—перебилъ Маркъ,—я самъ прочту. Какое заглавіе вы ему дали?

— „Волшебныя чары",—отвѣчалъ Гольройдъ, неохотно открывая то, что́ было такъ долго его тайной.

— Это не свѣтскій романъ, я полагаю?

— Нѣтъ. Я мало бываю въ свѣтѣ.

— Напрасно; многіе были бы весьма довольны познакомиться съ вами.

Но что-то въ тонѣ Марка говорило, что онъ самъ не увѣренъ въ томъ, что́ говоритъ.

— Неужели? Не думаю. Люди вообще добры, но они рады бываютъ видѣть только того, кто умѣетъ позабавить ихъ или заинтересовать, и это вполнѣ натурально. Я не могу похвастаться тѣмъ, что очень занимателенъ или интересенъ; во всякомъ случаѣ теперь поздно объ этомъ сожалѣть.

— Вы не собираетесь, однако, жить пустынникомъ на Цейлонѣ?

— Не знаю. Плантація моего отца находится въ довольно пустынной мѣстности острова. Не думаю, чтобы онъ былъ очень коротокъ съ сосѣдними плантаторами, а когда я уѣзжалъ оттуда ребенкомъ, у меня было еще меньше друзей, чѣмъ здѣсь. Но у меня тамъ будетъ пропасть занятій, пока я ознакомлюсь съ дѣломъ, какъ отецъ, повидимому, желаетъ.

— Онъ прежде не располагалъ имѣть васъ при себѣ?

— Онъ сначала желалъ, чтобы я занялся адвокатурой въ Коломбо, но это было вскорѣ послѣ того какъ я кончилъ курсъ, и тогда я предпочелъ попытать счастія въ Англіи. Я вѣдь второй сынъ, и пока былъ живъ мой старшій братъ Джонъ, меня предоставляли на произволъ судьбы. Вы знаете, что я уже разъ ѣздилъ въ Коломбо, но не могъ поладить съ отцомъ. Теперь же онъ боленъ, а бѣдный Джонъ умеръ отъ дисентеріи и онъ—одинъ, а такъ какъ у меня тутъ нѣтъ никакой практики, то мнѣ неловко отказаться пріѣхать къ нему. Къ тому же меня ничто здѣсь не удерживаетъ.

Они шли черезъ Ротенъ-Роу, когда Гольройдъ говорилъ это. Вечеръ уже почти наступилъ; небо стало свѣтло-зеленое; изъ южнаго Кенсингтона донесся звонъ колокола, призывавшаго къ вечернѣ.

— Не напоминаетъ вамъ этотъ колоколъ кембриджскія времена? — спросилъ Маркъ.—Мнѣ представляется будто мы идемъ послѣ рѣчной гонки и это звонитъ колоколъ нашей церкви.

— Я бы желалъ, чтобы это было такъ,—отвѣчалъ Гольройдъ со вздохомъ:—въ то время хорошо жилось, и оно никогда не воротится.

— Вы въ очень уныломъ настроеніи духа для человѣка, возвращающагося на родину.

— Ахъ! я, видите ли, не чувствую, чтобы это была моя родина. Да и меня никто тамъ не знаетъ, за исключеніемъ моего бѣднаго старика отца; мы тамъ почти какъ иностранцы. Я оставляю здѣсь тѣхъ немногихъ людей, которые мнѣ дороги.

— О! все навѣрное устроится,—разсуждалъ Маркъ съ тѣмъ оптимизмомъ, съ какимъ мы относимся къ чужой будущности.— Вы навѣрное разбогатѣете и скоро станете или богатымъ плантаторомъ, или выборнымъ судьей. Тамъ всякій долженъ составить карьеру. И друзей вы тамъ легче пріобрѣтете, нежели здѣсь.

— Я бы желалъ сохранить тѣхъ, которые у меня уже есть, —отвѣчалъ Гольройдъ,—но, очевидно, надо покориться судьбѣ.

Они дошли до конца Ротенъ-Роу; ворота Кенсингтонскихъ садовъ были заперты, и стоявшій позади рѣшетки полисменъ

подозрительно наблюдалъ за ними, точно опасался, что они вздумаютъ насильно ворваться.

— Вамъ, кажется, тутъ надо повернуть?—сказалъ Маркъ.

Гольройду хотѣлось бы, чтобы Маркъ проводилъ его до Кенсингтона, но такъ какъ тотъ самъ не предлагалъ этого, то гордость помѣшала ему попросить его объ этомъ.

— Еще послѣднее слово насчетъ книги,—сказалъ онъ.—Могу я поставить ваше имя и вашъ адресъ на заглавномъ листѣ? Я отошлю ее сегодня къ Чильтону и Фладгету.

— О, разумѣется,—отвѣчалъ Маркъ,—какъ хотите.

— Я не выставилъ своего настоящаго имени, и еслибы книгу напечатали, я не желаю открывать своего анонима.

— Какъ хотите; но почему?

— Если я останусь адвокатомъ, то романъ, хотя бы даже онъ и имѣлъ успѣхъ, не особенная рекомендація для кліентовъ, и кромѣ того, если меня ждетъ фіаско, то мнѣ пріятнѣе оставаться неизвѣстнымъ, не правда ли? Я поставилъ на книжкѣ имя Винцента Бошанъ.

— Хорошо, хорошо, никто ничего не узнаетъ до тѣхъ поръ, пока вы сами не пожелаете открыться, и если книгу примутъ, то я съ удовольствіемъ буду слѣдить за ея печатаніемъ и напишу вамъ. Объ этомъ не безпокойтесь.

— Благодарю, а теперь прощайте, Маркъ.

Въ голосѣ его послышалось искреннее чувство, которое сообщилось даже самому Марку въ то время, какъ онъ пожималъ руку Винцента.

— Прощайте, —отвѣчалъ онъ,—будьте здоровы, счастливаго пути и всякаго благополучія. Вы не любите писать письма, но надѣюсь, что время отъ времени напишете мнѣ строчку или двѣ. Какъ называется корабль, на которомъ вы отправляетесь?

— „Мангалоръ". Онъ отплываетъ завтра. А пока прощайте, Маркъ. Надѣюсь, что съ вами еще увидимся. Не забывайте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы слишкомъ старинные пріятели.

Еще послѣднее рукопожатіе, минутная неловкость, которую всегда чувствуютъ англичане, разставаясь, и они разошлись въ разныя стороны: Гольройдъ направился въ Безуотеръ черезъ мостъ, а Маркъ повернулъ въ Квинсгетъ и Кенсингтонъ.

Проводивъ пріятеля, Маркъ поглядѣлъ съ минуту вслѣдъ его высокой, мощной фигурѣ, пока тотъ не скрылся во мракѣ. „Я его, вѣроятно, больше не увижу,—подумалъ онъ. Бѣдный Гольройдъ, подумать, что онъ написалъ книгу; онъ—изъ тѣхъ неудачниковъ,

которымъ ни въ чемъ не бываетъ успѣха. Я увѣренъ, что мнѣ она доставитъ много хлопотъ".

Гольройдъ ушелъ съ тяжелымъ сердцемъ.

„Маркъ не будетъ скучать по мнѣ,—говорилъ онъ самому себѣ. Неужели и Мабель такъ же простится со мной".

III.

Прощаніе.

Въ тотъ самый день, какъ мы видѣли Марка и Винцента гулявшими другъ съ другомъ въ послѣдній разъ, миссисъ Лангтонъ и ея старшая дочь Мабель сидѣли въ хорошенькой гостиной своего дома въ Кенсингтонскомъ паркѣ.

Миссисъ Лангтонъ была жена богатаго адвоката съ обширной практикой и одна изъ тѣхъ изящно лѣнивыхъ женщинъ, обворожительныя манеры которыхъ успѣшно прикрываютъ нѣкоторую пустоту ума и характера. Она была все еще хорошенькая женщина и жаловалась на нездоровье всегда, когда это не представляло положительнаго неудобства.

Сегодня былъ одинъ изъ ея пріемныхъ дней, но посѣтителей было на этотъ разъ немного, да и тѣ раньше обыкновеннаго разошлись, оставивъ слѣдъ своего присутствія въ поэтическомъ безпорядкѣ креселъ и стульевъ и пустыхъ чайныхъ чашкахъ въ различныхъ мѣстахъ гостиной.

Миссисъ Лангтонъ покойно раскинулась въ мягкомъ креслѣ и лѣниво слѣдила за горящими угольями въ каминѣ, между тѣмъ какъ Мабель, помѣстившись на кушеткѣ около окна, пыталась читать журналъ при свѣтѣ потухающаго дня.

— Не лучше ли позвонить и велѣть принести лампы, Мабель?—посовѣтовала мать.—Какъ ты можешь читать въ такой темнотѣ? Говорятъ, это очень вредно для глазъ. Я думаю, что никого больше не будетъ, хотя мнѣ странно, что Винцентъ не пришелъ проститься.

— Винцентъ не любитъ пріемныхъ дней,—отвѣчала Мабель.

— Все же уѣхать не простившись, когда мы такъ давно съ нимъ знакомы, и конечно были всегда съ нимъ любезны. Вашъ отецъ всегда приглашалъ адвокатовъ обѣдать, чтобы знакомить ихъ съ нимъ, хотя это ни къ чему никогда не приводило. Онъ отплываетъ завтра. Мнѣ кажется, что онъ могъ бы найти время проститься съ нами.

— И я такъ думаю,—согласилась Мабель,—это непохоже на Винцента, хотя онъ всегда былъ застѣнчивъ и во многихъ отношеніяхъ страненъ. Онъ не такъ давно у насъ былъ, но я не могу повѣрить, чтобы онъ уѣхалъ не простясь.

Миссисъ Лангтонъ осторожно зѣвнула.

— Это меня не удивитъ,—сказала она,—когда молодой человѣкъ готовится... но конецъ ея фразы былъ прерванъ приходомъ ея младшей дочери Долли съ гувернанткой нѣмкой; за ними слѣдовалъ слуга, несшій лампы съ розовыми абажурами.

Долли была живая дѣвочка лѣтъ девяти съ золотистыми волосами, красиво вившимися, и глубокими глазами, оттѣненными длинными рѣсницами и обѣщавшими быть со временемъ опасными.

— Мы взяли съ собой Фриска безъ шнурка, мамаша,—кричала она,—и онъ отъ насъ убѣжалъ. Не правда ли, какъ это дурно съ его стороны?

— Не бѣда, милочка, онъ вернется благополучно домой... онъ вѣдь всегда такъ дѣлаетъ.

— Ахъ, но меня сердитъ то, что онъ убѣжалъ; вы знаете, въ какомъ ужасномъ видѣ онъ всегда возвращается домой. Его надо какъ-нибудь отучить отъ этого.

— Я совѣтую тебѣ хорошенько его пожурить,—вмѣшалась Мабель.

— Я пробовала, но онъ проситъ прощенья, а затѣмъ какъ только его вымоютъ, опять убѣгаетъ. Когда онъ вернется, я его на этотъ разъ хорошенько вздую.

— Милая моя,—закричала миссисъ Лангтонъ,—какое ужасное выраженіе.

— Колинъ говоритъ такъ,—отвѣчала Долли, хотя отлично знала, что Колинъ не особенно щепетиленъ въ своихъ выраженіяхъ.

— Колинъ говоритъ многое такое, чего не слѣдуетъ повторять дѣвочкѣ.

— Да, да,—весело подтвердила Долли.—Я не знаю, извѣстно ли это ему? Я пойду и скажу ему это... онъ вернулся домой.

И она убѣжала какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ кто-то позвонилъ у двери.

— Мабель, кто-то должно быть еще съ визитомъ; но я такъ устала, и теперь такъ уже поздно, что я оставлю тебя и Fräulein занимать гостей. Папа и я ѣдемъ сегодня на обѣдъ и мнѣ нужно отдохнуть, прежде чѣмъ одѣваться. Я убѣгу, пока можно.

Миссисъ Лангтонъ граціозно выскользнула изъ комнаты какъ разъ въ ту минуту, какъ дворецкій прошелъ въ переднюю, что-

бы отворить дверь очевидно какому-то посѣтителю, и Мабель услышала, какъ доложили о приходѣ м-ра Гольройда.

— Итакъ вы все-таки пріѣхали проститься? — сказала Мабель, протягивая руку съ ласковой улыбкой.—Мамаша и я, мы думали, что вы уѣдете, не простясь.

— Вамъ бы слѣдовало лучше меня знать.

Винцентъ согласился выпить предложенную ему чашку чаю только затѣмъ, чтобы еще разъ имѣть случай полюбоваться веселой, граціозной манерой, съ примѣсью ласковой насмѣшки, съ которой Мабель его угощала и которая была ему такъ хорошо знакома. Онъ разговаривалъ съ ней и съ Fräulein Мозеръ съ тяжелымъ чувствомъ неудовлетворительности такого тріо для прощальнаго свиданія.

Гувернантка тоже сознавала это. Въ послѣднее время она стала подозрѣвать, какого рода чувства питаетъ Винцентъ къ Мабель, и жалѣла его.

„Этотъ бѣдный молодой человѣкъ уѣзжаетъ далеко, я дамъ ему случай объясниться“, думала она и сѣла за фортепіано въ сосѣдней комнатѣ.

Но не успѣлъ Винцентъ обмѣняться нѣсколькими незначительными фразами съ Мабель, какъ въ комнату вбѣжала Долли, а такъ какъ ей никогда въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ предпочесть ея разговору чей-нибудь другой, то она вскорѣ совсѣмъ завладѣла Винцентомъ.

— Долли, милая,—закричала гувернантка изъ-за фортепіанъ,—сбѣгай и спроси у Колина, не унесъ ли онъ метрономъ въ классную комнату?

Долли понеслась въ классную и скоро забыла о данномъ порученіи въ спорѣ съ Колиномъ, которому всякое развлеченіе было желательно, когда онъ сидѣлъ за уроками. Фрейлейнъ Мозеръ, конечно, предвидѣла такой результатъ, тѣмъ болѣе, что метрономъ стоялъ около нея.

— Вы, конечно, будете намъ писать, Винцентъ, оттуда?—сказала Мабель.—Чѣмъ вы разсчитываете быть?

— Кофейнымъ плантаторомъ,—мрачно отвѣчалъ тотъ.

— О, Винцентъ!—съ упрекомъ замѣтила молодая дѣвушка,—вы были прежде честолюбивѣе. Помните, какъ мы строили планы на счетъ вашей будущей знаменитости. Но вы не особенно прославитесь, если будете плантаторомъ.

— Если я берусь за это, то по необходимости. Но я все еще честолюбивъ, Мабель. Я не удовлетворюсь этимъ дѣломъ,

если другое мое предпріятіе удастся. Но въ томъ-то и дѣло, что это еще очень гадательно.

— Какое еще предпріятіе? разскажите мнѣ, Винцентъ; вы прежде всегда мнѣ все говорили.

Въ характерѣ Винцента было очень мало замѣтно его тропическое происхожденіе и по своей природной сдержанности и осторожности онъ предпочелъ бы подождать до тѣхъ поръ, пока его книга не будетъ напечатана, прежде нежели признаться въ своемъ писательствѣ.

Но просьба Мабель поколебала его осторожность. Онъ писалъ для Мабель и его лучшей надеждой было то, что она со временемъ прочтетъ и похвалитъ его книгу. Ему захотѣлось взять ее въ повѣренныя и увезти съ собой ея симпатію какъ поддержку въ трудныя минуты.

Еслибы онъ успѣлъ поговорить съ ней о своей книгѣ и ея содержаніи, быть можетъ, Мабель почувствовала бы новый интересъ къ его особѣ и это предотвратило бы многія дальнѣйшія событія въ ея жизни. Но онъ колебался, а тѣмъ временемъ возникла новая помѣха, случай былъ упущенъ, и подобно многимъ другимъ, разъ упущенный, больше не представился. Неугомонная Долли снова явилась невиннымъ орудіемъ судьбы: она пришла съ громаднымъ портфелемъ въ рукахъ и положила его на стулъ.

— Я нигдѣ не могла найти метрономъ, фрейлейнъ. Винцентъ, мнѣ нужна ваша голова для альбома! Позвольте мнѣ ее снять.

— Мнѣ она самому нужна, Долли, я никакъ не могу обойтись безъ нея въ настоящую минуту.

— Я говорю не про вашу настоящую голову, а только про вашъ силуэтъ,—объяснила Долли.—Неужели вы этого не поняли?

— Это не особенно страшная операція, Винцентъ,—вмѣшалась Мабель. — Долли мучитъ всѣхъ своихъ друзей послѣднее время, но она не причиняетъ имъ физической боли.

— Хорошо, Долли, я согласенъ,—сказалъ Винцентъ,—только пожалуйста будьте со мной помягче.

— Садитесь на стулъ возлѣ стѣны,—приказывала Долли.— Мабель пожалуйста сними абажуръ съ лампы и поставь ее вотъ тутъ.

Она взяла карандашъ и большой листъ бумаги.

— Теперь, Винцентъ, сядьте такъ, чтобы ваша тѣнь ложилась на бумагу и сидите смирно. Не двигайтесь и не говорите, иначе вашъ профиль будетъ испорченъ.

— Мнѣ очень страшно, Долли,—объявилъ Винцентъ, послушно усаживаясь, какъ ему было велѣно.

— Какой вы трусъ! Подержи его голову, Мабель. Нѣтъ!— придержи лучше бумагу.

Винцентъ сидѣлъ тихо, въ то время какъ Мабель оперлась сзади на его стулъ, одной рукой слегка придерживая его за плечо и ея мягкіе волосы касались его щеки. Долго, долго, потомъ, въ сущности всю свою жизнь, онъ не могъ вспомнить объ этихъ мгновеніяхъ безъ радостнаго трепета.

— Готово, Винцентъ! — съ тріумфомъ возвѣстила Долли, проводя нѣсколько чертъ по бумагѣ.—У васъ не очень правильный профиль, но силуэтъ будетъ похожъ, когда я его вырѣжу. Вотъ!—подала она голову въ натуральную величину, вырѣзанную изъ черной бумаги.—Неправда ли, очень похоже на васъ?

— Право не знаю, отвѣчалъ—Винцентъ, съ сомнѣніемъ поглядывая на бумагу,—но надѣюсь, что похожъ.

— Я дамъ вамъ съ него копію,—великодушно объявила Долли, вырѣзывая другую черную голову своими проворными ручками.

— Вотъ, возьмите, Винцентъ, и пожалуйста не потеряйте.

— Хотите, чтобы я всегда носилъ его у сердца, Долли?

Долли нашла нужнымъ обдумать этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, полагаю, что этого не нужно,—отвѣтила она.—Конечно онъ бы васъ грѣлъ, но, боюсь, что черная бумага марается. Вы должны наклеить его на картонъ и вставить въ рамку.

Въ эту минуту вошла миссисъ Лангтонъ, и Винцентъ пошелъ ей на встрѣчу съ отчаянной надеждой въ душѣ, что авось его пригласятъ провести съ ними послѣдній вечеръ,—надеждой, которой не суждено было осуществиться.

— Любезный Винцентъ,—сказала она, протягивая ему обѣ руки,—и такъ вы все-таки пришли. Право, я боюсь, что вы совсѣмъ насъ забыли. Почему ты не прислала мнѣ сказать, что Винцентъ у насъ, Мабель? Я бы поторопилась одѣться. Мнѣ такъ досадно, Винцентъ, что я должна проститься съ вами второпяхъ. Мужъ и я ѣдемъ обѣдать въ гости и онъ не вернется домой, чтобы переодѣться, а переодѣнется въ своей конторѣ, а я должна за нимъ заѣхать. И теперь такъ ужъ поздно, а они такъ нелѣпо рано обѣдаютъ тамъ, куда мы ѣдемъ, что мнѣ нельзя больше терять ни минуты. Проводите меня до кареты, Винцентъ, пожалуйста. Что, Маршаль не забылъ положить плэдъ? Хорошо; такъ пойдемте. Желаю вамъ всякаго успѣха тамъ, куда вы

ѣдете, и берегите себя, и возвращайтесь домой съ хорошенькой женой. Прикажите, пожалуйста, кучеру ѣхать въ Линкольнъ-Иннъ. Прощайте, Винцентъ, прощайте.

Она привѣтливо улыбалась и махала рукой въ длинной перчаткѣ, пока карета не отъѣхала и онъ все время понималъ, что если она больше никогда его не увидитъ, то это нисколько ее не огорчитъ.

Онъ медленно вернулся въ теплую гостиную, гдѣ пахло фіалками. У него не было больше предлога оставаться здѣсь; онъ долженъ проститься съ Мабель и уйти. Но прежде нежели онъ на это рѣшился, доложили о новомъ гостѣ, который, должно быть, пришелъ какъ разъ въ ту минуту, какъ миссисъ Лангтонъ отъѣхала.

— М-ръ Каффинъ,—возвѣстилъ слуга съ достоинствомъ.

Высокій, стройный молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, съ черезъ-чуръ спокойнымъ и развязнымъ видомъ. Его свѣтлые волосы были коротко острижены; красивые глаза проницательны и холодны, а тонкія губы выражали твердость. Голосъ, которымъ онъ управлялъ въ совершенствѣ, былъ звученъ и пріятенъ.

— Неужели вы пришли съ утреннимъ визитомъ, Гарольдъ? —спросила Мабель, которая, повидимому, не очень обрадовалась посѣтителю.

— Да, вѣдь насъ нѣтъ дома, Мабель, неправда-ли?—ввернула смѣлая Долли.

— Меня задержали на репетиціи, а потомъ я обѣдалъ,— объяснилъ Каффинъ:—но я бы не пришелъ, еслибы мнѣ не надо было исполнить одного порученія. Передавъ его, я уйду. Что я вамъ сдѣлалъ, что вы хотите меня прогнать?

Гарольдъ Каффинъ былъ родственникъ миссисъ Лангтонъ. Его отецъ занималъ высокое мѣсто между заграничными консулами, а самъ онъ недавно поступилъ на сцену, находя театръ болѣе привлекательнымъ мѣстомъ, нежели министерство иностранныхъ дѣлъ, куда его сперва предназначали. Пока ему не приходилось жалѣть о своей измѣнѣ, такъ какъ онъ почти тотчасъ же получилъ очень выгодный ангажементъ въ одинъ изъ главныхъ театровъ Вестъ-Энда, причемъ общественное положеніе его отъ этого не очень пострадало, частію отъ того, что свѣтъ сталъ въ послѣднее время либеральнѣе въ этомъ отношеніи, а частію потому, что ему раньше удалось упрочить свое положеніе въ свѣтѣ своимъ пріятнымъ обращеніемъ и музыкальнымъ, и драматическимъ талантомъ, что и заставило его избрать театръ своей профессіей.

Какъ и Гольройдъ, онъ зналъ Мабель еще дѣвочкой, а когда она выросла, то влюбился въ нее. Его единственнымъ опасеніемъ, когда онъ поступалъ на сцену, было, что Мабель не одобритъ этого.

Страхъ этотъ оказался неосновательнымъ. Обращеніе съ нимъ Мабель не перемѣнилось. Но его успѣхи, какъ аматёра, не послѣдовали за нимъ на сцену. До сихъ поръ еще ему не поручали ни одной значительной роли и онъ успѣлъ уже настолько разочароваться въ своей новой профессіи, что готовъ былъ отъ нея отказаться при малѣйшемъ поводѣ.

— Вы здѣсь, Гольройдъ, я васъ было не замѣтилъ. Какъ вы поживаете?—радушно сказалъ онъ, хотя въ душѣ чувства его были далеко не дружескія, такъ какъ онъ имѣлъ основаніе считать Винцента своимъ соперникомъ.

— Винцентъ пріѣхалъ проститься,—объяснила Долли.—Онъ завтра уѣзжаетъ въ Индію.

— Добраго пути!—вскричалъ Каффинъ съ повеселѣвшимъ лицомъ.—Но что же это вы такъ вдругъ собрались, Гольройдъ? Я очень, впрочемъ, радъ, что успѣлъ проститься съ вами. - И здѣсь Каффинъ, безъ сомнѣнія, говорилъ правду.—Вы мнѣ не говорили, что такъ скоро уѣзжаете.

Гольройдъ зналъ Каффина уже нѣсколько лѣтъ: они часто встрѣчались въ этомъ домѣ, и хотя между ними было мало общаго, но отношенія ихъ были пріятельскія.

— А въ чемъ заключается ваше порученіе, Гарольдъ? — спросила Мабель.

— Ахъ, да! Я сегодня встрѣтилъ дядю и онъ поручилъ мнѣ узнать, согласны ли вы прокатиться въ Чигбёръ въ одну прекрасную субботу и пробыть тамъ до понедѣльника. Я полагаю, что вы не согласны. Онъ добрый старикъ, но можно умереть со скуки, проведя съ нимъ цѣлыхъ два дня.

— Вы забываете, что онъ—крестный отецъ Долли,—замѣтила Мабель.

— И мой дядя,—сказалъ Каффинъ,—но онъ отъ этого нисколько не занимательнѣе. Васъ тоже приглашаютъ, болтушка? („Болтушка“ было прозвище, которымъ онъ дразнилъ Долли, которая къ нему вообще не благоволила).

— Хочешь ѣхать, Долли, если мамаша позволитъ?—спросила Мабель.

— А Гарольдъ поѣдетъ тоже?

— Гарольда не приглашали, моя болтушка,—отвѣчалъ этотъ джентльменъ напрямки.

— Если такъ, то поѣдемъ, Мабель, и я возьму съ собой Фриска, потому что дядя Антони давно уже не видѣлъ его.

Гольройдъ видѣлъ, что оставаться долѣе безполезно. Онъ пошелъ въ классную проститься съ Колиномъ, который былъ такъ огорченъ его отъѣздомъ, какъ только позволяла груда учебниковъ, возвышавшаяся передъ нимъ, и вернулся въ гостиную проститься съ остальными. Гувернантка прочитала на его лицѣ, что ея доброжелательныя усилія ни къ чему не послужили и съ состраданіемъ вздохнула, пожимая ему руку. Долли повисла у него на шеѣ и заплакала, а черствый Гарольдъ подумалъ, что теперь ему можно быть великодушнымъ и почти съ искренней привѣтливостью напутствовалъ его добрыми пожеланіями.

Однако, лицо его омрачилось, когда Мабель сказала:

— Не звоните, Оттилія. Я провожу Винцента до передней... въ послѣдній разъ.

„Хотѣлъ бы я знать, нравится ли онъ ей?“ подумалъ Гарольдъ, съ досадой.

— Пишите какъ можно чаще, Гольройдъ, не правда ли?— сказала Мабель, когда они пришли въ переднюю.—Мы будемъ часто о васъ думать и представлять себѣ, что вы дѣлаете и какъ вамъ живется.

Передняя лондонскаго дома врядъ ли пригодное мѣсто для объясненія въ любви; есть что-то фатально-комическое въ нѣжныхъ чувствахъ, изливаемыхъ посреди дождевыхъ зонтиковъ и шляпъ. Но хотя Винцентъ вполнѣ сознавалъ это, онъ почувствовалъ страстное желаніе высказать Мабель свои чувства въ этотъ послѣдній мигъ, но сдержалъ себя: болѣе вѣрный инстинктъ подсказалъ ему, что онъ слишкомъ долго мѣшкалъ для того, чтобы разсчитывать на успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, Мабель не подозрѣвала о настоящемъ характерѣ его чувствъ и онъ былъ правъ, думая, что признаніе въ настоящую минуту было бы для нея сюрпризомъ, къ которому она не была подготовлена.

Сантиментальность фрейлейнъ Мозеръ и склонность Каффина видѣть въ каждомъ соперника дѣлали ихъ проницательными, и сама Мабель, хотя дѣвушки рѣдко послѣднія догадываются объ этомъ, никогда не думала о Винцентѣ, какъ о поклонникѣ, и въ этомъ была главнымъ образомъ виновата его сдержанность и скрытность.

Онъ боялся сначала обнаружить передъ ней свои чувства: „она не можетъ любить меня, думалъ онъ, я ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить ея любовь; я нуль“. И ему хотѣлось чѣмъ-

нибудь отличиться, а до тѣхъ поръ онъ молчалъ и рѣдко видѣлся съ ней.

Тогда-то онъ и написалъ свою книгу. и хотя онъ не былъ такъ глупъ, чтобы воображать, что въ женское сердце доступъ возможенъ только путемъ печати, но не могъ не чувствовать, перечитывая свое произведеніе, что онъ дѣлалъ нѣчто такое, что въ случаѣ успѣха можетъ возвысить его въ собственныхъ глазахъ и служить хорошей рекомендаціей для дѣвушки, какъ Мабель, любившей литературу.

Но тутъ отецъ пригласилъ его пріѣхать на Цейлонъ; онъ долженъ былъ ѣхать и увезти съ собой свою тайну, и надѣяться, что время и разлука (очень плохіе, сказать мимоходомъ, союзники) будутъ говорить за него.

Онъ чувствовалъ всю горечь своего положенія, когда держалъ обѣ ея руки и глядѣлъ въ прекрасное лицо и мягкіе глаза, свѣтившіеся сестринскимъ чувствомъ,—да! увы! только сестринскимъ. „Она, можетъ быть, полюбила бы меня со временемъ. Но это время можетъ никогда не настанетъ", думалъ онъ.

Онъ не рѣшился прибавить ни слова; онъ могъ бы получить братскій поцѣлуй, еслибы попросилъ, но для него такой поцѣлуй былъ бы чистѣйшей насмѣшкой.

Подавленное волненіе дѣлало его рѣзкимъ, почти холоднымъ. Онъ вдругъ выпустилъ ея руки и отрывисто проговорилъ:

— Прощайте, дорогая Мабель, прощайте!—и поспѣшно вышелъ изъ дому.

— Итакъ, онъ уѣхалъ!—замѣтилъ Каффинъ, когда Мабель вернулась въ гостиную, простоявъ нѣсколько секундъ въ передней. —Милый онъ человѣкъ, но нестерпимо скучный, неправда ли? Ему гораздо лучше сажать кофе, нежели болтаться здѣсь, какъ онъ дѣлалъ, съ кофе ему повезетъ больше, нежели съ законовѣдѣніемъ, надо надѣяться.

— Какъ вы любите находить другихъ скучными, Гарольдъ, —сказала Мабель, съ неудовольствіемъ наморщивъ брови.—Винцентъ нисколько не скученъ: вы такъ говорите потому, что его не понимаете.

— Я говорю это не ради осужденія, напротивъ того, мнѣ нравятся скучные люди. Съ ними отдыхаешь. Но какъ вы вѣрно замѣтили, Мабель, я не понимаю его: право же, онъ не производитъ впечатлѣнія человѣка интереснаго. Сколько я его знаю, онъ мнѣ очень нравится, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознаться, что нахожу его именно скучнымъ. Вѣроятно, я ошибаюсь.

— Да, вѣроятно,—заключила Мабель, чтобы перемѣнить разговоръ.

Но Каффинъ заговорилъ не безъ намѣренія и рискнулъ даже разсердить ее, чтобы произвести то впечатлѣніе, какое ему было желательно. И почти успѣлъ въ этомъ.

— Неужели Гарольдъ правъ,—подумала она.—Винцентъ очень сдержанъ, но мнѣ всегда казалось, что въ немъ есть какая-то скрытая сила, а между тѣмъ, еслибы она была, то проявилась бы въ чемъ-нибудь? Но если даже бѣдный Винцентъ только скученъ, то для меня это все равно. Я все также буду любить его.

Но при всемъ томъ замѣчаніе Каффина помѣшало ей идеализировать Винцента, въ разлукѣ съ нимъ, и посмотрѣть на него иначе, какъ на брата, а этого-то самаго и добивался Каффинъ.

Тѣмъ временемъ самъ Винцентъ, не подозрѣвая — чего дай Богъ каждому изъ насъ—какъ его характеризовалъ пріятель въ присутствіи любимой дѣвушки, шелъ на свою холостую квартиру, чтобы провести послѣдній вечеръ въ Англіи въ одиночествѣ, такъ какъ ни къ какому иному времяпровожденію у него не лежало сердце.

Уже стемнѣло. Надъ нимъ разстилалось ясное, стального цвѣта небо, а передъ нимъ виднѣлся Камденъ-Гиллъ, темная масса, съ сверкающими на ней огнями. На скверѣ, сбоку, нѣмецкій духовой оркестръ игралъ отрывки изъ второго акта „Фауста“ съ такимъ отсутствіемъ выраженія и такъ фальшиво, какъ только можетъ нѣмецкій оркестръ. Но разстояніе смягчало несовершенство исполненія, и арія Зибеля казалась Винценту вѣрнымъ выраженіемъ его собственной, страстной, но непризнанной любви.

— Я готовъ жизнь отдать за нее,—сказалъ онъ почти вслухъ,—а между тѣмъ, не смѣлъ ей этого сказать... но если я когда-нибудь ворочусь и увижу ее... и если не будетъ слишкомъ поздно... она узнаетъ, чѣмъ она была и будетъ для меня. Я буду ждать и надѣяться.

IV.

На Малаховой террасѣ.

Разставшись съ Винцентомъ на Роттенъ-Роу, Маркъ Ашбернъ пошелъ одинъ по Кенсингтонъ-Гай-Стритъ и дальше, пока не дошелъ до одной изъ тихихъ улицъ лондонскаго предмѣстья.

Малахова терраса, какъ называется это мѣсто (названіе это обозначаетъ также и эпоху его возникновенія), производила менѣе убійственное впечатлѣніе, чѣмъ большинство ея современныхъ сосѣдокъ, по мрачному однообразію и претенціозности. Дома на террасѣ окружены были садиками и цвѣтниками и украшены верандами и балконами, и даже зимою терраса глядѣла весело, благодаря разноцвѣтнымъ ставнямъ и занавѣсамъ на освѣщенныхъ окнахъ. Но и тутъ, какъ и во всякомъ иномъ мѣстѣ, были дома болѣе мрачнаго вида. Не бѣдная внѣшность поражаетъ въ нихъ, нѣтъ, но то, что они, повидимому, принадлежатъ людямъ безусловно равнодушнымъ ко всему, кромѣ существенно необходимаго, и неспособнымъ придать какую-нибудь привлекательность своему жилищу. Передъ однимъ изъ такихъ домовъ, угрюмый видъ котораго не смягчался ни балкончикомъ, ни верандой, остановился Маркъ.

На окнахъ не видать было цвѣтныхъ занавѣсей или горшковъ съ цвѣтами, а только ставни изъ толстой темной проволоки.

То была не наемная квартира, но домъ, гдѣ Маркъ жилъ со своей семьей, которая хотя и не отличалась веселостью, но была не менѣе почтенна, чѣмъ всѣ остальныя на террасѣ, а это во многихъ отношеніяхъ лучше веселости.

Онъ нашелъ всѣхъ своихъ за обѣдомъ въ небольшой задней комнаткѣ, обтянутой сѣрыми обоями съ крупнымъ и безобразнымъ рисункомъ. Его мать, толстая женщина ледяного вида, съ холодными сѣрыми глазами и складкой обиженнаго недовольства на лбу и около губъ, разливала супъ съ торжественностью жреца, совершающаго жертвоприношеніе. Напротивъ сидѣлъ ея мужъ, небольшой человѣчекъ, кроткій и неизмѣнно унылый. Остальные домашніе: двѣ сестры Марка, Марта и Трикси, и его младшій братъ, Кутбертъ, сидѣли на обычныхъ мѣстахъ.

Миссисъ Ашбернъ строго взглянула на сына, когда онъ вошелъ.

— Ты опять опоздалъ, Маркъ, — сказала она: — пока ты находишься подъ этой кровлей (миссисъ Ашбернъ любила упоминать о кровлѣ), отецъ твой и я, мы въ правѣ требовать, чтобы ты подчинялся правиламъ нашего дома.

— Видишь ли, мамаша, —отвѣчалъ Маркъ, садясь и развертывая салфетку,—вечеръ былъ такой прекрасный, что я прошелся съ пріятелемъ.

— Есть время для прогулки и время для обѣда,—проговорила его мать такъ, точно приводила текстъ изъ св. писанія.

— А я ихъ спуталъ, мамаша. Такъ? ну, прости, пожалуйста; въ другой разъ не буду.

— Поторопись, Маркъ, пожалуйста, и доѣдай скорѣе супъ; не заставляй насъ ждать.

Миссисъ Ашбернъ никакъ не могла освоиться съ мыслью, что ея дѣти выросли. Она все еще обращалась съ Маркомъ, какъ еслибы тотъ былъ безпечнымъ школяромъ. Она постоянно читала нравоученія и дѣлала выговоры, и хотя давно уже это были холостые заряды, но тѣмъ не менѣе надоѣдали дѣтямъ.

Идеальный семейный кругъ, собравшись вечеромъ, разнообразитъ свое сборище оживленной бесѣдой; кто выѣзжаетъ изъ дому, тотъ передаетъ свои впечатлѣнія и сцены, трагическія или юмористическія, какихъ былъ свидѣтелемъ въ продолженіе дня, а когда они истощатся, женскій персоналъ сообщаетъ болѣе скромныя событія домашней жизни, и время проходитъ незамѣтно.

Такой семейный кругъ можно отъ души поздравить; но есть основанія думать, что въ большинствѣ случаевъ разговоры въ семьяхъ, члены которыхъ ежедневно видятся, становятся крайне односложными. Такъ было, по крайней мѣрѣ, у Ашберновъ. Маркъ и Трикси подчасъ бывали подавлены безмолвіемъ, царствовавшимъ въ ихъ семейномъ кружкѣ и дѣлали отчаянныя усилія завести общій разговоръ о томъ или о другомъ. Но трудно было выбрать такой сюжетъ, который бы миссисъ Ашбернъ не убила въ самомъ зародышѣ какою-нибудь сентенціей. Кутбертъ вообще приходилъ со службы утомленный и немного сердитый. На любезность Марты никакъ нельзя было разсчитывать, а самъ м-ръ Ашбернъ рѣдко когда вмѣшивался въ разговоръ и только тяжело вздыхалъ.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что вечера, проводимые Маркомъ въ его семействѣ, не были особенно веселы. Иногда онъ самъ себѣ дивился, какъ можетъ онъ ихъ такъ долго выносить, и еслибы средства позволяли ему нанять удобную квартиру и устроиться такъ же дешево, какъ въ семьѣ, то онъ, по всей вѣроятности, давно бы уже свергнулъ иго семейной скуки. Но жалованье, получаемое имъ, было невелико, привычки у него были расточительныя и онъ оставался въ семьѣ.

Сегодняшній вечеръ въ частности не обѣщалъ особеннаго оживленія. Миссисъ Ашбернъ мрачно возвѣстила всѣмъ, кому это вѣдать надлежало, что она сегодня не завтракала. Марта сказала вскользь о томъ, что пріѣзжала съ визитомъ какая-то миссъ Горнбловеръ, но это извѣстіе не произвело никакого впечатлѣнія, хотя Кутбертъ порывался-было спросить, кто такая миссъ Горнбловеръ, но во время спохватился, что это его нисколько не интересуетъ.

Затѣмъ Трикси попыталась-было втянуть его въ разговоръ,

спросивъ доброжелательно, но не совсѣмъ удачно: не видѣлъ ли онъ кого (этотъ вопросъ сталъ какой-то формулой), на что Кутбертъ отвѣчалъ, что замѣтилъ двухъ или трехъ прохожихъ въ Сити, а Марта сказала ему, что ей пріятно его постоянство въ шуткахъ. На это Кутбертъ сардонически замѣтилъ, что онъ самъ знаетъ, что онъ веселый малый, но что когда онъ видитъ вокругъ себя ихъ вытянутыя физіономіи, въ особенности же физіономію Марты, то это еще болѣе подзадориваетъ его веселость.

Миссисъ Ашбернъ услыхала его отвѣтъ и строго сказала:

— Не думаю, Кутбертъ, чтобы у твоего отца или у меня была „вытянутая" физіономія, какъ ты выражаешься. Мы всегда поощряли приличныя шутки и невинную веселость. Не понимаю, почему ты смѣешься, когда мать дѣлаетъ тебѣ замѣчаніе, Кутбертъ. Это совсѣмъ непочтительно съ твоей стороны.

Миссисъ Ашбернъ продолжала бы, по всей вѣроятности, защищать себя и своихъ домашнихъ отъ обвиненія въ вытянутой физіономіи, еслибы не произошла желанная диверсія. Кто-то постучалъ въ наружную дверь. Служанка, поставивъ блюдо на столъ, исчезла, и вскорѣ затѣмъ колоссальное туловище показалось въ дверяхъ и зычный голосъ произнесъ:—Эге! они обѣдаютъ! Ладно, милая, я знаю дорогу.

— Это дядюшка Соломонъ!—сказали за столомъ. Но никакихъ знаковъ радости не было выражено, потому что они были по природѣ очень сдержанны.

— Ну чтожъ, — заявила миссисъ Ашбернъ, которая, повидимому вывела свои заключенія изъ этой сдержанности,—я знаю, что если гдѣ-нибудь мой единственный братъ Соломонъ будетъ желаннымъ гостемъ, то это за нашимъ столомъ.

— Разумѣется, разумѣется, душа моя, — отвѣтилъ м-ръ Ашбернъ торопливо.—Онъ былъ здѣсь на прошлой недѣлѣ, но мы всѣ ему рады всегда и во всякое время.

— Надѣюсь! Ступай, Трикси, и помоги дядѣ снять пальто.

Изъ сосѣдней комнаты долетало пыхтѣнье и кряхтѣнье, доказывавшее, что родственникъ находился въ затруднительномъ положеніи.

Но прежде, нежели Трикси успѣла выполнить материнскій приказъ, въ комнату ввалился краснолицый человѣкъ съ большимъ самодовольнымъ ртомъ, бакенбардами, сходившимися подъ подбородкомъ, и глазами, которые Трикси по секрету величала „свиными глазками", но въ которыхъ тѣмъ не менѣе свѣтился какой-то особенный первобытный юморъ.

Соломонъ Лайтовлеръ, братъ миссисъ Ашбернъ, удалившійся

отъ дѣлъ торговецъ, составилъ себѣ значительное состояніе торговлей суровскими товарами.

Онъ былъ вдовецъ и бездѣтенъ, и пожелалъ, чтобы одинъ изъ его племянниковъ получилъ университетское образованіе, сдѣлался ученымъ и прославилъ имя и проницательность своего дядюшки; Маркъ на его счетъ былъ помѣщенъ въ Тринити, такъ какъ положеніе м-ра Ашберна въ министерствѣ финансовъ не дозволило бы такого расхода.

Карьера Марка въ Кембриджѣ не была, какъ уже выше упомянуто, изъ блистательныхъ и не могла принести много чести его дядюшкѣ, который, въ видахъ вознагражденія себя за расходы, заставилъ Марка поступить въ остъ-индскую гражданскую службу, но когда и это окончилось полнымъ фіаско, то, повидимому, отрекся отъ него, предоставивъ себѣ право вознаграждать себя за издержки попреками, и Маркъ находилъ, что уже окупилъ въ этомъ отношеніи большую часть издержекъ.

— Фу-ты! какая у васъ тутъ жарища! — началъ дядюшка какъ пріятное вступленіе въ разговоръ, потому что сознавалъ себя достаточно богатымъ, чтобы дѣлать замѣчанія о температурѣ чужихъ домовъ; но Кутбертъ выразилъ sotto voce желаніе, чтобы дядюшку попарили бы еще жарче.

— Не могутъ же всѣ жить въ загородныхъ домахъ, Соломонъ, — отвѣчала его сестра, — а въ маленькой комнатѣ всегда кажется тепло человѣку, который пріѣхалъ со свѣжаго воздуха.

— Тепло! — фыркнулъ м-ръ Лайтовлеръ, — скажи лучше, что здѣсь настоящее пекло. Ужъ я сяду подальше отъ огня. Я сяду около тебя, Трикси. Ты будешь ухаживать за старымъ дядей, да?

Трикси, красивая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ роскошными каштановыми волосами, которые никакъ нельзя было гладко причесать, и хорошенькими ручками, которыя многія другія дѣвушки холили бы болѣе, нежели она, въ послѣднее время пристрастилась къ рисованью, находя его менѣе скучнымъ, нежели занятія по домашнему хозяйству. Дядя Соломонъ всегда пугалъ ее, такъ какъ она не знала, что́ можетъ послѣдовать дальше, а потому поспѣшно очистила ему мѣсто возлѣ себя.

— Ну-съ, милостивый государь, школьный учитель, — обратился онъ къ Марку, — какъ поживаете? Еслибы вы усерднѣе трудились въ коллегіи и сдѣлали мнѣ честь, то были бы теперь ученымъ профессоромъ въ университетѣ или судьей въ остъ-индской судебной палатѣ вмѣсто того, чтобы учить несносныхъ мальчишекъ.

На этотъ разъ миссисъ Ашбернъ нашла нужнымъ вступиться за Марка.

— Ахъ, Соломонъ!—сказала она,—Маркъ самъ теперь понимаетъ что былъ глупъ; онъ знаетъ, какъ съ его стороны было безразсудно заниматься празднымъ писательствомъ для забавы легкомысленныхъ юношей вмѣсто того, чтобы учиться и этимъ доказать свою благодарность за все, что ты для него сдѣлалъ.

— Да, Джонъ, я былъ для него добрымъ другомъ и могъ бы быть еще лучше, еслибы онъ того заслуживалъ. Я не стою за издержки. И еслибы могъ надѣяться, что онъ броситъ свое писательство, то даже и теперь...

Маркъ счелъ за лучшее уклониться отъ прямого отвѣта.

— Еслибы я даже и хотѣлъ писать, дядюшка, то при моихъ школьныхъ занятіяхъ и приготовленіи къ адвокатской профессіи, мнѣ не оставалось бы для этого времени. Но матушка права; я понимаю теперь свою глупость.

Это понравилось дядюшкѣ Соломону, который все еще цѣплялся за обломки своей вѣры въ способности Марка и готовъ былъ помириться на томъ, что у него будетъ племянникъ адвокатъ. Онъ сразу смягчился:

— Ну, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Ты все еще можешь сдѣлать мнѣ честь. И, знаешь-ли что, нынѣшнее воскресенье проведи у меня на дачѣ. Это послужитъ тебѣ отдыхомъ и кромѣ того ты во-очію убѣдишься въ церковныхъ проискахъ моего сосѣда Гомпеджа. Онъ совсѣмъ обошелъ нашего викарія. Заставляетъ его украшать цвѣтами алтарь и зажигать на немъ свѣчи, и все это, когда въ душѣ онъ столько же религіозенъ, какъ...

Тутъ дядюшка Соломонъ обвелъ глазами столъ, ища предметъ для сравненія.

— ...Какъ вотъ этотъ графинъ. Онъ уговорилъ викарія завести мѣшечки для сбора пожертвованій и все потому, что ему было завидно, что служитель ко мнѣ первому подходилъ съ тарелкой. Право, они доведутъ меня до того, что я опять обращусь въ баптиста.

— Вы не любите м-ра Гомпеджа, дядюшка? — спросила Трикси.

— Гомпеджъ и я живемъ не дружно, хотя и сосѣди; что же касается до моихъ чувствъ къ нему, то я не чувствую къ нему ни любви, ни ненависти. Мы не водимъ компаніи другъ съ другомъ и если разговариваемъ, то только въ церкви, да еще черезъ заборъ, когда его птица заберется въ мой садъ... Не хо-

четъ ни за что задѣлать дыру въ своемъ заборѣ, такъ что придется мнѣ сдѣлать это и послать ему счетъ, ...что́ я непремѣнно и сдѣлаю. Письмо тебѣ, Матью? читай, пожалуйста, не обращай на меня вниманія,—добавилъ дядюшка Соломонъ, такъ какъ въ эту минуту служанка подала письмо Матью Ашберну, которое тотъ и распечаталъ съ позволенія шурина.

Но потеръ лобъ съ смущеніемъ, и слабо проговорилъ:

— Ничего не понимаю, кто это и кому пишетъ, и о чемъ, ничего не разберешь!

— Дай мнѣ посмотрѣть, Матью, я тебѣ, быть можетъ, объясню, въ чемъ дѣло,—сказалъ шуринъ, увѣренный, что для его мощнаго ума мало вещей недоступныхъ.

Онъ взялъ письмо, торжественно надѣлъ pince-nez на свой большой носъ, значительно прокашлялся и началъ читать: „Любезный сэръ", читалъ онъ внушительнымъ тономъ мудреца... ну, что-жъ, это вполнѣ понятно... „Любезный сэръ, мы отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ... гмъ! (тутъ лицо его утратило свое самоувѣренное выраженіе) къ... звонкимъ колоколамъ"... что́ такое? вотъ такъ штука! Звонкіе колокола? Ужъ не собираешься-ли ты звонить въ колокола, Матью?

— Я думаю, что они съума сошли,—отвѣчалъ бѣдный м-ръ Ашбернъ, у насъ всѣ колокольчики въ домѣ въ полной исправности, не правда-ли душа моя?

— Не слыхала, чтобы который-нибудь испортился; да ихъ недавно и поправляли. Это, должно быть, ошибка,—замѣтила мисисъ Ашбернъ.

— „Которые вы были столь добры, что повергли на наше усмотрѣніе (гмъ! какая изысканная вѣжливость!). Мы однако къ сожалѣнію должны сказать, что не можемъ принять предложеніе ваше"... Ты вѣрно писалъ домохозяину что-нибудь на счетъ аренды и это отвѣтъ отъ его повѣреннаго?—спросилъ дядюшка Соломонъ, но уже далеко не увѣреннымъ тономъ.

— Зачѣмъ я стану ему писать,—отвѣтилъ м-ръ Ашбернъ: —нѣтъ, это не то, Соломонъ читай дальше.

„... Отъ вашей красавицы дочери (эге, Трикси!) мы тоже принуждены отказаться, хотя и съ большой неохотой, но не смотря на нѣкоторыя значительныя достоинства, въ ней есть нѣкоторая грубость (вотъ тебѣ разъ! она свѣжа и нѣжна, какъ роза!) вмѣстѣ съ какой-то незрѣлостью и полнымъ отсутствіемъ формы и содержанія (ты знаешь, что ты легкомысленна, Трикси, я всегда тебѣ это говорилъ!) и это, по нашему мнѣнію, не позволяетъ намъ войти съ вами въ соглашеніе по этому предмету".

Дядюшка Соломонъ, дойдя до этого пункта, положилъ письмо на столъ и оглядѣлъ всѣхъ, разинувъ ротъ:

— Я думалъ, что могу похвалиться понятливостью, но это превосходитъ мое пониманіе,—объявилъ онъ.

— Вотъ люди... какъ бишь ихъ зовутъ? Лидбиттеръ и Ганди (должно быть занимаются по газовой и декоративной части) пишутъ за-разъ, что не могутъ придти, поглядѣть на ваши звонки, въ исправности-ли они, и что не желаютъ жениться на вашей дочери. Кто ихъ просилъ объ этомъ? Неужели ты такъ низко палъ, Матью, что пошелъ предлагать руку Трикси какому-то газопроводчику? Не могу этому повѣрить; что же это все значитъ въ такомъ случаѣ? Объясните мнѣ и я вамъ буду за то очень благодаренъ.

— Не спрашивайте меня,—отвѣчалъ несчастный отецъ,—я ничего не знаю.

— Трикси, тебѣ извѣстно что-нибудь на счетъ этого?—спросила миссисъ Ашбернъ подозрительно.

— Нѣтъ, милая мамаша. Я не желаю выходить замужъ ни за м-ра Лидбиттера, ни за м-ра Ганди.

Положеніе Марка становилось нестерпимо; сначала онъ надѣялся, что если промолчитъ, то отдѣлается отъ разспросовъ въ настоящую минуту, когда на него обрушился тяжкій ударъ: отказъ редакціи напечатать оба его романа, на которые онъ возлагалъ такія надежды. Перенести этотъ ударъ публично было еще тяжелѣе, но онъ понялъ, что никакъ не отдѣлается и что родственники не оставятъ этого дѣла безъ разслѣдованія, а потому рѣшилъ поскорѣй вывести ихъ изъ заблужденія.

Но голосъ его дрожалъ и лицо было красно, когда онъ сказалъ:

— Полагаю, что могу объяснить вамъ это.

— Ты!—вскричали всѣ, при чемъ дядюшка Соломонъ замѣтилъ, что молодые люди очень поумнѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ молодъ.

— Да! это письмо, адресовано ко мнѣ... видите на конвертѣ стоитъ: М-ръ Ашбернъ, имени не обозначено, Марку или Матью Ашберну. Это письмо отъ... отъ одной издательской фирмы,—продолжалъ несчастный Маркъ, отрывистымъ тономъ... Я послалъ ей два своихъ романа: одинъ называется „Дочь красавица“, а другой „Звонкіе колокола“, и ихъ отказываются напечатать, вотъ и все.

Это извѣстіе произвело „сенсацію“, какъ выражаются репортеры. Марта засмѣялась кисло и пренебрежительно. Кутбертъ

глядѣлъ такъ, какъ еслибы имѣлъ многое что сказать, но воздерживался изъ братскаго состраданія. Одна Трикси попыталась было пожать руку Марка подъ столомъ, но ему тяжело было въ настоящую минуту всякое выраженіе симпатіи и онъ нетерпѣливо оттолкнулъ ее и она могла только съ состраданіемъ глядѣть на него.

Миссисъ Ашбернъ трагически застонала и покачала головой: въ ея глазахъ молодой человѣкъ, способный писать романы, былъ погибшимъ человѣкомъ. Она питала спасительный ужасъ ко всякимъ фантазіямъ, такъ какъ принадлежала къ диссентерамъ строгой старинной школы и ихъ предубѣжденія крѣпко засѣли въ ея тупомъ мозгу. Ея супругъ, лично не имѣвшій никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ, былъ всегда одинаковаго съ ней мнѣнія, но всѣ они предоставили м-ру Лайтовлеру быть выразителемъ семейнаго здраваго смысла.

Онъ призвалъ въ настоящемъ случаѣ на помощь всю горечь сатирическаго ума, какая была у него въ распоряженіи.

— Вотъ и все, неужели? и этого вполнѣ достаточно, полагаю. Итакъ это звенѣли бубенчики на вашей дурацкой шапкѣ.

— Если вамъ угодно посмотрѣть на это съ такой комической точки зрѣнія, то это ваша воля,—отвѣчалъ Маркъ.

— И вотъ какъ вы готовитесь въ адвокаты? вотъ какъ вы преодолѣли вашу страсть къ бумагомарательству? Я затратилъ на васъ свой капиталъ (онъ имѣлъ обыкновеніе выражаться такъ, какъ еслибы Маркъ былъ какое-то недвижимое имущество), я далъ вамъ хорошее образованіе и все затѣмъ, чтобы вы писали романы, которые вамъ „съ благодарностью" возвращаютъ назадъ! Вы бы могли заниматься этимъ и не получивъ университетскаго образованія.

— Нѣтъ ни одного знаменитаго писателя, которому бы сначала не возвращали его произведеній,—сказалъ Маркъ.

— Прекрасно,—торжественно произнесъ дядя Соломонъ:— если это такъ, то вы можете себя поздравить съ блистательнымъ началомъ. Надѣюсь, что ты очень всѣмъ этимъ довольна, Дженъ?

— Безполезно говорить,—отвѣчала она,—но это черная неблагодарность за всѣ твои добрыя старанія.

— Но вѣдь литературой можно зарабатывать большія деньги, —оправдывался бѣдный Маркъ.

— Я всегда думалъ, что басня о собакѣ и тѣни написана про глупыхъ фатовъ и теперь убѣдился въ томъ,—сказалъ дядюшка Соломонъ, раздражительно.—Ну, слушай, Маркъ, что я тебѣ скажу въ послѣдній разъ. Брось всѣ эти пустяки. Я сказалъ, что прі-

ѣхалъ переговорить съ тобой, и хотя ты и обманулъ мои ожиданія, но я не отступлюсь отъ своего; когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, то подумалъ, что ты стараешься собственными усиліями выдти въ люди и изучаешь законовѣдѣніе. Я подумалъ: —помогу ему въ послѣдній разъ. Кажется, что все это было одна пустая болтовня, но я все-таки помогу тебѣ. Если ты съумѣешь воспользоваться этимъ—тѣмъ лучше для тебя, если нѣтъ—тѣмъ хуже: я отрекусь отъ тебя на-вѣки. Посвяти себя исключительно законовѣдѣнію и брось свою школу. Я найму тебѣ квартиру и буду содержать тебя до тѣхъ поръ, пока ты не составишь себѣ карьеры. Но только помни одно: прочь бумагомарательство разъ навсегда, и чтобы я больше о немъ не слыхалъ. Согласенъ, или нѣтъ?

Мало есть вещей болѣе обидныхъ для самолюбія, какъ неудача, постигшая Марка: отказъ школьнаго комитета былъ пустякомъ сравнительно. Только тотъ, кто поддавался искушенію послать рукопись издателю или редактору и получилъ ее обратно, можетъ понять тупую боль, причиняемую этимъ, какую-то безсильную ярость, слѣдующую за тѣмъ, и какое-то такое ощущеніе, точно человѣкъ сбитъ съ толку и долженъ теперь начать съизнова думать. Быть можетъ, живописецъ, картину котораго не допустили на выставку, испытываетъ нѣчто подобное. Но въ послѣднемъ случаѣ для самолюбія есть больше выходовъ.

Маркъ очень больно почувствовалъ ударъ, такъ какъ возлагалъ большія надежды на свои злосчастные манускрипты. Онъ послалъ ихъ фирмѣ, съ именемъ которой ему особенно лестно было появиться въ свѣтъ, и вдругъ оба романа безповоротно отвергнуты. На минуту его увѣренность въ самомъ себѣ поколебалась и онъ почти склонилъ голову передъ приговоромъ.

И однако все-таки колебался. Издатель могъ ошибаться. Онъ слыхалъ о книгахъ, отвергнутыхъ съ позоромъ и затѣмъ превозносенныхъ до небесъ. Такъ было съ Карлейлемъ, такъ было съ Шарлоттой Бронти, да и мало-ли еще съ кѣмъ! Онъ желалъ быстрой славы, а юридическая карьера не скоро составляется.

— Ты слышишь, что говоритъ дядя?—сказала мать. Конечно ты не откажешься отъ такого выгоднаго предложенія?

— Нѣтъ, откажется, — замѣтила Марта. — Марку гораздо пріятнѣе писать романы, нежели работать, не такъ-ли, Маркъ? Вѣдь очень весело писать вещи, которыхъ никто не станетъ читать?

— Оставь Марка въ покоѣ, Марта,—вмѣшалась Трикси. — Какъ тебѣ не стыдно!

— Не знаю, почему вы такъ ополчились на меня,—сказалъ Маркъ,—въ писанiи книгъ нѣтъ ничего положительно безнравственнаго. Но, я думаю, что въ этомъ частномъ случаѣ вы правы, дядюшка, и желаете мнѣ добра. Я принимаю ваше предложенiе. Буду усердно готовиться въ адвокаты, такъ какъ повидимому ни во что другое не гожусь.

— И обѣщаешь не писать больше?

— Разумѣется,—раздражительно отвѣтилъ Маркъ, — все что вамъ угодно. Я исправился, я обязуюсь не прикасаться къ черниламъ во весь остатокъ моихъ дней.

То была не особенно любезная манера принимать такъ называемое выгодное предложенiе, но онъ былъ раздосадованъ и едва сознавалъ, что говорилъ.

Но м-ръ Лайтовлеръ былъ не изъ обидчивыхъ и такъ доволенъ, что поставилъ на своемъ, что не обратилъ вниманiя на манеру Марка.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—значитъ,—рѣшено. Я радъ, что ты образумился. Значитъ, поѣдемъ на дачу и не будемъ больше говорить объ этомъ дѣлѣ.

— А теперь,—объявилъ Маркъ съ принужденной улыбкой, —я пойду къ себѣ на верхъ и займусь законовѣдѣнiемъ.

V.

Сосѣди.

Слишкомъ недѣля прошла послѣ сцены на Малаховой террасѣ, описанной мною въ послѣдней главѣ,—недѣля, проведенная Маркомъ въ ярмѣ школьныхъ занятiй, которыя стали ему еще противнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ не могъ больше питать никакихъ иллюзiй о близкомъ избавленiи. Онъ не въ силахъ былъ видѣть достойное вознагражденiе въ своихъ новыхъ ожиданiяхъ и начиналъ жалѣть о томъ, что согласился на предложенiе дяди.

Онъ отправился на дачу послѣдняго, и нескрываемое довольство м-ра Лайтовлера, очевидно смотрѣвшаго на него какъ на свою собственность, и его непрерывные совѣты ревностно заниматься дѣломъ, только усилили недовольство Марка самимъ собой и своимъ будущимъ. Съ чувствомъ досады шелъ онъ съ своимъ родственникомъ въ небольшую церковь, стоявшую за деревней.

Былъ ясный, ноябрьскiй морозный день; багроваго цвѣта солнце сверкало сквозь окрашенныя пурпуромъ облака, и блѣдно-голубое

небо раскидывалось надъ ихъ головами. Сельскій ландшафтъ смутно говорилъ о наступающихъ святочныхъ увеселеніяхъ, недоступныхъ для лондонца, лишеннаго возможности провести Рождество въ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе веселящихъ душу.

Маркъ зналъ, что онъ долженъ будетъ провести праздникъ въ Лондонѣ въ кругу семейства, строго соблюдавшаго воскресный день, и отказаться отъ всякой мысли объ увеселеніяхъ. Однако, и его радовало наступленіе Рождественскихъ праздниковъ, а быть можетъ, то было дѣйствіе погоды, или же молодости и здоровья, но только съ каждымъ шагомъ недовольство его разсѣевалось.

Дядюшка Соломонъ облекся въ толстое, драповое пальто и широкополую шляпу такого духовнаго характера, что это отражалось на его разговорѣ. Онъ заговорилъ о ритуализмѣ и сожалѣлъ о томъ, что викарій заразился имъ, и о тайныхъ интригахъ ненавистнаго Гомпеджа.

— Я родился баптистомъ,—говорилъ онъ,—и вернулся бы къ нимъ, еслибы они не были такимъ нищенскимъ сбродомъ.

Въ такихъ разговорахъ они дошли до церкви, и дядя Соломонъ произнесъ громкимъ шопотомъ:

— А вотъ и онъ самъ, Гомпеджъ!

Маркъ во-время оглянулся и увидѣлъ стараго джентльмена, направлявшагося къ скамейкѣ, расположенной напротивъ ихъ собственной. Старый джентльменъ казался на видъ очень сердитымъ. У него было желтое лицо, длинные сѣдые волосы, большіе сѣрые глаза, крючковатый носъ и крупные зубы, виднѣвшіеся изъ-подъ сѣдыхъ усовъ и бороды.

Марку вдругъ стало неловко, потому что сзади м-ра Гомпеджа шла хорошенькая дѣвочка съ распущенными бѣлокурыми волосами, и высокая женщина въ сѣромъ платьѣ, съ свѣжимъ лицомъ, и наконецъ дѣвушка лѣтъ девятнадцати или двадцати, которая повидимому услыхала слова его дяди, такъ какъ проходя взглянула въ ихъ сторону съ выраженіемъ забавнаго удивленія въ глазахъ и чуть-чуть приподнявъ свои хорошенькія брови.

Какъ разъ въ эту минуту раздался громкій „аминь" изъ ризницы, органъ заигралъ гимнъ, и викарій съ своимъ помощникомъ выступилъ позади процессіи небольшихъ, деревенскихъ мальчиковъ въ бѣлыхъ стихаряхъ и сапогахъ, скрипѣвшихъ самымъ не набожнымъ манеромъ.

Въ качествѣ приверженца нижней церкви м-ръ Лайтовлеръ протестовалъ противъ этой профессіональной пышности громкимъ храпомъ, который повторялся у него всякій разъ, какъ клерджи-

мены выказывали поползновеніе стать на колѣни во время службы, причемъ маленькая дѣвочка оглядывалась на него большими удивленными глазами, точно думала, что онъ или очень набоженъ, или очень нездоровъ.

Маркъ невнимательно слушалъ богослуженіе; онъ смутно сознавалъ, что дядя его поетъ псалмы страшно фальшиво и тщетно пытается подпѣвать въ тактъ деревенскому хору пѣвчихъ. Онъ объяснилъ потомъ Марку, что любитъ показывать примѣръ внимательнаго отношенія къ богослуженію.

Но Маркъ ничего не видѣлъ, кромѣ блестящаго узла волосъ, виднѣвшагося изъ-подъ темныхъ полей шляпы его хорошенькой сосѣдки и, время отъ времени, ея тонкаго профиля, когда она поворачивалась къ своей сестренкѣ. Онъ занялся праздными соображеніями на счетъ ея характера. Была ли она горда? въ ея улыбкѣ, когда она прошла мимо него, былъ оттѣнокъ пренебреженія. Своенравна? въ поворотѣ ея граціозной головки замѣчалось нѣчто высокомѣрное. Но при всемъ томъ она была добра; онъ заключалъ это изъ того довѣрія, съ какимъ дѣвочка прильнула къ ней, когда началась проповѣдь, а она нѣжно обвила ее рукой и притянула еще ближе къ себѣ.

Маркъ былъ уже влюбленъ нѣсколько разъ; послѣдняя любовь его была къ хорошенькой кокеткѣ, которая ловко водила его за носъ, и хотя весь ея репертуаръ былъ истощенъ и она перестала его интересовать къ тому времени, какъ они разстались по взаимному согласію, но ему нравилось думать, что сердце его разбито и навѣки охладѣло къ женщинамъ. Поэтому онъ находился въ самомъ благопріятномъ настроеніи для того, чтобы стать легкой жертвой новаго увлеченія.

Онъ думалъ, что еще никогда не встрѣчалъ дѣвушки, подобной той, которую теперь видѣлъ, такой естественной и не натянутой, а между тѣмъ, такой изящной во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Какія поэмы, какія книги можно написать подъ ея вдохновеніемъ, и тутъ Маркъ съ болью вспоминалъ, что покончилъ со всѣмъ этимъ навсегда. Самая изысканная форма поклоненія внѣ его власти, еслибы даже ему и представился случай ухаживать за ней. Эта мысль никакъ не могла способствовать тому, чтобы онъ примирился съ своей судьбой.

Но возможно ли, чтобы случай свелъ его съ его новымъ божествомъ? По всей вѣроятности, нѣтъ. Въ жизни столько бываетъ этихъ соблазнительныхъ проблесковъ, изъ которыхъ никогда ничего не выходитъ. „Если она—дочь Гомпеджа,—думалъ онъ,—то

надо отказаться отъ всякой надежды; но если только есть малѣйшая возможность, то я не упущу ее изъ виду!"

И въ этихъ мечтахъ онъ прослушалъ проповѣдь и не замѣтилъ, какъ служба кончилась.

Когда они вышли изъ церкви, ноябрьское солнце ярко свѣтило. Оно высвободилось теперь изъ-за тучъ, разсѣяло туманъ и грѣло почти какъ весною. Маркъ поглядывалъ во всѣ стороны, ища м-ра Гомпеджа, съ его спутницами; но они остались позади и, какъ онъ опасался, намѣренно. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ узнать, кто онѣ такія.

— М-ръ Гомпеджъ былъ въ церкви съ своимъ семействомъ?— спросилъ онъ.

— Гомпеджъ холостякъ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за такого,—язвительно замѣтилъ дядя.

— Кто же эти молодыя дѣвушки?

— Какія молодыя дѣвушки?

— Да тѣ, что сидѣли на его скамейкѣ,—сказалъ Маркъ немного нетерпѣливо,—дѣвочка съ длинными волосами и другая... постарше?

— Развѣ въ церковь ходятъ затѣмъ, чтобы глазѣть на публику? Я не замѣтилъ ихъ; онѣ пріѣзжія, какія-нибудь знакомыя Гомпеджа, полагаю. Въ сѣромъ была его сестра. Она ведетъ его хозяйство, а онъ ее тиранитъ.

Дядя Соломонъ былъ вдовецъ; племянница его покойной жены жила обыкновенно съ нимъ и вела его хозяйство. То была пожилая особа, безцвѣтная и холодная, но понимала, какъ ей слѣдуетъ себя вести въ качествѣ дальней родственницы, и заботилась объ удобствахъ хозяина. Въ настоящую минуту она находилась въ отсутствіи, и отчасти по этой причинѣ Маркъ былъ приглашенъ дядей въ гости.

Они отобѣдали въ небольшой теплой комнатѣ, просто, но хорошо убранной, и послѣ обѣда дядя Соломонъ далъ Марку сигару и раскрылъ томъ американскихъ комментаріевъ на апостольскія посланія, къ которымъ онъ прибѣгалъ, чтобы придать воскресный характеръ своему послѣобѣденному сну; но прежде нежели книга возъимѣла свое дѣйствіе, сквозь закрытыя окна послышались голоса, слабо долетавшіе, очевидно, съ конца сада.

М-ръ Лайтовлеръ открылъ отяжелѣвшіе вѣки:

— Кто-то забрался въ мой садъ,—сказалъ онъ.—Надо пойти и выгнать... это навѣрное опять деревенскіе ребятишки... повадились ко мнѣ...

Онъ надѣлъ старую садовую шляпу и вышелъ въ сопровожденіи Марка.

— Голоса доходятъ какъ будто со стороны дороги Гомпеджа, но никого не видать, —продолжалъ онъ:—да, такъ и есть! Вотъ и самъ Гомпеджъ и его гости глядятъ черезъ мой заборъ! Чего это ему вздумалось глазѣть на мою собственность? Вотъ нахалъ!

Когда они подошли ближе, онъ остановился, и повернувъ къ Марку лицо, побагровѣвшее отъ гнѣва, сказалъ:

— Нѣтъ, это такое нахальство, что превышаетъ всякое вѣроятіе! Каково? онъ глазѣетъ на свою проклятую гусыню, какъ та прохаживается по моему саду, и навѣрное самъ впустилъ ее!

Дойдя до мѣста дѣйствія, Маркъ увидѣлъ сердитаго стараго господина, бывшаго утромъ въ церкви; онъ съ гнѣвомъ смотрѣлъ черезъ заборъ. Рядомъ съ нимъ стояла красивая и стройная дѣвушка, которую Маркъ видѣлъ въ церкви; удивленное личико сестры ея показывалось по временамъ надъ кольями, а позади лаяла и визжала маленькая собачонка.

Всѣ они глядѣли на большого сѣраго гуся, который безспорно забрался въ чужія владѣнія, но несправедливо было бы говорить, какъ м-ръ Лайтовлеръ, что они поощряютъ его къ этому. Напротивъ того, главной заботой ихъ было вернуть его, но такъ какъ заборъ былъ высокъ, а м-ръ Гомпеджъ недостаточно молодъ, чтобы перелѣзть черезъ него, то имъ приходилось ждать, пока птица сама наконецъ образумится.

Но, какъ вскорѣ замѣтилъ Маркъ, безпутная птица не легко могла внять доводамъ разсудка, ибо находилась въ состояніи сильнаго опьянѣнія; она шатаясь брела по дорожкѣ, нахально вытянувъ свою длинную шею, и ея вялое, сонное гоготаніе какъ будто говорило:—Убирайтесь, я сама себѣ госпожа!—такъ ясно, какъ только это можно выразить на птичьемъ языкѣ.

М-ръ Лайтовлеръ коротко и нѣсколько злобно засмѣялся.

— Ого! Вилькоксъ таки сдѣлалъ, какъ сказалъ,—замѣтилъ онъ. Маркъ бросилъ сигару и слегка приподнялъ шляпу; ему было совѣстно и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно смѣшно. Онъ не смѣлъ взглянуть въ лицо спутницы м-ра Гомпеджа и держался на заднемъ планѣ, въ качествѣ безстрастнаго зрителя.

М-ръ Лайтовлеръ, очевидно, рѣшилъ быть какъ можно грубѣе.

— Добрый день, м-ръ Гомпеджъ,—началъ онъ,—кажется, что имѣлъ удовольствіе уже раньше познакомиться съ вашей птицей; она такъ добра, что по временамъ приходитъ помогать моему садовнику; вы извините меня, но я осмѣлюсь замѣтить,

что когда она находится въ такомъ состояніи, то лучше бы ее держать дома.

— Это срамъ, сэръ,—отрѣзалъ другой джентльменъ, задѣтый такой ироніей:—чистый срамъ!

— Да! это мало дѣлаетъ чести вашему гусю!—согласился дядя Соломонъ, нарочно переиначивая смыслъ словъ своего сосѣда!—Часто это съ нимъ случается?

— Бѣдная гусыня,—пропѣла дѣвочка, появляясь у отверстія въ заборѣ:—какая она странная; крестный, она вѣрно больна?

— Уходи отсюда, Долли,—отвѣчалъ м-ръ Гомпеджъ:—тебѣ не годится на это смотрѣть; уходи поскорѣй.

— Ну, тогда и Фрискъ не долженъ смотрѣть; пойдемъ, Фрискъ, —и Долли снова исчезла.

Когда она ушла, старый джентльменъ сказалъ съ угрожающей улыбкой, выказавшей всѣ его зубы:

— Ну-съ, м-ръ Лайтовлеръ, я вамъ, вѣроятно, обязанъ за то ужасное состояніе, въ какомъ находится эта птица?

— Кто-нибудь да ее напоилъ, это вѣрно,—отвѣчалъ тотъ, глядя на птицу, слабо пытавшуюся распустить крылья и презрительно загоготать надъ міромъ.

— Не отдѣлывайтесь словами, сэръ; развѣ я не вижу, что въ вашемъ саду положили отраву для этой несчастной птицы?

— Успокойтесь, м-ръ Гомпеджъ, ядъ этотъ не что иное, какъ мой старый коньякъ,—отвѣчалъ м-ръ Лайтовлеръ:—и позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что рѣдкому человѣку, не то, что какому-нибудь гусю, удается отвѣдать его. Мой садовникъ, должно быть, полилъ имъ нѣкоторыя растенія... ради земледѣльческихъ цѣлей, а ваша птица пролѣзла въ дыру (про которую вы, быть можетъ, припомните, я вамъ говорилъ) и немножко слишкомъ понабралась имъ. На здоровье, только ужъ не сердитесь на меня, если у нея завтра будетъ болѣть голова.

Въ этотъ моментъ Маркъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на хорошенькое личико, виднѣвшееся по ту сторону забора. Не смотря на свою женскую жалостливость и уваженіе къ владѣльцу птицы, Мабель не могла не сознавать нелѣпости этой сцены между двумя старыми разсерженными джентльменами, перебранивавшимися черезъ заборъ изъ-за пьяной птицы. Маркъ увидѣлъ, что ей хотѣлось смѣяться, и ея темносѣрые глаза на минуту встрѣтились съ его глазами и сказали, что она его понимаетъ. То была точно электрическая искра, затѣмъ она отвернулась, слегка покраснѣвъ.

— Я ухожу, дядя Антони,—сказала она,—приходите и вы

поскорѣе; будетъ ссориться, попросите ихъ отдать вамъ назадъ бѣднаго гуся, и я снесу его на птичій дворъ.

— Предоставьте мнѣ поступать, какъ я знаю,—досадливо отвѣчалъ м-ръ Гомпеджъ.—Могу я васъ попросить, м-ръ Лайтовлеръ, передать мнѣ птицу черезъ заборъ... когда вы покончите свою забаву.

— Эта птица такъ любитъ копаться въ моемъ навозѣ, что я долженъ просить извинить меня,—сказалъ м-ръ Лайтовлеръ.— Если вы посвистите, то я попробую загнать ее въ дыру; но ей всегда легче пролѣзть въ нее натощакъ, нежели наѣвшись, даже и тогда, когда она трезва. Боюсь, что вамъ придется подождать, пока она нѣсколько придетъ въ себя.

Тутъ гусь наткнулся на цвѣтной горшокъ, до половины зарытый въ землю, и безпомощно покатился на землю, закрывъ глаза.

— Ахъ, бѣдняжка!—вскричала Мабель,—она умираетъ.

— Видите вы это?—яростно спросилъ владѣлецъ птицы:— она умираетъ и вы отравили ее, сэръ; намоченный ядомъ хлѣбъ былъ положенъ тутъ вами или по вашему приказанію... и, клянусь Богомъ, вы за это отвѣтите.

— Я никогда не клалъ и не приказывалъ класть.

— Увидимъ, увидимъ,—сказалъ м-ръ Гомпеджъ:—мы объ этомъ послѣ поговоримъ.

— Слушайте-же, пожалуйста, не забывайтесь,—заревѣлъ дядя Соломонъ:—будьте хладнокровнѣе.

— Да, будешь тутъ хладнокровнымъ, какъ же! Пойти спокойно погулять въ воскресный день и увидѣть, что вашего гуся заманилъ въ свой садъ сосѣдъ и отравилъ его водкой!

— Заманилъ! это мнѣ нравится! ваша птица такъ застѣнчива, неправда ли, что если ее формально не пригласить, то сама она и дороги не найдетъ?—подсмѣивался м-ръ Лайтовлеръ.

Мабель уже убѣжала; Маркъ остался и уговаривалъ дядю уйти по-добру, по-здорову.

— Я такъ не оставлю этого дѣла, сэръ; нѣтъ, не оставлю,— рычалъ м-ръ Гомпеджъ въ ярости:—повѣрьте, что оно вамъ мало принесетъ чести, хотя вы и церковный староста.

— Не смѣйте поднимать этого вопроса здѣсь!—отпарировалъ дядюшка Соломонъ.—Не вамъ судить меня какъ церковнаго старосту, м-ръ Гомпеджъ, сэръ; да, никакъ не вамъ.

— Не бывать вамъ больше церковнымъ старостой. Я доведу это дѣло до суда. Я начну искъ противъ васъ за беззаконное, дурное и жестокое обращеніе съ моимъ гусемъ, сэръ.

— Говорятъ же вамъ, что я не трогалъ вашего гуся, а если я хочу поливать свой садъ виски или водкой или шампанскимъ, то неужто же я не властенъ этого сдѣлать и долженъ заботиться о вашемъ глупомъ гусѣ; скажите пожалуйста, я не просилъ его приходить сюда и напиваться. Плевать я хотѣлъ на ваши иски, сэръ. Можете судиться, сколько вамъ угодно.

Но не смотря на эти храбрыя заявленія, въ душѣ м-ръ Лайтовлеръ порядочно трусилъ.

— Увидимъ!—отвѣчалъ тотъ злобно:—а теперь еще разъ повторяю, отдайте мнѣ мою бѣдную птицу.

Маркъ нашелъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко. Онъ поднялъ тяжелую птицу, которая слабо сопротивлялась, и понесъ ее къ забору.

— Вотъ жертва, м-ръ Гомпеджъ,—сказалъ онъ развязно.— Я надѣюсь, что часа черезъ два она совсѣмъ поправится, а теперь, полагаю, можно покончить со всѣмъ этимъ.

Старый джентльменъ взглянулъ на Марка, принимая отъ него птицу.

— Не знаю, кто вы такой, молодой человѣкъ, а также, какую роль вы играли въ этой позорной исторіи. Если я узнаю, что вы принимали также участіе въ этомъ дѣлѣ, то заставлю васъ раскаяться. Я не желаю входить ни въ какія дальнѣйшія объясненія ни съ вами, ни съ вашимъ знакомымъ, который настолько старъ, что могъ бы лучше понимать обязанности христіанина и сосѣда. Передайте ему, что онъ еще обо мнѣ услышитъ.

Онъ удалился съ обиженной птицей подъ мышкой, оставивъ дядю Соломона въ довольно мрачныхъ размышленіяхъ. Онъ слышалъ, разумѣется, послѣднія слова и поглядѣлъ жалобно на племянника.

— Хорошо тебѣ смѣяться,—говорилъ онъ Марку, идя обратно въ домъ:- но знай, что если этотъ злобный старый идіотъ вздумаетъ начать со мной тяжбу, то надѣлаетъ мнѣ кучу хлопотъ. Онъ вѣдь законникъ, этотъ Гомпеджъ, и страшный крючкотворъ. Удивительно пріятно мнѣ будетъ видѣть, какъ въ газетахъ пропечатаютъ меня за то, что я мучилъ гуся! Я увѣренъ, что они будутъ увѣрять, что я влилъ ему водку прямо въ горло. Это все Вилькоксъ надѣлалъ, а совсѣмъ не я; но они все свалятъ на меня. Я поѣду завтра къ Грину и Феррету и поговорю съ ними. Ты изучалъ законы. Какъ ты думаешь обо всемъ этомъ? Могутъ они засудить меня? Но вѣдь это страшно глупо, судиться изъ-за какого-то дурацкаго гуся!

„Еслибы и былъ какой-нибудь шансъ познакомиться съ пре-

лестной дѣвушкой,—съ горечью думалъ Маркъ, послѣ того, какъ утѣшилъ дядю настолько, насколько скромное знаніе законовъ ему дозволяло это,—то теперь онъ потерянъ: эта проклятая птица разрушила всѣ надежды, подобно тому, какъ ея предки обманули ожиданія предпріимчивыхъ галловъ".

Сумерки наступали, когда они шли черезъ лугъ, съ котораго уже почти сошли послѣдніе лучи солнечнаго заката; вульгарная вилла окрасилась фіолетовымъ цвѣтомъ, а на западѣ живыя изгороди и деревья вырѣзывались прихотливыми силуэтами на золотомъ и свѣтло-палевомъ фонѣ; одно или два облака цвѣта фламинго лѣниво плыли высоко, высоко въ зеленовато-голубомъ небѣ. На всемъ окружающемъ лежалъ отпечатокъ мира и спокойствія, отмѣчающаго обыкновенно хорошій осенній день, и царило то особенное безмолвіе, какое всегда бываетъ замѣтно въ воскресный день.

Маркъ подпалъ вліянію всего этого и смутно утѣшился. Онъ вспомнилъ взглядъ, какимъ онъ обмѣнялся съ дѣвушкой надъ заборомъ, и это успокоило его.

За ужиномъ дядя тоже пріободрился.

— Если онъ подастъ жалобу, то ему вернутъ ее,—сказалъ онъ самоувѣренно.—Онъ не даромъ вѣдь законникъ, долженъ же онъ это знать, полагаю. Развѣ я могу отвѣчать за то, что сдѣлаетъ Вилькоксъ безъ моего приказанія. Я не говорилъ ему, чтобы онъ этого не дѣлалъ, но вѣдь не говорилъ также, чтобы онъ это сдѣлалъ. И въ чемъ же тутъ, спрашивается, жестокость? такой нектаръ, какъ эта водка. Вотъ налей-ка себѣ рюмку и попробуй.

Но когда они шли спать на верхъ, онъ остановился на верху лѣстницы и сказалъ Марку:—Кстати, напомни мнѣ приказать Вилькоксу разузнать завтра по утру, что̀ дѣлается съ гусемъ.

VI.

Такъ близко и такъ, однако, далеко.

Когда Маркъ проснулся на другое утро, погода перемѣнилась. Ночью былъ морозъ и туманъ окутывалъ тонкой бѣлой пеленой всю окрестность: немногія деревья, которыя можно было видѣть по близости, казались какими-то сѣрыми и это дѣлало ихъ похожими на привидѣнія. Завтракъ былъ поданъ рано, такъ какъ Маркъ долженъ былъ торопиться въ школу, и онъ сошелъ внизъ къ дядѣ, который уже всталъ, пожимаясь отъ холода.

— Кабріолетъ будетъ готовъ черезъ пять минутъ, — сказалъ этотъ джентльменъ съ набитымъ ртомъ,—поэтому поторопись съ завтракомъ. Я самъ отвезу тебя на станцію.

Дорогой онъ читалъ наставленія Марку, но Маркъ не слушалъ его. Онъ думалъ о дѣвушкѣ, глаза которой встрѣтились съ его глазами наканунѣ.

Всю ночь онъ видѣлъ ее во снѣ, тревожномъ, нелѣпомъ, что не мѣшало ему находиться подъ впечатлѣніемъ этого сна. Свистокъ, раздавшійся въ воздухѣ, отдаленный стукъ колесъ о рельсы оповѣстилъ ихъ, что они приближаются къ станціи, но туманъ настолько усилился, что ничего нельзя было видѣть, пока м-ръ Лайтовлеръ не подъѣхалъ къ лѣстницѣ, которая, казалось, никуда не вела и стояла особнякомъ. Здѣсь они поручили кабріолетъ сторожу, а сами пошли на платформу.

— На дворѣ слишкомъ холодно,—сказалъ дядя Соломонъ,—пойдемъ въ залу, тамъ топится каминъ.—Когда они вошли въ залу, то у камина стояла граціозная фигура дѣвушки, грѣвшей руки у огня. Марку не надо было видѣть ея лица, чтобы узнать, что судьба сжалилась надъ нимъ и посылаетъ ему новый случай. Гости м-ра Гомпеджа, очевидно, возвращались въ городъ съ тѣмъ же поѣздомъ, что и онъ, и самъ старый джентльменъ стоялъ спиной къ нимъ и разсматривалъ росписаніе поѣздовъ, прибитое на стѣнѣ.

Дядя Соломонъ, которому Вилькоксъ уже успѣлъ сообщить о томъ, что злополучный гусь находится въ вожделѣнномъ здравіи, повидимому, не испытывалъ никакой неловкости отъ этой встрѣчи, но шумно двигался и кашлялъ, желая какъ будто привлечь вниманіе врага. Маркъ чувствовалъ большое смущеніе, опасаясь сцены; но поглядывалъ такъ часто, какъ только смѣлъ, на даму своихъ мыслей, которая надѣвала перчатки съ рѣшительнымъ видомъ.

— Крестный,—сказала вдругъ маленькая дѣвочка,—вы мнѣ не сказали: хорошо ли велъ себя Фрискъ?

— Такъ хорошо, что не давалъ мнѣ спать всю ночь и занималъ меня своей персоной.

— Что онъ вылъ, крестный? Онъ иногда, знаете, воетъ, когда его оставляютъ въ саду.

— О, да, онъ много вылъ; это онъ отлично умѣетъ дѣлать.

— И вамъ, въ самомъ дѣлѣ, это нравится, крестный? - вопрошала Долли: — многіе, знаете, этого не любятъ.

— Какіе ограниченные люди,—проворчалъ старый джентльменъ.

— Неправда ли? — ораторствовала невинная Долли:—ну, я рада, крестный, что онъ вамъ нравится, потому что теперь я всегда буду его брать съ собой.

— Здравствуйте, м-ръ Гомпеджъ,—сказалъ дядя Соломонъ, прокашливаясь.

— Здравствуйте,—сухо отрѣзалъ тотъ. Дѣвушка отвѣтила на поклонъ Марка, но не подала виду, что узнаетъ его.

Долли громко замѣтила:

— Э, да это старый сосѣдъ, который чѣмъ-то опоилъ вашего гуся; да, крестный?

— Надѣюсь,—продолжалъ дядя Соломонъ,—что вы обдумали вчерашнее свое поведеніе и убѣдились, что зашли слишкомъ далеко, употребивъ тѣ выраженія, къ какимъ вы вчера прибѣгли, тѣмъ болѣе, что птица совсѣмъ здорова, какъ мнѣ передавали сегодня утромъ.

— Не желаю входить въ дальнѣйшія пренія по этому предмету въ настоящую минуту,—отвѣчалъ тотъ сердито.

— Да и мнѣ онъ порядкомъ надоѣлъ, и если вы согласны признать, что были слишкомъ рѣзки вчера, то я готовъ, съ своей стороны, предать его забвенію.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, м-ръ Лайтовлеръ, но вы должны извинить, если я уклонюсь отъ разсужденій объ этомъ вопросѣ. Я не могу отказаться отъ него такъ легко, какъ вы склонны повидимому думать, и... короче сказать, я не намѣренъ говорить объ этомъ здѣсь, сэръ.

— Какъ вамъ угодно. Я хотѣлъ только отнестись къ вамъ, какъ добрый сосѣдъ, но это ничего не значитъ. Я могу такъ же хорошо, какъ и другіе, довольствоваться своимъ обществомъ.

— Если такъ, то будьте такъ добры, м-ръ Лайтовлеръ. Мабель, поѣздъ уже пришелъ. Забирайте свои пледы и другія вещи и идемъ.

Онъ надменно прошелъ мимо негодующаго дядюшки Соломона, въ сопровожденіи Мабель и Долли, причемъ первой было какъ будто немножко стыдно поведенія м-ра Гомпеджа, потому что она опустила глаза, проходя мимо Марка, между тѣмъ какъ Долли съ дѣтскимъ любопытствомъ поглядѣла на него.

— Чортъ бы побралъ этихъ старыхъ дураковъ, — сердился про себя Маркъ:—очень нужно имъ было такъ нелѣпо повздорить между собой. Будь они только вѣжливы другъ съ другомъ, я могъ бы уже быть теперь представленъ Мабель; мы могли бы даже вмѣстѣ доѣхать до города.

Маркъ сѣлъ въ отдѣленіе, находившееся рядомъ съ тѣмъ, въ

которое м-ръ Гомпеджъ усадилъ Мабель съ сестрой. Ближе сѣсть онъ не посмѣлъ. Онъ слышалъ, какъ чистый голосокъ Мабель проговорилъ прощальныя слова въ окно вагона, въ то время какъ дядя Соломонъ повторялъ свои увѣщанія усердно работать и воздерживаться отъ всякаго „литературнаго вздора".

Отъ Чигберна до Лондона было не очень далеко, но какъ мы вскорѣ увидимъ, судьба рѣшила, что это путешествіе останется памятнымъ какъ для Марка, такъ и для Мабель.

VII.

Въ туманѣ.

Маркъ былъ вызванъ изъ задумчивости, въ которую погрузился, сидя въ вагонѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что поѣздъ послѣ нѣсколько замедлившагося хода совсѣмъ остановился. — Не можетъ быть, чтобы мы уже пріѣхали, — подумалъ онъ, и выглянувъ въ окно дѣйствительно убѣдился, что не ошибся. Они навѣрное были еще далеко отъ столицы, да и не видать было, чтобы они стояли около станціи, хотя трудно было удостовѣриться въ этомъ, благодаря густому туману, окутывавшему все кругомъ.

Вдоль всего поѣзда разговоры пассажировъ, не заглушаемые больше шумомъ движенія, слышались точно гудѣнье пчелъ. Время отъ времени явственнѣе долетали нѣкоторыя слова, заставлявшія другихъ невольно прислушиваться, потому что при такихъ обстоятельствахъ самый простой разговоръ пріобрѣтаетъ необыкновенную пикантность, можетъ быть потому, что не видишь говорящихъ, и это дѣйствуетъ на воображеніе, или потому, что они не ожидаютъ, что ихъ слышатъ другіе.

Но мало-по-малу всѣ пассажиры сообразили, должно быть, что остановка необычайная; стали спускать стекла въ окнахъ вагоновъ, и въ послѣднихъ стали появляться вопросительныя головы. Разные голоса вопрошали, гдѣ же это они находятся, и почему стоятъ и о чемъ думаетъ, чортъ бы ее побралъ, компанія. На эти вопросы кондукторъ, медленно расхаживавшій вдоль поѣзда, отвѣчалъ съ дипломатической увертливостью, отличающей оффиціальное нежеланіе сознаться въ возможной неисправности.

— Да, — солидно отвѣчалъ онъ:—оказалось необходимымъ остановиться; но сейчасъ должны тронуться; онъ не знаетъ какъ долго еще простоятъ; что-то случилось съ машиной; но ничего серьезнаго; онъ не можетъ въ точности сказать, что̀ именно.

Но какъ разъ подъ окномъ Марка къ нему подошелъ другой кондукторъ съ другого конца поѣзда, гдѣ произошла остановка, и между ними началась торопливая конференція, въ которой уже не было степенности ни съ той, ни съ другой стороны. — Бѣги со всѣхъ ногъ и подай сигналъ выстрѣлами; нельзя терять ни минуты; онъ сейчасъ можетъ налетѣть на насъ, а другихъ сигналовъ не увидятъ въ такую погоду. Я бы на твоемъ мѣстѣ, товарищъ, высадилъ ихъ изъ вагоновъ. Имъ тамъ можетъ не поздоровиться.

Одинъ кондукторъ побѣжалъ подавать сигналы, употребляемые во время тумана, а другой отправился предупреждать пассажировъ.
— Выходите изъ вагоновъ, господа; скорѣе, выходите!—кричалъ онъ.

Въ каждомъ поѣздѣ всегда бываетъ какой-нибудь несговорчивый человѣкъ, требующій логическихъ доказательствъ необходимости потревожить свою персону. Онъ сердито выставилъ голову въ окно, подлѣ Марка:

— Слушайте, кондукторъ! — съ важностью закричалъ онъ: — что это значитъ? Почему я долженъ выходить?

— Потому что для васъ будетъ лучше, — коротко отвѣчалъ тотъ.

— Но почему? гдѣ же платформа? Я настаиваю на томъ, чтобы меня подвезли къ платформѣ, я не желаю сломать себѣ шеи.

Нѣсколько человѣкъ, растворившихъ двери своихъ вагоновъ и показавшихся на ступенькахъ, остановились при этихъ словахъ, какъ бы напомнившихъ имъ о чувствѣ собственнаго достоинства.

— Какъ вамъ угодно, сэръ,—отвѣчалъ кондукторъ:—машина сломалась и на насъ съ минуты на минуту можетъ налетѣть другой поѣздъ въ этомъ туманѣ...

Послѣ этого всѣ пассажиры, и первый изъ нихъ несговорчивый господинъ, выказали такую прыть, что скоро очутились внѣ вагоновъ и побѣжали долой съ полотна. Маркъ, мигомъ постигнувшій, какой шансъ посылаетъ ему милостивая судьба, бросился къ дверямъ сосѣдняго отдѣленія, схватилъ Долли на руки въ то время, какъ она готовилась выпрыгнуть изъ вагона, и, едва вѣря своему счастію, подалъ руку Мабели и продержалъ одну счастливую минуту ея ручку въ своихъ рукахъ, въ то время какъ она спускалась съ высокой и крутой ступеньки.

— Скорѣй сходите съ рельсовъ, и отойдите какъ можно дальше отъ дороги на случай столкновенія.

Мабель поблѣднѣла, потому что до сихъ поръ не думала, что существуетъ настоящая опасность. — Не отходи отъ меня, Долли,—сказала она съ полотна.—Здѣсь мы въ безопасности.

Туманъ былъ такъ густъ, что когда они отошли отъ рельсовъ на нѣсколько шаговъ, то поѣзда совсѣмъ не стало видно; пассажиры двигались взволнованными группами, не зная сами, какихъ ужасовъ они могутъ быть свидѣтелями. Волненіе усилилось, когда одинъ изъ нихъ объявилъ, что слышитъ стукъ приближающагося поѣзда.—Слава Богу, что мы во-время успѣли выбраться, и спаси Господь тѣхъ, кто на томъ поѣздѣ! - закричалъ чей-то голосъ.

Долли услышала это и громко завопила:

— Мабель, мы забыли Фриска! онъ будетъ убитъ; бѣдная собачка, она будетъ убита,—рыдала она.

И къ ужасу Марка бросилась бѣжать къ поѣзду; онъ схватилъ ее за руку.—Пустите меня!—отбивалась Долли,—я должна спасти Фриска.

— Онъ выскочилъ изъ вагона и навѣрное теперь уже въ безопасности,—шепнулъ ей Маркъ на ухо.

— Онъ крѣпко спалъ въ корзинкѣ и не проснется, если я не позову его. Къ чему вы меня держите! Пустите меня,—настаивала Долли.

— Нѣтъ, Долли, нѣтъ,—просила Мабель, наклонившись къ ней,—теперь уже поздно. Тяжело бросить его на произволъ судьбы, но уже дѣлать нечего.

И говоря это, она тоже заплакала.

Маркъ не былъ человѣкомъ, отъ котораго вообще можно было ожидать чего-нибудь героическаго. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ себялюбивѣе большинства молодыхъ людей; обыкновенно онъ не любилъ безпокоить себя ради другихъ и въ болѣе хладнокровную минуту и еслибы его не подстрекало присутствіе Мабели, онъ бы конечно вовсе не нашелъ нужнымъ бѣжать спасать собаку отъ мучительной смерти.

Но тутъ была Мабель, и желаніе отличиться въ ея глазахъ сдѣлало героемъ человѣка, характеръ котораго менѣе всего обѣщалъ геройскихъ подвиговъ. Физически онъ былъ достаточно храбръ и способенъ поддаваться первому впечатлѣнію, не заботясь о послѣдствіяхъ. Теперь имъ овладѣло желаніе спасти собаку и онъ слѣпо ему повиновался.

— Подождите здѣсь,—сказалъ онъ,—я схожу за ней.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—закричала Мабель;—вы рискуете жизнью.

— Не удерживай его, Мабель,—просила Долли:—онъ хочетъ спасти мою собаку.

Маркъ уже ушелъ и Мабель осталось только утѣшать, какъ она умѣла, плачущую Долли. Маркъ тѣмъ временемъ прошелъ къ той части поѣзда, гдѣ находилось отдѣленіе, которое онъ за-

нималъ, и нашелъ его безъ труда, когда приблизился настолько, чтобы различать предметы сквозь туманъ; дверь въ отдѣленіе Мабели была открыта, и въ ту минуту, какъ онъ впрыгнулъ въ него, онъ услышалъ стукъ приближающагося поѣзда, свистки которого показались ему адской музыкой, и впервые ему пришло въ голову все слышанное имъ о столкновеніяхъ поѣздовъ и различныхъ пораненіяхъ, претерпѣваемыхъ въ такомъ случаѣ пассажирами.

Но ему некогда было думать объ этомъ; на другомъ концѣ вагона стояла маленькая круглая корзинка, которую онъ видѣлъ въ рукахъ у Долли на Читбёрнской станціи и въ немъ находился терріеръ, крѣпко спавшій, какъ это и предполагала Долли. Онъ взялъ сонную собаченку, причемъ неблагодарная зарычала, но не успѣлъ соскочить съ ней изъ вагона, какъ послышался сильный толчокъ, отбросившій его на другой конецъ отдѣленія.

Пока это происходило, пассажиры перваго поѣзда, теперь, когда худшее уже произошло и слабые крики и стоны вдоль поѣзда затихли, направились туда, откуда они слышались, и Мабель, держа Долли крѣпко за руку, принудила себя идти за ними, хотя у ней голова кружилась и подгибались колѣни отъ страха, при мысли, что̀ она можетъ увидѣть.

Первое, что̀ онѣ увидѣли, это толпу возбужденныхъ, взволнованныхъ людей, сыпавшихъ вопросами и бранившихъ начальство обоихъ поѣздовъ.—Къ чему оставили поѣздъ на рельсахъ и не отвели его? вѣдь они могли всѣ убиться.—Все это происходитъ отъ преступной небрежности и слѣдуетъ непремѣнно произвести слѣдствіе... они будутъ настаивать на слѣдствіи... они будутъ жаловаться главной дирекціи и т. д.

Лица казались блѣдными и испуганными въ туманѣ, но всѣ ораторы были, очевидно, цѣлы и невредимы, и сколько можно было судить, ни одинъ изъ поѣздовъ не сошелъ съ рельсовъ, но куда дѣвался молодой человѣкъ, который взялся спасти собаку?

— О, Мабель, кричала Долли,—Фрискъ убитъ, я увѣрена въ этомъ, спроси, пожалуйста, разузнай, что̀ случилось.

Но Мабель не рѣшалась разспрашивать изъ боязни услышать, что человѣческая жизнь принесена благородно, но безплодно въ жертву; она могла только пробираться сквозь толпу съ цѣлью добраться до вагона, гдѣ ждетъ ее рѣшеніе мучительнаго вопроса.

— Кто-то есть въ одномъ изъ вагоновъ, — услышала она чей-то голосъ, когда подошла ближе и сердце ея крѣпче забилось; но вотъ толпа разступилась и она увидѣла Марка Ашберна, идущаго на встрѣчу ей съ блѣдной улыбкой на помертвѣломъ лицѣ и съ трепещущей собачкой на рукахъ.

Къ счастью для Марка, туманные сигналы даны были вовремя, и второй поѣздъ успѣли снабдить сильными тормазами, благодаря которымъ толчокъ былъ значительно ослабленъ, и Маркъ отдѣлался легкимъ ушибомъ, оглушившимъ его только на минуту.

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній, чтобы придти въ себя окончательно, онъ поднялъ терріера съ подушекъ, на которыхъ тотъ дрожалъ, прикурнувъ къ нимъ, послѣ того, какъ выпалъ изъ его рукъ при столкновеніи; Маркъ, чувствуя себя все еще немного оглушеннымъ и слабымъ, пошелъ въ удивленную толпу и направился, какъ мы уже видѣли, къ Мабель и Долли.

Долли была слишкомъ взволнована, чтобы выразить свои чувства въ словахъ, она схватила Фриска со слезами на глазахъ и убѣжала съ нимъ, не пытаясь даже поблагодарить его спасителя. Но за то сестра ея съ лихвой вознаградила его за это.

— Какъ намъ благодарить васъ, — сказала она съ дрожью въ голосѣ и невольнымъ восхищеніемъ во взглядѣ: — это было такъ мужественно съ вашей стороны; вы могли быть убиты. Ахъ! вы ушибли себѣ лобъ; кровь шла изъ ранки, и хотя теперь больше не идетъ, но позвольте мнѣ перевязать ее, чтобы она опять не открылась.

Въ сущности то была пустая царапина, но Маркъ не сталъ разубѣждать въ ея важности, чтобы не перестать быть интереснымъ въ глазахъ дѣвушки.

— Я боюсь, что вамъ очень больно,—говорила она съ нѣжной заботой въ голосѣ и во взглядѣ, но Маркъ протестовалъ, что боль ничтожная, и это была святая истина, хотя онъ и не желалъ, чтобы ей повѣрили.

Они прошли нѣсколько шаговъ; по близости никого не было видно, всѣ остальные пассажиры были заняты тѣмъ, что составляли замѣтки или допекали несчастныхъ кондукторовъ. Маркъ, взглянувъ на свою прекрасную спутницу, вдругъ замѣтилъ, что мысли ея заняты теперь не имъ, а чѣмъ-то другимъ, и она вглядывается въ окружающій туманъ.

— Я ищу свою сестренку,—отвѣчала она на его вопросительный взглядъ.—Она убѣжала съ собачкой, которую вы спасли, а въ этомъ туманѣ такъ легко заблудиться. Я должна найти ее... о! вамъ дурно!—закричала она, увидя, что Маркъ зашатался и чуть не упалъ.

— Только голова кружится,—отвѣчалъ онъ:—еслибы... еслибы я могъ присѣсть на минутку, что это тамъ виднѣется, кажется, барьеръ?

— Да, повидимому. Можете ли вы дойти одинъ безъ посто-

ронней помощи?—съ состраданіемъ спросила она.—Обопритесь на меня.

Онъ казался ей какимъ-то молодымъ рыцаремъ, раненымъ изъ-за нея и заслуживающимъ ея попеченій.

— Если вы будете такъ добры,—отвѣтилъ Маркъ.

Онъ сознавалъ, что безсовѣстно шарлатанитъ, потому что отлично могъ въ эту минуту дойти до барьера одинъ. Онъ ничѣмъ инымъ не могъ бы извинить свою эксплуатацію ея симпатіи, кромѣ того, что боялся лишиться ея, и находилъ опьяняющую прелесть въ томъ, что за нимъ ухаживаетъ дѣвушка, отъ которой онъ недавно еще врядъ ли могъ надѣяться дождаться второго равнодушнаго взгляда. Если онъ преувеличивалъ свое нездоровье, то можно надѣяться, что добрые люди извинятъ ему это, въ виду вышеназванныхъ обстоятельствъ.

Итакъ онъ дозволилъ Мабели довести себя до барьера и усѣлся на одну изъ его гнилыхъ перекладинъ. Между тѣмъ, какъ она намочила платокъ одеколономъ или другой какой-то душистой жидкостью и приказала ему обтереть себѣ лобъ.

— Желала бы я знать,—сказала она,—есть ли докторъ въ числѣ пассажировъ. Навѣрное долженъ быть. Мнѣ кажется, вамъ бы слѣдовало посовѣтоваться съ докторомъ. Я пойду узнаю, нѣтъ ли доктора и приведу его къ вамъ.

Но Маркъ объявилъ, что ему теперь совсѣмъ хорошо, и попросилъ бы ее не оставлять его, еслибы смѣлъ. Но такъ какъ нездоровье его оказывалось несерьезнымъ, то Мабель опять стала тревожиться о Долли.

— Я не буду спокойна, пока не найду ее,—говорила она:—и если вы дѣйствительно поправились, то не можете ли помочь мнѣ найти ее? Она навѣрное гдѣ-нибудь недалеко.

Маркъ радъ былъ всякому предлогу остаться съ ней и охотно согласился.

— Идите въ эту сторону, а я пойду въ ту и мы встрѣтимся опять здѣсь.

— Не лучше ли намъ идти вмѣстѣ, — предложилъ Маркъ, которому такой планъ совсѣмъ не понравился:—она можетъ не узнать меня, если я буду безъ васъ.

— Нѣтъ, она навѣрное узнаетъ васъ, — нетерпѣливо замѣтила Мабель.—Какъ можетъ Долли забыть васъ послѣ того, что вы сдѣлали; но мы теряемъ время. Ступайте въ эту сторону и время отъ времени кликайте ее.

И сама пошла въ другую сторону, а Марку ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Онъ пошелъ, кличa время отъ

времени: Долли! Долли! и чувствуя себя нелѣпымъ и несчастнымъ, какъ вдругъ какая-то фигура выросла у него подъ носомъ.

— Вы джентльменъ изъ поѣзда, сэръ? — спросила фигура, оказавшаяся кондукторомъ.

— Да, что вамъ нужно?

— Машина исправлена, сэръ. Поврежденіе было совсѣмъ пустое, сэръ, и мы сейчасъ трогаемся въ путь, сэръ; я собираю всѣхъ пассажировъ.

Марку не особенно хотѣлось уѣхать, но онъ не былъ господинъ своего времени, ему давно уже слѣдовало быть въ школѣ и онъ не могъ долѣе медлить. Онъ не забылъ, какъ, проспавъ однажды, долженъ былъ выслушать вѣжливые, но ѣдкіе упреки директора. Теперь у него былъ законный предлогъ, но все же злоупотреблять имъ не слѣдовало.

Однако, онъ съ минуту колебался.

— Сейчасъ иду,—сказалъ онъ,—но я ищу лэди съ маленькой дѣвочкой и собачкой. Онѣ могутъ не попасть на поѣздъ. Подождите, пока я пойду и предупрежу ихъ.

— Не безпокойтесь, сэръ, мы безъ нихъ не уѣдемъ; я самъ позову ихъ, меня онѣ скорѣе послушаются, чѣмъ васъ, сэръ; съ вашего позволенія, вамъ лучше идти и занять для нихъ мѣсто. Предоставьте мнѣ найти ихъ.

Маркъ услыхалъ слабый лай въ томъ направленіи, въ какомъ пошла Мабель. Очевидно, она нашла дѣвочку. „Всего лучше,— подумалъ онъ,—пойти и занять цѣлое отдѣленіе и съ этой мыслью, а, можетъ быть, и подъ вліяніемъ инстинктивнаго повиновенія всякому мундиру, характеризующему всякаго респектабельнаго англичанина, послушался кондуктора и вернулся на поѣздъ.

Къ своему великому удовольствію онъ нашелъ, что отдѣленіе, въ которомъ сидѣла Мабель, никѣмъ не занято. Онъ сталъ у двери и дожидался появленія Мабель съ сестрой съ радостной надеждой на счастливый конецъ своего путешествія. „Можетъ быть, она скажетъ мнѣ, кто она такая,—думалъ онъ.—Могъ ли я этого вчера ожидать!“

Его размышленія были прерваны другимъ кондукторомъ, человѣкомъ сердитаго вида и съ сѣдоватой бородой.

— Садитесь въ вагонъ, сэръ, если желаете ѣхать съ этимъ поѣздомъ,—сказалъ онъ.

— Я дожидаюсь молодой лэди,—отвѣчалъ Маркъ наивно и нечаянно для самого себя. — Тотъ, другой кондукторъ, обѣщалъ мнѣ...

— Ничего не знаю объ этомъ,—упрямо настаивалъ кондук-

торъ:—если вы говорите про моего собрата, то онъ сейчасъ подалъ мнѣ сигналъ, что поѣздъ трогается. Если хотите ѣхать, сэръ, то скорѣе садитесь въ вагонъ.

Ничего другого не оставалось, такъ какъ не могъ же онъ побѣжать искать Мабель на поѣздѣ. Приходилось ждать до Кингсъ-Кросса; но онъ неохотно и съ превеликимъ разочарованіемъ усѣлся на мѣстѣ, стараясь побѣдить нетерпѣніе и досаду на медленный ходъ поѣзда, осторожно направлявшагося къ цѣли его ожиданій.

Маркъ выскочилъ изъ вагона прежде, нежели поѣздъ остановился. Онъ напрягаетъ зрѣніе въ надеждѣ, не промелькнетъ ли знакомая фигура, но тщетно. Ни Мабель, ни Долли не было видно нигдѣ. Онъ розыскалъ обманувшаго его кондуктора, и ему показалось, что тотъ шагнулъ-было къ нему на встрѣчу, но порывшись въ карманахъ, отвернулся, какъ бы желая избѣжать встрѣчи.

Но Маркъ не допустилъ до этого.

— Гдѣ та лэди?—рѣзко спросилъ онъ. — Вы не захватили ее, должно быть, хотя и обѣщали.

— Не моя вина, сэръ. Я разыскалъ молодую лэди, но маленькая барышня ни за что не хотѣла сѣсть въ вагонъ. Какъ мы ее ни уговаривали, ничего не подѣлали. Молодая лэди рѣшила, такъ какъ до Лондона недалеко, ѣхать въ кэбѣ или въ коляскѣ.

— И... и она ничего не поручила передать мнѣ?—спросилъ Маркъ.

Его лицо выражало такое напряженное ожиданіе, что кондукторъ не рѣшился разочаровать его.

— Она поручила вамъ кланяться,—медленно произнесъ онъ, —и передать вамъ ея поцѣлуй, — прибавилъ онъ, взглянувъ въ лицо Марка,—и чтобы вы не безпокоились о ней и что она увидится съ вами на прежнемъ мѣстѣ и...

— Ну это вы все соврали,—замѣтилъ Маркъ.

— Ладно; значитъ, она ничего не приказывала вамъ передать.

— Но она сдѣлала же какія-нибудь распоряженія относительно своего багажа?

— Саквояжъ ея останется въ багажѣ до востребованія. Могу я чѣмъ другимъ услужить вамъ, сэръ? нѣтъ? въ такомъ случаѣ позвольте засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Добраго утра, сэръ.

„Никогда еще не случалось со мной такого,—бормоталъ кондукторъ, возвращаясь въ свой вагонъ.—Пойти и потерять записку, которую только-что взялъ въ руки. Они, очевидно, не водятъ

компаніи; боюсь, что я тутъ напуталъ. Онъ-то, ясное дѣло, влюбленъ въ нее. Мнѣ жаль, что я потерялъ записку, но безполезно было говорить ему объ этомъ".

Что касается Марка, то такой злополучный конецъ его романа совсѣмъ разогорчилъ его. „Она даже не спросила, какъ меня зовутъ?—горько думалъ онъ.—Я рисковалъ жизнью ради нея, она вѣдь знала, что я это дѣлаю только для нея, и такъ скоро позабыла. Я теперь никогда не увижу ее больше, если даже она и живетъ въ Лондонѣ. Надо выбросить ее изъ головы. Этого она, по крайней мѣрѣ, не можетъ мнѣ запретить. Я выброшу ее изъ головы".

Но дни протекали днями, а уныніе его все возрастало. Краткій отдыхъ не освѣжилъ его и оставилъ въ немъ безнадежное стремленіе къ чему-то недостижимому. Жажда славы проснулась съ увеличенной силой, а онъ самъ отнялъ у себя всякіе шансы къ ея достиженію. Время шло, но не приносило ему успокоенія. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ самому себѣ и ко всему окружающему.

VIII.

Дурныя вѣсти.

Наступилъ канунъ Рождества, и миссисъ Лангтонъ сидѣла съ съ своими дочерьми въ той самой гостиной, въ которой мы ее уже раньше видѣли. Долли по обыкновенію возилась съ своей собаченкой.

— Милая мама,—объявила она,—завтра я привяжу визитную карточку Фриску на шею и пошлю его въ кабинетъ папаши поздравить папашу съ Рождествомъ. Только вы, мамаша, не говорите ему пока объ этомъ, пожалуйста.

— Не скажу, моя милая, если ты не хочешь,—добродушно отвѣчала миссисъ Лангтонъ.

— И подумать только, что еслибы тотъ джентльменъ не спасъ Фриска, то я бы не могла привязать ему визитную карточку,—продолжала Долли, нѣжно лаская собачку.—А я-то и не поблагодарила его даже. Я совсѣмъ позабыла объ этомъ, а когда вспомнила, то онъ уже ушелъ. Какъ ты думаешь, Мабель, онъ придетъ навѣстить меня? ты вѣдь сказала ему, что мамаша будетъ рада его видѣть? ты написала ему это въ запискѣ, которую отдала кондуктору?

— Да, Долли, — отвѣчала Мабель, отворачиваясь, — но ты знаешь, что онъ не приходилъ.

— Милая моя,—вмѣшалась мать,—я думаю, что онъ выказываетъ большой тактъ тѣмъ, что не приходитъ. Никакой необходимости не было посылать ему записку и онъ очень умно сдѣлаетъ, если не воспользуется ею. Благодарить людей очень скучно и кромѣ того имъ всегда кажется, что ихъ мало благодарили. Конечно, со стороны этого молодого человѣка было очень любезно, что онъ... собственно говоря, я никогда не могла хорошенько уразумѣть, чтó онъ такое сдѣлалъ, что-то такое произошло въ туманѣ, кажется...—неопредѣленно заключила она.

— Мы подробно разсказывали вамъ, мамаша, — объяснила Долли,—и если желаете, снова повторимъ. Былъ туманъ и нашъ поѣздъ остановился, и мы вышли изъ вагоновъ и я забыла Фриска, онъ находился въ вагонѣ совсѣмъ одинъ, и тогда этотъ джентльменъ побѣжалъ за нимъ и взялъ его изъ вагона и принесъ ко мнѣ. А другой поѣздъ пріѣхалъ и тоже остановился.

— Долли не совсѣмъ точно разсказываетъ, — перебила Мабель, покраснѣвъ.—Въ ту минуту, какъ онъ побѣжалъ за собакой, мы всѣ слышали, что подходитъ другой поѣздъ въ туманѣ и никто не могъ знать, не произойдетъ ли страшнаго столкновенія.

— Въ такомъ случаѣ съ его стороны было крайне безразсудно идти, моя милая, и еслибы я была его мать, то очень бы на него разсердилась.

— Онъ вѣдь очень красивъ, Мабель, не правда ли?—замѣтила Долли непочтительно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да, кажется, онъ красивъ,—отвѣчала Мабель съ напускнымъ равнодушіемъ, но въ душѣ живо припоминала лицо Марка въ то время, какъ онъ стоялъ, прислонившись къ барьеру, и его прекрасные глаза умоляли ее не покидать его.

— Ну чтожъ, ему, можетъ быть, вовсе не интересно, чтобы его благодарили, и совсѣмъ не хочется насъ видѣть, — сказала Долли.—Еслибы хотѣлось, то онъ бы пріѣхалъ, ты вѣдь написала ему нашъ адресъ?

Мабель пришла къ тому же заключенію и въ тайнѣ была имъ задѣта и оскорблена. Она вышла изъ своей обычной сдержанности, чтобы дать ему возможность снова увидѣть ее, если онъ того пожелаетъ, а онъ не пожелалъ этимъ воспользоваться. Душевный миръ ея не былъ серьезно нарушенъ, но гордость была, тѣмъ не менѣе, задѣта. По временамъ ей приходило, однако, въ голову, что ея записка не была доставлена, такъ какъ странно было думать, что восхищеніе, ясно читавшееся въ его глазахъ, такъ легко и скоро испарилось.

— Ай, вотъ и папаша! вы уже вернулись домой!—закричала Долли, когда дверь отворилась и вошелъ высокаго роста господинъ, все еще красивый, лѣтъ пятидесяти, съ большими свѣтлыми глазами, правильнымъ ртомъ и подбородкомъ и сѣдыми бакенбардами. Что касается нравственныхъ качествъ, то въ пользу м-ра Лангтона можно было сказать, что онъ былъ любезенъ со всѣми, кого не считалъ ниже себя, и былъ добрымъ, хотя и не особенно ласковымъ мужемъ. Какъ юристъ, онъ былъ ученъ безъ педантизма и членъ парламента, гдѣ никогда не говорилъ даже и по юридическимъ вопросамъ.

Зоркіе глаза Мабель прежде всѣхъ замѣтили тѣнь на его лицѣ и натянутость въ манерахъ.

— Вамъ нездоровится, папаша, или у васъ была какая-нибудь непріятность сегодня?—спросила она.

— Я здоровъ. У меня есть для васъ новость,—проговорилъ онъ все въ одномъ тонѣ.—Слушай, Долли, ступай и погляди, что дѣлаетъ Колинъ.

— И придти сказать вамъ, папаша?

— Нѣтъ, не приходи, пока я не пришлю за тобой.

Онъ старательно заперъ дверь, и оборотившись къ дочери и женѣ, спросилъ:

— Вы не читали сегодняшнихъ газетъ, конечно?

— Нѣтъ,—отвѣчала миссисъ Лангтонъ:—ты знаешь, что я не читаю газетъ. Джеральдъ,—вдругъ вскричала съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ,—вѣрно кто-нибудь изъ судей умеръ?

Мечта о повышеніи мужа и увеличеніи общественныхъ успѣховъ и уваженія для себя и дочерей пронеслась у нея въ умѣ.

— Нѣтъ, не то, Белла, я вовсе еще не собираюсь въ судьи, да и вообще новость моя не добрая, а худая, очень худая.

— О! папа! — закричала Мабель, — не подготовляйте насъ, скажите сразу, въ чемъ дѣло.

— Предоставь мнѣ, душа моя, поступить такъ, какъ я нахожу за наилучшее. Я сейчасъ объяснюсь. Въ „Globe“ напечатана телеграмма отъ агента Ллойда, возвѣщающая о крушеніи „Манталоры“.

— Корабля, на которомъ уплылъ Винцентъ!—сказала Мабель.—Что онъ спасенъ?

— Нельзя еще ничего сказать навѣрное и... и эти бѣдствія обыкновенно преувеличиваютъ, но боюсь, что есть основаніе думать, что бѣдный малый утонулъ... пассажировъ было въ этотъ моментъ немного на кораблѣ и только четверо или пятеро изъ нихъ спасены, и все женщины. Будемъ надѣяться на лучшій ис-

ходъ, но, прочитавъ подробности кораблекрушенія, сознаюсь, что самъ не питаю большихъ надеждъ. Я наводилъ справки сегодня по утру въ конторѣ кораблевладѣльцевъ, но они сообщили мнѣ немного; завтра они получатъ болѣе подробныя свѣденія, но изъ того, что̀ они мнѣ сказали сегодня, я сужу, что мало надежды.

Мабель закрыла лицо руками, стараясь освоиться съ мыслью, что человѣкъ, сидѣвшій здѣсь напротивъ нея, всего какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ, съ странной, почти пророческой печалью въ глазахъ, лежитъ теперь блѣдный и бездыханный гдѣ-то на глубинѣ моря. Она была настолько оглушена этимъ извѣстіемъ, что не могла плакать.

— Джеральдъ,—сказала миссисъ Лангтонъ,—Винцентъ утонулъ. Я въ этомъ увѣрена. Я чувствую, что это будетъ для меня большимъ огорченіемъ; не знаю, когда я къ этому привыкну... Бѣдный, бѣдный Винцентъ! подумать, что я видѣла его въ послѣдній разъ въ тотъ вечеръ, какъ мы обѣдали у Гордоновъ... помнишь, Джеральдъ, такой скучный обѣдъ, а онъ проводилъ меня до кареты и попрощался, стоя на мостовой.

Миссисъ Лангтонъ придавала повидимому большое патетическое значеніе всѣмъ этимъ обстоятельствамъ; она изящно прижала къ глазамъ носовой платокъ.

— И онъ умеръ! Винцентъ умеръ! какъ это тяжко, какъ это печально,—проговорила Мабель и начала плакать.

— Плачь, милочка, это тебя облегчитъ, — сказала миссисъ Лангтонъ.—Я бы желала, чтобы мнѣ можно было также поплакать, это было бы такимъ облегченіемъ. Но вѣдь папаша сказалъ, ты слышала, что еще не вся надежда потеряна; мы не должны отчаяваться; мы должны надѣяться до послѣдней минуты. Ты рѣшительно не хочешь идти обѣдать? Какъ хочешь. Я чувствую, что каждый кусокъ будетъ стоять у меня въ горлѣ, но я должна идти, чтобы не оставить папашу одного. Пожалуйста сообщи эту новость Долли и Колину, и попроси Fräulein пробыть съ ними въ дѣтской до тѣхъ поръ, пока они не лягутъ спать! Мнѣ было бы тяжело видѣть.

Приличное соболѣзнованіе м-ра Лангтона не лишило его аппетита, и миссисъ Лангтонъ почувствовала большое облегченіе, что можетъ отложить свое горе на время. Такимъ образомъ Мабель была предоставлена тяжелая обязанность сообщить объ участи, постигшей бѣднаго Винцента, своей младшей сестрѣ и брату; обязанность тяжелую, потому что дѣти очень любили Гольройда.

Фрейлейнъ Мозеръ также была огорчена смертью молодого

человѣка, которому она желала помочь и который больше не нуждался въ ея помощи и ни въ чьей другой.

Извѣстіе достигло ушей Марка въ тотъ же день рано по утру. Онъ шелъ домой черезъ Сити, когда объявленіе о „кораблекрушеніи и гибели пассажировъ“ бросилось ему въ глаза и заставило его купить „Globe“, съ которымъ онъ и усѣлся въ вагонъ подземной дороги, чтобы съ равнодушнымъ любопытствомъ прочитать подробности. Онъ вздрогнулъ, когда прочиталъ названіе корабля и тщетно искалъ имени Винцента въ спискѣ оставшихся въ живыхъ.

На слѣдующій день онъ также отправился въ контору кораблевладѣльцевъ за справками и къ этому времени были получены подробныя свѣденія, послѣ которыхъ нельзя было больше сомнѣваться въ погибели пріятеля.

Истинное горе такъ же мало можно почувствовать по заказу, какъ и истинную радость, и въ этомъ убѣдился Маркъ не безъ угрызеній совѣсти. Онъ увидѣлъ, что не смотря на всѣ старанія не можетъ такъ оплакивать своего погибшаго друга, какъ бы слѣдовало въ виду существовавшей между ними пріязни. Онъ разрѣшилъ это затрудненіе тѣмъ, что совсѣмъ пересталъ о немъ думать, и заплатилъ дань огорченію, повязавъ черный галстухъ, тогда какъ любилъ носить цвѣтные.

Каффинъ услышалъ новость не безъ нѣкотораго удовольствія. Опасный соперникъ былъ устраненъ съ его пути и теперь онъ могъ безъ всякихъ опасеній воздавать должное достоинствамъ покойнаго и когда ему пришлось заговорить о немъ при Мабель, онъ сдѣлалъ это съ такимъ чувствомъ, что тронулъ ее и она стала послѣ этого лучшаго о немъ мнѣнія.

Ея собственное горе было истинно и глубоко и не нуждалась въ искусственномъ подзадориваніи и во внѣшнихъ проявленіяхъ. И еслибы Винцентъ могъ знать это, то примирился бы съ равнодушіемъ всѣхъ остальныхъ. Забывчивость и безучастіе другихъ людей не властны были оскорблять его, разъ онъ зналъ, что живетъ въ памяти любимой дѣвушки.

Но для покойниковъ гораздо лучше, что ни равнодушіе наше, ни горе не могутъ трогать ихъ, потому что самое истинное горе постепенно смягчается временемъ и не можетъ утѣшить наименѣе требовательнаго человѣка за неизбѣжное забвеніе.

А. Э.



ФИЛОСОФІЯ ДОНЪ КИХОТА

Рѣдкое произведеніе всемірной литературы обладаетъ въ такой степени способностью притягивать къ себѣ критическую мысль, рѣдкое произведеніе подвергалось такому тщательному всестороннему анализу, какъ „Донъ Кихотъ“ Сервантеса. Бауль (Bowle), Пеллисеръ, Клеменсинъ и др. изучили его, какъ изучаютъ классиковъ: возстановили во всей чистотѣ его текстъ, опредѣлили источники, по возможности разгадали заключающіеся въ немъ современные намеки. Въ числѣ критиковъ „Донъ Кихота“ мы встрѣчаемъ такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ Бутервекъ, Сисмонди, Амадоръ де-лосъ-Ріосъ, Галламъ, Прескоттъ, Тикноръ и др., такихъ мыслителей какъ Шеллингъ и Гегель, и такихъ художниковъ, какъ лордъ Байронъ, Гёте, Уордсвортъ, Гейне, Викторъ Гюго и нашъ Тургеневъ. Еслибы названные писатели пришли къ сколько-нибудь сходныхъ выводамъ относительно общаго смысла геніальнаго произведенія Сервантеса и характера его героя, то всякая попытка идти наперекоръ коллективному мнѣнію такихъ авторитетовъ, не опираясь на какіе-нибудь новые матеріалы, могла бы показаться безполезной, даже дерзкой; но на самомъ дѣлѣ между взглядами названныхъ писателей на „Донъ Кихота“ существуетъ такая разница, что попытка, если не примирить ихъ другъ съ другомъ, то по крайней мѣрѣ выяснить причины этой разноголосицы, является далеко не лишней. Исторія мнѣній, высказанныхъ о „Донъ Кихотѣ“ въ нашемъ столѣтіи, представляетъ собою любопытную страницу въ исторіи критики. Писатели XVII и XVIII в. (С.-Эвремонъ, Бодмеръ и др.) судили о произведеніи Сервантеса по непосредственному впечатлѣнію и видѣли въ его героѣ типъ, хотя и симпатичный, но все-таки отрицательный. Они высоко цѣнили искусство автора, умѣвшаго соединить въ

одномъ лицѣ столько мудрости и безумія, восхищались мастерски очерченными характерами Донъ Кихота и его знаменитаго оруженосца, изъ которыхъ одинъ прекрасно оттѣняетъ другого, отъ души смѣялись надъ забавными похожденіями и траги-комическими неудачами рыцаря печальнаго образа, но имъ и въ голову не приходило отыскивать затаенный смыслъ въ произведеній Сервантеса и негодовать на автора за то, что онъ постоянно ставитъ своего героя въ смѣшныя положенія. Съ начала XIX-го, преимущественно подъ вліяніемъ Канта, въ критику вторгается философскій элементъ и главной задачей ея съ этихъ поръ становится выясненіе основной тенденціи художественнаго произведенія, опредѣленіе идеи, лежащей въ основѣ всякаго характера и т. п. Послѣдователь Канта, Бутервекъ, если не ошибаемся, первый замѣтилъ, что осмѣяніемъ рыцарскихъ романовъ не ограничивалась задача автора „Донъ Кихота“, что Сервантесъ, какъ истинный поэтъ, преслѣдовалъ высшую цѣль, что онъ увлекся идеей изобразить типъ героя и энтузіаста, друга человѣчества, проникнутаго любовью ко всему возвышенному и благородному, и для осуществленія своихъ идеальныхъ стремленій задавшагося фантастическимъ планомъ возстановить угасшее странствующее рыцарство. Почти одновременно съ Бутервекомъ, можетъ быть, даже подъ его вліяніемъ А. В. Шлегель высказалъ мысль, что сущность произведенія Сервантеса состоитъ въ контрастѣ поэтическаго энтузіазма, олицетвореннаго въ Донъ Кихотѣ, и житейской прозы, воплощенной въ лицѣ Санчо Пансы. Эта мысль была подробно развита Сисмонди въ его извѣстномъ сочиненіи „De la littérature du midi de l'Europe“. По мнѣнію Сисмонди, главная задача „Донъ Кихота“ — изображеніе вѣчнаго контраста между поэтическимъ и прозаическимъ въ человѣческой жизни. Люди, одаренные душой возвышенной, способны поставить цѣлью своей жизни быть поборниками справедливости и защитниками слабыхъ и угнетенныхъ. Эта героическая преданность великой идеѣ есть лучшее и трогательнѣйшее, что̀ представляетъ намъ исторія человѣческаго рода; но характеръ героя, кажущійся возвышеннымъ, если смотрѣть на него съ возвышенной точки зрѣнія, можетъ показаться смѣшнымъ, если на него взглянуть съ точки зрѣнія здраваго смысла и житейской прозы. Такъ и взглянулъ на него Сервантесъ, показавшій намъ въ своемъ произведеніи тщету величія духа и иллюзій героизма. Великодушный, и благородный, и безкорыстный, храбростью своею превосходящій сказочныхъ рыцарей, которымъ онъ подражаетъ, вѣрный и почтительный любовникъ, лучшій изъ господъ, герой Сервантеса тѣмъ не менѣе

терпитъ на каждомъ шагу неудачи и всѣ его подвиги влекутъ за собой несчастье для другихъ и посрамленіе для него самого. „Вотъ почему,—заключаетъ Сисмонди,—многіе считаютъ „Донъ Кихота" печальнѣйшей книгой на свѣтѣ, ибо мораль, вытекающая изъ нея, въ высшей степени печальна". Мнѣнія Бутервека, Шлегеля и Сисмонди оказали сильное вліяніе на послѣдующую критику. Къ этому источнику нужно возвести взглядъ Гегеля, что въ „Донъ Кихотѣ" осмѣяна идея рыцарства въ своихъ самыхъ возвышенныхъ проявленіяхъ; на этой почвѣ выросъ взглядъ Гейне, утверждавшаго, что „Донъ Кихотъ" есть величайшая сатира на человѣческую восторженность вообще, и извѣстное мнѣніе Шеллинга, что въ романѣ Сервантеса изображенъ конфликтъ идеальнаго съ реальнымъ, которое представляетъ собою не болѣе какъ переводъ на философскій языкъ взглядовъ Шлегеля и Сисмонди. Замѣчательно, что мнѣніе философствующихъ критиковъ, превратившихъ произведеніе Сервантеса въ какую-то аллегорію, нашли, главнымъ образомъ, отголосокъ въ сердцахъ поэтовъ. Почти всѣ великіе поэты нашего столѣтія, за исключеніемъ развѣ Гёте, признавали Донъ Кихота типомъ положительнымъ и горячо приняли его сторону противъ его автора, будто бы желавшаго осмѣять въ лицѣ своего героя энтузіазмъ къ справедливости и добру и героизмъ въ проведеніи своихъ идеаловъ въ жизнь. „Не сожалѣніе чувствовалъ я къ человѣку, преслѣдующему такія цѣли,— говоритъ Уордсвортъ,—но скорѣе благоговѣніе, и думалъ, что на днѣ его слѣпого и восторженнаго безумія лежитъ глубокая мудрость". Съ такой же точки зрѣнія смотритъ на Донъ Кихота и лордъ Байронъ и съ свойственною ему стремительностью осыпаетъ жестокими упреками Сервантеса за то, что онъ позволилъ себѣ взглянуть съ комической точки зрѣнія на своего героя... „Изъ всѣхъ романовъ, мною читанныхъ,—говоритъ онъ,—„Донъ Кихотъ"—безспорно самый печальный и тѣмъ болѣе печальный, что онъ возбуждаетъ въ насъ улыбку. Его герой совершенно правъ; онъ стремится къ правдѣ; его цѣль наказать злыхъ и сражаться съ сильными за слабыхъ. Безуміе его заключается въ его добродѣтели, но тѣмъ не менѣе его приключенія имѣютъ печальный исходъ и еще печальнѣе нравственный урокъ, вытекающій изъ этой по истинѣ эпической поэмы. Возставать противъ несправедливости, помогать слабымъ, отмщать за ихъ обиды и наказывать негодяевъ,—развѣ эти благородныя стремленія, подобно старой сказкѣ, должны быть отнесены къ празднымъ грёзамъ нашего воображенія? Развѣ стремленіе къ славѣ сквозь всѣ препятствія можетъ быть предметомъ шутки? Да и что̀ такое

самъ Сократъ, если не мудрый Донъ Кихотъ? Своимъ смѣхомъ Сервантесъ положилъ конецъ рыцарству въ Испаніи; одной эпиграммой онъ отсѣкъ правую руку своей родинѣ. Со времени изданія „Донъ Кихота" Испанія произвела мало героевъ. Таково было пагубное дѣйствіе произведенія Сервантеса. Успѣхъ его былъ купленъ дорогой цѣной нравственнаго упадка его родины" („Донъ Жуанъ", пѣснь XIII). Другой великій поэтъ нашего столѣтія, Викторъ Гюго, хотя и соглашается, что Сервантесъ осмѣялъ идеалъ и представилъ осуществленіе его невозможнымъ, но думаетъ, что на днѣ его смѣха лежатъ слезы и что онъ въ глубинѣ своей души также на сторонѣ Донъ Кихота, какъ Мольеръ на сторонѣ Альцеста. Наконецъ, Тургеневъ въ своей извѣстной статьѣ „Гамлетъ и Донъ Кихотъ" видитъ въ Донъ Кихотѣ типъ положительный, энтузіаста и восторженнаго служителя великой идеи. „Донъ Кихотъ, говоритъ онъ,—весь проникнутъ преданностью идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнію. Самую жизнь онъ цѣнитъ на столько, на сколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины и справедливости на землѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ Донъ Кихотъ счелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если можно такъ выразиться) внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ—волшебникамъ великанамъ, т.-е. притѣснителямъ".

Таковъ преобладающій въ современной критикѣ взглядъ на Донъ Кихота, взглядъ, получившій, благодаря Тургеневу, право гражданства и въ нашей литературѣ. Правда, Галламъ, Тикноръ, Сенъ-Бёвъ и др. высказывали иные взгляды, основанные на болѣе глубокомъ изученіи Сервантеса и современной ему эпохи, но эти взгляды не оказали должнаго вліянія на общее направленіе донкихотовской критики, которая по прежнему продолжаетъ строить свои выводы на отвлеченно-философской почвѣ. Оцѣнивать съ разныхъ сторонъ созданные художникомъ типы, раскрывать общій смыслъ художественнаго произведенія и дѣлать изъ него тѣ или другіе нравственные выводы составляетъ законное и неотъемлемое право критики. Злоупотребленіе этимъ правомъ начинается съ той поры, какъ критика сознательно или безсознательно начинаетъ навязывать разбираемому автору свои собственныя воззрѣнія и дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за нихъ. Такъ и случилось въ данномъ случаѣ. Оторвавшись отъ исторической почвы и ставши на философскую точку зрѣнія, критика увидала въ произведеніи Сервантеса аллегорію, а въ созданныхъ имъ типахъ—символы

борьбы идеальнаго съ реальнымъ, поэзіи съ прозой и т. п. Возмущенная осмѣяніемъ великодушнаго безумца, задумавшаго водворить на землѣ уже изжитые человѣчествомъ идеалы, она, стоя на своей отвлеченной точкѣ зрѣнія, естественно могла прійти къ убѣжденію, что въ лицѣ Донъ Кихота осмѣяны вообще энтузіазмъ и вѣра въ идеалъ, и вслѣдствіе этого провозгласила произведеніе Сервантеса печальнѣйшей книгой на свѣтѣ, а его самого причислила къ жалкой семьѣ отрицателей всего идеальнаго и возвышеннаго, а въ лицѣ Байрона даже не задумалась обвинить его въ упадкѣ героическаго духа и идеальныхъ стремленій въ Испаніи. Пересмотрѣть вновь этотъ любопытный процессъ художника съ его толкователями, выяснить истинный смыслъ „Донъ Кихота" и опредѣлить нити, связывающія это любимое дѣтище фантазіи Сервантеса съ его личной жизнью, съ міромъ его идей и воззрѣній, и составитъ предметъ настоящей статьи.

Основная задача произведенія Сервантеса вполнѣ объясняется изъ состоянія современной ему повѣствовательной литературы. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій, именно многовѣковой борьбы съ маврами, превратившей страну на цѣлые вѣка въ военный лагерь, и наплыва провансальскихъ трубадуровъ, большинство которыхъ послѣ альбигойскаго погрома бѣжало въ Испанію и нашло тамъ второе отечество, нигдѣ рыцарскіе нравы и традиціи не пустили такихъ глубокихъ корней, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Рыцарская идея служенія дамамъ не только наполняетъ собою старинные романсы и хроники, но проникаетъ и въ законодательные памятники. Такъ въ знаменитомъ законникѣ короля Альфонса Мудраго (Las Siete Partidas), относящемся къ половинѣ XIII в., въ главѣ, посвященной исчисленію рыцарскихъ обязанностей, рыцарю, между прочимъ, предписывается призывать передъ битвой имя своей дамы, съ цѣлью влить въ его душу новое мужество и предохранить отъ совершенія несоотвѣтствующихъ его высокому званію поступковъ. Въ примѣръ безразсуднаго увлеченія идеей служенія дамамъ обыкновенно приводятъ нѣмецкаго миннезингера Ульриха фонъ-Лихтенштейна и трубадура Пьера Видаля, изъ которыхъ первый, нарядившись въ фантастическій костюмъ богини любви, проѣхалъ отъ Богеміи до Венеціи, вызывая на бой всякаго, кто не соглашался признать его даму первой красавицей въ мірѣ, а послѣдній, влюбленный въ графиню Лобу де-Пенантье (имя Loba значитъ волчица), желая сдѣлать сюрпризъ дамѣ своего сердца, самъ превратился въ ея девизъ, одѣлся въ волчью шкуру и въ такомъ видѣ едва не былъ растерзанъ не посвященными въ тайны рыцарскихъ девизовъ соба-

ками графини. Но подобные сумасброды въ другихъ странахъ считаются единицами; въ Испаніи же ихъ нужно считать десятками. Въ одной испанской хроникѣ XV в. разсказывается о нѣкоторомъ рыцарѣ Суэньо де-Киньонессѣ, который придумалъ довольно курьезный способъ выраженія своей любви къ плѣнившей его дамѣ: онъ постился разъ въ недѣлю на половину въ честь ея, на половину въ честь Пресвятой Дѣвы, а по четвергамъ, кромѣ того, носилъ на своей шеѣ, какъ символъ рабства, тяжелую желѣзную цѣпь. Чтобъ освободиться отъ этого мнимаго рабства, которое не на шутку стало надоѣдать ему, онъ въ сопровожденіи девяти подобныхъ же сумасбродовъ, занялъ мостъ въ Орбито на дорогѣ къ С. Яго-де-Компостелла и въ продолженіе тридцати дней вызывалъ на бой всякаго, отправлявшагося на поклоненіе гробу св. Іакова, рыцаря. Замѣчательно, что на этомъ чудовищномъ, по своей продолжительности и нелѣпости мотива, турнирѣ присутствовалъ король Хуанъ II съ своей свитой, который не только не сдѣлалъ попытки вразумить безумцевъ, но своимъ присутствіемъ воодушевлялъ ихъ. Къ концу того же столѣтія относится разсказъ объ одномъ кастильскомъ рыцарѣ, который нарочно пріѣзжалъ въ Англію ко двору Генриха VI съ цѣлью предложить англійскимъ рыцарямъ сразиться съ нимъ въ честь его дамы. Подобныя сумасбродства поддерживались въ Испаніи обширной литературой рыцарскихъ романовъ, во главѣ которыхъ стоялъ португальскій романъ объ Амадисѣ Гальскомъ, написанный въ духѣ романовъ „Круглаго Стола" и впервые появившійся въ испанской обработкѣ въ концѣ XV в. Романъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ; онъ сдѣлался настольной книгой каждаго грамотнаго человѣка въ Испаніи и вызвалъ массу подражаній и продолженій. Въ эпоху Сервантеса романы такъ-называемаго Амадисова цикла, наполненные самыми невѣроятными происшествіями, совершенно запрудили собою современную литературу и сильно кружили головы молодежи. Писатель начала XVI в. Антоніо де-Гевара замѣчаетъ, что въ его время публика ничего не читала, кромѣ постыдныхъ исторій объ Амадисѣ, Тристанѣ, Прималеони и др., а современникъ его Вальдесъ съ прискорбіемъ сознается, что онъ потратилъ десять лучшихъ лѣтъ своей жизни на чтеніе рыцарскихъ книгъ и до того извратилъ свой вкусъ этой нездоровой пищей, что сдѣлался на нѣкоторое время неспособнымъ цѣнить серьезныя историческія сочиненія. Вліяніе этихъ разжигающихъ воображеніе произведеній, преимущественно на молодые умы, было такъ вредно, что многіе благоразумные люди обращались къ правительству съ просьбой при-

нять мѣры противъ распространенія этой романтической эпидеміи. Въ 1553 г. Карлъ V издалъ указъ, запрещавшій ввозъ рыцарскихъ романовъ въ американскія владѣнія Испаніи, а два года спустя кортесы обратились къ императору съ петиціей, чтобы подобная мѣра была распространена и на Испанію и чтобы всѣ, раньше напечатанные, рыцарскіе романы были преданы сожженію, а новые не могли бы печататься иначе, какъ съ особаго разрѣшенія властей. Но что можно было предписать относительно колоній, того нельзя было сдѣлать относительно Испаніи, гдѣ рыцарскіе романы были любимымъ чтеніемъ всего грамотнаго люда, тѣмъ болѣе, что и самъ императоръ зачитывался ими, а сынъ его, инфантъ Филиппъ II, постоянно являлся въ придворныхъ процессіяхъ въ костюмѣ странствующаго рыцаря, и—если вѣрить Кастильо — вступая въ бракъ съ Маріей Тюдоръ, далъ обѣщаніе, въ случаѣ появленія короля Артура, безпрекословно уступить ему англійскій престолъ.

Изъ сказаннаго ясно, что борьба съ рыцарскими романами была смѣлымъ и высоко-патріотическимъ дѣломъ, вполнѣ достойнымъ такого писателя, какъ Сервантесъ. Что такова была задача „Донъ Кихота", видно изъ предпосланнаго первой части разговора автора съ однимъ изъ его друзей, который убѣждалъ Сервантеса издать „Донъ Кихота" и предсказывалъ ему успѣхъ. „Старайтесь только, чтобъ и меланхоликъ разсмѣялся, читая ваше произведеніе и чтобъ весельчаку стало еще веселѣе. Главное же, не упускайте изъ виду вашей цѣли разрушить въ конецъ шаткое зданіе рыцарскихъ романовъ, порицаемыхъ многими, но превозносимыхъ гораздо большимъ количествомъ людей. Если вамъ удастся достигнуть этой цѣли, то подвигъ вашъ будетъ не малый". Слова эти были написаны Сервантесомъ въ 1605 г. Десять лѣтъ спустя вышла въ свѣтъ вторая часть „Донъ Кихота". Много воды утекло въ этотъ десятилѣтній промежутокъ для Сервантеса, на многіе вопросы онъ успѣлъ измѣнить свои взгляды, но взглядъ его на свою задачу не измѣнился и онъ заканчиваетъ свое произведеніе словами, въ которыхъ явственно слышится нравственное удовлетвореніе писателя, достигшаго своей цѣли. „Единственнымъ моимъ желаніемъ,—говоритъ онъ,—было возбудить отвращеніе къ сумасброднымъ и лживымъ рыцарскимъ книгамъ, которыя, пораженныя моей правдивой исторіей Донъ Кихота, плетутся, пошатываясь, скоро падутъ совсѣмъ и никогда уже не поднимутся". Итакъ, въ то время, когда всѣ усилія благомыслящихъ людей, кортесовъ и самой верховной власти, оказались безсильными въ борьбѣ съ господствующимъ вкусомъ публики, Сервантесъ высту-

пилъ въ походъ, не имѣя другого оружія, кромѣ ироніи и здраваго смысла, и пораженный этимъ оружіемъ, цѣлый сонмъ странствующихъ рыцарей, великановъ, фей и волшебниковъ поспѣшно бѣжалъ съ поля битвы, уступая мѣсто другимъ типамъ, другимъ героямъ. Сервантесъ имѣлъ полное право гордиться своей побѣдой, ибо послѣ 1605, когда была издана первая часть „Донъ Кихота", не было написано вновь ни одного рыцарскаго романа, да и старые перестали интересовать публику и за двумя или тремя исключеніями не перепечатывались болѣе. Какъ искусный полководецъ, Сервантесъ раньше, чѣмъ нанести рѣшительный ударъ, тщательно изучилъ силы врага, его тактику и пріемы. По мнѣнію Пеллисера, Клеменсина и другихъ комментаторовъ, въ „Донъ Кихотѣ" обнаруживается на каждомъ шагу близкое знакомство автора со всей обширной литературой рыцарскихъ романовъ; здѣсь осмѣяны не только ихъ духъ, но ихъ высокопарная манера изложенія, ихъ торжественный и напыщенный слогъ, который Сервантесъ по временамъ весьма удачно пародируетъ. Далѣе, чтобъ рельефнѣе показать на живомъ примѣрѣ вредныя послѣдствія увлеченія рыцарскими романами, Сервантесъ выбралъ своимъ героемъ не какого-нибудь деревенскаго простака и невѣжду, котораго легко сбить съ толку, но человѣка умнаго, начитаннаго, исполненнаго возвышенныхъ стремленій. Ахиллесовой пятой этого человѣка была болѣзненно развитая фантазія и страстное участіе къ людскому горю. Рыцарскіе романы, которыми онъ зачитывался въ своемъ деревенскомъ уединеніи, до того подѣйствовали на эти стороны его природы, что дѣйствительность для него перемѣшалась съ вымысломъ, что онъ сталъ страдать галлюцинаціями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ видѣлъ то, чего нѣтъ, и упорно отрицалъ то, что въ данную минуту находилось передъ его глазами. Онъ серьезно вообразилъ себя странствующимъ рыцаремъ и, избравъ себѣ оруженосца, отправился сражаться съ угнетателями человѣчества, освобождать отъ очарованія принцессъ, словомъ, совершать всѣ тѣ подвиги, о которыхъ онъ читалъ въ рыцарскихъ романахъ. Донъ Кихотъ—это Амадисъ, заснувшій послѣ одного изъ своихъ подвиговъ на нѣсколько столѣтій и проспавшій паденіе феодализма, водвореніе новаго государственнаго порядка и наступленіе эпохи Возрожденія наукъ. Проснувшись, онъ продолжаетъ то, на чемъ его засталъ сонъ. Онъ не замѣчаетъ, что времена измѣнились, что пора авантюръ и рыцарскаго обожанія женщины прошла безвозвратно, что феи и волшебники, державшіе въ плѣну рыцарей и дамъ, исчезли, что жизнь ставитъ человѣку другія задачи, что нравственный порядокъ дер-

жится на иныхъ началахъ, что права слабыхъ и угнетенныхъ защищаются не странствующими рыцарями, а законами и учрежденіями. Въ этомъ взаимномъ непониманіи живущаго въ прошедшемъ Донъ Кихота и далеко ушедшей отъ него жизни, заключался матеріалъ для массы комическихъ недоразумѣній, которыми искусно воспользовался Сервантесъ, показавшій, что рыцарскіе идеалы Донъ Кихота такъ же устарѣли, какъ и его оружіе, что его храбрость и самоотверженіе оказываются совершенно не нужными въ XVI в. и въ особенности въ той формѣ, въ которой онъ ихъ предлагаетъ міру, что вслѣдствіе этого, думая дѣлать добро и стоять за правду, онъ совершаетъ на каждомъ шагу несправедливости и въ концѣ концовъ даже вредитъ тѣмъ, кому хочетъ оказать помощь. Разсказавъ о томъ, какъ Донъ Кихотъ освободилъ мальчика-пастуха отъ побоевъ его хозяина, который, по удаленіи Донъ Кихота, отдулъ его вдвое сильнѣе, авторъ многозначительно замѣчаетъ: „такимъ-то образомъ нашъ рыцарь пресѣкъ уже одно зло на землѣ“ [1]). Впослѣдствіи Донъ Кихотъ встрѣтился съ освобожденнымъ имъ мальчуганомъ и вмѣсто благодарности услышалъ отъ него слѣдующія горькія слова: „Господинъ странствующій рыцарь! Если придется намъ еще встрѣтиться когда-нибудь, то хотя бы вы увидѣли, что меня раздираютъ на части, ради Бога не заступайтесь за меня, а оставьте меня съ моей бѣдой, потому что худшей бѣды, какъ ваша помощь, мнѣ право никогда не дождаться, и да покараетъ и уничтожитъ Богъ вашу милость со всѣми рыцарями, родившимися когда-нибудь на свѣтѣ“. Другой рыцарскій подвигъ Донъ Кихота имѣлъ еще болѣе печальныя послѣдствія. Встрѣтивши похоронную процессію, которую онъ принялъ за шайку злодѣевъ, увозившихъ тѣло убитаго ими рыцаря, Донъ Кихотъ налетѣлъ на процессію съ своимъ копьемъ и сбросилъ съ мула одного юнаго лиценціата, который при паденіи переломилъ себѣ ногу. Когда же вслѣдъ за тѣмъ побѣдитель безоружныхъ отрекомендовался странствующимъ рыцаремъ, обрекшимъ себя на служеніе добру, возстановленіе правды и попраніе зла, то бѣдный лиценціатъ отвѣчалъ ему со вздохомъ: „Не знаю, право, какъ вы попираете зло, знаю только, что меня, ни въ чемъ неповиннаго, вы оставили съ переломленной ногой, а отъ вашей правды мнѣ во вѣки не поправиться. Могу васъ увѣрить, что величайшее зло и величайшая неправда, которая могла постичь меня въ жизни—это встрѣча съ вами“. Третій знаменитый подвигъ

---

[1]) Донъ Кихотъ, т. I, стр. 30. Мы цитируемъ по переводу г. Карелина. Спб., 1881, въ двухъ томахъ.

Донъ Кихота въ первой части романа—освобожденіе, отправляемыхъ на галеру каторжниковъ — обрушился на голову самого освободителя, потому что освобожденные Донъ Кихотомъ преступники избили и ограбили его самого. Неужели же подобнаго рода подвиги, а другихъ Донъ Кихотъ и не могъ совершать, потому что не понималъ, что́ предъ нимъ происходитъ, даютъ ему право считаться героемъ, энтузіастомъ идеи братолюбія, воплощеніемъ самоотверженія на пользу общую? Думать такъ, значило бы утверждать, что непониманіе дѣйствительности и наклонность къ галлюцинаціямъ составляютъ необходимыя условія героизма. Мнѣ кажется, что видя въ Донъ Кихотѣ воплощеніе идеи самоотверженія, выдвигая на первый планъ альтруистическую сторону его подвиговъ, философская критика забываетъ: во-первыхъ, что героизмъ въ практической жизни оцѣнивается не только по нравственнымъ побужденіямъ и по силѣ духа, отличающимъ собою дѣйствія извѣстнаго лица, но также и по разумнымъ средствамъ и ясному сознанію цѣли подвига и могущей изъ него произойти пользы человѣчеству; во-вторыхъ, что Донъ Кихотъ—не самостоятельный дѣятель, но отраженный лучъ, эхо рыцарскихъ романовъ (какъ назвалъ его Галламъ), что въ качествѣ странствующаго рыцаря онъ руководится въ своихъ подвигахъ не только идеей гуманности и самоотверженія на пользу ближнихъ, но суетной жаждой славы и желаніемъ отличиться передъ дамой своего сердца, и что послѣднія побужденія иногда берутъ у него перевѣсъ надъ первыми. Такъ однажды Донъ Кихотъ, рискуя безплодно своею жизнью и подвергая опасности все окрестное населеніе, вызываетъ на поединокъ львовъ, которыхъ князь Оранскій посылалъ въ подарокъ испанскому королю, и когда тѣ не заблагоразсудили выйти изъ отворенной, по приказанію Донъ Кихота, клѣтки, то онъ потребовалъ отъ смотрителя ихъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ и что поединокъ не состоялся не по его винѣ. Въ другой разъ Донъ Кихотъ не желалъ помочь хозяину корчмы, избитому собственными постояльцами, не испросивъ предварительно разрѣшенія на этотъ подвигъ у мнимой принцессы Микомиконъ; когда же это разрѣшеніе было ему дано, онъ все-таки ничѣмъ не помогъ изнемогавшему въ неравной борьбѣ трактирщику, потому что въ силу рыцарскаго кодекса онъ считалъ ниже своего достоинства сражаться съ простыми людьми (т. I, стр. 452 — 453). Я еще припомню здѣсь одинъ случай, когда странствующій рыцарь совершенно заслонилъ въ Донъ Кихотѣ добраго и гуманнаго человѣка. Во время пребыванія Донъ Кихота и Санчо при дворѣ герцога, мнимый Мер-

линъ, который оказался переодѣтымъ мажордомомъ герцога, предсказалъ рыцарю, что очарованная волшебникомъ Дульцинея тогда только приметъ свой настоящій видъ, когда Санчо собственноручно влѣпитъ себѣ 3300 плетей; когда же Санчо сталъ горячо протестовать противъ этого нелѣпаго самоистязанія, Донъ Кихотъ вспыхнулъ и пригрозилъ своему оруженосцу привязать его къ дереву и отсчитать ему не 3300, но 6600 плетей (т. II, стр. 290). Полагаю, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобъ видѣть, насколько правы критики, утверждающіе, что Донъ Кихотъ выражаетъ собой вѣру въ идеалъ, энтузіазмъ къ добру и справедливости и идею самоотверженія на пользу общую, и что эти драгоцѣнныя качества человѣческой природы, источники всякой свободы и прогресса, осмѣяны Сервантесомъ въ его романѣ. Нѣтъ, не энтузіазмъ къ добру и правдѣ осмѣянъ авторомъ „Донъ Кихота", а нелѣпая форма проявленія этого энтузіазма, его каррикатура, навѣянная рыцарскими романами и не соотвѣтствующая духу времени. Гёте справедливо замѣчаетъ, что если какая-нибудь идея принимаетъ фантастическій характеръ, то въ силу этого одного она теряетъ всякое значеніе; вотъ почему фантастическое, разбивающееся объ дѣйствительность, возбуждаетъ въ насъ не сострадание, а смѣхъ, ибо подаетъ поводъ ко многимъ комическимъ недоразумѣніямъ. Къ этому можно прибавить, что если Донъ Кихотъ, несмотря на всѣ свои нелѣпости, способенъ возбуждать въ насъ не только смѣхъ, но и состраданіе, то это объясняется тѣмъ, что онъ лицо двойственное: Донъ Кихотъ не только чудакъ и странствующій рыцарь, но умный, благородный и гуманный человѣкъ. Въ проведеніи этой двойственности въ характерѣ Донъ Кихота, на всемъ протяженіи романа, сказался во всемъ блескѣ художественный талантъ Сервантеса. По скольку Донъ-Кихотъ—странствующій рыцарь, по стольку онъ фантазёръ и мономанъ, но лишь только ему удастся выйти изъ заколдованнаго круга своей idée fixe, онъ становится настоящимъ мудрецомъ и изъ устъ его льются золотыя рѣчи, въ которыхъ такъ и хочется видѣть взгляды самого автора. Есть еще одно обстоятельство, заставляющее насъ относиться снисходительно къ недостаткамъ и противорѣчіямъ въ характерѣ Донъ Кихота и подкупающее въ его пользу критическую мысль. Въ наше время господства эгоизма и обѣдненія всякихъ идеаловъ, отрадно остановиться душой даже на печальномъ образѣ великодушнаго безумца, который не стремится достигнуть успѣха на торжищѣ жизни, руководится въ своихъ дѣйствіяхъ идеальными мотивами и готовъ ежеминутно

жертвовать жизнью за то, что его разстроенное воображеніе считаетъ славой, истиной и добромъ.

Образованный умъ Донъ Кихота, возвышенный строй его мыслей, всѣ эти качества, особенно проявляющіяся во второй части романа, когда завѣса начинаетъ спадать съ глазъ героя, и выражающіяся въ его свѣтлыхъ взглядахъ на литературные, нравственные и соціальные вопросы, составляютъ положительную сторону романа, то, что можно съ полнымъ правомъ назвать его философіей. Здѣсь мы приходимъ къ другому, въ высшей степени любопытному вопросу, насколько „Донъ Кихотъ" имѣетъ автобіографическое значеніе, насколько въ немъ отражается міросозерцаніе его творца.

На автобіографическомъ значеніи своего романа Сервантесъ не разъ настаиваетъ въ различныхъ мѣстахъ „Донъ-Кихота". „Книга эта,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—есть важное дѣло моей жизни". „Для меня одного,—замѣчаетъ онъ въ концѣ романа—родился Донъ Кихотъ, какъ и я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я писать. Мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и одну душу" (т. II, стр. 580). По мнѣнію Сервантеса, сознательно или безсознательно, но авторъ долженъ высказаться въ своемъ произведеніи. „Перо—языкъ души: что задумаетъ одна, то воспроизводитъ другое. Если поэтъ безупреченъ въ своей жизни, то онъ будетъ безупреченъ и въ своихъ твореніяхъ" (II, стр. 125). Желаніе высказаться, ускоренное появленіемъ безсовѣстной поддѣлки подъ „Донъ Кихота", было такъ сильно въ Сервантесѣ, что въ одномъ мѣстѣ второй части онъ устами мнимаго мавританскаго историка Донъ Кихота выражаетъ сожалѣніе, что сюжетъ связываетъ его, что онъ принужденъ постоянно говорить только о Донъ Кихотѣ и Санчо Пансѣ и что это занятіе составляетъ тяжелый трудъ, который не въ состояніи вознаградить авторскихъ усилій. „Обладая достаточнымъ количествомъ ума, знанія и искусства, чтобъ говорить о дѣлахъ всего міра, историкъ постоянно принужденъ удерживать себя въ тѣсныхъ предѣлахъ своего разсказа" (т. II, стр. 314). Въ виду всѣхъ этихъ заявленій, мы считаемъ себя въ правѣ видѣть въ „Донъ Кихотѣ" не только сатиру на рыцарскіе романы, не только художественно-исполненную картину испанской жизни конца XVI и начала XVII в., но и откровеніе задушевныхъ взглядовъ и убѣжденій Сервантеса, его А в т о р с к у ю И с п о в ѣ д ь, его Б ы л о е и Д у м ы. Сюда онъ вложилъ результаты своей житейской опытности и невзгодъ, воспоминанія объ алжирскомъ плѣнѣ, о своихъ бѣдствіяхъ на родинѣ и т. п. Подобно тому, какъ литературная сатира нечувствительно превра-

тилась подъ рукой Сервантеса въ цѣльную картину испанской жизни, такъ и эта послѣдняя, въ свою очередь, сдѣлалась сокровищницей, въ которую онъ вложилъ свои литературные и соціальные взгляды, свои мечты о жизни и счастіи людей.

Выдѣляя автобіографическій элементъ въ романѣ Сервантеса, мы прежде всего коснемся его литературныхъ взглядовъ. Какъ писатель, Сервантесъ долженъ былъ много размышлять надъ предметомъ и задачами своей литературной дѣятельности, и если сопоставить между собой разсѣянныя по всему „Донъ Кихоту" отдѣльныя замѣчанія относительно лирической поэзіи, драмы и романа, то получится нѣчто въ родѣ цѣльной литературной теоріи. Основную черту этой теоріи составляетъ требованіе правды и естественности, въ особенности, по его мнѣнію, необходимое въ области драматической поэзіи. Въ эпоху Сервантеса драматическое искусство въ Испаніи только-что начинало становиться на свои ноги, и единственнымъ принципомъ его было во что бы то ни стало нравиться публикѣ. Величайшій драматургъ того времени Лопе де Вега открыто заявлялъ, что принимаясь писать пьесу, онъ велитъ выносить изъ своей комнаты классическихъ писателей, чтобъ они не свидѣтельствовали противъ него, что въ своей драматической дѣятельности онъ имѣлъ въ виду не принципы искусства, а вкусы публики, которой нужно поддакивать въ ея безуміи, такъ какъ она платитъ за это деньги. Сервантесъ былъ далекъ отъ подобныхъ меркантильныхъ соображеній; онъ носилъ въ своей душѣ возвышенный взглядъ на искусство и думалъ, что поэзія, отражая въ себѣ дѣйствительность и служа жизненной правдѣ, должна въ то же время служить возвышеннымъ цѣлямъ, увлекать публику въ міръ идеала, а не гаерствовать на площади. Воспитанный на Поэтикѣ Аристотеля и Ars Poëtica Горація, Сервантесъ въ первой части „Донъ-Кихота" является горячимъ приверженцемъ классической теоріи драмы и разбираетъ съ точки зрѣнія этой теоріи современную ему драму. „Драма,—говоритъ онъ устами священника,—должна быть зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ жизнь человѣческую; она должна быть олицетвореніемъ правды и примѣромъ для нравовъ. Наши же драмы отражаютъ въ себѣ одну нелѣпость, изображаютъ распутство и служатъ примѣромъ развѣ для глупости. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ представятъ въ первомъ актѣ драмы ребенка въ колыбели, а во второмъ выведутъ его бородатымъ мужемъ, то большей глупости, кажется, и придумать нельзя. Развѣ есть б льшая нелѣпость, какъ представить старика храбрецомъ, а юношу трусомъ, лакея великимъ ораторомъ, пажа мужемъ совѣта, короля носильщикомъ тяжестей и принцессу су-

домойкой? Что сказать наконецъ о нашихъ драмахъ въ отношеніи соблюденія условій времени и мѣста? Развѣ мы не видѣли пьесъ, въ которыхъ дѣйствіе начинается въ Европѣ, продолжается въ Азіи и оканчивается въ Африкѣ, и еслибъ было четыре акта, то четвертый, вѣроятно, происходилъ бы въ Америкѣ, такъ что драма происходила бы во всѣхъ частяхъ свѣта" (т. I, стр. 486—487). Весьма любопытно, что перечисленные недостатки современной испанской драмы привели Сервантеса къ мысли о необходимости учрежденія особой должности эстетическаго критика, которому должны посылаться на просмотръ всѣ назначаемыя къ представленію пьесы и безъ подписи котораго мѣстныя власти не могли бы разрѣшать постановку пьесы на сцену [1]). Еще болѣе имѣютъ значенія помѣщенныя въ первой части „Донъ Кихота" замѣчанія по теоріи романа. И здѣсь требованіе правды и естественности являются верховнымъ требованіемъ, и съ этой точки зрѣнія авторъ подвергаетъ уничтожающей критикѣ всю повѣствовательную литературу своего времени. Перечисливъ массу несообразностей, наполняющихъ собою рыцарскіе романы, Сервантесъ замѣчаетъ: „Если мнѣ скажутъ, что сочинители подобныхъ книгъ просто задались цѣлью выдумывать небывалыя и невозможныя событія, то я на это отвѣчу, что вымыселъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе онъ кажется вымышленнымъ. Баснословные разсказы тогда только будутъ нравиться читателю, когда они воспроизведены такимъ образомъ, что невѣроятное покажется ему вѣроятнымъ, когда авторъ попеременно наполняетъ сердце его удивленіемъ, ожиданіемъ, умиленіемъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ сочиненіяхъ автора, съ умысломъ уклоняющагося отъ природы и правды, другими словами отъ того, что составляетъ главную силу художественнаго произведенія". Относясь отрицательно къ современной ему беллетристикѣ, Сервантесъ съумѣлъ превосходно оцѣнить всѣ выгоды, предоставленныя писателю самой формой романа, этой эпопеи новаго времени, въ которой полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можетъ отразиться человѣческая жизнь со всѣмъ разнообразіемъ волнующихъ ее вопросовъ. „Порицая немилосердно эти книги, я нахожу въ нихъ одно хорошее, именно то, что они даютъ писателю полный просторъ, что онѣ представляютъ собою обширное поле, на которомъ во всемъ блескѣ можетъ развер-

[1]) Впослѣдствіи Сервантесъ подъ гнетомъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ снова обратился къ давно оставленной имъ сценѣ и въ своей пьесѣ Rufian Dichoso (1615 г.), скрѣпя сердце и очевидно иронизируя надъ самимъ собой, сталъ поддѣлываться подъ вкусъ публики и защищать тѣ самые взгляды, противъ которыхъ онъ такъ горячо возставалъ въ первой части „Донъ Кихота".

нуться его талантъ, описывая бури, кораблекрушенія, битвы, изображая характеръ великаго полководца и т. п. Въ подобномъ сочиненіи писатель можетъ попеременно являться астрономомъ, географомъ, музыкантомъ, государственнымъ человѣкомъ, даже волшебникомъ, если къ тому представится удобный случай. Кромѣ того свобода, предоставляемая писателю въ созданіи подобнаго рода произведеній, даетъ ему возможность являться въ нихъ лирикомъ, эпикомъ, трагикомъ и комикомъ, выказать свое превосходство во всѣхъ родахъ поэзіи и краснорѣчія" (т. I, стр. 482—484). До такого широкаго пониманія задачъ романа, какъ бы предугадывающаго ту роль, которую займетъ романъ въ современной намъ жизни, не возвысился ни одинъ писатель XVII вѣка, и я привелъ это мѣсто съ цѣлью показать, насколько Сервантесъ опередилъ свое время.

Отъ литературныхъ воззрѣній Сервантеса перейдемъ къ его религіознымъ и соціально-политическимъ воззрѣніямъ. Хотя среда и эпоха не могли не наложить на Сервантеса извѣстнаго отпечатка, но въ религіозныхъ его воззрѣніяхъ мы не найдемъ и слѣдовъ того фанатизма и изувѣрства, отъ котораго не были свободны лучшіе умы той эпохи, напр. Лопе де-Вега и Кальдеронъ. Даже въ своихъ воззрѣніяхъ на мавританскій вопросъ Сервантесъ руководился не религіозными, а политическими соображеніями. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ онъ видѣлъ въ маврахъ внутреннихъ враговъ, которые никогда не простятъ своего униженія, никогда не сдѣлаются гражданами Испаніи и вѣчно будутъ въ союзѣ съ внѣшними врагами. На этомъ основаніи онъ считалъ изгнаніе мавровъ разумной и законной мѣрой самообороны. По взглядамъ своимъ на религіозные вопросы Сервантесъ приближается къ передовымъ людямъ эпохи Возрожденія: Эразму, Раблэ и др. Нигдѣ онъ не тщился обнаружить свою религіозную ревность, нигдѣ онъ не заискиваетъ благосклонность всесильной въ то время церкви. Въ „Донъ Кихотѣ" разсѣянно не мало стрѣлъ, направленныхъ противъ несимпатичныхъ сторонъ и пороковъ современнаго ему духовенства. Такъ въ одномъ мѣстѣ (I, 257) онъ обличаетъ властолюбіе домашнихъ капеллановъ: „ужели вы полагаете,—восклицаетъ онъ,—что на свѣтѣ дѣлать больше нечего, какъ втираться въ чужіе дома и стараться забрать въ свои руки хозяевъ?" Во второй части „Донъ Кихота" есть злая выходка противъ монаховъ: „Мнѣ кажется,—замѣчаетъ метръ д'отель сидящему за обѣдомъ губернатору острова Баратаріи Санчо,—что вашей милости не слѣдовало бы кушать ничего, что стоитъ на этомъ столѣ.

Большая часть этихъ кушаньевъ принесена монахинями, а позади креста прячется, говорятъ, чортъ" (стр. 372). Внѣшняя религіозность и суевѣріе не разъ подвергались осмѣянію Сервантеса. Изъ его остроумной повѣсти „Rinconete y Cortadillo" всѣ воры и мошенники оказываются набожнѣйшими людьми, строго исполняющими католическіе обряды и поминутно призывающими Бога и святыхъ, чтобы спасти ихъ отъ людского правосудія. Не мало выходокъ противъ всякаго рода суевѣрій попадается и въ „Донъ Кихотѣ". Хотя герой романа въ качествѣ странствующаго рыцаря долженъ былъ вѣрить въ фей, волшебниковъ и всякую чертовщину, но какъ человѣкъ новаго времени онъ не разъ высказываетъ сомнѣнія въ возможности путемъ колдовства направить извѣстнымъ образомъ человѣческую волю (т. I, стр. 181). По этому поводу Донъ-Кихотъ высказываетъ однажды замѣчательное сужденіе, изъ котораго видно, что Сервантесъ считалъ суевѣріе несовмѣстнымъ съ истинной религіозностью: „Всѣ эти случайности, обыкновенно называемыя въ народѣ предзнаменованіями, должны казаться благоразумному человѣку не болѣе какъ счастливыми случайностями. Между тѣмъ одинъ суевѣръ, выйдя утромъ изъ своего дома и встрѣтившись съ францисканскимъ монахомъ, спѣшитъ возвратиться назадъ, словно онъ встрѣтилъ чудовищнаго грифа. Другой разсыпаетъ на столѣ соль и становится задумчивъ и мраченъ, точно природа обязалась предувѣдомлять человѣка объ ожидающихъ его несчастіяхъ. Благоразумный человѣкъ и христіанинъ не долженъ судить по этимъ пустякамъ о намѣреніяхъ неба" (т. II., стр. 458). Когда Санчо пріѣхалъ губернаторствовать на островъ Баратарію, то онъ немедленно издалъ приказъ, чтобы нищіе, просящіе милостыню, не пѣли про чудеса, достовѣрность которыхъ они не могли доказать (II, стр. 413). Вѣроятно за эти раціоналистическія выходки, такъ свойственныя эпохѣ Возрожденія, книга Сервантеса попала въ списокъ запрещенныхъ инквизиціею книгъ (Index expurgatorius).

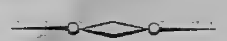
Вездѣ, гдѣ Сервантесъ касается политическихъ и соціальныхъ вопросовъ (исключеніе составляетъ мавританскій вопросъ) онъ обнаруживаетъ возвышенность идей, чувство справедливости и гуманности и замѣчательную государственную мудрость. Подобно передовымъ людямъ эпохи Возрожденія, Сервантесъ, самъ герой Лепанто, гордившійся своими ранами, является врагомъ войны и завоевательной политики. Онъ порицаетъ всякую войну, кромѣ войны оборонительной, цѣль которой—защита вѣры, отечества и короля (т. II, стр. 225—226). Цѣня въ человѣкѣ выше

всего нравственное достоинство, Сервантесъ не придавалъ никакого значенія преимуществамъ рожденія: „Гордись, Санчо, своимъ скромнымъ происхожденіемъ, и не стыдись его, тогда никто не пристыдитъ тебя имъ. Гордись лучше тѣмъ, что ты—незнатный праведникъ, чѣмъ тѣмъ, что ты—знатный грѣшникъ. Если ты изберешь добродѣтель своимъ руководителемъ и постановишь свою славу въ добрыхъ дѣлахъ, тогда тебѣ нечего будетъ завидовать людямъ, считающихъ принцевъ и другихъ знатныхъ особъ своими предками. Кровь наслѣдуется, а добродѣтель пріобрѣтается и цѣнится такъ высоко, какъ никогда не можетъ цѣниться кровь. (т. II, стр. 336). Но высказывая такіе радикальные для того времени взгляды, Сервантесъ не былъ, однако, сторонникомъ всеобщаго равенства, не возставалъ противъ существующаго раздѣленія людей на классы и сословія, на богатыхъ и бѣдныхъ, но только полагалъ, что привилегія происхожденія и богатства должна быть искупаема добровольно принимаемыми на себя заботами о благосостояніи обдѣленныхъ судьбою низшихъ классовъ общества. Извѣстно, что Сервантесъ всю жизнь боролся съ бѣдностью, что, не находя средствъ къ жизни на родинѣ, онъ серьезно думалъ о переселеніи въ Америку, что ему не разъ приходилось, жертвуя собственнымъ достоинствомъ, прибѣгать съ просьбой о помощи къ знатнымъ покровителямъ, которые спасали его чуть не отъ голодной смерти. Въ виду всего этого пріобрѣтаетъ несомнѣнно автобіографическое значеніе великолѣпный гимнъ свободѣ и нравственной независимости, которые онъ влагаетъ въ уста Донъ-Кихота: „Свобода, Санчо, это драгоцѣннѣйшее благо, дарованное небомъ человѣку! Ничто не сравнится съ пей: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земныхъ, ни скрытыя въ глубинѣ морской. За свободу и честь человѣкъ долженъ жертвовать жизнію, потому что рабство составляетъ величайшее земное бѣдствіе. Ты видѣлъ, другъ мой, изобиліе и роскошь, окружавшія насъ въ замкѣ герцога. И что же? Вкушая эти изысканныя яства и замороженные напитки, я чувствовалъ себя голоднымъ, потому что не пользовался ими съ той свободой, съ какой я пользовался бы своею собственностью; чувствовать себя обязаннымъ за милости, значитъ налагать оковы на душу свою. Счастливъ тотъ, кому небо дало кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только небо!“. Нигдѣ Сервантесъ не достигаетъ такой нравственной высоты и такой политической мудрости, какъ въ тѣхъ совѣтахъ и наставленіяхъ, которые даетъ Донъ-Кихотъ отправляющемуся на губернаторство Санчо. Тутъ передъ нами рисуется идеалъ управленія мудраго, справедливаго, твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникну-

таго глубокой любовью и милосердіемъ къ людямъ [1]). И таково было вліяніе этой нравственной силы, что Санчо, первоначально видѣвшій въ губернаторствѣ только средство нажиться, подъ вліяніемъ совѣтовъ Донъ-Кихота совершенно перерождается, дѣлается дѣйствительно мудрымъ правителемъ, уничтожаетъ массу злоупотребленій, заботится объ участи бѣдняковъ и въ концѣ концовъ самъ уѣзжаетъ съ острова такимъ же бѣднякомъ, какимъ пріѣхалъ туда.

Я далеко не исчерпалъ всѣхъ перловъ гуманности и мудрости, заключающихся въ разсужденіяхъ Донъ-Кихота, которыя и были главной причиной того, что критика, позабывъ двойственный характеръ Донъ-Кихота, смотрѣла на него исключительно какъ на энтузіаста идеи добра, и негодовала на Сервантеса за то, что онъ ставитъ такую идеальную личность въ смѣшныя положенія. Съ другой стороны мнѣ хотѣлось обратить вниманіе на ускользнувшую отъ большинства публики положительную сторону произведенія Сервантеса, на массу заключающихся здѣсь возвышенныхъ и гуманныхъ идей, которыми особенно изобилуетъ вторая часть „Донъ-Кихота“, когда характеръ героя просвѣтляется, когда завѣса начинаетъ мало-по-малу спадать съ глазъ его. Отъ этой части, написанной Сервантесомъ всего за годъ до смерти, вѣетъ такой тишиной и душевной ясностью, такой радостной вѣрой въ добро и истину, что она кажется намъ поэтическимъ завѣщаніемъ великаго романиста, озареннымъ кроткимъ и умирающимъ свѣтомъ его жизненнаго заката.

Н. Стороженко.



[1]) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько изъ этихъ совѣтовъ, которые никогда не утратятъ своей цѣнности: „Старайся во всемъ открыть истину; старайся прозрѣть ее сквозь обѣщанія и дары богатыхъ и сквозь рубище и воздыханія бѣдныхъ. И когда правосудіе потребуетъ жертвы, не обрушай на голову преступника всей кары суроваго закона: да не вознесется судья неумолимый надъ судьею сострадательнымъ! Но смягчая законъ, смягчай его подъ тяжестью состраданія, а не подарковъ. И если ты станешь разбирать дѣло, въ которомъ замѣшанъ врагъ твой, забудь въ ту минуту личную вражду и помни только правду. Не оскорбляй словами, кого ты принужденъ будешь наказать дѣломъ: человѣкъ этотъ и безъ того будетъ наказанъ; къ чему же усиливать его наказаніе непріятными словами? Когда тебѣ придется судить виновнаго, смотри на него, какъ на слабаго и несчастнаго человѣка, какъ на раба нашей грѣховной природы. И оставаясь справедливымъ къ противной сторонѣ, яви, насколько это будетъ зависѣть отъ тебя, милосердіе къ виновному, потому что, хотя всѣ богоподобныя свойства равны, тѣмъ не менѣе милосердіе сіяетъ въ нашихъ глазахъ ярче справедливости“ и т. д.

ОБЗОРЪ
МАЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

II *).—И. И. Срезневскій, 1812—80.

Срезневскій прошелъ долгое и исторически любопытное научно-литературное поприще, на которомъ успѣлъ совершить много важныхъ трудовъ, дающихъ ему почетное мѣсто въ развитіи нашей науки. Обзоръ этого поприща не входитъ въ нашу настоящую задачу, и мы коснемся дѣятельности Срезневскаго лишь по отношенію къ малорусской этнографіи, въ которой произвелъ нѣкогда большое впечатлѣніе его первый этнографическій трудъ [1]).

Ученое поприще Срезневскаго случайно началось въ другой области, именно въ области политической экономіи и статистики, хотя уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его влекло къ народной ста-

*) См. выше: августъ, стр. 744.

[1]) Научная подробная біографія его еще не написана. По смерти его, явился рядъ некрологовъ; одинъ былъ напечатанъ въ „Вѣстн. Евр." 1880. Объ его дѣятельности см.:

— „Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія". Спб. 1870;

— „Библіографическій списокъ сочиненій и изданій ордин. академика Импер. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности". Спб., 1879, 4°; и въ особенности:

— Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія имп. акад. наукъ за 1880 годъ", составленный А. Ѳ. Бычковымъ („Сборникъ" II Отд., т. XXII, № 6, Спб. 1881), гдѣ стр. 18—79 посвящены (до сихъ поръ наиболѣе обстоятельному) обзору ученыхъ трудовъ Срезневскаго, а затѣмъ, стр. 79—126, повторенъ библіографическій списокъ его сочиненій и изданій, но съ большими подробностями противъ изданія 1879 г.

ринѣ и поэзіи; но затѣмъ Срезневскій вскорѣ получилъ возможность направить свои труды на любимые предметы, и съ тѣхъ поръ до конца жизни работалъ въ русской этнографіи, археологіи, филологіи и славистикѣ.

Срезневскій былъ великоруссъ по происхожденію (онъ родился въ Ярославлѣ, а родъ его шелъ изъ рязанской губерніи), но все дѣтство и юность провелъ въ Малороссіи, именно въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи и вмѣстѣ инспекторомъ казенно-коштныхъ студентовъ. Онъ рано потерялъ отца, и послѣ домашняго воспитанія очень рано, 14 лѣтъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ и кончилъ, 17 л., тогдашній трехлѣтній курсъ. Харьковскій университетъ [1]), основанный въ первые годы царствованія Александра I, всего больше благодаря усиліямъ извѣстнаго патріота-мечтателя, и даже фантазёра, Каразина, университетъ харьковскій, какъ и другія подобныя учрежденія того времени, въ первыя десятилѣтія своего существованія носилъ довольно странный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что русская жизнь нуждалась въ просвѣщеніи и что основаніе новаго высшаго учебнаго учрежденія было величайшей заслугой тѣхъ, кто его осуществилъ, и было дѣломъ, въ высокой степени благотворнымъ: нужно было когда-нибудь разбудить людей отъ умственной спячки, дать общественной жизни запасъ необходимыхъ научныхъ средствъ, дать основу для работы сознанія. Первые шаги на этомъ пути были неловки и неувѣренны, и желчные консерваторы не упускали указывать на слабыя стороны новыхъ университетовъ, для которыхъ надо было выписывать иностранныхъ профессоровъ, и для которыхъ не было приготовлено учениковъ. Такова была филиппика противъ университетовъ, основанныхъ при Александрѣ I, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ Карамзина. Неловкости и затрудненія дѣйствительно случались: первые слушатели бывали мало приготовлены къ университетской наукѣ; профессоровъ дѣйствительно недоставало и ихъ выписывали изъ-за границы не только въ первое время, но и позднѣе,—какъ долго еще выписывали ученыхъ для императорской академіи наукъ. Но эти затрудненія были неизбѣжны при первой постановкѣ науки въ обществѣ, ранѣе ея не имѣвшемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не откуда было взять русскихъ ученыхъ; новая наука должна была когда-нибудь бросать свои первые корни, но

[1]) Любопытный и богатый характерными чертами разсказъ о старомъ харьковскомъ университетѣ далъ г. Де-Пуле, въ momentum lucidum его писательства („Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій“, въ „Вѣстн. Европы“, 1874, январь и февраль).

позднѣйшее ея развитіе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія пришлось ей испытывать съ разныхъ сторонъ, и при всѣхъ ея недостаткахъ, указываетъ, что это было, однако, дѣло жизненное и для русскаго общества необходимое. Въ молодыхъ поколѣніяхъ являлся контингентъ людей, которые увлекались интересами науки и въ которыхъ зарождался новый слой образованнаго общества. Глухая провинція мало-по-малу привыкала къ новому элементу общественности, хотя часто университетскій профессоръ или ректоръ бывалъ для него только чиновнымъ лицомъ новаго рода. Съ другой стороны, наука не вдругъ могла найти себѣ живое примѣненіе въ мѣстной дѣйствительности: историку, математику, натуралисту, философу, некуда было примѣнять свои новыя знанія— они могли пригодиться развѣ только на той же педагогической дорогѣ, или же примѣнять ихъ было бы не всегда безопасно (какъ это показала, напримѣръ, извѣстная исторія даже въ столичномъ университетѣ, 1821 года). Тѣмъ не менѣе, новое образованіе прокладало себѣ дорогу и овладѣвало умами; новый кругъ людей съ научными понятіями мало-по-малу собрался и, наконецъ, заявилъ интересы знанія въ мѣстной литературѣ и общественной жизни.

Положеніе провинціальнаго университета въ ту пору, когда провинція гораздо больше, чѣмъ теперь, была отдалена и отрѣзана отъ центровъ и вела свою замкнутую жизнь,— это положеніе съ своей стороны отражалось на складѣ мѣстной образованности. Историкъ харьковскаго университета отмѣчаетъ какъ черту этого мѣстнаго просвѣщенія извѣстный мечтательный (слегка поверхностный) идеализмъ, который и былъ совершенно понятенъ въ средѣ образованныхъ людей, удаленныхъ отъ болѣе сильнаго и сознательнаго движенія литературныхъ и научныхъ центровъ. Предоставленные самимъ себѣ, находя мало отвѣта на свои идеи въ окружающей средѣ, эти люди естественно впадали въ отвлеченность, въ сантиментальныя мечтанія на тэму своихъ новыхъ идей. Уединенность университета дѣлала и другое. Въ немъ издавна бывали люди, искренно преданные наукѣ и ревностно для нея работавшіе, какъ филологъ и эстетикъ Кронебергъ, какъ позднѣе историкъ Лунинъ, оставившій по себѣ надолго память талантливаго профессора и рѣдко чистаго характера; но большинство или дѣлались чиновниками,—какъ однимъ изъ антипатичнѣйшихъ примѣровъ этого былъ профессоръ и ректоръ университета, и малорусскій поэтъ, Гулакъ-Артемовскій,—или излѣнивались: университетская наука, въ такихъ рукахъ, очень запаздывала или становилась дилеттантской, и тѣмъ больше у слушателей; или вмѣстѣ съ тѣмъ пускались въ промыселъ—содержаніе студентовъ-пансіо-

неровъ (съ предполагаемымъ обязательствомъ благополучно довести ихъ до окончанія курса—кандидатами или дѣйствительными студентами, смотря по суммѣ, платимой за пансіонера), что̀ долго оставалось язвой именно харьковскаго университета.

Но надо представить себѣ незатѣйливую простоту провинціальнаго быта, слишкомъ скромный уровень обычнаго „просвѣщенія", чтобы оцѣнить то оживляющее вліяніе, какое производила и эта небольшая наука. Она во всякомъ случаѣ была глубоко благотворна для воспріимчивыхъ, живыхъ умовъ, открывала для нихъ разумную дѣятельность и, въ частности, будила интересы къ мѣстной исторической и народно-поэтической старинѣ.

Въ тѣ годы, когда Срезневскій проходилъ свою университетскую школу, сама окружающая жизнь была еще преисполнена отголосками малорусской старины. Еще жило много историческихъ воспоминаній; эпическая поэзія бандуристовъ и богатая лирическая пѣсня были еще въ полномъ цвѣту; малорусскій обычай хранился не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ классѣ, и въ быту малорусскихъ помѣщиковъ; въ кругу людей стараго вѣка ходила по рукамъ малорусская книжная старина, лѣтописи и иные историческіе памятники, и изъ ихъ рукъ эти памятники начинали прямо переходить въ руки людей новаго ученаго образованія, которые вывели ихъ потомъ и въ литературный свѣтъ... Съ конца прошлаго вѣка вступалъ въ литературу и народный малорусскій языкъ, сначала въ рѣдкихъ произведеніяхъ, иногда несомнѣнно талантливыхъ и оригинальныхъ, съ народнымъ колоритомъ и малорусскимъ юморомъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ своей публикѣ, потому что затрогивали чувствительную струну еще незаглохшей мѣстной народности въ образованномъ (болѣе или менѣе) кругу... До сихъ поръ мало изслѣдовано внутреннее настроеніе малорусскаго общества конца прошлаго и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка; но въ этомъ обществѣ очевидно шло какое-то броженіе, на которое намекаютъ отдѣльные факты, еще мало разъясненные. Что въ концѣ прошлаго столѣтія были еще живыя воспоминанія старой малорусской особности, это не требуетъ объясненій: при Екатеринѣ II только-что окончила свое существованіе малорусская гетманщина (хотя уже въ слабой тѣни прежняго) и только-что закрыта была Запорожская Сѣчь; воспоминанія ходили еще въ образѣ живыхъ людей стараго порядка и съ ихъ идеями, и съ архаической внѣшностью. Эти бытовыя явленія кончили, конечно, свою роль и должны были отойти въ могилу исторіи; но была еще крѣпка любовь къ этимъ воспоминаніямъ и бытовой старинѣ; ея любителями бывали и большіе паны, важ-

ные люди въ родѣ упоминавшагося выше Трощинскаго. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія къ этимъ малорусскимъ патріотическимъ интересамъ,—на которыхъ оперлась и возрождавшаяся въ новомъ видѣ малорусская литература,—присоединились, мало понятнымъ доселѣ образомъ, интересы панславистическіе. Такъ, когда въ Кіевъ проникла мода на масонскія ложи, тамошняя ложа (1818) приняла названіе „Соединенныхъ Славянъ"; въ 1823, основывается, опять съ тѣмъ же именемъ, особое тайное общество, примкнувшее потомъ къ южному обществу. Въ „Донесеніи слѣдственной коммиссіи" 30 мая 1826 г. упоминаются показанія о какихъ-то „малороссійскихъ обществахъ" съ политическими цѣлями [1]). Припомнимъ, что здѣсь же, въ Харьковѣ, носился съ панславистическими планами упомянутый Каразинъ, предлагавшій свои мечтанія о панславянскомъ царствѣ правительству императора Александра I.

Чрезвычайно любопытнымъ памятникомъ того же броженія мѣстныхъ историческихъ воспоминаній и политическихъ идеаловъ осталась знаменитая „Исторія Руссовъ", ходившая по рукамъ подъ именемъ архіепископа Георгія Конисскаго и лишь въ недавнее время признанная подложною. Не принадлежа вовсе Конисскому, эта „Исторія", наполненная или ходячими преданіями, или тенденціознымъ изложеніемъ южно-русской исторіи, остается характернымъ литературнымъ произведеніемъ, рисующимъ задушевныя понятія и мечты мѣстныхъ патріотовъ. Далѣе, однимъ изъ любопытныхъ фактовъ того же настроенія остается великая мѣстная популярность извѣстнаго малороссійскаго „философа" Сковороды, о которомъ, между прочимъ, не разъ писалъ и говорилъ Срезневскій... Эти воспоминанія о старинѣ представлялись тѣмъ живѣе, что обстановка быта, этнографическія особенности края бросались въ глаза, говорили о другомъ оттѣнкѣ племени, о другой исторіи. Замѣчательно, что, какъ именно здѣсь на югѣ показались первые темные намеки на панславизмъ, такъ здѣсь же потомъ развивался особый интересъ къ славянскому національному возрожденію, къ изученію другихъ славянскихъ народностей. Послѣ мечтаній о „Соединенныхъ Славянахъ" въ Кіевѣ, послѣ всеславянскихъ мечтаній Каразина въ Харьковѣ, мы здѣсь же на

---

[1]) Одно малороссійское общество основывалось какимъ-то Новиковымъ при масонской ложѣ; другое малороссійское общество „будто бы имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству польскому". Послѣднее показаніе, въ самомъ „Донесеніи" (стр. 17), признано, впрочемъ, основаннымъ на догадкахъ и найдено несправедливымъ. Любопытно все-таки, что бродили мысли подобнаго рода.

югѣ, или въ средѣ малорусскихъ уроженцевъ и патріотовъ, встрѣчаемъ и первые опыты научныхъ интересовъ къ славянскому міру. Въ тридцатыхъ годахъ, когда у насъ еще не было никакихъ прямыхъ средствъ изученія славянства, Вадимъ Пассекъ, обжившійся въ Харьковѣ, соединяетъ малорусскій патріотизмъ съ философско-историческими разсужденіями о судьбахъ славянства; Артемовскій худо ли, хорошо ли знаетъ о новомъ славянскомъ движеніи; Бодянскій пишетъ книгу о славянской народной поэзіи; Срезневскій въ Харьковѣ записываетъ и издаетъ словацкія пѣсни, переводитъ и объясняетъ чешскіе памятники; при посылкѣ за границу первыхъ будущихъ славистовъ, два послѣдніе являются въ числѣ посылаемыхъ, и къ нимъ присоединяется еще южанинъ, Григоровичъ; еще нѣсколько лѣтъ спустя, натурализованный въ малороссы Костомаровъ основываетъ свое панславистское Кирилло-Меѳодіевское общество... Надо думать, что въ этомъ первомъ пробужденіи славянскихъ интересовъ и сочувствій играло извѣстную роль нѣкоторое сходство въ самомъ положеніи народностей: возникавшая литература на малорусскомъ языкѣ; богатая народная поэзія, которую начали теперь изучать, какъ памятникъ старой и источникъ оживающей народности, имѣли несомнѣнно точки сближенія съ славянскимъ возрожденіемъ, особливо ежели вспоминалась Галиція, гдѣ это народное движеніе было вполнѣ тождественно съ возрожденіемъ другихъ славянскихъ народностей на югѣ и на западѣ. Быть можетъ, отозвался здѣсь, какъ нѣкоторые думали, и отголосокъ старыхъ связей Малороссіи съ южнымъ славянствомъ, когда сербы приходили учиться въ кіевскую академію или когда направлялись въ Малороссію сербскія поселенія въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе съ польскимъ обществомъ и литературой было возможно (какъ разсказываетъ г. Де-Пуле) въ самомъ Харьковѣ, гдѣ жило много поляковъ, и т. д.

Срезневскій не былъ малоруссомъ по рожденію, но, благодаря всей обстановкѣ, увлекся, какъ истый малоруссъ, народными преданіями и поэзіей края, и его, еще юношескія, работы по этому предмету надолго дали ему авторитетъ въ малорусской этнографіи. „Запорожская Старина“ долго была источникомъ обильныхъ цитатъ въ изслѣдованіяхъ о малорусской старинѣ и изданныя въ ней думы переносились отсюда въ другіе сборники, какъ перлы южно-русскаго эпоса... То обстоятельство, что не-малоруссы (какъ былъ Срезневскій, а, пожалуй, и Костомаровъ) бывали ревностными дѣятелями въ области малорусской этнографіи и исторіи,—это обстоятельство, какъ извѣстно, послужило какимъ-то образомъ у враговъ украинофильства новымъ обвиненіемъ противъ него:

это будто бы должно было указывать ненормальность движенія, поддержаннаго силами чужихъ дѣятелей (въ которыхъ надо было предположить какое-то заблужденіе); но фактъ доказываетъ совсѣмъ противное, а именно оригинальную силу той мѣстной историческои и этнографической стихіи, которая дѣйствовала даже на людей, собственно ей чуждыхъ, и увлекала ихъ къ изученію этой мѣстной жизни. Понятно также, что это нимало не было заблужденіемъ съ ихъ стороны: Малороссія — не чужая страна, а свой для насъ край, и изученіе ея, усвоеніе ея историческаго и поэтическаго наслѣдія есть заслуга для „обще-русскаго" цѣлаго; увлеченіе ею со стороны изслѣдователей, не-малоруссовъ родомъ, свидѣтельствовало объ ихъ научной, поэтической и національной воспріимчивости.

Мы имѣемъ мало біографическихъ извѣстій о той ближайшей научно-литературной обстановкѣ, въ которой складывались этнографическіе и литературные взгляды Срезневскаго [1]). На книжное поприще онъ вступилъ очень рано, когда ему былъ едва 21 годъ (первая книжка „Запорожской Старины", 1833), или даже раньше, потому что въ 1831 онъ издаетъ уже съ Росковшенкомъ маленькій „Украинскій Альманахъ", гдѣ были и его стихи, а въ 1832 году издалъ упомянутыя „Словацкія пѣсни". То направленіе, въ которомъ съ самаго начала и надолго, почти до конца (по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока „холодъ жизни" не сдѣлалъ его совсѣмъ равнодушнымъ къ идеальнымъ сторонамъ литературной жизни), была та романтическая народность, о которой мы не одинъ разъ имѣли случай говорить. Эта романтическая народность въ тѣ годы господствовала въ литературномъ отношеніи къ народу (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій; во второмъ ряду — множество романистовъ и поэтовъ: Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Вельтманъ и пр., и пр.), и начиналась въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ (Максимовичъ, Вадимъ Пассекъ, частію Даль и др.). Мы указывали при другомъ случаѣ достоинства и недостатки этой романтической народности [2]). Большой заслугой ея было то, что она предчувствовала великую народную и нравственно-общественную важность изученія народа и будущее вліяніе идеи народа въ сознаніи общества и въ самой дѣйствительной жизни. Романтики народности угадывали—иногда какъ бы только инстинктомъ (потому что не всегда умѣли этого теоретически объяснить)—недостаточность одной

[1]) О профессорахъ того факультета (этико-политическихъ наукъ), на который онъ вступилъ, см. въ „Отчетѣ" г. Бычкова, стр. 20.

[2]) См. напр. „Вѣстн. Евр." 1882, ноябрь, стр. 172 и далѣе.

чисто-государственной исторіи народа и того отношенія къ народной жизни, которое господствовало тогда въ понятіяхъ большинства и въ житейской рутинѣ и, въ сущности, съ одной стороны было оффиціальное и канцелярское, съ другой помѣщичье; они угадывали также пошлость и ложь той пустой сантиментальности, съ которою начинали-было обращаться къ народу ихъ предшественники, писатели карамзинской школы. Заслугой романтиковъ было стремленіе искать въ народной жизни ея внутренняго смысла, историческаго и бытового; но въ выполненіи этой задачи они дѣлали ошибки, потому что разрѣшеніе вопроса, какъ они его ставили, было имъ еще не по силамъ, не по средствамъ нашего тогдашняго знанія. Тотъ результатъ, какого они искали, могъ быть достигнутъ только цѣлымъ рядомъ историко-филологическихъ наукъ, которыя только-что основывались, а кромѣ того постановкой серьезнаго и нимало не идеалистическаго соціальнаго вопроса; они думали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ поэзіей и чувствомъ;—не знаемъ, насколько для большинства ихъ ясенъ былъ вопросъ соціальный и даже представлялся ли онъ имъ.

Мы имѣли случай вкратцѣ упоминать о характерѣ „Запорожской Старины" Срезневскаго [1]). Это была, въ полномъ смыслѣ слова, юношеская работа, но живая, своеобразная и стоившая не малыхъ изученій. Книга посвящена была собиранію малорусскихъ историческихъ преданій и пѣсенъ, пересказу событій южно-русской, по термину Срезневскаго, „запорожской" исторіи (по малорусскимъ лѣтописямъ и инымъ источникамъ), опытамъ критики и т. д. Только много послѣ оказалось, что очень многіе изъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ указывалъ Срезневскій драгоцѣнный остатокъ старины и прекрасное поэтическое наслѣдіе героической эпохи, что многіе изъ нихъ были несомнѣнной, странно появившейся и долго неугаданной поддѣлкой. То самое обстоятельство, что поддѣлки не были въ свое время угаданы,—какъ въ русской этнографіи также довольно долго иныя мнимо-народныя и грубыя подмалевки Сахарова сходили за чистую монету,—даетъ понятіе и о состояніи критики, и о настроеніи самихъ этнографовъ. Строгое изслѣдованіе текстовъ не приходило въ голову; на первыхъ порахъ довольно было поэтическихъ картинъ, героическихъ чувствъ, меланхолическихъ впечатлѣній прошедшаго—все это было на-лицо, и затѣмъ никто не думалъ провѣрить подлинность источника этихъ чувствъ и картинъ.

Предисловіе Срезневскаго къ „Запорожской Старинѣ" рисуетъ

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1882, декабрь, 760—762.

романтическое настроеніе, съ которымъ онъ приступаетъ къ своему дѣлу.

„Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ,—говорилъ онъ,—я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую, — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни, и характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства... Бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

„Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями (?), подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

„И доселѣ на Украинѣ есть какъ бы особенный цѣхъ стариковъ, кои то подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село и тѣшатъ народъ своей игрой на бандурѣ, своими печальными напѣвами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разсказами про былое.

„Въ памяти сихъ стариковъ живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей. Хотя преданія о старинѣ, ими разсказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа, какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь, ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вымысла. Другой родъ преданій бандуристовъ — о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т.-е. о всемъ, чтò касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ по содержанію, и по обширности. Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другого рода суть пѣсни и думы.

„И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, — старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто подобно полету урагана степного, подъ глухія завыванья котораго онѣ взлелѣяны, — все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ,

но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую, — пробивается, и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ, — юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью.—То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьѣ могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада,—то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго...

„Таковъ общій характеръ думъ и пѣсенъ Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора-беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ...

„Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

„Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣсенъ и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ—около двадцати пѣсенъ; всего не болѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ—побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною; большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее,—наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ“.

Если читатель сравнитъ этотъ отрывокъ съ тѣмъ, что мы приводили въ другомъ мѣстѣ изъ подобныхъ разсужденій Пассека, онъ найдетъ чрезвычайное сходство въ возбужденномъ настроеніи обоихъ писателей, которое стремилось въ прошедшемъ къ

поэтическимъ картинамъ больше, чѣмъ къ опредѣленію самыхъ фактовъ, и напр. въ данномъ случаѣ къ первоначальной критикѣ сообщаемыхъ текстовъ. Правда, Срезневскій дѣлалъ нѣчто въ этомъ послѣднемъ отношеніи, — по его словамъ, онъ сличалъ тексты, „исправлялъ ошибки" (какія ошибки, и на какомъ критеріумѣ исправлялъ?) и т. п.; но впослѣдствіи именно въ этой сторонѣ дѣла и оказались столь крупные недостатки изданія, что они совсѣмъ подорвали его кредитъ...

Изданіе думъ и преданій обставлено было всѣми признаками достовѣрности; при думахъ обозначалось, что собиратель или „самъ" списалъ пѣсню „со словъ бандуриста" (что̀ отмѣчается при большомъ числѣ пѣсенъ думъ) или что получилъ отъ такого-то, имъ называемаго лица; наконецъ, издатель не однажды призывалъ критику и изъявлялъ желаніе воспользоваться ея указаніями. Провѣрять не думали; напротивъ, Максимовичъ въ своемъ второмъ изданіи пѣсенъ, вслѣдъ за первыми книжками „Запорожской Старины", воспользовался ея матеріаломъ; цитаты изъ нея стали обычнымъ дѣломъ. Срезневскій пріобрѣлъ уже съ тѣхъ поръ авторитетное имя [1]...

Если вспомнить, что Срезневскій, по словамъ его въ предисловіи 1833 г., приступилъ къ изданію послѣ „семилѣтняго труда", т.-е. началъ этотъ трудъ, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, можно найти объясненіе, почему въ его работѣ такъ звучитъ романтическая струна, и почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ сборникѣ могли оказаться найденныя потомъ прорухи относительно самаго существеннаго пункта, т.-е. относительно подлинности изданныхъ имъ народныхъ памятниковъ. Онъ несомнѣнно взялъ грѣха на душу, когда утверждалъ, будто „со словъ бандуриста" записывалъ не существовавшія у бандуристовъ думы, или когда впослѣдствіи не вывелъ изъ заблужденія тѣхъ, кто ими пользовался.

Въ это время, въ тридцатыхъ годахъ, Срезневскій, вѣроятно, при очень скудныхъ книжныхъ средствахъ и самоучкой, начинаетъ заниматься славянскими нарѣчіями. Еще раньше „Запорожской Старины", въ 1832, онъ издаетъ небольшой сборникъ словацкихъ пѣсенъ, записанныхъ отъ бродячихъ словаковъ, зашедшихъ въ Харьковъ; въ „Очеркахъ Россіи" Пассека (который въ эти годы прожилъ нѣсколько времени въ Харьковѣ) онъ помѣщаетъ статьи, касающіяся славянской письменной древности; нѣтъ сомнѣнія, что у него въ то время уже развились тѣ славянскіе

---

[1]) Ср. „Вѣстн. Евр." 1882, декабрь, стр. 761.

интересы, какіе мы видѣли у Пассека—предварившаго, по нѣкоторымъ вопросамъ, хотя еще въ туманной формѣ, нѣкоторыя положенія славянофильства. Въ 1839, Срезневскій былъ назначенъ въ число молодыхъ ученыхъ, которые отправлены были тогда въ славянскія земли и стали вскорѣ первыми основателями русской славистики.

Для исторіи науки, и въ частности для ученой біографіи Срезневскаго, одного изъ первыхъ нашихъ славистовъ, особенно любопытны эти первые шаги въ области мало доступнаго до тѣхъ поръ изученія. Послѣ, когда онъ былъ въ самой славянской средѣ, когда онъ познакомился съ передовыми людьми славянскаго движенія (и со многими завязалъ тѣсныя дружескія связи), когда онъ былъ окруженъ и книжными источниками, и живой народной дѣйствительностью,—понятно, какъ былъ пріобрѣтенъ имъ большой горизонтъ знанія; но, какъ ни велика обнаруженная имъ энергія труда и изученія, книжнаго и живого,—остаются чрезвычайно характерны именно эти раннія работы, гдѣ онъ былъ предоставленъ почти только самому себѣ, съ немногими пособіями, безъ руководителя и правильной школы. Эти раннія работы особенно свидѣтельствуютъ о той талантливости, которая дала ему угадывать великую научную важность, въ особенности для народныхъ изученій,—какую представляло знакомство съ славянскимъ міромъ, изслѣдованіе славянской народной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе малорусской старины (при всѣхъ его юношескихъ недостаткахъ) въ особенности наводило на мысль объ изученіяхъ славянскихъ... Срезневскій отправлялся въ славянскія земли романтикомъ, и это, съ одной стороны, чрезвычайно помогло ему освоиться въ тогдашнихъ славянскихъ отношеніяхъ, сойтись съ людьми, войти въ литературные интересы: потому что то время, конецъ тридцатыхъ и первые сороковые годы, было самымъ разгаромъ славянскаго возрожденія, которое было своего рода романтизмомъ, экзальтированнымъ превознесеніемъ народнаго начала, народной старины, обычая; и съ другой стороны, пребываніе въ славянской средѣ вооружило романтику Срезневскаго всѣмъ запасомъ славянскихъ возбужденій и новаго фактическаго знанія [2]).

---

[2]) Въ академическомъ некрологѣ Срезневскаго, между прочимъ, помѣщена инструкція, которая предназначена была для молодыхъ ученыхъ, отправлявшихся въ славянскія земли. Эта инструкція, составленная въ московскомъ университетѣ, очень любопытна для исторіи нашей славистики. Въ московскомъ университетѣ имѣли тогда много свѣденій о положеніи славянской науки и литературы, знали имена главнѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, съ которыми путешественникамъ и рекомендовалось вступить въ сношенія; — инструкція наполнена указаніями тѣхъ ученыхъ работъ, кото-

Это была наиболѣе живая пора Срезневскаго—въ томъ смыслѣ, что онъ исполненъ былъ одушевленіемъ къ народной идеѣ своихъ изученій и давалъ высказываться этому одушевленію, какъ въ своихъ литературныхъ работахъ, такъ и въ лекціяхъ, которыя началъ читать въ харьковскомъ университетѣ, по возвращеніи изъ своего славянскаго путешествія въ 1842 году. Объ его тогдашнихъ лекціяхъ разсказываетъ свидѣтель-очевидецъ:

„Успѣхъ его былъ громадный. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія, № 1-й, не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно, и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ“.

Авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что въ харьковскомъ университетѣ Срезневскій нашелъ въ особенности чуткую аудиторію. „Славянское братство и единеніе, въ духѣ мира и любви едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ. Въ 40-хъ годахъ въ харьковскомъ университетѣ число студентовъ колебалось всегда между цифрами 450 и 500; изъ этого числа отъ 150 до 200 было поляковъ. На медицинскомъ факультетѣ мы еще застали студентовъ бывшей виленской медицинской академіи. Были профессора поляки, и такіе даровитые, какъ Валицкій; изъ другихъ назову Александра Мицкевича, читавшаго римское право, брата знаменитаго поэта Адама, угрюмаго литвина, плохо говорившаго по-русски, но совсѣмъ не раздѣлявшаго тенденцій автора „Дзядовъ“... Были литераторы польскіе, какъ Корженевскій и Валицкій; было и общество польское, для губернскаго города немалое. Общеніе между русскими и польскими студентами было полное, вполнѣ теплое и искреннее со стороны первыхъ, простое и безхитростное со стороны послѣднихъ: жгучая взаимная непріязнь,

рыя путешественникамъ предлагалось совершить. Но рядомъ съ тѣмъ она производитъ впечатлѣніе, что составители не вѣдали, что творятъ; потому что не только одному ученому—въ короткій срокъ—невозможно было выполнить насчитанныхъ работъ, но онѣ остаются недовершенными и цѣлою массою нашихъ ученыхъ до сихъ поръ, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ по составленіи этой ученой инструкціи.

начавшаяся съ послѣдняго мятежа и до сихъ поръ еще не потухшая, тогда была положительно немыслима... Изученіе польскаго языка между харьковскими студентами 40-хъ годовъ было такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго. Послѣ всего сказаннаго становится очевиднымъ та громадная польза, которую приносилъ профессоръ Срезневскій своими панславистскими лекціями первымъ своимъ слушателямъ, въ особенности полякамъ. Независимо отъ этого, молодой профессоръ, какъ никто тогда, съумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности, просто—научить ея производству, о чемъ, увы! кажется и теперь лишь немногіе изъ университетскихъ преподавателей думаютъ. Онъ завалилъ студентовъ работами по исторіи русскаго языка, литературы, этнографіи славянства и проч. Онъ на лекціяхъ показывалъ, какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ,—лѣтописью, пѣсней, вообще со всякимъ источникомъ"[1]).

Литературныя работы Срезневскаго со времени его путешествія состояли, почти исключительно, сначала въ отчетахъ объ его путешествіи, потомъ въ замѣткахъ и изслѣдованіяхъ по спеціальнымъ предметамъ, и лишь изрѣдка въ общихъ статьяхъ, разсчитанныхъ на большинство читателей. Эта раскиданность, на первыхъ порахъ, была понятна: собственный интересъ, во время путешествія и послѣ, привлекалъ его къ различнымъ сторонамъ обширнаго предмета, и въ русской ученой литературѣ надо было дать имъ мѣсто, обратить на нихъ вниманіе,—тѣмъ больше, что эти славянскіе предметы представляли много точекъ соприкосновенія съ самимъ русскимъ матеріаломъ (напр. именно въ области миѳологіи, древняго быта, обычая, поэзіи, языка) и сличеніе было плодотворно, становилось необходимостью для самóй русской науки. Изъ всѣхъ своихъ сотоварищей Срезневскій всего болѣе былъ, такъ сказать, славянскимъ полигисторомъ, и это была особенная заслуга его въ развитіи нашей славистики. Но и здѣсь, среди этихъ разбросанныхъ, спеціальныхъ работъ не разъ (какъ, напр., особенно въ его живой статьѣ о знаменитомъ сербскомъ этнографѣ Караджичѣ) высказывалась та общая точка зрѣнія, которою онъ увлекалъ своихъ первыхъ университетскихъ слушателей—эта особенная привязанность и ученый интересъ къ первобытному народному, что̀ хранило въ себѣ своеобразную старину, простые патріархальные обычаи, безъискусственную, но глубокую поэзію. Свой пріемъ славянскихъ изслѣдованій Срезневскій опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1874, январь, стр. 105—106.

„Изученіе славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной словесности,—говорилъ онъ,—изученіе мѣстное, такъ сказать топографическое, считалъ я и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляетъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что́ наперекоръ судьбѣ пережило долгіе вѣка́ и сохранилось только въ немъ, что́ каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитии славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ обще-славянскихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи каждую особенную народность жизни и слова можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и совпадаетъ, сливается съ другими... Собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему“.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, что новыя славянскія изученія Срезневскаго, собственно говоря, не дали ему новой точки зрѣнія, а только развили старую основу его мнѣній; его старый народный романтизмъ обогатился только несравненно болѣе широкимъ кругомъ наблюденій и запасомъ фактовъ. Въ приведенныхъ словахъ были задатки глубоко справедливыхъ и вызывающихъ сочувствіе мыслей о вниманіи къ народной жизни, при чемъ предполагалась не только научная важность изслѣдованія всѣхъ ея подробностей, но и уваженіе къ этой жизни въ общественномъ и политическомъ отношеніи—уваженіе къ существующимъ народностямъ и ихъ стремленіямъ, потому что въ этихъ стремленіяхъ говорила исторически сложившаяся бытовая и нравственная сущность. Какъ мы замѣтили, Срезневскій странствовалъ по славянскимъ землямъ (онъ именно много странствовалъ, ходилъ пѣшкомъ по селамъ и деревнямъ, чтобы видѣть лицомъ къ лицу народную жизнь, нравы и обычаи, слышать языкъ, пѣсни и преданія) въ самый разгаръ славянскаго возрожденія; и эта борьба—большей частью мелкихъ народностей за свое существованіе, эти усилія мелкихъ литературъ поддержать народный языкъ, выработать изъ его самостоятельныхъ источниковъ новую книжную рѣчь, создать чтеніе, спеціально пригодное для народной массы, изъ которой надо было воспитывать защитниковъ народнаго дѣла,—все это внушило ему великое почтеніе къ этому труду славянскихъ патріотовъ-писателей въ народномъ смыслѣ, и въ своихъ статьяхъ и въ лекціяхъ онъ отдавалъ предпочтеніе этимъ мелкимъ литературамъ, стоящимъ вполнѣ на народной почвѣ, работающимъ для непосредственныхъ интересовъ народа и

ему доступныхъ, передъ тѣми большими литературами, которыя задаются отвлеченными задачами и перестаютъ быть понятны для народа.

Но если, какъ мы сказали, были въ этомъ взглядѣ вызывающіе сочувствіе задатки, то его развитіе и примѣненіе у Срезневскаго было такъ односторонне, что здѣсь открывается глубокая, существенная ошибка его цѣлаго литературнаго взгляда. Его спеціальная защита мелкихъ литературъ имѣла свою важность тѣмъ, что когда всѣ интересы тогдашней нашей литературы были поглощены отвлеченными вопросами философіи, общечеловѣческаго искусства, эта точка зрѣнія напоминала о реальномъ интересѣ народа, образовательномъ и нравственномъ возвышеніи забытыхъ массъ, — возбуждала вниманіе къ внутреннему содержанію народнаго быта, въ которомъ была своя историческая мысль, свое старое чтимое преданіе. Но преувеличеніе этой точки зрѣнія повело къ грубой ошибкѣ, къ совершенному непониманію дѣйствительнаго значенія русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, превознося маленькія популярныя литературы славянскаго возрожденія, проглядѣть значеніе русской литературы, гдѣ только-что завершилась дѣятельность Пушкина и Лермонтова, гдѣ Гоголь далъ уже свои совершеннѣйшія созданія и гдѣ готовилась къ своему поприщу та блестящая плеяда писателей-художниковъ 40-хъ годовъ, которыхъ теперь встрѣчаетъ съ такимъ изумленнымъ уваженіемъ европейская литература. Академическій біографъ замѣчаетъ, что „преувеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера, отодвинуло, къ сожалѣнію, Срезневскаго отъ новѣйшей литературы, даже до такой степени, что въ позднѣйшее время онъ не признавалъ ни таланта въ Гоголѣ, ни его значенія въ нашей литературѣ“ [1]). Этого мало сказать: Срезневскій не признавалъ не только Гоголя, но всей новѣйшей литературы; она была ему непонятна, ея стремленія были ему чужды—случалось, онъ говорилъ съ пренебреженіемъ не только о Гоголѣ, но и многихъ другихъ писателяхъ, имена которыхъ стали славою русской литературы...

Это пренебреженіе было простымъ непониманіемъ,—какъ ни странно это сказать о человѣкѣ съ живымъ, острымъ, даже блестящимъ умомъ, какъ былъ Срезневскій. Причины этого непониманія были довольно сложны, и одною изъ нихъ была несомнѣнно —воспитавшая его харьковская наука. Въ университетѣ Срез-

¹) Отчетъ, стр. 39.

невскій не прошелъ никакой правильной школы относительно предметовъ литературы. Едва ли не главнымъ изъ его харьковскихъ руководителей въ годы ученья былъ Гулакъ-Артемовскій, которому впослѣдствіи Срезневскій посвятилъ свою докторскую диссертацію — первую крупную работу въ области славянскихъ изученій. Но Гулакъ-Артемовскій въ научномъ отношеніи былъ совершенное ничтожество: онъ могъ развѣ только поддержать въ Срезневскомъ-студентѣ его наклонности къ изученію народности, могъ оказать пособіе въ первомъ знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями,—но не могъ сообщить никакого прочнаго теоретическаго взгляда или научной системы, потому что самъ не имѣлъ никакихъ... Срезневскій увлекся народнымъ, а также и тогдашнимъ литературнымъ романтизмомъ, самъ пробовалъ себя на этомъ поприщѣ вычурными повѣстями (въ „Московскомъ Наблюдателѣ“), и—на этомъ остановился: то броженіе идей тридцатыхъ годовъ, гдѣ созрѣвало послѣдующее увлеченіе гегеліанствомъ или соціализмомъ и готовилось содержаніе двухъ школъ, борьба которыхъ наполняетъ сороковые годы, было ему чуждо и какъ будто неизвѣстно; ему осталось не понятно и все движеніе новѣйшей литературы,—ни въ области художества, какъ Гоголь, ни въ области критики, какъ Бѣлинскій и пр. Пониманіе Срезневскаго остановилось на старомъ романтизмѣ тридцатыхъ годовъ, и дальше не пошло. Впечатлѣнія славянскаго путешествія, породившія у него культъ мелкихъ народныхъ литературъ, нисколько не разъяснили дѣла; свойства этихъ мелкихъ литературъ не могли быть примѣнены къ русской, и условія этой послѣдней остались для него всегда чужды и мало понятны.—Къ этому отсутствію правильнаго литературнаго образованія, наслѣдованному отъ харьковскихъ руководителей, присоединялась особая складка ума и характера самого Срезневскаго. Его умъ былъ по преимуществу разлагающій, аналитическій, съ большою долею скептицизма. Въ теченіе своего долгаго ученаго поприща онъ не создалъ ни одного цѣльнаго, многообъемлющаго труда; напротивъ, его ученая дѣятельность произвела цѣлую массу отдѣльныхъ работъ, чрезвычайно важныхъ и свидѣтельствующихъ о глубинѣ и разнообразіи его свѣденій, — но никогда не пытался онъ на какой-либо общій трудъ, хотя бы для нашего славяновѣденія въ этомъ настояла тогда (да и теперь) большая потребность. Чужія работы подобнаго рода, попытки полагать общія основанія, дѣлать общіе выводы, онъ встрѣчалъ обыкновенно недовѣрчиво. Нѣкогда, въ періодъ юношескаго романтизма, онъ создалъ себѣ культъ народности и усердно служилъ ему, но никогда не выяснилъ его себѣ

въ систематическое міровоззрѣніе. И всякая другая система казалась ему ненужной, невѣрной, и въ сущности была непонятной. Въ самой его спеціальной наукѣ у него не выработалось единаго послѣдовалельнаго начала. „Собираніе матеріала" стало наконецъ его послѣднимъ лозунгомъ;—но вѣдь и для этого надо когда-нибудь осматриваться въ собранномъ, чтобы можно было разумно идти дальше?.. Наконецъ, даже въ частныхъ спорныхъ вопросахъ науки Срезневскій боялся принять опредѣленное рѣшеніе и вмѣсто вывода накоплялъ вопросы, догадки и недоумѣнія...

По переходѣ Срезневскаго въ Петербургъ, въ 1847, въ характерѣ его профессуры и ученой дѣятельности можно замѣтить значительную перемѣну. Онъ сталъ, безъ сомнѣнія, въ ряду лучшихъ профессоровъ филологическаго факультета; онъ производилъ впечатлѣніе своимъ обширнымъ знаніемъ и живымъ изложеніемъ, — но здѣсь его чтенія уже никогда не имѣли того успѣха, о какомъ разсказываетъ г. Де-Пуле. Толпы слушателей изъ всѣхъ факультетовъ уже не было (мы говоримъ о первыхъ 50-хъ годахъ): это были только слушатели изъ даннаго факультета и курса; и здѣсь далеко не всѣмъ лекціи внушали сильный интересъ. Вѣроятно, была иная аудиторія,—въ болѣе серьезно обставленномъ университетѣ (чѣмъ былъ харьковскій), менѣе отзывчивая на неопредѣленный народный романтизмъ; съ другой стороны, быть можетъ, обиліе оффиціальныхъ отношеній, окружившихъ его въ Петербургѣ, недавній печальный исходъ романтическаго панславизма въ Кіевѣ, производили охлаждающее дѣйствіе и наоборотъ создавали новые практическіе интересы,—но съ тѣхъ поръ прежняго энтузіазма не было ни въ чтеніяхъ, ни въ сочиненіяхъ Срезневскаго, который все больше отдается подробностямъ, и все меньше настаиваетъ на общихъ положеніяхъ славянской науки и славянскаго современнаго движенія. Славянская и русская археологія, этнографія, древняя литература, палеографія обогащены множествомъ важныхъ частныхъ изслѣдованій Срезневскаго,—но онъ не обработалъ въ цѣломъ ни одного большого вопроса этихъ наукъ, и народный романтизмъ, которому онъ служилъ, не получилъ новыхъ теоретическихъ разъясненій.

Литература продолжала быть ему чуждой. Его собственная точка зрѣнія на славянское движеніе, котораго онъ былъ такимъ энтузіастомъ, не получала дальнѣйшихъ опредѣленій въ ряду другихъ направленій, и къ этимъ послѣднимъ онъ — въ случайныхъ бесѣдахъ, и никогда въ печати — относился развѣ только съ отрицаніемъ, нетерпимостью, ироніей, но не съ критикой и доказательствами.

Мы говорили о характерѣ его ума. Черты его аналитической складки, недовѣрчивости, ироніи, сказывались еще во времена его харьковской профессуры. Разсказывая о впечатлѣніи его лекцій, объ его стараніяхъ научать слушателей обращенію съ научнымъ сырымъ матеріаломъ, г. Де-Пуле замѣчаетъ: „Не менѣе полезна была его критика, весьма оригинальная и, сколько думаемъ, не безъ предвзятой мысли. Выставляетъ, напримѣръ, профессоръ великими авторитетами науки Востокова, Павскаго, Добровскаго, Шафарика и проч.; затѣмъ эти авторитеты умалялись, указывались ихъ слабыя стороны, и нерѣдко изъ восторженнаго профессоръ переходилъ въ ироническое къ нимъ отношеніе, но, спѣшимъ прибавить, не разбивая въ конецъ ихъ авторитета“ [1]).

Подобное припомнятъ и петербургскіе слушатели Срезневскаго въ первые годы его здѣшней профессуры (о послѣднихъ годахъ мы не имѣемъ ближайшихъ свѣденій). Тѣ, у кого, такъ или иначе, складывался особенный вкусъ къ славянскимъ изученіямъ, съ интересомъ, и иногда съ напряженнымъ любопытствомъ слушали изложеніе, въ которомъ были очень завлекательны личныя, непосредственныя наблюденія профессора въ области славянской жизни; но и имъ приходилось чувствовать недостатокъ теоретической основы,—и самимъ установлять свои взгляды, кто въ славянофильскомъ, кто въ иномъ смыслѣ [2]).

---

[1]) Вѣстн. Евр., тамъ же, стр. 106.

[2]) Какое впечатлѣніе производилъ Срезневскій на тѣхъ, кто именно доискивался понять его міровоззрѣніе, можно видѣть изъ своеобразнаго, не лишеннаго мѣткихъ наблюденій, разсказа Писарева въ его иносказательной картинкѣ факультета конца 50-хъ годовъ:

„Не подлежитъ сомнѣнію, — говорилъ Писаревъ, — что С. былъ умнѣе всѣхъ профессоровъ нашего факультета. Но умъ этотъ, острый и проницательный, сухой и трезвый, былъ преимущественно разлагающаго свойства... Относясь съ глубокою недовѣрчивостью къ трудамъ всѣхъ ученыхъ, онъ не читалъ на лекціяхъ ничего чужого. Всѣ его лекціи состояли изъ сырыхъ матерьяловъ и изъ замѣчаній, составленныхъ имъ самимъ. На каждой лекціи онъ разсматривалъ представившіеся вопросы съ разныхъ сторонъ, приводилъ множество доводовъ за и противъ, напрягалъ ожиданіе слушателей и потомъ не останавливался ни на чемъ. „Можетъ быть, такъ, можетъ быть и не такъ“,—вотъ все, что выносили слушатели; каждая лекція оканчивалась знакомъ вопросительнымъ, и доказывала такимъ образомъ, что С. забавляетъ иногда процессъ мышленія, но что предметъ, о которомъ онъ размышляетъ, всегда остается для него безразличнымъ“. Писареву казалось, что „всякій мало-мальски внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что С. глубоко равнодушенъ къ своей наукѣ и даже невольно относится къ ней съ легкимъ оттѣнкомъ скептическаго презрѣнія“ Его окончательный выводъ о научномъ характерѣ С.—самый печальный: „Начиная писать главу о С.,—говоритъ онъ,—я хотѣлъ отнестись къ нему почти съ сочувствіемъ, но чѣмъ пристальнѣе я всматривался въ эту замѣчательную личность, тѣмъ ниже падаетъ она въ моихъ глазахъ, и я начинаю чувствовать противъ нея негодованіе!.. Разсматривая умственную деморализацію С., мы страдаемъ за него самого,

Мы привели въ сноскѣ отзывъ Писарева, который можетъ показаться если не легкомысленнымъ, то преувеличеннымъ; но въ немъ была не малая доля правды. Странно сказать, что при обиліи знаній, въ которомъ въ то время—въ сороковыхъ, пятидесятыхъ годахъ—могли у насъ равняться съ Срезневскимъ лишь очень немногіе, онъ нерѣдко отличался той уклончивостью, которая у человѣка менѣе знающаго казалась бы скромностью или незнаніемъ, а здѣсь была трудно объяснима: какъ будто онъ боялся опредѣленнаго мнѣнія,—чтобы не оказалась въ немъ какая-нибудь ошибка, — или какъ будто онъ былъ въ сущности равнодушенъ къ дѣлу. Въ вопросахъ, явно спорныхъ, эта уклончивость доходила до большихъ странностей. Возьмемъ два-три примѣра.

Когда въ сороковыхъ годахъ въ ученомъ славянскомъ и русскомъ мірѣ шелъ вопросъ о времени написанія знаменитаго Реймскаго евангелія, — которое одни относили въ XI-е столѣтіе, а другіе — въ XIV-е, — Срезневскій принялъ участіе въ разборѣ этого вопроса, но какое было его собственное мнѣніе, осталось неизвѣстно. Новый критикъ, снова поднявшій тотъ же вопросъ, Билярскій (впослѣдствіи академикъ), при всѣхъ стараніяхъ не могъ выяснить себѣ дѣйствительнаго взгляда Срезневскаго и обвинилъ его—въ „нигилизмѣ" (буквально), конечно, не въ томъ фатальномъ смыслѣ, какой слово это получило потомъ, а въ смыслѣ отсутствія яснаго научнаго взгляда [1]). Въ послѣдніе годы своей ученой дѣятельности, Срезневскій принялъ участіе въ спорѣ о подлинности или подложности нѣкоторыхъ подробностей одного древняго чешскаго памятника, гдѣ, при новыхъ изысканіяхъ, открыта была поддѣлка и эта поддѣлка приписывалась старинному его пріятелю Ганкѣ [2]). Поддѣлка была доказана несо-

страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ самомъ паденіи" (Сочиненія Д. И. Писарева, Спб. 18... т. V, стр. 47—53).

[1]) См. Билярскаго, „Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія. II. О Кирилловской части Реймскаго евангелія". Спб. 1848, стр. 105—107 и др. Тщетно отыскивая собственный взглядъ Срезневскаго среди утвержденій, отрицаній, оговорокъ и т. д., Билярскій восклицаетъ: „Мнѣніе критика остается въ непроницаемой темнотѣ: онъ какъ бы съ намѣреніемъ уклоняется отъ всякаго рѣшительнаго выраженія, которое могло бы измѣнить его тайнѣ"... Статья Срезневскаго—„это были только логическія схемы отрицанія и положенія, лишенныя всякаго дѣйствительнаго содержанія мышленія, только призракъ утвержденія и отрицанія, подъ которымъ скрывалось отсутствіе всякаго опредѣленнаго взгляда, полный, абсолютный нигилизмъ"... И т. д. Во второмъ изданіи книги Билярскаго (когда онъ сталъ академикомъ), сколько помнимъ, эти отзывы былъ выпущены.

[2]) „Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патеры: чешскія глоссы въ Mater Verborum", въ Сборникѣ II отд., т. XIX. Спб. 1878.

мнѣнно; Срезневскій въ своихъ „Дополнительныхъ замѣчаніяхъ“ начинаетъ съ великихъ похвалъ трудамъ чешскаго палеографа Патеры (который именно и доказалъ окончательно поддѣлку),— но вслѣдъ затѣмъ начинается разборъ заподозрѣнныхъ пунктовъ памятника, доказательства поддѣлки все болѣе дискредитируются, и въ концѣ концовъ читателю остается выводить, что поддѣлки какъ будто и не было вовсе, и что похвала трудамъ Патеры дана была на смѣхъ. Что же значило все это? Если хотѣлъ Срезневскій выручать изъ обвиненія въ подлогахъ своего стараго пріятеля Ганку („Вячеслава Вячеславича“),—а онъ видимо этого хотѣлъ, —то слѣдовало имѣть храбрость говорить свое мнѣніе, и къ чему въ такомъ случаѣ были натянутыя восхваленія труда Патеры, главнаго обличителя? Если поддѣлки не было, то нельзя было хвалить трудъ, весь состоявшій изъ доказательствъ не существующей поддѣлки и слѣдовательно только путавшій чистое дѣло. Срезневскій избѣжалъ—сказать свое мнѣніе прямо. Статья его, написанная съ большою ловкостью, съ искуснымъ употребленіемъ въ дѣло старой литературы, вся состоитъ изъ сплошной загадки, которую онъ заставляетъ отгадывать читателя, ставя его то на ту, то на другую точку зрѣнія, закидывая его подробностями, отступленіями, и въ концѣ концовъ оставляя его въ недоумѣніи,— совершенно такъ, какъ это изображается у Писарева. Такой пріемъ могъ быть иногда хорошъ на лекціи, какъ средство заставить слушателей самихъ подумать, указать имъ обѣ стороны спорнаго вопроса, пріучать ихъ къ осмотрительности въ историко-филологической критикѣ, словомъ, какъ педагогическій пріемъ; но здѣсь стоялъ передъ ученымъ, авторитетнымъ спеціалистомъ, самый вопросъ, о которомъ надо было сказать да или нѣтъ,—и вмѣсто рѣшенія, онъ затѣялъ съ нимъ какую-то странную игру, которая опять могла навести на мысль, высказанную Писаревымъ, что собственно онъ былъ глубоко равнодушенъ къ наукѣ.—Вопросъ былъ въ самомъ дѣлѣ серьезный и состоялъ въ томъ, дѣйствительно ли чехи владѣютъ замѣчательными древними памятниками, которые въ правѣ считать своимъ національнымъ сокровищемъ и вмѣстѣ важнымъ историческимъ источникомъ, или же чехи были цѣлые десятки лѣтъ, всей націей, просто жертвою ловкаго, хотя бы патріотическаго обмана, совершеннаго этимъ „Вячеславомъ Вячеславичемъ“?

Когда вскорѣ затѣмъ этотъ вопросъ былъ поднятъ во всемъ его объемѣ (у Срезневскаго шла рѣчь только объ одномъ памятникѣ изъ многихъ) другимъ ученымъ, г. Ламанскимъ, который вовсе не видѣлъ въ немъ предмета для шутокъ и софизмовъ,

хотя бы самыхъ ученыхъ, новый изслѣдователь вопроса, самъ ученикъ и послѣ коллега Срезневскаго, разбирая его мнѣніе, не могъ воздержаться отъ выраженія своего негодованія противъ такого отношенія къ предметамъ науки [1]).

Въ предметахъ научной дѣятельности Срезневскаго замѣчали вообще ту перемѣну, что въ позднѣйшее время онъ все рѣже обращался къ той народности, которая нѣкогда вызывала его романтическое одушевленіе, и все меньше обращался къ цѣльнымъ трудамъ—какими прежде бывали, напримѣръ, его изслѣдованія о древнемъ язычествѣ, объ исторіи русскаго языка: онъ какъ будто избѣгалъ предметовъ спорныхъ, гдѣ должно было высказаться цѣлое научное міровоззрѣніе, и предпочиталъ предметы, безъ сомнѣнія, важные для науки, но очень далекіе отъ возможности рѣзкаго столкновенія мнѣній и т. п. Такова была археологія и въ особенности палеографія, которой почти одной онъ посвятилъ труды послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

На укоръ, сдѣланный г. Ламанскимъ, Срезневскій ничѣмъ не отозвался, хотя укоръ былъ серьезный и дѣло шло объ одномъ изъ капитальнѣйшихъ предметовъ славянской науки и національнаго интереса у чеховъ.

Точно также онъ ничѣмъ не отозвался, когда поднятъ былъ и вопросъ о подлинности тѣхъ „запорожскихъ" думъ, которыя были имъ введены въ научное и литературное обращеніе и доставили ему первую ученую репутацію, и изъ которыхъ многія признаны были потомъ несомнѣнно поддѣльными. Какъ это произошло, это такъ и осталось неразъясненнымъ. Въ первое время, какъ мы замѣчали, не было и мысли о возможности поддѣлки; думы изъ книги Срезневскаго переходили въ сборники другихъ авторитет-

[1]) Г. Ламанскій былъ въ положеніи, очень сходномъ съ положеніемъ Билярскаго въ прежнемъ вопросѣ, и напрасно искалъ опредѣленнаго мнѣнія Срезневскаго. Называя уклончивыя разсужденія Срезневскаго (то восхвалявшія трудъ Патеры, то намекавшія, что это трудъ совсѣмъ неосновательный, и выгораживавшія Ганку) адвокатскими ораторскими пріемами, г. Ламанскій говорилъ: — „Мнѣ въ высшей степени грустно, но я долженъ откровенно сказать, что нельзя не считать крайне вреднымъ для развитія науки введеніе въ ученыя изслѣдованія пріемовъ и эффектовъ ораторскихъ. Языкъ и способъ изложенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ долженъ быть прямой и строгій... Наука живетъ и развивается только въ свободѣ и требуетъ себѣ языка свободнаго и, слѣдовательно, искренняго. Мысль должна не скрываться, прятаться по угламъ и убѣгать въ потемки, а напротивъ, стремиться къ простотѣ, ясности и свѣту; ученое же изслѣдованіе, громоздящее примѣры надъ примѣрами, доводы надъ доводами, быть можетъ эффектные, но не доказанные, носитъ въ самомъ себѣ и наказаніе. Вопросы, сами по себѣ несложные, запутываются и усложняются; доказательства, небрежно приводимыя, порождаютъ новыя ошибки, ложныя заключенія, и вообще являются путаница и хаосъ"... (Журн. Мин. Просв. 1879, февраль, стр. 345).

ныхъ этнографовъ, каковъ былъ, напр., Максимовичъ, цитировались учеными, содѣйствовали славѣ малорусскаго народнаго эпоса. Самому Срезневскому, съ тридцатыхъ годовъ, кажется, не приходилось возвращаться къ предмету его давнихъ сочувствій и изслѣдованій. Разъ, въ 1854, ему случилось говорить, по поводу новаго сборника, Метлинскаго, о собираніи малорусскихъ пѣсенъ; онъ припомнилъ свои старыя работы, но говорилъ о текстахъ собранныхъ имъ думъ безъ малѣйшаго сомнѣнія объ ихъ полной пригодности [1]). Съ шестидесятыхъ годовъ началось опять болѣе пристальное изученіе малорусской народной поэзіи — съ появленіемъ журнала „Основы", съ открытіемъ юго-западнаго отдѣла Географическаго общества въ Кіевѣ; явились новые собиратели; само собой представилось сличеніе вновь собираемаго матеріала съ прежнимъ, и тогда возникли первыя сомнѣнія въ авторитетѣ старыхъ сборниковъ. Срезневскій предварилъ критику „запорожскихъ" думъ полу-признаніемъ сомнительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ высказаннымъ темно, вскользь, спрятаннымъ въ примѣчаніи, гдѣ не стали бы искать объясненія этнографическаго вопроса [2]).

Категорическое заявленіе подложности многихъ думъ въ „Запорожской Старинѣ" сдѣлано было въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ изданію „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа" гг. Антоновича и Драгоманова (2 т. Кіевъ, 1874—75). „Съ малорусскою народною поэзіей,—говорили издатели,—

[1]) См. „Извѣстія" II отд. акад. наукъ, т. III, 1854, стр. 192: „Обративъ вниманіе на историческій элементъ южно-русской поэзіи, я успѣлъ собрать довольно большое количество думъ и пѣсенъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII вѣка, старался объяснить ихъ помощію лѣтописныхъ сказаній и преданій, и ихъ самихъ употребить въ дѣло, какъ историческій источникъ для объясненія лѣтописей. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и опытъ юноши, едва учившагося оцѣнять дотолѣ еще не подвергавшіяся оцѣнкѣ произведенія народной эпопеи русской, мое изданіе было годно только на время. Съ меня довольно было и того, что послѣ моей попытки историческое значеніе пѣсенъ и думъ, и главныя черты характера думъ, какъ особеннаго рода народной поэзіи эпической, принадлежащаго во всемъ славянскомъ мірѣ исключительно Украинѣ, не могли уже подвергаться сомнѣнію (?) и что хоть нѣкоторыя изъ нихъ не погибли безвозвратно подобно многимъ другимъ, исчезнувшимъ изъ памяти народной. Позже продолжая собирать (?) думы и пѣсни историческія, я готовъ былъ платить за каждую новую думу по червонцу; но почти постоянно получалъ только варіанты уже извѣстныхъ".

Нѣтъ ни слова о томъ, что самые тексты могли оказаться сомнительными.

[2]) „Подъ названіемъ Запорожской Старины я издалъ... шесть книжекъ малорусскихъ былевыхъ думъ и пѣсенъ въ повременномъ порядкѣ съ историческими объясненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ, другія мнѣ доставлены пріятелями и благопріятелями". Сборникъ II отд. акад. т. V. (Переписка Востокова). Спб. 1873, стр. 461—462.

повторилось то же, что со всѣми почти другими: ея памятники не только подправляли издатели,.. но иныя пѣсни совсѣмъ передѣлывались, а другія поддѣлывались. Подобный примѣръ въ западной Европѣ представляютъ признанныя теперь всѣми знатоками передѣлки и поддѣлки въ произведшемъ въ свое время столько шуму и представляющемъ дѣйствительно большія достоинства, литературныя и этнографическія, сборникѣ бретонскихъ пѣсенъ Barzaz-Breiz Вилльмарке... Кромѣ какого-то страннаго инстинкта къ фальсификаціи, передѣлывать и поддѣлывать пѣсни и думы малорусскія заставляли многихъ своеобразный патріотизмъ русскій и польскій, стремленіе показать въ народныхъ пѣсняхъ слѣды памяти о глубокой древности... то привести пріятныя авторамъ мысли, напр., доказать поддѣльною думою симпатіи козаковъ къ Стефану Баторію и польскому правительству—напр., въ думѣ, сообщенной для Запорожской Старины I, стр. 77", и т. д. [1]). Цѣлый рядъ такихъ поддѣлокъ издатели указывали въ „Запорожской Старинѣ" [2]). Только въ двухъ думахъ этого сборника, которыхъ „поддѣльность" издатели „считали возможнымъ доказать", они нашли извѣстныя литературныя достоинства, но — „остальныя поддѣлки (какъ въ другихъ сборникахъ, такъ особенно въ Запорожской Старинѣ) до того полны ошибокъ въ языкѣ, до того различаются отъ народныхъ пѣсенъ въ характерѣ, что даже странно, какъ могли они такъ долго вводить въ заблужденіе людей, знакомыхъ съ характеромъ неподдѣльно-народныхъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ. Большая часть поддѣльныхъ пѣсенъ и думъ (надо сказать, что въ этихъ поддѣлкахъ смѣшиваются весьма неумѣло внѣшнія особенности пѣсни и думы) говоритъ о времени казачества отъ Наливайки до Хмѣльницкаго—и тутъ мы видимъ занесенными въ эти quasi-народные памятники всѣ заблужденія и ошибки историковъ 30-хъ годовъ, а именно довѣріе къ „Исторіи Руссовъ", съ которою большинство поддѣльныхъ думъ согласно въ разсказѣ фактовъ въ противность другимъ источникамъ и актамъ, —чего въ народныхъ думахъ именно и замѣчается" и т. д.

Наконецъ, подробный разборъ заподозрѣнныхъ пѣсенъ сдѣлалъ Костомаровъ [3]), и относительно цѣлаго ряда думъ и пѣсенъ,

---

1) Истор. пѣсни малор. народа, I, стр. XVIII—XXXII; ср. стр. 159—163.

2) Въ томъ числѣ дума—„Дары Баторія", Запор. Старина, I, стр. 77—82. Издатели „Истор. пѣсенъ" обозначаютъ ее „сообщенной" въ Запор. Старину, но въ примѣчаніи къ ней Срезневскаго (I, стр. 123) сказано прямо: „списана мною со словъ бандуриста". И при нѣкоторыхъ другихъ поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ—та же отмѣтка!

3) „Историческая поэзія и новые ея матеріалы", статья по поводу изданія гг. Антоновича и Драгоманова, въ „В. Евр.", 1874, декабрь.

пущенныхъ въ ходъ особливо „Запорожскою Стариной", собралъ тѣ основанія, которыя заставляютъ убѣждаться въ справедливости подозрѣній (стр. 611—628). „Наиболѣе вводили насъ въ заблужденіе, — говорилъ Костомаровъ,—сборники русскихъ собирателей, какъ „Запорожская Старина" Срезневскаго, сборникъ Максимовича (который пользовался предыдущимъ), да и отчасти сборники другихъ собирателей. Область народной поэзіи представлялась намъ нагруженною невѣдомыми сокровищами, народный языкъ былъ недостаточно изученъ—все казалось возможнымъ, никто не чувствовалъ въ себѣ столько силъ и столько знанія, чтобы изречь приговоръ надъ тѣмъ, что въ ней существуетъ и что можетъ существовать, и что противорѣчитъ ея духу, языку и пріемамъ. Поэтому неудивительно, что собиратели заносили въ свои изданія даже такія произведенія, о которыхъ положительно извѣстно, кѣмъ они написаны—какъ, напр., „віють вітри" Котляревскаго, или „за Німанъ иду" Писаревскаго и т. п... Теперь почти невозможны тѣ заблужденія, въ какія впадали прежніе собиратели и изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе изданныя прежде пѣсни не-народнаго происхожденія, принимавшіяся за дѣйствительно народныя, успѣли уже оставить вредныя вліянія въ наукѣ и литературѣ"...

Переходя къ самому разбору этихъ подозрительныхъ произведеній, Костомаровъ замѣчаетъ, что главное, что заставляетъ сомнѣваться въ ихъ подлинности, это—полное ихъ отсутствіе въ народномъ обращеніи въ настоящее время: до сихъ поръ не было встрѣчено не только ни одной изъ этихъ пѣсенъ, но и никакого слѣда ихъ. „Могутъ намъ возразить, что онѣ могли существовать прежде, но теперь забылись, тѣмъ болѣе, что были достояніемъ однихъ бандуристовъ, а не всего народа. Дѣйствительно, можно найти примѣры, какъ старинныя пѣснопѣнія исчезали. Но не страннымъ ли покажется то обстоятельство, что разомъ исчезло безслѣдно столько думъ и пѣсенъ, тогда какъ другія до сихъ поръ продолжаютъ еще пѣться между бандуристами? Притомъ, почему исчезли именно такія, которыя такъ отличны отъ оставшихся и представляютъ черты, возбуждающія подозрѣніе въ дѣйствительно-народномъ ихъ происхожденіи?"

Но подобная отговорка или возраженіе теряютъ всякую важность при разборѣ самаго содержанія пѣсенъ и ихъ формы. Въ содержаніи оказываются или съ книжною историческою тенденціей придуманныя тэмы, или совершенно противорѣчащіе духу народной поэзіи пріемы, обороты и сравненія, а въ языкѣ—не народныя слова и выраженія. И дѣйствительно, не нужно быть знатокомъ малорусской поэзіи, чтобы увѣриться въ невозможности

указанныхъ здѣсь пѣсенныхъ оборотовъ и выраженій въ устахъ настоящаго народнаго пѣвца.

„Мы не ставимъ,—кончаетъ Костомаровъ,—вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлію выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе". По словамъ Костомарова, Максимовичъ, послѣ того какъ прожилъ десятки лѣтъ на родинѣ, самъ признавалъ заподозрѣнныя пѣсни подложными и къ замѣчаніямъ Костомарова о признакахъ поддѣльности прибавлялъ и собственныя; Максимовичъ говорилъ, что когда жилъ еще въ Москвѣ, вдали отъ родины, онъ обманулся думами „Запорожской Старины",—тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онѣ составлены были „даровитымъ авторомъ".

Въ предисловіи издателей „Историческихъ пѣсенъ", въ статьѣ Костомарова сдѣланы были столь категорическія указанія, что, съ точки зрѣнія интересовъ науки, можно было бы ждать какого-нибудь объясненія отъ издателя „Запор. Старины". Но если Максимовичъ, напр., не усумнился признать старую ошибку, то здѣсь никакого объясненія не послѣдовало. Издатель „Запорожской Старины" и прежде,—когда онъ самъ вѣроятно уже сознавалъ непрочность своего перваго этнографическаго опыта, — не остановилъ заблужденій, изъ него проистекавшихъ; онъ не подалъ голоса и теперь, когда не-народность изданныхъ имъ произведеній была доказана мимо его.

Не было ли отголоскомъ этой старой исторіи то, что въ послѣдующее время, когда онъ, хотя про себя, сознавалъ значеніе „Запорожской Старины", Срезневскій бывалъ особенно требователенъ къ изданіямъ произведеній народной словесности, легко подвергалъ ихъ сомнѣнію и, напр., заподозривалъ труды Рыбникова, когда тотъ впервые выступилъ съ своими открытіями памятниковъ древняго русскаго эпоса, встрѣченнаго имъ въ олонецкомъ краѣ?

А. Пыпинъ.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября 1885.

Общій желѣзно-дорожный уставъ.—Сравненіе его съ первоначальнымъ проектомъ коммиссіи гр. Э. Т. Баранова.—Неразрѣшенные и неудовлетворительно разрѣшенные вопросы.—Достоинства новаго закона.—Перемѣны въ учрежденіи судебныхъ установленій; высшее дисциплинарное присутствіе сената.—Еще нѣсколько словъ по поводу банковъ крестьянскаго и дворянскаго.

Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, утвержденный 12-го іюня и обнародованный во второй половинѣ іюля, имѣетъ за собою длинную и сложную исторію. Необходимость общаго закона, восполняющаго пробѣлы и измѣняющаго, на основаніи опыта, постановленія отдѣльныхъ, частныхъ желѣзно-дорожныхъ уставовъ, была сознана уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ; коммиссія, предсѣдательствуемая гр. Э. Т. Барановымъ, открыла свои дѣйствія еще до войны 1877—8 г., возобновила ихъ вслѣдъ за заключеніемъ мира, собрала подробныя свѣденія о положеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, осмотрѣла всѣ главныя линіи, выслушала мнѣнія компетентныхъ и заинтересованныхъ лицъ и составила, наконецъ, проектъ закона, внесенный, года три тому назадъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Противодѣйствіе предположеніямъ коммиссіи шло не только оттуда, откуда его слѣдовало ожидать по самому существу дѣла — не только изъ сферы желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, общій съѣздъ которыхъ напечаталъ цѣлый томъ возраженій противъ проекта; оно шло, между прочимъ, и со стороны министерства, ближе всего стоящаго къ желѣзно-дорожному вопросу. Неудивительно, затѣмъ, что въ окончательномъ своемъ видѣ общій желѣзно-дорожный уставъ далеко уступаетъ первоначальному проекту коммиссіи. Крушенію или искаженію нѣкоторыхъ ея предначертаній способствовала, быть можетъ, и кончина предсѣдателя ея, не участвовавшаго уже въ послѣднемъ обсужденіи проекта государственнымъ совѣтомъ.

Коммиссія графа Баранова задалась мыслью искоренить одну изъ

слабыхъ сторонъ современнаго положенія желѣзно-дорожныхъ обществъ—фиктивную передачу акцій, наполняющую общія собранія подставными, мнимыми акціонерами и сосредоточивающую, de facto, веденіе дѣла въ немногихъ рукахъ, болѣе цѣпкихъ, чѣмъ способныхъ. Въ обнародованномъ теперь уставѣ напрасно было бы искать постановленій, направленныхъ къ этой цѣли. Ошибочно было бы, однако, заключить отсюда, что стремленіе коммиссіи осуждено, въ принципѣ, высшими законодательными учрежденіями. Весьма можетъ быть, что разрѣшеніе вопроса о составѣ акціонерныхъ собраній, о числѣ голосовъ, принадлежащихъ каждому акціонеру, о мѣрахъ противъ злоупотребленій, неразрывно связанныхъ съ теперешними акціонерными порядками, не признано излишнимъ, а только отложено до изданія общаго закона объ акціонерныхъ обществахъ. Дѣйствительно, фиктивная передача акцій встрѣчается не въ одномъ только желѣзнодорожномъ дѣлѣ; условія, ее вызывающія, существуютъ и въ другихъ акціонерныхъ обществахъ, и съ теоретической точки зрѣнія борьба противъ нея не должна быть заключаема въ рамки желѣзно-дорожнаго закона. Не вполнѣ согласными съ теоріей являются здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, соображенія практическаго удобства. Общій законъ объ акціонерныхъ обществахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ работъ, скорое исполненіе которыхъ, въ особенности у насъ, представляется до крайности труднымъ, почти невозможнымъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что постановленія десятаго тома Свода законовъ, касающіяся акціонерныхъ компаній, давно уже устарѣли, что коренной перемѣнѣ подлежитъ самый порядокъ образованія этихъ компаній—и все-таки все остается по прежнему, попытки преобразованій не приводятъ ни къ какому результату. Проектъ общаго акціонернаго устава, составленный въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ свою очередь успѣлъ устарѣть, а на смѣну его не является ничего новаго. Отсрочка, мотивированная ссылкою на необходимость общей акціонерной реформы, рискуетъ сдѣлаться отсрочкой sine die, на неопредѣленное и во всякомъ случаѣ весьма продолжительное время—а между тѣмъ зло, требующее леченья, постоянно растетъ и нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ именно въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что съ вопросомъ о фиктивной передачѣ акцій не было поступлено точно такъ же, какъ съ другимъ, во многомъ къ нему близкимъ—съ вопросомъ о совмѣстительствѣ. Въ первоначальный проектъ общаго желѣзно-дорожнаго устава было включено нѣсколько статей, направленныхъ противъ совмѣщенія должностей по желѣзно-дорожному управленію съ нѣкоторыми должностями на государственной службѣ. Теперь эти статьи сдѣлались излишними, потому что противъ совмѣстительства при-

няты, какъ извѣстно, общія мѣры, гораздо болѣе рѣшительныя, чѣмъ тѣ, которыя были предначертаны коммиссіею графа Баранова [1]). Ничто не мѣшало бы примѣнить тотъ же образъ дѣйствій къ вопросу о фиктивной передачѣ акцій, т.-е. выдѣлить этотъ вопросъ изъ массы другихъ, относящихся къ акціонернымъ компаніямъ, и разрѣшить его особымъ закономъ, не ожидая составленія общаго акціонернаго устава. Возможность и цѣлесообразность законодательныхъ (въ томъ числѣ и уголовныхъ) мѣръ противъ фиктивной передачи акцій мы старались доказать еще тогда, когда разбирали въ первый разъ проектъ коммиссіи графа Баранова [2]); предстоящее обсужденіе петербургскимъ юридическимъ обществомъ доклада В. Д. Спасовича о необходимости реформы русскаго акціонернаго законодательства скоро дастъ намъ случай возвратиться къ этому вопросу.

Если отсутствіе въ новомъ желѣзно-дорожномъ уставѣ постановленій, регулирующихъ составъ общихъ собраній, можетъ быть объяснено близостью общихъ мѣропріятій по этому предмету, то о другихъ пробѣлахъ, замѣчаемыхъ при сравненіи устава съ первоначальнымъ проектомъ, нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же самаго. Обширный отдѣлъ проекта былъ посвященъ служащимъ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ. Коммиссія гр. Баранова стремилась съ одной стороны, къ тому, чтобы опредѣлить существенно-важныя для государства и общества условія этой службы, съ другой стороны,—къ тому, чтобы упрочить и обезпечить, по возможности, положеніе самихъ служащихъ. Проектъ требовалъ отъ служащихъ знанія русскаго языка; для лицъ, которымъ приходится дѣйствовать по сигналамъ, онъ установлялъ предварительное освидѣтельствованіе черезъ врача, съ цѣлью удостовѣренія, что у нихъ нѣтъ физическихъ недостатковъ, несовмѣстныхъ съ исполненіемъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей; онъ опредѣлялъ постепенность въ назначеніи на должности, обезпечивая, такимъ образомъ, надлежащую практическую подготовку служащихъ; онъ полагалъ границы произволу въ увольненіи служащихъ, давалъ оставляемымъ за штатомъ право на извѣстное вознагражденіе, обязывалъ общества къ отводу нѣкоторымъ категоріямъ служащихъ безплатнаго, достаточнаго и удовлетворяющаго гигіеническимъ требо-

[1]) Коммиссія предполагала запретить избраніе въ члены желѣзно-дорожныхъ правленій и ревизіонныхъ коммиссій акціонеровъ, состоящихъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ, министерствѣ путей сообщенія и государственномъ контролѣ, а остальныхъ служащихъ допускать къ занятію этихъ мѣстъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія ихъ высшаго начальства. Декабрьскія правила 1884 г., дополненныя лѣтомъ нынѣшняго года, идутъ гораздо дальше, безусловно воспрещая совмѣстительство высшимъ должностнымъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ.

[2]) См. Внутр. обозр. въ № 4 „Вѣстн. Евр." за 1883 г. Другихъ сторонъ желѣзно-дорожнаго вопроса мы касались въ №№ 5 и 9 того же года.

ваніямъ помѣщенія въ жилыхъ сооруженіяхъ дороги, предписывалъ учрежденіе пенсіонныхъ и вспомогательныхъ кассъ, заботился объ участи служащихъ, разстроившихъ свое здоровье при исполненіи служебныхъ обязанностей. Общій желѣзно-дорожный съѣздъ высказался за совершенное исключеніе изъ устава всѣхъ правилъ о служащихъ; онъ находилъ, что вопросъ еще не созрѣлъ и что разработка его можетъ быть предоставлена самимъ желѣзнымъ дорогамъ. Мнѣніе съѣзда одержало верхъ надъ мнѣніемъ коммиссіи; правилъ о служащихъ въ обнародованномъ уставѣ не оказывается вовсе. Предположить, что изданіе ихъ отложено до общей акціонерной реформы или до общей правительственной регламентаціи положенія служащихъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, едва ли возможно. Желѣзно-дорожныя общества, съ этой точки зрѣнія, рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ; нигдѣ нѣтъ такого громаднаго числа служащихъ, нигдѣ положеніе служащихъ не связано такъ тѣсно съ интересами государственной и общественной безопасности. Установлять одни и тѣ же правила для служащихъ въ частномъ банкѣ или страховомъ учрежденіи и для служащихъ въ желѣзно-дорожномъ обществѣ, нѣтъ ни надобности, ни основанія. Съ какой стати, напримѣръ, государство стало бы требовать отъ управленія частнымъ банкомъ, чтобы оно отводило нѣкоторымъ изъ своихъ агентовъ квартиры въ помѣщеніи банка? А между тѣмъ, по отношенію къ извѣстнымъ категоріямъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ (напр. къ стрѣлочникамъ) такое требованіе представляется въ высшей степени естественнымъ и нормальнымъ. Всѣ проѣзжающіе по желѣзнымъ дорогамъ—другими словами, вся масса народа—заинтересованы въ томъ, чтобы люди, отъ бодрости и вниманія которыхъ зависитъ правильность движенія, являлись на службу свѣжими, хорошо отдохнувшими, не утомленными ходьбою отъ далекой частной квартиры до рельсоваго пути. Неумѣлый банковый бухгалтеръ можетъ только причинить убытокъ своимъ нанимателямъ—неумѣлый дорожный мастеръ или начальникъ станціи можетъ причинить невознаградимый вредъ десяткамъ, сотнямъ пассажировъ и людей, имъ близкихъ. Полагаться, въ отношеніи къ выбору, увольненію и обезпеченію служащихъ, исключительно на благоразуміе и справедливость желѣзно-дорожныхъ обществъ, значило бы забыть все то, о чемъ такъ ясно говоритъ тридцатилѣтняя исторія нашихъ желѣзныхъ дорогъ. До извѣстной степени, конечно, молчаніе устава относительно служащихъ можетъ быть восполнено инструкціями, распоряженіями вновь учрежденнаго совѣта по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ; но есть вопросы, неразрѣшимые этимъ путемъ, есть общія начала, которыя могутъ быть установлены только законодательною властью. Все, сдѣланное уставомъ съ цѣлью упорядоченія желѣзно-

дорожнаго дѣла, можетъ оказаться недостаточнымъ именно потому, что онъ не коснулся исполнителей, высшихъ и низшихъ, ничего не измѣнилъ ни въ положеніи желѣзно-дорожныхъ правленій, ни въ положеніи ихъ мѣстныхъ агентовъ.

Разбирая, въ свое время, проектъ общаго желѣзно-дорожнаго устава, мы указали на излишнюю его сдержанность по отношенію къ желѣзно-дорожнымъ правленіямъ; мы замѣтили, что ничто не мѣшало бы, напримѣръ, ограничить число членовъ правленій, опредѣлить максимальный предѣлъ ихъ вознагражденія, замѣнить, въ иныхъ случаяхъ, коллегіальное управленіе единоличнымъ. Кое-что, однако, проектъ предполагалъ измѣнить и въ этой области; онъ предоставлялъ совѣту по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ право переводить правленія изъ столицъ на линію желѣзной дороги, а также право назначать члена отъ правительства безразлично во всѣ правленія желѣзно-дорожныхъ обществъ. Законъ 12 іюня не уполномочиваетъ совѣтъ ни на то, ни на другое. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи этого прискорбнаго различія между проектомъ и закономъ лежатъ тѣ ошибочныя представленія о договорномъ характерѣ желѣзно-дорожныхъ уставовъ, которыя столь усердно пропагандировались общимъ желѣзно-дорожнымъ съѣздомъ. Отношеніе правительственной власти къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ и другимъ акціонернымъ компаніямъ сдѣлается нормальнымъ лишь тогда, когда будетъ признано, навсегда и безъ всякихъ колебаній, право законодателя измѣнять и дополнять по своему усмотрѣнію постановленія спеціальныхъ уставовъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя имѣютъ явно и несомнѣнно характеръ д о г о в о р а между обществомъ и казною (иными словами, между обществомъ и правительствомъ, какъ юридическимъ лицомъ, въ смыслѣ гражданскаго права). Мы уже много разъ говорили объ этой тэмѣ—говорили о ней и по поводу проекта желѣзно-дорожнаго устава, и по поводу закона 5 апрѣля 1883 г. о частныхъ банкахъ, и по поводу положенія 26 апрѣля 1883 г. о городскихъ общественныхъ банкахъ, и по поводу налога на процентныя бумаги; мы старались опровергнуть тѣ софизмы о „пріобрѣтенномъ правѣ“, объ обратномъ дѣйствіи закона, съ которыми переплетается теорія неприкосновенности уставовъ, какъ договоровъ; мы констатировали тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ наше новѣйшее законодательство, то согласуясь, то расходясь съ любимой доктриной желѣзно-дорожной, банковой и биржевой интеллигенціи. Не смотря на опасеніе наскучить нашимъ читателямъ, намъ приходится опять—и придется, можетъ быть, еще неоднократно—возвратиться къ тому же вопросу; извиненіемъ нашей настойчивости служитъ съ одной стороны важность вопроса, съ другой стороны—недо-

статочное пониманіе его даже въ такихъ сферахъ, которыя не ослѣплены пристрастіемъ къ воинствующей акціонерной дружинѣ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Статья 71-ая новаго желѣзно-дорожнаго устава запрещаетъ желѣзнымъ дорогамъ „дѣлать грузоотправителямъ уступки противъ дѣйствующихъ тарифовъ подъ условіемъ перевозки однимъ и тѣмъ же лицомъ извѣстнаго количества груза въ опредѣленный срокъ (рефакціи), равно какъ предоставлять тѣмъ или другимъ грузоотправителямъ какія-либо исключительныя преимущества въ перевозкѣ независимо отъ тарифной платы; всякія по этому предмету частныя соглашенія воспрещаются и признаются недѣйствительными". Дѣйствіе этой статьи ограничивается слѣдующимъ къ ней примѣчаніемъ: „къ желѣзнымъ дорогамъ, въ частныхъ уставахъ которыхъ содержатся постановленія, несогласныя съ правилами, изложенными въ ст. 71, сіи послѣднія примѣняются въ той лишь мѣрѣ, на сколько они не противорѣчатъ означеннымъ постановленіямъ". Находя—и совершенно справедливо,—что исключеніе, въ данномъ случаѣ, значительно уменьшаетъ цѣнность правила, „Московскія Вѣдомости" восклицаютъ: „не понимаемъ, почему было признано нужнымъ узаконить въ уставѣ право за иными дорогами на рефакціонные тарифы, когда для другихъ дорогъ эти тарифы тѣмъ же уставомъ запрещены безусловно"! Такое „непониманіе" свидѣтельствуетъ о совершенномъ незнакомствѣ съ исторіей общаго желѣзно-дорожнаго устава, съ полемикой, столько разъ возгоравшейся и въ печати, и въ оффиціальныхъ сферахъ. Примѣчаніе къ ст. 71-ой— не что иное, какъ одна изъ многихъ, слишкомъ многихъ уступокъ желѣзно-дорожнаго устава основному тезису желѣзно-дорожныхъ адвокатовъ. Оно вызвано предположеніемъ, что запрещеніе рефакціонныхъ тарифовъ для тѣхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, уставами которыхъ подобные тарифы разрѣшены, было бы нарушеніемъ „пріобрѣтеннаго права" обществъ, одностороннимъ измѣненіемъ „договора", облеченнаго въ форму устава и подлежащаго перемѣнѣ лишь съ взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ. Посмотримъ, въ какой степени основательно это предположеніе. Для того чтобы имѣть характеръ договора, постановленіе устава должно быть соглашеніемъ между двумя сторонами, входящими въ область гражданскаго права. Соотвѣтствуютъ ли этому опредѣленію постановленія, разрѣшающія рефакціонные тарифы? Соглашеніемъ между казною и обществомъ ихъ очевидно считать нельзя, потому что казна не входитъ здѣсь ни въ какія гражданскія отношенія съ обществомъ, не пріобрѣтаетъ никакихъ гражданскихъ правъ и не принимаетъ на себя никакихъ гражданскихъ обязанностей. Соглашенія между акціонерами, договора между ними здѣсь также нѣтъ, потому что рѣчь идетъ не о

взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою, а объ отношеніи общества къ грузоотправителямъ, въ договорной части устава вовсе не участвующимъ. Разрѣшая обществу заключеніе съ третьими лицами сдѣлокъ относительно перевозки грузовъ по уменьшенной цѣнѣ, правительство дѣйствовало, безъ сомнѣнія, въ качествѣ законодательной власти, установляло частный законъ, который, наравнѣ со всякимъ другимъ актомъ законодательной власти, подлежитъ дополненію, измѣненію и отмѣнѣ въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. по свободному, ни отъ чьей частной воли не зависящему усмотрѣнію законодателя. Въ моментъ изданія тѣхъ или другихъ желѣзно-дорожныхъ уставовъ правительство не встрѣчало препятствій къ разрѣшенію рефакціонныхъ тарифовъ, потому что не предвидѣло неудобствъ и правонарушеній, съ ними сопряженныхъ. Долголѣтній опытъ раскрылъ ему глаза, убѣдилъ его въ необходимости установить равноправность грузоотправителей, положить конецъ вреднымъ и несправедливымъ привилегіямъ. Исходя изъ этого убѣжденія, законодательная власть имѣла полное право распространить дѣйствіе новаго закона на всѣ желѣзно-дорожныя общества, независимо отъ спеціальныхъ ихъ уставовъ. Она не нарушила бы этимъ общаго начала, ограничивающаго дѣйствіе закона во времени („законъ не имѣетъ обратной силы"), потому что правоотношенія, уже возникшія изъ заключенныхъ между обществами и грузоотправителями договоровъ, остались бы въ полной силѣ, и самые договоры могли бы сохранить свое значеніе на срокъ, достаточный для приспособленія сторонъ къ новымъ условіямъ перевозки. Не могло бы быть, точно такъ же, и рѣчи о нарушеніи „пріобрѣтеннаго права" обществъ или грузоотправителей, потому что право, на законѣ основанное, перестаетъ существовать вмѣстѣ съ закономъ. Гражданскимъ правоотношеніямъ несвойственна безусловная неприкосновенность; они установляются не на вѣчность, а на время, и мѣняются, должны мѣняться сообразно съ обстоятельствами, ихъ вызвавшими, съ взглядами, обезпечивавшими за ними государственную санкцію. Предоставленіе правительственной власти права переводить желѣзно-дорожныя правленія изъ одного города въ другой, включеніе въ составъ каждаго желѣзно-дорожнаго правленія члена по назначенію правительства, безусловное запрещеніе рефакціонныхъ тарифовъ—все это имѣло бы подъ собою твердую правовую почву, оставалось бы въ предѣлахъ нормальной, правомѣрной законодательной дѣятельности; все это—и многое другое въ томъ же родѣ—неминуемо должно осуществиться, какъ только потеряетъ свою силу оппозиція частныхъ интересовъ, опирающаяся на цѣлый рядъ юридическихъ недоразумѣній.

Отмѣтимъ еще одно, проистекающее изъ того же источника раз-

личіе между проектомъ барановской коммиссіи и закономъ 12-го іюня. Коммиссія полагала предоставить распорядительному комитету желѣзно-дорожнаго совѣта право пріостанавливать дѣйствіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ, противныхъ закону или вредныхъ для интересовъ государства или публики, а въ крайнихъ случаяхъ — т.-е. въ случаѣ народныхъ бѣдствій или иныхъ несчастій — и право установлять и вводить въ дѣйствіе временные экстренные тарифы. Противъ этого возсталъ общій желѣзно-дорожный съѣздъ, обвиняя коммиссію чуть не въ посягательствѣ на право собственности желѣзно-дорожныхъ обществъ. Побѣда осталась и въ этомъ случаѣ на сторонѣ желѣзнодорожныхъ дѣятелей; въ уставѣ 12 іюня и въ утвержденномъ одновременно съ нимъ положеніи о совѣтѣ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ нѣтъ ничего похожаго на упомянутый нами пунктъ коммиссіоннаго проекта. Какая бы бѣда ни разразилась надъ той или другой мѣстностью Россіи, какъ бы настоятельна ни была, напримѣръ, дешевая подвозка хлѣба въ губерніи, пострадавшія отъ неурожая, принятіе или непринятіе мѣръ, необходимыхъ въ видахъ общественной пользы, по прежнему зависитъ отъ доброй воли желѣзно-дорожныхъ обществъ.

Больше посчастливилось той части проекта, которая касается подсудности желѣзно-дорожныхъ дѣлъ. Желѣзно-дорожный съѣздъ стоялъ за сохраненіе для этихъ дѣлъ общихъ правилъ о подсудности, въ силу которыхъ иски къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ должны быть предъявляемы по мѣсту нахожденія правленій, т.-е. почти всегда въ столичныхъ судахъ, какъ бы далеки ни были послѣдніе отъ мѣста совершенія событія или сдѣлки, служащихъ поводомъ къ иску. Домогательство съѣзда не было уважено; въ уставъ 12 іюня вошли почти всецѣло постановленія о подсудности, проектированныя коммиссіею графа Баранова. Иски къ желѣзнымъ дорогамъ предъявляются, по усмотрѣнію истца, или по мѣсту нахожденія правленія или управленія дорогъ, или по мѣсту нахожденія станціи назначенія или отправленія, или по мѣсту, причинившаго личный вредъ, событія. Потерпѣвшій получаетъ, такимъ образомъ, возможность избрать для веденія иска тотъ судъ, который наиболѣе къ нему близокъ или наиболѣе для него удобенъ. Нельзя сказать, чтобы положеніе истца становилось, вслѣдствіе этого, совершенно свободнымъ отъ тѣхъ затрудненій, которыя до сихъ поръ препятствовали, сплошь и рядомъ, предъявленію исковъ — особенно малоцѣнныхъ — къ желѣзнымъ дорогамъ. Во многихъ случаяхъ вполнѣ сподручнымъ для истца не будетъ ни одинъ изъ судовъ, перечисляемыхъ въ уставѣ 12 іюня; во многихъ случаяхъ расходы, сопряженные съ поѣздкой въ мѣсто нахожденія суда или съ приглашеніемъ одного изъ тамошнихъ адвокатовъ, окажутся несоразмѣрными съ цифрой отыскиваемыхъ убытковъ. Какимъ

путемъ могли бы быть обезпечены вполнѣ интересы истцовъ — объ этомъ мы подробно говорили въ свое время; мы находили и продолжаемъ находить, что вмѣстѣ съ правилами о подсудности подлежали измѣненію—по отношенію къ дѣламъ желѣзно-дорожнымъ—нѣкоторыя другія процессуальныя формы, предписываемыя уставомъ гражданскаго судопроизводства. Какъ бы то ни было, предоставленіе истцамъ, въ дѣлахъ желѣзно-дорожныхъ, свободы выбора между нѣсколькими судами составляетъ несомнѣнный шагъ впередъ, тѣмъ болѣе, что компетентнымъ судомъ по этимъ дѣламъ уставъ 12 іюня признаетъ, вопреки требованію желѣзно-дорожнаго съѣзда, не коммерческій судъ, а общій (т.-е. окружной или мировой, смотря по цѣнѣ иска; мировому суду малоцѣнные иски подсудны, по новому закону, и въ томъ случаѣ, если они предъявляются къ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ). Безъ уступки желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ не обошлась, однако, и глава о подсудности: желѣзнымъ дорогамъ дано право требовать соединенія исковъ, одновременно производимыхъ у одного и того же мирового судьи или даже у разныхъ мировыхъ судей, если они начаты однимъ и тѣмъ же лицомъ и вытекаютъ изъ однородныхъ оснований. Другими словами, если нѣсколько исковъ, предъявленныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ къ желѣзно-дорожному обществу, превышаютъ, по суммѣ, пятьсотъ рублей, то общество имѣетъ право перенести ихъ изъ мировыхъ учрежденій въ общія судебныя мѣста, къ явному и ничѣмъ не оправдываемому отягощенію истца. Возражая противъ ходатайства желѣзно-дорожнаго съѣзда, уваженнаго теперь уставомъ 12 іюня, мы поставили слѣдующую дилемму: или иски, въ сущности составляющіе одно цѣлое, раздроблены искусственно — въ такомъ случаѣ общество и по общему закону имѣло бы право домогаться ихъ соединенія; или они дѣйствительно имѣютъ различныя, хотя и однородныя основанія (напр. два крушенія поѣздовъ, два отдѣльныхъ нарушенія правилъ о принятіи или перевозкѣ грузовъ) —въ такомъ случаѣ соединеніе ихъ, вопреки волѣ истца, представляется явною несправедливостью. Какъ выгодно для желѣзно-дорожныхъ обществъ (и, слѣдовательно, какъ невыгодно для частныхъ лицъ) предоставленное имъ статьею 126-ою общаго желѣзно-дорожнаго устава право соединенія исковъ, объ этомъ можно судить уже по тому факту, что раньше всѣхъ другихъ примѣненіе на практикѣ получила именно эта статья; не прошло и недѣли со времени введенія въ дѣйствіе устава, какъ мы уже прочли въ газетахъ о прекращеніи однимъ изъ петербургскихъ мировыхъ судей нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, въ силу требованія отвѣтчика о соединеніи ихъ въ одно цѣлое, подсудное общимъ судебнымъ мѣстамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что передача дѣла изъ одного суда въ

другой по распоряженію самого суда противна общему духу судебныхъ уставовъ, и что слѣдовательно всѣ хлопоты и расходы по вторичному, совокупному предъявленію однажды уже предъявленныхъ, каждый отдѣльно, исковъ упадаютъ на истца. Хорошо еще, если основанія къ искамъ возникаютъ одновременно или столь скоро одно послѣ другого, что истецъ можетъ сразу соединить иски и предъявить ихъ, во избѣжаніе отвода, въ окружномъ судѣ; а что, если основаніе ко второму иску возникаетъ тогда, когда первый уже предъявленъ мировому судьѣ, но еще не разрѣшенъ имъ? Раздѣленіе исковъ, въ такомъ случаѣ, было неизбѣжно, не зависѣло отъ воли истца—а между тѣмъ на него возлагаются всѣ невыгодныя послѣдствія раздѣленія, какъ только этого пожелаетъ желѣзно-дорожное общество.

Проектъ барановской коммиссіи угрожалъ членамъ желѣзно-дорожныхъ правленій уголовнымъ взысканіемъ за всякое нарушеніе или несоблюденіе правилъ о пассажирскомъ и товарномъ движеніи. Въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, утвержденномъ одновременно съ общимъ желѣзно-дорожнымъ уставомъ, мы встрѣчаемъ постановленіе, опредѣляющее отвѣтственность служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ какъ за нарушеніе или несоблюденіе ими техническихъ или спеціальныхъ правилъ, ограждающихъ безопасность на желѣзныхъ дорогахъ, такъ и за нарушеніе правилъ полицейскихъ и правилъ о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ. Слѣдуетъ ли понимать подъ именемъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ только мѣстныхъ агентовъ движенія и эксплуатаціи, работающихъ на самыхъ линіяхъ, или, сверхъ того, и членовъ желѣзно-дорожныхъ правленій и управленій, не исключая директоровъ, избранныхъ акціонерами? Обыкновенному смыслу словъ: служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, болѣе соотвѣтствуетъ, повидимому, первое толкованіе—но остановиться на немъ значило бы парализовать больше чѣмъ на половину дѣйствіе новаго устава. Безотвѣтственность членовъ правленій—одна изъ главныхъ причинъ того плачевнаго положенія, въ которомъ находится у насъ желѣзно-дорожное дѣло.

Весьма важнымъ дополненіемъ къ общему желѣзно-дорожному уставу является упомянутое уже нами положеніе о совѣтѣ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ. Мысль объ этомъ учрежденіи заимствована новымъ закономъ изъ проекта барановской коммиссіи, но осуществлена далеко не въ томъ видѣ, какъ предполагалось первоначально. Коммиссія графа Баранова хотѣла обезпечить за высшимъ желѣзно-дорожнымъ совѣтомъ совершенно самостоятельное значеніе, поставить его наряду съ другими отдѣльными управленіями и соединить въ его средѣ представителей администраціи и желѣзныхъ дорогъ съ представителями всего общества, въ лицѣ уполномоченныхъ отъ зем-

ства. Положеніе 12 іюня вводитъ желѣзно-дорожный совѣтъ въ составъ министерства путей сообщенія и даетъ ему характеръ преимущественно бюрократическій. Предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министръ путей сообщенія; изъ числа восемнадцати членовъ совѣта на долю министерства путей сообщенія приходится (со включеніемъ предсѣдателя) цѣлая треть. Другую треть совѣта образуютъ представители министерствъ юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, военнаго и государственнаго контроля. Кромѣ того, въ совѣтѣ засѣдаютъ два представителя частныхъ желѣзныхъ дорогъ, два представителя торговли и мануфактуръ, и два представителя земледѣльческой и горнозаводской промышленности. Представители желѣзныхъ дорогъ избираются (на одинъ годъ, съ утвержденія министра путей сообщенія) общимъ желѣзно-дорожнымъ съѣздомъ; представители торговли и промышленности „приглашаются" (также на одинъ годъ) министрами финансовъ и государственныхъ имуществъ, по принадлежности. Дѣлопроизводство совѣта возложено на канцелярію министра путей сообщенія; ей же, вмѣстѣ съ другими отдѣлами того же министерства, предоставленъ докладъ дѣлъ въ совѣтѣ. Если принять въ соображеніе ту роль, которая принадлежитъ въ коллегіальномъ учрежденіи докладчику и предсѣдателю, то можно предсказать, не опасаясь большой ошибки, что совѣтъ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ сдѣлается на практикѣ чѣмъ-то въ родѣ второго совѣта при министрѣ путей сообщенія и не внесетъ ничего существенно новаго въ способъ веденія желѣзно-дорожнаго дѣла. Выборному началу, игравшему важную роль въ проектѣ барановской коммиссіи, законъ 12 іюня отвелъ самое скромное мѣсто, примѣнивъ его—и то съ ограниченіями—только къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ. Восторжествовало, очевидно, мнѣніе тѣхъ, которые—и въ печати, и въ оффиціальныхъ сферахъ—провозглашали первоначально проектированный высшій желѣзно-дорожный совѣтъ „новымъ типомъ государственнаго установленія, неудобопримѣнимымъ къ существующему у насъ государственному строю". Не странно ли, однако, что въ положеніи о дворянскомъ земельномъ банкѣ, утвержденномъ почти одновременно съ положеніемъ 12 іюня, допущено именно то, что не признано возможнымъ по отношенію къ желѣзно-дорожному дѣлу — допущено образованіе совѣта банка отчасти путемъ назначенія, отчасти путемъ выбора [1]? Или, можетъ быть, разгадку этого противорѣчія нужно искать въ томъ, что въ одномъ случаѣ шла рѣчь о представителяхъ

[1]) Члены совѣта дворянскаго земельнаго банка, представляющіе собою элементъ дворянскій, приглашаются министромъ финансовъ обязательно изъ числа выбранныхъ дворянствомъ членовъ мѣстныхъ отдѣленій банка, такъ что источникомъ полномочія ихъ мы въ правѣ признать не назначеніе, а выборъ.

дворянства, а въ другомъ — о представителяхъ земства? Съ точки зрѣнія „удобопримѣнимости къ нашему государственному строю“ между тѣми и другими никакой разницы нѣтъ; если основныя начала этого строя не нарушаются введеніемъ въ одно учрежденіе уполномоченныхъ отъ дворянства, то они столь же мало были бы нарушены введеніемъ въ другое—уполномоченныхъ отъ земства.

Не лишено интереса то обстоятельство, что составомъ вновь созданнаго желѣзно-дорожнаго совѣта не вполнѣ довольны противники самоуправленія. Добрыхъ послѣдствій отъ призыва въ совѣтъ представителей промышленности „Московскія Вѣдомости“ ожидаютъ въ томъ лишь случаѣ, если они дѣйствительно будутъ отстаивать интересы—и притомъ не мѣстные, а общіе—представляемаго ими дѣла. „Положеніе 12 іюня,—замѣчаетъ московская газета,—не говоритъ, какимъ способомъ должны быть избираемы эти лица, откуда они должны быть взяты... Нельзя не пожелать, чтобы они были избраны изъ лицъ, основательно знакомыхъ съ данною промышленною дѣятельностью, и притомъ изъ лицъ, не заинтересованныхъ непосредственно, дабы общіе интересы извѣстной отрасли промышленности не приносились въ жертву частнымъ интересамъ мѣстности, гдѣ представитель имѣетъ свое предпріятіе“. Условія избранія, намѣчаемыя московскою газетою, въ огромномъ большинствѣ случаевъ несовмѣстимы. Основательно, всесторонне знакомымъ съ положеніемъ и нуждами извѣстной отрасли промышленности можетъ быть, за немногими исключеніями, только лицо, живущее ею и въ ея сферѣ и слѣдовательно прямо заинтересованное во всемъ томъ, что можетъ способствовать или противодѣйствовать ея успѣху. Самыя слова закона: „представители торговли, мануфактуръ, земледѣльческой и горнозаводской промышленности“ ясно указываютъ на то, что приглашеніе въ совѣтъ можетъ пасть только на людей, занимающихся, въ данную минуту, данною отраслью промышленности. Что же можетъ помѣшать такому лицу отстаивать въ совѣтѣ не общіе, а мѣстные или даже частные интересы? Чувство долга? Да, если оно въ немъ существуетъ и обладаетъ достаточной силой; но какъ опредѣлить заранѣе наличность этого чувства, какъ выбрать издалека, со стороны, между сотнями и тысячами людей, именно того, кто умѣетъ и хочетъ руководствоваться исключительно общей пользой и служить только ей одной? Намъ скажутъ, можетъ быть, что задача, трудная для министра, столь же трудна и для избирателей; но это едва ли такъ. Избиратели, составляющіе одно цѣлое или хотя бы только связанные между собою общностью занятій, рода дѣятельности, гораздо легче могутъ найти въ своей собственной средѣ лицо, соотвѣтствующее требованіямъ закона. Скажемъ болѣе: далеко не одно и

то же — войти въ составъ извѣстнаго учрежденія въ качествѣ спеціалиста, свѣдущаго человѣка, приглашеннаго властью, или въ качествѣ уполномоченнаго, довѣреннаго отъ той или другой общественной группы. Въ первомъ случаѣ—при равенствѣ, конечно, всѣхъ остальныхъ условій—гораздо меньше чувствуется солидарность съ цѣлымъ, обязывающій характеръ принятыхъ функцій, гораздо меньше, слѣдовательно, сдерживается стремленіе радѣть о себѣ самомъ, о людяхъ или интересахъ наиболѣе дорогихъ и близкихъ. Лицо избранное обязано, наконецъ, отчетомъ передъ избирателями, хотя бы для того, чтобы быть избраннымъ вторично... Газета, отзывъ которой мы привели выше, проповѣдуетъ, какъ извѣстно, представительство и самоуправленіе особаго рода — представительство каждаго отдѣльнаго интереса, самоуправленіе въ смыслѣ заботливости отдѣльнаго лица о преуспѣяніи собственнаго, личнаго дѣла. И что же? Когда законъ создаетъ нѣчто подобное, установляя „представительство" безъ всякаго общенія между представителями и представляемыми, изобрѣтатели доктрины невольно сознаютъ, что здѣсь что-то неладно, и выражаютъ сомнѣніе въ цѣлесообразности порядка, логически вытекающаго изъ ихъ проповѣди.

Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ установленъ закономъ 12-го іюня, призывъ промышленниковъ въ составъ желѣзно-дорожнаго совѣта едва ли достигнетъ цѣли еще и потому, что представителямъ всѣхъ родовъ промышленности въ совѣтѣ отведено только четыре мѣста (изъ восемнадцати), и рядомъ съ ними вовсе нѣтъ представителей другихъ общественныхъ группъ, пользующихся желѣзными дорогами. На долю земледѣльческой промышленности, столь различной въ различныхъ частяхъ имперіи, приходится, напримѣръ, один ъ представитель. Какъ бы велики ни были его знанія и опытность, онъ не будетъ одинаково знакомъ съ нуждами земледѣлія во всѣхъ полосахъ Россіи и неизбѣжно будетъ защищать иногда мѣстные его интересы, не во всемъ согласные съ общими. Большую пользу могли бы принести, съ этой точки зрѣнія, проектированныя барановскою коммиссіею, но не осуществившіяся, мѣстныя отдѣленія желѣзнодорожнаго совѣта. Еще существеннѣе пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе исключенія изъ состава совѣта уполномоченныхъ отъ земства. Только они—или по крайней мѣрѣ преимущественно они—могли бы представлять въ совѣтѣ интересы публики, проѣзжающей по желѣзнымъ дорогамъ, интересы потребителей, далеко не всегда совпадающіе съ интересами промышленниковъ, т.-е. производителей. Возьмемъ, для примѣра, статью 14 новаго устава, обязывающую желѣзныя дороги принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ безотлагательной отправкѣ являющихся на станціи партій пассажировъ-рабочихъ. Для

того, чтобы это разумное правило могло получить широкое примѣненіе на практикѣ, необходимо разъяснить и дополнить его путемъ инструкцій, составленіе и изданіе которыхъ будетъ зависѣть отъ желѣзно-дорожнаго совѣта. Исполненіе этой задачи было бы прямымъ призваніемъ земскихъ членовъ совѣта, еслибы они были включены въ его составъ, согласно съ предположеніемъ барановской коммиссіи.

Устранивъ земство отъ участія въ желѣзно-дорожномъ совѣтѣ, новый законъ возложилъ на него, однако, одну не маловажную функцію—установленіе условій, которыя должны быть соблюдаемы при обращеніи желѣзныхъ дорогъ, въ экстренныхъ случаяхъ, къ содѣйствію сосѣднихъ съ линіею крестьянъ, а также опредѣленіе вознагражденія за это содѣйствіе. Необходимо ли было узаконять новую натуральную повинность, обязательную для однихъ только крестьянъ,—это вопросъ, по меньшей мѣрѣ, спорный; за отрицательное разрѣшеніе его высказался, въ свое время, даже желѣзно-дорожный съѣздъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, только одно: разъ что повинность создана, подробную регламентацію ея всего правильнѣе было поручить земству, какъ это и сдѣлано закономъ 12 іюня. Постоянное расширеніе круга дѣйствій земства весьма характеристично: оно показываетъ, какъ глубоко и прочно земскія учрежденія укоренились въ нашемъ государственномъ строѣ, несмотря на принципіальное отрицаніе ихъ фанатиками реакціи, несмотря на отдѣльныя побѣды, одержанныя въ послѣднее время сословнымъ началомъ. Учрежденію, обреченному на смерть, никто не сталъ бы, конечно, открывать новые пути, указывать новыя задачи.

Мы говорили до сихъ поръ почти исключительно о слабыхъ сторонахъ общаго желѣзно-дорожнаго устава, о тѣхъ его пунктахъ, по которымъ произошла перемѣна къ худшему, сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ; но это не мѣшаетъ намъ признавать вполнѣ многочисленныя достоинства новаго закона. Перечислять ихъ было бы слишкомъ долго; ограничимся указаніемъ на тѣ статьи, которыми установляются руководящія начала, опредѣляется общій смыслъ отношеній между желѣзными дорогами и публикой. Всего важнѣе, съ этой точки зрѣнія, статья 6-ая общаго устава, признающая недѣйствительными „всякія предварительныя, на случай могущаго послѣдовать вреда или убытка, сдѣлки и соглашенія желѣзныхъ дорогъ съ пассажирами и отправителями или получателями грузовъ, клонящіяся къ измѣненію отвѣтственности, возлагаемой на желѣзныя дороги постановленіями устава“. Судебная практика послѣднихъ годовъ была богата процессами, возникавшими именно изъ мнимыхъ соглашеній между желѣзными дорогами и частными лицами, т.-е. изъ уступокъ, по необходимости или по незнанію сдѣланныхъ послѣдними въ мо-

ментъ обращенія къ услугамъ дороги. Добиться, въ судебномъ порядкѣ, признанія недѣйствительности подобныхъ уступокъ было весьма трудно, потому что условія, при которыхъ онѣ дѣлались, далеко не всегда можно было пріурочить къ юридическому понятію принужденія или обмана. Теперь, въ виду положительнаго опредѣленія закона, этой трудности болѣе не существуетъ, и нарушеніе, прежними способами, интересовъ частныхъ лицъ становится тѣмъ менѣе вѣроятнымъ, что оно можетъ повлечь за собою, помимо гражданскаго иска, и уголовное преслѣдованіе виновнаго. Чрезвычайно важны, далѣе, постановленія ст. 46—49 устава, обезпечивающихъ пріемъ грузовъ на станцію, хотя бы они и не могли быть немедленно отправлены; ст. 51-й, предписывающей очередь въ отправленіи грузовъ; ст. 53-й и послѣд., опредѣляющихъ сроки доставки грузовъ. Статья 69-ая дополняетъ статью 6-ю, запрещая взиманіе за перевозку грузовъ какихъ-либо платежей, сверхъ установленныхъ тарифами и правилами о дополнительныхъ сборахъ. Вполнѣ цѣлесообразны, наконецъ, правила о порядкѣ взысканія присуждаемыхъ съ желѣзныхъ дорогъ денегъ (ст. 138 и сл.). Если присужденная съ желѣзной дороги сумма не будетъ уплачена въ трехмѣсячный срокъ, взыскателю предоставляется просить о признаніи общества, эксплуатирующаго дорогу, несостоятельнымъ. Признаніе желѣзно-дорожнаго общества несостоятельнымъ влечетъ за собою немедленное взятіе дороги въ казенное управленіе, а затѣмъ, по усмотрѣнію правительства, и выкупъ дороги, не ожидая опредѣленнаго для того уставомъ дороги срока.

Мы немного запоздали разборомъ закона 20 мая, измѣнившаго нѣкоторыя статьи учрежденія судебныхъ установленій, но получили за то возможность говорить о немъ съ ссылкою на его мотивы, напечатанные—по крайней мѣрѣ отчасти,—въ приложеніи къ изданію гг. Щегловитова и Рошковскаго: „Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями“. Самое интересное и важное изъ всѣхъ нововведеній, осуществленныхъ новымъ закономъ,—это, безъ сомнѣнія, ограниченіе начала судебной несмѣняемости. До сихъ поръ судья могъ быть удаленъ отъ должности не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда; исключеніе изъ этого правила допускалось лишь въ случаѣ признанія судьи должникомъ несостоятельнымъ, задержанія его за долги или присужденія уголовнымъ судомъ къ наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерей или ограниченіемъ служебныхъ правъ. Для перемѣщенія судьи изъ одной мѣстности въ другую требовалось его согласіе. Въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности судья могъ подлежать только одному взы-

сканію: предостереженію. Законъ 20 мая, учредивъ въ составѣ сената особое высшее дисциплинарное присутствіе, значительно расширилъ предѣлы власти сената по отношенію къ судьямъ. Если министромъ юстиціи будетъ усмотрѣно: 1) что судья совершилъ такія служебныя упущенія, которыя хотя и не влекутъ удаленія его отъ должности по суду, но по своему значенію или многократности свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, или 2) что судья дозволилъ себѣ, внѣ службы, такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для этого званія довѣрія и уваженія,—то обстоятельства эти передаются министромъ юстиціи на обсужденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія Сената, которое, истребовавъ отъ судьи объясненіе, можетъ постановить объ увольненіи его отъ должности. Если судья, поставивъ себя, образомъ дѣйствій въ мѣстѣ служенія, въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе будетъ уклоняться отъ предлагаемаго ему перевода въ другую мѣстность, на равную должность, то перемѣщеніе его можетъ воспослѣдовать по постановленію высшаго дисциплинарнаго присутствія, и въ этомъ случаѣ приступающаго къ разсмотрѣнію дѣла не иначе, какъ по предложенію министра юстиціи. Постановленія высшаго дисциплинарнаго присутствія обжалованію не подлежатъ. До сихъ поръ дисциплинарныя дѣла слушались, на основаніи ст. 281 учр. суд. устан., при закрытыхъ дверяхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами обвиняемые просили о докладѣ дѣла въ публичномъ засѣданіи суда; при такомъ способѣ доклада обвиняемому предоставлялось имѣть защитника, изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Новый законъ безусловно устраняетъ гласность въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, а также участіе въ нихъ защиты.

Изданію закона 20-го мая предшествовалъ, какъ извѣстно, продолжительный и упорный штурмъ на самостоятельность „судебной республики“, на „самоуправство и безотвѣтственность“ несмѣняемыхъ судей; извѣстно и то, что нападенія штурмующихъ продолжаются до сихъ поръ, нимало не смягчаясь и не ослабѣвая. Простымъ сопоставленіемъ этихъ обстоятельствъ опредѣляется самъ собою настоящій характеръ новаго закона. Составители его поступили такъ, какъ дѣйствуетъ капитанъ корабля во время сильной бури: они выбросили

за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное. Временные распорядители эоловой пещеры не удовлетворились этой жертвой; имъ нужна, очевидно, совершенная гибель корабля или равносильное ей уничтоженіе самой цѣнной части груза. И дѣйствительно, уцѣлѣвшій грузъ все еще представляетъ собой большую цѣнность. Судьба судей, менѣе обезпеченная чѣмъ прежде, все же не предоставлена административному „усмотрѣнію"; увольненіе ихъ отъ должности, хотя и возможное теперь безъ суда—т.-е. не вслѣдствіе опредѣленнаго дѣянія, предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ,—все же обставлено гарантіями, далеко не лишенными серьезнаго значенія. Гарантіи эти —двоякаго рода: однѣ изъ нихъ заключаются въ условіяхъ увольненія, установленныхъ закономъ 20 мая, другія—въ самомъ порядкѣ опредѣленія этихъ условій. Поводомъ къ увольненію можетъ служить, какъ мы уже видѣли, либо служебная, либо внѣ-служебная дѣятельность судьи. Въ первомъ случаѣ должны быть обнаружены важныя служебныя упущенія, явно несовмѣстныя съ обязанностями судьи. Итакъ, прежде всего необходима наличность факта или фактовъ, заключающихъ въ себѣ несомнѣнные признаки служебнаго упущенія. Другими словами, основаніями къ увольненію не могутъ служить направленіе судьи, его образъ мыслей, его руководящіе взгляды, его характеръ; его нельзя уволить, напримѣръ, за недостаточную почтительность къ начальству, за неисполненіе необязательныхъ для судьи желаній или указаній, за снисходительность (понятно, остающуюся въ предѣлахъ закона) въ примѣненіи уголовныхъ каръ, за вѣжливое, мягкое обращеніе съ подсудимыми, за настойчивость и твердость въ законныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ посторонним вѣдомствамъ, и т. п. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь выдающемся уголовномъ процессѣ предсѣдательствовавшій судья навлекъ на себя неудовольствіе, даже негодованіе тѣхъ или другихъ сферъ допущеніемъ къ допросу свидѣтелей, показанія которыхъ не относились непосредственно къ предмету обвиненія, предоставленіемъ излишней свободы защитнику и недостаточно благопріятнымъ для обвиненія заключительнымъ словомъ. Можно ли было бы почерпнуть во всемъ этомъ матеріалъ для подведенія судьи подъ дѣйствіе новыхъ правилъ, установленныхъ закономъ 20 мая? Очевидно—нѣтъ. Допущеніе свидѣтелей зависитъ не отъ предсѣдателя, а отъ суда; ошибка, сдѣланная коллегіей, не можетъ быть вмѣнена въ вину одному изъ ея членовъ—да и вообще ошибка въ толкованіи закона не составляетъ служебнаго упущенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ о немъ говоритъ новый законъ. Гдѣ границы свободы, на которую имѣетъ право защита—это трудно или, лучше сказать, невозможно опредѣлить разъ навсегда: субъективное убѣж-

деніе судьи не поддается, въ этомъ отношеніи, строгой регламентаціи, и слова, невозбранно произнесенныя защитникомъ, могутъ быть вмѣнены въ вину предсѣдателю развѣ тогда, когда они составляютъ сами по себѣ уголовное преступленіе. Нужно ли прибавлять, что безпристрастное résumé является не нарушеніемъ, а исполненіемъ предсѣдательскихъ обязанностей?.. Итакъ, къ предположенному нами случаю законъ 20 мая оказался бы непримѣнимымъ — а между тѣмъ остріе оружія, которое хотѣли бы сковать ревнители произвола, было бы направлено больше всего и прежде всего именно противъ судей, руководящихся однимъ только закономъ, уважающихъ права подсудимаго и защиты.

Далеко не вполнѣ удобнымъ для тенденціозныхъ операцій надъ личнымъ составомъ суда представляется и то правило новаго закона, которое относится къ внѣ-служебной дѣятельности судей. Мотивомъ увольненія отъ должности являются здѣсь поступки противные нравственности, несовмѣстные съ достоинствомъ судейскаго званія, лишающіе судью общественнаго довѣрія и уваженія. И здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь о конкретныхъ фактахъ, а не о предполагаемомъ настроеніи, или направленіи судьи; эти факты должны, сверхъ того, унижать нравственную личность судьи, должны быть предосудительными не съ какой-нибудь специфической точки зрѣнія, а въ глазахъ каждаго порядочнаго человѣка. Подъ дѣйствіе разбираемаго нами закона подойдетъ судья, появляющійся нетрезвымъ въ публичномъ мѣстѣ, систематически ведущій азартную игру, открывающій подъ чужимъ именемъ питейное заведеніе, занимающійся сомнительными спекуляціями,—но не подойдетъ судья, разъѣхавшійся съ женою, или выписывающій „оппозиціонные“ журналы, или уклоняющійся отъ знакомства съ начальствомъ, или не соблюдающій постовъ и т. п. Множество причинъ, вызывающихъ, на практикѣ, увольненіе чиновниковъ не-судебнаго вѣдомства, устранено, такимъ образомъ, изъ круга дѣйствій закона 20 мая, устранено изъ него потому, что законодательная власть (говоря словами журнала Государственнаго Совѣта) не хотѣла „отвратить отъ трудной, отвѣтственной и сравнительно скудно вознаграждаемой судебной службы многихъ полезныхъ дѣятелей, которые нынѣ дорожатъ ею главнымъ образомъ въ виду прочности принадлежащаго ей положенія“. Рекомендуемъ эти слова особому вниманію газетныхъ враговъ новаго суда.

Какъ бы тщательно ни были опредѣлены закономъ условія увольненія, они могутъ быть обходимы, нарушаемы, толкуемы вкривь и вкось, въ особенности, если власть, примѣняющая законъ, дѣйствуетъ безапелляціонно. Чрезвычайно важенъ, поэтому, самый характеръ власти, которой предоставлено примѣненіе

закона. Замѣтимъ, прежде всего, что въ данномъ случаѣ это власть не единоличная, а коллегіальная, не административная, а судебная. Судебной коллегіи свойственны, по самому роду ея дѣятельности, сдержанность, безпристрастіе, уваженіе къ смыслу и духу закона. Она знаетъ обязанности судей, знаетъ ихъ призваніе, ихъ обстановку; она располагаетъ, слѣдовательно, всѣми данными, чтобы отличить служебное упущеніе отъ исполненія служебнаго долга, чтобы опредѣлить, безъ преувеличеній и натяжекъ, сравнительную серьезность или несерьезность упущенія. Высшее дисциплинарное присутствіе принадлежитъ, въ добавокъ, къ составу сената, т.-е. того учрежденія, традиціоннымъ девизомъ котораго служитъ независимость, самостоятельность убѣжденій. Этотъ девизъ претерпѣвалъ временныя затмѣнія, но никогда не исчезалъ вполнѣ и получилъ новую силу благодаря судебной реформѣ императора Александра II-го. Не даромъ же сенатъ—и притомъ не только новый кассаціонный, но и старый, въ лицѣ перваго департамента—раздѣляетъ съ судомъ, съ присяжными, съ городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ почетную роль Карѳагена, разрушеніе котораго служитъ боевымъ кличемъ реакціоннаго лагеря. Можно было бы, конечно, пожелать, чтобы составъ высшаго дисциплинарнаго присутствія былъ опредѣленъ точнѣе въ самомъ законѣ и не подлежалъ ежегоднымъ перемѣнамъ [1]); но и при настоящей своей организаціи присутствіе едва ли можетъ пойти въ разрѣзъ съ преданіями и взглядами сената.

Кореннымъ недостаткомъ новыхъ правилъ слѣдуетъ признать безусловное устраненіе ими гласности дисциплинарнаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участія въ немъ защиты. Въ мотивахъ къ новой редакціи ст. 281 учр. суд. уст. объяснено, что правомъ требовать публичнаго доклада дѣла пользовались до сихъ поръ, на практикѣ, „не лица, желающія гласнымъ оправданіемъ предотвратить всѣ могущія падать на нихъ нареканія по поводу несправедливо возбужденнаго обвиненія, а напротивъ, лица, которыя, сознавая шаткость своего положенія и не имѣя никакого исхода, стремятся набросить тѣнь на другихъ, или даже просто своимъ поведеніемъ на судѣ поставить въ непріятное положеніе судей, рѣшившихся предать ихъ отвѣтственности“. Весьма можетъ быть, что такими побужденіями руководствовались нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, хотя мы не припомнимъ ни одного дисциплинарнаго дѣла, сопровождавшагося скандаломъ или „вынесеніемъ сора изъ избы“; но отъ отдѣльныхъ случаевъ

[1]) Высшее дисциплинарное присутствіе образуется изъ первоприсутствующихъ обоихъ кассаціонныхъ департаментовъ, всѣхъ сенаторовъ соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ и четырехъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, назначаемыхъ ежегодно Высочайшею властью.

еще далеко до обобщенія, сдѣланнаго въ мотивахъ. О недостаткѣ фактическихъ данныхъ для такого обобщенія можно заключить уже изъ того, что оно вовсе не соотвѣтствуетъ характеру дисциплинарнаго производства. Судьѣ, обвиняемому въ дисциплинарномъ порядкѣ, угрожало, до сихъ поръ, только предостереженіе; какимъ же образомъ онъ могъ сознавать шаткость своего положенія, отсутствіе всякаго исхода? Зная, что онъ и въ случаѣ обвиненія преспокойно сохранитъ свое прежнее мѣсто, могъ ли онъ стремиться къ опороченію своихъ товарищей, могъ ли сознательно готовить для себя такое положеніе, вся тяжесть котораго должна была отозваться прежде всего на немъ самомъ? Предполагать въ обвиняемомъ „желаніе поставить въ непріятное положеніе судей, рѣшившихся предать его отвѣтственности", нельзя уже потому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ возбужденіе дисциплинарнаго производства зависитъ вовсе не отъ тѣхъ судей, на разрѣшеніе которыхъ оно поступаетъ. Мы едва ли ошибемся, поэтому, если скажемъ, что настоящая или по крайней мѣрѣ главная причина устраненія гласности, установляемаго новою редакціею ст. 281-ой, въ приведенныхъ нами мотивахъ не упомянута вовсе. Эта причина—распространеніе круга дѣйствій дисциплинарнаго суда, предоставленіе ему, въ высшей его инстанціи, права увольнять судей и перемѣщать ихъ съ одной должности на другую. Предполагалось, очевидно, что въ новой категоріи дѣлъ, созданной закономъ 20 мая, будетъ много щекотливаго, не подлежащаго оглашенію; предполагалось также, что неудобно доводить до всеобщаго свѣденія возможное разногласіе между министромъ юстиціи и высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ. Спрашивается, однако, для кого можетъ быть непріятно оглашеніе обстоятельствъ, возбудившихъ вопросъ объ увольненіи судьи? Очевидно—для одного обвиняемаго, если только въ основаніи обвиненія лежатъ серьезныя данныя, достаточно доказанныя и соотвѣтствующія требованіямъ закона. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, ничто не мѣшало оставить въ силѣ дѣйствовавшее до сихъ поръ постановленіе о правѣ обвиняемаго домогаться публичнаго слушанія дѣла. Что касается до разногласія между министромъ юстиціи и высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ, то оно столь же мало говоритъ противъ одной изъ сторонъ, какъ и всякое другое разногласіе между судомъ и прокуроромъ. Гдѣ свобода мнѣній, тамъ неизбѣжно разномысліе; ненормальнымъ слѣдовало бы признать не отклоненіе сенатомъ того или другого предложенія министра, а принятіе первымъ всѣхъ безъ исключенія предложеній послѣдняго. Разрѣшеніе вопроса въ пользу гласности представляло бы еще меньше затрудненій, если бы правило объ увольненіи и перемѣщеніи судей (новая редакція

пун. 3 ст. 295) было редактировано нѣсколько иначе. Теперь буквальный смыслъ этого правила таковъ, что министръ юстиціи сначала убѣждается въ необходимости уволить или перемѣстить судью, и потомъ уже передаетъ дѣло на разсмотрѣніе сената, оправдательный приговоръ котораго является, за тѣмъ, какъ бы прямо противоположнымъ мнѣнію министра. Гораздо правильнѣе было бы поставить министра въ положеніе обвинительной камеры, предающей суду не только тѣхъ, въ виновности которыхъ она убѣждена, но и тѣхъ, противъ которыхъ имѣется достаточно сильное и основательное подозрѣніе. Еслибы министръ юстиціи, передавая дѣло сенату, не высказывался окончательно и рѣшительно противъ обвиняемаго (удерживаемъ это слово за неимѣніемъ другого, болѣе подходящаго), то оставленіе послѣдняго въ должности вовсе не могло бы считаться признакомъ разногласія между дисциплинарнымъ присутствіемъ и министромъ.

Разрѣшенію въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи вопроса объ увольненіи или перемѣщеніи судьи должно предшествовать, на основаніи правилъ 20 мая, истребованіе объясненія отъ судьи. Имѣетъ ли присутствіе право спрашивать свидѣтелей (поручая допросъ ихъ, въ случаѣ надобности, мѣстному суду)—объ этомъ въ законѣ ничего не сказано; мы думаемъ, что это право разумѣется само собою, такъ какъ нельзя же требовать отъ суда произнесенія приговора [1]) по неполнымъ или недостаточно провѣреннымъ даннымъ. Болѣе существеннымъ кажется намъ другой пробѣлъ закона—молчаніе его о томъ, обязателенъ ли для присутствія вызовъ обвиняемаго въ засѣданіе, когда онъ будетъ просить объ этомъ въ письменномъ своемъ объясненіи? Нужно надѣяться, что на практикѣ такая просьба всегда будетъ исполняема сенатомъ, не смотря на отсутствіе положительнаго предписанія закона. Далеко не одно и то же—представить объясненіе письменно или словесно; не говоря уже о неизбѣжной неполнотѣ письменнаго отвѣта, онъ никогда не можетъ имѣть той убѣдительной силы, того непосредственнаго дѣйствія, которыя сознаніе правоты сообщаетъ устной защитѣ. Не всякій, однако, располагаетъ спокойствіемъ духа, самообладаніемъ, необходимымъ для самозащиты. Тѣ же самыя основанія, въ силу которыхъ избраніе защитника признается неотъемлемымъ правомъ подсудимаго, должны были бы обезпечить возможность обращенія къ защитѣ и за судьею, привлеченнымъ къ отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ, особенно когда ему

[1]) Хотя увольненіе и перемѣщеніе, вводимыя закономъ 20 мая, и не отнесены оффиціально къ числу дисциплинарныхъ каръ, но de facto они, безъ сомнѣнія, имѣютъ именно это значеніе, и постановленіе дисциплинарнаго присутствія ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ судебнаго приговора.

угрожаетъ увольненіе отъ должности. Опасаться вліянія цвѣтовъ адвокатскаго краснорѣчія на опытныхъ, испытанныхъ юристовъ, входящихъ въ составъ высшаго дисциплинарнаго присутствія, было бы болѣе чѣмъ странно. Роль защитника ограничивалась бы здѣсь, по необходимости, посредничествомъ между обвиняемымъ и судомъ, т.-е. облеченіемъ въ правильную, стройную форму тѣхъ оправданій, которыя представилъ бы обвиняемый, еслибы волненіе и нравственное разстройство не мѣшали ему говорить самому за себя [1]). Что сказать, наконецъ, о тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый судья не будетъ имѣть возможности, за болѣзнью, лично прибыть въ засѣданіе дисциплинарнаго суда?.. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дисциплинарный судъ постановляетъ свое рѣшеніе по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, de facto, если не de jure равносильнаго обвинительной рѣчи. При отсутствіи обвиняемаго и недопущеніи защитника послѣднее слово останется, такимъ образомъ, за обвинителемъ, вопреки одному изъ основныхъ началъ судебной реформы.

Далеко уступая, по своей важности, разобраннымъ нами постановленіямъ объ увольненіи и перемѣщеніи судей, остальныя статьи закона 20 мая не лишены, однако, нѣкотораго общаго значенія и интересны не для одного только судебнаго міра. До сихъ поръ въ засѣданіяхъ уголовнаго суда съ участіемъ присяжныхъ предсѣдательствовалъ—если въ составѣ судей не было ни предсѣдателя, ни товарища предсѣдателя суда—старшій изъ наличныхъ членовъ суда; теперь для такихъ случаевъ предсѣдательствующій будетъ назначаться—заранѣе на цѣлый годъ—старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты. Мы видимъ въ этомъ несомнѣнную перемѣну къ лучшему, потому что старшій по назначенію членъ суда — далеко не всегда самый способный къ веденію дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ. Строгое соблюденіе старшинства приводило иногда на практикѣ къ результатамъ весьма неудобнымъ. Можно быть очень дѣльнымъ, очень полезнымъ кабинетнымъ работникомъ—и совершенно не имѣть качествъ, необходимыхъ для предсѣдателя ассизовъ. Вполнѣ цѣлесообразнымъ кажется намъ также введеніе въ окружныхъ судахъ такъ-называемаго roulement, т.-е. перемѣщенія членовъ суда изъ гражданскихъ отдѣленій въ уголовныя (и обратно), уменьшающаго для судей опасность обращенія въ рутинеровъ или узкихъ спеціалистовъ. На первый разъ, впрочемъ, оно будетъ производиться лишь по возможности, а не обязательно, потому что при томъ уровнѣ познаній и подготовки, на которомъ стоятъ еще многіе члены нашей

[1]) Само собою разумѣется, что участіе защиты не лишало бы дисциплинарный судъ права предлагать вопросы обвиняемому, требовать отъ него личныхъ объясненій по всѣмъ предметамъ обвиненія.

магистратуры, постоянный, періодическій переходъ отъ однихъ занятій къ другимъ могъ бы принести больше вреда, чѣмъ пользы.

Послѣдняя вѣдомость о ссудахъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка (по 1-е августа 1885 года) заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, свѣденія о дѣятельности банка въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ отдѣленія его открыты лишь въ текущемъ году. Такихъ губерній восемь (гродненская, новгородская, воронежская, харьковская, самарская, оренбургская, ставропольская и донская область), такъ что кругъ дѣйствій банка обнимаетъ собою теперь всего двадцать шесть губерній. Въ двухъ губерніяхъ (самарской и ставропольской) къ 1 августа не было еще утверждено ни одной ссуды; за то донская область и харьковская губернія успѣли уже далеко опередить, или по числу ссудъ (22 и 16), или по ихъ размѣру (383 и 349 тысячъ), а иногда и по тому, и по другому, нѣкоторыя губерніи, въ которыхъ дѣятельность банка началась еще въ 1884 или даже въ 1883 г. По числу ссудъ, напримѣръ, обѣ названныя нами губерніи стоятъ выше ковенской (10 ссудъ) и таврической (11 ссудъ), а донская область, сверхъ того, выше подольской губерніи (19 ссудъ); по размѣру ссудъ и харьковская губернія, и донская область стоятъ выше губерній ковенской (11 тысячъ) волынской (174 тысячи), и тверской (334 тысячи), очень близко подходя къ губерніямъ могилевской (395 тысячъ), подольской (411 тысячъ) и таврической (448 тысячъ рублей). Мы видимъ въ этомъ новый аргументъ въ пользу мысли, высказанной нами въ предъидущемъ обозрѣніи—въ пользу немедленнаго распространенія дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка на всѣ губерніи европейской Россіи. Общее число разрѣшенныхъ ссудъ достигло къ 1 августа почти двухъ тысячъ (1981), на сумму 24$^3/_4$ милл. рублей; куплено при содѣйствіи банка, 86 тысячами домохозяевъ, болѣе полу-милліона (559 тысячъ) десятинъ земли. Крестьянскому поземельному банку разрѣшенъ, на текущій годъ, дополнительный выпускъ свидѣтельствъ на сумму десяти милліоновъ рублей.

Въ то самое время, когда такъ быстро и успѣшно растетъ и развивается дѣятельность крестьянскаго банка, въ нашей печати возникаетъ вопросъ объ ограниченіи не начавшейся еще дѣятельности дворянскаго земельнаго банка, изъятіемъ изъ ея круга всего польскаго дворянства западныхъ губерній. Юридическое основаніе для такого изъятія одна изъ провинціальныхъ газетъ ищетъ въ различіи между привилегіей и закономъ. „Привилегія,—говоритъ „Виленскій Вѣстникъ",—какъ исключительный законъ, обнимающій не всѣхъ вообще,

а только нѣкоторыхъ лицъ, толкуется всегда въ ограничительномъ смыслѣ, а потому логически еще вовсе не слѣдуетъ, что привилегія русскому дворянству относится и къ дворянамъ русскимъ польскаго происхожденія; иначе, почему бы не распространить ее на дворянъ іерусалимскихъ". Нужно было особое искусство, чтобы соединить въ немногихъ строкахъ столько софизмовъ и противорѣчій. Привилегія опредѣляется какъ законъ исключительный, частный, касающійся только нѣкоторыхъ лицъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ привилегіей признается уставъ дворянскаго банка, относящійся къ цѣлому сословію, т.-е. конечно къ чему-то несравненно большему, чѣмъ совокупность „нѣкоторыхъ лицъ". Изъ „русскаго дворянства" выдѣляются „русскіе дворяне польскаго происхожденія", какъ будто дворянство, въ государственныхъ актахъ, называлось „россійскимъ" по происхожденію, по національности, а не по принадлежности къ русскому государственному строю. На одинъ рядъ съ русскими дворянами польскаго происхожденія ставятся, наконецъ, „іерусалимскіе дворяне", т.-е. евреи, какъ будто бы прозвище и оффиціальное званіе—одно и то же. Нѣтъ, что бы ни говорилъ „Виленскій Вѣстникъ", уставъ дворянскаго земельнаго банка несомнѣнно примѣнимъ къ „русскимъ дворянамъ польскаго происхожденія", тѣмъ болѣе, что въ самомъ уставѣ прямо указаны мѣстности, не подходящія подъ его дѣйствіе (Финляндія, царство польское, прибалтійскія губерніи). Другой вопросъ—слѣдуетъ ли измѣнить только-что изданный уставъ въ законодательномъ порядкѣ, оговоривъ, что ссудами изъ дворянскаго банка не могутъ пользоваться поляки-землевладѣльцы западныхъ губерній. Не споримъ, такая оговорка будетъ соотвѣтствовать духу законовъ 10 декабря 1865 и 27 декабря 1884 г.—но будетъ ли она согласна съ духомъ самого устава дворянскаго земельнаго банка? Дворянство западныхъ губерній составляетъ одно цѣлое съ дворянствомъ великороссійскимъ, управляется тѣми же законами, пользуется тѣми же льготами (чего никакъ нельзя сказать о дворянствѣ остзейскихъ губерній и царства польскаго, имѣющемъ, притомъ свои особые земельные банки); объявить его непричастнымъ къ одному изъ общедворянскихъ правъ не совсѣмъ легко, въ особенности разъ что это не было сдѣлано при самомъ изданіи устава дворянскаго банка. Дилемма, неожиданно ставшая на пути примѣненія новаго закона, безспорно принадлежитъ къ числу неудобныхъ, — но это неудобство прямо вытекаетъ изъ сословнаго начала, во имя котораго учрежденъ дворянскій земельный банкъ.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1885 г.

Свиданія монарховъ въ Гаштейнѣ и въ Кремзирѣ. — Австро-германская дружба. — Отношенія между Германіею и Россіею.—Политическая роль Англіи и мирныя вѣянія въ Европѣ.—Приготовленія къ парламентскимъ выборамъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Ссора нѣмцевъ съ испанцами изъ-за колоніальнаго недоразумѣнія.—Колоніальные захваты и ихъ условія.

Воинственныя вѣсти смущали насъ весною и замѣтно слабѣли къ концу лѣта: теперь опять господствуетъ осенній миръ, возвѣщенный свиданіями государей и министровъ. Такъ бываетъ почти ежегодно, и эти правильные переходы отъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ опасностей къ общему сближенію и покою кажутся связанными неразрывно съ современнымъ политическимъ состояніемъ Европы. Недавно еще на насъ ополчалась Англія, и въ Средней Азіи готовилась роковая встрѣча, которой съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидали иностранные и нѣкоторые отечественные патріоты; могущественная Германія была съ нами не въ ладахъ, а вѣнскій дворъ не скрывалъ своего сочувствія къ предпріятіямъ новаго британскаго министерства. „Политическій горизонтъ покрылся тучами", какъ говорили въ былое время; но тучи быстро разсѣялись съ приближеніемъ осени и, вѣроятно, вновь соберутся къ будущей веснѣ, чтобы вызвать тѣ же опасенія и привести къ тѣмъ же результатамъ. Государственные люди нуждаются въ отдыхѣ, и занимающіе ихъ вопросы не могутъ долго сохранять свой жгучій критическій оттѣнокъ; общественное мнѣніе утомляется и ждетъ новыхъ впечатлѣній; вчерашнія симпатіи уступаютъ мѣсто недовольству, воинственныя вспышки смѣняются порывами миролюбія, и политика движется взадъ и впередъ по намѣченнымъ путямъ, безъ особеннаго риска для народовъ. Англо-русская распря, выдвинутая на первый планъ въ заботахъ Европы, низведена опять на степень второстепеннаго „инцидента", недостойнаго служить предметомъ общихъ опасеній и тревогъ; перемѣна министерства въ Англіи только ускорила мирную развязку кризиса, доставивъ нѣкоторое удовлетвореніе нетерпѣливымъ умамъ, раздраженнымъ колеблющеюся политикою Гладстона. Проченъ ли миръ при подобныхъ условіяхъ и надолго ли взяло верхъ новое вѣяніе, подкрѣпленное празднествами въ Гаштейнѣ и Кремзирѣ,—это выяснится въ близкомъ будущемъ; но оптимистическое настроеніе несомнѣнно господствуетъ въ настоящую минуту.

Императоръ Вильгельмъ имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ монархомъ въ Гаштейнѣ, 6 августа (н. ст.); черезъ нѣсколько дней австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, отправился къ князю Бисмарку въ Варцинъ. Повидимому, эти факты не имѣли сами по себѣ большого политическаго значенія. Австрія давно уже идетъ на буксирѣ Германіи; между обѣими имперіями установились настолько тѣсныя связи, что лишній обмѣнъ вѣжливостей ничего не прибавитъ и не убавитъ въ существующей дружбѣ. Дипломатія Вѣны управляется Берлиномъ и не играетъ никакой самостоятельной роли въ великихъ международныхъ вопросахъ. Всякій и безъ того зналъ, что образъ дѣйствій Австріи относительно англо-русскаго конфликта зависитъ всецѣло отъ германскаго канцлера; поэтому не было основанія думать, что переговоры ведутся объ отношеніяхъ къ Англіи или къ Россіи. Нѣмецкія газеты высказывали множество различныхъ догадокъ о предметѣ министерскихъ совѣщаній въ Варцинѣ; большинство склонялось въ пользу того предположенія, что дѣло идетъ о таможенномъ союзѣ, столь желательномъ для интересовъ Венгріи. Графъ Кальноки принадлежитъ къ числу скромныхъ дѣловыхъ дипломатовъ, честолюбіе которыхъ не выходитъ за предѣлы мирнаго сохраненія status-quo; онъ всего менѣе способенъ удивить міръ какою-либо смѣлою комбинаціею или неожиданнымъ новымъ предпріятіемъ во имя могущества и славы монархіи Габсбурговъ. Разговоры его съ княземъ Бисмаркомъ не могутъ возбудить какія-либо подозрѣнія со стороны иностранныхъ державъ; напротивъ, подобныя свиданія, повторяющіяся періодически изъ года въ годъ, принимаются всегда за доказательство того, что ничто не угрожаетъ миру въ Европѣ. Австро-Венгрія есть прежде всего консервативная сила; она можетъ стоять за спиною Германіи, слѣдовать ея внушеніямъ, подавать свой голосъ въ томъ или другомъ смыслѣ, но дѣйствовать положительно она можетъ лишь въ предѣлахъ небольшого круга интересовъ. То, что̀ хотѣлось бы венгерцамъ, было бы отвергнуто австрійскими нѣмцами, а желанія послѣднихъ противорѣчатъ стремленіямъ чеховъ, хорватовъ и прочихъ славянъ; каждая изъ народностей Австро-Венгріи тянетъ въ другую сторону, и никакая общая политика была бы невозможна, еслибы ей ставились задачи слишкомъ широкія и смѣлыя. Вѣнскій кабинетъ долженъ неизбѣжно лавировать среди противоположныхъ теченій и несогласимыхъ народныхъ чувствъ, съ которыми приходится ему считаться; равновѣсіе сохраняется только при пассивномъ бездѣйствіи, и поэтому система status-quo является естественнымъ лозунгомъ австрійской дипломатіи при современныхъ обстоятельствахъ. Графъ Кальноки есть именно такой министръ, какой нуженъ Австро-Венгріи; онъ совмѣщаетъ въ себѣ отсутствіе иниціативы съ извѣст-

ною долею терпѣливаго постоянства,—онъ твердо держится союза съ Германіею и въ то же время стоитъ за дружбу съ Россіею, сочувствуетъ мадьярскимъ тенденціямъ и принимаетъ въ разсчетъ славянскія симпатіи, не допускаетъ мысли о какой-либо войнѣ и ничего не имѣлъ бы, вѣроятно, противъ того, чтобы другія державы поссорились между собою. Австрія всегда извлекала выгоды изъ замѣшательствъ, въ которыхъ она непосредственно не участвовала; чужія ссоры всегда находятъ сочувственный отголосокъ въ Вѣнѣ и Пештѣ. Но и для того, чтобы успѣшно срывать плоды чужихъ недоразумѣній, требуется энергія и находчивость; а эти качества едва ли присущи нынѣшнимъ правителямъ Австріи. Нельзя сомнѣваться, что вѣнскій кабинетъ имѣлъ бы основательный поводъ радоваться вооруженному столкновенію между Россіею и Англіею; пока соперники боролись бы на Востокѣ, значительная часть балканскихъ земель могла бы легко попасть въ руки Австріи въ награду за ея нейтралитетъ или дружбу,—подобно тому, какъ это было съ Босніею и Герцеговиною послѣ русско-турецкой войны. Графъ Кальноки, быть можетъ, не годился бы для роли счастливаго захватчика; но министры мѣняются сообразно потребностямъ политическаго положенія и, наконецъ, самый вялый дипломатъ становится рѣшительнымъ, когда могущественныя пружины толкаютъ его на извѣстный путь, обставленный всѣми условіями успѣха. Тѣмъ не менѣе Австро-Венгрія проникнута обязательнымъ для нея миролюбіемъ по отношенію къ Россіи, и никто не заподозрилъ бы ее въ какихъ-либо соглашеніяхъ съ враждебною намъ Англіею: готовность пользоваться обстоятельствами далеко не означаетъ еще рѣшимости вызывать ихъ или даже оказывать имъ малѣйшую поддержку. Безполезно разсчитывать на Австрію или опасаться ея въ нормальное время общаго мира; она опасна только въ случаѣ войны сосѣднихъ государствъ между собою или съ посторонними державами. Если предстоятъ еще кровавыя событія въ Европѣ, то не Австрія будетъ въ лагерѣ участниковъ; она будетъ держаться въ сторонѣ до послѣдней возможности, пока не явится искушеніе въ видѣ дешевой добычи или пока вмѣшательство не вызвано будетъ инстинктомъ самосохраненія. Все это настолько ясно даже для самыхъ честолюбивыхъ австрійскихъ дѣятелей, что никому и въ голову не приходитъ связывать свиданіе монарховъ въ Гаштейнѣ и переговоры министровъ въ Варцинѣ—съ общими политическими вопросами, занимавшими европейскую дипломатію въ послѣдніе мѣсяцы. Очевидно только одно, что Австро-Венгрія остается пассивною союзницею Германіи и что союзъ этотъ крѣпнетъ съ годами, обращаясь постепенно въ коренной принципъ внѣшней политики Габсбурговъ.

Несравненно больше значенія имѣли празднества въ Кремзирѣ, гдѣ

закрѣпилась оффиціальная дружба между правительствами Австріи и Россіи. Это былъ не просто визитъ, отданный русскимъ государемъ императору Францу-Іосифу, въ отвѣтъ на прошлогодній пріѣздъ послѣдняго въ Скерневицы; здѣсь чувствовалась серьезная политическая подкладка, благодаря присутствію руководящихъ министровъ обѣихъ имперій. Совѣщанія нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ графомъ Кальноки указывали на важный фактъ, который могъ считаться сомнительнымъ до послѣдняго времени,—на фактъ австро-русскаго сближенія, устраняющаго всякіе поводы къ безпокойству на счетъ европейскаго мира въ настоящее время. Если Австрія торжественно сближается съ Россіею, то, очевидно, Германія находитъ это своевременнымъ и желательнымъ; а если князь Бисмаркъ не предвидитъ несогласій или столкновеній, то можно быть увѣреннымъ, что все обстоитъ благополучно въ Европѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что опасность англо-русской войны признается окончательно устраненною, и нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ кремзирское свиданіе, состоявшееся при заочномъ „духовномъ" участіи императора Вильгельма. Министерство лорда Сольсбёри могло искать союзниковъ и друзей только въ Вѣнѣ и Берлинѣ, гдѣ находили поддержку и планы лорда Биконсфильда; между тѣмъ, Австрія и Германія выбрали именно настоящій моментъ для подтвержденія тройственнаго союза, изолирующаго Англію въ дѣлахъ материка. Англійскіе государственные люди и ранѣе не думали о войнѣ съ Россіею, не смотря на всѣ угрожающія рѣчи въ парламентѣ и въ печати; теперь они видятъ, что существующая группировка державъ не даетъ мѣста новымъ политическимъ комбинаціямъ, выгоднымъ для британскихъ интересовъ. Разумѣется, дружественныя намъ имперіи не потому хлопочутъ о мирѣ, что онѣ сочувствуютъ Россіи, а потому, что дружба сосѣдней великой страны представляетъ имъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ тѣ эфемерныя преимущества, которыя могла бы предложить имъ Англія, даже при предположеніи торжества воинственныхъ торіевъ на выборахъ. Значеніе кремзирскаго свиданія было одинаково оцѣнено всею европейскою журналистикою; оно всѣми было понято въ смыслѣ торжественной мирной демонстраціи, которая должна заставить публику забыть афганскія и прочія тревоги, зародившіяся въ Лондонѣ и оттуда распространяемыя по Европѣ.

Кремзиръ, маленькій городъ Моравіи, сдѣлался на нѣсколько дней центральнымъ пунктомъ, на который обращено было напряженное вниманіе политическихъ и газетныхъ дѣятелей. Чтó происходило въ роскошномъ архіепископскомъ замкѣ графа Фюрстенберга, съ 25 до 27 августа? О чемъ говорили собравшіеся тамъ министры, дипломаты и сановники? Какіе вопросы рѣшались тамъ? Корреспонденты, по-

сланные туда изъ разныхъ мѣстъ, могли уловить только внѣшнія черты празднествъ, встрѣчъ и проводовъ, но имъ не дано было проникнуть въ тайну министерскихъ совѣщаній. Въ газетахъ передавались отрывки подслушанныхъ фразъ и анекдотовъ; сотрудникъ вѣнской „Neue Freie Presse“ удостоился подробнаго разговора съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а корреспондентъ одной петербургской газеты былъ допущенъ къ разговору съ графомъ Кальноки,—и странное дѣло, заявленія и отвѣты обоихъ министровъ оказались почти однородными. И дѣйствительно, что могли сказать министры своимъ любопытнымъ вопрошателямъ, кромѣ обычныхъ увѣреній о благонадежности мира? Если обсуждалось что-либо новое, то оно составляло секретъ, тщательно скрываемый отъ репортеровъ; а если новаго ничего не было, то и запросы корреспондентовъ были напрасны. Въ сущности, нельзя было предполагать, что въ Кремзирѣ устроится положительное соглашеніе по какому-либо предмету, — и времени для этого было слишкомъ мало, и обстановка не соотвѣтствовала подобному предположенію. Свиданіе двухъ императоровъ и ихъ министровъ было само по себѣ событіемъ достаточно краснорѣчивымъ и опредѣленнымъ, независимо отъ предмета происходившихъ разговоровъ. Довольно того, что Австрія вновь сблизилась съ Россіею; никакихъ другихъ выводовъ нельзя извлечь изъ имѣющихся свѣденій о кремзирскомъ свиданіи. Этотъ выводъ не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ; важность факта заключается въ немъ самомъ, а не въ тѣхъ комбинаціяхъ или сдѣлкахъ, въ которыхъ онъ можетъ выразиться въ данное время. Надобно имѣть въ виду, что Россія вовсе не ищетъ положительныхъ союзовъ, составляемыхъ съ извѣстною заранѣе установленною цѣлью. Мы не преслѣдуемъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ, для которыхъ требовалось бы содѣйствіе другихъ державъ; мы стараемся избѣгнуть всякихъ замѣшательствъ и недоразумѣній, охраняя лишь интересы мира, и наши соглашенія съ иностранными кабинетами могутъ имѣть только эту отрицательную основу миролюбія. Одна изъ нѣмецкихъ газетъ („Франкфуртская“) сообщила слухъ, что сближеніе наше съ Австріею направлено противъ Англіи; это совершенно вѣрно, если считать мирныя тенденціи враждебными англійской политикѣ,—ибо ничего другого, кромѣ подтвержденія русской дружбы, не могутъ предпринимать австрійцы противъ англичанъ. Устраненіе вѣнскаго кабинета отъ возможной роли скрытаго союзника Англіи составляетъ шагъ непріятный для воинственныхъ британскихъ патріотовъ, возлагавшихъ нѣкорыя надежды на косвенное содѣйствіе Австро-Венгріи въ политическомъ походѣ противъ Россіи; но эти надежды были такъ слабы и проблематичны, и самая вѣроятность войны казалась столь отдаленною, что

ни одинъ лондонскій органъ не повторилъ мысли, высказанной „Франкфуртскою газетою“. „Times“ пытается иронизировать по поводу обстановки кремзирскаго свиданія, но и онъ долженъ былъ сознаться, что политическая обособленность Англіи есть фактъ несомнѣнный, вытекающій изъ цѣлаго ряда ошибокъ британской дипломатіи. Англичане склонны винить Гладстона за то, что онъ мало заботился о благосклонности князя Бисмарка и не соблюдалъ должной вѣжливости относительно Австро-Венгріи; онъ такимъ образомъ разстроилъ дипломатическія связи, подготовленныя лордомъ Биконсфильдомъ, и привелъ страну въ настоящее изолированное положеніе. Но дѣло въ томъ, что въ современныхъ международныхъ комбинаціяхъ могутъ играть роль только державы, располагающія значительною постоянною арміею, и Англія, кто бы ни управлялъ ею, не въ состояніи принимать непосредственное участіе въ союзахъ первоклассныхъ военныхъ государствъ материка.

Парламентская сессія закончилась въ Англіи 14 августа, и предстоящіе выборы должны рѣшить, останется ли во власти министерство лорда Сольсбёри или оно уступитъ мѣсто либеральному кабинету при участіи или безъ участія Гладстона. Въ ожиданіи результата начавшейся избирательной кампаніи, британская политика обречена на бездѣйствіе; министры не могутъ принимать серьезныхъ рѣшеній, пока они не имѣютъ за собою большинства въ парламентѣ. Въ качествѣ временнаго правительства, не получившаго еще надлежащихъ полномочій, торійское министерство вынуждено ограничиваться пассивною ролью по отношенію къ общимъ политическимъ вопросамъ; оно пока не представляетъ собою реальной силы, которую могли бы имѣть въ виду другія державы въ своихъ международныхъ разсчетахъ. Это обстоятельство значительно ослабляетъ положеніе лорда Сольсбёри и подрываетъ въ корнѣ всякія попытки его приступить къ самостоятельному рѣшенію задачъ, унаслѣдованныхъ отъ Гладстона.

Единственный серьезный шагъ, предпринятый министерствомъ, заключается въ назначеніи чрезвычайнаго посланника для переговоровъ съ турецкимъ султаномъ объ устройствѣ египетскихъ дѣлъ Сэръ Друммондъ Вольфъ посланъ въ Константинополь съ письмомъ королевы, въ которомъ оффиціально признаны верховныя права Турціи на Египетъ. Турецкіе сановники должны были чувствовать себя польщенными этимъ добровольнымъ признаніемъ, столь мало гармонирующимъ съ фактическимъ образомъ дѣйствій Англіи за послѣдніе годы. Сэру Вольфу оказанъ былъ самый торжественный пріемъ: султанъ Абдулъ-Гамидъ выразилъ ему свое удовольствіе и благосклонно

выслушалъ его предположенія. Аудіенція 30 августа состоялась уже послѣ долгихъ предварительныхъ совѣщаній министровъ и сановниковъ Порты; тѣмъ болѣе краснорѣчивы были уклончивые и неопредѣленные отвѣты султана по вопросу о мѣрахъ вмѣшательства Турціи въ дѣла Египта. Самая мысль о турецкомъ вмѣшательствѣ не можетъ быть названа счастливою съ точки зрѣнія „престижа“ и авторитета Англіи. Распоряжаться самовластно на берегахъ Нила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, посылать военныя экспедиціи для водворенія мира въ странѣ и для охраны ея предѣловъ, жертвовать людьми и капиталами во имя британскихъ интересовъ, не допуская никакого посторонняго соперничества, и все это только для того, чтобы въ концѣ концовъ отдать страну въ руки турецкихъ солдатъ,—такого рода политика является на первый взглядъ совершенно непонятною. Великая европейская нація, готовая возстановить турецкое владычество въ Египтѣ, ясно доказывала бы этимъ свою нравственную и политическую несостоятельность; это былъ бы унизительный шагъ назадъ, который ничѣмъ не могъ бы быть оправданъ. Конечно, нельзя понимать буквально предлагаемое Англіею возстановленіе верховныхъ правъ султана; совѣтники Абдулъ-Гамида видятъ и оборотную сторону медали,—они видятъ прежде всего требованіе объ отправкѣ турецкихъ войскъ въ Суданскую пустыню, на смѣну англійскимъ солдатамъ, которымъ пора уже вернуться на родину послѣ понесенныхъ ими потерь и неудачъ. Турція также не имѣетъ лишнихъ военныхъ силъ; притомъ занятіе Судана или какой-либо части Египта требовало бы усилій и жертвъ, которыя вовсе нежелательны для Порты. Англія продолжала бы господствовать въ странѣ черезъ посредство своихъ союзниковъ — турокъ, которые находились бы отъ нея въ финансовой зависимости; она пользовалась бы наемными войсками, вмѣсто того, чтобы рисковать своими собственными людьми. Сдѣлка была бы несомнѣнно выгодна для англичанъ, хотя она не могла бы усилить популярность британскаго правительства; но для турецкаго султана предложеніе, привезенное сэромъ Друммондомъ Вольфомъ, имѣетъ характеръ крайне сомнительной приманки. Миссія сэра Вольфа должна была косвенно выяснить отношенія Турціи къ Англіи; египетскій вопросъ могъ служить предлогомъ для другой болѣе значительной цѣли—для подготовленія англо-турецкаго союза на случай возможныхъ въ будущемъ событій. Много говорится объ этомъ предметѣ въ европейской печати за послѣднее время; но невольно возникаетъ сомнѣніе въ серьезности этихъ толковъ и слуховъ,—если вспомнить запутанныя дѣла нынѣшней турецкой имперіи и обязательныя отношенія ея къ сосѣднимъ могущественнымъ державамъ. Мыслимо ли, чтобы Турція заключила

какой-либо союзъ въ ущербъ Россіи, безъ вѣдома Австріи и, слѣдовательно, Германіи? Рискнетъ ли ослабѣвшая оттоманская имперія выступить противъ своихъ недавнихъ побѣдителей, въ союзѣ съ страною, не имѣющею внушительной арміи? Турки знаютъ также, что Англія всего меньше способна хлопотать о чужихъ интересахъ и что поддержка ея обошлась бы очень дорого, даже при самомъ благопріятномъ ходѣ дѣлъ. Наибольшее, чего можетъ достигнуть лондонскій кабинетъ въ Константинополѣ, это—сближенія съ оттоманскою имперіею и усиленія своего дипломатическаго вліянія на Порту; но и въ этой области невозможно уже вернуться къ временамъ Лейярда и Элліота, когда Турція вѣрила въ могущественную опеку Англіи и не сомнѣвалась въ ея искренности. Наконецъ внутреннее состояніе Турціи теперь совершенно иное, — оно не допускаетъ уже тѣхъ иллюзій, которыя питались и поддерживались до послѣдней войны. Новыя вліянія установились въ Стамбулѣ и замѣтно вытѣснили англійскія традиціи; совѣтники султана привыкли придавать особенный вѣсъ указаніямъ германскаго канцлера, а также представителей Австріи и Россіи. Съ какой бы стороны ни посмотрѣть на миссію сэра Друммонда Вольфа, выводъ получается одинъ: никакого важнаго результата она имѣть не можетъ. Египетскій кризисъ, запущенный Англіею, останется по прежнему на ея отвѣтственности и доставитъ ей еще не мало заботъ: Турція, по всей вѣроятности, не приметъ этого подарка, хотя и сохранитъ за собою номинальныя права, которыя могутъ пригодиться при случаѣ. Возрожденіе англо-турецкой дружбы не обѣщаетъ прочныхъ ростковъ; оно будетъ лишь невиннымъ напоминаніемъ о безвозвратно потерянномъ прошломъ. Объ англо-турецкомъ союзѣ не можетъ быть и рѣчи, и сэръ Друммондъ Вольфъ вернется въ Лондонъ съ однимъ лишь запасомъ дипломатическихъ вѣжливостей, на которыя столь щедры въ подобныхъ случаяхъ сановники Стамбула.

Лордъ Сольсбёри и его товарищи по кабинету утѣшаютъ общественное мнѣніе предсказаніемъ будущихъ удачъ, которыя настанутъ неизбѣжно послѣ торжества торійской партіи на выборахъ. Министры произносили избирательныя рѣчи еще до закрытія парламентскихъ засѣданій; лордъ Рандольфъ Чёрчилль дѣйствуетъ и говоритъ, какъ человѣкъ партіи, а не какъ отвѣтственный членъ правительства,—и за это онъ ежедневно подвергается самымъ рѣзкимъ нападкамъ печати. Объясняя свой проектъ индійскаго бюджета въ палатѣ общинъ, онъ произнесъ цѣлый обвинительный актъ противъ прежняго министерства вообще и противъ бывшаго вице-короля Индіи, маркиза Рипона, въ особенности. Либеральный вице-король старался привлечь симпатіи туземнаго населенія полезными реформами,—расширеніемъ

мѣстнаго самоуправленія, допущеніемъ индусовъ къ общественнымъ должностямъ, уменьшеніемъ налоговъ и устройствомъ школъ; а лордъ Чёрчилль находитъ, что эта сантиментальная политика привела бы къ опасному революціонному броженію и что все вниманіе Англіи должно быть направлено на улучшеніе военныхъ средствъ въ Индіи. Въ то же время, не смотря на свой воинственный пылъ, лордъ Чёрчилль рѣшительно отрицаетъ приписываемую ему склонность къ рискованнымъ предпріятіямъ во внѣшней политикѣ; онъ высказалъ въ одной изъ недавнихъ рѣчей, что рѣшиться на войну, которая погубила бы до 200,000 человѣческихъ жизней, было бы безуміемъ, пока такое рѣшеніе не вызвано интересами настоятельной политической необходимости. Миролюбіе беретъ верхъ надъ увлеченіями даже въ рѣчахъ этого смѣлаго оратора, этого настоящаго enfant terrible торійскаго министерства: таково отрезвляющее вліяніе нынѣшнихъ международныхъ условій. Суровый критикъ либеральныхъ мѣръ въ Индіи оказывается сторонникомъ гораздо болѣе широкаго либерализма по отношенію къ Ирландіи: для вліятельной партіи автономистовъ онъ допускаетъ уступки, которымъ противился Гладстонъ, ибо эта партія можетъ повліять на выборы весьма существеннымъ образомъ. Въ пользу Ирландіи высказываются и передовые либеральные дѣятели и консерваторы-торіи, — и тѣ, и другіе разсчитываютъ на голоса ирландскихъ депутатовъ. Предводитель послѣднихъ, Парнелль, ловко пользовался до сихъ поръ этимъ исключительнымъ положеніемъ, которое постоянно даетъ ему свободу выбора между соперничающими партіями. Парнелль заявилъ публично, что будущее большинство въ палатѣ общинъ зависитъ отъ ирландцевъ и что при надлежащей энергіи удастся въ теченіе наступающаго законодательнаго періода осуществить завѣтный идеалъ народа — добиться особаго ирландскаго парламента. Самоувѣренное заявленіе Парнелля, повидимому, сильно смутило англичанъ; газеты печатаютъ длинныя статьи для доказательства того, что полная автономія Ирландіи была бы равносильна распаденію британской имперіи и что государственные люди, поддерживающіе ирландскія стремленія ради избирательныхъ цѣлей, совершаютъ крупную и, быть можетъ, непоправимую ошибку. Нельзя отрицать, что поведеніе лорда Чёрчилля и его единомышленниковъ относительно парламентской группы Парнелля противорѣчитъ всѣмъ принципамъ консерватизма. Вообще политическія программы настолько перепутались въ настоящее время, что нерѣдко трудно отличить консерваторовъ отъ радикаловъ: такъ-называемые торійскіе демократы проповѣдуютъ идеи, безспорно радикальныя, а либералы отстаиваютъ охранительныя тенденціи, выдавая ихъ за прогрессивныя. Радикализмъ сильно распространяется въ полити-

ческой жизни Англіи, захватывая въ кругъ своего дѣйствія молодыя поколѣнія обоихъ лагерей; онъ займетъ, вѣроятно, видное мѣсто въ новой палатѣ общинъ, благодаря участію новаго слоя избирателей, призванныхъ впервые къ пользованію политическими правами. Слабая сторона англійской либеральной партіи—недостатокъ въ талантливыхъ и авторитетныхъ руководителяхъ: Гладстонъ сходитъ со сцены, а выступающіе на смѣну ему дѣятели не внушаютъ къ себѣ достаточнаго общаго довѣрія. Чамберлэнъ портитъ себѣ репутацію частыми противорѣчіями въ своихъ заявленіяхъ и отсутствіемъ послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ; сэръ Чарльзъ Дилькъ становится неудобнымъ вслѣдствіе падающихъ на него обвиненій въ безнравственной жизни—обвиненій, быть можетъ, неосновательныхъ, но тѣмъ не менѣе вредныхъ для его политической карьеры. Гладстонъ держится въ сторонѣ отъ избирательной борьбы, и при разрозненности либеральныхъ силъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что побѣда достанется лорду Черчиллю и его сотоварищамъ.

Французскія палаты окончили свои засѣданія 6 августа, и наиболѣе энергическіе парламентскіе дѣятели успѣли уже объяснить странѣ свои программы и намѣренія. Первымъ выступилъ Клемансò, говорившій пространныя рѣчи въ нѣсколькихъ провинціальныхъ городахъ; за нимъ двинулся Жюль Ферри, который во многомъ копируетъ Гамбетту — въ категорическомъ, самоувѣренномъ тонѣ рѣчей, во внѣшнихъ ораторскихъ замашкахъ, въ исканіи торжественныхъ пріемовъ и встрѣчъ, въ стремленіи совмѣстить наружный радикализмъ съ удобнымъ оппортунизмомъ. Жюль Ферри говоритъ авторитетно и убѣдительно; онъ часто упоминаетъ о своихъ государственныхъ заслугахъ, ссылается на опытъ прошлаго и глядитъ въ будущее съ оттѣнкомъ самодовольства. Популярность его значительно пошатнулась; его называютъ „человѣкомъ Тонкина", на него взваливаютъ отвѣтственность за всякія колоніальныя невзгоды, ему наносятъ самое худшее оскорбленіе, какое можно нанести французу, приписывая ему роль протеже или креатуры князя Бисмарка,—и однако онъ не теряетъ обычнаго апломба и дѣйствуетъ невозмутимо, какъ человѣкъ, призванный управлять страною. Пока Жюль Ферри былъ во власти, французскіе патріоты не замѣчали ничего подозрительнаго въ его политикѣ; напротивъ, они восхваляли его твердость и энергію, находили его предпріятія благотворными для Франціи и удивлялись только его чрезмѣрной настойчивости по отношенію къ Китаю. Онъ не умѣлъ остановиться во-время въ своемъ колоніальномъ усердіи; его поощряли палаты и нынѣшніе прозорливые критики, ожидая

легкихъ успѣховъ, а теперь серьезные журналы, какъ „Nouvelle Revue“, называютъ его орудіемъ Пруссіи.

Мирные французы, переставшіе думать о возмездіи, прониклись вновь какимъ-то патріотическимъ возбужденіемъ; въ обществѣ и въ печати замѣчается безпокойство по поводу неподготовленности страны къ великой войнѣ, и главнымъ виновникомъ этой неподготовленности считается Жюль Ферри, тратившій военныя средства на „преступныя“ постороннія экспедиціи. Ненависть къ бывшему министру-президенту усиливается по мѣрѣ того, какъ поднимается затихшее-было чувство вражды къ Германіи. Виновато ли въ этомъ возбужденіи новое министерство Бриссона-Фрейсинэ? Перемѣна кабинета повліяла безспорно на отношенія Франціи къ Берлину; дѣловыя связи съ германскою имперіею приняли сразу болѣе холодный оффиціальный оттѣнокъ. Общественное мнѣніе почувствовало разницу, вспомнило „священный долгъ“, забытый отчасти подъ вліяніемъ ненужныхъ тревогъ при Ферри, и осудило всю политику его, какъ опасную для будущаго и разорительную въ настоящемъ. Бриссонъ и Фрейсинэ выразили рѣшимость ликвидировать колоніальныя дѣла, начатыя ихъ предшественниками, и не предпринимать никакихъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ отдаленныхъ краяхъ. Это заявленіе было понято въ смыслѣ намека на предстоящій поворотъ въ политикѣ Франціи, въ виду необходимой роли страны въ континентальной Европѣ. Французская перемѣнчивость сказалась тутъ вполнѣ: вчерашніе кумиры низвергнуты безпощадно; вопросы, казавшіеся чрезвычайно важными, признаны вдругъ вредными ловушками; Тонкинъ, Аннамъ, Мадагаскаръ сдѣлались ненавистными словами и служатъ чуть ли не ругательствами. Время Жюля Ферри прошло; подняться онъ можетъ только съ какимъ-либо новымъ девизомъ, который съ успѣхомъ замѣнилъ бы истрепанное колоніальное знамя. Ферри отрекся отъ излишнихъ колоній и выставилъ принципъ „объединенія правительственнаго большинства республиканцевъ на почвѣ радикальныхъ реформъ“ — принципъ столь же неопредѣленный, какъ и заманчивый для умѣренныхъ прогрессистовъ. Ферри особенно настаиваетъ на авторитетѣ власти въ республикѣ; но на что должна быть употреблена эта власть и какія реформы стоятъ теперь на очереди,—объ этомъ ораторъ не даетъ точныхъ объясненій. Не болѣе ясныя указанія даются другими дѣятелями. Клемансо отлично критикуетъ и разбиваетъ противниковъ, но выработать свою собственную программу ему не удалось до сихъ поръ; по крайней мѣрѣ его правительственная система мало кому извѣстна. Министры считаютъ долгомъ воздерживаться отъ участія въ выборной агитаціи, чтобы не нарушить свободы избирательнаго движенія; только нѣкоторые члены кабинета, какъ Алланъ-Тарже и

Гобле, пускаются въ арену борьбы на свой собственный страхъ. Способъ выборовъ по департаментскимъ спискамъ будетъ впервые примѣняться теперь на практикѣ; значеніе избирательныхъ комитетовъ неизбѣжно усилится и отдѣльныя партіи явятся, вѣроятно, болѣе сплоченными въ новой палатѣ. Со стороны орлеанистовъ ожидался манифестъ графа Парижскаго, но робкіе слухи объ этомъ планѣ были тотчасъ опровергнуты свѣдущими газетами, указавшими на обычное благоразуміе принцевъ и на нежеланіе ихъ рисковать своими ближайшими интересами ради отдаленныхъ. Программы легитимистовъ и бонапартистовъ всѣмъ извѣстны, и если эти партіи будутъ имѣть серьезное значеніе, то отчасти благодаря временнымъ союзамъ съ членами консервативныхъ „центровъ", занимающихъ среднее мѣсто между монархистами и республиканцами. Выборы 4 октября едва ли измѣнятъ настоящее распредѣленіе французскихъ партій; господствующее нынѣ настроеніе благопріятствуетъ министерству Бриссона-Фрейсинэ.

Парижская печать, освободившись отъ тонкинско-китайскаго кошмара, стала зорко слѣдить за иностранными дѣлами, имѣющими какое-либо отношеніе къ интересамъ и заботамъ сосѣднихъ государствъ, особенно Германіи. Французы злорадствуютъ, видя увлеченіе пруссаковъ колоніальною политикою; они съ удовольствіемъ убѣждаются, что князь Бисмаркъ готовъ ссориться поочередно со всѣми морскими державами, лишь бы закрѣпить за Германіею намѣченные пункты въ разныхъ частяхъ свѣта. Разбрасывая военныя и финансовыя средства по далекимъ колоніямъ, берлинскій кабинетъ такъ или иначе ослабляетъ метрополію; а вступая изъ-за этого въ столкновенія съ другими государствами, онъ создаетъ себѣ затрудненія въ будущемъ. Недавнее занятіе одного изъ Каролинскихъ островов представляетъ любопытный примѣръ необдуманной поспѣшности въ дѣйствіяхъ князя Бисмарка. Эти острова издавна считались принадлежащими Испаніи, хотя и не были фактически заняты представителями испанской власти; тамъ находились испанскіе миссіонеры и поселенцы, управлявшіе сами своими мѣстными дѣлами, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ появились факторіи нѣмецкихъ торговыхъ фирмъ. Вдругъ является къ одному изъ островов германскій военный корабль и, отъ имени германскаго императора, поднимаетъ національное знамя; островъ взятъ подъ защиту могущественной нѣмецкой имперіи. Неизвѣстно, знали ли исполнители этого дѣла о правахъ или притязаніяхъ Испаніи; во всякомъ случаѣ они игнорировали эти права, въ виду отсутствія какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ испанскаго господства. Вѣсть объ этомъ „захватѣ" произвела впечатлѣніе, котораго не ожидали нѣмцы; Мадридъ охваченъ былъ лихорадочнымъ волненіемъ, испанцы заговорили о войнѣ и вся страна проявила

политическую горячность, которую едва возможно было сдерживать въ должныхъ предѣлахъ. Миролюбивыя усилія короля Альфонса грозили подорвать его популярность въ народѣ; многіе выражали желаніе, чтобы король немедленно отказался отъ званія шефа одного изъ уланскихъ нѣмецкихъ полковъ. Возбужденіе доходило до того, что война представлялась естественнымъ и неизбѣжнымъ исходомъ для разгоряченныхъ испанскихъ гидальго. Парижскія газеты по мѣрѣ возможности поддерживали это настроеніе сосѣдней страны; французскія общества стрѣлковъ предлагали испанцамъ свои услуги для организаціи партизанскихъ отрядовъ, и даже Донъ-Карлосъ забылъ на время о своихъ правахъ на испанскій престолъ. Министръ-президентъ Кановасъ-дель-Кастильо очутился въ крайне тяжеломъ положеніи; король Альфонсъ счелъ долгомъ обратиться къ германскому наслѣдному принцу съ личной просьбою объ улаженіи дѣла. Князь Бисмаркъ не могъ сознаться въ ошибкѣ или недосмотрѣ; Германія не могла отступить отъ сдѣланнаго шага,—оставалось только подобрать доказательства въ пользу принятаго рѣшенія и успокоить испанцевъ предложеніемъ третейскаго суда. Въ газетахъ возникла странная полемика, въ которой главное мѣсто отводилось выпискамъ изъ учебниковъ географіи; печатались мнѣнія ученыхъ спеціалистовъ о томъ, что Каролинскіе острова только номинально числятся за Испаніею или что они вовсе никому не принадлежатъ. Оффиціозные берлинскіе органы ставятъ то общее положеніе, что нѣтъ опредѣленной власти безъ фактическаго занятія и что безхозяйными должны быть признаны всѣ мѣстности, гдѣ отсутствуютъ внѣшніе признаки и представители чужого господства. Фактъ ставится тутъ вмѣсто права, и притомъ фактъ берется только въ данный моментъ, безъ связи съ его прошлымъ. Руководствуясь новою теоріею нѣмецкихъ оффиціозовъ, слѣдовало бы признать, что хозяинъ имѣетъ право на вещь только до тѣхъ поръ, пока онъ держитъ ее въ рукахъ; стоило бы только оставить ее безъ присмотра, чтобы право на вещь улетучилось безслѣдно. Разумѣется, для политическаго господства существуютъ другія условія, чѣмъ для владѣнія имуществомъ; но и въ этой сферѣ невозможно допустить безусловное примѣненіе правила, выставленнаго нѣмецкою дипломатіею. Государство можетъ быть настолько либерально, что предоставляетъ своимъ колоніямъ полное самоуправленіе и освобождаетъ ихъ отъ присутствія и контроля представителей метрополіи; неужели эти колоніи будутъ вслѣдствіе этого безхозяйными, доступными произвольному захвату? Нѣмецкіе публицисты прибѣгаютъ къ явной натяжкѣ, истолковывая въ такомъ смыслѣ принципъ фактическаго владѣнія. Для владѣнія нуженъ актъ занятія мѣстности на правахъ самостоятельнаго хозяина; затѣмъ фак-

тическое занятіе вовсе не должно быть постояннымъ и непрерывнымъ для того, чтобы владѣніе сохраняло свою силу. Достаточно было испанцамъ разъ завладѣть Каролинскими островами, чтобы пріобрѣсть на нихъ преимущественное право предъ всякими позднѣйшими захватчиками; требовать же документовъ на владѣніе, какъ это дѣлаютъ нѣмцы, значитъ выворачивать вопросъ на изнанку,—ибо и нѣмцы тѣмъ болѣе не могутъ предъявить никакихъ данныхъ въ пользу своихъ притязаній. Своеобразные доводы берлинскаго кабинета могли только раздражать испанцевъ, привыкшихъ признавать Каролинскіе острова частью испанской монархіи; французскіе и англійскіе публицисты единодушно доказывали произвольность нѣмецкихъ захватовъ, насмѣхаясь надъ школьною софистикою патріотическихъ органовъ германскаго канцлера. Испанія чувствуетъ себя глубоко оскорбленною, и въ ней не скоро изгладится память объ этой обидѣ. Нужно ли было это германской имперіи и ея правителямъ? Стоило ли ради какого-то мелкаго островка возстановить противъ себя безобидную націю, давно уже ни съ кѣмъ не враждовавшую и всецѣло преданную завѣтамъ славнаго прошлаго? Испанцы могутъ оказаться весьма неудобными, въ качествѣ враговъ, и толкать ихъ на путь союза съ Франціею не было бы никакого разсчета со стороны Германіи. Князь Бисмаркъ очевидно можетъ также впасть въ ошибку, и напрасно не допускаютъ этого усердные берлинскіе патріоты. На этотъ разъ промахъ былъ дѣйствительно непріятенъ для нѣмецкой дипломатіи и для искренней части нѣмецкаго общества.

Намъ уже приходилось не разъ говорить о другой сторонѣ колоніальныхъ захватовъ,—о совершенномъ пренебреженіи къ правамъ туземныхъ населеній. Мѣсто считается ничьимъ, когда ни одна изъ европейскихъ державъ не водрузила на немъ своего знамени; природные жители и поселенцы игнорируются, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ,—принимаются въ разсчетъ только интересы немногихъ европейцевъ, представителей какихъ-либо торговыхъ домовъ, связанныхъ съ колоніею одними лишь коммерческими выгодами. Безполезно было бы возражать противъ насилій, дѣлаемыхъ во имя сомнительныхъ торговыхъ предпріятій; захваты признаются законными, когда жертвы ихъ не пользуются формальнымъ покровительствомъ какого-либо могущественнаго европейскаго государства. Это общее начало было отчасти подтверждено на совѣщаніяхъ конференціи по дѣламъ вновь образованныхъ штатовъ Конго; на постановленія этой конференціи ссылается теперь и Германія по вопросу объ условіяхъ занятія свободныхъ пунктовъ въ отдаленныхъ краяхъ.



СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ АНТРОПОЛОГОВЪ.

I.

Продавецъ газетъ въ Берлинѣ, котораго я просилъ собрать для меня тѣ нумера газетъ, въ которыхъ печатались отчеты объ антропологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Карлсруэ 25—27 іюля, обратился ко мнѣ, нѣсколько смущенный, съ слѣдующимъ вопросомъ: Я,—сказалъ онъ,—къ сожалѣнію, не очень свѣдущъ въ научныхъ вещахъ и я бы покорнѣйше просилъ васъ объяснить мнѣ, что такое антропологія?—Я далъ ему кое-какія объясненія и онъ, очевидно, понявъ, въ чемъ дѣло, сдѣлалъ слѣдующій выводъ:

— Значитъ,—сказалъ онъ,—антропологія есть die Garbe, die alles umfasst (снопъ, все обнимающій).

Представляетъ ли нѣчто подобное антропологія въ Германіи, по крайней мѣрѣ насколько она была представлена на съѣздѣ?—Нѣтъ; судя по рефератамъ или, вѣрнѣе, по числу рефератовъ, относящихся, собственно говоря, къ антропологіи, можно сказать, что антропологія въ Германіи въ настоящее время вовсе не понимается въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ она должна пониматься, а исключительно въ смыслѣ археологіи; сюда, конечно, не входитъ археологія, основывающаяся на письменныхъ актахъ и документахъ, но вся та археологія, которая основывается на документахъ вещественныхъ. Иначе говоря, антропологія въ Германіи, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, преимущественно изучаетъ документы, находимые въ землѣ и на поверхности земли, въ видѣ череповъ, орудій, валовъ, могильниковъ, и т. д. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть заглавія читанныхъ на съѣздѣ рефератовъ: „Остатки римскаго владычества въ Богеміи", „До-историческія убѣжища", „Раскопки Шлимана въ Германіи", „Находки желѣзныхъ орудій въ восточной Пруссіи" и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. Рефератовъ, обнимающихъ всю область антропологіи, было въ сущности только два: это—рефератъ профессора Вирхова „О расахъ брюнетовъ и блондиновъ" и рефератъ профессора японскаго университета въ Токіо, Бэльца „О Японіи". Пожалуй, къ этой же области относился отчетъ Шауфгаузена о наблюденіяхъ надъ микроцефалкой, которая демонстрировалась на съѣздѣ, затѣмъ данныя, сообщенныя имъ же объ измѣреніи череповъ великихъ людей. Къ области этнографіи от-

носился исключительно рефератъ пишущаго эти строки, да пожалуй, извѣстная часть реферата профессора Бэльца. Имѣйте въ виду, что этотъ съѣздъ носитъ наименованіе: „съѣзда антропологовъ, этнологовъ и археологовъ", что очевидно задача этихъ съѣздовъ въ Германіи въ настоящее время съузилась, вопреки намѣренію первоначальныхъ его учредителей. Хорошо ли это или дурно? Для Германіи, для нѣмецкой науки въ этомъ съуженіи предѣловъ антропологіи, конечно, временномъ, а не постоянномъ, ничего зловреднаго нѣтъ. Дѣло въ томъ, что область этнографіи собственно нѣмецкой сильно разработана. Нѣтъ области, нѣтъ мѣста, хотя бы самаго маленькаго, которое не изучено по отношенію къ языку, нравамъ, обычаямъ, пѣснямъ и т. д. Въ этой области сдѣлано очень много и помимо съѣздовъ.

Вѣдь еще въ 1828 году напечатанъ фундаментальный трудъ Гримма, его извѣстные „Rechtsalterthümer". Очевидно, съѣздъ долженъ былъ направить свои усилія къ тому, чтобы углубить изученіе той области антропологіи, которая безъ съѣздовъ оставалась бы мало разработанной, т.-е. онъ долженъ былъ направить свои усилія къ тому, чтобы разрыть вдоль и поперегъ почву Германіи для отысканія разсѣянныхъ въ нѣдрахъ ея остатковъ прежней до-исторической и исторической жизни. И въ этомъ отношеніи, надо сказать правду, съѣзды достигли многаго и очень многаго. Каждый годъ съѣзды назначаются то въ той, то въ другой мѣстности и въ теченіе промежутка времени, проходящаго отъ одного съѣзда до другого, т.-е. въ теченіе года, всѣ усилія мѣстныхъ любителей старины направляются къ тому, чтобы открыть и собрать всю старину, существующую въ этой мѣстности, причемъ всѣ эти находки наносятся на карты, и такимъ образомъ на съѣздѣ вы имѣете возможность ознакомиться съ тѣмъ, насколько данная мѣстность изучена по отношенію къ археологическимъ остаткамъ. Такихъ картъ уже составлено много и теперь, какъ это заявлено было на съѣздѣ, предпринимается изготовленіе одной мѣстной до-исторической карты. Въ настоящее время вся груда собраннаго матеріала представляетъ матеріалъ, въ значительной мѣрѣ необработанный, въ смыслѣ обобщеній. Нѣкоторые выводы относительно переселеній сдѣланы, конечно, на основаніи этихъ остатковъ, но несомнѣнно, что выводы сами собою будутъ напрашиваться въ то время, когда будетъ составлена полная карта всѣхъ остатковъ древности и будутъ опредѣлены на всемъ протяженіи Германіи всевозможныя наслоенія этихъ остатковъ. Такимъ образомъ для Германіи, повторяю, съуженіе предѣловъ антропологіи въ теченіе даннаго, опредѣленнаго времени не представляетъ ничего вреднаго. Эта спеціализація въ извѣстной области антропологіи приписывается въ Германіи вліянію Вирхова. Въ этомъ

мнѣніи есть значительная доля правды. Но несомнѣнно, что Вирховъ въ этомъ случаѣ руководствуется не столько своими симпатіями, сколько дѣйствительными интересами антропологической науки въ Германіи. Самъ онъ, какъ я уже сказалъ, представилъ рефератъ, обнимающій почти всю область антропологіи.

Примѣръ Германіи не можетъ, конечно, служить образцомъ для насъ; если мы въ чемъ-либо и можемъ специализироваться на нѣкоторое время, то развѣ въ области этнографіи. Таково не только мое личное мнѣніе, но и мнѣніе представителей науки въ Германіи. Между прочимъ, профессоръ Бастіанъ въ разговорахъ со мною нѣсколько разъ указывалъ на то, что на Россіи, какъ и на Англіи, лежитъ обязанность все болѣе и болѣе расширять область этнографіи и очень просто потому, что это вызывается интересами страны и государства. Интересы и служили стимуломъ возникновенія этнографическаго изученія въ Англіи. Они должны содѣйствовать возможно большему усиленію этого изученія и въ Россіи, представляющей собою, даже помимо новыхъ пріобрѣтеній въ Азіи, массу народностей, соприкасающихся другъ съ другомъ и вліяющихъ другъ на друга. Настоятельная необходимость усиленія изученія этнографіи указана уже довольно подробно и убѣдительно А. Н. Пыпинымъ. Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, у меня нѣтъ подъ рукою статьи А. Н. и потому я не помню, указалъ ли онъ на одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ моментовъ для изученія этнографіи въ настоящее время въ Россіи. Правительство, очевидно, сознавая важность изученія этнографіи въ Россіи, при изданіи новаго университетскаго устава, учредило каѳедру географіи и этнографіи. Прошелъ уже годъ почти, какъ новый уставъ введенъ, а между тѣмъ, каѳедры эти не замѣщены и вѣроятно пройдетъ еще много лѣтъ до тѣхъ поръ, пока эти вакантныя каѳедры будутъ замѣщены. Мы позволяемъ себѣ дѣлать такое предсказаніе въ виду того, что, какъ намъ приходилось слышать, нѣкоторые университеты предъявляютъ экстраординарныя требованія къ лицамъ, выражающимъ желаніе принять на себя преподаваніе этихъ предметовъ. Отъ нихъ требуются математическія и историко-филологическія свѣденія и притомъ въ объемѣ факультетскаго курса, не говоря уже о необходимости основательнаго знанія географіи, этнографіи, антропологіи и археологіи. Очевидно, что такія требованія могутъ повести лишь къ тому, что эти каѳедры просуществуютъ цѣлые десятки лѣтъ только на бумагѣ и не окажутъ, конечно, никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе этихъ столь необходимыхъ, именно въ Россіи, наукъ. Для того, чтобы удовлетворить назрѣвшую потребность въ преподаваніи географіи и этнографіи, остается, конечно, прибѣгнуть къ наличнымъ силамъ, уже существующимъ въ странѣ, и возложить на нихъ преподаваніе хотя бы

части предмета, не задаваясь при этомъ требованіями, которымъ едва ли кто, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, способенъ удовлетворить.

II.

Въ теченіе десяти лѣтъ въ Германіи и смежныхъ странахъ: Австро-Венгріи, Швейцаріи, Даніи, Бельгіи, производилась перепись посѣщающихъ учебныя заведенія дѣтей, по отношенію къ цвѣту волосъ, глазъ, кожи. Всѣ эти данныя собраны въ настоящее время Вирховомъ и дали ему возможность составить двѣ карты этихъ странъ, изъ которыхъ на одной посредствомъ красокъ изображена густота населенія, принадлежащаго къ расѣ блондиновъ, а на другой—къ расѣ брюнетовъ. Вирховъ считаетъ достаточными данныя, собранныя въ этихъ странахъ, для того, чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ. Желательно было бы, по его мнѣнію, лишь восполненіе одного пробѣла и при томъ на востокѣ Европы. Я передамъ здѣсь высказанное имъ желаніе. Выдержка изъ его рѣчи, относящаяся къ этому предмету, доставлена мнѣ по желанію Вирхова стенографомъ. „Для насъ,—сказалъ онъ,—было бы весьма важно восполненіе большого пробѣла, представляемаго русской Польшей въ виду того, что въ Галиціи обнаружились весьма замѣчательныя отношенія по вопросу о расахъ. Я пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать здѣсь желаніе о восполненіи этого пробѣла. Въ настоящее время, какъ мнѣ извѣстно, въ Варшавѣ сильно занимаются антропологіею, причемъ въ разработкѣ ея принимаютъ участіе многія силы. И я надѣюсь, что желаніе, которое высказано здѣсь мною, произведетъ извѣстное вліяніе и мы будемъ въ состояніи въ скоромъ времени восполнить указанный пробѣлъ“.

Цифровыя данныя о соотношеніи между брюнетами, блондинами и смѣшанной расой, Вирховъ сообщилъ только по отношенію къ Германіи. По отношенію къ другимъ странамъ онъ ограничился, къ сожалѣнію, только общими описаніями, не приводя цифровыхъ данныхъ. Всѣ эти данныя имѣются, впрочемъ, въ его изслѣдованіи, которое выйдетъ отдѣльно. Мы сообщимъ здѣсь результаты, къ которымъ пришелъ Вирховъ, въ той формѣ, какъ они даны имъ на съѣздѣ. Въ Германіи 31% всего населенія принадлежитъ къ расѣ блондиновъ, 14% къ расѣ брюнетовъ и свыше 54% къ смѣшанной расѣ, которая подходитъ то къ черноглазой и черноволосой расѣ, то къ бѣлокурой и голубоглазой расѣ. Понятно, что типъ блондиновъ господствуетъ болѣе на сѣверѣ этихъ странъ, а типъ брюнетовъ на югѣ. Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее: на сѣверѣ Германіи, Бельгіи и Ютландскаго полуострова, раса блондиновъ представ-

ляетъ большую составную часть населенія въ западной и гораздо меньшую въ восточной части этой полосы. (Любопытно, что въ этихъ странахъ и среди евреевъ является сравнительно бо́льшее количество блондиновъ, 11%. Брюнеты среди еврейскаго населенія составляютъ 42%, а остальные принадлежатъ къ смѣшанной расѣ). На сѣверѣ Германіи есть мѣстности, въ которыхъ элементъ брюнетовъ представляетъ только 4%, между тѣмъ, какъ блондины въ тѣхъ же мѣстахъ достигаютъ 56%. Смѣшанная форма сильнѣе всего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вюртемберга; меньше всего она представлена въ Вальдесгаузенѣ и въ Ширельбейнѣ и выражается 40%. Саксонско-фрисландское населеніе представляетъ наибольшую цифру блондиновъ. На югѣ населеніе состоитъ изъ франковъ, принадлежащихъ къ типу брюнетовъ. Переселенія франковъ изъ Галліи во времена каролинговъ объясняютъ, по мнѣнію Вирхова, длинную полосу типа брюнетовъ. Значительное количество блондиновъ, существующее на югѣ Германіи, показываетъ, что саксонско-фрисландское населеніе проникало далеко на югъ, вплоть до Вюртемберга и средней Швейцаріи (до кантона Тессина). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что граница между преобладающимъ населеніемъ блондиновъ совпадаетъ въ Германіи съ границею двухъ діалектовъ языка, такъ называемыхъ верхне-нѣмецкаго и нижне-нѣмецкаго. Преобладаніе типа брюнетовъ на крайнемъ востокѣ и западѣ Швейцаріи показываетъ, что первоначальное населеніе этихъ мѣстъ сохранилось вплоть до настоящаго времени. Любопытно также отношеніе между расами въ Тиролѣ, Каринтіи, Крайнѣ и Штиріи, т.-е. въ тѣхъ мѣстахъ, которыя во времена римскаго владычества назывались провинціею Норикой. Здѣсь первоначальное населеніе и позднѣйшее населеніе германское отличаются другъ отъ друга по цвѣту волосъ и кожи. То же самое отражается въ Богеміи, гдѣ нѣмецкое населеніе представляетъ типъ блондиновъ, а чешское населеніе типъ брюнетовъ. Какимъ образомъ славяне, которые, подобно саксамъ, несомнѣнно принадлежали къ расѣ блондиновъ, являются брюнетами? Вирховъ полагаетъ, что видоизмѣненіе типа произошло отъ смѣшенія съ какою-нибудь другою расою брюнетовъ,—съ кельтами между прочимъ.

Трудно объяснить также, какимъ образомъ франки и алеманны, въ свою очередь, представляютъ типъ брюнетовъ; трудно объяснить, наконецъ, появленіе въ Швейцаріи цѣлыхъ островов, принадлежащихъ къ особому типу—сѣрому. Въ Унтервальденѣ всего 2% блондиновъ, брюнетовъ не больше 20% или 16%; и такимъ образомъ три четверти населенія принадлежитъ къ расѣ съ сѣрыми глазами. Профессоръ Кольманъ, въ виду этого, предложилъ признать самостоятельную расу—сѣрую. Вирховъ допускаетъ такую расу для нынѣшняго времени, но предполагаетъ, что она обязана своимъ возникновеніемъ

смѣшенію двухъ расъ, столь законченному, что это смѣшеніе представляетъ въ настоящее время особую, самостоятельную прочную расу, передающую свои черты неизмѣнно потомству.

Упомяну еще о замѣчаніяхъ Вирхова, сдѣланныхъ по отношенію къ типу населенія въ Галиціи. Тамъ, сказалъ онъ, разница по цвѣту волосъ и глазъ замѣчается не только между національностями, въ видѣ поляковъ или русиновъ, но и между мелкими племенными группами (Stämme), входящими въ составъ этихъ болѣе широкихъ національныхъ группъ. Подробныя цифровыя данныя, относящіяся къ Галиціи и вообще къ славянамъ, представили бы несомнѣнно большой интересъ для русской публики. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ только тѣми данными, которыя были приведены въ рѣчи Вирхова.

Къ сказанному до сихъ поръ прибавлю только, что этими данными, очевидно, если не вполнѣ сокрушается, то значительно ослабляется извѣстная теорія, по которой морфологически, внутренно, такъ сказать, югъ побѣждаетъ сѣверъ, брюнеты—блондиновъ. Смѣшеніе расъ ведетъ, очевидно, не къ побѣдѣ одного элемента надъ другимъ, а къ образованію смѣшанной расы,—той расы, которую профессоръ Кольманъ желаетъ называть сѣрою.

Перехожу къ реферату профессора Бэльца, который долженъ быть поставленъ рядомъ съ рефератомъ Вирхова какъ по богатству новаго фактическаго матеріала, такъ и по характеру выводовъ и обобщеній.

Докладчикъ, сгруппировавъ много частностей, каждый разъ при этомъ указывалъ на отношенія ихъ къ общепризнаннымъ научнымъ положеніямъ. Благодаря сообщеннымъ имъ даннымъ, многія изъ этихъ положеній должны быть подвергнуты болѣе тщательной провѣркѣ.

Прежде всего онъ остановился на расовомъ элементѣ японскаго населенія и указалъ, между прочимъ, на то, какъ противорѣчивы заключенія, къ которымъ приходятъ разные наблюдатели. Между прочимъ, по отношенію къ племени айновъ, оказывается, что одинъ изъ этихъ наблюдателей, Деницъ, видѣлъ нѣчто совершенно противоположное тому, что видѣлъ другой, Шрейберъ. Впрочемъ, айны играютъ весьма ничтожную роль въ японскомъ населеніи. Они, по мнѣнію референта, весьма сходны съ типомъ русскаго населенія Сибири. Японцы же принадлежатъ къ монгольской или малайской расѣ, между которыми референтъ не находитъ существенныхъ отличій. Японцы весьма сходны съ евреями, хотя они, конечно, не родственны евреямъ. Тѣмъ не менѣе мѣстомъ родины японцевъ является Месопотамія. Въ пользу этого предположенія говоритъ, между прочимъ, сходство ихъ письма съ акадійскимъ... Такъ какъ у японцевъ нѣтъ сказаній о потопѣ, то референтъ полагаетъ, что они выселились изъ Месопотаміи въ очень отдаленныя отъ насъ времена. За-

служиваетъ вниманія голубое пигментированное пятно на os sacrum или плечѣ, или рукѣ, съ которымъ каждое дитя въ Японіи является на свѣтъ. Это пятно есть уже у четырехмѣсячнаго зародыша и исчезаетъ въ болѣе поздніе годы. Есть ли это признакъ происхожденія человѣка отъ болѣе низшей животной породы, этого референтъ не рѣшаетъ.

Любопытны наблюденія профессора Бэльца надъ вліяніемъ растительной пищи. Вообще въ низшихъ классахъ японскаго населенія преобладаетъ потребленіе растительной пищи, въ особенности риса, между тѣмъ, какъ высшій классъ потребляетъ рыбу и мясо. Низшіе классы представляютъ собою замѣчательно крупные экземпляры по физической организаціи. Этого мало, въ Японіи есть классъ людей, которые занимаются перевозкой людей и тяжестей. Они въ состояніи пробѣжать рысью отъ 60 до 70 километровъ въ день и при этомъ промежутки, которые они дѣлаютъ для ѣды, весьма незначительны. Они подходятъ къ ближайшему колодцу, обливаютъ все тѣло ведромъ воды, проглатываютъ весьма быстро извѣстную порцію вареннаго рису и затѣмъ сейчасъ же снова приступаютъ къ отправленію своихъ обязанностей; наполненный такою пищею желудокъ не мѣшаетъ передвиженію. Изъ этого и многихъ другихъ наблюденій профессоръ Бэльцъ приходитъ къ заключенію, что, очевидно, для рабочаго человѣка растительная пища является наиболѣе подходящей: она легче переваривается, менѣе обременяетъ желудокъ и въ то же время въ достаточной мѣрѣ возмѣщаетъ убыль физической силы [1]). Среди низшихъ классовъ Японіи еще до настоящаго времени существуетъ татуировка. Она производится почти безболѣзненно, и ловкій татуировщикъ въ состояніи въ теченіе одной минуты сдѣлать около пяти или шести тысячъ уколовъ. Благодаря этому обстоятельству и пріѣзжающіе туда европейцы, въ особенности моряки, очень охотно подвергаются этой операціи. Японское правительство, воспретивъ татуировку, приказало забирать въ участокъ всѣхъ татуированныхъ, при этомъ оно очутилось въ очень курьезномъ положеніи во время пріѣзда принца Уэльскаго, который, когда онъ прибылъ въ Японію, первымъ дѣломъ велѣлъ прислать себѣ татуировщика. Впрочемъ, татуировка у японцевъ производится не на обнаженныхъ частяхъ тѣла (низшіе классы до сихъ поръ еще не одѣты или полураздѣты), какъ это дѣлаютъ всѣ первобытные народы, а напротивъ, на скрытыхъ одеждою. Цвѣтъ кожи у японцевъ весьма сходенъ съ цвѣтомъ кожи испанцевъ и итальянцевъ. Особенною отличительною чертою японцевъ, какъ и вообще восточно-азіатскихъ народовъ, отъ европей-

---

[1]) Русскіе читатели знаютъ, что эти наблюденія совпадаютъ съ наблюденіями А. Н. Энгельгардта.

цевъ слѣдуетъ считать длинное туловище. И это, по мнѣнію референта, является наиболѣе характернымъ расовымъ признакомъ. Ноги ихъ короче половины туловища. Многіе считаютъ отличительною чертою японцевъ выдающуюся лицевую кость. Но это, по мнѣнію референта, обманъ зрѣнія, происходящій отъ того, что верхняя челюсть у японцевъ нѣсколько иначе искривлена, чѣмъ у европейцевъ.

Однимъ изъ существенныхъ вопросовъ въ антропологіи является вопросъ о скрещиваніи въ средѣ близкихъ родственниковъ. Профессоръ Бэльцъ сообщалъ свои наблюденія и по этому предмету. Оказывается слѣдующее. Въ Японіи существуетъ маленькій островокъ, населенный двумя или тремя стами человѣкъ. Островокъ этотъ почти изолированъ, такъ что туда въ теченіе 300 лѣтъ, какъ констатировано самымъ точнымъ образомъ, не проникло ни одной капли свѣжей крови. Скрещиваніе происходитъ только среди лицъ, принадлежащихъ къ населенію острова и не только не ведетъ ни къ какимъ печальнымъ, по отношенію къ здоровью, послѣдствіямъ, но жители оказываются здоровыми, крѣпкими и умственно развитыми, а приростъ населенія за послѣднія одиннадцать лѣтъ составляетъ 8%, хотя въ послѣдніе годы происходила эмиграція значительнаго числа жителей. Вообще о вырожденіи при этихъ данныхъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Если вспомнить о брачномъ сожитіи братьевъ и сестеръ въ Сіамѣ, Перу, Кореѣ и древнемъ Египтѣ, то очевидно, что эти факты должны вызвать скептицизмъ по отношенію къ общепризнанному вреду скрещиванія среди близкихъ родственниковъ. Надо думать, что вредныя послѣдствія обнаруживаются лишь тогда, когда скрещивающіеся субъекты обладаютъ предрасположеніемъ къ извѣстнымъ болѣзнямъ. Въ такихъ случаяхъ, конечно, это предрасположеніе усиливается.

Референтъ обратилъ также вниманіе на результаты скрещиванія между японцами и европейцами. Насколько ему удалось подмѣтить, дѣти отъ такихъ браковъ обыкновенно красивы, но въ настоящее время вообще еще трудно судить точнымъ и достовѣрнымъ образомъ о результатахъ этихъ скрещиваній, такъ какъ факты этого рода еще весьма недостаточны.

Изъ рефератовъ, относящихся къ области антропологіи въ собственномъ смыслѣ, упомяну еще о демонстрированіи микроцефалки профессоромъ Шауфгаузеномъ. Ей теперь пятнадцать лѣтъ. Надъ нею производятся наблюденія съ самаго дѣтства. У нея вовсе нѣтъ полушарій и извилинъ въ мозгу. Въ физическомъ отношеніи она вполнѣ здорова, но въ умственномъ отношеніи представляетъ собою идіота. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время у нея пробуждается чувство привязанности къ матери. Въ области языка она ограничивается двумя

словами „папа“ и „мама“. Въ прежніе годы она была гораздо болѣе подвижна, въ настоящее же время она оказывается спокойной. Въ прежнее время у нея бывали слизетеченія, но въ настоящее время они совершенно прекратились. Вообще она любитъ чистоту и смотритъ за собою въ этомъ отношеніи. Очевидно, слѣдовательно, что всѣ физическія отправленія могутъ очень удобно совершаться при отсутствіи верхнихъ полушарій, которыя являются необходимымъ условіемъ лишь для интеллектуальной жизни. Профессоръ Шауфгаузенъ не преминулъ указать при этомъ случаѣ на несостоятельность теоріи Фохта, по которой микроцефалы представляютъ собою возвращеніе къ тому антропоиду, который долженъ считаться нашимъ предкомъ. Какъ извѣстно, обезьяны представляютъ собою гораздо высшую умственную организацію сравнительно съ микроцефалами.

Изъ рефератовъ по археологіи я могу здѣсь упомянуть только о раскопкахъ Шлимана. Эти раскопки, воскресившія предъ нами древнегреческую жизнь въ самыхъ первобытныхъ ея формахъ, интересуютъ весь міръ. Къ сожалѣнію, онѣ у насъ не обратили на себя достодолжнаго вниманія. Я не могу здѣсь восполнить этого пробѣла, такъ какъ пришлось бы коснуться не только реферата Шлимана на съѣздѣ, но и напечатанныхъ его работъ. Шлиману, какъ извѣстно, кромѣ Микенъ, удалось раскопать въ Арголидѣ, въ Тиринсѣ, цѣлый древній греческій дворецъ со всѣми его составными частями. При этомъ найдена цѣлая масса скрытыхъ въ землѣ болѣе тысячи лѣтъ сосудовъ и стѣнныхъ орнаментовъ. Въ теченіе послѣдняго года ему удалось открыть крѣпостной валъ, окружавшій этотъ дворецъ, и вотъ о немъ-то и шла рѣчь на съѣздѣ. Я не стану приводить здѣсь подробностей постройки, скажу лишь, что она принадлежитъ къ циклопическимъ, т.-е. состоитъ изъ каменныхъ плитъ, нагроможденныхъ другъ на другѣ, съ промежутками, наполненными мелкими каменьями и землею. По характеру построекъ, а также сосудовъ, найденныхъ въ громадномъ количествѣ, Шлиманъ приходитъ къ заключенію, что раскопанный имъ Тиринсъ, точно такъ же какъ и Микены, вполнѣ сходны съ типомъ карѳагенскихъ построекъ и очевидно представляли собою финикійскія колоніи.

III.

Вотъ уже шестнадцать лѣтъ какъ въ Германіи ежегодно происходятъ съѣзды антропологовъ, и если принять даже, что только два-три реферата изъ всѣхъ читанныхъ на съѣздѣ представляютъ собою выдающіяся въ научномъ отношеніи явленія, то очевидно, что эти съѣзды во всякомъ случаѣ должны обогащать науку. У насъ нѣтъ съѣздовъ антропологовъ, но есть съѣзды археологовъ, къ сожалѣнію

происходящіе только разъ въ три года, и понятно, что такая рѣдкость съѣздовъ едва ли можетъ сильно содѣйствовать научному творчеству. Впрочемъ, въ настоящее время приходится опасаться за самое существованіе этихъ съѣздовъ, такъ какъ со смертью графа Уварова, исчезла самая сильная опора ихъ.

Мы останавливались до сихъ поръ на научной сторонѣ дѣятельности съѣзда, но не можемъ не указать здѣсь и на общественное значеніе его. И въ ученой Германіи, конечно, очень немногіе интересуются результатами антропологическихъ изслѣдованій въ той научной формѣ, въ какой они предлагаются на съѣздахъ. Очевидно, для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными для массы населенія, необходимо сообщать эти результаты въ нѣсколько болѣе популярной формѣ. Это именно и сдѣлалъ предсѣдатель съѣзда, профессоръ Шауфгаузенъ, причемъ онъ указалъ на то, какъ антропологія относится къ общепринятымъ воззрѣніямъ, которыя доставляютъ пищу національному тщеславію и питаютъ народное суевѣріе. Какъ незыблемый результатъ антропологическихъ изслѣдованій, онъ выставилъ фактъ постепеннаго развитія человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Онъ указалъ при этомъ на взаимодѣйствіе всѣхъ національностей въ выработкѣ культуры, причемъ счелъ нужнымъ сокрушить національное тщеславіе, выражающееся въ томъ, что мы, дескать, нѣмцы, являемся носителями цивилизаціи. „Нѣтъ такого народа,—сказалъ онъ,—который могъ бы считать себя носителемъ цивилизаціи, и не будь римлянъ, не было бы нынѣшней нѣмецкой культуры. Да и присутствіе элементовъ гальскихъ, къ которымъ относятся такъ враждебно въ настоящее время, въ этой культурѣ несомнѣнно. Извѣстное мнѣніе, что не-культурные народы исчезаютъ отъ соприкосновенія съ цивилизаціею, есть нелѣпость. Это исчезновеніе есть результатъ не-культурнаго обращенія съ этими народами, но отнюдь не результатъ воздѣйствія культуры“. Этимъ положеніемъ, конечно, сокрушается то мнѣніе, по которому якобы существуютъ народы, вовсе не воспріимчивые къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ.

Былъ на съѣздѣ еще одинъ инцидентъ, который далъ возможность Вирхову нанести ударъ, и притомъ довольно чувствительный, національному шовинизму и теоріямъ германской „самобытности“. Выступилъ молодой человѣкъ, докторъ Вильзеръ, съ теоріею, по которой арійскіе народы пришли не изъ Индіи, а изъ Скандинавіи, причемъ это скандинавское населеніе несомнѣнно было и осталось до сихъ поръ германскимъ. Первоначальное германское населеніе Скандинавіи разошлось-де по разнымъ странамъ, причемъ, по мнѣнію референта, кельты, славяне и многіе другіе народы въ свою

очередь составляютъ одну изъ вѣтвей германской расы. Въ наиболѣе чистомъ видѣ, конечно, германская раса сохранилась въ лонѣ Германіи. „Германцы,—говоритъ онъ, между прочимъ, въ своемъ сочиненіи, Die Herkunf der Deutschen",—суть именно тотъ народъ, который на развалинахъ распадающихся государствъ основывалъ новыя, вливалъ сильную и свѣжую кровь въ организмъ устарѣвшихъ народовъ. Германцы, это именно тотъ народъ, который и въ настоящее время стремится овладѣть всѣмъ міромъ". Подобные же доводы приводилъ авторъ и въ своей декламаціи на съѣздѣ и вообще сильно билъ на патріотизмъ своихъ соотечественниковъ. Професоръ Вирховъ не могъ удержаться, чтобы не выступить вслѣдъ за референтомъ и показать всю зловредность той методы, которая въ дѣлѣ изысканія научной истины опирается на дурномъ, ложно понятомъ, фальшивомъ патріотизмѣ и на желаніи, во что бы то ни стало, выставить свой народъ избраннымъ народомъ. Выселились ли народы изъ Индіи или изъ какого-либо другого мѣста, это, конечно, еще не рѣшено. Но для того, чтобы доказать происхожденіе всѣхъ европейскихъ народовъ изъ Скандинавіи, въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ самой Скандинавіи дѣло вовсе не такъ просто, какъ это кажется референту. Тамъ констатировано нѣсколько культуръ, объясняемыхъ не иначе, какъ послѣдовательнымъ появленіемъ новыхъ группъ населенія съ юга. Затѣмъ данныя, собранныя въ его докладѣ о блондинахъ и брюнетахъ, указываютъ на типическое отличіе по крайней мѣрѣ между двумя расами, изъ которыхъ составилось населеніе Германіи и Европы, и даютъ основаніе умозаключать о движеніяхъ народовъ не изъ Скандинавіи, а изъ другихъ мѣстъ. Вирховъ обыкновенно говоритъ очень спокойно и хладнокровно, но на этотъ разъ, возражая юному нѣмецкому „самобытнику", онъ дошелъ до паѳоса и наносилъ жестокіе удары всѣмъ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ строить научныя теоріи не на основаніи научныхъ данныхъ, а на основаніи внушеній чувствъ и національнаго тщеславія. Онъ признавалъ такой способъ дѣйствія подсѣкающимъ въ самомъ корнѣ возможность научнаго развитія и поэтому относился безпощадно къ представителю такихъ стремленій въ области антропологіи.

М. Кулишеръ.



НОВЫЙ ТОМЪ КНИГИ МАРКСА.

Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, von Karl Marx. Zweiter Band. Buch II: Der Cirkulationsprocess des Kapitals. Hamburg, 1885.

Поклонники Маркса, какъ ученаго экономиста, будутъ сильно разочарованы вышедшимъ нынѣ вторымъ томомъ знаменитаго труда о „Капиталѣ". Крайняя сухость и отвлеченность изложенія, отсутствіе литературныхъ и фактическихъ указаній, утомительная растянутость аргументаціи и общій недостатокъ системы,—все это дѣлаетъ чтеніе настоящей книги тяжелымъ подвигомъ даже для спеціалиста. Первый томъ „Капитала" читается также съ трудомъ: безконечныя разсужденія о цѣнности отзываются духомъ схоластики; неудачные примѣры, въ родѣ обмѣна холста на сюртукъ, разбираются на десяткахъ страницъ съ невыносимыми повтореніями,—но за то читатель найдетъ тамъ много новаго и оригинальнаго, массу любопытныхъ свѣдѣній фактическихъ и научныхъ, подробную критику спеціальной литературы предмета и нѣкоторыя важныя поправки къ существующимъ экономическимъ ученіямъ. Ничего подобнаго не представляетъ вторая часть, приготовленная къ печати давнишнимъ сотрудникомъ и другомъ покойнаго автора, Фридрихомъ Энгельсомъ. Трудъ читателя не окупается въ данномъ случаѣ ни новизною выводовъ, ни смѣлостью и рѣзкостью критики; авторъ, большею частью, повторяетъ мысли, высказанныя въ первомъ томѣ, и пользуется почти исключительно методомъ абстрактной діалектики. Анализъ обращенія капиталовъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, имѣетъ безспорно научный интересъ; не мало мѣткихъ замѣчаній разсѣяно въ различныхъ главахъ, по вопросамъ болѣе или менѣе сложнымъ и запутаннымъ, — однако, въ цѣломъ книга производитъ впечатлѣніе чего-то недодѣланнаго, туманнаго и отрывочнаго.

Издатель Энгельсъ объясняетъ въ предисловіи, что матеріаломъ для второго тома послужило нѣсколько рукописей, составленныхъ въ разное время и имѣющихъ отчасти характеръ набросковъ; нѣкоторыя только главы получили окончательную обработку для печати. Энгельсу пришлось самому выбирать и распредѣлять рукописи, приводить ихъ въ порядокъ, дѣлать въ нихъ необходимыя вставки и редакціонныя измѣненія. Задача выполнена издателемъ съ несомнѣннымъ стараніемъ; особое отношеніе его къ памяти автора характеризуется

уже тѣмъ обстоятельствомъ, что предисловіе подписано въ „день рожденія Маркса“. Рукописи, находящіяся въ распоряженіи Энгельса, относятся преимущественно къ шестидесятымъ годамъ; весьма немногое писано позднѣе, около 1877 года. Матеріалъ для третьяго тома, имѣющаго выйти въ свѣтъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приготовленъ еще до выхода въ свѣтъ первой книги „Капитала“, въ 1864 и 1865 годахъ; сверхъ того, издатель предполагаетъ напечатать, въ видѣ четвертаго тома, разборъ теорій о прибавочной цѣнности, написанный въ 1861—63 годахъ.

Такимъ образомъ, все новѣйшее движеніе нѣмецкой экономической литературы остается незатронутымъ трудами Маркса. Покойный авторъ продолжалъ воевать съ „младенческой“ буржуазной экономіею, давно уже утратившею всякое серьезное значеніе, и совершенно игнорировалъ многія капитальныя работы, появившіяся какъ до изданія „Капитала“ въ 1867 году, такъ и послѣ. Марксъ часто останавливается на мнѣніяхъ Адама Смита и подвергаетъ ихъ суровой критикѣ; онъ ссылается также на болѣе раннихъ основателей современной экономической науки—на Кенэ и Тюрго; это и понятно: безъ Адама Смита и физіократовъ не обойдется ни одинъ трактатъ по политической экономіи. Но почему Марксъ считалъ нужнымъ разбирать и осмѣивать взгляды такихъ основательно забытыхъ писателей, какъ Рамзай и Дестютъ-де-Траси, при полномъ пренебреженіи къ болѣе вѣскимъ и новымъ изслѣдованіямъ—это остается неизвѣстнымъ. Трудно объяснить случайностью выборъ того или другого автора, какъ объекта критической оцѣнки. Какъ понять, напримѣръ, молчаніе о Родбертусѣ, писавшемъ съ 1842 года и имѣвшемъ уже громкое имя ко времени выхода перваго тома „Капитала“? Марксъ не упоминаетъ о сочиненіяхъ фонъ-Тюнена, заключающихъ въ себѣ математическій анализъ отношеній между капиталомъ и трудомъ, а вдается охотно въ полемику съ популярными теоріями Жана-Батиста Сэя, которыхъ никто не держится въ настоящее время. Марксъ упомянулъ о Лассалѣ только для того, чтобы обвинить его въ заимствованіяхъ и искаженіяхъ, хотя Лассаль вовсе не претендовалъ на роль самостоятельнаго экономиста-теоретика. Отношеніе Маркса къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ современной ему экономической литературы обнаруживало какую-то систему, которую Энгельсъ пытается теперь отрицать относительно Родбертуса.

Объясненіе Энгельса по этому поводу весьма любопытно. Въ книгѣ Рудольфа Мейера о борьбѣ четвертаго сословія было впервые указано, что Марксъ заимствовалъ свою критику капитализма отчасти изъ трудовъ Родбертуса. Самъ Родбертусъ заявлялъ въ своихъ письмахъ, что Марксъ воспользовался его сочиненіемъ, вышедшимъ въ

1842 году, безъ надлежащей на него ссылки. „Какъ образуется прибавочная цѣнность, присвоиваемая капиталистомъ,—это я показалъ въ своемъ третьемъ соціальномъ письмѣ (въ 1851 году) такъ же точно какъ Марксъ, но только короче и яснѣе его",—говорится въ одномъ письмѣ къ Рудольфу Мейеру. По словамъ Энгельса, Марксъ не подозрѣвалъ объ этихъ обвиненіяхъ его въ плагіатѣ. Издатель приводитъ довольно оригинальные доводы для очищенія автора отъ всякихъ подозрѣній. „Принадлежавшій Марксу экземпляръ книги Мейера о рабочемъ классѣ былъ разрѣзанъ только въ той части, которая касается международнаго рабочаго союза; остальное я разрѣзалъ уже послѣ его смерти (!). Вся литературная дѣятельность Родбертуса, какъ я знаю положительно, была неизвѣстна Марксу до 1859 года, когда его собственная критика политической экономіи была уже готова не только въ главныхъ чертахъ, но и въ подробностяхъ. Онъ началъ свои экономическія занятія въ Парижѣ въ 1843 году, подъ руководствомъ великихъ англичанъ и французовъ; изъ нѣмцевъ онъ зналъ только Рау и Листа, и этого было съ него достаточно. Ни Марксъ, ни я не знали ничего о существованіи Родбертуса до тѣхъ поръ, пока не пришлось намъ въ 1848 году въ „Новой Рейнской Газетѣ" разбирать его рѣчи и дѣйствія, какъ берлинскаго депутата и министра. Мы были столь несвѣдущи, что обращались къ рейнскимъ депутатамъ съ вопросомъ, кто такой этотъ Родбертусъ, столь внезапно назначенный министромъ. Но и эти лица не имѣли понятія объ экономическихъ сочиненіяхъ Родбертуса. Только черезъ Лассаля узналъ Марксъ около 1859 года, что существуетъ экономистъ Родбертусъ, и нашелъ его третье соціальное письмо" въ Британскомъ музеѣ". Такъ утверждаетъ Энгельсъ, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ правдивости его разсказа.

Что долженъ подумать читатель, присутствуя при подобныхъ спорахъ? Можетъ ли считаться серьезною та наука, въ которой каждый изслѣдователь дѣйствуетъ особнякомъ и открещивается отъ знакомства съ чужими работами? Положеніе Маркса, какъ ученаго, едва ли выигрываетъ отъ того, что онъ не зналъ писателей, извѣстныхъ всякому интересующемуся политико-экономическою литературою. Быть можетъ, сочиненія Родбертуса не заслуживаютъ репутаціи, выпавшей на ихъ долю; но невозможно относиться къ нимъ пренебрежительно, какъ это дѣлаетъ Энгельсъ. Послѣдній прибѣгаетъ къ страннымъ натяжкамъ для превознесенія заслугъ Маркса и для уничтоженія его соперниковъ; то онъ доказываетъ, что Марксъ открылъ Америку въ политической экономіи, то онъ напротивъ увѣряетъ, что его открытія сдѣланы были въ сущности еще Смитомъ и Рикардо и, слѣдовательно, не могли быть предвосхищены Родбертусомъ. „Если не только

вульгарные литераторы,—говоритъ Энгельсъ,—но и ученые профессора до того забыли свою классическую экономію, что серьезно упрекаютъ Маркса въ кражѣ у Родбертуса идей, высказанныхъ еще Смитомъ и Рикардо, то это показываетъ лишь, какъ низко упала оффиціальная экономическая наука". Энгельсъ отзывается насмѣшливо о „толпѣ почитателей Родбертуса, выростающихъ какъ грибы подъ теплымъ дождемъ государственнаго соціализма". Это замѣчаніе, въ болѣе общей формѣ, можно распространить и на поклонниковъ Маркса, готовыхъ принимать безъ критики всякое слово учителя. Нигдѣ научная школа не вырождается такъ легко въ узкое и нетерпимое сектантство, какъ въ области соціальныхъ и экономическихъ ученій; и ни одно направленіе не дѣйствуетъ такъ вредно на успѣхи знанія, какъ именно эта привычка преклоняться предъ извѣстной теоріею и передъ извѣстнымъ авторомъ, безъ самостоятельнаго критическаго къ нимъ отношенія.

Карлъ Марксъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ новѣйшей политической экономіи,—мѣсто, настолько значительное, что для него нѣтъ надобности вытѣснять или умалять другихъ дѣятелей, предшествовавшихъ ему или современныхъ. Труды Маркса относятся спеціально къ той сторонѣ экономической науки, которая имѣетъ ближайшее соприкосновеніе съ господствующимъ промышленнымъ строемъ хозяйственной жизни въ западной Европѣ. Вопросы о цѣнности и капиталѣ, о производствѣ и обращеніи товаровъ, объ образованіи прибавочной стоимости въ пользу капиталистовъ, о прибыли и рабочей платѣ, — исчерпываютъ собою политическую экономію Маркса, придавая ей значеніе односторонняго анализа крупной промышленности и торговли. Это скорѣе промышленная, чѣмъ политическая экономія; — обще-соціальнаго и политическаго въ ней очень мало. Марксъ всего менѣе можетъ быть признанъ реформаторомъ науки; напротивъ, онъ усиливается по возможности крѣпче втиснуть ее въ узкія рамки, установленныя Рикардо, придерживаясь его основныхъ теоретическихъ воззрѣній и его банкирскаго полу-математическаго метода. Обстоятельства, столь сильно содѣйствовавшія успѣху перваго тома „Капитала", существенно измѣнились съ конца шестидесятыхъ и съ начала семидесятыхъ годовъ. Посмертное изданіе дальнѣйшихъ изслѣдованій Маркса, предпринятое Энгельсомъ, можетъ теперь имѣть только спеціальный научно-литературный интересъ.

Въ одномъ мѣстѣ книги высказано мимоходомъ нѣсколько словъ о русскихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. „Русскіе землевладѣльцы,—замѣчаетъ авторъ,—ведущіе хозяйство съ наемными рабочими вмѣсто прежнихъ крѣпостныхъ, вслѣдствіе такъ-называемаго освобожденія

крестьянъ, жалуются теперь на двѣ вещи,—во-первыхъ, на недостатокъ въ денежномъ капиталѣ. Прежде чѣмъ продаютъ жатву, необходимо платить рабочимъ въ большомъ количествѣ, а при этомъ недостаетъ главнаго—наличныхъ денегъ. Капиталъ въ формѣ денегъ долженъ постоянно существовать для уплаты рабочимъ, чтобы вести хозяйство на капиталистическихъ началахъ. Но землевладѣльцы могутъ утѣшиться: розы являются не вдругъ, и со временемъ промышленный капиталистъ располагаетъ не только своими собственными деньгами, но и чужими. Характеристичнѣе другая жалоба, а именно: когда имѣются даже деньги, нельзя все-таки купить рабочія силы въ достаточномъ объемѣ и въ нужное время, такъ какъ русскій крестьянинъ, вслѣдствіе общиннаго землевладѣнія, еще не вполнѣ оторванъ отъ своихъ средствъ производства и, слѣдовательно, не превратился еще въ свободнаго наемнаго рабочаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А существованіе такого класса рабочихъ есть необходимое условіе для того, чтобы возможно было превращеніе денегъ въ товаръ, въ видѣ превращенія денежнаго капитала въ производительный капиталъ" (стр. 10). Никакихъ выводовъ изъ этого не сдѣлано, однако, и самая эта замѣтка кажется какъ будто отрывкомъ, случайно попавшимъ въ разсужденіе объ условіяхъ капиталистическаго производства. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о путяхъ сообщеній, авторъ приводитъ цитату изъ сочиненія г. Чупрова о желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ (стр. 29);—это единственная во всей книгѣ ссылка на русскую экономическую литературу. Впрочемъ, Марксъ вообще интересовался русскою литературою и, повидимому, слѣдилъ даже за нашею журналистикою: такъ, во второмъ изданіи „Капитала", вышедшемъ въ 1873 году, онъ съ похвалой отзывается о русскомъ переводчикѣ Милля, называя его „великимъ ученымъ" и однимъ изъ лучшихъ критиковъ буржуазной политической экономіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ разбираетъ рецензію на его трудъ, помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы" за 1870 годъ, и признаетъ справедливость замѣчаній рецензента объ его своеобразномъ діалектическомъ методѣ. У насъ были и „марксисты", безусловные сторонники воззрѣній автора „Капитала"; но изъ нихъ теперь остался только одинъ, вполнѣ послѣдовательный и вѣрный представитель въ нашей экономической литературѣ, почтенный Н. И. Зиберъ, о которомъ сочувственно упоминаетъ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома своего капитальнаго труда.

Л. С—скій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е сентября 1885.

— Учебникъ логики, съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ. Ординарнаго профессора Имп. Моск. университета, М. Троицкаго. Книга первая. Москва, 1885.

Профессоръ Троицкій пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своимъ талантливымъ изслѣдованіемъ о „нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи“. Успѣхъ этого сочиненія выразился между прочимъ въ томъ фактѣ, что уже въ 1883 году понадобилось второе изданіе, а это бываетъ у насъ рѣдко съ книгами подобнаго характера и объема. Гораздо менѣе вниманія обратилъ на себя двухтомный трактатъ объ „общихъ свойствахъ и законахъ человѣческаго духа“, подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: „Наука о духѣ“. Вопросы отвлеченной философіи не пользуются популярностью въ русскомъ обществѣ, и текущая литература обыкновенно проходитъ мимо новыхъ предпріятій въ этой области. Изъ философскихъ наукъ одна только логика разрабатывается у насъ съ успѣхомъ; кромѣ переводовъ Милля, Уэвелля, Джевонса и Бэна, у насъ существуютъ серьезные самостоятельные труды по этому предмету,—какъ напр. проф. Владиславлева, Струве, Николая Грота и др.

Составить руководство по логикѣ, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы современному состоянію науки и въ то же время удовлетворяло бы требованіямъ большинства образованныхъ читателей—задача далеко не легкая въ настоящее время. Теперь нѣтъ уже возможности довольствоваться изложеніемъ и комментированіемъ правилъ, унаслѣдованныхъ отъ Аристотеля и его позднѣйшихъ истолкователей,—какъ это дѣлали прежніе авторы. Логика, бывшая долго схоластикою, все болѣе и сильнѣе подвергается вліянію естественныхъ наукъ; въ нее вторгаются такіе изслѣдователи, какъ Вундтъ, капитальный трудъ котораго ждетъ еще русскаго переводчика и издателя. Съ этой точки зрѣнія настоящій „учебникъ“ профессора Троицкаго долженъ возбудить къ себѣ болѣе общій интересъ, чѣмъ его прежнія книги о психологіи и о „человѣческомъ духѣ“. По плану автора, сочиненіе рас-

падается на три части—на логику дедукціи, логику индукціи и логику наукъ или спеціальную методологію. Вышедшая нынѣ первая книга заключаетъ въ себѣ логику дедукціи или такъ-называемую формальную логику, вмѣстѣ съ небольшимъ введеніемъ и съ вступительною „рѣчью" объ основахъ логической очевидности. Нѣсколько страннымъ кажется включеніе въ учебникъ текста „рѣчи", произнесенной на университетскомъ актѣ, съ обращеніемъ къ „милостивымъ государямъ" и съ сохраненіемъ обычныхъ особенностей подобныхъ рѣчей; намъ кажется, что было бы цѣлесообразнѣе превратить эту рѣчь въ объективный очеркъ ученій о достовѣрности и вѣроятности, сообразно характеру остального содержанія книги. Положенія автора повсюду снабжены подробными указаніями на литературу, какъ иностранную, такъ и русскую; имена нашихъ малоизвѣстныхъ писателей по логикѣ, каковы: Лодій, Пащенко, Гошкевичъ, Михневичъ, Райковскій, Ивашковскій, Рождественскій, Новицкій, Свѣтилинъ и Карповъ, постоянно фигурируютъ рядомъ съ именами европейскихъ мыслителей, что́ несомнѣнно должно льстить нашему національному самолюбію. Обстоятельныя литературныя указанія дѣлаютъ книгу проф. Троицкаго весьма полезною не для однихъ учащихся. Изложеніе автора отличается сжатостью и точностью — достоинствами довольно рѣдкими въ философскихъ трактатахъ. Авторъ самъ заявляетъ въ предисловіи, что въ обработкѣ отдѣльныхъ частей логики онъ преслѣдовалъ преимущественно двѣ цѣли: „во-первыхъ, передать съ возможною ясностью одну сущность логическихъ ученій, избѣгая всего излишняго и ненужнаго, и во-вторыхъ, сообщить своему изложенію основательность и точность, вмѣстѣ съ качествомъ педагогическимъ—нечувствительнаго перехода отъ однихъ теорій къ другимъ". Обѣ эти цѣли, повидимому, достигнуты авторомъ въ первой части его учебника. Во всякомъ случаѣ, трудъ проф. Троицкаго займетъ видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ вообще и среди русскихъ сочиненій по логикѣ въ особенности.

— Международная хлѣбная торговля. П. И. Георгіевскаго, привать-доцента Имп. С.-Петербургскаго университета. Выпускъ первый. Страны ввоза (Великобританія, Франція и Германія). Спб., 1885.

Сочиненіе г. Георгіевскаго можетъ служить образчикомъ безплодной траты времени и силъ въ такъ-называемыхъ ученыхъ работахъ, предпринимаемыхъ спеціально для доказательства пригодности авторовъ къ профессорской карьерѣ. „Международная хлѣбная торговля" есть только заглавіе, не имѣющее прямого отношенія къ дѣйствительному содержанію книги; гораздо вѣрнѣе было бы назвать эту книгу „учеными опытами о разныхъ вещахъ, по поводу торговли

хлѣбомъ". Чтобы доказать разнообразіе и богатство своихъ свѣденій, авторъ притягиваетъ къ своей тэмѣ какъ можно больше предметовъ, по каждому изъ нихъ собираетъ матеріалы изъ чужихъ сочиненій, излагаетъ пространно и глубокомысленно самыя элементарныя истины, приводитъ цитаты изъ множества книгъ и наконецъ оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи относительно цѣли и смысла всего предпринятаго труда.

Г. Георгіевскій прежде всего разсматриваетъ важный вопросъ о „благодѣтельномъ вліяніи общественности въ развитіи человѣка". „Человѣкъ,—объясняетъ онъ,—уже съ самаго момента появленія на свѣтъ Божій необходимо нуждается въ поддержкѣ другихъ лицъ,— ими обыкновенно оказываются его кровные,—такъ какъ, будь онъ предоставленъ самому себѣ, онъ неминуемо погибъ бы подъ давленіемъ физической зависимости, въ виду громаднаго несоотвѣтствія силъ для борьбы и потребностей организма. Въ болѣе мягкой формѣ, но подобное же вліяніе оказываетъ физическая зависимость и на взрослаго человѣка: подъ давленіемъ ея, безъ помощи себѣ подобныхъ, внѣ общества, способность человѣка, отличающая его такъ рѣзко отъ прочей физической природы—способность къ сравнительно быстрому развитію — доводится почти до нуля и человѣкъ уподобляется прочимъ безсловеснымъ животнымъ (?). Въ первомъ случаѣ прекращается даже ростъ физическій, въ послѣднемъ—развитіе духовное". Объяснивъ эту особенность природы человѣка, авторъ переходитъ къ раздѣленію труда и къ оцѣнкѣ значенія хлѣбной торговли вообще. Оказывается, что „съ демологической (!) точки зрѣнія важность хлѣбной торговли заключается въ отдаленіи, или даже, пожалуй (?), можно сказать, въ устраненіи предѣла для физическаго, а потому и основаннаго на немъ экономическаго и духовнаго роста человѣческихъ обществъ". Конечно, „устраненіе предѣла" составляетъ открытіе, принадлежащее лично г. Георгіевскому и не подкрѣпляемое никакими цитатами. Такъ какъ начинающему ученому не подобаетъ заниматься изученіемъ низменной дѣйствительности, то и нашъ авторъ при выборѣ своей тэмы руководился разными „общими основаніями" — „глубокимъ интересомъ съ точки зрѣнія чисто-экономической" и т. п.; но къ этимъ „общимъ основаніямъ" все-таки скромно „присоединилось еще соображеніе, что вопросъ о хлѣбной торговлѣ представляетъ насущный интересъ для нашего отечества, особенно въ виду сильной конкурренціи, которую приходится выдерживать Россіи со стороны Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ, пріобрѣтающихъ въ международной хлѣбной торговлѣ постепенно все большее значеніе и оттѣсняющихъ Россію съ главныхъ европейскихъ рынковъ". Нужно отдать справедливость автору, что это послѣднее соображеніе остается безъ всякаго вліянія

на дальнѣйшій ходъ его „изслѣдованія". Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о внутреннемъ производствѣ хлѣба въ Англіи, Германіи и Франціи, г. Георгіевскій приступаетъ къ „вопросу" о путяхъ сообщенія и объ историческомъ ихъ развитіи, отъ древнихъ временъ до введенія желѣзныхъ дорогъ. Эта экскурсія дѣлается на томъ основаніи, что пути сообщенія необходимы для торговли вообще и для хлѣбной торговли въ частности. Третья глава посвящена исторіи хлѣбныхъ законовъ въ трехъ названныхъ выше государствахъ; въ результатѣ получается утѣшительный выводъ, что „вопросы (?) экономической жизни постепенно переростаютъ политическія границы и, сплачивая въ силу солидарности интересовъ различныя страны и народы, вызывая все большее и большее сближеніе въ законахъ и обычаяхъ послѣднихъ, необходимо ведутъ къ упроченію мира, къ большему единенію отдѣльныхъ народовъ". Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о цѣнахъ на хлѣбъ и о вліяніи правительственныхъ мѣръ прежняго времени; наконецъ, только въ послѣднихъ двухъ главахъ говорится дѣйствительно о „международной хлѣбной торговлѣ" и о настоящемъ положеніи ея въ западной Европѣ.

Говоря о введеніи хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи, авторъ далеко не воспользовался богатою нѣмецкой литературою по этому предмету и даже оставилъ въ сторонѣ такой существенный матеріалъ, какъ отчеты о парламентскихъ преніяхъ; поэтому онъ приходитъ къ выводу одностороннему и отчасти несправедливому относительно князя Бисмарка, оставляя безъ разъясненія вопросъ о мотивахъ и основаніяхъ его покровительственной системы. Статистическія свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ Англіи, Германіи и Франціи, собранныя авторомъ въ заключительной главѣ, дополняются подробными таблицами, приложенными къ концу книги; но при всемъ обиліи этихъ данныхъ, онѣ остаются сырымъ балластомъ, свидѣтельствующимъ лишь объ усердномъ трудолюбіи г. Георгіевскаго. Будучи сторонникомъ неограниченной свободы въ международной хлѣбной торговлѣ, авторъ не замѣчаетъ такихъ симптомовъ, какъ возбужденіе вопроса о ввозныхъ пошлинахъ во Франціи и въ другихъ странахъ; ему кажется, что настало царство свободнаго обмѣна продуктовъ на всемірномъ общечеловѣческомъ рынкѣ, причемъ каждая страна будетъ все болѣе удовлетворять свою потребность въ хлѣбѣ заграничнымъ ввозомъ. Что будутъ эти страны дѣлать съ своими собственными землями и почему нуженъ ввозъ, когда внутреннее производство вполнѣ достаточно для потребностей населенія, — это забылъ авторъ пояснить въ своей книгѣ. Повидимому, авторъ полагаетъ, что, напримѣръ, Англія не могла бы существовать безъ иностраннаго хлѣба; онъ упустилъ изъ виду, что значительная часть англійской территоріи вовсе не обрабатывается земледѣльцами и занята аристократи-

ческими парками, обширными пастбищами и лѣсами, чего не было бы, конечно, при отсутствіи привознаго хлѣба. Извѣстно, что, въ случаѣ надобности, англійская территорія могла бы прокормить населеніе гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ нынѣшнее; — для этого требовалось бы только нѣчто въ родѣ „національзаціи земли". Оригинальная мысль автора, что свободный ввозъ хлѣба устраняетъ зависимость человѣка отъ физической природы, можетъ быть объяснена только недоразумѣніемъ: хлѣбъ нигдѣ не родится самъ собою въ благодатномъ изобиліи, и никому не достается онъ даромъ; для покупки иностраннаго хлѣба нужны также средства, и несчастна была бы та страна, гдѣ большинство населенія должно было бы покупать пищу за границею,—безденежье народа равносильно было бы голоду. Подъ вліяніемъ своихъ „ученыхъ" блужданій, г. Георгіевскій доходитъ до полнаго забвенія дѣйствительности и до фантазій, совершенно нелѣпыхъ. Онъ видитъ фактъ несуществующій, — что „солидарность интересовъ, являющаяся цементомъ человѣческаго единенія, переросла политическія границы и связываетъ въ одно цѣлое всѣ страны, всѣ народы (!?)"; онъ думаетъ, что „голодъ и всѣ связанныя съ нимъ бѣдствія, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія въ такихъ яркихъ краскахъ, можно надѣяться, не повторятся больше", ибо „участіе въ международномъ обмѣнѣ странъ различныхъ частей свѣта обоихъ полушарій дѣлаетъ возможнымъ вполнѣ покрывать недочеты во внутреннемъ урожаѣ однихъ странъ избыткомъ производства другихъ". Значитъ, по мнѣнію автора, самарскій голодъ произошелъ отъ того, что на мѣстныхъ рынкахъ не было хлѣба и что недочетъ не былъ пополненъ подвозомъ изъ другихъ губерній или изъ-за границы? Запасы хлѣба были достаточны въ Россіи, удобные пути сообщенія тоже существовали, и однако самарскіе крестьяне голодали по одной ничтожной причинѣ: у нихъ не было денегъ для пользованія благами хлѣбной торговли. Смѣшно вспомнить, что книга г. Георгіевскаго представляетъ собою ученую диссертацію по политической экономіи. Автору какъ будто неизвѣстно, что вывозъ хлѣба за границу можетъ идти рядомъ съ голоданіемъ туземнаго населенія; онъ всѣ надежды возлагаетъ на свободный ввозъ, забывая о средствахъ покупки ввозимыхъ продуктовъ. „Такимъ образомъ, — заключаетъ онъ,—хлѣбная торговля пріобрѣтаетъ господствующее значеніе, отъ нея зависитъ ростъ населенія, ею обусловливается и все дальнѣйшее развитіе страны, по скольку оно стоитъ въ зависимости отъ удовлетворенія первой потребности человѣка и связаннаго съ этимъ размноженія населенія. Какъ видимъ (!), господство внѣшней природы надъ человѣкомъ оказывается сломленнымъ (?!), благодаря общественности; мѣсто устраненной физической зависимости занимаетъ зависимость общественная, отличающаяся своимъ взаимнымъ

характеромъ: тогда какъ при господствѣ внѣшней природы зависимость представляется односторонней, здѣсь каждый зависитъ отъ всѣхъ и всѣ отъ каждаго" (стр. 294). И для такого рода выводовъ пишется книга въ двадцать печатныхъ листовъ! Мы не встрѣчали еще подобнаго поразительнаго легкомыслія въ сочиненіи, претендующемъ на научность.

— Труды коммисіи при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ. Спб., 1885.

Въ этомъ томѣ „Трудовъ" содержатся любопытные фактическіе матеріалы по важному вопросу, около котораго г. Георгіевскій предпринялъ свои напрасныя упражненія въ разобранной выше книгѣ. Въ концѣ прошлаго года, въ Имп. Вольномъ Экономическомъ обществѣ возбужденъ былъ барономъ П. Л. Корфомъ вопросъ о причинахъ застоя нашей хлѣбной торговли и о средствахъ къ возстановленію сбыта русскаго хлѣба за границу. Баронъ Корфъ взглянулъ на дѣло съ слишкомъ широкой точки зрѣнія; онъ полагалъ, что „нашему времени суждено быть свидѣтелемъ великаго переворота въ экономической жизни не только Россіи, не только Европы, но, можно сказать, всего человѣчества; мечта гуманистовъ, мечта нѣкоторыхъ философовъ и соціологовъ о благоденствіи рода человѣческаго, о томъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ если не супъ съ курицей, то, по крайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба, т.-е. былъ обезпеченъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, готова осуществиться или, по крайней мѣрѣ, осуществленіе ея показывается на горизонтѣ:—намъ суждено быть свидѣтелями постепеннаго пониженія цѣнъ на предметъ самой первой потребности человѣчества, на зерновой хлѣбъ". При этомъ предполагается, что каждый человѣкъ изъ неимущаго класса имѣетъ настолько средствъ, что можетъ всегда покупать дешевую пищу. „И можетъ случиться,— продолжалъ докладчикъ,—что въ исторіи человѣчества черезъ 200—300 лѣтъ, говоря объ интересныхъ временахъ нашего вѣка, когда появился дешевый хлѣбъ, въ числѣ странъ, которыя затерты были международною экономическою борьбою и обратились въ пустыню, назовутъ и нашу страну. Конечно, съ точки зрѣнія всемірной исторіи паденіе одной страны уравновѣшивается возвышеніемъ другой, но мнѣ не хотѣлось бы быть въ той странѣ, которая подлежитъ паденію". Мрачный взглядъ барона Корфа вызвалъ возраженія практиковъ, представившихъ дѣло въ совершенно другомъ свѣтѣ. „Дѣйствительно,—замѣтилъ извѣстный спеціалистъ по сельскому хозяйству, А. С. Ермоловъ,—Россія вывозила громадное количество пшеницы, но что такое былъ этотъ вывозъ? Дѣйствительно ли былъ это избытокъ, который мы отправляли за границу? Нѣтъ, русскій земледѣлецъ, хотя

и производилъ пшеницу, но не ѣлъ ея, такъ что вывозъ пшеницы изъ Россіи вовсе не можетъ служить доказательствомъ благопріятнаго положенія русскаго земледѣльческаго населенія и русской сельско-хозяйственной жизни". Упадокъ спроса на русскій хлѣбъ имѣетъ за собою нѣкоторыя мелкія причины, вполнѣ достойныя общаго вниманія. „Теперь наше положеніе дурно,—говоритъ г. Ермоловъ,—потому что иностранный рынокъ не беретъ нашей пшеницы. А почему онъ не беретъ ея? Потому что мы не производимъ ее такъ, какъ онъ желаетъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ наша пшеница дѣйствительно была лучшею на европейскомъ рынкѣ, но въ настоящее время она мѣсто это утратила и утратила потому, что мы тѣми формами хозяйства, которыя мы въ послѣднее время создали, лишили себя производства хорошаго хлѣба... Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является ухудшеніе нашего хлѣба. Но, производя такой хлѣбъ, развѣ обращаютъ вниманіе на то, чтобы сортировать его?.. Поэтому за границею не считаютъ возможнымъ пустить русскій хлѣбъ на рынокъ безъ сортировки; даже тотъ хлѣбъ, который вывозится отъ насъ подъ именемъ сортировочнаго, тамъ считается несортировочнымъ и подвергается новой и тщательной сортировкѣ. Между тѣмъ, Америка и Австрія сортировкѣ научены и поставляютъ хлѣбъ въ томъ именно видѣ, какъ его требуютъ... Не далѣе какъ нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ пришлось въ Гамбургѣ говорить съ покупщиками спирта, и на вопросъ, почему они не соглашаются покупать нашъ спиртъ въ очищенномъ видѣ, я услышалъ такой отвѣтъ, что Россія до сихъ поръ не установила еще прочныхъ качествъ своего товара и не достигла однообразія въ немъ; поэтому, дѣлая запасъ, напримѣръ, на тысячу бочекъ, они рискуютъ, не смотря на образцы, получить 500 бочекъ условленнаго качества, а 500 бочекъ другого сорта, вслѣдствіе чего они вынуждены русскій спиртъ перерабатывать на своихъ заводахъ для того, чтобы пустить его въ дальнѣйшее обращеніе. Все это даетъ право сказать, что если Россія рискуетъ потерять свое прежнее мѣсто на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ, то въ этомъ она сама въ значительной мѣрѣ виновата, и если мы не примемъ мѣръ къ улучшенію отпускаемаго за границу хлѣба, то мы рынокъ этотъ для себя закроемъ". Вопросъ о нашей хлѣбной торговлѣ былъ, такимъ образомъ, поставленъ на реальную почву, и кризисъ оказался далеко не столь роковымъ и ужаснымъ, какъ склонны были думать пессимисты. Коммиссія, избранная изъ среды наиболѣе компетентныхъ членовъ общества, дѣятельно занялась обсужденіемъ дѣла съ различныхъ точекъ зрѣнія, и поучительные результаты этихъ занятій изложены въ объемистомъ томѣ, снабженномъ въ концѣ статистическими таблицами и „графическимъ изображеніемъ возрастающаго вывоза изъ Россіи и изъ странъ, съ нею конкуррирующихъ". Особенно интересны доклады гг. Ковалевскаго, Ермолова,

Воейкова (о производствѣ хлѣба въ Индіи), Совѣтова, Беретти, Джурича, Карасевича и Подобы.

— Матеріалы къ медицинской географіи и статистикѣ Россіи. Томъ I. Сифилисъ въ Россіи. Часть I: Сифилисъ селъ и большихъ городовъ. Г. М. Герценштейна. Съ двумя хромолитографированными картами, 4-мя діаграммами и одной графической таблицею. Спб., 1885.

Обширное изслѣдованіе д-ра Герценштейна рисуетъ яркими чертами грустную картину физическаго вырожденія русскаго народа подъ вліяніемъ заразительныхъ болѣзней, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ сифилису. „При современныхъ общественно-бытовыхъ условіяхъ нашего народа,—говоритъ авторъ,—сифилисъ—стихійная сила и, какъ таковая, она губитъ на своемъ пути все встрѣчное, часто не щадя и тѣхъ, которые предпринимаютъ личныя мѣры самосохраненія. Какую гарантію могутъ представлять послѣднія, когда неизвѣстно, гдѣ вездѣсущій врагъ, когда мы не можемъ предусмотрѣть всѣ случайности зараженія имъ: оспенная лимфа, привитая ребенку, игрушка, пріобрѣтенная въ лавкѣ, ласки наемной прислуги, ея уходъ за ребенкомъ, обѣдъ въ ресторанѣ, мытье въ банѣ, бритье въ парикмахерской и тысячи другихъ повседневныхъ житейскихъ явленій служатъ путями, по которымъ даже въ Петербургѣ, среди интеллигентныхъ классовъ общества, сифилисъ проникаетъ въ наши семьи и поражаетъ нашихъ близкихъ“. Примѣры легкости, съ какою передается болѣзнь, могутъ смутить самаго осторожнаго читателя. „Домашняя прислуга, попадая въ какой либо домъ, часто вызываетъ типичную домовую эпидемію сифилиса. Горничная, находившаяся въ одномъ семействѣ, заразила грудного ребенка своихъ хозяевъ, прикармливая его изъ своего рта; ребенокъ заразилъ мать; старшій сынъ и младшая дочь заразились, по всей вѣроятности, отъ матери или горничной“ и т. д. (стр. 456 и др.). Зараза сообщается оспопрививаніемъ, охватываетъ цѣлыя губерніи, переходитъ по наслѣдству и непрерывно дѣйствуетъ во тьмѣ, благодаря обычному стремленію скрывать признаки неприличной болѣзни. Отсюда видно, на сколько настоятельна потребность въ широкихъ и обдуманныхъ мѣрахъ борьбы противъ этого все болѣе возрастающаго зла. Авторъ собралъ и разразработалъ громадное количество свѣденій о мѣрѣ господства заразы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и о главныхъ факторахъ ея распространенія. „Разборъ всѣхъ причинъ и условій, содѣйствующихъ распространенію заразы,—заключаетъ авторъ въ концѣ книги,—показалъ намъ, что сифилисъ—бытовая болѣзнь русскаго народа, тѣсно связанная съ его культурнымъ уровнемъ. Болѣе того, подробное изученіе санитарнаго состоянія русскаго народа приводитъ къ заклю-

ченію, что вопросъ о сифилисѣ не можетъ быть выдѣленъ особо, а является въ строгой и тѣсной связи съ общей картиною болѣзненности его (русскаго народа), и поэтому борьба съ однимъ неразрывно предполагаетъ и борьбу со всѣми остальными санитарными бѣдствіями". Безъ сомнѣнія, трудъ г. Герценштейна долженъ обратить на себя вниманіе земскихъ и общественныхъ дѣятелей, интересующихся вопросами народнаго здоровья и благосостоянія.—Л.—

— Закавказскіе сектанты въ ихъ семейномъ и религіозномъ быту. Николая Дингельштедтъ(а). Спб. 1885.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени замѣчается одно явленіе, прежде мало или совсѣмъ не встрѣчавшееся—смѣшеніе разныхъ родовъ литературы въ одномъ произведеніи, напр., соединеніе исторіи, публицистики, этнографіи и т. п. съ одной стороны и беллетристики съ другой. Критика начинаетъ обращать на это вниманіе и высказываться противъ такого смѣшенія, гдѣ всего чаще обѣ стороны литературнаго произведенія страдаютъ отъ неудобнаго сосѣдства: исторія становится плохой исторіей отъ сосѣдства беллетристическихъ украшеній, или беллетристика связана сосѣдствомъ хронологіи (не допускающей вмѣшательства „творчества") и т. п. Самый крупный примѣръ подобнаго смѣшенія представляютъ послѣднія сочиненія Глѣба Успенскаго, который давно уже дѣлаетъ свои очерки поприщемъ для публицистическихъ разсужденій и цѣлыхъ теорій народной бытовой нравственности, какъ во „Власти земли". Это послѣднее соединеніе—публицистики и беллетристической этнографіи—мы сочли бы наиболѣе естественнымъ и извинительнымъ по самой сущности дѣла. Современная народная жизнь находится теперь въ такомъ смутномъ переходѣ отъ быта, несомнѣнно нарушеннаго и даже разрушеннаго, къ другому быту, который только-что складывается теперь подъ новыми условіями и чѣмъ будетъ—покрыто мракомъ неизвѣстности, что беллетристу-наблюдателю естественно отвлечься отъ наблюдаемой картины къ ея соціальному и даже національному смыслу. Мы не имѣли бы ровно ничего противъ „Власти земли" по ея литературной манерѣ, хотя имѣли бы многое противъ собственно публицистической мысли этого произведенія.

Но въ другихъ случаяхъ, гдѣ подобное смѣшеніе не оправдывается ни существомъ дѣла, ни выдающимся талантомъ писателя, гораздо полезнѣе было бы, еслибы господа писатели опредѣляли себѣ точнѣе, что, собственно говоря, они желаютъ сдѣлать: желаютъ ли заняться этнографіей или беллетристикой, хотятъ ли дать серьезную книгу или нѣчто для увеселенія читателя. Вслѣдствіе этой неясности литературныхъ цѣлей, литература въ послѣднее время наводнена книгами

очень страннаго свойства и — сомнительнаго достоинства: романами, путешествіями, этнографическими очерками, даже путеводителями и т. д., гдѣ и романъ, и путешествіе, и этнографія, и простыя справочныя свѣденія перепутаны и перепорчены фельетонной болтовней, которая полагается необходимой для „легкости“ произведенія.

На такія мысли наводитъ, къ сожалѣнію, и книга г. Дингельштедта. Въ предисловіи мы читаемъ: „Извѣстный знатокъ русскаго раскола, Мельниковъ, говоритъ, что нужно изучать расколъ въ живыхъ проявленіяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ; нужно изучать обычаи раскольниковъ, узнать воззрѣнія разныхъ раскольничьихъ толковъ на міръ духовный и житейскій, на внутреннее устройство ихъ общинъ. Нужно, говоритъ онъ, стать лицомъ къ лицу съ расколомъ, и тогда анализъ возможенъ (Письма о расколѣ, 1—15)“. Вслѣдствіе этого, авторъ въ своей книгѣ представляетъ „рядъ картинъ, списанныхъ съ натуры“; по этимъ картинамъ авторъ предлагаетъ читателю ознакомиться съ ученіемъ и бытомъ „нѣкоторыхъ сектъ на Кавказѣ“, причемъ наибольшее мѣсто отведено „ученію прыгуновъ, менѣе другихъ извѣстному и возникшему на кавказской почвѣ“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ раскола въ его „живыхъ проявленіяхъ“ — съ предметомъ, давно привлекающимъ усиленное вниманіе нашихъ изслѣдователей народнаго быта и религіозности. Первое условіе подобныхъ изслѣдованій есть точность; но книга г. Дингельштедта написана въ такомъ родѣ, что именно этого въ ней и не имѣется — авторъ заботился не столько о точности, сколько о беллетристической занимательности своего произведенія. Судя по предисловію, читатель ожидаетъ встрѣтить въ книгѣ указаніе на существующія на Кавказѣ секты,—но въ сущности не находитъ; рѣчь идетъ въ сущности только о молоканахъ, и ихъ вѣтви— прыгунахъ; да и эти свѣденія далеко не отличаются точностью.

Первыя три главы книги озаглавлены такъ: 1) „Первые прыгуны въ Закавказьѣ“; 2) „Откуда взялись прыгуны“; 3) „Откуда взялось прыганье“ (?); — т.-е., другими словами, каждая изъ трехъ главъ должна говорить объ одномъ и томъ же, т.-е. о началѣ прыгунской секты. Въ первой и въ третьей главѣ кое-что и сказано объ этомъ; во второй главѣ не сказано совсѣмъ ничего о томъ, „откуда взялись прыгуны“, а разсказывается только о разныхъ ихъ обрядахъ и суевѣріяхъ. О самомъ началѣ секты разсказывается весьма неясно, и въ разныхъ главахъ—различно. Начать съ того, что секту прыгуновъ авторъ считаетъ „возникшей на Кавказѣ“ лѣтъ тридцать тому назадъ, —но это, видимо, та же секта, которая существовала давнымъ-давно, подъ названіемъ хлыстовъ, скакуновъ, и хлысты именно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ молоканами. Очень вѣроятнымъ представляется,

что секта „прыгуновъ“ вовсе не „возникала на Кавказѣ“, а была принесена готовою изъ Россіи.

О началѣ ея на Кавказѣ авторъ разсказываетъ—въ первой главѣ —такъ. „Лѣтъ 30—35 назадъ (т.-е. въ началѣ 1850-хъ годовъ) во многихъ селеніяхъ средней Россіи стало быстро распространяться такъ называемое молоканское ученіе. Полиція и духовенство встревожились. „Замолоканившіе“ крестьяне упорствовали, и скоро власти свѣтскія и духовныя окончательно убѣдились, что отщепенцы все болѣе и болѣе укрѣпляются въ лжеученіи и съ пути сего сойти не желаютъ“. Въ результатѣ сектанты были сосланы на Кавказъ, гдѣ и поселены были въ эриванской губерніи, „на возвышенной плоскости (близъ?) Гокчайскаго озера“. Здѣсь изъ молоканскихъ собраній выдѣлились наиболѣе усердные молельщики, которые скоро дошли до прямого общенія съ „духомъ“; осѣненные этимъ духомъ начинали дрожать, кривляться, наконецъ, прыгать, и полиція донесла высшему начальству о появленіи новаго вреднаго толка, названнаго прыгунствомъ. „Это случилось въ 1852 году“, отмѣчаетъ авторъ (стр. 6), т.-е.—тотчасъ послѣ поселенія молоканъ на Кавказѣ. И что секта возникла въ первый разъ не на Кавказѣ, на это указываютъ разсказы сектантовъ, — приводимые самимъ авторомъ (стр. 23), — что секта началась еще въ Россіи.

Далѣе, въ главѣ второй о первыхъ проявленіяхъ секты на Кавказѣ не говорится ничего; въ третьей главѣ читаемъ: „Въ январѣ 1853 года пошли предварительные (?) слухи о появленіи въ сел. Никитиномъ и Воскресенскомъ новой секты прыгуновъ. Почти одновременно стало извѣстно, что во всѣхъ другихъ молоканскихъ селеніяхъ есть послѣдователи той же секты. Новая секта, повидимому, быстро преуспѣвала, потому что не успѣли пройти эти слухи, какъ, по дознанію полиціи, оказалось, что въ Никитинѣ почти всѣ, а въ Воскресенскѣ одна половина жителей принадлежитъ къ новой сектѣ“. По хронологіи автора, это выходитъ очень скоро послѣ прибытія сектантовъ на Кавказъ, и быть можетъ, „новая секта“ была новой только для полиціи...

Книга, почти въ 300 страницъ, не можетъ, конечно, не представлять интересныхъ подробностей и матеріаловъ, но она могла бы больше служить для научныхъ цѣлей, еслибы авторъ яснѣе опредѣлилъ свою программу и проще выполнилъ ее. Желаніе быть легкимъ, занимательнымъ (даже остроумнымъ), къ сожалѣнію, помѣшало автору сдѣлать это, и въ результатѣ вышло весьма путаное изложеніе и множество повтореній. Авторъ нѣсколько разъ принимается описывать процессъ прыганья, разсказываетъ подробно сцены не только такія, которыхъ, по его словамъ, были свидѣтелемъ (разговоры передаются иногда такъ, какъ будто были записаны стенографомъ), но и такія,

которыя онъ едва ли видалъ и которыя очевидно прибавлены для беллетристической живописности. Видѣлъ ли, напр., авторъ сцену, описываемую на стр. 20, или на 140—152 или на стр. 193 и далѣе? Если не видѣлъ, то онъ дѣлаетъ непростительную вещь, выдавая за изслѣдованіе раскола свои беллетристическія упражненія.

Или, напримѣръ, для того, чтобы сказать, что сектантскій наставникъ поѣхалъ поучать свою паству, авторъ пишетъ слѣдующее:

„Стоялъ на дворѣ октябрь. Осенній холодный вѣтеръ гналъ низко надъ землею темно-сѣрыя, почти черныя, тучи. Земля была еще совсѣмъ сухая, насквозь промерзлая, словно окоченѣлая, но казалось, что вотъ-вотъ разразится или дождь, или снѣжная мятель. Всегда синія волны прилегающаго къ Александровкѣ залива Гокчи потемнѣли еще болѣе. Волны съ ропотомъ налетали на песчаную отмель (и т. д).

„Въ такую погоду Телѣгинъ, не торопясь, шагомъ ѣхалъ по узкой дорогѣ, вытянувшейся вдоль по берегу Гокчи" и т. д. (стр. 193—194).

Неужели авторъ думаетъ, что это есть изслѣдованіе о расколѣ по методѣ Мельникова?

Хотя мы, собственно говоря, вовсе не считаемъ Мельникова особенно авторитетнымъ писателемъ,—но все-таки замѣтимъ автору, что Мельниковъ не сталъ бы писать такихъ вещей. Мельниковъ писалъ о расколѣ двояко: или—чисто фактическія изложенія того, что онъ зналъ о расколѣ, его исторіи, ученіяхъ и бытѣ; или—повѣсти изъ раскольничьяго быта. И тамъ, и здѣсь читатель впередъ зналъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло —съ фактомъ ли, или съ беллетристической фантазіей автора, хотя бы пріуроченной къ фактамъ. Его фантазіи имѣли цѣну какъ художественные (нерѣдко весьма удачные) опыты, или какъ средство для популярнаго ознакомленія съ расколомъ читателей, неспособныхъ одолѣть серьезную книгу. Но двухъ родовъ своей работы Мельниковъ все-таки не смѣшивалъ; его фактическія изслѣдованія были заслугой для науки, но послѣдней вовсе не служатъ его беллетристическія произведенія... Къ чему предназначалъ свою работу г. Дингельштедтъ? Для беллетристики,—тогда требуется, въ какой бы то ни было мѣрѣ, художественная тэма, характеры, типы, цѣльно выясненные, чего здѣсь не имѣется; для научной цѣли—тогда совершенно не нужны и даже надоѣдливо мѣшаютъ беллетристическія замашки, описанія природы, сцены, разговоры и т. п.

Трудъ автора выигралъ бы втрое, если бы былъ втрое короче и, вмѣсто длинныхъ и повторяющихся описаній сценъ сектантскаго быта, заключался въ простомъ изложеніи фактовъ, между прочимъ, и такихъ, о которыхъ теперь онъ совсѣмъ не подумалъ. Именно: нужно было бы—во-первыхъ, точное, не-беллетристическое, указаніе вре-

мени и обстоятельствъ перваго поселенія сектантовъ на Кавказѣ; во-вторыхъ, точное указаніе мѣстности, ими занятой, и перечисленіе селъ и деревень, и ихъ населенія; въ-третьихъ, по возможности точное, безъ беллетристическихъ прикрасъ, указаніе разныхъ оттѣнковъ сектъ (теперь авторъ упоминаетъ объ этомъ вскользь и неопредѣленно; но очевидно, что есть оттѣнки весьма различные и характерные, какъ молокане, хлысты, общіе, субботники); въ-четвертыхъ, историческія указанія о событіяхъ во внутренней жизни секты, главныхъ расколоучителяхъ и т. п.; въ-пятыхъ, точное, опять безъ всякихъ прикрасъ, описаніе обрядовъ и обычаевъ, тексты пѣсенъ, отрывки изъ сектантскихъ писаній и т. д.

Объ этомъ послѣднемъ авторъ выражается такъ, въ предисловіи: „Имѣя въ рукахъ много рукописныхъ сектантскихъ сочиненій, я не считалъ удобнымъ ни печатать ихъ цѣликомъ, ни дѣлать изъ нихъ значительныхъ выписокъ, такъ какъ всѣ эти сочиненія, во-первыхъ, достаточно скучны (!), громоздки и безсодержательны, а во-вторыхъ, наполнены подчасъ такими дикими мыслями и разсужденіями, которыя едва ли подлежатъ серьезному анализу (!). Я предпочелъ описать все, лично мною видѣнное и слышанное, избѣгая всякой полемики съ сектантами (!)".—Неужели, въ самомъ дѣлѣ авторъ полагалъ, что кто-нибудь потребуетъ отъ него „анализа" и полемики съ сектантами? Далѣе, „печатать цѣликомъ" также нѣтъ никакой надобности,—но перечислить хотя главныя изъ этихъ многихъ сочиненій, и сдѣлать изъ нихъ (разумѣется, наиболѣе характерныя) выписки (выписываетъ же авторъ сектантскія стихотворенія) было необходимо, во всякомъ случаѣ необходимѣе, чѣмъ описаніе поѣздки Телѣгина мимо озера Гокчи, или чѣмъ описаніе Леонтьевны (стр. 233 и д.). Сообщеніе свѣденій о писаніяхъ кавказскихъ сектантовъ было бы важно какъ для ихъ собственной характеристики, такъ и для сличенія съ писаніями другихъ сектантовъ, что помогло бы объяснить происхожденіе и свойство самыхъ сектъ и т. д. Отъ автора никто бы не потребовалъ, чтобы онъ опровергалъ ихъ,—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности,—но дать о нихъ понятіе слѣдовало, какъ о патологическомъ фактѣ народной религіозной жизни. Они могутъ быть очень скучны—для того, кто хотѣлъ бы сдѣлать изъ нихъ занимательный фельетонъ, — какъ чрезвычайно скучны статистическія цифры тому, кому онѣ не нужны; но указанія о нихъ могутъ быть очень важны тому, кому они потребовались бы для упомянутыхъ сличеній. Раскольничья литература вообще богата подобными скучными вещами, но есть люди, которые считаютъ очень важнымъ научнымъ дѣломъ собрать и описать ее.

Повторяемъ, еслибы авторъ иначе и правильнѣе взглянулъ на

свою задачу въ описаніи закавказскихъ сектантовъ, его книга, безъ беллетристическаго балласта, могла бы выйти гораздо меньше, но была бы несравненно цѣннѣе.

— Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ө. М. Достоевскаго. (Сборникъ критикъ). Часть вторая. Составилъ В. Зелинскій. М. 1885.

Мы имѣли случай говорить (въ „Литер. обозрѣніи“ за май нынѣшняго года) объ изданіи г. Зелинскаго. Характеръ его остается, конечно, тотъ же. Въ настоящей части помѣщены критическіе отзывы объ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, „Запискахъ изъ Мертваго дома“, „Преступленіи и наказаніи“ и „Идіотѣ“. Предстоитъ, слѣдовательно, еще одна или многія части „комментарія“, т.-е. опять особыя книги. Трудъ составителя такъ не мудренъ, что, кажется, проще было бы собрать за одинъ разъ весь „Комментарій“, т.-е. переписать чужія статьи о Достоевскомъ и издать ихъ за одинъ разъ. Въ настоящемъ выпускѣ г. Зелинскій почти нигдѣ уже не прибавляетъ своихъ мнѣній для руководства читателя. Относительно „Идіота“, онъ не нашелъ въ литературѣ о Достоевскомъ ничего, заслуживающаго его выписокъ, кромѣ отрывковъ изъ „Публичныхъ лекцій“ г. Миллера и статьи доктора Чижа: „въ разбросанныхъ по газетамъ рецензіяхъ высказываются большею частію ничѣмъ не мотивированные отзывы объ „Идіотѣ“, заключающіе въ себѣ либо брань, либо похвалу“. Это очень сомнительно: вѣроятно изъ похвалы, какъ изъ брани можно все-таки понять, что возбуждало сочувствіе или антипатію, и для „комментатора“, затѣявшаго свою работу въ такомъ размѣрѣ, какъ г. Зелинскій, слѣдовало бы отмѣтить впечатлѣніе, какое производилъ романъ Достоевскаго.

— Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Третье изданіе. Спб. 1885.

Книжка г. Грота вышла не дальше какъ въ началѣ года и достигла третьяго изданія, не смотря на то, что уже второе изданіе сдѣлано было въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ. Успѣхъ необычайный, и невольно является вопросъ: чѣмъ вызвано это замѣчательное требованіе на книгу г. Грота, когда есть уже множество грамматическихъ учебниковъ, частію даже довольно ухищренныхъ, которые, повидимому, могли бы научить правописанію? Остается думать, что учебники ему не научали, и выводъ, кажется, долженъ быть признанъ справедливымъ. Въ погонѣ за классицизмомъ преподаваніе отечественнаго языка въ послѣднее время пришло положительно въ

упадокъ, который обнаруживается несомнѣннымъ распространеніемъ безграмотности, не только между людьми, прошедшими гимназическій, но (horribile dictu) даже университетскій курсъ. Тотъ же упадокъ виденъ и въ свойствахъ учебныхъ книгъ, которыя усиленно стремятся къ формалистикѣ наполняются массою схоластическихъ мелочей, но не сообщаютъ ни простого, яснаго знанія, ни любви къ отечественной литературѣ. О результатѣ мы упоминали. Надо думать, что книга г. Грота требуется, между прочимъ, именно многими изъ тѣхъ, которые вынесли изъ школы понятіе о необходимости правильнаго писанія, но въ школѣ ему не научились.—Вѣроятно, не безъ связи съ упадкомъ преподаванія русскаго языка и словесности въ средней школѣ находится и распространеніе въ самой литературѣ если не настоящей безграмотности, то близкаго къ ней небрежнаго отношенія къ правильности языка. Достаточно взять какую-нибудь бойкую современную газету, чтобы встрѣтить массу примѣровъ подобнаго рода: грамматическихъ уродливостей, и рядомъ съ ними вновь вводимыхъ, и совершенно ненужныхъ, иностранныхъ словъ и оборотовъ,—дурная мода, происходящая, между прочимъ, отъ неумѣнья владѣть средствами своего языка. По части правописанія, писателямъ этого рода надо посовѣтовать ознакомиться ближе съ книжкой г. Грота.

Успѣхъ этой книжки во всякомъ случаѣ указываетъ, что она удовлетворяетъ дѣйствительной потребности, и мы порадовались, что Второе Отдѣленіе академіи въ этомъ случаѣ отозвалось на общественную потребность, давши г. Гроту „порученіе" составить книгу о русскомъ правописаніи. Надо желать, чтобы Отдѣленіе не остановилось на этомъ примѣрѣ вниманія къ нуждамъ нашей образованности по отдѣлу родного языка. Давно назрѣла другая потребность, другая нужда, удовлетворить которой должно было бы (и одно имѣло бы къ тому возможность) Второе Отдѣленіе: это — потребность въ словарѣ русскаго языка, словарѣ, который могъ бы принять двоякую форму: чисто научнаго, историческаго словаря, который служилъ бы для историко-филологическихъ изслѣдованій, и словаря практическаго, который служилъ бы для справокъ грамотнымъ людямъ и самимъ писателямъ, какъ служитъ имъ настоящая книжка г. Грота въ вопросахъ правописанія.—До сихъ поръ не слышно, чтобы Второе Отдѣленіе ставило этотъ вопросъ — и это очень жаль: Отдѣленіе есть у насъ единственное ученое учрежденіе, на которомъ оффиціально лежитъ попеченіе объ этой сторонѣ научныхъ потребностей русской жизни и которое одно въ состояніи изыскать для этой цѣли средства исполненія.—А. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е сентября, 1885.

Русская печать о Финляндіи.—Представленія, возстающія изъ могилы. — „Русь" и берлинскій трактатъ.—„Хорошіе" и „дурные" учебники.—„Кому у насъ весело?" — Отставки городскихъ головъ въ Ревелѣ и Ригѣ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Петербурга начинается обширная, малонаселенная страна, природныя красоты которой извѣстны петербургскимъ жителямъ гораздо больше, чѣмъ внутреннее ея устройство. Чтобы привлечь къ ней, на время, вниманіе русскаго общества и русской печати, нужно что-нибудь экстренное, въ родѣ послѣдней сессіи финляндскаго сейма или недавняго посѣщенія Государемъ Императоромъ Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. Съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяется, въ такихъ случаяхъ, одно и то же явленіе: рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ и чувствахъ, возбуждаемыхъ ближайшимъ знакомствомъ съ финляндскими порядками. Въ однихъ глубокое сочувствіе къ Финляндіи смѣшивается съ тяжелымъ раздумьемъ о судьбѣ ея сосѣда, съ невольнымъ сожалѣніемъ о томъ, что многое, издавна осуществленное по ту сторону рѣки Сестры, до сихъ поръ остается недоступнымъ для Россіи; въ другихъ мѣсто сожалѣнія заступаетъ досада, мѣсто сочувствія—едва скрываемая антипатія. Никогда, кажется, эта двойственность впечатлѣній не выражалась такъ ярко, какъ именно въ послѣднее время. Въ корреспонденціяхъ, описывавшихъ поѣздку царской фамиліи по Финляндіи, преобладало настроеніе, благопріятное для финляндцевъ; но не успѣли еще замолкнуть отголоски торжества, какъ послышались уже новыя варіаціи на старую, злобную тэму. „Каждому финноману,—читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ,—слѣдуетъ и на утренней, и на вечерней молитвѣ вспоминать, что онъ сынъ страны самой бѣдной, самой непроизводительной въ Европѣ, и гражданинъ народа, въ расовомъ отношеніи одареннаго весьма малою, скудною интеллигенціею... Территорія Финляндіи принадлежитъ Россіи, народъ же финскій, въ виду его простоты, честности и политической безпритязательности, оставленъ нами жить на этой территоріи, въ качествѣ ея безсрочнаго арендатора. Если Финляндія пользуется теперь правами, которыми дорожитъ, то этимъ она обязана всего менѣе своей силѣ, также и не богатству страны,— но прямо обязана нашему великодушію и шведскому пришлому дворянству, имѣвшему возможность за щитомъ Россіи не только сохра-

нить свою оригинальность и свою шведскую культуру, но и передать ее нѣкоторымъ изъ финляндцевъ; поэтому финляндцы существуютъ только потому, что существуетъ громадная, богатая, сильная и великодушная Россія. Благоразумные патріоты финскаго народа должны были бы каждаго ребенка своего заставить заучивать извѣстную басенку: „Какъ я великъ,—дитя на столикѣ вскричалъ,—а няня говоритъ: сниму и будешь малъ". Финляндія—въ сущности только великодушный капризъ Россіи, поставившей ее на нѣкоторую культурную высоту. Какъ только возникаетъ тѣнь какого-нибудь поползновенія со стороны ребенка схватить свою добрую няню за волосы — эта колоссальная няня, безъ всякаго особаго усилія, можетъ поставить капризную малютку со стола подъ столъ".

Изъ-за чего, спрашивается, написана эта діатриба, могущая служить образцомъ—выражаясь мягко—политической безтактности? Изъ-за того, что корреспонденту одной англійской газеты вздумалось приписать финляндцамъ мысль о нейтралитетѣ, на случай войны между Англіей и Россіей. Итакъ, достаточно самаго вздорнаго слуха, чтобы вылить цѣлый потокъ оскорбленій на народъ, намъ дружественный и близкій? Нѣтъ болѣе низкопробнаго, жалкаго хвастовства, чѣмъ хвастовство грубой силой. Угрозы, расточаемыя газетой по адресу финляндцевъ, могутъ быть сведены къ двумъ словамъ, часто раздающимся на площади, въ толпѣ, при встрѣчѣ самонадѣяннаго силача съ неопаснымъ, смирнымъ прохожимъ: берегись, расшибу! Въ чьихъ-нибудь глазахъ эти слова и служатъ, можетъ быть, доказательствомъ молодечества и удали, но никому еще не приходило въ голову считать ихъ убѣдительнымъ аргументомъ, дѣлать ихъ краеугольнымъ камнемъ полемики. Хороша, за то, и полемика, вращающаяся около такого центра! Смѣшивая начало XIX-го вѣка съ эпохой великаго переселенія народовъ, она признаетъ за завоевателемъ право согнать завоеванный народъ съ территоріи, издавна имъ обитаемой; она обращаетъ коренныхъ жителей страны въ „безсрочныхъ арендаторовъ" ея, терпимыхъ только въ виду ихъ „простоты, честности и безпритязательности". Даже англичане, во времена Елизаветы, Кромвелля и Вильгельма III-го, не выгнали ирландцевъ изъ Ирландіи,—а русскіе, при Александрѣ I-мъ, могли выселить финляндцевъ въ Россію или приказать имъ удалиться въ Швецію? Что не было сдѣлано тогда, то можетъ быть сдѣлано теперь, при малѣйшемъ „капризѣ ребенка"? Цѣлый народъ можетъ быть низведенъ на степень англійскихъ tenants at will, сохраняющихъ за собою свои земельные участки лишь on sufferance, пока это угодно землевладѣльцу?.. „Великодушіе", одно только великодушіе создало Финляндію, однимъ только великодушіемъ она держится до настоящей ми-

нуты? Ничего подобнаго не представляетъ вся всемірная исторія. Допустимъ, что въ жизни государствъ или народовъ бываютъ великодушные порывы (хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи явленія, обыкновенно подводимыя подъ эту рубрику, всегда или почти всегда оказываются болѣе сложными, побужденія, ихъ вызвавшія—менѣе безкорыстными, чѣмъ кажется съ перваго взгляда); отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы великодушіе могло быть, въ теченіе нѣскольких десятковъ лѣтъ, единственнымъ или главнымъ регуляторомъ международныхъ и междугосударственныхъ отношеній. Чѣмъ бы ни объяснялось установленіе порядковъ, данныхъ Финляндіи вслѣдъ за завоеваніемъ ея Россіей, сохраненіе этихъ порядковъ и дальнѣйшее ихъ развитіе во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что они не заключали и не заключаютъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ интересами завоевателя. И дѣйствительно, изъ всѣхъ нашихъ окраинъ Финляндія безспорно причиняла и причиняетъ Россіи всего меньше тревогъ и затрудненій. Не даромъ же покойный императоръ, бывшій свидѣтелемъ образа дѣйствій финляндцевъ во время войны 1854—56 г., призвалъ къ жизни, нѣсколько лѣтъ спустя, учрежденія, не отмѣненныя формально, но бездѣйствовавшія при Николаѣ I-мъ. Этого мало: задачи внутренняго управленія, до сихъ поръ не разрѣшенныя въ западныхъ губерніяхъ, едва поставленныя въ губерніяхъ прибалтійскихъ, въ Финляндіи разрѣшаются сами собою, почти безъ вмѣшательства русской правительственной власти. Финны—въ Финляндіи, эсты и латыши—въ остзейскомъ краѣ принадлежатъ къ одной и той же, „скудно одаренной" расѣ—а между тѣмъ положеніе тѣхъ и другихъ совершенно различно. Равноправность между шведами и финнами—почти совершившійся фактъ, равноправность между нѣмецкимъ и эсто-латышскимъ населеніемъ прибалтійскихъ губерній—мечта, все еще далекая отъ осуществленія.

Кому обязана Финляндія быстрымъ движеніемъ своимъ впередъ, умственнымъ и матеріальнымъ—шведскому ли „пришлому дворянству" или совокупности всѣхъ сословій,—это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; несомнѣнно только одно—что элементы движенія были мѣстные и что охрана, данная ему Россіей, имѣла преимущественно пассивный характеръ. „Нѣкоторой культурной высоты" Финляндія достигла сама, собственными силами; первые шаги ея въ этомъ направленіи были сдѣланы ею задолго до завоеванія ея Россіей. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить Финляндію съ странами, ей сосѣдними и отчасти родственными. Путешественники, изучающіе Швецію и Норвегію, встрѣчаются тамъ со многими чертами, свойственными Финляндіи—съ грамотностью, трезвостью, относительною развитостью сельскаго населенія, съ интенсивностью умственной жизни въ городахъ, съ общею заботли-

востью о народной школѣ, съ умѣньемъ извлекать многое изъ немногихъ условій, данныхъ суровымъ климатомъ и неблагодарною почвой. По своей природѣ Финляндія — страна безспорно бѣдная, наравнѣ съ сѣверной полосой скандинавскаго полуострова; но это еще не значитъ, чтобы финляндскій крестьянинъ, въ среднемъ выводѣ, нуждался больше чѣмъ русскій, и чтобы „бѣдной Финляндіи“ можно было, кичась, противопоставлять „богатую Россію“. Финское племя, разсматриваемое какъ одно цѣлое, безспорно менѣе даровито, чѣмъ славянское; но къ чему напоминать объ этомъ финляндцамъ, когда обсуждается только государственная связь ихъ съ Россіей? Русская литература несравненно богаче и выше финской, передъ русскимъ искусствомъ раскрывается горизонтъ несравненно болѣе широкій; но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать финновъ причастными къ русской литературѣ и русскому искусству. Для потребностей ежедневной жизни, для устройства хорошей администраціи, правильнаго государственнаго хозяйства, финская интеллигенція, въ союзѣ и взаимодѣйствіи съ шведской, оказывается достаточно сильной и умѣлой. Примѣръ мадьяръ, одноплеменныхъ съ финнами, позволяетъ предполагать, что политическая способность не чужда финской расѣ даже тогда, когда въ культурномъ ея слоѣ не преобладаетъ посторонняя примѣсь.

Статья, изъ которой мы привели нѣсколько цитатъ—далеко не единственная въ своемъ родѣ. Та же петербургская газета, полемизируя съ „Helsingfors Dagblad“, ставитъ въ вину финляндской прессѣ ея самозащиту противъ нападеній, задѣвающихъ самыя чувствительныя струны національнаго самолюбія. О характерѣ этой самозащиты можно составить себѣ понятіе по одному примѣру. Возражая противъ увѣренія, что Финляндія „не можетъ пропитывать своего населенія и можетъ, въ этомъ отношеніи, ожидать помощи только отъ Россіи“, гельсингфорская газета восклицаетъ: „какъ будто Финляндія и ея населеніе получили въ подарокъ хоть одинъ изъ тѣхъ кулей русской муки, которые здѣсь потребляются! Всѣ они честно оплачены, совершенно такъ же, какъ и та рожь, которую ежегодно и остальная западная Европа вывозитъ изъ Россіи“. Прочитавъ эти слова, можно только пожалѣть о томъ, что безтактность нѣкоторыхъ русскихъ газетъ заставляетъ нашихъ финляндскихъ собратій повторять такія азбучныя истины, ссылаться на такіе очевидные и безспорные факты. Что же дѣлаютъ петербургскіе антагонисты Финляндіи? Они подчеркиваютъ слова: „остальная Западная Европа“, усматривая въ нихъ дерзновенное поползновеніе финляндцевъ отшатнуться отъ Востока, т.-е. отъ Россіи, и примкнуть, хотя бы мысленно, къ западнымъ нашимъ сосѣдямъ!.. „Хотя военныя силы Финляндіи,—говоритъ другая петербургская газета,—имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отече-

ство и тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ имперіи, но — timeo Danaos et dona ferentes... Вооруженныя силы Финляндіи въ видѣ обособленной арміи являются такимъ же анормальнымъ явленіемъ въ общемъ строѣ политической жизни Россіи, какъ еслибы предположить существованіе особыхъ армій Бѣлоруссіи, Малороссіи, Кавказа, Сибири. Финская армія, не имѣющая своего raison d'être, является лишь, съ нашей стороны, уступкою гордости и самолюбію финскаго народа". Итакъ, нюландская или улеоборгская губернія ничѣмъ не отличается отъ губерніи витебской или полтавской? Куда же дѣвалось великое княжество финляндское, съ своимъ великимъ княземъ и своимъ сеймомъ?.. Что анормальнаго въ томъ, что въ государствѣ, связь котораго съ Россіей имѣетъ почти исключительно личный характеръ, существуютъ свои мѣстныя войска? Почему „обособленность" финскихъ батальоновъ—нѣчто болѣе удивительное, чѣмъ обособленность, напримѣръ, норвежскаго войска отъ шведскаго?.. О „великодушіи" Россіи по отношенію къ Финляндіи говорится (по поводу невыгоднаго для насъ курса финскихъ марокъ) и въ недавней корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей", прямо провозглашающей Финляндію „провинціею Россіи". Оригинальна въ этой корреспонденціи ссылка на какого-то „стокгольмскаго академика", ведущаго, будто бы, рѣчи, вполнѣ достойныя нашихъ доморощенныхъ „финнофобовъ". Финляндія, по мнѣнію этого академика—„паразитъ на здоровомъ, могучемъ тѣлѣ Россіи; захочетъ Россія—и паразиту не придется питаться ея соками". Если академикъ, выводимый на сцену корреспондентомъ—не миѳъ, то мы готовы заподозрить его въ намѣреніи перенести ненужнаго и вреднаго намъ „паразита" на свое собственное, шведское тѣло.

То, что́ дѣлается и говорится теперь кругомъ насъ, напоминаетъ иногда сцену на кладбищѣ въ мейерберовскомъ „Робертѣ". Мертвецы встаютъ изъ могилъ, подъ аккомпаниментъ „плохо забытыхъ" мотивовъ; начинается длинный танецъ привидѣній, какъ бы старающихся припомнить прежнія позы и аттитюды. Къ числу такихъ привидѣній принадлежитъ колоссальная фигура, раскинувшаяся „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды"—фигура, все превозмогающая и преодолѣвающая одною своею колоссальностью. Она является то въ образѣ благодѣтельной волшебницы, то въ образѣ богатыря, однимъ своимъ видомъ наводящаго ужасъ на супостатовъ, то въ образѣ няни, окруженной малолѣтками, балующей или карающей ихъ по „усмотрѣнію". Подъ вліяніемъ этихъ фантасмагорій слабѣетъ чувство дѣйствительности, теряется умѣнье понимать самыя простыя вещи. Личная связь между двумя государствами — форма, давно выработанная исторіей и признанная политикою и правомъ—представляется чѣмъ-то чудовищнымъ, нелѣпымъ; естественные, неизбѣжные

ея результаты разсматриваются какъ аномалія, какъ капризъ, устранимый въ каждую данную минуту. Зрѣлость государственнаго организма измѣряется его величиною; небольшая страна — только потому, что она небольшая — приравнивается къ ребенку, которому можно и должно отъ времени до времени и пригрозить, чтобы онъ не забывался передъ взрослыми. Презрительное, высокомѣрное отношеніе къ Финляндіи—только одна изъ формъ той „мономаніи величія", признаки которой опять начинаютъ обнаруживаться въ нашемъ обществѣ. Распространенію этой болѣзни всегда благопріятствуетъ остановка или поворотъ назадъ во внутренней жизни государства. Характеристичнымъ ея симптомомъ служитъ съ нѣкоторыхъ поръ, между прочимъ, періодически повторяющійся плачъ надъ берлинскимъ трактатомъ—плачъ, отъ котораго одинъ лишь шагъ до мысли о „реваншѣ". „Въ Петербургѣ,—восклицаетъ „Русь", только что прервавъ шестимѣсячное молчаніе,—и до сихъ поръ не умѣютъ понять всей силы деморализующаго воздѣйствія берлинскаго трактата на русскую жизнь... Берлинскій трактатъ—это нравственное паденіе Россіи какъ государства; непосредственнымъ его результатомъ было совершенное ослабленіе довѣрія къ административному Петербургу". Исходя изъ этой основной мысли, „Русь" усматриваетъ одну свѣтлую точку въ полутьмѣ истекшаго полугодія—„подъемъ духа", вызванный образомъ дѣйствій правительства по англо-афганскому вопросу. „Даже перспектива войны,—утверждаетъ газета г. Аксакова,—никого не смутила. Охотно, повидимому, приняла бы Россія даже самую войну, если ужъ невозможно ей иначе, какъ именно такою цѣною (неужели невозможно?), обрѣсти себѣ нравственное здоровье, почувствовать себя вновь мощнымъ, единымъ цѣлымъ, вновь исполниться вѣры въ единство духа съ высшею властью". Эта тирада напомнила намъ знаменитый вопросъ, поставленный въ концѣ „Нови": „кто будетъ чародѣй, который всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ? Дарвинизмъ? Деревня? Заграничная война?" Комментаріемъ къ паклинскому вопросу могутъ служить теперь письма Тургенева, совпадающія, по времени, съ появленіемъ его послѣдняго романа. „У насъ на Руси,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 9 декабря 1876 г.,—снова проявилась столь часто замѣченная черта: ото всѣхъ нашихъ болѣзней— лѣни, вялости, пустоты, скуки—мы ищемъ излечиться разомъ, какъ зубъ заговорить... Вотъ мы теперь за войну ухватились. Все это признакъ слабаго развитія умственнаго—и, говоря прямо, необразованія". Не знаменательно ли, въ самомъ дѣлѣ, самое повтореніе явленія, подмѣченнаго Тургеневымъ? Въ 1876 г. не было еще берлинскаго трактата, не было еще этого козла очищенія, къ которому пріурочивается теперь болѣзнетворное начало въ русскомъ государственномъ организмѣ,—а болѣзнь

все-таки существовала (или, по крайней мѣрѣ, на нее жаловались), и лекарство рекомендовалось то же, что и нынче. О значеніи — или, лучше сказать, о незначительности—берлинскаго трактата для внутренней жизни Россіи мы говорили уже не разъ [1]); ограничимся теперь указаніемъ на противорѣчіе, въ которое впадаютъ наши шовинисты. Они желали бы, повидимому, обойтись безъ войны (припомнимъ поставленный въ скобки вопросъ: неужели невозможно?)— но какъ же обойтись безъ нея, если главнымъ источникомъ зла, главной помѣхой на пути къ лучшему будущему служитъ берлинскій трактатъ? Развѣ есть какое-нибудь средство добиться его отмѣны, не обнажая меча, не прибѣгая къ силѣ? Развѣ достаточно, для этого, повышенія тона въ дипломатическихъ переговорахъ или бряцанія оружіемъ въ газетныхъ статьяхъ, въ застольныхъ спичахъ? Допустимъ, что семь лѣтъ тому назадъ можно было добиться безъ новой войны другихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ привелъ берлинскій конгрессъ; слѣдуетъ ли отсюда, что ошибка, сдѣланная тогда, безъ труда можетъ быть исправлена теперь, что Австрія добровольно очиститъ Боснію и Герцеговину, что соединеніе Болгаріи съ Восточной Румеліей не потребуетъ новаго перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы?.. Одно изъ двухъ: или необходимо положить конецъ „нравственному паденію“ Россіи, вызванному берлинскимъ трактатомъ—въ такомъ случаѣ незачѣмъ обольщать себя и другихъ надеждой на миролюбивое достиженіе этой цѣли; или нужно признать, что для заботы о поднятіи „престижа“ нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній—и въ такомъ случаѣ рѣшительно отбросить мысль о войнѣ, какъ о чемъ-то нетерпѣливо ожидаемомъ или хотя бы только „охотно принимаемомъ“ Россіей.

Другой выходецъ изъ могилы, также расхаживающій, съ нѣкоторыхъ поръ, по нашей печати—это представленіе о наукѣ, какъ о чемъ-то второстепенномъ и ничтожномъ въ сравненіи съ благонадежностью. Знаменитое изреченіе дѣдушки Крылова о музыкантахъ, „немножечко дерущихъ“, но за то отличающихся „прекраснымъ поведеньемъ“, повторяется теперь, въ разныхъ варіаціяхъ, совершенно серьезно, какъ великая истина и важное руководящее начало. Наука, съ этой точки зрѣнія, представляетъ собою „мало опредѣленнаго и извѣстнаго въ безконечномъ морѣ неопредѣленнаго и неизвѣстнаго“; изъ-за нея не стоитъ быть требовательнымъ и строгимъ. Пускай ученикъ не знаетъ „тонкостей новѣйшей науки“ (напримѣръ, не имѣетъ никакого понятія объ удѣльной системѣ)—на это можно „наплевать“; важно только то, чтобы онъ „понималъ исторію Россіи, какъ понималъ ее Карамзинъ, и имѣлъ въ душѣ тѣ же чувства“... „Не надо

---

[1]) См., напр., внутр. обозр. въ № 1 „Вѣстн. Евр.“, 1882 г.

быть фанатикомъ науки, какъ вещи относительной, сухой, холодной и бездушной. Надо уважать ее, но ставя въ школѣ и въ воспитаніи выше всего любовь и заботу о душѣ". Противъ послѣдняго положенія нельзя было бы возразить ни слова, еслибы за нимъ не скрывалось нѣчто мало похожее на истинную любовь, на разумную заботу. Въ сущности рѣчь идетъ не о чемъ другомъ, какъ о культивированіи любви къ отечеству посредствомъ благонамѣренныхъ учебниковъ, объ искусственномъ насажденіи „карамзинскихъ" чувствъ, съ помощью классныхъ отмѣтокъ и дисциплинарныхъ взысканій. Никакой учебникъ не можетъ научить патріотизму; единственная его задача—дать положительныя, точныя, систематическія знанія. Настроеніе духа, характеръ, нравственныя правила вырабатываются семьей и жизнью; школа принимаетъ большое участіе въ этой работѣ, но не столько путемъ предписаній, не столько преподаваніемъ ex cathedra частной и общественной морали, сколько совокупностью незримыхъ и неуловимыхъ вліяній, не поддающихся рагламентаціи и не являющихся par ordre. Попытки создать, учебниками и лекціями, обязательный для всѣхъ, форменный, такъ сказать, образъ мыслей могутъ привести только къ обратному результату, приготовить почву для другихъ, противоположныхъ мнѣній. Идеаломъ учебника, съ точки зрѣнія новѣйшихъ—т.-е. въ сущности давно одряхлѣвшихъ и отжившихъ—взглядовъ, можно считать учебникъ русской исторіи Устрялова. Достигъ ли онъ своей цѣли—объ этомъ судить не трудно, если припомнить, что на немъ воспиталось поколѣніе конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ... Мы вовсе не хотимъ защищать безусловно устройство и дѣятельность тѣхъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ теперь одобреніе или неодобреніе учебниковъ и книгъ для школьнаго чтенія; но ужъ въ тысячу разъ лучше оставить ихъ какъ они есть, чѣмъ реформировать ихъ по программѣ модныхъ проповѣдниковъ моднаго просвѣщенія. „Знакомство съ авторами учебниковъ, поощреніе хорошихъ, удаленіе дурныхъ, бесѣда съ хорошими директорами училищъ о дѣйствіи того или другого учебника на молодежь, наблюденіе за вліяніемъ учебниковъ въ школѣ, немедленное изъятіе изъ употребленія дурныхъ учебниковъ"—таковы главныя черты этой программы, содержащей въ себѣ всѣ задатки для созданія чего-то въ родѣ высшей школьной инквизиціи. Лицемѣріе учителей и учениковъ — вотъ единственное возможное послѣдствіе системы, при дѣйствіи которой *хорошимъ* признавалось бы все согласованное, *дурнымъ*—все несогласованное съ требованіями минуты.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, агитація противъ „дурныхъ" учебниковъ не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Если вѣрить статьѣ, появившейся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 224), книга Ушинскаго: „Родное Слово", по которой училось столько школьныхъ

поколѣній, признана недавно „неудобной для употребленія въ училищахъ“. Авторъ статьи совершенно правъ, называя это рѣшеніе „событіемъ большой важности“, „свидѣтельствомъ о наступившемъ переворотѣ въ дѣлѣ начальнаго обученія русской грамотѣ“. Онъ правъ и тогда, когда говоритъ, что „ради логической послѣдовательности“ судьбу книги Ушинскаго должны раздѣлить и другія, написанныя въ томъ же духѣ. „Иначе, — восклицаетъ онъ въ избыткѣ усердія,—изъятіе изъ школы „Родного Слова“ будетъ похоже на отсѣченіе лишь одной головы у многоглавой гидры“. Ушинскій и гидра —это сопоставленіе единственное въ своемъ родѣ, отлично характеризующее „духъ времени“. Что̀ поставить на мѣсто „Родного Слова“, „Нашего друга“ и другихъ книгъ той же категоріи—объ этомъ наши модные педагоги не заботятся; ихъ конечная цѣль—возвращеніе къ часословной школѣ, не нуждающейся ни въ какихъ „свѣтскихъ“ учебникахъ и руководствахъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ роль свѣтскихъ книгъ, какъ мы уже знаемъ [1]), доведена или доводится до минимума; почему бы не поступить точно такъ же и по отношенію къ земскимъ школамъ? Путемъ „послѣдовательныхъ“ запрещеній можно поставить ихъ на одинъ уровень съ церковно-приходскими школами — а отсюда уже не далеко будетъ и до установленія одного школьнаго типа, до подчиненія духовенству всѣхъ начальныхъ школъ.

Въ обществѣ привидѣній чувствуешь себя, какъ извѣстно, не совсѣмъ хорошо и спокойно. Не отъ этого ли зависитъ, отчасти неутѣшительный отвѣтъ на вопросъ, поставленный недавно однимъ изъ нашихъ собратій по печати: „Кому у насъ весело“? Наблюденія много видѣвшаго и много испытавшаго автора привели его къ заключенію, что веселиться, пользоваться жизнью умѣютъ въ Россіи (или, точнѣе— въ достаточныхъ, интеллигентныхъ кружкахъ петербургскаго и московскаго общества) только... иностранцы. Не будемъ спорить о фактѣ, но позволимъ себѣ усомниться въ достаточности предложеннаго для него объясненія. По мнѣнію почтеннаго автора, „невесело петербуржцу не отъ того, что нѣтъ для его вкусовъ и потребностей никакого матеріала, а оттого, во-первыхъ, что у насъ сами люди портятъ всякое мѣсто; во-вторыхъ оттого, что всего мы наглотаемся безъ удержу, ни въ чемъ не знаемъ мѣры, нехотя набиваемъ себѣ оскомину“. Положимъ, что такъ; но откуда же взялась эта манія все портить, эта несдержанность и необузданность? Можетъ быть, это черты нашего національнаго характера? Нѣтъ; самъ авторъ признаетъ, что лѣтъ 30—40 тому назадъ у насъ умѣли веселиться—умѣли именно въ той

[1]) См. Внутр. обозрѣніе въ предъидущей книгѣ нашего журнала.

сферѣ, тоскливость которой онъ теперь изучаетъ. Намъ кажется, что между русскими и иностранцами, живущими въ Россіи, есть одно существенно-важное различіе. Для послѣднихъ Россія—временной pied à terre, нѣчто въ родѣ гостинницы или проѣзжей дороги. Неудобства гостинницы, какъ бы они ни были велики, переносятся сравнительно легко, потому что каждый останавливающійся въ ней имѣетъ, гдѣ-нибудь, собственную квартиру—мѣсто будущаго успокоенія и отдыха. Другое дѣло—неудобства дома, въ которомъ живешь постоянно; они чувствуются гораздо болѣзненнѣе и сильнѣе, забота, ими вызываемая, способна отравить многія удовольствія. Мы погрѣшили бы противъ истины, еслибы приписали отсутствіе веселья только этой заботѣ; мы видимъ въ ней одну изъ многихъ причинъ сложнаго явленія—но во всякомъ случаѣ такую причину, которую никакъ нельзя скинуть со счетовъ. Почему же, однако, дѣйствіе ея болѣе замѣтно теперь, чѣмъ полвѣка, четверть вѣка тому назадъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать въ двухъ словахъ; мы возвратимся къ нему въ другой разъ, а теперь ограничимся одной замѣткой. Неудобства жилища —понятіе относительное; интенсивность причиняемыхъ ими ощущеній прямо пропорціональна ясности, съ которою они сознаются. Тотъ самый домъ, въ которомъ охотно и уютно жили наши предки, показался бы намъ теперь и недостаточно чистымъ, и недостаточно свѣтлымъ, и худо вентилированнымъ, и отводящимъ слишкомъ много мѣста параднымъ комнатамъ, сравнительно съ жилыми покоями и помѣщеніями для прислуги. Tempora mutantur—et nos mutamur in illis.

Удаленіе отъ должности городскихъ головъ Ревеля и Риги составляетъ, по всей вѣроятности, первое звено въ цѣломъ рядѣ рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ остзейскимъ губерніямъ. Рѣшительность, безъ сомнѣнія, здѣсь вполнѣ умѣстна; за исключеніемъ восточныхъ окраинъ—Сибири и Туркестанскаго края,—нѣтъ ни одной мѣстности въ Россіи, которая бы больше нуждалась въ радикальныхъ реформахъ. Попытки пріобщить остзейскій край къ перемѣнамъ, совершавшимся вокругъ него, оставались до сихъ поръ, большею частью, безуспѣшными, къ явному вреду для большинства населенія. Чтобы привести къ желанной цѣли, новая, болѣе энергичная и послѣдовательная политика должна держаться строго законной почвы, дѣйствовать больше путемъ общихъ преобразованій, чѣмъ путемъ отдѣльныхъ, произвольныхъ мѣръ, обращать особенное вниманіе на вопросы, прямо касающіеся благосостоянія народныхъ массъ, и сохранять неприкосновеннымъ все то хорошее, что выработано прошедшимъ остзейскаго края. На первый планъ могла бы быть выдвинута судебная реформа, давно созрѣвшая, но, какъ кладъ, не дающаяся въ руки прибалтійскимъ губерніямъ. Открытіе мировыхъ

судебныхъ учрежденій, на основаніи закона 28 мая 1880 г., должно было состояться еще въ 1881 г.—и не состоялось до сихъ поръ, хотя проектъ преобразованія крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ (отъ котораго было, въ послѣдствіи, поставлено въ зависимость осуществленіе реформы) былъ готовъ уже къ концу 1881 г. Правда, этотъ послѣдній проектъ страдаетъ существенно важными недостатками [1])—но ничто не мѣшаетъ устранить ихъ при разсмотрѣніи его въ высшей законодательной инстанціи, и затѣмъ немедленно ввести въ дѣйствіе какъ мировыя учрежденія, такъ и новую администрацію по дѣламъ крестьянскимъ. Слѣдующимъ шагомъ впередъ могло бы быть преобразованіе общихъ судебныхъ мѣстъ, не представляющее, какъ мы старались доказать еще пять лѣтъ тому назадъ [2]), никакихъ серьезныхъ затрудненій. До какой степени необходима въ остзейскомъ краѣ судебная реформа—объ этомъ можно составить себѣ понятіе съ одной стороны по послѣднему акту правительственной власти, съ другой стороны—по извѣстной венденской исторіи, разыгравшейся въ началѣ нынѣшняго года (см. Внутр. Обозр. въ № 3 нашего журнала). Еслибы можно было полагаться на безпристрастіе остзейскихъ судовъ, удаленіе отъ должности городскихъ головъ Ревеля и Риги было бы предоставлено, безъ сомнѣнія, судебной власти, на разсмотрѣніе которой передаются противозаконныя ихъ дѣйствія. Если бы судъ и мѣстная администрація въ Лифляндіи не были насквозь проникнуты сословнымъ элементомъ, „экзекуціи" въ родѣ венденской перестали бы быть возможными или, по крайней мѣрѣ, влекли бы за собою тяжелую отвѣтственность виновныхъ. О результатахъ изслѣдованія, произведеннаго въ Венденѣ, до сихъ поръ ничего не слышно—а между тѣмъ подвиги, производимые съ помощью „мечей правосудія", продолжаются невозбранно. У одного помѣщика,—пишутъ „Московскимъ Вѣдомостямъ" (№ 192) изъ Риги,—была украдена корова. Потерпѣвшій написалъ объ этомъ заявленіе въ соотвѣтствующій герихтъ. Герихтъ сдѣлалъ распоряженіе произвести обыскъ у всѣхъ подозрительныхъ въ округѣ лицъ, причемъ у одного изъ нихъ обыскъ былъ сдѣланъ въ его отсутствіе, со взломомъ замка въ сараѣ, гдѣ стояла его скотина. Возвратясь домой и вовсе не предполагая, что взломъ учиненъ по распоряженію судьи, крестьянинъ сказалъ: еслибъ я зналъ, кто это сдѣлалъ, задалъ бы ему отличную трепку. Судья, которому были переданы эти слова, привлекъ крестьянина къ суду за оскорбленіе собственной персоны и приговорилъ его къ двадцати ударамъ розогъ, приведя приговоръ тутъ же въ исполненіе. Наказанный крестьянинъ объявилъ, что будетъ жаловаться; тогда

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „В. Е." за 1881 г.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 8 „В. Е." за 1880 г.

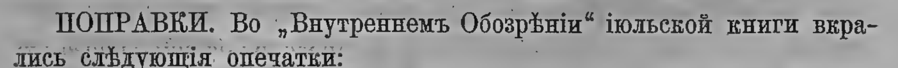
судья приказалъ наказать его еще двадцатью ударами, хотя это выходило уже изъ предѣловъ его власти. Дѣло поступило къ лифляндскому прокурору, потребовавшему отъ судьи объясненія. Судья не смутился. Онъ откопалъ какую-то статью, предоставляющую судьѣ право доходить не только до сорока, но до шестидесяти ударовъ, если онъ признаетъ это наказаніе необходимымъ въ виду опасности отечеству. „Что же общаго,—восклицаетъ корреспондентъ московской газеты,—между украденной коровой (или, прибавимъ отъ себя, между намѣреніемъ жаловаться на судью) и опасностью отечеству!..“ Возможность такихъ приговоровъ и такихъ къ нимъ объясненій говоритъ сама за себя; дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу реформы, кажется, не нужно. Нельзя не замѣтить, однако, что для успѣха реформъ въ одной изъ окраинъ безусловно необходима гармонія — или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе дисгармоніи—между ними и общимъ направленіемъ государственной политики. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, исторія шестидесятыхъ годовъ въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ. Если многое изъ сдѣланнаго или предпринятаго Муравьевымъ и Кауфманомъ въ пользу крестьянскаго населенія оказалось непрочнымъ или не было доведено до конца, то разгадку этому нужно искать именно въ томъ, что по отношенію къ другимъ частямъ имперіи господствовало тогда настроеніе, неблагопріятное для крестьянства. Нельзя одновременно подрывать дѣйствіе судебныхъ уставовъ императора Александра II-го въ губерніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ, и распространять ихъ, съ надеждою на успѣхъ, на губерніи остзейскія; нельзя ограничивать служебныя привилегіи дворянства въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, увеличивая ихъ по сю сторону Чудского озера; нельзя положить конецъ злоупотребленіямъ остзейскими „мечами правосудія“, расширяя примѣненіе тѣхъ же мечей на русской почвѣ. Нельзя, точно такъ же, приступать къ введенію въ остзейскомъ краѣ всесословныхъ земскихъ учрежденій, пока виситъ на воздухѣ всесословность ихъ въ губерніяхъ, пользующихся ими около двухъ десятилѣтій.

Говоря о сохраненіи въ остзейскихъ губерніяхъ того, что заслуживаетъ сохраненія, мы имѣли въ виду преимущественно дерптскій университетъ, — но эта тэма требуетъ подробнаго обсужденія, и мы предоставляемъ себѣ возвратиться къ ней въ другой разъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

От Общества любителей Россійской Словесности, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

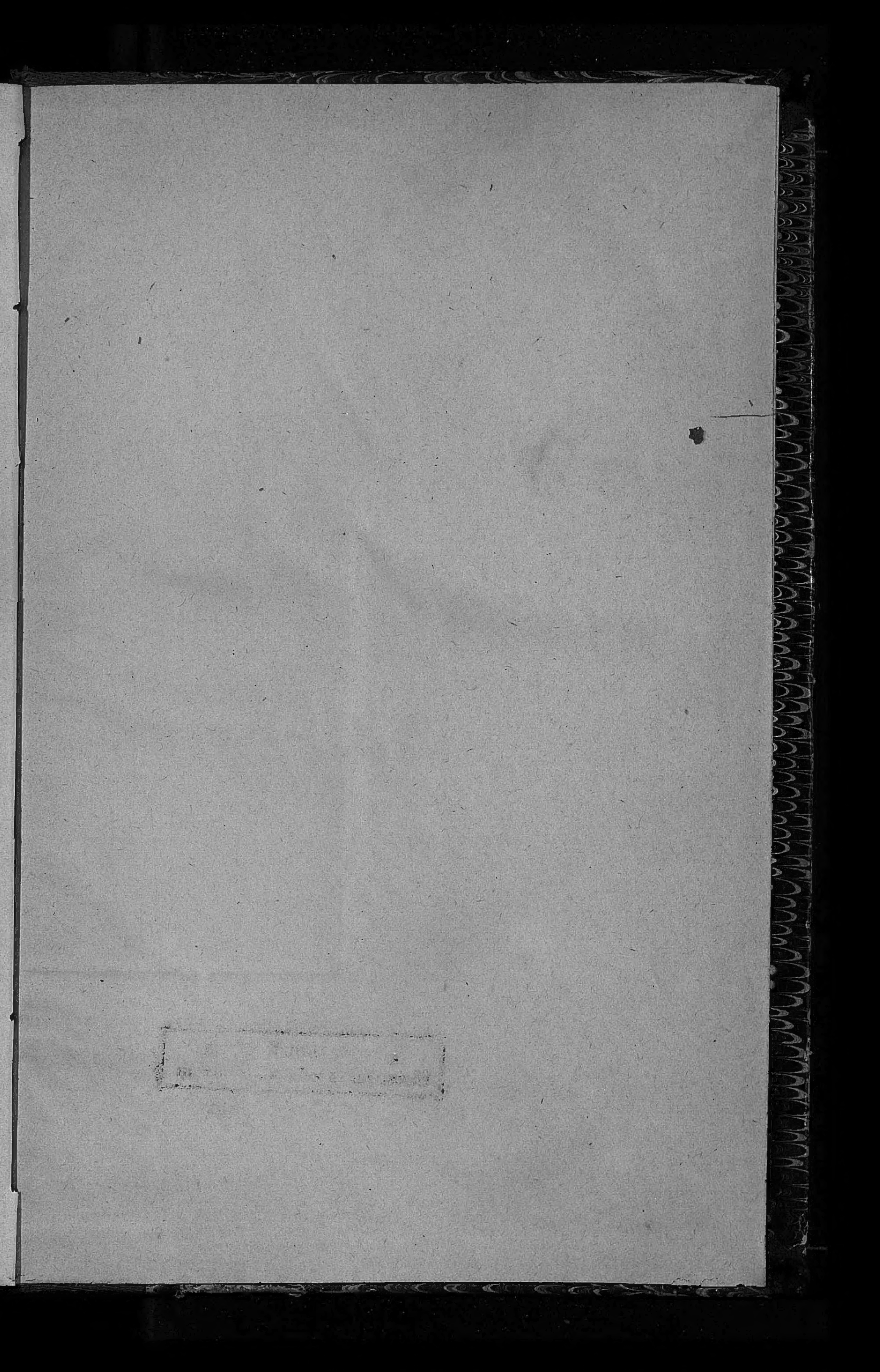
Общество извѣщаетъ, что съ 1-го іюля по 1-е августа сего 1885 года къ казначею общества поступили собранныя съ высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по подписнымъ листамъ за №№ 170 и 171 черезъ предсѣдателя уфимской губернской земской управы— 19 рублей; 2) по подписному листу № 208 черезъ Каменецъ-Подольскаго городского голову — 15 руб.; 3) по подписному листу № 53 черезъ предсѣдателя вологодской губернской земской управы — 2 руб.; и 4) по подписнымъ листамъ №№ 51 и 52 черезъ владимірскаго городского голову—8 руб. Итого сорокъ четыре рубля, а всего съ преждепоступившими—одиннадцать тысячъ пятьсотъ тридцать рублей 12 копѣекъ.

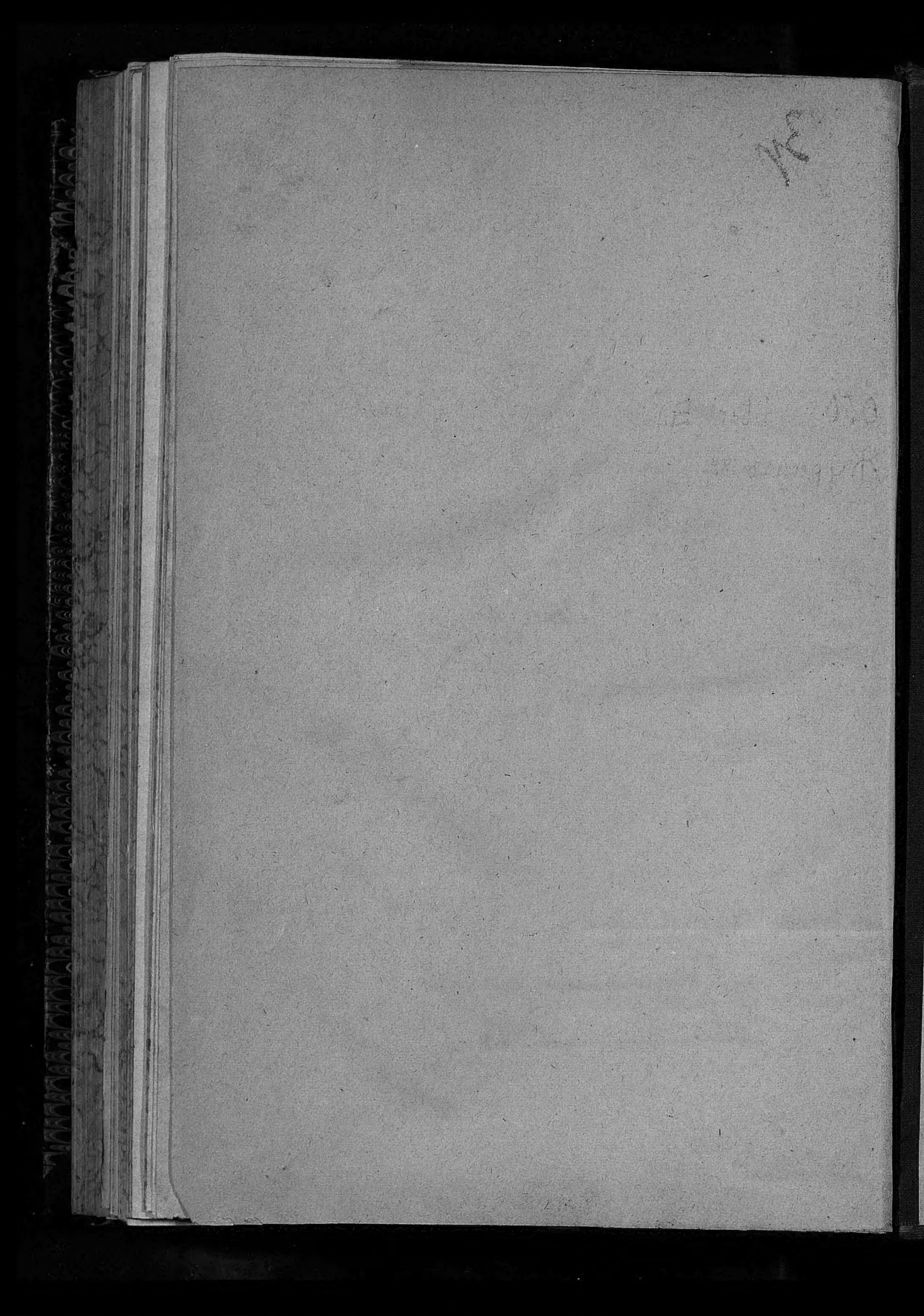


ПОПРАВКИ. Во „Внутреннемъ Обозрѣніи“ іюльской книги вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.:	*Строка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
360	10	сверху	Послѣдній правильно основанъ	Послѣдній основанъ
—	12	„	дворъ еще не играетъ	дворъ же не играетъ
361	23	„	оперируя не надъ дѣйствительными хозяйственными единицами, а надъ	оперируя надъ дѣйствительными хозяйственными единицами, а не надъ
367	7	снизу	до нѣкоторой степени и лишаетъ	и до нѣкоторой степени лишаетъ
383	13	сверху	рабочихъ, 10 часовыхъ дней	рабочихъ 10 часовыхъ дней
388	19	„	540 или 2,5 меньше	на 540 или на 2,5% меньше

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.





3р

Стасюлевичъ.

